МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 4
2016

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2016

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет
А. А. Левитская – ректор СКФУ (председатель); **Д. А. Сумской** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **В. Ш. Авидзба** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **А. В. Гладышев** – д-р ист. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **А. М. Ерохин** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **В. И. Карасик** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Крюссман** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **И. В. Крючков** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Мамонов** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Мелконян** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Л. П. Репина** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Ф. Саваи** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **Ю. Н. Старилов** – д-р юрид. наук, профессор; **О. И. Федотов** – д-р филол. наук, профессор; **Д. Д. Фролов** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия
И. В. Крючков – д-р ист. наук, профессор (председатель); **В. Ю. Апрыщенко** – д-р ист. наук, профессор; **К. Р. Амбарцумян** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **Т. А. Булыгина** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Василенко** – д-р ист. наук, доцент; **Л. Н. Величко** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Е. В. Галкина** – д-р полит. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **Е. Н. Ежова** – д-р филол. наук, профессор; **А. Г. Кибальник** – д-р юрид. наук, профессор; **И. Н. Клюковская** – д-р юрид. наук, профессор; **М. Е. Колесникова** – д-р ист. наук, профессор; **С. И. Маловичко** – д-р ист. наук, профессор; **О. И. Лепилкина** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Н. Ломтева** – д-р пед. наук, профессор; **Н. Л. Московская** – д-р пед. наук, профессор; **И. В. Мухачев** – д-р юрид. наук, профессор; **Э. С. Навасардова** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Серебряков**– д-р филол. наук, профессор; **С. В. Серебрякова** – д-р филол. наук, профессор, **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **В. П. Ходус** – д-р филол. наук, профессор; **В. В. Цыбенко** – к-т ист. наук, доцент; **Т. А. Шебзухова** – д-р ист. наук, профессор; **О. С. Шибкова** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.
Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2016

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Sumskoy D. A.** – Doctor of Law, Professor, First Pro-Rector of NCFU (vice-chairman); **Avidzba V. Sh.** – PhD in Philology, the Head of the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities of the Abkhazian Academy of Sciences; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Erokhin A. M.** – Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor; **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor (chairman); **Apryshchenko V. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Ambartsumyan K. R.** – PhD in History (executive editor); **T. A. Bulygina** – Doctor of History, Professor; **Vasilenko V. V.** – Doctor of History, Assistant Professor; **Velichko L. N.** – PhD in History, Associate Professor (executive editor); **Galkina E. V.** – Doctor of Political Sciences, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Ezhova E. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Lepilkina O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Lomteva T. N.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Moskovskaya N. L.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakov A. A.** – Doctor of Philology, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor, **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **V. V. Tsybenko** – PhD in History, Associate Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Антошук Д. В. Медицинские исследования как фактор развития морских курортов Великобритании в XIX в. 8
Балакирева Л. М. Граф Матвеев – первый президент петербургской Морской академии. 14
Гаража Н. А. Письма остарбайтеров как источник микросоциальной истории и истории повседневности Великой Отечественной войны (на материалах коллекции писем остарбайтеров в фондах Государственного архива республики Крым) 24
Гранкин Ю. Ю. Региональная специфика торговой политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII в.: экономические и политические аспекты 31
Золотарев А. Ю. Принудительные структуры охраны правопорядка в раннесредневековой Англии 37
Зверева Л. Ю. Особенности организации на территории Ставрополья милиции и органов ЧК в период установления советской власти 43
Исаев Д. П., Трапш Н. А. Управленческая элита советских и российских регионов в ракурсе трансформирующейся профессиональной идентичности 49
Калинченко С. Б. Сравнительный анализ становления системы высшего образования России и Германии в 1920-е годы 57
Каменева Г. Н. Участие женщин в строительных батальонах (стройбатах) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на материалах Юга России) 63
Клычников Ю. Ю. «Переписка о чеченце Маразбеке (Федоре Афанасьеве) и его подвигах»: эпизод из деятельности русских лазутчиков в годы «Кавказской войны» .. 69
Кудрявцев А. А. Древняя Русь в истории феодальных государств Южного Кавказа и Прикаспия в конце IX – первой половине X вв. 74
Кулинич Н. Г. Первые гастроли японского театра Кабуки в СССР 81
Лобанов К. Н. Модернизация по-турецки: идеологические основы и политическая практика «неоосманизма» 87
Лукаш М. А. Молодежный выездной туризм на Ставрополье: организация и масштабы зарубежных путешествий ставропольцев в 1970-х годах 94
Любушкина Е. Ю. Вклад представителей общественных организаций в культурное наследие Ставрополья во второй половине XIX – начале XX вв. 102
Медвенский Н. И. Боевые действия в горах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Марухское направление. II этап 107
Мутаев С. С.-А. Капиталистические новации в промышленном развитии пореформенной Чечни и Ингушетии 114
Нарежный А. И., Пятикова М. В. Участие ведомства путей сообщения и железных дорог в оказании помощи армии и населению в годы Первой мировой войны 121
Пантюхина Т. В., Садченко В. Н. Американский Красный Крест: история создания и деятельность в ситуации конфликтов и вызовов для гуманитарной деятельности (последняя треть XIX – начало XX вв.) 128
Пономарева Ю. П. Особенности служебной повседневности судебных следователей Ставропольской губернии в период преобразований середины XIX века 132
Рыкун Г. Н., Карапетян Э. В. Формирование теоретико-методологических основ истории повседневности в исторической науке 139
Смагина С. М. П. Н. Милюков и его роль в эмигрантском зарубежье (по материалам чествования его семидесятилетия. 1859–1929) 144

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галстян И. Ш. К вопросу об антикоррупционном просвещении как способе повышения правовой культуры и правосознания 153
Грабовец А. С. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте цивилистического исследования 157
Смирнов Д. А., Мельникова В. А. Мониторинг как форма государственного финансового контроля 165
Сумской Д. А., Комаревцева И. А. Особенности отечественного тестаментарного права периода феодальной раздробленности 174
Цыбаков Д. Л., Жихорев Е. Г. Взаимовлияние информатизации и международного гуманитарного права в контексте защиты национально-государственных интересов современной России 179

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борисов А. А. Маркеры толерантной коммуникации в художественном тексте как основа создания эмоционального фона произведения и их воссоздание в переводе (на материале романа П. Зюскинда «Das parfüm») 186
Борисова Т. Г. Словообразовательный тип как микросистема 191
Габисова Д. В. Причастия будущего времени в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским языком) 194
Галазов Э. Ю. Функциональное взаимодействие грамматической категории вида с другими глагольными грамматическими категориями в современном русском языке 201
Годизова З. И. Диахроническое описание смягчительного значения приставок под- и над- 208
Грязнова В. М., Швецова Я. С. Специфика художественного пространства и времени в романном творчестве М. Ю. Лермонтова 215
Гусаренко С. В. Прагматика релевантности в современном русском нарративе (на материале художественных и учебно-научных текстов) 220
Купреева И. В. Рецепция чеховской традиции российской драматургией конца XX – начала XXI веков 227
Луговая Е. А., Луговой Д. Б. Оригинал и его переводные версии как единое гипертекстовое пространство произведений жанра «fantasy» 235
Милостивая А. И. Аксиологический потенциал прямой, косвенной и несобственно-прямой речи журналистского газетного нарратива 240
Пётткер Х., Лепилкина О. И., Серебрякова С. В. Функции этномедиа в поликультурном обществе 246
Плохая Е. Е. Научная этика как манифестация принципов толерантности 251
Сидельникова Е. А. Стратегии и тактики эффективной коммуникации в профессиональной сфере 257
Ходус В. П., Сичинава В. В. «Словесная декорация»: основные терминологические и структуральные параметры 262
Страшкова О. К., Филиппова А. А. К вопросу о жанровой идентификации поэмы А. А. Шаховского «Расхищенные шубы» 268

РЕЦЕНЗИИ

Нестеров А. С. Вопросы региональной культурологии и искусства. Научный альманах. Выпуск 2. Художественная жизнь Ставрополья: история и современность. Ставрополь: СКФУ, 2015. 176 с. 275

Информация об авторах 279

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Antoshuk D. V. Medical studies as a factor in seaside resorts development in the UK in the XIX century 8
Balakireva L. M. Count Matveev – the first president of the St. Petersburg naval academy 14
Garazha N. A. Ostarbeiters letters as a source of micro social history and the history of everyday life of the Great Patriotic war (on materials of the collection of ostarbeiters letters in the funds of the state archive of the Republic of Crimea) 24
Grankin Yu. Yu. Regional peculiarities of the Russian Empire trade policy in the North Caucasus in the XVIII century: economic and political aspects 31
Zolotarev A. Yu. Coercive police structures in Anglo-Saxon England 37
Zvereva L. A. Peculiarities of organization of police and emergency committee's organs in the Stavropol region during the period of the soviet regime establishment 43
Isaev D. P., Trapsh N. A. Managerial elite of Soviet and Russian regions from the perspective of transforming professional identity 49
Kalinchenko S. B. Comparative analysis of the formation of the system of higher education in Russia and Germany in 1920 57
Kameneva G. N. Participation of women in construction battalions during the Great Patriotic war (1941-1945) (on materials of the South of Russia) 63
Klychnikov Yu. Yu. "The correspondence about the Chechen Marasbeck (Theodor Aphanasiev) and his exploits": the episode of the Russian spies activities in the years of Caucasian war 69
Kudryavtsev A. A. Ancient Rus in the history of the feudal states of the South Caucasus and Caspian region in the end of IX – first half of X c. 74
Kulinich N. G. The first tour of the Japanese kabuki theater in the USSR 81
Lobanov K. N. Modernization in Turkish manner: ideological foundations and political practice of «neo-ottomanism» 87
Lukash M. A. The Stavropol youth international travel: organization and the scope of the international travel of Stavropol youth in 1970s. 94
Luybyshkina E. Yu. The contribution of representatives of public organizations in the cultural heritage of Stavropol in the second half of XIX – beginning of XX centuries 102
Medvenskiy N. I. Combat operations in mountainous areas of Abkhazia during the battle for the Caucasus of 1942–1943. Marukh direction. II stage 107
Mutaev S. S.-A. Capitalist innovations in the industrial development of the post-reform Chechen and Ingush territory 114
Narezhny A. I., Pyatikova M. V. Participation of railway department and railways in assisting the army and population during the First world war 121
Pantyukhina T. V., Sadchenko V. N. American Red Cross: the history of its foundation and activities in situations of conflicts and humanitarian challenges (the last third of XIX – early XX centuries) 128
Ponomareva Yu. P. Judicial investigators of Stavropol province and everyday professional acivity 132
Rykun G. N., Karapetyan E. V. The formation of theoretical and methodological foundations of the history of everyday life and livelihoods of the society in historical science 139
Smagina S. M. P. N. Milyukov and his role in emigration (on the materials of the celebration of his seventieth anniversary. 1859–1929) 144

LEGAL SCIENCES

Galstyan I. Sh. On the issue of anti-corruption education as a way of improving the legal culture and legal consciousness 153
Grabovets A. S. The mechanism of legal regulation in the context of civil law studies 157
Smirnov D. A., Melnikova V. A. Monitoring as a form of state financial control 165
Sumskoy D. A., Komarevtseva I. A. Features of the Russian testamentary law of the feudal period 174
Tsybakov D. L., Zhikhorev E. G. The mutual influence of information and international humanitarian law in the context of protection of national interests of modern Russia 179

PHILOLOGICAL SCIENCES

Borisov A. A. The markers of tolerant communication in fiction as the basis for emotional background of a literary work and the ways to convey them in translation (based on «Das parfüm» by P. Süskind) 186
Borisova T. G. Word-formation type as a microsystem 191
Gabisova D. V. The future tense participles in the modern Ossetian language (compared with the Russian language) 194
Galazov E. Yu. Functional interaction of the verb category of aspect and other grammatical categories in the modern Russian language 201
Godizova Z. I. Diachronic description of prefixes pod- and nad- attenuative meaning 208
Gryaznova V. M., Shvetsova Y. S. Specificity of the space and time in M. Yu. Lermontov's novel art 215
Gusarenko S. V. Pragmatics of relevance in modern Russian narrative (on literary and educational scientific texts) 220
Kupreeva I. V. Reception of Chekhov's tradition by Russian drama in the end XX – begining XXI centuries 227
Lugovaya E. A., Lugovoy D. B. The original and translated versions as a whole hypertext space in the works of fantasy genre 235
Milostivaya A. I. Axiological potential of direct, indirect and free indirect speech in journalistic newspaper narrative 240
Poettker H., Lepilkina O. I., Serebriakova S. V. Ethnomedia functions in polycultural society 246
Plokhaya E. E. Scientific ethics as a manifestation of tolerance principles 251
Sidelnikova E. A. Strategies and tactics of effective communcation in professional sphere ... 257
Khodus V. P., Sichinava V. V. "Verbal scenery": basic terminology and structural parameters ... 262
Strashkova O. K., Filippova A. A. On genre identification of poem of A. A. Shahovskoy "The stolen fur coats" 268

REVIEW

Nesterov A. S. Issues of regional cultural studies and the arts. Scientific almanac. Issue 2. Art Stavropol life: history and modernity. Stavropol: NCFU, 2015. 176 p. 275

Information about the authors 282

УДК 94 (410).07,08

Д. В. Антошук

МЕДИЦИНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МОРСКИХ КУРОРТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XIX в.

В статье анализируются ранние медицинские исследования климата приморской зоны Великобритании. Автор фокусирует внимание на таких аспектах, как целебные свойства воды, воздуха и других природных элементов взморья. В работе продемонстрированы данные медицинских изысканий о влиянии климатических факторов на излечение определенных заболеваний. На основе этих данных определялась лечебная специализация приморских территорий. Автор приходит к выводу об определяющем влиянии медицинских исследований на развитие британских морских курортов в XIX в.

Ключевые слова: медицина, заболевание, климат, морской курорт, здоровье, лечение, атмосфера, морские купания.

D. V. Antoshuk

MEDICAL STUDIES AS A FACTOR IN SEASIDE RESORTS DEVELOPMENT IN THE UK IN THE XIX CENTURY

The paper features the analysis of early medical studies of UK coastal zone climate. The author focuses on such aspects as the healing properties of water, air and other natural elements of the seaside. The paper demonstrates the data of medical surveys on the impact of climatic factors on treatment of certain diseases. These data determined the therapeutic specialization of the seaside areas. The author concludes that medical studies had decisive influence on the development of the UK seaside resorts in the XIX century.

Key words: medicine, disease, climate, seaside resort, health, treatment, atmosphere, sea bathing.

XIX век в Британии стал эпохой формирования и развития приморского курортного туризма. Небольшие рыбацкие деревушки начала века к его концу превратились в популярные шумные города, обслуживающие население целых регионов. Можно сказать, что морской отдых стал самой популярной формой туризма, с которой не могли сравниться ни выезды на природу, ни историко-культурные туры, ни круизы в экзотические страны. В 1890-е гг. значительная часть населения, включая средние классы, рабочих и их семьи, периодически или регулярно совершала выезды к морю. Морские курорты фактически вытеснили с рынка «курорты на водах», невероятно популярные в XVIII в. Харрогейт, Эпсон, Бат, Бакстон, Тэнбридж Уэлс становились старомодными местами, куда приезжали джентри, отставные военные и часть среднего класса. Причин оттока туристов из этих мест было много: растущая доступность морских курортов, более широкие возможности для развлечений, их большая гибкость по отношению к потребностям различных социальных и возрастных групп, чем спа-курортов. Однако на раннем этапе формирования приморских курортов одним из основных факторов их динамичного роста и изменений приоритетов населения в местах отдыха был тот, который в свое время способствовал развитию курортов на водах, – желание излечить болезни и сохранить здоровье. Забота о здоровье, предполагавшая размеренный ритм жизни, свежий воздух и физическую активность, правильное питание, в конце XVIII–XIX вв.

стала рассматриваться как обязанность человеческой личности по отношению к себе. Развитие медицинских знаний оказывало непосредственное влияние на образ жизни и привычки англичан.

В XVIII в. главным предметом интереса медиков были минеральные источники и их потенциал в излечении тех или иных заболеваний. С развитием медицины расширился охват исследований, включив в себя многие другие факторы влияния на здоровья, и морские курорты стали центром внимания медиков. Представления о терапевтической ценности морских курортов менялись постоянно в зависимости от фокуса медицинских исследований.

Наиболее ранние работы в этой области были исследованиями влияния морской воды на организм человека. Мода на принятие вод минеральных источников вела к поиску целебных элементов в морской воде. Самым известным исследованием такого рода стала изданная в 1752 году работа доктора Ричарда Рассела «Исследование по использованию морской воды». Проведя исследования воды в Брайтоне, Рассел заключил, что она намного полезнее минеральной воды и может значительно успешнее лечить человеческие хвори. Он предлагал разные способы использования морской воды, включающие в себя не только купание в море, но и обильное ежедневное ее питье. По мнению Рассела, морская вода могла исцелить любые болезни, в том числе считавшиеся неизлечимыми. Его книга стала бестселлером, она неоднократно переиздавалась, на нее часто ссылались в течение последующих ста лет [1, с. 62].

В 1820-х гг., правда, уже можно видеть сомнения в благотворности питья морской воды. Постоянный посетитель Саутпорта Томас Кирклэнд Глейзбрук, например, отмечал, что практика потребления больших количеств морской воды чрезвычайно вредна для здоровья из-за раздражения желудка и кишечника, вызванного присутствующим в воде селенитом, плавающими частицами водорослей и хлористой содой [3, p. 106]. Однако в обществе в целом представления о морской воде как средстве, ниспосланном самой природой для исцеления болезней, оказались стойкими, и питье морской воды продолжалось в течение не одного десятилетия. Например, в 1860 г. доктор Томпсон убежденно рекомендовал питье и клизмы из морской воды как лучшее средство от глистов, предупреждая, однако, что следует отплывать как можно дальше от берега, чтобы набираемая воды была максимально чистой [9, p. 30]. Старые убеждения вымирали с трудом. Даже в 1880 г. рассказывали историю об абсолютно слепом человеке, который, выпивая большие количества морской воды и купаясь ежедневно в Блэкпуле, вполне восстановил свое зрение [4, p. 38].

Более жизнеспособными оказались идеи о пользе морских купаний. В начале XVIII века врач Джон Флойер зафиксировал лечебный эффект от купаний в холодной воде, наблюдая за состоянием здоровья деревенских жителей, живущих по соседству с ним, которые часто плавали в местной речке. Он опубликовал «Историю купаний в холодной воде, древнюю и современную» (1702), объединившую религиозные представления об очистительной и исцеляющей силе воды и научные свидетельства. За ним последовали многочисленные медицинские исследования, отчеты о влиянии погружений в теплую и холодную воду на излечение тех или иных заболеваний и просто на сохранение здоровья [7, p. 48–49]. Гидротерапия становилась чрезвычайно популярной и погружение в воду стало практикой на морских курортах.

Морские купания изначально воспринимались как терапевтические погружения. «Холодные купания» в море прописывались в случаях лихорадки, брюзгливости, слабости и нервных симптомах, при золотухе, увеличенных гландах, как стимулирующее средство для органов пищеварения, а также они рекомендовались как общеукрепляющее средство для здоровых людей. На протяжении большей части XIX в. медики рекомендовали относиться к купанию в море как к лечебной процедуре, а не к развлечению. В сознании англичан начала и середины XIX в. морские купания являли собой аналог водных процедур на спа-курортах и далеко не всегда воспринимались как нечто приятное из-за холодной воды и открытого пространства. Погружение в «целительные волны» пугало нервных или физически ослабленных больных, особенно женщин [10, p. 10].

Перед поездкой на море рекомендовалось посещение врача, чтобы убедиться, что морские купания показаны организму. Советы, даваемые медиками потенциальным ку-

рортникам, изобиловали запретами: нельзя бросаться в море непосредственно после приезда, поскольку поездка утомляет организм и он ослаблен, начинать купаться можно только на следующий день; нельзя входить в воду усталым или переутомленным; нельзя оставаться в воде слишком долго, особенно в первые дни, достаточно 2–3 минут или даже одного погружения, постепенно можно увеличивать время до 7–8 минут; нельзя купаться до завтрака; нельзя купаться с полным желудком (после обеда должно пройти не менее трех часов). Пожилым людям (а в реальности уже после 40 лет) не рекомендовались купания в открытом море, либо разрешались лишь в присутствии еще одного человека [9, p. 19–28].

В тех случаях, когда купание в холодной морской воде на открытом воздухе вызывало стресс, рекомендовались прохладные (от 75 ^{0} до 80 ^{0}F) или теплые (98 ^{0}F) ванны с морской водой. При этом температуру ванн либо рекомендовали сохранять постоянной в течение всего курса оздоровления, либо постепенно снижать, доводя до температуры воды в открытом море, таким образом мягко подготавливая отдыхающего к купаниям в море [9, p. 28].

Впоследствии обратили внимание на то, что энергичная активность во время погружений в море многократно увеличивала ценность морских купаний. «Благоразумные морские купания» стали включать элемент плавания. Оно не было чем-то новым для мужской части британцев, однако медицинское внимание к нему было привлечено только в XIX в. Руководства подчеркивали лечебные преимущества плавания, возникающие от «стимулирования лимфатических узлов, печени и брюшной циркуляции» [4, p. 41].

Мнение о пользе морского воздуха утвердилось примерно в то же время, что и о пользе морской воды, – в середине XVIII в. В 1771 г. доктор Даунмен, известный врач из Эксетера, опубликовал дидактическую поэму, заявляя, что места, подобные Эксетеру, имеют «нездоровую атмосферу, полную источников скрытых болезней», и что дым загрязняет ее «темнеющей струей яда и плодит смерть». Он советовал больному сбежать из «переполненного города..., этого двора смерти, где каждый порыв ветра испорчен загрязнением» и посетить Долиш, где, обратив свое бледное лицо к «освежающему бризу» и «вдыхая соленые брызги», он мог надеяться на улучшение здоровья [10, p. 10–11].

В XIX в. исследования морского воздуха получили новый импульс. Морской воздух постепенно утверждался как главный медицинский ресурс приморских курортов, кардинально отличающий их от внутренних территорий страны. Комбинация кислорода, озона и морских солей в воздухе со временем стали представляться более эффективным средством, чем соли морской воды [1, с. 35–36]. Все без исключения авторы признавали пользу воздуха не только для пациентов с ослабленными органами дыхательной системы, но и благотворный эффект на состояние человека в целом и на облегчение течения других заболеваний: «морской воздух в наивысшей степени обладает теми характеристиками, которые стимулируют и дают здоровье крови, а через нее – всей телесной системе, тому, что составляет жизнь» [9, p. 31]. Подчеркивалось, что «наиболее благотворный эффект для очищения крови» производится сочетанием физической активности, будь то пеших прогулок или игр, и свежим морским воздухом [4, p. 40].

Исследования воздуха были частью развития климатотерапии – использования климата для излечения болезней. Изучалось влияние таких климатических факторов, как ветры, почвы, осадки на состояние здоровья человека. Первоначально эти климатические факторы представлялись вторичными, обеспечивающими полезные свойства воды и воздуха. Вот, к примеру, описание 1826 г.: «Побережье в и поблизости от Саутпорта не имеет глиняной прослойки, а все состоит из песка, который является прекрасным абсорбентом, предотвращающим застой воды или вредные испарения. ... И только по этой причине зимой здесь необыкновенно целебный воздух, всегда чистый, свежий и сухой. Хорошая вода также изобилует здесь во все времена... Некоторыми она считается слегка мочегонной, что скорее добавляет ей пользы для здоровья, фактически, проходя через обширный слой песка, она не может быть не чистой» [3, p. 108].

Впоследствии, особенно во второй половине XIX в., внимание к другим составляющим климата усилилось. Например, Королевская медицинская и хирургическая комиссия 1895 г., целью которой было изучить терапевтическую ценность климата

различных курортов Великобритании, принимала во внимание значительно большее разнообразие факторов: среднее атмосферное давление, наивысшую температуру воздуха в месяце, низшую температуру месяца, ежемесячный разброс температур, среднюю температуру месяца, среднюю влажность месяца, ветер, дождь, количество облаков, количество солнечного света [2]. Последний аспект в это время уже полагался достаточно важным. Излечение многих болезней дыхательной системы, и прежде всего туберкулеза, включало в себя пребывание на солнце, и врачи в это время нередко рекомендовали чахоточным больным сочетать свежий морской воздух с пребыванием на солнце [1, с. 41]. С 1896 г. в Германии Адольф Юст начал вводить культ воздушных и солнечных ванн. Однако до 30-х гг. XX в. гелиотерапия не являлась главным фактором, привлекающим отдыхающих на побережье.

Влияние погодных изменений на настроение и самочувствие человека служило доказательством тесной связи человека и природы. Во второй половине XIX в. можно говорить даже о климатологическом детерминизме. Существовало представление о некоем гомеостазе, человек и природа рассматривались как части единой саморегулирующейся биологической системы. Хорошее здоровье объяснялось сохранением динамического баланса между внутренними и внешними процессами. Распространялись убеждения, что наиболее сильно на человека влияет климат местности, где он родился и вырос. «Не сама ли Природа адаптировала конституцию человека к его родному климату?», – вопрошал Томас Берджес в 1850 г. «Согласуется ли с законами Природы то, что человек, родившийся в Англии и болеющий чахоткой, может быть вылечен в иностранном климате?» [5, p.150]. Доктор С.Томпсон напоминал своим читателям, что описываемые в его работе благотворные результаты пребывания на курорте относятся к морским курортам Великобритании, поскольку «купание в теплом или горячем климате и в относительно теплом море очень отличается от холодного воздуха и воды наших северных широт» [9, p. 35].

Идея «родного климата» была чрезвычайно важна для развития внутреннего британского морского туризма и британских курортов. Врачи анализировали различные приморские зоны, климат и воздух там и решали, какая зона является наиболее подходящей для лечения того или иного заболевания. Книга С. Томпсона «Оздоровительные курорты Британии и как извлечь пользу из них» (1860 г.) была одной из первых популярных работ по теме, в которой рассматривались оздоровительные возможности всех приморских регионов Британии, от Блэкпула до Брайтона. Доктор Томпсон условно выделял четыре «зоны здоровья» в Англии в соответствии с их климатическими условиями.

Южная зона здоровья, от Темзы до Северна, характеризовалась мягкостью и влажностью, относительно теплыми зимами с периодическими холодными северными и восточными ветрами. Океанские течения делали климат зоны все более теплым и влажным ближе к западу региона. Температура этой зоны была менее подвержена суточным и сезонным колебаниям, чем во внутренних регионах. Ночные температуры были теплее, чем в Лондоне, зимой средняя температура на $2–4^0$ выше, чем в Лондоне, а летом – на $1–2^0$ ниже, что делало курорты благоприятными как для зимнего, так и для летнего отдыха. В этой зоне располагалось большинство известных британских курортов: Брайтон, Сент-Леонардс, Гастингс, Андерклифф, Торквей, Клифтон, Дувр, Рамсгейт, Маргейт, Бродстерс, Фолкстон. Близость к столице, красивые пейзажи, широкие возможности для отдыха делали эту курортную зону самой популярной [9, p. 54–56].

Север Англии – еще одна зона, выделяемая С.Томпсоном. Это туристский регион, хотя и расположен он на горных северных территориях. Климат этого региона различался в зависимости от ландшафта, но близость моря сглаживала различия и, особенно к западу, делала климат более мягким и влажным. Береговая линия этого региона протяженная, более обрывистая и живописная, чем во многих других местах. Северная зона охватывала два морских побережья. Наиболее известными курортами восточного побережья являлись Скарборо, Бридлингтон, Файли, Уитби; западного – Нью-Брайтон, Эгремонт, Ватерлоо, Сифорт, Саутпорт, Литам, Блэкпул, Флитвуд, Моркэмб. Оба побережья усеяны и более мелкими курортными точками [9, p. 60–61].

Западная зона здоровья, от Северна до Мерси отличалась разнообразным ланд-

шафтом, от плодородных средних графств Англии до горных регионов и изрезанной береговой линии Уэльса. Это район летних посещений туристов, зимние поездки, как правило, кратковременные. Отсутствие железных дорог в этом регионе ввиду инженерных трудностей сделало его курорты «тихими местами красоты в первозданном уединении» [9, p. 57].

Мидлендская зона здоровья простиралась на большей части средней и восточной Англии. Ее территория велика, но морское побережье намного меньше, чем в других регионах. Климат зоны довольно суровый, и зима и весна представляли не лучшее время для отдыха здесь, хотя в юго-западной части преобладал более мягкий воздух и более ранние весны. В то же самое время по всей территории региона разбросаны минеральные источники. Лоустофт, Кромер, Ярмут были самыми известными приморскими курортными местами этой зоны [9, p. 58–59].

К четырем английским Томпсон прибавлял еще шотландскую зону здоровья – Южную Шотландию, объясняя это тем, что ее горы, озера и реки являлись настоящими местами здоровья и привлекали множество посетителей. И хотя Шотландия не имела крупных популярных курортов, на ее территории было разбросано множество небольших курортных городков и поселений [9, p. 61–62].

Медики определяли климатическую специализацию курортов Великобритании. Так, самый известный курорт, Брайтон, рекомендовался как лучшее место излечения болезней дыхательной системы, прежде всего чахотки и астмы, а также для помощи при заболеваниях нервной системы.Брайтон являлся местом и летнего, и зимнего отдыха. Однако ветреные и не очень мягкие зимы, иногда со снегом и морозом, делали его не лучшим местом для длительного проживания пациентов с подагрой, ревматизмом, параличом (только на ноябрь-декабрь); чувствительных к перемене погоды. Климат Брайтона различался в разных частях города. Это, с одной стороны, накладывало ограничения на посещения больных, особенно серьезно больных, с другой стороны, разнообразило возможности курорта: «Бодрящие и укрепляющие качества воздуха центральной и восточной частей Брайтона чрезвычайно полезны тем, чье здоровье страдает от слишком большой посвященности работе, длительного проживания в столице или от других причин; так же, как и большинству выздоравливающих... Для чувствительных людей и для тех, кто страдает от хронических воспалительных поражений воздушных проходов, так же как и там, где есть тенденция к легочным заболеваниям, западные скалы и скверы наиболее предпочтительны зимой. С другой стороны, пациенты с золотухой или те, у кого апатия и вялая циркуляция, получат больше пользы, проживая в восточном квартале» [6, p. 229].

Данной категории больных рекомендовали также небольшой курортный городок Уэртинг, находившийся в 14 милях от Брайтона [6, p. 231]. Бодрящий и тонизирующий климат Дувра, близкий брайтонскому, рекомендовался при тех же заболеваниях, однако для пребывания легочных больных из-за отсутствия защищенных мест для прогулок он не подходил [6, p. 263].

Более мягкий и влажный климат Саутгемптона, укрытого холмами от холодных ветров, считался особенно целебным для ослабленных и чувствительных пациентов, особенно для женщин, детей и пожилых людей. Саутгемптон рекомендовали для лечения воспалительных процессов, при подагре и ревматических заболеваниях. Так же, как и Дувр, из-за недостатка мест для прогулок он считался неподходящим для лечения заболеваний бронхов, хотя климат для таких пациентов был благоприятен. Но медики отмечали здесь проблемы у пациентов с нарушениями пищеварительной системы [6, p. 238].

Более прохладный Сент-Леонардс был идеальным местом для тех больных, которым требовалась бодрящая атмосфера, для пациентов, страдающих золотухой и несварением желудка, при болезнях нервной системы, расстройствах общего состояния здоровья [6, p. 256]. Схожий в климатическом отношении Сандгейт рекомендовался людям, страдающим от хронических бронхитов и ларингитов и проблем с общим состоянием здоровья, при которых показаны тишина и уединение в терпимо мягком климате [6, p. 265].

Саутпорт, который называли «Монпелье Англии», известный сухим чистым воздухом, предлагал излечение туберкулеза на ранней стадии, железистых опухолей у детей, золотухи. Высокое качество питьевой воды способствовало исцелению заболеваний печени. В целом, пребывание на этом курорте предписывалось ослабленным людям для

восстановления здоровья, силы и энергии [3, p.107].

Рамсгейт, с его легкими бризами и сухой почвой, считался прекрасным летним курортом. Зимой же из-за холодных северных ветров его не рекомендовали лицам, предрасположенным к легочным заболеваниям. Полагалось, что климат Рамсгейта особенно хорошо подходит нервным и ослабленным больным, которым необходима бодрящая атмосфера [11, p. 216].

Мягкий и средней влажности климат Гастингса предлагался тем, «у кого постоянно наблюдается возбудимость системы, отмечаемая ускорением пульса, лихорадочностью, нервной раздражительностью, и часто наблюдается короткое угнетенное дыхание, терзающий кашель и расположенность к рецидивам кровохарканья» [6, p. 250]. В целом, врачи рекомендовали курорты юго-восточного побережья при раздражительности и перевозбуждении состоянии, а южного – при вялости и апатии.

Расположенный в бухте и окруженный вечнозелеными растениями и вересковыми пустошами Борнмут, с многочисленными тропинками и укромными уголками, считался «одним из лучших климатов» в Англии. Особенно рекомендовался он детям и пожилым людям, тем, кто долго жил в жарком климате и плохо переносил холод и сырость, преобладавшие на большей части Британии, а также «ослабленным молодым люди, чья нежная и деликатная конституция, хотя и не затронутая реальным заболеванием, является постоянным источником опасений и беспокойств для их родителей» [6, p. 272]. Зимой мягкий и сухой климат Борнмута рекомендовали на начальной или хронической стадии легочных заболеваний.

Таким образом, можно говорить о том, что в конце XVIII–XIX вв. были заложены научные основы приморского курортного туризма. Анализировались целебные свойства климата приморских городов, их влияние на излечение определенных заболеваний, были определены зоны, благоприятные для лечения того или иного недуга. Некоторые курорты стали широко известными именно благодаря проживавшим в них медикам. Так, Брайтон после публикации работы Р. Рассела в считанные десятилетия из уединенного места, о котором можно было сказать, что «главной неприятностью в нем было отсутствие разговора», превратился в «Лондон у моря» [1, p. 62; 11, p. 8]. Врача королевы Виктории, сэра Джеймса Кларка, отстаивавшего непревзойденные целительные качества хвойных массивов Борнмута, называли «одним из величайших благодетелей Борнмута» [8, p. III].

Медицинские исследования определили развитие курортов в XIX в. В соответствии с медицинскими установками курорты формировали собственный имидж и ориентировались на определенную целевую аудиторию. В середине века морские зоны отдыха активно позиционировали себя как «курорты здоровья». Они обращались в первую очередь к самосовершенствующимся средним классам, а впоследствии и к рабочим. То, что пребывание на курорте приносило благо здоровью, оставалось центральным компонентом курортной пропаганды даже в последней четверти XIX в., когда поездки на море ради удовольствия и развлечений вытеснили поездки за здоровьем. В своих обращениях курорты приветствовали городских жителей фактически как беженцев из загрязненных городских условий и обещали им возможности для релаксации в здоровом окружении. Заявлялись претензии на исключительные качества очищающей и тонизирующей их окружающей среды, превосходящие прочие курорты. Курортная реклама эксплуатировала авторитет медицины, который был невероятно высок в рациональном обществе XIX в. Доверие людей к научным знаниям обеспечивало пристальное внимание к феномену морского отдыха и становилось залогом успеха курортной пропаганды.

Источники и литература

1. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. М.: Новой литературное обозрение, 2009. 421 с.
2. The Climates and Baths of Great Britain, being the Report of a Committee of the Royal Medical and Chirurgical Society of London / W.M. Ord (chairman), A.E. Garrod (hon. secretary). V.I. L. - N-Y.: MacMillan & Co. 1895. 640 p.
3. Glazebrook T. K. A Guide to Southport North Meols in the County of Lancaster: with an Account of the Places in its Immediate Neighbourhood. L.: Longman, Rees, Orme, Brown& Green, 1826. 176 p.
4. Hassan J. The seaside, health and the environment in England and Wales since 1800. Aldershot: Ashgate, 2003. 309 p.

5. Jankovic V. Gruff Boreas, Deadly Calms: A Medical Perspective on Winds and the Victorians // The Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 13, 2007. Pp. 147- 164
6. Lee E. The Watering Places of England; with a Summary of their Medical Topography and Remedial Resources. L.: John Churchill, 1859. 339 p.
7. Lykke Syse K. V.aIdeas of Leisure, Pleasure and the River in Early Modern England / Perceptions of Water in Britain from Early Modern Times to the Present: An Introduction / ed. by Karen V. Lykke Syse & Terje Oestigaard. Bergen: BRIC Press, 2010. 145 p.
8. Mate Ch.H., Riddle Ch. Bournemouth: 1810-1910. The History of a Modern Health and Pleasure Resort. Bournemouth: W. Mate & Sons, Ltd., 1910. 292 p.
9. Thomson S. Health Resorts of Britain; and How to Profit by Them. L.: Ward & Lock,1860. 330 p.
10. Travis J.F. The Rise of the Devon Seaside Resorts, 1750-1900. Exeter: University of Exeter Press, 1993. 239 p.
11. The Watering Places of Great Britain and Fashionable Directory Illustrated with Views. L.: Joseph Robins, 1833. 216 p.

References

1. Gray F. Istorija kurortov: arhitektura, obshhestvo, priroda (Designing the Seaside: Architecture, Society and Nature). Moscow: New Literature Review, 2009. 421 p. (In Russian).

УДК 3-05=161.1(045)»4»(47-15)(=084)-051

Л. М. Балакирева

ГРАФ МАТВЕЕВ – ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОРСКОЙ АКАДЕМИИ

В данной статье рассматривается начальный период истории санкт-петербургской Морской академии, а также роль графа А. А. Матвеева в деле её становления. Особое внимание уделено правовым основам деятельности названного учебного заведения, его структуре, особенностям подбора педагогического состава и изучаемых дисциплин в контексте задач, поставленных петровскими реформами. Кроме того, анализируются межличностные отношения, сложившиеся в руководстве академии, и их влияние на образовательный процесс.

Ключевые слова: петровские реформы, Морская академия, граф А. А. Матвеев, новые принципы управления.

L. M. Balakireva

COUNT MATVEEV – THE FIRST PRESIDENT OF THE ST. PETERSBURG NAVAL ACADEMY

This article covers the initial period of the history of St.-Petersburg Naval Academy, as well as the role of count A. Matveev in its formation. Special attention is paid to the legal basis of activities of these educational institutions, its structure, features of selection of teaching staff and of the disciplines in the context of the objectives of the Peter's reforms. In addition, the interpersonal relations, developed in the leadership of the Academy, and their impact on the educational process analyses in this article.

Key words: Peter's reforms, Naval Academy, the count A. A. Matveyev, new principles of management.

О деятельности графа А. А. Матвеева до сих пор написано очень мало, о его личности – практически ничего. Известно только, что в самые тяжелые годы Северной войны он трудился в ранге посла, отстаивая российские интересы в Гааге, Лондоне, Париже,

Вене; что в декабре 1717 г. Петр I назначил его президентом Юстиц-коллегии, поручив создать невиданную доселе в России систему судов, отделенных от администрации. И если дипломатическая карьера графа все же нашла отражение в историографии [7], то его служба на поприще юриспруденции практически не освещена. Почти то же самое можно сказать и об эпизоде, связанном с пребыванием А.А. Матвеева на посту президента петербургской Морской академии.

В наиболее полном объеме данные об этом периоде жизни графа имеются у С. М. Соловьева, но он ограничился лишь описанием ссоры А. А. Матвеева с директором академии бароном де Сент-Иллером [14]. Остальные авторы, начиная с В. О. Ключевского, только упоминают графа как президента одного из первых специализированных военных учебных заведений, не приводя никаких подробностей, связанных с его деятельностью. Да и сами суждения о первых годах существования Морской академии отличаются чрезвычайной краткостью, разноречивым толкованием многих вопросов, начиная от способов, принципов комплектования контингента учащихся и преподавательского состава до перечня изучаемых дисциплин и уровня преподавания [2, с. 221–222, 227].

Данная статья является попыткой хотя бы отчасти осветить начальный период истории Морской академии и показать ту роль, которую сыграл граф А. А. Матвеев в деле становления названного учебного заведения. Источниками послужили законодательные акты, вошедшие в 1-е издание Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ); письма, мемориалы и челобитные А. А. Матвеева, Л. В. де Сент-Иллера и других лиц, сохранившиеся в фондах № 9 «Кабинет Петра I и его продолжение», № 160 «Письма и прошения разных лиц» Российского Государственного архива древних актов (РГАДА).

Датой основания петербургской Морской академии (первоначально располагалась на Дворцовой набережной в доме А. Кикина [6, с. 71]) считается 1 октября 1715 г., когда Петром I была подписана «Инструкция Морской академии в Санкт-Петербурге» (автор неизвестен). Документ представляет собой свод правил внутреннего распорядка. Сведений о содержании учебного процесса инструкция не дает, но детально расписывает способ его организации и позволяет «увидеть» те трудности, с которыми воспитатели нового поколения сталкивались ежедневно. Весьма любопытным текст делают также собственноручные пометы Петра I.

Итак, занятия в академии предписывалось начинать «по вся утры в седьмом часу» с 1 октября по 30 апреля, «и от шестого часа поутру» с 1 мая до 30 сентября (время их окончания не определялось). Кадеты собирались «в зале, которая определена будет», сначала для молитвы, затем начинались «экзерциции». Учащимся следовало вести себя «со всяким почтением и со всевозможной учтивостью» как по отношению друг к другу, так и «учителям профессорам»; нести караульную службу в академии; «быть всегда чисту как в платье, так и в белье», «попечение иметь... о ружье». Строго запрещалось шуметь, «ниже время провождать разговором с другим во время экзерциций»; отлучаться из академии; прогуливать уроки. За нанесенную «злостно» рану, ненадлежащее исполнение обязанностей часового виновные подлежали аресту; «отставшие» от службы без позволения Петра, подлежали военному суду как дезертиры.

«Учителям профессорам» Петр I указал «быть в Академии в те же вышеозначенные часы и ... обучать Морскую Гвардию всему, что к их чину принадлежит, со всяким прилежанием». Царь «заповедует всем мастерам, профессорам ничего не брать с Морской Гвардии прямым, ниже посторонним образом, под штрафом вчетверо оное возвратить... И ежели ... во оное погрешение впадут, под телесным наказанием» [8].

Кроме штатских преподавателей учебный процесс обеспечивали строевые офицеры. Согласно инструкции, им «долженствует по вся дни строем идти», сопровождая гвардейцев по утрам на занятия. Утром же дежурному офицеру предписывалось совершать очередной суточный развод караулов. В его обязанности также вменялся надзор за правильным несением караульной службы и «надсмотрение», чтобы «в академии пьянства, божбы, ниже богохуления, не чинили» [8].

Возглавлял Морскую академию директор. Ему вместе со старшим офицером академии инструкция повелевала «по все дни быть в залах или школах Морской Гвардии и смотреть: что учители профессоры, каждой

ли по должности своей исправляет? и обучает ли Морскую Гвардию? что они знают по всей науке? и что Морская Гвардия, по должности своей прилежит ли?» Директору же докладывали обо всех происшествиях, случавшихся во вверенном ему учебном заведении; о самых серьезных он должен был сообщать генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину (или заместителям). Директор имел право отпустить (на время – *Л. Б.*) кадета из академии, если названные заинтересованным лицом «причины» отсутствия покажутся ему «необходимыми». Однако резолюцией Петра I ему запрещалось выпускать кого-либо из города без «подписания руки адмиральской ни для какой нужды». Директор не должен был брать что-либо «прямым, ниже посторонним образом, от Морской Гвардии, ниже вступать в какие откупы, которые учиниться могут между учителями профессорами или другими, которые надзирание иметь будут о потребностях академических, под наказанием лишену быть жалования своего на 6 месяцов. И ежели в такое погрешение ... впадет, отдану быть в военный суд...» [8].

Практически каждый из 29 пунктов Инструкции содержал обещание наказания за его неисполнение, но только в трех случаях способ такового был определен точно. Это заметил еще сам Петр I, сделав в ее тексте соответствующие пометки: «надлежит написать под всяким пунктом наказание по обычаю академическому». Иными словами, за незначительные проступки царь не предполагал суровой кары, хотя велел «для унятия крика и безчинства выбрать изгвардии отставных добрых солдат. И быть им по человеку во всякой каморе во время учения и иметь хлыст в руках. И, буде кто из учеников станет безчинствовать, оным бить, не смотря, какой бы он фамилии ни был...» Кстати, составитель Инструкции тоже был противником чрезмерно жестких мер: загулявшихся после отбоя кадетов надлежало препровождать в караульное помещение «без всякого худого трактаменту» [8].

Морская академия изначально проектировалась как образцовое учреждение для обучения детей аристократии «вместо посылки за границу» [2, с. 222]. Однако в действительности сословный принцип набора не выдерживался. И хотя, по свидетельству одного современника-иностранца, не было в России ни одной знатной фамилии, из которой не находилось бы юношей от 16 до 18 лет в этой академии [4, с.652], в ней училось также множество представителей «самого подлаго шляхетства» [10, л.191]. Директор Л. В. де Сент-Иллер даже считал, что «большая половина во академии кадетов, которые... своего пожитку не имеют» [9, л. 804 об.]. Что касается источников формирования морской гвардии, то известно, что в новую столицу перевели старшую ступень московской Навигацкой школы, старшие классы из Новгородского и Нарвского училищ (более 300 человек) [3, с. 24]. Однако в академии с момента открытия обучались и «малые кадеты» [9, л. 357 об.]. Сначала, видимо, это были ученики прекратившей свое существование в 1715 г. гимназии пастора Э. Глюка [1, с. 262]. Затем классы пополнялись другими детьми, достигшими школьного возраста.

О структуре Морской академии на начальном этапе ее существования мы почти ничего не знаем. Удалось выяснить только, что она подразделялась на школы (залы) - упоминание на сей счет есть в приведенной выше инструкции, а также челобитной навигатора Ф. Угримова [9, л. 351–351 об.]. Найти современный аналог такому делению трудно, но знаменитая гимназия пастора Э. Глюка тоже состояла из 4-х школ [1, с. 262]. Для строевых и прочих военных занятий кадеты объединялись в бригады по 50 человек [8, п. 12].

К сожалению, не удалось разыскать источники, которые позволили бы установить, чему именно учили в Морской академии в 1715–1718 гг.; приходится полагаться на существующие исследования. Так, согласно изысканиям Н.И. Костомарова, в ней преподавались арифметика, геометрия, фортификация, навигация, артиллерия, география, рисование, живопись, воинское искусство, фехтование и некоторые сведения из астрономии [4, с. 652]. В. В. Мавродин добавлял к этому списку тригонометрию и геодезию [5, с.195], а В. О. Ключевский уточнял: в высших классах обучали большой астрономии, плоской и круглой навигации, в низших – азбуке, псалтыри, письму [2, с. 221].

Зато архивные материалы содержат некоторые сведения о методическом обеспечении учебного процесса в Морской академии, хотя и весьма отрывочные. Так, в августе

1716 г. А. А. Матвеев не дал Сент-Иллеру денег на покупку книг, ибо по прежней росписи барона «то число на перевод векселя в Голландию сполна... на те книги было дано» [9, л. 353]. Чтобы кадеты смогли воспользоваться присланными из-за границы пособиями, академии полагался переводчик [4, с. 652]. В ноябре 1716 г. столь же категорично граф отказался от услуг компасного ремесленника, т.к. «компасы для академии уже сделаны и розданы»; и от покупки бумаги профессорам иностранных языков, ибо «малые кадеты, обучаяся по книгам..., не имели случая писму учитца и употреблять такого великого числа – 150 дестей оной бумаги». Действительно, даже старшие кадеты писали на специальных досках, которые легко вытирались [9, л. 357 об., 810]. В декабре 1716 г. А. А. Матвеев жаловался адмиралу Ф. М. Апраксину: московская типография давно отпечатала и прислала в Петербург учебники арифметики, таблицы логарифмов, карты и т.д., но в Академии до сих пор ничего этого нет. Кроме того, он требовал 12 барабанов для обучения барабанщиков. Что еще использовалось в ходе образовательного процесса, мы, к сожалению, не знаем, но, вероятно, количество средств обучения было значительным, т.к. Сент-Иллер для их хранения, приема и раздачи кадетам желал создать целую канцелярию под ведением специального комиссара [9, л. 80 об., 348 об. –349].

Интересен первый штат наставников морской гвардии в деле «постижения наук». В. О. Ключевский называет имя профессора Эбердинского университета А. Фарварсона (Фархвассона – *Л. Б.*), которого еще в 1698 г. Петр I пригласил на русскую службу и который в 1701 г. стал преподавателем школы в московской Сухаревой башне. Он основал математическое и «навигацкое» обучение в России; вместе с двумя коллегами-земляками всегда вел учение «чиновно», как следует, за что и удостоился места в открывавшейся Морской академии. Вторым англичанином, прибывшим с А. Фархвассоном в Петербург, был С. Гвын [9, л. 352] (все имена в источниках русифицированы по обычаю того времени). Фамилия их третьего коллеги в документах 1716–1718 гг. не встречается. Скорее всего, он просто не приехал в новую столицу. Кроме англичан, в 1715 г. в Петербург были переведены последние учителя, оставшиеся в школе Э. Глюка [2, с. 221, 227].

Кроме иноземных «учителей профессоров», преподавательский штат учебного заведения составляли навигаторы (мастера). Сведения об этих людях столь же скудны. В уже упоминавшейся челобитной на царское имя Сент-Иллер сообщал: «А во академии толко 6 человек русских мастеров...». Другие источники позволили идентифицировать часть лиц и выяснить, что морских гвардейцев «в науках» наставляли: Ф. Угримов, С. Бабарыкин, Охлопков, С. Орликов, И. Дьяконов. Фамилия шестого навигатора так и осталась неизвестной, но из документов явствует, что он вместе с Ф. Угримовым и С. Бабарыкиным ранее учился в Москве в Сухаревой башне у англичан [9, л. 351–352, 807]. Каких-либо данных об образовании и предыдущей деятельности Охлопкова, С. Орликова, И. Дьяконова найти не удалось.

Наконец, в военном заведении непременно должны были обучать строевому искусству, тем более что в феврале 1714 г. Петр I даже издал указ, запрещавший производить в офицеры юношей, не прошедших солдатской службы [6, с. 72]. Заниматься этим, а также организацией караулов и поддержанием порядка призваны были лейб-гвардии унтер-офицеры во главе с лейб-гвардии поручиком Бестужевым [9, л. 346 об., 356]. Прислали их, полагаю, из Адмиралтейства, т.к. сама Академия находилась в ведении этого учреждения.

Согласно Инструкции, главой названного учебного заведения являлся директор. На этой должности, очевидно, с октября 1715 г. находился француз барон Л. В. де Сент-Иллер. Происхождение этого человека, его предыдущая карьера, обстоятельства знакомства с Петром I нам неизвестны. Зато мы точно знаем, что барон предложил создать специализированное военно-морское учебное заведение, «как в других странах» [9, л. 804 об.; 12, л. 108 об.], после чего с ним и был заключен контракт. За услуги Сент-Иллеру было положено жалованье в размере 2400 рублей в год и переводчик [9, л. 350, 807 об.]. Что касается личности первого директора Морской академии, то это был человек явно авантюрного склада с весьма тяжелым характером. Данное заключение можно сделать уже потому, что он везде представлялся бароном, хотя «дипломы баронской от его Цесарского Величества у себя не

имел». Большое сомнение вызывали также прочие чины и заслуги Л. В. Сент-Иллера. А. А. Матвеев, будучи с дипломатическими миссиями в Париже и Вене, слышал о его «таких славных делах», о которых можно «разве в сумерках, а не пред сонцом, объявлять» [9, л. 356, 358 об.]. Впоследствии, проработав с Сент-Иллером около года, граф только укрепился в своем мнении. 11 января 1717 г. он писал А.В. Макарову: «Во истину, ... я такова злонравнаго и пакоснаго человека от жизни моей нигде не видал. И никому с ним ужитца невозможно отнюд» [10, л. 184].

Тем не менее, надежды Петра I надлежало оправдывать, а жалованье отрабатывать. Что именно делал чиновник в первые месяцы собственно для организации нового учебного заведения и делал ли вообще что-нибудь? – выяснить не удалось. Зато в период с октября 1715 г. по февраль 1716 г. Сент-Иллер изготовил и подал на высочайшее рассмотрение множество регламентов и проектов. Регламенты царю понравились, а вот проекты «в болшом числе», касавшиеся, видимо, настоящего и будущего устройства Морской академии, «истинным разсмотрением Его Царского Величества» были отставлены [9, л. 354 об., 355 об.]. Рискну предположить: неумеренное прожектерство барона произвело на Петра I негативное впечатление. Именно поэтому он решил определить иностранцу русского начальника из проверенных людей, тем более что идея коллегиального руководства в 1715 г. уже владела царским умом.

Так у Морской академии появился президент. Им стал граф А. А. Матвеев, недавно прибывший из-за границы и собиравшийся с новой дипломатической миссией в Польшу [9, л. 329; 11, л. 484 об.]. Назначение было произведено именным указом, текст которого не сохранился. Однако в одном из своих мемориалов А. А. Матвеев упомянул, что именно Петр повелел ему «первым над ним (Сент-Иллером. – *Л. Б.*) во академии быть», а генерал-адмирал Ф. М. Апраксин «писмом ... послушным мне быть ему приказал». Еще, как свидетельствуют другие документы, указ содержал предписание Сент-Иллеру информировать Матвеева обо всех происшествиях, имевших место во вверенном им учебном заведении, подавать ему «по вся месяцы о состоянии академии, о профессорах и кадетах» доклады, чтобы граф затем мог «репортовать» царю. Появление указа, полагаю, приходится на декабрь 1715 – январь 1716 гг., ибо учреждение президентской должности состоялось спустя некоторое время после 1 октября 1715 г., а 6 февраля 1716 г. Петр I отправился в длительное заграничное турне [9, л. 345, 353 об., 806].

Новое назначение стало для графа полной неожиданностью. Он 17 лет не был в России, находясь на дипломатической службе. Будучи отозванным из Вены для подготовки к польскому посольству, с ноября 1715 г. жил в Москве, занимался «усмотрением деревенским» и поправлением своих совершенно расстроенных финансовых дел. А. А. Матвеев никогда не являлся знатоком морской службы, а жизнь в новой столице была ему явно не по карману. Тем не менее, став президентом «не по великому искуству, ... но по природной рабской должности», он сообщал Петру из Санкт-Петербурга 8 февраля 1716 г.: «...Повеленное мне дело и попечение о академии с радостною душою я принял, ведая, что то к угодности Вашей есть» [9, л. 328–329, 345].

Судя по сохранившимся в архивных фондах письмам А. А. Матвеева А. В. Макарову, с февраля по июль 1716 г. граф не слишком вникал в академические дела. Тому было несколько причин. Первая состояла в необходимости обустраиваться на невских берегах. Граф «для близости от академии принужден... за 1,5 тысячи рублев купит здесь себе яковлевской дом Полтева в долг». Чем выплачивать этот заем при весьма скудных поместных доходах (300 рублей оброка в год) и наличии «великих долгов» в Гааге и Вене, ум Матвеева постичь не мог, «потому что никакова государева жалования» ему как президенту академии определено не было. Ситуация осложнялась одновременным назначением жены Матвеева гофмейстриной Анны Ивановны и необходимостью для нее «ехать отсюды по просухе» за герцогиней в Курляндию. На путевые расходы и заграничную жизнь Сенат положил графине Матвеевой вместе с ее дворовыми 1000 рублей. Этого явно не могло хватить, а «от себя» Андрею Артамоновичу добавить было нечего [9, л. 330, 332–332 об.]. Неудивительно, что весь февраль и март 1716 г. помыслы президента Морской академии были заняты, главным образом, поиском выхода из создавшегося положения.

В апреле 1716 г. граф тоже не слишком баловал своим присутствием вверенное ему учебное заведение, т.к. «все кадеты из академии с Ревелскою и с Кроншлоцкою эскадрами отсюды отправлены (на морскую практику – *Л. Б.*). И токмо самое малое число из них остается здесь, которых свободно и без меня директор барон управит. К тому ж ныне, во академии той начинается каменное строение, которым управляет генерал-майор ... Чернышев». А. А. Матвеев сделал вывод, что пока его «бытность здесь не нужна есть». В июне 1716 г. тяжело заболела царевна Наталья Алексеевна, и вплоть до ее смерти чета Матвеевых вместе с семействами князя Меншикова и царицы Прасковьи Федоровны при ней «безотлучно по вся дни были» [9, л. 331–331 об., 341–342]. Наконец, июль, видимо, оказался самым благоприятным месяцем для занятий академическими делами. По крайней мере, из августовских писем А. А. Матвеева Л. В. де Сент-Иллеру видно, что президент в достаточной мере успел ознакомиться с деятельностью директора Морской академии.

Суть дальнейших отношений двух чиновников можно охарактеризовать как нарастающее противостояние. Поводом для перехода разногласий в стадию открытого конфликта послужило происшествие, случившееся в Морской академии 4 августа 1716 г. В тот день навигатор Семен Бабарыкин, явившись на службу, обнаружил «в учебной полате на доске школника Василя Оболешева непристойные слова про него, Оболешева... И что написано, то он видел, а кто писал, того ему те школники никто не сказал, а он не видал. И Плещеев же ему на улице, что то писал школник Шокуров, не сказывал». Инструкция строго запрещала «всем от Морской Гвардии друг другу досаждать ниже словами, ниже иным чем». В случае какой-либо ссоры следовало доносить директору, «который, осведомясь о том деле, виновнаго накажет по состоянию случая». Налицо было явное «преступление указов», поэтому С. Бабарыкин сразу доложил обо всем Сент-Иллеру. К Матвееву навигатор «того дни не пошел, для того что его графское сиятелство недомогал». Поправился же Андрей Артамонович, вероятно, только 25 августа, потому что именно в тот день он С. Бабарыкина допросил, посадил «до указу за арест» и начал собственное расследование инцидента [9, л. 810–811].

Почему президент Морской академии лично занялся столь незначительным, на первый взгляд, вопросом? Как выяснилось, Сент-Иллер, не утруждая себя каким-либо разбирательством, наказал кадетов «солдатским штрафом без ведома лейб-гвардии поручика Бестужева». Будучи в тот же день на приеме у А. А. Матвеева, он ни словом не обмолвился о случившемся, хотя обязан был сделать это. Пострадавшие гвардейцы, среди которых числились князья Волконские, Плещеев, Кикин, Аничков, Вельяминов и представители других знатных фамилий подали президенту жалобу на барона. Наконец, узнав об аресте Бабарыкина, Сент-Иллер письменно в непочтительной форме выразил по этому поводу неудовольствие своему непосредственному начальнику [9, л. 353–353 об.]. Терпение президента лопнуло, и «военные» действия начались.

26 августа 1716 г. А. А. Матвеев письменно разъяснял Л. В. Сент-Иллеру, что навигатор Бабарыкин поплатился за грубое нарушение субординации – «уничтожа достоинство вышняго своего камандора и мимо его, о важных... делех рапорт свой чинил меншему, которой такова последования суда и расправы в делех иметь не может без ведения нашего собою». Далее граф требовал от директора письменных объяснений, «почему те кадеты так жестоко наказаны были», а также «присылки» в академическую канцелярию бумаг о проведенном разбирательстве, ибо «на словах дела в здешнем империи не отправляютца», да и повторное рассмотрение требовало документального основания. Напоминая об именном указе, подчинившем директора академии президенту, Матвеев запретил Сент-Иллеру «важных дел... впред без рапорту нам и без согласия общаго собою самовластно чинить». Что касается явленного в письме стремления барона объяснить «нестройство той академии» разными несущественными причинами и снять с себя за это ответственность, то Андрея Артамоновича подобные отговорки не убедили – «всякому ясно ныне мочно увидеть, что при моем ведении в лутчее дела те пришли» [9, л. 354–354 об.].

Послание Матвеева, видимо, привело Сент-Иллера в ярость: он бросился жаловаться генерал-губернатору князю А. Д. Меншикову (адмирал Ф. М. Апраксин с эскадрой

находился в море), одновременно отправив своему начальнику еще более дерзкое письмо. На сей раз барон открыто заявил о своих претензиях на первенство в академии и командование приданными лейб-гвардии офицерами, обвинил графа в самовольном себе «приписании началного имени президенского», в постоянном «супротивлении» всем начинаниям директора, много хвалил себя «во уставлении Академии».

Длительная дипломатическая карьера научила Андрея Артамоновича сдержанности, но теперь она давалась с трудом. Отвечая только по долгу вежливости, президент напомнил Сент-Иллеру о предыдущих многократных разъяснениях, что, согласно именному указу, «приналежало к моему правлению в той академии, и что ... к Вашей должности». Здесь же граф впервые развенчал многие директорские заслуги. Оказывается, даже утвержденные царем академические регламенты барон сам не составлял, «но искони во Франции учинены и напечатаны» (каждый за гривну с небольшим может их там купить, привезти в Россию, переписать от руки и подать). Матвеев бывал в Париже и «не менши Вас о тех делех сведом». Да и что полезного Сент-Иллер мог сделать, если он ничего не понимал ни в морской службе, ни в ее техническом обеспечении - «в тех науках доныне от себя не показали, что все до того Вашего чину необходимо». «...Ежели бы не случились здесь аглинские профессоры, в той академии и освидетельствовать было некому, кто ис кадетов свою науку совершил...» Профессиональная несостоятельность барона маскировалась жестокостью. Как выяснил А. А. Матвеев, не только навигаторы, но и лейб-гвардии унтер-офицеры, присланные для обучения кадетов, «из рук Ваших дубинами в гроб забиты». Что уж было говорить о самих морских гвардейцах. При этом «всем им... под угрозами ... весма запрещено свое убежище ко мне иметь». «Ис того я не знаю, – саркастически вопрошал граф, – по Вашему самовласному разсутку, каким я лоскутком к той академии пришит?» Заканчивая свое письмо, А. А. Матвеев просил Сент-Иллера «…кроме прямых рапортов, должных от Вас мне, таких никчемных, непотребных и наглых сплеток и лай ко мне от себя не писать...». Иначе президент обратится «к истинному суду и к управе Его Царского Величества» [9, л. 355–357].

После этого на академическом «фронте» временно наступило затишье: послание А. А. Матвеева А. В. Макарову в Копенгаген от 28 сентября 1716 г. выдержано в спокойных тонах: «В академии здесь все идет при сей моей бытности порядочно. Кадеты в науках приналежно преуспевают. И салдацкой экзекуции так хорошо обучились, как бы старые». Только «строение новоначатое той академии так плохо идет, что едва нынешным летом деревянное основание есть поставлено». Однако не упомянуть о своем недруге Андрей Артамонович не мог: «Только присматриваю дело господина барона как посредственное, что те денги, в великом числе дозволенные ему, как бы в окно выкинутые бывают». Далее он проинформировал кабинет-секретаря и о необразованности Л. В. Сент-Иллера, и мошенничестве с печатным Правилом французской Морской академии. Об организационных выводах Матвеев пока не просил, но сам кое-какие меры предпринял. В частности, «он всем во академии ... приказал, чтобы ордеры ни у кого, кроме его, не требовать, и о всех нуждах своих прибежище б, опричь его, не имели. И определенным ... по школам солдатом заказал, чтоб без имянного его приказу кадетов не штрафовать». Поручик Бестужев теперь не только не подчинялся, но даже «никакова известия не чинил» барону. Наконец, президент кадетов, «которые учатся у професоров аглинских присланы с Москвы быть во Академии», Сент-Иллеру «не поручил, но отвел им особливые дворы, и их по своему желанию учить велит» [9, л. 343 об. – 344 об., 805 об., 807].

Долго такое «умаление» собственной власти Сент-Иллер вынести не мог, поэтому уже 12 октября 1716 г. хрупкое спокойствие было нарушено его очередной выходкой. Явившись во время занятий в класс Ф. Угримова, директор начал навигатора «бить по щекам и палкою при всей школе напрасно». Гнев начальника вызвал один лишь слух о желании Угримова перейти преподавать в какую-либо другую школу, т.к. в них навигаторы были «ниже ... наукою», да и отношения с коллегой Бабарыкиным не складывались. Оскорбленный Ф. Угримов написал челобитную на царское имя. В ней он, между прочим, подтвердил мнение Матвеева о профессиональной несостоятельности барона − «чрез

ево тщание и труды хотя бы последняя была показана нумерация нам и кадетам, и того никогда не бывало, и науки от него никакой я ... не видал» [9, л. 351].

Инцидент, конечно, не мог остаться без последствий. Президент приказал английским профессорам аттестовать преподавательский состав Морской академии на предмет компетентности. Проверка показала, что навигаторы Охлопков, Орликов и Дьяконов «в том своем деле отчасти знают так, чтоб им учить арифметики, и геометрии, и тригонометрии, даже до навигации». Навигации же им учить без «надзрения» иноземцев невозможно. С. Орликов вообще «от науки мало знает». Ф. Угримова, С. Бабарыкина и их товарища опросить на тот момент по каким-то причинам не смогли. Ранее, вероятно, А. А. Матвеев пытался определить и объем познаний самого Сент-Иллера, но в источниках имеется единственный весьма туманный намек на сей счет. Письмо графа А. В. Макарову от 28 сентября 1716 г. содержит такую фразу: «Никакова окончания на указ, чему он, барон, не сведом». Ознакомившись с итогами аттестации, граф Матвеев приказал «свидетельствовать» успехи всех кадетов старших классов только англичанам. «И сие чинитца к собственной ползе и к лутчему проходу в тех науках им, кадетам» [9, л. 344, 352, 358].

Действия А. А. Матвеева должны были встревожить директора Морской академии: согласно инструкции, он отвечал за содержание, качество и результаты обучения. Посчитав лучшей защитой нападение, Л. В. Сент-Иллер презрел запрещение и снова в письменной форме разразился бурей эмоций. Барон негодовал как по поводу отказа президента оплачивать излишние академические расходы, так и по поводу приема экзаменов у кадетов А. Фархвассоном и С. Гвыном. Любопытен конец письма: директор обвинял А. А. Матвеева в том, что граф «внушал одноземелцам своим» на него. Суть коллизии отчасти можно уяснить из ответа Андрея Артамоновича, последовавшего 9 ноября 1716 г. Как оказалось, во время одного из визитов А.А. Матвеева к генерал-губернатору А. Д. Меншикову последний «за некоторые явные (Сент-Иллера – *Л. Б.*) бесчинства прямою истиною словесно наказать» его изволил. Самому Матвееву «в то дело вступать причины не было», поэтому он как раз промолчал, но слухи о состоявшемся разговоре до мнительного иностранца дошли [9, л. 357 об. – 359].

Какие именно «бесчинства» барона порицал князь, − можно только гадать. В любом случае, это была действительно плохая новость (крутой нрав А. Д. Меншикова был общеизвестен). Сент-Иллеру оставалось только просить заступничества на самом высоком уровне, что он и сделал в челобитной от 15 ноября 1716 г. Барон предлагал лишить президента всякой реальной власти: «Графу Матвееву или кому попечение во академии вручится, толко дело есть в раздаче жалованья. И по моим мемориалам, которые я ему буду давать, учинить решение. И мне вся нужные дела исправлять...» [9, л. 804–808 об.].

Бумагу похожего содержания получил и генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, о чем А. А. Матвееву стало известно довольно быстро. Крайняя степень возмущения заставила президента Морской академии 30 декабря 1716 г. передать главе Адмиралтейства целое досье, состоявшее из обширного мемориала с анализом всех претензий директора, «доношения» о нуждах академии, копий челобитной навигатора Ф. Угримова Петру I и акта об аттестации преподавателей академии А. Фархвассоном и С. Гвыном. 11 января 1717 г. подробное письмо с приложением документальных доказательств и просьбой о заступничестве перед государем ушло в Голландию А. В. Макарову. Остановимся только на новых чертах, которые Матвеев добавил к портрету Л. В. Сент-Иллера.

Директор, «в бытность свою годищнаго времени ни одной души из кадетов в далную науку не произвел, и свидетелствовать ни самой меншей науки отнюд не поятен. И ничего по своей должности не толко профессоров превосходить, ни навигаторского учения не знает...» «Практику морскую кадеты прошлаго лета на кораблях российских без него имели». Аттестовать и перевести их на следующий курс удалось только стараниями Матвеева, а также прибывших в Петербург англичан. Лейб-гвардии поручик Бестужев с унтер-офицерами были присланы адмиралтейским приказом за подписью обер-комиссара Ватковского в распоряжение президента Морской академии. «И расправа кадетам по первенству моему (Матвеева − *Л. Б.*) перед ним... весма приналежит ко мне.

Однако ж он, Сент-Иллер,... многих ундер-офицеров от той лейб-гвардии и кадетов из знатных домов, безчеловечно бив из рук своих дубьем, заказывал им и угрожал тем же боем для росправы ко мне ходить. А ему, Сент-Иллеру, по чину его, кроме надзирания наук, никакой причины до того не было». Что касается кадетов, которые «для необходимых и крайних своих нужд отпусканы были в домы свои, ... и на те места иные в салдацкую экзерцицию верстаны отнюд не бывали... Он, Сент-Иллер, весма лжет. И ис той экзерциции ни весною, ни в лете прошлом ни одного человека ис-под ружья в отпуске никуды не было, кроме нынешняго определенного зимняго им времени». Данный факт могли подтвердить все штатские преподаватели и офицеры Морской академии. Заканчивая свой мемориал, А. А. Матвеев настоятельно просил главу Адмиралтейства решить вопрос радикально: или он заставит директора подчиняться президенту, или «дело той академии, с рук моих сняв, вовсе на него положить, чтоб мне впред от ... его умышленных пронырств истязану не быть» [9, л. 345 об., 346 об. – 347; 9, л. 183–184].

Ф.М. Апраксин написал царю 7 января 1717 г.: «Как я здесь мог усмотреть, междо господ правителей академии ... происходит немалая противность... И ежели из них поручить сие правление которому одному, а другова отлучить, то б надеялся быть лутче. А по моему мнению, лутче б поручить графу Матвееву...» [9, л. 348–350]. Ситуацию, наконец, правильно оценил и Сент-Иллер. 1 марта 1717 г. он предложил начальнику помириться, пообещав предать забвению все «озлобления», нанесенные ему президентом. Вынужденный шаг, сделанный из-за угрозы князя Меншикова директора «палки бить, чтоб научить жить народ французской» [12, л. 108–109 об.], оказался напрасной жертвой. 15 марта 1717 г. граф Матвеев с облегчением сообщал А. В. Макарову о полученном адмиралом именном указе, «чтоб мне академию во всем по-прежнему ведать, а прежняго директора отпустить» [10, л. 185].

Последующее «правление» А. А. Матвеева Морской академией, исходя из его корреспонденции, не было омрачено какими-либо внутренними эксцессами. Зато теперь приходилось вести отчаянную борьбу за выживание учебного заведения − со второй половины 1716 г. оно крайне плохо финансировалось. 3 мая 1717 г. президент проинформировал Кабинет о том, что до сих пор нет указа о выделении средств на 1717 г.: жалованье давать нечем, а людей на жалованье – множество разных чинов. Самые «убогие», «последнею скудостию и наготою своею докучая, выступит мне никуды не дадут». Граф обращался в Адмиралтейство, «однако ж, кроме добраго “нета”, никакова довольства» не получил [10, л. 186]. 21 июня 1717 г. за границу ушло очередное послание, где А. А. Матвеев, ожидавший прибытия большого пополнения из Москвы, просил срочно выделить материальное обеспечение: «Содержать мне оных нечем. И сколко бедных в них есть, что от нестерпимой нищеты своей без того жалования ей-ей голодом тают, и многия по миру ходят, и на работы наймываютца, лишаяся наук своих, что мне ... слезно на них... Из канцелярии Адмиралтейской также за недостатком денег у камисарства всемерно отговариваютца...». Особую жалость графа вызывали малолетние академические «штрафники» из бедных. 12 июля 1717 г. А. А. Матвеев через кабинет-секретаря ходатайствовал об их прощении перед лечившимся в Спа царем: «В академии из самого подлаго шляхетства, которые ныне в штрафе, не имеют по указу на 5 лет кормовых денег, и в самой находятца последней нищете, не имея ни земли, не толко крестьянскаго за собою двора. И, ходя по миру, здесь просят всегда милостины, в чем мне, за крайней их тою нищетою, возбранить нельзя, ис чего наука их весма препятствуется» [10, л. 187–187 об., 191–191 об.]

А. В. Макаров отозвался из Амстердама 2 августа 1717 г., велев президенту Академии «из доволной суммы отпущенной соляных денег в Адмиралтейство оттуды требовать их». Деньги выдали, но всего 2000 рублей. А. А. Матвеев справедливо недоумевал: «И теми как возможно великое множество ... всякого чину людей... управит? К тому ж беспрестанно безо всякого размеру прибавливаютца к нам...». Возвращение Петра I из 16-месячного заграничного путешествия положение Морской академии не улучшило. По состоянию на 31 октября 1717 г. отсутствие должного финансирования привело к тому, что ввиду наступающей зимы «ни печей, ни окончин починить нечем, не

толко что дров купит. И по той нужде науки всемерно остановилися...». Люди продолжали просить у президента заслуженное жалование, «и уже весма наги и боси есть», а он и сам его не имел [10, л. 192, 194–194 об.; 12, л. 484 об., 487].

Источники не позволяют установить, каким образом далее разрешались проблемы Морской академии и как вообще шли ее дела. Последнее в 1717 г. письмо А. А. Матвеева «милостивому приятелю» А. В. Макарову в Москву датировано 19 декабря. Граф уже знал о своем назначении сенатором и президентом Юстиц-коллегии, которую предстояло основать «с нуля». За 1718 г. мы располагаем всего одним его коротким письмом «по академическому правлению» от 16 октября. В ответ на царское повеление выбрать для обучения в Италии двух человек, хорошо знающих геометрию, А. А. Матвеев направил в Кабинет «из молодых школников» И. Коробова и И. Мордвинова [11, л. 20].

3 января 1719 г. А. А. Матвеева на посту президента Морской академии сменил Г. Г. Скорняков-Писарев – знаток артиллерийского дела, автор учебника «Наука статическая, или Механика» [3, с. 25]. Стараниями этого человека, многих его последователей Россия получила образцовое военное заведение, из стен которого вышли лучшие офицеры флота. Однако именно А. А. Матвеев своим личным примером, отношением к порученному делу заложил те принципы следования долгу, порядочности и ответственности, которые всегда будут отличать выпускников петровской Морской академии.

Источники и литература

1. Белявский М. Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1987. Ч. II. 408 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. IV. 394 с.
3. Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 221 с.
4. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2007. 596 с.
5. Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л.: Лениздат, 1978. 232 с.
6. Михайлов А. А. Жизнь под барабан: военно-учебные заведения Петербурга // Российский исторический журнал «Родина». 2003. №1. С. 71–78.
7. См. например: Молчанов Н. Дипломаты времен Петра Великого. М.: Международные отношения, 1984. 440 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. 1-ое издание. СПб., 1830–1833. Т. V. № 2937.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. II. Оп. 1. Д. 28.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. II. Оп. 2. Д. 33.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Д. 37.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Д. 41.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 160. Оп. 1. Д. 4.
14. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. VIII. С. 540 – 542.

References

1. Belyavskii M. T. Shkola i obrazovanie (*School and education*) // Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka. Moscow: MSU, 1987. Part II. 408 p. (In Russian).
2. Klyuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii (*The course of Russian history*) // Sochineniya. Moscow: Mysl', 1989. Vol. IV. 394 p. (In Russian).
3. Kopelevich Yu. Kh. Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk (*The Foundation of St. Petersburg Academy of Sciences*). Leningrad: Nauka, 1977. 221 p. (In Russian).
4. Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei (*Russian history in biographies of its main figures*). Moscow: Eksmo, 2007. 596 p. (In Russian).
5. Mavrodin B. B. Osnovanie Peterburga (*The Foundation Of St. Petersburg*). Leningrad: Lenizdat, 1978. 232 p. (In Russian).
6. Mikhailov A. A. Zhizn' pod baraban: voenno-uchebnye zavedeniya Peterburga (*Life under the drum: military-educational institutions of St. Petersburg*) // Rodina. 2003. No. 1. P. 71–78. (In Russian).
7. Molchanov N. Diplomaty vremen Petra Velikogo (*The diplomats of the times of Peter the Great*). Moscow: International relations, 1984. 440 p. (In Russian).
8. Instruktsiya Morskoi akademii v Sankt-Peterburge (*The instructions of the Naval Academy in Saint-Petersburg*) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 1-oe izdanie. St.-Petersburg.1830 – 1833. Vol. V. No. 2937. (In Russian).
9. Russian state archive of ancient acts (RGADA). F.9. Part II. Inv.1. D.28. (In Russian).

10. RGADA. F.9. Part II. Inv.2. D.33. (In Russian).
11. RGADA. F.9. Part II. Inv.3. D.37. (In Russian).
12. RGADA. F.9. Part II. Inv.3. D. 41. (In Russian).
13. RGADA. F.160. Inv.1. D.4. (In Russian).
14. Solovyov S.M. Sochineniya (Works). Moscow: Idea, 1993. Vol. VIII. P. 540–542. (In Russian).

УДК 355.48(47+57) «1941/1945»

Н. А. Гаража

ПИСЬМА ОСТАРБАЙТЕРОВ КАК ИСТОЧНИК МИКРОСОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КОЛЛЕКЦИИ ПИСЕМ ОСТАРБАЙТЕРОВ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

В исследовании опыта пребывания советских граждан на принудительных работах в Германии в период Великой Отечественной войны важнейшей категорией документов являются источники личного происхождения. В настоящей статье проведен источниковедческий анализ, возможно самой представительной на российском пространстве, коллекции писем граждан Крыма, угнанных на принудительные работы на территорию Третьего рейха. Коллекция хранится в Государственном архиве Республики Крым с 1986 года, и до настоящего времени не подвергалась систематическому исследовательскому описанию. В своей совокупности материал писем восточных рабочих – уроженцев Крыма помогает воссоздать моральный облик человека в неволе, как никакой другой источник позволяет проникнуть в его внутренний мир, показать ментальные установки. Одновременно, являясь продуктом индивидуальной духовной деятельности, письма выступают и выразителями типичных взглядов и настроений восточных рабочих. В письмах находим богатый материал об отражении восприятия пространственно-временных и деятельностных ситуаций, фиксации внимания и избирательности памяти на определенных событиях жизни в Германии; отражение ценностно-мотивационной сферы, принципов и убеждений, потребностей и интересов жителей Крыма, оказавшихся на принудительных работах в рейхе.

Ключевые слова: Восточные рабочие, остарбайтеры, Крым, письма, источники личного происхождения, Великая Отечественная война.

N. A. Garazha

OSTARBEITERS LETTERS AS A SOURCE OF MICRO SOCIAL HISTORY AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE COLLECTION OF OSTARBEITERS LETTERS IN THE FUNDS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)

The sources of personal origin are among the most important documents in the study of the experience of Soviet citizens at forced labor in Germany during Great Patriotic war. The article features the source analysis of perhaps the most representative on the territory of Russia collection of Crimea citizens' letters deported to forced labor on the territory of the Third Reich. The collection is kept at the State Archive of the Republic of Crimea in 1986, and to date has not been systematically described. The letters of Eastern workers – natives of the Crimea – helps recreate the moral character of a person in captivity, as no other source provides insights

into his inner world, to show moral values. At the same time, being the product of individual mental activity the letters are reveal typical attitudes and moods of Eastern workers. In the letters one can find a wide range of material about the reflection of the perception of space-time and activity situations, fixing attention and selective memory at certain events of life in Germany; a reflection of the value-motivational sphere, principles and beliefs, needs and interests of the inhabitants of the Crimea caught up in forced labor in the Reich.

Key words: Eastern workers, Ostarbaiter, Crimea, letters, sources of personal origin, the Great Patriotic War.

В течение Великой Отечественной войны для нацистской Германии особое значение приобретала организация принудительных работ населения на местах или насильственного угона миллионов на территорию Третьего рейха. Советских граждан было вывезено с целью трудоиспользования порядка 5 млн. Их труд применялся во всех отраслях промышленности, сельском хозяйстве, домашнем услужении. Характер трудоиспользования можно определить как преимущественно насильственный, практически безвозмездный, связанный с лишением основных гражданских прав и свобод.

Крым в период немецко-фашистской оккупации стал плацдармом для переброски в Германию трудовых резервов с территории Кубани и Кавказа, но и сам обезлюживался путем проведения практически тотальной трудовой мобилизации местного населения. О. В. Романько приводит широкую палитру планов и перспектив региона для лидеров рейха, в которых смешались реалии и иллюзии: А. Розенберг говорил о полной зачистке Крыма путем выселения русских, евреев и татар для установления «германского влияния» на полуострове; А Гитлер – об использовании Крыма для контроля над Черным морем, т.е. он должен был стать «немецким Гибралтаром»; шеф Германского трудового фронта Р. Лей мечтал превратить полуостров в «один огромный немецкий курорт» и т.д. [14, с. 18]. При всей стратегической уникальности и важности Крыма для нацистской Германии, принудительное трудоиспользование местного населения было одной из неотъемлемых частей немецкой оккупационной политики.

В анализе разнообразных ситуаций вывоза жителей Крыма в Третий рейх, специфики дальнейшего их трудоиспользования, обращения с ними, организации быта и досуга особое место занимают источники личного происхождения, т.к. именно они удовлетворяют исследовательский интерес о самочувствии восточных рабочих в неадекватных условиях пленения и рабского труда, их отношения к той жизненной ситуации в которой они оказались. В этом случае «чем больше исследование устремляется к явлениям глубинным, тем скорее можно ждать света от сходящихся в одном фокусе лучей – от свидетельств самого различного рода» [1].

Именно письма стали самым распространенным коммуникационным каналом для восточных рабочих, хотя и представленные в основном небольшими посланиями на почтовых карточках. В силу отсутствия иной возможности контактов с близкими людьми, а также достаточно жестких ограничений со стороны германских властей в отношении частоты, объема и содержательной части почтового оборота восточных рабочих, в коротких строках писем остарбайтеры старались сконцентрировать весь объем информации о своей жизни в Германии. Поэтому для изучения стратегий выживания и представлений восточных рабочих о своей жизненной ситуации, отношения к близкому окружению, в том числе к местному населению письма являются историческим свидетельством первого звена.

Одним из основных затруднений исследователей является отсутствие локализованных комплексов писем восточных рабочих. В архивных учреждениях, музеях находятся разрозненные, в основном единичные экземпляры источников. Поэтому объемная коллекция писем восточных рабочих, хранящаяся в Государственном архиве Республики Крым, представляет особую научную ценность и дает возможность более глубокого и детального анализа повседневности трудоиспользования советских граждан в Германии в период Великой Отечественной войны.

В ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым» коллекция писем восточных рабочих – уроженцев Крыма поступила в 1986

году из Государственного архива Хмельницкой области УССР. В настоящее время это, к сожалению, исчерпывающая информация о происхождении коллекции. Всего коллекция насчитывает 1 607 ед. хр., оформленных в 15 дел. Состояние писем можно оценить как удовлетворительное.

Датировка писем относится к 1942–44 гг. Письма выполнены на русском языке, присутствуют единичные образцы на украинском и татарском языках. Что касается исполнения, то подавляющее большинство писем составлено с нарушением всех возможных правил русского языка («Я очень скучилась за семочкамы если можно то пришлите подсолночных и кабачных..»; «Пиридаю я вам свой пламено сердечный привет с горячим пацылуюм». Отчасти это связано с полиэтничной спецификой региона, где в повседневной речи наблюдалось языковое смешение русского и украинского языков, иных местных наречий.

Формально-количественный метод исследования коллекции применен нами условно в связи со сложностями объективного и субъективного характера, которые могут быть преодолены исследователями в дальнейшей работе с коллекцией. Отсутствие полной информации в самих текстах, не читаемость отдельных частей документов явились препятствием к квантитативным подсчетам по некоторым интересующим нас вопросам внешней и внутренней характеристики источников. Тем не менее, исходя из подстрочного анализа текстов писем, характера обращений к адресатам, были сделаны следующие выводы:

– подавляющее большинство писем принадлежат молодым людям обоих полов – среднего и старшего школьного возраста. Встречаются единичные послания людей старшего возраста, например, матери, угнанной вместе с дочерью или выпускника мединститута (Бурлаков Всеволод из Симферополя в письме из Виттенберга от 18.09.1943 г. отцу доктору Михаилу Германовичу просил выслать пособие по рентгенологии. Писал, что иногда оперирует, перечислял сделанные операции; надеялся, что, когда уже ознакомится достаточно с профессией, станет отцу помощником [10, л. 51]);

– адресатами выступали родители, родственники, друзья, иногда соседи, угнанных на работы в Германию из основных населенных пунктов Крыма (Симферополь, Бахчисарай, Евпатория, Керчь, Ялта, Джанкой, Феодосия и др.);

– значительна доля писем городских ребят, которые уже в Германии были привлечены к работам в фермерских хозяйствах, что остро переживали как физически, так и эмоционально.

Так как для рабочих с Востока была издана специальная почтовая инструкция, согласно которой, письма можно было отправлять дважды в месяц, сначала в конвертах весом не более 250 грамм, затем принимались послания только на открытках. Запрещалось пересылать рисунки, любые системы сокращений письма, применять конверты с подкладкой. Ограниченность пространства с одной стороны вызывала информационную насыщенность, с другой – излишнее эмоционирование. Иногда складывается впечатление, что частое повторения одного и того же вызвано нежеланием вдаваться в подробности своей жизни в Германии. Почта перлюстрировалась в обязательном порядке, поэтому, боясь возможных репрессий за негативные отзывы о пребывании в Германии, не решались писать домой или же отправляли односложные послания, типа: «Тато и мама, не горюйте обо мне». «… Я поживаю очень харашо тово и тебе жилаю найкрайщой жизни. Галічка я никуда нихожу нас непускают уже аж голова репаіца так нам «очень харашо» [6, л. 21].

Сложности в отправке посланий в силу установленной периодичности – 2 письма в месяц побуждали к тщательному подсчету писем и посылок, обсуждению в настоящем письме предыдущих (до ½ письма). Любая весточка из дома была, если не редкостью, то большой драгоценностью, перечитывалась множество раз: «почему вы мне не пишите. Мои хозяева думают, что я безродная. Пишите…! Ведь это счастье иметь из дому весточку» [10, л. 76].

Характеризуя свою жизнь как скучную и безрадостную, остро переживали моменты налаживания дружеских связей, досугового времени («…Первый раз была в кино. Буду теперь всегда ходить, один раз в месяц бывает здесь фильм. Обещают купить мне парадный костюм. Хозяйка не дождется конца войны чтоб поехать в Крым, покушать фрук-

тов. Мечты – мечты, где Ваша сладость…» [8, л. 59]). Оказаться в Германии вблизи знакомых или родственников рассматривалось как большая удача, ведь общение на родном языке и поддержка близких были крайне важны на чужбине («перевели на другую работу и теперь живу на одной улице с Тасей, каждый день видимся. Пока что живем весело и счастливо») [10, л. 107].

В целом, эмоционально-смысловая доминанта организовывала семантику, синтаксис и прагматику эпистолярного текста остарбайтеров. Главным дескриптором личностного смысла автора письма всегда оставались ценности и чувства. Авторы придавали оценочный окрас всему описываемому (оценки людей, событий, явлений погоды, даже приветствиям – «свой скучный сердечный привет») [7, л. 86].

Таким образом, письма как вид связи между остарбайтерами и их семьями был признан как наиболее эффективный, поэтому учитывался и в пропаганде и в целом в военно-политическом дискурсе Германии. Например, аргументируя ростом распространения негативных слухов о Германии и, соответственно, сопротивления со стороны восточных рабочих, Главному уполномоченному по использованию рабочей силы был поручен вопрос об улучшении положения остарбайтеров. Распоряжением министерства обороны от 30.06.1942 года были введены новые ставки заработной платы, уменьшены налоговые и иные вычеты, которые до этого доходили до 75 % заработной платы. В документах также прослеживались отчеты о смягчении полицейского режима и условий содержания во многих трудовых лагерях рейха [12, л. 406–408].

На оккупированных советских территориях, в том числе в Крыму, развернулась шумную пропагандистская кампанию с целью мотивации населения на добровольный выезд в Германию. Фашистские агитаторы призывали население принять участие в «строительстве новой Европы и обеспечении скорейшего окончания войны», всячески пытались заманить людей обещаниями неслыханных благ, которые якобы ждут их в рейхе: высокими заработками, приобретением ценных специальностей, усвоением навыков европейской культуры [13, с. 180]. При этом использовался максимум средств агитации: выставки, восхвалявшие нацистский «рай» и «счастливую жизнь восточных рабочих», киноагитки, издавались миллионными тиражами листовки и плакаты с призывами записываться добровольцами на работу в Германию. Часто нацисты прибегали к откровенной лжи, например, объявляя, что оставшиеся на месте члены семей добровольцев будут полностью обеспечены [15, с. 222].

Тем не менее, ни в одном письме мы не нашли прямого или косвенного указания на добровольный выезд в Германию. Наоборот жалобы о том, что оторваны от родного дома и привычной среды, стенания о страхе умереть или не вернуться на родину: «Мамочка, мне уже 16 лет и что я в своей жизни хорошего видела, абсолютно ничего. …Сколько нашей молодежи по 19 лет, по 16 лет проливают кровь на каких-то угольных шахтах, сколько трупов выносят на кладбище нашей молодежи и как вспомнишь, ведь его мать или же отец дома ждут и его кости уже сгнили в сырой земле и нам всем соколам – юношам придется здесь оставить наши трупы среди наших врагов, которые нас ненавидят, как паршивую собаку и смеются над нами…» [4, л. 4]. В целом письма наполнены добрыми и ласковыми словами, беспокойством о здоровье близких и их благополучии. Например, Иван Бижук в Джанкой каждое письмо начинал со слов «дорогие мои родители» [5, л. 1], что характеризовало уровень воспитания, но и стремление подчеркнуть свою связь с близкими, успокоить их.

Значительно количество опосредованных отзывов о том, как избегали вывоза на территорию Третьего рейха: вступали в брак, чем вызывали гнев и смех не таких предприимчивых сверстников, и что не избавляло от участи быть мобилизованным: «Здравствуй Николай и все молодые друзья! Пишу вам открытку с далекой Австрии. Николай ты говоришь, что все женились с наших знакомых друзей. Ничего они тоже скоро будут с нами. Сейчас визут с Украины по 10 и 11 лет детей потому что нету старшой молодежи, всю забрали, а что осталась та в лесах. Желаем этим молодым людям щастливой жизни и всего наилучшего. В такое время женится то лутше повесится...» [9, л. 76].

Большинство сохраняли в себе, если не уверенность, то надежду на скорое возвращение домой. И в каждом письме говорили

либо о скором отпуске, либо об окончательном отъезде из Германии: «У нас идут новости, что мы поедем домой под новый год, но не знаю точно, говорят, что мы получим отпуск домой на одну неделю, но не знаю точно или нет» [5, л. 79].

Что касается трудоиспользования восточных рабочих, то их труд в основном применялся в сельском хозяйстве и в домашнем услужении. Дети и подростки из контингента восточных рабочих часто направлялись на работу на предприятия в качестве учеников, из которых в будущем планировалось восполнить отряд квалифицированных рабочих [11, л. 21]. Для обучения восточных рабочих на предприятиях создавались нечто вроде производственных курсов. Время от времени устраивались примитивные экзамены, по окончании которых лучшие ученики получали небольшие премии. Некоторые предприятия ежедневно посвящали два часа перед работой производственному обучению. В пропагандистских материалах высокомерно сообщалось, что «из совершенно бесполезных вначале юношей и девушек были подготовлены полезные помощники» [3, л. 86 об. – 88]. Отзывы об этих «курсах» со стороны восточных рабочих не всегда были лестными, в силу ряда обстоятельств: обучение не исключало ежедневное выполнение рабочей нормы; часто проходя до и после смены, приводило к непомерному увеличению рабочего дня. Так, Гаврилова Женя жаловалась в письме родителям: «… меня сейчас перевели на другую работу учуся слесарем. Работа намного хуже. Ну ничего может скоро вернуся и отдыхну и все роскажу про свою жизнь» [5, л. 2].

Дети, попавшие в Германию, безусловно, повзрослели раньше своих сверстников, оставшихся дома, закалились в пережитых испытаниях, обретя бесценный жизненный опыт («…Тяжелая жизнь во время войны. Кончится война и все радостное вернется и там достичь все можно. Хозяйством управлять научилась. Были бы только все живы здоровы…») [8, л. 59].

Одними из ключевых тем, обсуждаемых в письмах, были проблемы переживания своего положения в отрыве от семьи и родины, неопределенности будущего, сложности межличностных контактов между остарбайтерами, с хозяевами. События жизни остарбайтеров создали необходимость в течение длительного времени жить людям не только в непривычных условиях, но и часто с утратой индивидуального пространства или, наоборот, испытывать одиночество, находясь в постоянном окружении людей. «Некому слова сказать или совет попросить» [4, л. 36] – достаточно распространенная жалоба в письмах и даже дневниках остарбайтеров. Но оказавшись в ситуации подчас невыносимой и взрослым, дети оставались детьми, сохраняя свою непосредственность, иногда эгоизм в отношении родителей. Практически в каждом письме домой юные остарбайтеры просили родителей о посылках, в основном точно указывая, что им необходимо: одежду или продукты, табак. Посылки не только поддерживали материально, но выступали связующим звеном с семьей, символическим знаком родительской любви и заботы («Папочка, вышлите мне из дома посылку 250 гр. сухарей все девочки получают посылку, а я нет») [5, л. 55].

Есть и курьезные примеры, которые ярко характеризуют своих авторов, ту социокультурную среду, в которой они были воспитаны. Например, следующие отрывки из писем: «Последние ваши посылки я получил, где были носки и два кусочка сала. Но я должен сказать, что один из кусочков был спорчен. Видно уже старое сало. Посредине какое-то желтое пятно, которое я вырезал, а остальное сало поел…» [5, л. 12]; «…мама я ваш подарочек скушал и нераспробовал, а вы писали, чтобы я неопкушался» [8, л. 33], «Мама, а все же бабушкина посылка была вкуснее чем твоя» [10, л. 100].

Отношение к хозяевам можно характеризовать как отстраненно-объективное, иногда с долей сарказма. Кроме как хозяин и хозяйка работодателей восточные рабочие не называли. Интересна реплика в письме Аметовой Азие от дочерей Милы и Марии в Крым о том, что хозяин их повторяет «мы – великие хозяева», вызывая смех девушек [5, л. 23]. Это ироничное отношение к хозяевам характерно было при близком взаимодействии в фермерском хозяйстве или личном услужении. Совместное выполнение ежедневной рутиной домашней работы, совместный прием пищи, решение каких-либо бытовых проблем сплачивало людей, делало их с одной стороны крайне восприимчивыми к эмоциям

и действиям друг друга, с другой – более терпимыми.

Материалы бывших принудительных работников показывают примеры различных форм взаимоотношений с немцами – представителями власти, с работодателями и простыми обывателями – в разных сферах жизнедеятельности: в промышленности, в сельском и домашнем хозяйстве, в церковных общинах. В этом ряду письма остарбайтеров – безусловно источник не свободный от авторских оценок. Но, как точно отмечает В. А. Всеволодов, эти источники с особой рельефностью рисуют картину войны и ее последствия, и сила их в свидетельских показаниях. Также письма восточных рабочих помогут решить интереснейшую исследовательскую задачу – анализ проблемы выбора всех участников системы (и объектов и субъектов принудительного труда) в рамках дилеммы – нечеловеческие отношения и человеческие взаимоотношения [2, с. 69].

Безусловно, что судьба целых народов и поколений, переживших Великую Отечественную войну, сложилась довольно печально, была полна испытаний, потерь и горя. Несправедливость отношения к остарбайтерам и военнопленным была характерна не только со стороны противника, союзников по коалиции, но и со стороны Советского государства и общества. В этом были существенные перегибы тоталитарного бюрократического государства, сложности послевоенного взаимодействия внутри общества, между обществом и властью.

Отчасти виной негатива к остарбайтером становились неосторожные слова об их устроенности в Германии, восхищении порядком и организованностью производства, устроенностью быта немцев. «Особенно не рвется на родину», – писала мать о своей дочери из Германии домой [5, л. 10]; Муратова К. в письме подруге в Симферополь, описывая зажиточность и благополучие хозяев, высказывала удовлетворение своей жизнью в Германии: «… Словом мы довольны. Обратно не собираемся, уже свободно говорим по-немецки и хорошо понимаем» [5, л. 66]. Имела место и определенная результативность германской пропагандистской машины, использовавшей все средства массовой информации и пропагандистских материалов, вплоть до слухов, чтобы разорвать нити, связующие остарбайтеров с родиной.

Безусловным фактом выступает то, что письма остарбайтеров – важнейший «живой» источник, могущий дать разностороннюю информацию и об устройстве быта советских людей в состоянии неволи и их чувствах, переживаниях, стратегиях выживания и сохранения этнической и социальной самоидентификации. Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос поиска, введения в научный оборот данных источников, их адекватной интерпретации, основанной и на глубоком анализе процессов использования подневольного труда в Третьем рейхе на протяжении Великой Отечественной войны и психологии человека, насильственно лишенного свободы распоряжаться своей судьбой.

От анализа писем, в силу специфики этого источника, нельзя ждать ответа на все без исключения вопросы. При этом следует помнить: являясь продуктом индивидуальной духовной деятельности, письма часто становятся выразителями типичных взглядов и настроений. А для историка объективная и субъективная реальности важны в равной мере.

Источники и литература

1. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986. URL: http://portal.kspi.kz/files/book_ik/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA.pdf (Дата обращения: 01.06.2016).
2. Всеволодов В. А. Новые источники по теме «советские военнопленные и остарбайтеры»: некоторые проблемы использования, публикации и интерпретации // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: опыт изучения и преподавания. М.: РГГУ, 2005. С. 63–71.
3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф.П – 156. Оп. 1. Д. 27. Л. 86 об. - 88.
4. ГАРК. Ф.П – 156. Оп. 1. Д. 30.
5. ГАРК. Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАРК. Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАРК. Ф. Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАРК. Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАРК. Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 13.
10. ГАРК. Ф.Р – 4602. Оп. 1. Д. 15.

11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р - 7021. Оп. 148. Д. 198. Л. 21.
12. ГАРФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 406-408.
13. Земсков В. Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Мысль, 1986. 271 с.
14. Романько О. В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь: АнтиквА, 2009. 272 с.
15. Слинько И. И. Угон населения Украины в фашистское рабство // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М.: Политиздат, 1965. С. 219–230.

References

1. Blok M. Apologija istorii. (*Apology of history*). M.: Nauka, 1986. URL: http: // humanities.edu.ru/db/msg/5753 (Accessed: 01.06.2016) (In Russian).
2. Vsevolodov V. A. Novye istochniki po teme «sovetskie voennoplennye i ostarbajtery»: nekotorye problemy ispol'zovanija, publikacii i interpretacii (*New sources on «Soviet prisoners of war and Ostarbaiters»: some problems of use, publications and interpretation*) // Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg.: opyt izuchenija i prepodavanija. Moscow: RSHU, 2005. P.63 – 71. (In Russian).
3. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). (*The State Archive of the Republic of Crimea*). F.P – 156. Inv.1. D. 27. L.86 ob. – 88. (In Russian).
4. GARK. F.P – 156. Inv.1. D. 30. (In Russian).
5. GARK. F.R – 4602. Inv.1. D. 1. (In Russian).
6. GARK. F.R – 4602. Inv.1. D. 2. (In Russian).
7. GARK. F. F.R – 4602. Inv.1. D. 3. (In Russian).
8. GARK. F.R – 4602. Inv.1. D. 4. (In Russian).
9. GARK. F.R – 4602. Inv.1. D. 13. (In Russian).
10. GARK. F.R – 4602. Inv. 1. D. 15. (In Russian).
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). (*State Archive of the Russian Federation*). F.R - 7021. Inv. 148. D. 198. (In Russian).
12. GARF. F. R – 7021. Inv. 148. D. 256. (In Russian).
13. Zemskov V.N. Vedushhaja sila vsenarodnoj bor'by: Bor'ba sovetskogo rabochego klassa na vremenno okkupirovannoj fashistami territorii SSSR (1941–1944 gg.). (*The force in the national struggle: The struggle of the Soviet working class in the temporarily occupied territory of the USSR by the fascists (1941–1944)*). Moscow: Mysl', 1986. 271 p. (In Russian).
14. Roman'ko O. V. Nemeckaja okkupacionnaja politika na territorii Kryma i nacional'nyj vopros (1941–1944). (*The German occupation policy in the Crimea and the National Question (1941–1944)*. Simferopol': AntikvA, 2009. 272 p. (In Russian).
15. Slin'ko I. I. Ugon naselenija Ukrainy v fashistskoe rabstvo // Nemecko-fashistskij okkupacionnyj rezhim (1941–1944 gg.). (*Deportation of the Ukrainian population in the fascist slavery*). Moscow: Politizdat, 1965. P. 219–230. (In Russian).

УДК 94 (470.6) “17”

Ю. Ю. Гранкин

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII в.: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье анализируются шаги российской власти, направленные на развитие торговли в условиях Северного Кавказа. Показаны исторические обстоятельства постепенного вовлечения местных народов в экономическое пространство империи. Даётся оценка политических факторов, которые затрудняли данный процесс. Показаны механизмы, с помощью которых российская администрация стремилась заинтересовать купцов принимать участие в хозяйственном освоении региона. Анализируются особенности товаров, которые доминировали на местном рынке. Выясняется, как политические интересы способствовали поощрению торговых операций либо наоборот – ограничивали их. Показано, как сосуществовали легальные способы организации торговых контактов и неофициальные методы выстраивания обмена, основанные на контрабанде.

Ключевые слова: Торговля, купцы, товар, горцы, карантин, статистика, набеги, ярмарки.

Yu. Yu. Grankin

REGIONAL PECULIARITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE TRADE POLICY IN THE NORTH CAUCASUS IN THE XVIII CENTURY: ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS

The article analyzes the activity of the Russian State authority aimed at trade development in the conditions of the North Caucasus. The historical circumstances of gradual involvement of local peoples in the economic sphere of the Empire are shown. The political factors, which hampered the process, were assessed. The mechanisms of the Russian authority, trying to involve merchants in the economic development of the region, where retraced. The features of goods, dominated at the local market, were analyzed. The article clears up political interests promoted trade relations or on the contrary-limited them. It is shown that legal trade contacts and informal methods of exchange based on smuggle took place.

Key words: Trade, merchants, goods, mountaineers, quarantine, statistics, raids, fairs.

В политической и экономической жизни Российской империи XVIII в. торговые связи были одной из значимых составляющих. Продолжая реализовывать программу по интеграции северокавказских территорий в общеимперское пространство, власти использовали все возможные средства для вовлечения местных жителей в различные общественные сферы, и торговля была одним из эффективных инструментов на пути к намеченной цели.

В период правления Петра I Россия интенсивно расширяла экономические связи с государствами Европы и Азии, что, например, не только дало толчок развитию текстильного производства, но и потребовало стабильного внутреннего снабжения его таким сырьём, как хлопок, грежа (шёлк-сырец), марена. Привлечение поставщиков такого сырья из северокавказского региона служило перспективным целям повышения эффективности производства и получения выгоды [16, с. 31]. Кроме этого, экономическое внимание к Северному Кавказу обусловлено ещё и тем, что здесь проходили транзитные пути в Персию, и местные жители рассматривались как потенциальные потребители российских товаров.

Персидский, или Каспийский поход был задуман в том числе для реализации этих амбициозных замыслов, однако они не были претворены в жизнь – для России петровского времени проект оказался слишком грандиозным по своему масштабу и требуемым расходам, поэтому последующие правители были вынуждены от него отказаться, но, тем не менее, удерживали свои позиции на Северном Кавказе [22, с. 81].

Видный государственный деятель В. Н. Татищев выступал за возобновление торговых связей на Каспии и предлагал предоставлять особые налоговые условия для купцов, предвидя будущие экономические прибыли для государства [5, с. 160–161]. Начинать приходилось не с нуля – основанные здесь города-крепости послужили для российских торговцев надежными аванпостами.

Одним из крупных поселений была крепость Терки, где уже в начале XVIII в. была налажена торговля русскими товарами (принадлежности для швейного дела, ткани, одежда и головные уборы, медная утварь и др.), предназначенными для жителей Тарковского шамхальства, Кайтагского уцмийства, Кабарды. Военные подразделения Терской крепости и горожане, помимо поставок зерна из Астрахани, получали и местный хлеб, который завозили торговцы из Дагестана [23, с. 11]. Кроме хлеба, закупали фрукты, мёд, орехи. Молочную и мясную продукцию реализовывали номады и другие кочевые народы, а рыбой торговали казаки.

Таким образом, город-крепость Терки стал на долгое время для России опорой в восточном направлении развития торговых связей. Во-первых, через него пролегал длинный торговый маршрут, связывающий империю с Дагестаном, Чечнёй, Осетией, Кабардой, государствами Закавказья, Ираном, Индией и Китаем. Во-вторых, неподалёку в Астрахани сходились морской (через Каспий) и сухопутный (вдоль побережья) торговые пути, благодаря которым торговля велась круглогодично, независимо от погодных условий. Данное направление было освоено торговцами достаточно давно, но стабильно и интенсивно его стали использовать после образования Терского города [5, с. 165]. Исследователи отмечают, что в отдельные периоды торговый оборот в Терках превосходил даже рынок Дербента [15, с. 52].

Доходы города формировались за счет предприимчивости местных жителей, купцов, ремесленников и успешно организованной транзитной торговли. Пёстрый этнический состав населения свидетельствовал о том, что власти сумели создать привлекательные условия для торговли, организации быта и занятия ремёслами, поэтому жители напрямую связывали с Россией своё материальное благосостояние, постепенно включаясь в её экономическое, политическое и культурное пространство.

Активное ведение торговли позволило местным феодалам заниматься престижной деятельностью во благо казне – сбором налогов на таможне. Так в XVII в., это право заслужил кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский [19, с. 365]. Такой подход иллюстрирует позицию российских властей, стремившихся упрочить своё политическое и экономическое положение в регионе, опираясь на верных, лояльных представителей из местных элит.

Как центр ремесленного дела Терский город активно вёл внутреннюю и внешнюю торговлю. Стабилен был спрос, например, на оружие, производимое как московскими переселенцами, так и местными мастерами. Значимой частью экспорта для регионального рынка стала марена, корни которой использовались в качестве сырья для изготовления красителя. Кроме этого, благодаря удобному положению город зарабатывал на транзитной торговле. Так, от одних таможенных сборов с 1720 по 1723 гг. был получен доход в 1149 руб. [5, с. 165].

В деле налаживания торговых связей со странами Востока и северокавказскими жителями российские власти опирались на посредничество деятельных армянских купцов, оказывая им покровительство и акцентируя внимание на конфессиональной близости. Таким образом, выступая в качестве подданных российского императора, торговцы могли вести дела в русских городах, улучшая своё благосостояние. Также они могли выступать посредниками между русской стороной и «немирными» горцами, показывая последним позитивный пример занятия мирным делом [3, с. 87]. Так, из 44 партий товаров, отправленных на терский рынок с 1718 по 1726 гг., 19 принадлежало армянским купцам. Кроме них торговлей были заняты бухарцы, дагестанские горцы, гилянцы, индусы.

После упразднения Терок жителей переселили в крепость Святой Крест, а благоприятный опыт взаимодействия с автохтонным населением был использован на новом месте. Укрепление стало не только пунктом транзита на пути караванов, но и оживленным рынком, где наиболее востребованные товары продавались без пошлин по решению Сената [26, с. 295].

Благодаря активизации торговых связей улучшилось и стало более разнообразным снабжение русской армии продовольствием. Его завозили теперь не только из Астрахани, но и в частном порядке от дагестанских производителей [6, с. 168].

Торговая деятельность в крепости была ориентирована на местных потребителей [20, с. 25], жителей горных селений Северо-Восточного Кавказа, но через посредников товары поступали и в районы, относящиеся к сфере влияния Османской империи.

Покровительство и защиту в крепости получали не только армяне, но и единоверцы-грузины, приезжавшие по торговым делам и оставшиеся в ней жить [4, с. 76–78].

После упразднения города новым центром ремёсел и коммерции на Кавказе с 1735 г. стал Кизляр, унаследовавший обычаи русско-северокавказской торговли Терок и Святого Креста. Город вырос на древнем пути, которым пользовались торговцы со странами Востока и Европы. Национальная пестрота населения Кизляра объяснялась тем, что в городе были созданы благоприятные условия для деятельности купцов, ведших дела в восточном направлении, и в целом неконфликтная обстановка для представителей разных этносов. Были устроены постоялые дворы для приезжих торговцев, стали работать три крупных рынка, именуемые армянским, русским и татарским [2, с. 83]. Их услугами активно пользовались жители аулов, располагавшихся в пределах до 200 вёрст от Кизляра, а также кочевники. Деятельность армянских торговцев стала необычайно успешной, что подтвердило расчёты Петра Великого, в своё оказывавшего им поддержку.

К сожалению, многие сведения в силу разных обстоятельств оказались утраченными, но даже те статистические данные, которыми располагают современные учёные, позволяют восстановить масштабы и специализацию товарооборота кизлярского рынка. Северо-Восточный Кавказ снабжал Россию мареной, мехом и кожей животных, тканями и предметами одежды, местными пищевыми продуктами – сухофруктами и пастилой, вином, медом и патокой. Так, в 1746 г. из Кизляра в Астрахань было отправлено 48 партий товара, оценённых в 7758 руб. Персия ввозила через город в Россию ткани и изделия из них, медные товары и многое другое. Значительный доход по-прежнему предоставляли экспортные поставки марены. Например, в 1746 году Кизляр поставил в Астрахань 18 партий (что составило 2008 пудов марены стоимостью 5014 руб.). В процентном же выражении прибыли от вывоза товаров это было 64 % [5, с. 177].

Ассортимент товаров из России для жителей Северо-Восточного Кавказа был подобран так, чтобы не было конкуренции с аналогами, завозимыми из-за границы. В основном это были предметы повседневной необходимости – швейные принадлежности, ножницы, сундуки, ткани из хлопка, кухонная утварь и др. Несмотря на то, что реализация этих товаров не приносила высоких доходов, они имели постоянный и прогнозируемый спрос. Таким образом, взаимовыгодные торговые отношения формировали пророссийскую направленность местного населения, становившегося вполне благонадёжным партнёром как в экономической, так и в политической сфере.

Очевидно, что основной целью организации русско-горского торгового взаимодействия была не коммерческая выгода, а достижение долговременных политических результатов, – именно об этом говорят действия официальных властей. Так, на таможне для купцов-северокавказцев, которые желали торговать на рынках империи, были отменены пошлины и применялись различные льготы [18, с. 132–137]. И, конечно, запрет на посещение торговых мест для «немирных» горцев, говорил о доминанте политического расчета над экономическими интересами [27, с. 86]. Так, эти меры коснулись чеченцев, разгневавших императрицу Елизавету Петровну своими набегами на русские земли и вставших перед необходимостью просить о предоставлении им возможности вернуться для торговых дел в российские города.

Следует признать, что наличие казнокрадства и мздоимства зачастую искажали те вы-

сокие замыслы по развитию торговых взаимоотношений, которыми руководствовалось правительство. Тем не менее, русско-горские коммерческие связи продолжали эволюционировать, а торговцы способствовали установлению мирного порядка в ведении дел и неконфликтному объединению населения региона, что было первостепенной задачей для российских властей [17, с. 38].

Чтобы содействовать дальнейшему развитию коммерции и приобщению горцев к мирной жизни в империи, в 1780 г. Екатерина II приказала организовать еще три места для ведения меновой торговли в Ставрополе, Екатериноградe и Георгиевске. Возраставший товарооборот делал его участников зависимыми друг от друга, что позволяло им ощутить все положительные стороны мирной деятельности. Так как наличных денег было немного, торговля носила меновый характер, и жители, направляясь на рынок, брали с собой небольшие партии товаров, пользовавшихся стабильным спросом. Например, казаки обменивали холст и рыбу у горцев на необходимое для себя продовольствие – зерно, муку и т.д. [24, с. 172].

Сложности создавали контрабандисты и купцы, не желавшие платить пошлины на кизлярской таможне [25, с. 221]. Однако, проводя свои караваны мимо заставы, торговцы подвергали себя риску нападения со стороны набежчиков. Со стороны властей действия были непоследовательными – то объявлялись запретительные меры, то наоборот объявлялись льготы, менялись перечни неразрешенных к ввозу и вывозу товаров [21, с. 30]. Для того чтобы стимулировать повышение торгового оборота, с 1771 г. пошлину стали оплачивать покупатели [14, с. 105].

С 1795 г. в Екатеринодаре также стали открывать меновые дворы, что давало возможность прибывшим на Кубань казакам-черноморцам запасаться необходимым продовольствием, осуществляя торговый обмен с закубанцами. В самом Екатеринодаре преимущественно торговали с бжедугами, на Ольгинском кордоне – с натухайцами, а на Андреевском кордоне – с шапсугами [9]. Предметом обмена становился хлеб, для кавказцев же ценность представляла соль. Согласно архивным данным, к концу XVIII в. стоимость мерки соли составляла две мерки зерна [10]. Так благодаря взаимовыгодному сотрудничеству и «ласковому обхождению» [8] с горцами-поставщиками была налажена деятельность торговых пунктов на Северо-Западном Кавказе. Определённые трудности в работе меновых дворов создала эпидемия чумы, потому на них проводились карантинные мероприятия с использованием химреактивов, свойственные уровню развития медицинской науки того времени [11].

В результате того, что российские власти старались взять монополию на работу меновых дворов в свои руки, предпринимателям сложно было влиять на оборот товаров, а также на их ассортимент. Причиной этого была попытка сделать соль эквивалентом стоимости в расчетах с горцами, но такая «унификация» сужала перспективы для выгодной торговли, ведь закубанцы проявляли интерес и к другим видам товаров. Также для черкесов предпочтителен был расчет в наличных деньгах, например, в турецких монетах, а российских денег в обороте у горцев было немного. В сложившейся тупиковой ситуации было трудно найти выход, и решением для казаков и горцев стала нелегальная торговая деятельность.

Как и на Северо-Восточном Кавказе, власти вели работу по пресечению незаконной торговли и контрабанды, но, по-видимому, она имела демонстративный характер и не могла изменить ситуацию в корне. Не следует упускать из внимания, что большой выгоды для казны торговля не приносила и выполняла роль политического инструмента в налаживании взаимодействия с горцами. Об этом свидетельствуют, например, наблюдения кавказоведа С.М. Броневского, писавшего о том, что суммарно стоимость товаров, завезённых в Россию через два таможенных пунктах в Усть-Лабинской и в Прочном Окопе, не превышает за год 10 000 руб.; доход же от вывоза товаров еще меньше. Если брать в расчёт рынок Моздока, где нет таможни, а также 4 меновых двора Кубани, то общий оборот средств с черкесами насчитывает до 30 000 руб. в год. Здесь не учитывается торговля лошадьми (для покупателей пошлины сняты) и солью, т.к. это особая статья. Но если суммировать и эти торговые позиции и добавить доходы от контрабанды, то «можно кажется сию сумму утроить или круглым счетом положить до 100000 рублей». Далее исследователь отмечает факт «маловажно-

сти торговли с черкесами», чему причинами не только малое количество наличных денег, штучный товар для реализации, произведенный ремесленниками, но и общественные «предрассудки», которые оценивают торговое дело как нечто постыдное, как признак нужды [1, с. 144–145].

С. М. Броневский прав лишь отчасти; несмотря на то, что масштабы русско-северокавказской торговли были не столь внушительны, она была важна для горских племён, так как обеспечивала их потребности в российских товарах и давала возможность реализации собственной продукции. Неслучайно для местной администрации торговая блокада была одной из актуальных мер воздействия на «немирные» общества, которые от такого ограничения терпели тяготы [14, с. 110].

Скудость ассортимента меновых дворов восполняли ярмарки, которые старались проводить регулярно. Так, с 1794 г. в Екатеринодаре организовывали сезонные торги четыре раза в год: в марте, июне, августе и октябре [13].

Постепенно проникаясь русскими культурными традициями, северокавказцы изменяли своё отношение ко многим явлениям, в частности и к торговле. Ею стали заниматься представители горской элиты, развивавшие, например, торговые перевозки в достаточно крупных масштабах по местным критериям [12].

Конечно, в самом начале русским торговцам было сложно вписаться в региональную рыночную среду, т.к. приходилось учитывать фактор конкуренции со стороны более опытных предпринимателей-османов, предлагавших более выгодные цены на горскую продукцию [7]. Постепенно оттесняя турок с кавказской территории, российская администрация использует фактор политического превосходства для управления другими сферами жизни, в том числе и для оказания экономического влияния.

Источники и литература

1. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Типография С. Селивановского, 1823. 465 с.
2. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. 248 с.
3. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 134 с.
4. Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Ч.1. 112 с.
5. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции: дисс. … докт. ист. наук. Махачкала: РАН, 2007. 275 с.
6. Гарунова Н. Н., Чекулаев-Братчиков Н. Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала: ДГУ, 2011. 620 с.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.249. Оп.1. Д.148.
8. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.222.
9. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.332.
10. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.355.
11. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.379.
12. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.386.
13. Государственный архив Ставропольского края. Ф.250. Оп.5. Д.21.
14. Гранкин Ю. Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. 216 с.
15. Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов-на-Дону: РГУ, 1984. 187 с.
16. Иноземцева Е. И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. 187 с.
17. Иноземцева Е. И. Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII веке // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Тезисы доклада II Международного Конгресса. Пятигорск: ПГЛУ, 1998. С. 38.
18. Иноземцева Е. И. Торгово-экономические связи равнинного Дагестана с Россией в XVIII в. // Труды Географического общества Дагестана. Махачкала: ДГПУ, 1995. Вып.23. С. 132–137.
19. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т.I. XVI–XVII вв. М: АН СССР, 1957. 479 с.
20. Киласов Р. К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1971. 25 с.

21. Кисловский Ю. Г. История таможни государства Российского. М.: Автор, 1996. 288 с.
22. Клычников Ю. Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI–XVIII веках / под ред. и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 136 с.
23. Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVII–XVII вв. Махачкала: Типография ДФ АН СССР, 1954. 26 с.
24. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.
25. Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Т.I. Владикавказ: Электропечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. 384 с. (Репринтное издание).
26. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнига, 1958. 336 с.
27. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Наука, 1958. 244 с.

References

1. Bronevskij S. Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestija o Kavkaze (*Recent geographical and historical news of the Caucasus*). Moscow: S. Selivanovskii printing house, 1823. 465 p. (In Russian).
2. Vasil'ev D. S. Ocherki istorii nizov'ev Tereka: Dosovetskij period (*Essays on the history of the Lower Terek: pre-Soviet period*). Mahachkala: Dagestan Publishing, 1986. 248 p. (In Russian).
3. Gadzhiev V. G. Rol' Rossii v istorii Dagestana (*Russia's role in the history of Dagestan*). Moscow: Nauka, 1965. 134 p. (In Russian).
4. Gamrekeli V. N. Torgovye svjazi Vostochnoj Gruzii s Severnym Kavkazom (*Trade relations of Eastern Georgia with the North Caucasus*). Tbilisi: Mecniereba, 1968. Part.1. 112 p. (In Russian).
5. Garunova N. N. Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoj, jekonomicheskoj i kul'turnoj integracii (*Russian fortress city in the context of Russia's policy in the North-East Caucasus in XVIII – first half of XIX century: problems of political, economic and cultural integration*): doctoral dissertation. Mahachkala: RAS, 2007. 275 p. (In Russian).
6. Garunova N. N., Chekulaev-Bratchikov N. D. Rossijskaja imperatorskaja armija na Kavkaze v XVIII veke: Istorija Kizljarskogo garnizona (1735–1800 gg.) (*Russian imperial army in the Caucasus XVIII Century: The Story of Kizlyar Garrison (1735–1800 gg*.). Mahachkala: DSU, 2011. 620 p. (In Russian).
7. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F.249. Inv.1. D.148. L.43. (In Russian).
8. GAKK. F.249. Inv.1. D.222. (In Russian).
9. GAKK. F.249. Inv.1. D.332. (In Russian).
10. GAKK. F.249. Inv.1. D.355. (In Russian).
11. GAKK. F.249. Inv.1. D.379. (In Russian).
12. GAKK. F.249. Inv.1. D.386. (In Russian).
13. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F.250. Inv.5. D.21. (In Russian).
14. Grankin Yu. Yu. Torgovo-jekonomicheskie svjazi Rossii s narodami Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza (konec XVIII – pervaja polovina XIX vv.) (*Trade and economic ties between Russia and the nations of Western and Central Caucasus (end XVIII – the first half of the XIX*). Pyatigorsk: PSLU, 2002. 216 p. (In Russian).
15. Gricenko N. P. Goroda Severo-Vostochnogo Kavkaza i proizvoditel'nye sily kraja. V – seredina XIX veka (*City of Northeast Caucasus and the productive forces of the region. V – the middle of the XIX century*). Rostov-on-Don: RSU, 1984. 187 p. (In Russian).
16. Inozemceva E. I. Dagestan i Rossija v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy torgovo-jekonomicheskih vzaimootnoshenij (*Dagestan and Russia in XVIII – the first half of the XIX century: the problems of trade and economic relations*). Mahachkala: DSC RAS, 2001. 187 p. (In Russian).
17. Inozemceva E. I. Rol' armjanskogo kupechestva v razvitii russko-dagestanskih torgovo-jekonomicheskih vzaimootnoshenij v XVIII veke (*The role of the Armenian merchants in the development of Russian-Dagestani trade and economic relations in XVIII*) // Mir na Severnom Kavkaze cherez jazyki, obrazovanie, kul'turu (*World of the North Caucasus through languages, education, culture*): Theses of reports of the International Congress. Pyatigorsk: PSLU, 1998. P.38. (In Russian).
18. Inozemceva E. I. Torgovo-jekonomicheskie svjazi ravninnogo Dagestana s Rossiej v XVIII v. (*Trade and economic relations of the plain territory of Dagestan in Russia in XVIII*) // Trudy Geograficheskogo obshhestva Dagestana (*Proceedings of the Geographical Society of Dagestan*). Mahachkala: DRSU, 1995. Issue 23. P.132–137. (In Russian).
19. Kabardino-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vv. (*Kabardino-Russian relations in XVI–XVIII centuries*). Vol.I. XVI–XVII vv. Moscow: SA USSR, 1957. 479 p. (In Russian).
20. Kilasov R. K. Russko-dagestanskie jekonomicheskie otnoshenija poslednej chetverti XVII – pervoj poloviny XVIII v. (po materialam Astrahanskoj tamozhni): abstract of a thesis (*Russian-Dagestan Economic Relations in last quarter XVII – the first half XVIII. (On materials of the Astrakhan customs)*. Moscow, 1971. 25 p. (In Russian).
21. Kislovskij Yu. G. Istorija tamozhni gosudarstva Rossijskogo (*History of the Russian State Customs*). Moscow: Avtor, 1996. 288 p. (In Russian).

22. Klychnikov Yu. Yu. Iz istorii formirovanija rossijskogo Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XVI–XVIII vekah (*From the history of the formation of the Russian North Caucasus in the second half XVI–XVIII centuries*) / ed by V.B. Vinogradov. Pyatigorsk: PSLU, 2008. 136 p. (In Russian).
23. Kusheva E. N. Russko-dagestanskie otnoshenija v XVII–XVII vv. (*Russian-Dagestan relations in XVII–XVII centuries*). Mahachkala: SA USSR (Dagestan branch), 1954. 26 p. (In Russian).
24. Omel'chenko I. L. Terskoe kazachestvo (*Terek Cossacks*). Vladikavkaz: Ir, 1991. 301 p. (In Russian).
25. Potto V. A. Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801) (*Two centuries Terek Cossacks (1577–1801*). Vol. I. Vladikavkaz: Printing the Terek Regional Board, 1912. 384 s. (Reprint). (In Russian).
26. Russko-dagestanskie otnoshenija XVII – pervoj chetverti XVIII vv. (*Russian-Dagestan relations XVII – first quarter XVIII centuries*): Dokuments / ed by R. G. Marshaev. Mahachkala: Dagkniga, 1958. 336 p. (In Russian).
27. Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vv. (*Russian policy in the Caucasus in XVI–XIX centuries*). Moscow: Nauka, 1958. 244 p. (In Russian).

УДК 94(410).01

А. Ю. Золотарев

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

В статье на основе анализа преимущественно законодательных источников рассматриваются механизмы управления и поддержания правопорядка в англосаксонском обществе, унаследованные им от эпохи варварства, и поставленные на службу формирующемуся государству раннего типа. К их числу отнесены патронат крупных землевладельцев и сотенная организация. И то, и другое носило характер принудительных повинностей, возложенных государством в лице короля на своих подданных. Крупные земельные собственники были превращены в агентов королевской власти на местах, взявших на поруки своих людей. Все свободные были связаны круговой порукой в рамках сотен и десятков, образовывавших систему т.н. «свободного обязательства».

Ключевые слова: Англия, раннее средневековье, государство и право, полиция, патронат и клиентела, сотня, коллективное принуждение, поручительство.

A. Yu. Zolotarev

COERCIVE POLICE STRUCTURES IN ANGLO-SAXON ENGLAND

The article, which is based predominantly on the legislative sources, deals with the ways of administration and police within Anglo-Saxon society which was inherited from the barbarian age and then used by a nascent medieval state. There are patronage and hundredal organization among them. Both were coercive obligations put on the subjects by the kings. The land-lords were made king's agents which were warrantors for their men. All free people were made members of the hundreds and the tithings which formed the so called «frankpledge system».

Key words: Anglo-Saxon England, law and administration, police, patronage and clientele, hundred, collective coercion, warranty, frankpledge.

Сформировавшееся на основе варварского общества раннесредневековое государство обладало весьма немногочисленным государственным аппаратом, что, очевидно, было следствием неразвитости его экономической базы. Однако англосаксонские короли неоднократно декларировали в законах в своих законах амбициозные цели поддержания мира, искоренения преступности, прежде всего воровства (I Ew., Pr.; II Ew., Pr.; V As., Pr.; II Em., Pr., 1; I Atr., Pr.; III Atr., Pr.; Cn 1020, 3; etc.) [6, S.139–141, 167,

186, 216, 228, 273]. Достижение этого было возможно только через перекладывание значительной части полицейских функций на общество в качестве принудительных повинностей. Это осуществлялось двумя способами: посредством превращения земельных магнатов в своего рода королевских агентов на местах и что бремя государственных повинностей государство возлагало непосредственно на широкие массы населения за счет их вовлечения в разного рода самоуправляющиеся сообщества, основанные на обязательном и принудительном членстве и круговой поруке их участников.

Существование тесных связей между патроном и клиентами фиксируется уже на раннем этапе развития англосаксонского общества, которое в этом отношении удивительным образом напоминает общество Древней Ирландии [3, с. 41–72], что можно объяснить, как наличием значительного кельтского субстрата в англосаксонском социуме, так и сходными историческими условиями: наличием значительного социального расслоения при практически полном отсутствии государственных институтов. Из законов короля Инэ (688–725) следует, что патрон мог ходатайствовать перед королем или королевским элдорменом за своих людей, совершивших преступление (Ine, 50) [6, s.110–113]. А сам клиент под страхом штрафа не должен был тайно, без разрешения менять себе господина (Ine, 39) [6, s.106]. Король Альфред Великий (871–899) разрешал клиентам сражаться за своего господина и запрещал сражаться против него, даже если речь шла о защите собственных родственников (Af., 42.5–42.6) [6, s. 74–77]. Столь же рано в англосаксонском праве появляются нормы об ответственности патрона за преступление его людей. Так, в законах Инэ (Ine, 22) сказано: «Если твой генит украдет и убежит от тебя, если имеешь ручательство, потребуй с него компенсации; если нет [ручательства], то компенсацию платишь ты, однако этим пусть не будет он искуплен» [6, s. 98]. Заметим тут, что генитами именовались лица, составлявшие свиту своего господина [14, p. 473]. Другой титул этого сборника законов (Ine, 50) подразумевает, что лорд должен удерживать своих людей от преступлений [6, s. 110–113].

Но наиболее последовательно меры, направленные на то, чтобы сделать из всех крупных землевладельцев, независимо от того, занимали они какие-либо должности в государственном аппарате или нет, орудие государства по поддержанию правопорядка, были проведены в законодательстве X столетия. Так, в одном из декретов короля Этельстана (924–939), изложение которого дошло до нас в составе «Устава союза мира Лондона», сказано, что епископы, элдормены, герефы и *все тэны короля* (курсив мой – *А. З.*) обязаны взять с тех, кто им подчинен, ручательство в соблюдении мира, иначе герефа терял должность и платил штраф королю в 120 шиллингов, и «половину того каждый из моих тэнов, кто владеет землей» (VI As., 11) [6, s. 182]. Из законов Эдуарда Старшего (899–924) и Этельстана следует, что на патроне лежала обязанность обеспечивать явку своих людей в суд и выполнение ими решений суда (II Ew., 3; II As., 2) [6, s.142, 150]. На владельцев поместий также возлагалась задача помогать в преследовании похищенного скота (II Ew., 4; V As., 2; III Em., 6–6.2) [6, s.142, 150, 191]. Британская исследовательница Кэролл Ху считает, что на этот случай на службе у владельцев поместий были специальные следопыты (speremon) [9, p. 865–868], которые упоминаются в одной из грамот периода правления Эдуарда Старшего (S 1445) [11], излагающей знаменитый казус о поместье в Фонтхилле [2, с. 119–128]. Если лорд принимал под свое покровительство человека, совершившего преступление и бежавшего от прежнего господина, то он должен был либо очистить своего человека от обвинений, либо выплатить положенные штрафы королю и его прежнему патрону (V As., 1) [6, s. 166].

Таким образом, каждый крупный земельный собственник в поздний англосаксонский период выступал как своего рода агент королевской власти, несший ответственность за неисполнение своих обязанностей по поддержанию правопорядка и повиновения государю. В связи с этим вспоминается то сравнение между это системой в ее франкском варианте и правом вотчинной полиции с ее ста тысячами помещиков-полицейских

в России эпохи Николая I, которое сделал М. Блок [1, с. 155].

Как показал польский медиевист Кароль Модзелевский, сообщества и собрания разного уровня играли особую роль в механизмах властвования в обществах европейских варваров, где еще не было органов административного принуждения. Их заменяла «коллективная вражда», «солидарная месть всей общности» лицу, не признающему судебные и политические решения собрания [12, s. 87]. Эта вражда была основана на принципе «все против одного». Человек, противостоящий воле коллектива, выраженной на собрании, автоматически признавался изгоем, а исключение из коллектива означало не только лишение правовой субъектности, но являлось «эквивалентом физической смерти». Изгой должен был прятаться как зверь в лесу [12, s. 86–87]. Еще одним актом коллективной мести было сожжение дома изгоя и разграбление его имущества [12, s. 82–86].

Англосаксам тоже была известна подобная практика. Речь идет о сотнях, десятках и системе frankpledge.

Судя по законодательным памятникам X – начала XI вв., основной задачей сотен и десятков была борьба с воровством, преимущественно с воровством скота. В «Уставе союза мира (friðgegyldum) Лондона», составленном в конце царствования короля Этельстана, сказано, что ради осуществления изданных этим королем постановлений все жители Лондона и его округи решили разделиться на сотни и десятки во главе с сотниками и десятниками (VI As., 3) [6, s. 175]. Каждый их член, «кто слышал призыв, пусть помогает остальным в преследовании по следам и скачет с ними так долго, сколько виден след. А после того, как след потерян, пусть будет предоставлен один человек [от двух десятков], где населения много, или один человек от одного десятка, где населения мало, (если только не нужно большее количество людей) скакать или идти пешком, куда это необходимо и куда ими всеми будет договорено» (VI As, 4) [6, s. 175–176]. В другом тексте нормативного характера – «Уставе о сотнях» (940–960-е гг.) – читаем: «… если одну сотню след приведет в другую [сотню], то должно сообщить сотнику той сотни, и они должны последовать вместе» (Hu., 5) [6, s.192].

Сотни и десятки были принудительными объединениями, основанными на круговой поруке их членов. Человек должен был принимать участие в ее собраниях и других совместных действиях под страхом наказания: от штрафа в 30 пенсов (Hu., 2; 3; 5–5,1; 7–7,1.) до конфискации имущества и объявления вне закона (Hu., 3,1) [6, s. 192–194]. Члены сотни несли солидарную материальную ответственность перед потерпевшим за случаи воровства на своей территории и за то, что они потеряли след вора. В частности, лошадь оплачивалась в 1 фунт (240 или 300 пенсов), бык – в 1 манкус (30 пенсов), корова – в 20 пенсов, свинья – в 10 пенсов, овца – в 1 шиллинг (5 пенсов), раб – в полфунта, прочее имущество, если оно было оценено дороже, чем в 30 пенсов – в полфунта (VI As., 6,1–6,4; 7) [6, s.176–178]. Чтобы производить такие выплаты, сотня имела общую кассу, куда каждый должен был делать взносы: 1 шиллинг со всех, кто имел имущества больше, чем на 30 пенсов (VI As., 2) [6, s. 174–175]. Нетрудно посчитать, что общая касса сотни равнялась 120 шиллингам, или 600 пенсам. Замечу здесь, что 120 шиллингов составляли обычную сумму штрафа в пользу короля с древних времен. Кроме того, владельцы рабов должны были вносить еще пенс или полпенса (VI As., 6.3) [6, s. 176–177]. Очень бедные люди были от подобных взносов освобождены. Впрочем, сотня делила не только ответственность, но и доходы от своей деятельности: ей доставалась половина от штрафов и конфискованного имущества (VI As., 1.1; Hu., 2.1; 3) [6, s. 173, 192]. Тому, кто первый настигал и убивал вора, полагалась премия в 12 пенсов. «… И тот, кто будет впереди остальных при убийстве вора, за деяние и предприимчивость должен быть вознагражден 12 пенсами из средств всех нас», – говорилось в «Уставе союза мира», созданного в Лондоне в царствование Этельстана (VI As., 7) [6, s. 177–178].

Участие в сотнях и десятках требовало определенных расходов, которые, вероятно, далеко не всегда компенсировались указанным способом, поэтому королевская власть неизбежно должна была взвалить исполнение большей части обязанностей на узкий круг лиц, обладающих соответствующими материальными возможностями. По всей видимости, именно они становились сотни-

ками и десятниками. Так, в том же «Уставе союза мира Лондона» читаем: «…Пусть не будет оставлено преследование ни к северу, ни к югу от границы до тех пор, пока тот, кто имеет лошадь, не закончит скакать, а тот, кто не имеет лошади, пусть работает на лорда, который [преследует вора] конным или пешим вместо него, пока тот не вернется домой, если только раньше не восторжествует правосудие» (VI As., 5) [6, s.176]. Аналогичным образом обстояло дело с участием членов сотни в ежемесячном сотенном собрании: непременной обязанностью это было лишь для сотника и десятников. В подтверждение этому приведем еще одно положение этого же документа: «И, мы, сотники и десятники, будем всегда собираться раз в месяц [тогда], когда будет у нас свободное время – либо когда мы будем наполнять бочки [пивом], либо в любое другое удобное время – чтобы обсудить, как наши договоренности соблюдаются [т.е. как соблюдаются мир и порядок – А.З.]. И пусть эти двенадцать человек едят вместе и снабжают себя необходимым, а остальное делят Бога ради» (VI As, 8,1) [6, s.178]. Этими двенадцатью, как можно понять из декрета Эдуарда Старшего (II Ew, 8) были десять десятников, сотник и герефа, управляющий ближайшего поместья, принадлежавшего королю или магнату [6, s.144]. По всей видимости, уклонение от участия в таких мероприятиях сотни было частым явлением, так что законодателю приходилось грозить тем, кто уклонялся от них, штрафами: от 30 до 120 шиллингов. Если уклонист оказывался особенно злостным, то он мог подвергнуться изгнанию, казни и конфискации имущества (II As., 20–20.8; Hu., 3–3.1; 7–7.1; III Eg., 7–7.3) [6, s.160–163, 192–194, 204].

Общее руководство и надзор за деятельностью сотен и десятков осуществляли королевские герефы: на них лежали обязанности приводить подчиненное им население к присяге, созывать собрания сотни и председательствовать на них, вместе с членами сотни или вапентака (аналог сотни в Области датского права) проводить расследования, преследовать преступников и временно заключать их в тюрьмы (Af., 1.2–1.3; II Ew., 8; VI As., 8.3; 11; IV Eg., 13–13.1; III Atr., 3.1–3.2; Cn. 1020, 11) [6, s.48, 144, 179, 182, 212, 228, 274]. В 1166 г. в знаменитой Кларендонской Ассизе Генрих II требовал, чтобы шерифы (герефы графств-широв, scire-gerefan) дважды в год объезжали свое графство и на собраниях сотни проверяли, чтобы десятки содержали полное число членов [4, p.442]. Практически все исследователи убеждены, что эта процедура зародилась никак не позже царствования Кнута Великого (1016–1035 гг.) [8, p.10; 10, p. 65; 13, p. 113].

Здесь мы вплотную подходим к вопросу об институте frankpledge. Как пишет один из его исследователей Уильям Моррис, этот термин имеет несколько курьезное происхождение. Английское слово «frankpledge» происходит от латинского выражения «franc plegium / plegium liberale» («свободное обязательство»), которое является неверно сделанной калькой с древнеанглийского «friðborh» («обязательство мира»), которое англо-нормандские юристы, плохо знавшие язык англосаксов, поняли как «freoborh» («свободное обязательство») [6, s. 506, 554, 645; 7, s. 81]. В действительности frankpledge никакого отношения к свободе не имел. Тот же У. Моррис дал этому термину следующее определение: «Frankpledge – это система принудительного коллективного поручительства, наложенного на отдельных лиц, но не после их ареста за преступление, а в качестве предохранительной меры до него» [13, p. 2].

По мнению У. Морриса, frankpledge в Англии до нормандского завоевания не было, поскольку такой термин в источниках англосаксонской эпохи не упоминается. Как считал этот американский исследователь, до 1066 г. возможно говорить лишь о поручительстве в виде «обычной поруки» и «принудительного поручительства лордов за своих слуг», которые «ясно отличаются» от frankpledge [13, p. 3–4]. Возможно, что в конце XI – первой половине XII в. институт принудительного поручительства претерпел ряд изменений. Но все же между тем, что было до нормандского завоевания, и тем, что стало после него, гораздо больше ясных сходств, чем ясных различий. Возьмем, например, пассаж из законов Кнута Великого (II Cn, 20): «И мы желаем, чтобы каждый свободный, если он старше двенадцати лет, был зачислен в сотню и в десяток, если он хочет иметь право на очищение и на вергельд, если кто-либо

его обвинит; или же не будет он иметь никаких прав свободного. Будь то владелец очага или [его] клиент, каждый должен быть зачислен в сотню и взят на поруки, и пусть поручительство держит его и заставляет исполнять право» [6, s. 322]. Налицо всеобщее принудительное поручительство в сотне и десятке. Причем поручительство это взято заранее как гарантия против возможных правонарушений членов сотни и десятка.

Представляется, однако, что корни этой системы уходят даже не во времена Кнута. Исследования самого «Кодекса Кнута» показали, что главной целью этого документа было не столько ввести в действие что-то новое, сколько наставить предводителя датчан на основе примеров из прежнего законодательства, как следует править в согласии с «мирским» и «Божьим законом» [15, p. 355–366, 463–465]. Процитированный выше титул в несколько более жесткой форме повторяет предписание короля Эдгара (959–975), находящееся в одном из его декретов, регулирующих работу сотенных собраний: «И каждый человек пусть найдет себе поручительство, и пусть поручительство держит его и заставляет исполнять право» (III Eg, 6) [6, s. 202]. Причем, весьма вероятно, речь здесь также идет о сотнях, поскольку они фигурируют в соседних титулах данного декрета. А норма о 12-летнем возрасте зачисления в сотню явно перекликается с титулом одного их декретов Этельстана (II As, 1), где сказано о наступлении с этого возраста уголовной ответственности за воровство [6, s. 150].

Таким образом, правомерным представляется следующий вывод, система frankpledge, какой она сформировалась в XI в., была результатом политики королей Уэссекса, а затем и единого королевства англосаксов по включению локальных сообществ в систему государственного управления и поддержания правопорядка, что было характерно для всех раннегосударственных образований средневековой Европы. В Англии этот процесс гораздо лучше, где бы то ни было, отражен в источниках, и, возможно, эта система, в сочетании с патронажем лордов, работала эффективнее, чем где бы то ни было. Интересен следующий факт: в «Книге Страшного суда» (1086 г.) содержится жалоба шерифа Вустершира, который за год с 5 сотен (еще 7 имели иммунитет) графства не мог собрать штрафов, чтобы покрыть свою фирму (откуп, уплачивавшийся шерифом королю) в 16 фунтов (EDB, I, 172r (C-2, 3) [5, p. 257]. Это значит, что в год в означенных сотнях совершалось менее 10 тяжких преступлений, т.е. таких, за которые полагался наивысший штраф в размере 120 шиллингов, так что должность была для шерифа убыточной.

Источники и литература

1. Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
2. Глебов А. Г. Англосаксонское судопроизводство и Альфред Великий: дело о поместье в Фонтхилле // Исторические записки. Вып. 5. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 119–128.
3. Шкунаев С. В. Община и общество западных кельтов. М.: Наука, 1989. 192 с.
4. Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann. Bd.1. Text und Übersetzung. Halle: Niemeyer, 1903. LXII, 675 S.
5. Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann. Bd.2. – 1. Hälfte: Wörterbuch – Halle: Niemeyer, 1906; 2. Hälfte: Rechts- und Sachglossar. – Halle: Niemeyer, 1912.
6. English historical documents. Vol.2. 1042–1189 / ed. by D.C. Douglas and G. W. Greenway. London: Eyre Methuen, 1981. XXXI, 1083 p.
7. Fleming R. Domesday Book and the law. Society and legal custom in Early Medieval England. Cambridge: Cambr. univ. pr., 1998. XIX, 548 p.
8. Green J. A. English sheriffs to 1154. London: H.M.S.O., 1990. 105 p.
9. Hough C. Cattle-tracking in the Fonthill letter // English historical review. Vol.115. 2000. P. 864 – 892.
10. Hudson J. The formation of the English Common Law: law and society in England from the Norman Conquest to Magna Carta. London etc.: Longman, 1996. XVI, 271 p.
11. Letter to King Edward explaining the history of land at Fonthill. A.D. 899x924 // The electronic Sawyer. Online catalogue of Anglo-Saxon charters URL: http://www.esawyer.org.uk/charter/1445.html (Accessed: 25.12.2014)
12. Modzelewski K. Thing und Acht. Zu vergleichen Studien der germanischen und slawischen Stammesverfassung // Leges – gentes – regna: zur Rolle von germanischen Rechtsgewonheiten und lateinischer Schrifttradition bei der Ausbildung der frühmittelalterlichen Rechtskultur / Hg. von G. Dilcher und E.-M. Distler. Berlin: E. Schmidt Verlag, 2006. S. 79–90.

13. Morris W. A. The frankpledge system. New York: Longmans, Green & Co, 1910. XVI, 194 p.
14. Stenton F.M. Anglo-Saxon England: 3rd ed. Oxford: Oxford univ pr., 1971. 748 p.
15. Wormald P. The making of English law: king Alfred to the twelfth century. Vol.1: Legislation and its limits. Oxford: Blackwell, 1999. XVIII, 574 p.

References

1. Bloch M. Feodal'noye obshhestvo (*Feudal society*). Moscow: Sabashnikov press, 2003. 504 p. (in Russian)
2. Glebov A.G. Anglosaxonskoye sudoproizvodstvo i Alfred Velikij: delo o pomest'e v Fonthille (*Alfred the Great and Anglo-Saxon legal proceedings: a case of Fonthill estate*) // Istoricheskie zapiski No. 5. Voronezh: VSU Publ., 2000. P.119–128. (in Russian)
3. Shkunayev S. V. Obshhina i obshhestvo zapadnyh kel'tov (*Community and society of the western Celts*). – Moscow: Nauka, 1989. 192 p. (in Russian)
4. English historical documents. Vol.2. 1042–1189 / Ed. by D. C. Douglas and G.W. Greenway. London: Eyre Methuen, 1981. XXXI, 1083 p.
5. Fleming R. Domesday Book and the law. Society and legal custom in Early Medieval England. Cambridge: Cambr. univ. pr., 1998. – XIX, 548 p.
6. Die Gesetze der Angelsachsen (*The laws of the Anglo-Saxons*) / ed by F. Liebermann. Vol.1. Text und Übersetzung (Text and translation). Halle: Niemeyer, 1903. LXII, 675 p. (In German).
7. Die Gesetze der Angelsachsen (*The laws of the Anglo-Saxons*) / ed by F. Liebermann. Vol.2. Hälfte: Wörterbuch. Halle: Niemeyer, 1906; 2. Hälfte: Rechts- und Sachglossar. Halle: Niemeyer, 1912. (In German).
8. Green J. A. English sheriffs to 1154. London: H.M.S.O., 1990. 105 p.
9. Hough C. Cattle-tracking in the Fonthill letter // English historical review. Vol.115. 2000. P. 864–892.
10. Hudson J. The formation of the English Common Law: law and society in England from the Norman Conquest to Magna Carta. London etc.: Longman, 1996. XVI, 271 p.
11. Letter to King Edward explaining the history of land at Fonthill. A.D. 899x924 // The electronic Sawyer. Online catalogue of Anglo-Saxon charters URL: http://www.esawyer.org.uk/charter/1445.html (Accessed: 25.12.2014)
12. Modzelewski K. Thing und Acht. Zu vergleichen Studien der germanischen und slawischen Stammesverfassung (*Thing and Eight. On comparative studies of Germanic and Slavic tribal constitution*) // Leges – gentes – regna: zur Rolle von germanischen Rechtsgewonheiten und lateinischer Schrifttradition bei der Ausbildung der frühmittelalterlichen Rechtskultur (*Leges – gentes – regna: on the role of Germanic legal habits and Latin script tradition in the formation of early medieval legal culture*) / ed by G. Dilcher und E.-M. Distler. Berlin: E. Schmidt Verlag, 2006. P.79-90. (In German).
13. Morris W. A. The frankpledge system. New York: Longmans, Green & Co, 1910. XVI, 194 p.

УДК 94:351.74(470.63)

Л. А. Зверева

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬЯ МИЛИЦИИ И ОРГАНОВ ЧК В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена рассмотрению механизма формирования милиции и органов ЧК на Ставрополье в сложный исторический период. Выявлены местные особенности и общие тенденции. Автор затрагивает события, связанные с революционным прошлым нашей страны, что является актуальным в связи с приближающимся столетним юбилеем революции 1917 года. На основании региональных и федеральных архивов, региональной прессы показаны полномочия, задачи, а также порядок формирования данных органов власти. Отдельное внимание автор уделяет анализу профессиональной деятельности личностей, которые возглавили властные структуры.

Ключевые слова: советская милиция, советская власть, советы, исполкомы, Ставропольская губернская чрезвычайная комиссия.

L. A. Zvereva

PECULIARITIES OF ORGANIZATION OF POLICE AND EMERGENCY COMMITTEE'S ORGANS IN THE STAVROPOL REGION DURING THE PERIOD OF THE SOVIET REGIME ESTABLISHMENT

The article is devoted to the process of establishment of police and Emergency Committee's organs in the Stavropol region in a challenging historical period. Local peculiarities and general tendencies were detected. Author remarks events connected with the revolutionary past of our country that is relevant because of an approaching centennial anniversary of the 1917 Revolution. Powers, goals and formation order was displayed on the base of regional and federal archives and regional press. Special attention is drawn to an analysis of professional activity of people who were heads of authority structures.

Key words: Soviet police, Soviet regime, soviets, Executive Committee, Stavropol provincial emergency Commission.

Правовой основой создания советской милиции стало постановление НКВД РСФСР от 28 октября (10 ноября) 1917 г. «О рабочей милиции». Рабочая милиция не имела центральных органов. Она создавалась Советами на местах и находилась в их ведении. Данное постановление не предусматривало создания какого-либо центрального органа для управления рабочей милицией в масштабе страны, не определяло конкретных организационных форм рабочей милиции и не формулировало строго ее прав и обязанностей.

Аппарат милиции в Ставропольской губернии был создан как подотдел отдела управления губернского революционного комитета в начале марта 1920 г. Становление милиции на Ставрополье происходило в очень тяжелых условиях, так как советская власть здесь устанавливалась с большим трудом. Руководство милицией в пределах губернии возлагалось на губернское управление милиции. Во главе управления стоял губернский начальник милиции. Первоначально наблюдалась полная оторванность милиции от отдела управления. Со стороны последнего, практически, не было никакого руководства. Все взаимоотношения проявлялись в очень редком и не регулярном представлении начальником губернской милиции в отдел коротких заявок о необходимой материальной помощи [5, л. 44].

Управление Ставропольской губмилиции состояло из следующих отделений: общего, административно-строевого, хозяйственного, политическо-просветительского, инспекторского и губрозыска. Согласно декрета

Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров, к ведению губернских управлений относилось:

1) руководство деятельностью милиции в пределах губернии; 2) издание приказов и распоряжений по милиции; 3) надзор и ревизия органов уездной и городской милиции; 4) составление через финансовый отдел смет и представлений отчетов о деятельности милиции; 5) ведение политической, культурно-просветительской работы; 6) ведение губернского хозяйства милиции; 7) рассмотрение жалоб на действия милиции; 8) установление и проведение мер по укреплению дисциплины в милиции [1, с. 18].

Во всех уездных городах, в том числе и в Ставрополе, имелось управление уездной и городской милиции. К ведению уездного и городского управления милиции относилось: руководство деятельностью милиции в пределах уезда или города, распределение старших и младших милиционеров по районам уезда и города, заведование резервами милиции, ведение культурно-просветительных работ, установление и проведение мер по укреплению дисциплины в милиции. Во всех уездных городах имелось политбюро на положении подотделов управления милиции.

В селах губернии при волисполкомах и сельсоветах образовывались участковые управления милиции, состоящие из одного старшего и нескольких (5–10) младших милиционеров. В этот период было очевидно, что милиция не выполняла возложенные на нее обязанности. По мнению председателя ревкома, милиция, как в Ставрополе, так и в уездах работала неудовлетворительно [3, л. 50]. Случалось, что многие должностные лица милиции не знали своих функций, в их деятельности наблюдалось явное превышение власти. Особенно распространенным это было для уездной милиции. Так, в результате обследования Медвеженской уездной милиции Ставропольской губернии был установлен факт незаконных реквизиций и конфискаций, а затем передача конфискованного и реквизированного не в надлежащие учреждения [6, л. 65].

Органы власти пытались улучшить работу милиции. Так, в приказе №77 Медвеженского уездного ревкома от 16 июля 1920 г. говорилось: «Милиция находится в полном подчинении не только непосредственно высшим милицейским органам, но также и исполкому и ревкому села, уезда и т.д. Без ведома исполкома милиция не может производить арестов, обысков и т.д. По первому требованию исполкома милиция должна подчиниться последнему» [7, л. 70].

При отборе кадров на службу неукоснительно соблюдался принцип классовости, который можно рассматривать как в широком смысле, когда он распространялся на всех государственных служащих, так и в узком – для отдельных категорий служащих. Классовый характер штатной милиции нашел конкретное выражение в ее кадровом составе, который формировался на основе закрепленных в инструкции НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. «Об организации советской Рабоче-Крестьянской милиции» принципов отбора и назначения кадров. Согласно Инструкции, органы милиции комплектовались трудящимися, которые признавали советскую власть и стояли на ее политической платформе. Подчеркнем, что особо высокие требования предъявлялись не к деловым, а к политическим качествам руководителей милиции.

На территории Ставрополья общий культурно-просветительный уровень среди милиционеров был низким. По всей губернии наблюдался недостаток сотрудников. На Ставрополье в годы становления милиции неоднократно поднимался вопрос, касающийся улучшения её кадрового состава. Так, губернский съезд советов постановил в 1920 г.: «Ускорить чистку и укрепление рядов милиции и уголовного розыска путем подбора опытных и честных работников» [4, л. 161].

В период деятельности рабочей милиции назначение на должность и отстранение от нее начальников милиции и их помощников являлось прерогативой местных Советов. В отдельных случаях руководители низового звена назначались уездными управлениями милиции. Начальник милиции, как правило, подбирал кандидатов на соответствующие должности подчиненного состава и согласовывал вопрос о назначении с соответствующим Советом.

С переходом к строительству штатного аппарата милиции Инструкцией НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. были установлены правовые основы и механизм назначе-

ния на должность. Механизм отстранения от должности по несоответствию начальника уездной милиции, согласно Инструкции от 12 октября 1918 г., фактически был скопирован с Временного положения о народной милиции и заключался в том, что инициатором отстранения могли выступать заведующий отделом управления соответствующего Совета и начальник губернской милиции, которые и вносили в уездные исполкомы обоснованные представления. В случае, если в течение семи дней городской или уездный исполком не принимал решения об отстранении, начальник губмилиции через соответствующего заведующего губернским отделом управления, т. е. с согласия и при его поддержке, направлял документы в губернский исполнительный комитет, решение которого было окончательным.

В связи с тем, что большевики встретили сопротивление, они сразу же начали создавать специализированные органы по борьбе со своими врагами. 7 декабря 1917 года Совнарком учредил Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), этим было положено начало формирования аппарата государственной безопасности. ВЧК в начале своей деятельности являлась одной из многих организаций, ведущих борьбу с противниками режима, причем ее функции первоначально распространялись только на Петроград.

В задачи ВЧК входило пресекать и ликвидировать все контрреволюционные действия и попытки саботажа по всей России, со стороны кого бы они не исходили; предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними. Предусматривались меры наказания: «…конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д.» [12, с. 79].

По мере усиления влияния ВЧК, начинают создаваться местные чрезвычайные комиссии. Впервые призыв об их организации прозвучал через несколько дней после создания ВЧК. Декретом ВЦИК в июне 1919 г. были расширены права ЧК в части применения расстрела. Органам ВЧК предоставлялось право внесудебной расправы также за особо опасные общеуголовные преступления, такие как бандитизм, разбой и вооруженный грабеж, взлом советских и общественных складов и магазинов с целью хищения. В Чрезвычайной Комиссии могли работать только коммунисты. Следующими условиями являлось наличие устоявшихся политических убеждений и периодическое обновление сотрудников.

Чрезвычайные Комиссии не являлись судебными органами, поэтому все меры воздействия носили чисто административный характер. Весь смысл существования Чрезвычайной Комиссии состоял в том, чтобы все антибольшевистские выступления необходимо было пресечь, предупредить и уничтожить. Отсюда самой радикальной мерой у большевиков являлся расстрел. Деятельность ВЧК должна была распространиться на все сферы жизни. ВЧК должна смотреть за всем: за военной жизнью, за продовольственной работой, за образованием, за хозяйственными организациями.

В 1918 г. бурно шел процесс создания губернских чрезвычайных комиссий. К этому времени в стране имелось 38 губчека [13, с. 2]. Губернские Чрезвычайные Комиссии организовывались при губисполкоме и являлись одним из его самостоятельных отделов. Во главе Губчека стоял председатель, при нем была создана коллегия из пяти человек. Председатель Губчека назначался губисполкомом из состава членов исполкома и утверждался ВЧК. Все члены коллегии Губчека должны были быть коммунистами не менее чем с двухгодичным стажем. Члены местных Чрезвычайных Комиссий назначались и отзывались местными исполкомами. Председатели местных Чрезвычайных Комиссий должны были избираться местными исполкомами и утверждаться Всероссийской Чрезвычайной Комиссией. Губчека имело право производить обыски, аресты лиц и организаций, деятельность которых была направлена против советской власти. Она же имела право устанавливать наблюдение за учреждениями, организациями и лицами, вести дознание, следствие и розыск и выносить приговоры, руководствуясь революционной совестью. За преступления она могла налагать штрафы и заключать в концентрационные лагеря.

На территории Ставрополья органы ЧК были созданы позже, чем во многих центральных районах страны. Это было связано с тем, что установление советской власти

происходило здесь с большими трудностями. До основания Губчека в Ставропольской губернии в марте 1920 г. была организована Свято-Крестовская районная Чрезвычайная Комиссия, охватывающая своей работой Свято-Крестовский, Благодарненский и Александровский уезды. О работе районной Комиссии почти никаких официальных данных не сохранилось. В Ставрополе организация Губернской Чрезвычайной Комиссии началась в апреле 1920 г. В начале мая в нее вошли сотрудники Райчека. В остальных уездах губернии время организации ЧК точно выяснить не представляется возможным.

Ставропольская Губернская ЧК была разбита на следующие главные отделы: общий и секретно-оперативный с шестью подотделениями. Чрезвычайные комиссии начинали свою деятельность, не имея чётких законодательных норм своих полномочий. С одной стороны, они являлись звеном в структуре губернских и уездных исполкомов советов, формировались исполкомами, с другой – находились в полном подчинении ВЧК, что давало им возможность всё меньше считаться с исполкомами.

Штат сотрудников Ставропольской губернской ЧК, в большинстве своем, состоял из беспартийных, так как в это время на Ставрополье остро чувствовался недостаток партийных кадров. В своей деятельности Губернская Чрезвычайная комиссия на Ставрополье совершала ряд ошибок. Об этом свидетельствует обращение Губернской ЧК, сделанное в мае 1920 года: «В процессе борьбы, когда приходилось быть жестоким, когда нужна была колоссальная решительность, смелость, когда действовать приходилось с молниеносной быстротою, были ошибки, были несправедливости. Нужно твёрдо помнить всякому трудящемуся, что революцию творят не в гостиных, а на мировой ниве производственных отношений. Белые перчатки здесь не причём. Революция есть революция. Лишь гимназисты и институтки от социализма, подражая меньшевикам, могут охать и мечтать об абсолютных свободах, о свободе для всех, в том числе и для буржуазии. С момента разделения общества на классы, свободы для всех никогда ещё не было и нет, – под соусом полных свобод и их всеобщности буржуазия подносила всем малосознательным свою гогентотскую классовую мораль, у неё классовая, пролетарская этика и классовая свобода» [8, л. 37].

Осенью 1920 года газета «Власть Советов» сообщала о фактах самочинных обысках, фактах наживы, практиковавшихся отдельными работниками губернской ЧК [2, с. 3]. Злоупотребления чекистских органов приняли масштабы, вынуждавшие даже партийные и государственные верхи проявлять беспокойство. Эти органы широким бреднем захватывали не только подлинных заговорщиков, контрреволюционеров, но и людей невиновных, которых вследствие доносов или принадлежности к «эксплуататорским классам», к небольшевистским партиям органы считали потенциально опасными. Нередко использовали право выносить самые суровые приговоры, даже не вникая в степень вины своей жертвы.

Административная часть Ставропольского губернского ЧК была организована 6 января 1921 года, до этого времени политбюро фактически не было. В месячной информационной сводке Ставропольской ЧК говорилось: «Личный стол при общем отделе находился в полном беспорядке. В результате отсутствия необходимых работников административной части приходилось всю свою работу направлять в первую очередь на разборку кипы бумаг и анкет. Сотрудников в этих органах не хватало. Все вновь поступившие зачислялись в резерв назначения, где состояли на испытании две недели. Для Ставропольской губернии в виду обширности её уездов, и общего неспокойного политического состояния, штат политбюро был недостаточным. Губчека отправляла для работы в политбюро наиболее способных на свой взгляд работников» [14, л. 6].

Неспокойное политическое положение губернии требовало увеличения сотрудников ЧК. Недовольные сложившимся положением, крестьяне начали поддерживать антисоветские вооруженные выступления. Тема сопротивления крестьян властям долгое время была сведена к упоминаниям о подавлении «кулацких мятежей» и борьбе с бандитизмом в губернии. Сам термин «бандитизм» – далеко не самый удачный для обозначения сложившегося социального явления, прокатившегося по Ставрополью в 20-е годы. Тогда этим термином называли все виды и формы антисоветских выступлений.

Ухудшение политического положения в Ставропольской губернии произошло к июлю 1921 года. В двухнедельной информационной сводке Ставропольской ЧК за время с 15 июня по 1 июля 1921 г. говорились о том, что текущий период в области политического положения является одним из худших за время существования советской власти в Ставропольской губернии. В ходе крестьянских восстаний часто звучали лозунги: «Долой коммунистов и офицерство», «За большевиков, но против коммунистов», «Долой Советскую власть, власть народу через Учредительное собрание» [15, л. 20].

В первый год работы Ставропольской губернской ЧК смена председателей происходила ежемесячно. Причем каждый вновь приехавший председатель привозил с собой новых сотрудников. Поэтому каждая такая смена отрицательно сказывалась на продуктивности работы. Доказательством этого является доклад председателя Ставропольской губернской ЧК от 24 марта 1921 г: «За всё время существования Губчека в ней перебывало 8 председателей, в большинстве своём людей малоопытных в этой работе. Работа Губчека шла плохо. Более или менее стала налаживаться работа только с октября 1920 года с приездом в Губчека опытного работника т. Угарова. Недостаток в опытных работниках – чекистах оставался. Например, не доставало до штата, необходимого для нормальной работы, сотрудников по следственной части до 70 %, оперативников – до 60 %. В распоряжении Губчека слишком мало вооружённой силы. Нет почти средств передвижения. Необходимо увеличить штат Политбюро, ибо последним предстоит много работы в связи с развивающимся бандитизмом. Необходимо также иметь в распоряжении по ½ роты пехоты или ½ эскадрона кавалерии, которых Политбюро могло бы быстро бросать на подавление появляющихся банд. Политическое настроение губернии очень скверное» [9, л. 28].

В результате обследования районных ЧК в Александровском, Благодарненском и Свято-Крестовском уездах было отмечено: «Наблюдается халатное и небрежное ведение следствия следователями райчека и Политбюро» [10, л. 33]. Не хватало сотрудников и в секретно-оперативном отделе. В месячной информационной сводке говорилось, что «частые перемещения сотрудников названного отдела, малочисленность их, слабость и чрезмерная перегруженность работой, в особенности следственного аппарата, ставит отдел в довольно неблагоприятное положение, и не всегда он в состоянии был провести работу второстепенной важности» [11, л. 34]. Ставропольская ЧК ставила перед собой задачу пополнения сотрудников секретно-оперативного отдела опытными чекистами за счет ВЧК. В уездах во главе политбюро стоял заведующий, который являлся и помощником начальника уездной милиции. Между заведующим Политбюро и начальником милиции на всей территории Ставрополья существовали разногласия, которые иногда совершенно препятствовали нормализации деятельности.

Аппарат ЧК на территории Ставропольской губернии и к 1921 году страдал большим недостатком квалифицированных работников. Технические и оперативные аппараты также были слабы. Сильно чувствовался недостаток агентов. Вновь прибывшие работники являлись, главным образом, рядовыми. Однако связь с губкомом и губисполкомом была четкой. Председатель ЧК являлся членом президиума губкома и губисполкома. Один член коллегии являлся секретарем, а также членом губисполкома. Кроме такого представительства, делались регулярные доклады в губкоме о работе губчека, а о состоянии губернии докладывалось один раз в две недели. Связь с ВЧК поддерживалась путем ежемесячных письменных докладов [16, л. 19].

Таким образом, милиция и органы ЧК на Ставрополье были созданы позже, чем в центральных регионах России. В годы гражданской войны и «военного коммунизма» в своей деятельности они руководствовались чаще всего революционным правосознанием. Формирование аппарата правоохранительных органов происходило сложно. Это объясняется, прежде всего, трудностями установления советской власти и отсутствием квалифицированных работников на Ставрополье. Общий культурно-просветительный уровень работников был крайне низким. Преимущество при формировании правоохранительного аппарата, безусловно, отдавалось коммунистам, и если на Ставрополье они не составляли большинство, то это можно объяснить лишь нехваткой коммунистических кадров.

Источники и литература

1. Ахмадеев Ф. Х. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа: МВД РФ, 1999. 214 с.
2. Власть Советов. 1920. 3 июня.
3. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р. 130. Оп.3. Д.414.
4. ГАРФ. Ф.Р. 130. Оп.5. Д.563.
5. Государственный Архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.Р. 163. Оп.1. Д.255.
6. ГАСК. Ф.Р.163. Оп.1. Д.4.
7. ГАСК. Ф.Р.210. Оп.1. Д.101.
8. ГАСК. Ф.Р.210. Оп.1. Д.106.
9. ГАСК. Ф.Р.100. Оп. 1. Д.72.
10. ГАСК. Ф.Р. 100. Оп.1. Д.48.
11. ГАСК. Ф.Р. 100. Оп.1. Д.48.
12. Государственный Российский Архив социально-политической истории (далее – ГРАСПИ). Ф.Р. 65. Оп.1. Д.132.
13. ГРАСПИ. Ф.Р.65. Оп.1. Д.132.
14. ГРАСПИ. Ф.Р.17. Оп.13. Д. 989.
15. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг.: сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958. 510 с. 16. Известия ВЦИК. 1918. 28 августа.

References

1. Akhmadeev F. Kh. Stanovlenie i razvitie organov sovetskoi militsii i ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii (*Establishment and development of soviet police organs and correctional and labour institutions*). Ufa: Interior Ministry RF, 1999. 214 p. (In Russian).
2. Vlast' Sovetov. 1920. 3 July. (In Russian).
3. State archive of the Russian Federation (GARF). F.R. 130. Inv.3. D.414. (In Russian).
4. GARF. F.R. 130. Inv.5. D.563. (In Russian).
5. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F.R. 163. Inv.1. D.255. (In Russian).
6. GASK. F.R. 163. Inv.1. D. 4. (In Russian).
7. GASK. F.R. 210. Inv.1. D.101. (In Russian).
8. GASK. F.R. 210. Inv.1. D. 106. (In Russian).
9. GASK. F.R. 100. Op.1. D.72. (In Russian).
10. GASK. F.R. 100. Op.1. D. 48. (In Russian).
11. GASK. F.R. 100. Op. 1. D. 48. (In Russian).
12. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F.R. 65. Inv. 1. D. 132. (In Russian).
13. RGASPI. F.R. 65. L. 1. D.132. (In Russian).
14. RGASPI. F.R. 17. Inv. 13. D. 989. (In Russian).
15. Iz istorii Vserossiiskoi chrezvychainoi komissii 1917–1921 gg. (*From the history of VCheKa in a period of 1917–1921*): Documents.. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 510 p. (In Russian).
16. Izvestiya VTsIK (*Central Executive Committee*).1918. 28 August. (In Russian).

УДК 352:94(470)

Д. П. Исаев, Н. А. Трапш

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭЛИТА СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В РАКУРСЕ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[1]

В представленной статье последовательно рассматриваются основные факторы, определившие комплексный генезис и последующую трансформацию профессиональной идентичности советской и российской управленческой элиты. Авторы демонстрируют реальное влияние властных структур на системное формирование идентификационных характеристик, соответствующих политическим и идеологическим доминантам конкретной исторической эпохи. Исследовательское внимание обращено и на реальную роль образовательных моделей, реализуемых государственными институтами, в последовательной эволюции профессиональной идентичности отдельных категорий управленческой элиты. Отдельным направлением является целенаправленная демонстрация идентификационной преемственности советского и российского правящего класса, опирающейся не только на продолжающиеся карьерные траектории, но и на ментальную трансляцию ценностных стереотипов.

Ключевые слова: идентичность, элита, класс, управление, институт, государство, идеология, образование.

D. P. Isaev, N. A. Trapsh

MANAGERIAL ELITE OF SOVIET AND RUSSIAN REGIONS FROM THE PERSPECTIVE OF TRANSFORMING PROFESSIONAL IDENTITY

The article examines the main factors that determine the complex genesis and subsequent transformation of the professional identity of the Soviet and Russian managerial elite. The authors demonstrate the real impact of the power structures in the formation of the system of identification characteristics of the relevant political and ideological dominants of a particular historical era. Special attention is focused on the real role of the educational models implemented by public institutions in a consistent evolution of the professional identity of certain categories of managerial elite. A separate area is targeted to demonstrate the continuity of identification with Soviet and Russian ruling class, which is based not only on the consecutive career path, but also the mental broadcast of value stereotypes.

Key words: identity, elite class, manage, college, state, ideology, education.

Управленческая элита является традиционным объектом междисциплинарной исследовательской практики, что определяется сложным комплексом дифференцированных факторов. С одной стороны, своеобразный правящий класс является системным отражением основных трендов общественного развития, связанных с последовательным формированием социальных норм, межличностных отношений, индивидуальных и групповых ценностей. Управленческая элита интегрирует мировоззренческие стереотипы генетически связанного общества, использует традиционные карьерные лифты и является своеобразным идеальным ориентиром для осознанного проектирования персональной социализации. С другой стороны, правящий класс формирует собственную социокультурную среду, функционирующую по особым правилам и выборочно инкорпорирующую потенциальных участников. При определенных обстоятельствах управленческая элита может трансформироваться в закрытую структуру, изолированную от остального общества и руководствующуюся исключительно собственными ценностными

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

ориентирами. Подобный социальный эффект приводит к последовательному формированию номенклатурной версии правящего класса, в рамках которого профессиональная бюрократия превращается в саморазвивающуюся систему, предназначенную для эффективного управления закрытым социумом.

В советских реалиях управленческая элита стремительно превратилась в закрытую номенклатурную группу, объединенную обязательным членством в правящей партии или дочерних комсомольских структурах и преследующую исключительно собственные интересы, существенно отличающиеся от объективных общественных потребностей. Системная инкорпорация в правящий класс была возможна только в рамках ограниченного спектра карьерных лифтов, основанных на жестком идеологическом и политическом отборе потенциальных кандидатов. В первое постсоветское десятилетие новая элита формировалась в более свободном формате, обеспечившим принципиальный доступ во властные структуры для представителей научной и творческой интеллигенции, а также вышедшего из теневого пространства предпринимательского сообщества. Подобный подход не исключал своеобразной кадровой и ментальной преемственности нового правящего класса по отношению к советской номенклатуре, ставшей одним из важнейших источников реального комплектования создаваемой генерации профессиональных управленцев. В последующий период наметилась принципиальная тенденция к новому замыканию властных структур и искусственной изоляции управленческой элиты, нерегулярно обновляемой по плановым показателям, формируемым высшим иерархическим звеном. Более того, значительную роль вновь стала играть нормативная принадлежность к доминирующим партийным структурам, успешно использующим советский номенклатурный опыт в собственной деятельности.

В контексте выделенных системных трендов значительный интерес представляет комплексная реконструкция отдельных особенностей предшествующей и современной управленческой элиты, связанной с региональной спецификой отдельных сегментов правящего класса и профессиональной идентичностью, сложившейся на различных уровнях бюрократической иерархии. Предлагаемое исследование предполагает последовательное воссоздание идентификационных характеристик, определяющих индивидуальное и групповое отношение к избранной профессии со стороны высшей бюрократии советских и российских регионов в адекватном ракурсе ретроспективного анализа.

Избранная проблематика получила широкое освещение в специальной литературе, сформировавшейся в междисциплинарном исследовательском пространстве. Теоретические проблемы политической элитологии подробно рассматривались в фундаментальных трудах Г. К. Ашина, А. В. Понеделкова, В. Г. Игнатова, А. М. Старостина, Л. Н. Васильевой, О. В. Гаман-Голутвиной, О. В. Крыштановской, А. В. Полякова и Н. В. Федоренко, выделивших принципиальные механизмы системного формирования правящего класса в различных условиях [4; 5; 9; 11; 12; 21; 32; 42]. Российская элита получила всеобъемлющую качественную характеристику в известных работах М. Н. Афанасьева, О. В. Гаман-Голутвиной, О. В. Крыштановской, И. В. Куколева, М. В. Малютина, В. П. Мохова, А. Г. Наронской, Н. В. Федоренко, С. А. Червякова, Е. Б. Березовского, А. В. Понеделкова, В. Г. Игнатова, А. М. Старостина, определивших значимые тренды в социальном функционировании отечественной бюрократической верхушки [2; 13; 17; 20; 24; 26; 27; 29; 35; 38; 39; 40; 42]. Советский правящий класс стал значимым объектом исследовательской практики С. А. Кислицына, В. П. Мохова, М. Н. Руткевич и Б. А. Ручкина, выявивших основные направления системного генезиса и ментальные установки элитарных групп в социалистическом обществе [18; 19; 28; 32; 33]. Особый интерес вызывают масштабные работы И. Е. Дискина и О. В. Крыштановской, посвященные системной трансформации управленческой элиты в перманентно изменяющихся социальных условиях [16; 22]. Региональные элиты получили подробную характеристику в фундаментальных трудах М. Н. Афанасьева, А. В. Баранова, С. В. Бирюкова, А. В. Войтова, Е. Я. Гельмана, А. К. Магомедова, Н. В. Петрова, Н. В. Федоренко, выявивших имманентные особенности местных управленческих практик и есте-

ственные особенности последовательного формирования соответствующих бюрократических институтов [3; 6; 7; 10; 14; 15; 25; 30; 36; 37]. Собственно, профессиональной идентичности правящего класса СССР и современной России посвящены известные работы Р. Н. Абрамова и Ю. Г. Бюраевой, осветивших избранную проблематику преимущественно применительно к экономическому сегменту высшего менеджмента [1; 8; 34]. Проведенный анализ показывает, что профессиональная идентичность региональной управленческой элиты до настоящего времени не становилась принципиальным объектом самостоятельной исследовательской практики, а потому требуется дальнейшая разработка сложного комплекса взаимосвязанных вопросов, имеющих социально-политический и ментальный характер.

В начальный период системного формирования советской номенклатуры, охватывающий 20-е гг. XX столетия, ключевым аспектом групповой элитарной самоидентификации было осознанное восприятие классовых ценностей, проявлявшихся не только в рамках официальной идеологии, но и в повседневной жизнедеятельности. Большевистская элита включала дифференцированных представителей различных социальных групп, имевших нередко колоссальную дистанцию в образовательной и профессиональной подготовке. Подсобный рабочий соседствовал с рафинированным интеллигентом с университетским дипломом, малограмотный крестьянин работал вместе с потомственным дворянином, талантливый инженер делил властные полномочия с недавним портовым грузчиком. В данном контексте профессиональная идентичность была фактически тождественна классовому сознанию, объединявшему яркие личности и незаметных героев с разных полюсов предшествующей социальной структуры. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что идентификационная принадлежность к определенной профессии, являвшаяся своеобразным трудовым маркером для основной массы советских граждан, не работала применительно к номенклатурным группировкам, позиционировавших собственную деятельность вне традиционных общественных занятий.

Системному закреплению сложившегося тренда, связанного с очевидным отрицанием профессиональной идентичности у управленческой элиты, способствовала деятельность специализированных образовательных структур, предназначенных для качественной подготовки партийных кадров. Привлекаемый в новые учебные заведения хозяйственный актив утрачивал идентификационные маркеры, сформированные в рамках производственной деятельности, и приобретал новую систему ценностных приоритетов, соответствующую доминирующей идеологической парадигме. Партийные школы и университеты успешно конструировали классовую идентичность, основанную уже не на пролетарских убеждениях, а на бюрократических ценностях. Специфическим фактором, непосредственно повлиявшим на последовательное формирование идентификационных характеристик, стали массовые репрессии, способствовавшие регулярно «ротации» складывающейся управленческой элиты.

В послевоенный период происходит постепенная трансформация структурных и содержательных аспектов общественной жизни, в рамках которой появляется своеобразный социальный запрос на профессиональную идентичность, связанную с определенным набором мировоззренческих и ценностных стереотипов. Выделенный тренд сформировался первоначально среди технической и творческой интеллигенции, типичные представители которой не ограничивались принципиальной констатацией собственной принадлежности к определенной форме трудовой деятельности. В частности, отличительной чертой советских инженеров времен хрущевской «оттепели» стало осознанное внимание к литературным и публицистическим новинкам, а также естественное стремление к последовательному формированию активной общественной позиции. Техническая интеллигенция приняла и предложенный советским руководством идентификационный маркер, связанный с особой ролью инженерных кадров, рассматриваемых в качестве своеобразного авангарда идеологически безупречных строителей социалистического общества.

Управленческая элита не осталась в стороне от происходивших изменений, но в данном случае последовательное формирование профессиональной идентичности продолжилось по двум разным векторам.

С одной стороны, производственные кадры, рекрутируемые в управленческие структуры, стремились к системному сохранению сложившихся идентификационных характеристик. Подобная ментальная установка поддерживалась и новыми параметрами образовательной системы, направленным на дальнейшую дифференциацию профессиональной подготовки и целенаправленное формирование обособленных интеллектуальных компетенций и мировоззренческих стереотипов. В частности, определенным трендом стала принципиальная демонстрация собственной принадлежности к корпоративной группе, сложившейся в процессе совместного пребывания в конкретном высшем учебном заведении. Успешные выпускники Московского государственного университета, Плехановской академии или престижной «Бауманки» неизменно подчеркивали высокую значимость данного социального статуса, ставшего отправной точкой для дальнейшей профессиональной карьеры [1, с. 57]. Кроме того, важным идентификационным маркером для рассматриваемой общественной группы стало обновленное понимание совместной трудовой деятельности, оцениваемой не в контексте совместного выполнения единообразных функций, а в ракурсе реальной общности жизненных целей и ментальных установок.

С другой стороны, в исследуемый период сформировался противоположный тренд, связанный с осознанным отказом от прежней профессиональной идентичности в процессе восходящей социальной мобильности. Типичные рабочие, инженеры, студенты, превращаясь в освобожденных партийных и комсомольских работников, принимали новую систему мировоззренческих стереотипов, связанную с обособленным существованием номенклатурной управленческой элиты. Главными идентификационными маркерами для выделенной социальной группы становились личная преданность непосредственному руководителю и демонстративная лояльность вышестоящим органам, механическое решение типичных производственных задач, сознательное отрицание инициативных методов профессиональной деятельности [38, с. 47]. Соответствующие стереотипы формировались и в процессе обязательного обучения в специализированных партийных школах, образовательная деятельность которых может рассматриваться не только в контексте интеллектуальной трансляции устойчивой идеологической парадигмы, но и в ракурсе целенаправленной выработки особой корпоративной культуры, опирающейся на специфические номенклатурные ценности.

Выделенные тенденции были характерны для различных групп советской управленческой элиты, но наиболее отчетливо они проявлялись на региональном уровне. Местные властные структуры формировались посредством системной эксплуатации традиционных карьерных лифтов, однако, не располагали столь широким исходным массивом потенциальных работников, как центральный партийный и правительственный аппарат. Среди начинающих управленцев, привлекаемых в региональную элиту, большим удельным весом обладали профессиональные специалисты, рассматривавшие новое назначение в качестве эффективной стартовой площадки для возможного номенклатурного роста [42, с. 68]. В контексте указанного обстоятельства они принимали идентификационные характеристики, определяемые доминирующей идеологической парадигмой и специфическим бюрократическим мировоззрением. Вместе с тем, в региональные властные структуры инкорпорировались и типологически другие кадры, рассматривавшие местные условия как главный полигон для собственной деятельности, неразрывно связанной с корпоративным образовательным сообществом и приобретенной профессиональной принадлежностью. В некоторых регионах выделенные дифференцированные группировки концентрировались в рамках различных органов: партийные структуры комплектовались преимущественно карьерными управленцами, тогда как исполнительная власть пополнялась специфически ориентированными производственниками, сохранявшими устойчивые социальный связи с предшествующей сферой собственной деятельности.

В поздний советский период профессиональная идентичность региональной управленческой элиты претерпела существенные изменения, связанные с активным включением определенной части правящего класса в теневую экономическую деятельность.

В контексте указанного обстоятельства идентификационные характеристики рассматриваемых чиновников дополнились специфическим набором ментальных стереотипов, характерных для предпринимательского сообщества. Включившись в экономическую деятельность, не соответствующую доминирующей идеологии и действующему законодательству, номенклатурные работники постепенно формировали новую профессиональную идентичность, основанную на латентном правовом нигилизме и принципиальной неприемлемости личной ценностной ориентации, отклоняющейся от базовых принципов корпоративной солидарности. В перестроечный период значительная часть управленческой элиты легализовала предшествующий процесс системного перераспределения государственной собственности, что предопределило качественную трансформацию идентификационных характеристик правящей бюрократии, объективным итогом которой стало стремительное формирование новой номенклатуры постсоветской России.

Профессиональная идентичность современных управленцев, контролирующих региональные властные структуры, определяется имманентными особенностями государственного строительства, осуществлявшегося в последние десятилетия. Первоначально в управленческие институты были инкорпорированы многочисленные политические фигуры, сохранившие предшествующий набор идентификационных характеристик, связанный с основной профессией. В определенном смысле в рассматриваемый период, как и в начале советской эпохи, номенклатурная модель элитного конструирования была временно замещена антрепренерской системой. Однако, уже в 90-е гг. XX столетия новые управленцы, отобранные в рамках стихийного социального конкурса, были замещены многочисленными представителями советской бюрократии, изменившими идеологические стереотипы, но сохранившими профессиональную идентичность. В частности, многие партийные и комсомольские функционеры, не реализовавшие собственные планы в предпринимательской деятельности, вернулись к традиционным занятиям, восстановив ценностные приоритеты в трансформированном виде. В интегрированном виде новые идентификационные характеристики включали подчеркнутый пиетет перед генетически родственными образовательными корпорациями (школьный класс, оконченное высшее учебное заведение) и предшествующими местами трудовой деятельности, высокую корпоративную солидарность и специфические принципы ценностного регулирования собственной деятельности, основанные на латентном правовом нигилизме. Указанные маркеры профессиональной идентичности получили системное развитие в последующий период, когда кадровое комплектование региональных управленческих структур начало осуществляться по отраслевому принципу (например, выходцы из так называемых «силовых ведомств»), а также на рамках специфической миграции высшего и среднего звена политических менеджеров. В данном контексте идентификационные характеристики регионального правящего класса дополнились такими специфическими маркерами как ведомственная корпоративность, основанная на прочных неформальных связях с правоохранительными органами или специальными службами, а также командная клиентела, опирающаяся на личную преданность групповому лидеру, занимающему более высокую ступень в социальной и политической иерархии.

Подводя определенные итоги, необходимо признать, что профессиональная идентичность региональной управленческой элиты в XX столетии претерпела существенную эволюцию. Исходный вариант социального конструирования правящего класса, сформировавшийся в раннюю советскую эпоху, предполагал безусловный приоритет идентификационных характеристик идеологического и политического характера, вытеснивших на второй план даже имманентную связь с предшествующим видом трудовой деятельности. В послевоенный период профессиональная идентичность приобрела два смысловых формата, связанных с системным осознанием принадлежности к партийной и хозяйственной номенклатуре. Новая трансформация базовых идентификационных характеристик неразрывно связана с перестроечным периодом, в рамках которого бюрократическая элита приобрела определенные черты, свойственные пред-

принимательскому менталитету. В постсоветской России указанный тренд получил дополнительное развитие, выразившееся в последовательном формировании таких значимых черт профессиональной идентичности региональной элиты, как ведомственная корпоративность и командная клиентела.

Источники и литература

1. Абрамов Р. Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: Ком-Книга, 2005. 278 с.
2. Афанасьев М. Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. №1. С. 121.
3. Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Политические исследования. 1994. №6. С. 59.
4. Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М. Основы политической элитологии. М.: Приор, 2009. 302 с.
5. Ашин Г. К. Элитология. История, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
6. Баранов А. В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий: дисс. … докт. ист. наук. Волгоград. 2007.
7. Бирюков С. В. Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы: дисс. … докт. полит. наук. М., 2009. 639 с.
8. Бюраева Ю. Г. Становление профессиональной идентичности менеджеров в региональных условиях. // Социологические исследования. 2011. №7. С. 58–64.
9. Васильева Л. Н. Теория элит: социология политики. М.: Социум, 2011. 220 с.
10. Войтов А. В. Карьерные пути и социальная мобильность политической элиты Волгоградской области: дисс. … канд. соц. наук. Волгоград, 2012. 170 с.
11. Гаман-Голутвина О. В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт // Политические исследования. 2008. №6. С. 67.
12. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. №3. С. 97–103.
13. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты в России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
14. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. T.VI. №2. С. 91–105.
15. Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. 1998. №1. С. 87.
16. Дискин И. Е. Россия: трансформация элиты. М.: Элтра, 1995. 158 с.
17. Игнатьев В. Г., Понеделков А. В., Старостин А. М. Административно-политические элиты России: методологический и феноменологический аспекты исследования // Государственное и муниципальное управление. 2005. №3–4. С. 36–60.
18. Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М.: Эдиториал УРРС, 2011. 512 с.
19. Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти. М.: ЛКИ, 2012. 288 с.
20. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
21. Крыштановская О. В. Политическая стратификация российского общества // Мир России. 2004. №4. С. 3–15.
22. Крыштановская О. В. Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социс. 2002. №8. С. 17–49.
23. Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №4. С. 51–65.
24. Куколев И. В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. №4. С. 82–91.
25. Магомедов А. К. Элита и идеология. Как правящие группы создают смыслы и систему идеологических координат (на примере российского регионализма 1990-х гг.). // Властные структуры и группы доминирования / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 190–212.
26. Малютин М. В. «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 36–45.
27. Мохов В. П. Неономенклатура в структурах современной власти // Властные структуры и группы доминирования / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 253–263.
28. Мохов В. П. Политическая элита в СССР // Перспективы. 1991. №8. С. 14–22.
29. Наронская А. Г. Особенности эволюции российской политической элиты: автореф. … дисс. канд. полит. наук. Екатеринбург, 2004. 25 с.
30. Петров Н. В. Политические элиты в центре и на местах // Российский мониторинг. 1995. №5. С. 41–63.
31. Поляков А. В. К вопросу о методологии исследования политической элиты // Власть. 2011. №2. С.110–115.

32. Руткевич М. Н. О социальной структуре Советского общества // Социс. 2009. №4. С. 19–28.
33. Ручкин Б. А. «Комсомольская элита» и становление бизнес-класса в России. // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты. Сборник научных статей. Выпуск 2. М.: Национального института бизнеса, 2012. 266 с.
34. Социальный профиль российского менеджера: результаты исследования. М.: Ассоциация менеджеров, 2004. 120 с.
35. Федоренко Н. В. Место управленческой элиты в современном российском обществе // Вестник Государственного университета управления. 2008. №1. С. 46–54.
36. Федоренко Н. В. Региональная элита: общее и особенное // Человек и труд. 2008. №4. С. 67–68.
37. Федоренко Н. В. Роль региональных управленческих элит российском социуме // Труд и социальные отношения. 2008. №4. С. 46–50.
38. Федоренко Н. В. Российская управленческая элита и проблема бюрократизации. М.: АТиСО, 2006. 205 с.
39. Федоренко Н. В. Современная российская управленческая элита: теория, социогенез, перспективы развития. М.: Московский открытый университет, 2005. 188 с.
40. Федоренко Н. В. Специфические черты российской управленческой элиты: социально-политический аспект // Труд и социальные отношения. 2008. № 5. С. 128–140.
41. Федоренко Н. В. Стратификационные признаки российской бюрократии // Человек и труд. 2008. №5. С. 71.
42. Федоренко Н. В. Механизмы системного функционирования управленческой элиты в условиях модернизации современного российского общества: дисс. … канд. соц. наук. М., 2008. 273 с.
43. Червяков С. А., Березовский Е. Б. Современная политическая элита России // Свободная мысль. 1993. №1. С. 56–65.

References

1. Abramov R. N. Rossijskie menedzhery: sociologicheskij analiz stanovlenija professii (*Russian managers: sociological analysis of the formation of the profession*). Moscow: Kom-Kniga. 2005. 278 p. (In Russian)
2. Afanas'ev M. N. Klientela v Rossii vchera i segodnja (*Clientele in Russia yesterday and today*) // Polis. 1994. No. 1. P. 121. (In Russian)
3. Afanas'ev M. N. Izmenenija v mehanizme funkcionirovanija pravjashhih regional'nyh jelit (*Changes in the mechanism of functioning of the ruling regional elites*) // Politicheskie issledovanija. 1994. No. 6. P. 59. (In Russian)
4. Ashin G. K., Ponedelkov A. V., Ignatov V. G., Starostin A. M. Osnovy politicheskoj jelitologii (*Principles of political elitology*). Moscow: Prior, 2009. 302 p. (In Russian)
5. Ashin G. K. Jelitologija. Istorija, teorija, sovremennost' (*History, theory, modernity*). M.: Moscow State University of Foreign Affairs-University, 2010. 600 p. (In Russian)
6. Baranov A. B. Aktory regional'nyh politicheskih processov v postsovetskoj Rossii: sistema vzaimodejstvij (*Actors of regional political processes in post-Soviet Russia: the system of interactions*): thesis.Volgograd. 2007.
7. Birjukov S. V. Regional'naja politicheskaja vlast': instituty, struktury, mehanizmy (*Regional political power: institutions, structures, mechanisms*): thesis. Moscow, 2009. (In Russian)
8. Bjuraeva Ju. G. Stanovlenie professional'noj identichnosti menedzherov v regional'nyh uslovijah (*Formation of professional identity of managers in the regional context*) // Sociologicheskie issledovanija. 2011. No. 7. P. 58–64.
9. Vasil'eva L. N. Teorija jelit: sociologija politiki (*The theory of the elite: the sociology of a policy*). Moscow: Socium, 2011. 220 p. (In Russian)
10. Vojtov A. B. Kar'ernye puti i social'naja mobil'nost' politicheskoj jelity Volgogradskoj oblasti. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskih nauk (*Career and social mobility of the political elite of the Volgograd region*). Volgograd, 2012. 170 p. (In Russian)
11. Gaman-Golutvina O. V. Processy sovremennogo jelitogeneza: mirovoj i otechestvennyj opyt (*Processes of modern elitogenesis: global and national experience*) // Politicheskie issledovanija. 2008. No. 6. p. 67. (In Russian)
12. Gaman-Golutvina O. V. Opredelenie osnovnyh ponjatij jelitologii (*Defining the basic notions of elithology*) // Polis. 2000. No. 3. P. 97–103. (In Russian)
13. Gaman-Golutvina O. V. Politicheskie jelity v Rossii. Vehi istoricheskoj jevoljucii (*The Political elite in Russia. Milestones of the historical evolution*). Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. (In Russian)
14. Gel'man V. Ja. Politicheskie jelity i strategii regional'noj identichnosti (*Political elites and strategies of regional identity*) // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2003. Vol. VI. No. 2. P. 91–105.(In Russian)
15 Gel'man V. Ja. Regional'naja vlast' v sovremennoj Rossii: instituty, rezhimy i praktiki (*Regional power in modern Russia: institutes, modes and practices*) // Polis. 1998. No.1. P. 87. (In Russian)
16. Diskin I. E. Rossija: transformacija jelity (*Russia: transformation of the elite*). Moscow: Jeltra, 1995. 158 p. (In Russian)
17. Ignat'ev V. G., Ponedelkov A. V., Starostin A. M. Administrativno-politicheskie jelity Rossii: metodologicheskij i fenomenologicheskij aspekty issledovanija (*Administrative-political elite of Russia: methodological and phenomenological aspects*) // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2005. No. 3–4. P. 36–60. (In Russian)

18. Kislicyn S. A. Kontrjelity, oppozicii i frondy v politicheskoj istorii Rossii (*Counter-elites, the opposition and discontent in the political history of Russia*). Moscow: Jeditorial URRS, 2011. 512 p. (In Russian)
19. Kislicyn S. A. Nauchnaja jelita v sisteme politicheskoj vlasti (*Scientific elite in the system of political power*). Moscow: LKI, 2012. 288 p. (In Russian)
20. Kryshtanovskaja O. V. Anatomija rossijskoj jelity (*The Anatomy of the Russian elite*). Moscow: Zaharov, 2005. 384 p. (In Russian)
21. Kryshtanovskaja O. V. Politicheskaja stratifikacija rossijskogo obshhestva (*The Political stratification of the Russian society*) // Mir Rossii. 2004. No. 4. P. 3–15. (In Russian)
22. Kryshtanovskaja O. V. Transformacija biznes-jelity Rossii: 1998–2002 (*The Transformation of the business elite of Russia: 1998–2002*) // Socis. 2002. No. 8. P. 17–49. (In Russian)
23. Kryshtanovskaja O. V. Transformacija staroj nomenklatury v novuju rossijskuju jelitu (*The Transformation of the old nomenclature into a new Russian elite*) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1995. No. 4. P. 51–65.
24. Kukolev I. V. Transformacija politicheskih jelit v Rossii (*Transformation of political elite in Russia*) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. No. 4. P. 82–91. (In Russian)
25. Magomedov A. K. Jelita i ideologija. Kak pravjashhie gruppy sozdajut smysly i sistemu ideologicheskih koordinat (na primere rossijskogo regionalizma 1990-h gg.) (*Elite and ideology. As the ruling groups create meanings and ideological system of coordinates (by the example of Russian regionalism 1990-s)*) // Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija / ed by A. V. Duki. St. Peterburg: Intersocis, 2012. P. 190–212. (In Russian)
26. Maljutin M. V. «Novaja» jelita v novoj Rossii (*«New» elite in the new Russia*) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1992. No. 2. P. 36–45. (In Russian)
27. Mohov V. P. Neonomenklatura v strukturah sovremennoj vlasti (*Neonomenclature in the structures of modern power*) // Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija /ed by A. V. Duki. St. Peterburg: Intersocis, 2012. P. 253–263. (In Russian)
28. Mohov V. P. Politicheskaja jelita v SSSR (*The Political elite in the USSR*) // Perspektivy. 1991. No. 8. P. 14–22.
29. Naronskaja A. G. Osobennosti jevoljucii rossijskoj politicheskoj jelity. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskih nauk (*Peculiarities of evolution of the Russian political elite*). Ekaterinburg, 2004. (In Russian)
30. Petrov N. V. Politicheskie jelity v centre i na mestah (*Political elites in the center and on the ground*) // Rossijskij monitoring. 1995. No. 5. P. 41–63. (In Russian)
31. Poljakov A. V. K voprosu o metodologii issledovanija politicheskoj jelity (*On methodology of the political elite*) // Vlast'. 2011. No.2. P. 110–115. (In Russian)
32. Rutkevich M. N. O social'noj strukture Sovetskogo obshhestva (*On the social structure of Soviet society*) // Socis. 2009. No.4. P. 19–28. (In Russian)
33. Ruchkin B. A. «Komsomol'skaja jelita» i stanovlenie biznes-klassa v Rossii. (*«The Komsomol elite» and establishment of business class in Russia*) // Jelita Rossii v proshlom i nastojashhem: social'no-psihologicheskie i istoricheskie aspekty. Sbornik nauchnyh statej. Vypusk 2. Moscow: Nacional'nogo instituta biznesa, 2012. 266 p.
34. Social'nyj profil' rossijskogo menedzhera: rezul'taty issledovanija (*Social profile of the Russian Manager: results of the study*). Moscow: Associacija menedzherov, 2004. 120 p. (In Russian)
35. Fedorenko N. V. Mesto upravlencheskoj jelity v sovremennom rossijskom obshhestve (*Place of managerial elites in modern Russian society*) // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravlenija. 2008. No. 1. P. 46–54. (In Russian)
36. Fedorenko N. V. Regional'naja jelita: obshhee i osobennoe (*Regional elite: General and special*) // Chelovek i trud. 2008. No. 4. P. 67–68. (In Russian)
37. Fedorenko N. V. Rol' regional'nyh upravlencheskih jelit rossijskom sociume (*The role of the regional administrative elite of the Russian society*) // Trud i social'nye otnoshenija. 2008. No. 4. P. 46–50. (In Russian)
38. Fedorenko N. V. Rossijskaja upravlencheskaja jelita i problema bjuro-kratizacii (*The Russian managerial elite and the problem of bureaucratization*). Moscow: ATiSO, 2006. 205 p. (In Russian)
39. Fedorenko N. V. Sovremennaja rossijskaja upravlencheskaja jelita: teorija, sociogenez, perspektivy razvitija (*The modern Russian administrative elite: theory, creativity, and growth prospects*). M., 2005. 188 p. (In Russian)
40. Fedorenko N. V. Specificheskie cherty rossijskoj upravlencheskoj jelity: social'no-politicheskij aspekt (*Specific features of the Russian administrative elite: the socio-political aspect*) // Trud i social'nye otnoshenija. 2008. No. 5. P. 128–140. (In Russian)
41. Fedorenko N. V. Stratifikacionnye priznaki rossijskoj bjurokratii (*Stratification signs of Russian bureaucracy*) // Chelovek i trud. 2008. No. 5. P. 71. (In Russian)
42. Fedorenko N. V. Mehanizmy sistemnogo funkcionirovanija upravlencheskoj jelity v uslovijah modernizacii sovremennogo rossijskogo obshhestva (*Mechanisms of system functioning of the administrative elite in the conditions of modernization of modern Russian society*). Dissertation for the degree of doctor of social Sciences): thesis. M., 2008. 273 p. (In Russian)
43. Chervjakov S. A., Berezovskij E. B. Sovremennaja politicheskaja jelita Rossii (*Modern political elite of Russia*) // Svobodnaja mysl'. 1993. No.1. P. 56–65. (In Russian)

УДК94(470+430)19

С. Б. Калинченко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В 1920-Е ГОДЫ

В статье раскрываются некоторые черты формирования системы высшей школы в 1920-е годы в России и Германии. Дана характеристика предпосылкам организации системы высшего образования, структуре факультетов, преподавательскому составу, подготовке научных кадров. Сравнительный анализ проводится по следующим направлениям: исторические предпосылки формирования высшей школы, структура университетов, преподавательский состав и подготовка научных кадров. Автор приходит к выводу, что с ликвидацией классических университетов в России в 1920-е гг. было прервано влияние немецких традиций и образования.

Ключевые слова: университет, политехнический институт, доцент, профессор, высшее образование, Россия, Германия.

S. B. Kalinchenko

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AND GERMANY IN 1920

The article describes some of the features of formation of higher education system in the 1920s in Russia and Germany. The article highlights the premises for the establishment of higher education system, the structure of departments, teaching staff, training of scientific personnel. Comparative analysis was conducted in the following directions: the historical background of high school establishment, the structure of universities, teaching staff and training of researchers. The author concludes that the liquidation of the classical universities in Russia in the 1920s was the reason for interruption of German traditions and education influence.

Key words: university, Polytechnic Institute, associate professor, professor, higher education, Russia, Germany.

В настоящее время развитие информационно-интеллектуальной цивилизации, проблемы образования, его настоящего и будущего стали весьма актуальными во всем цивилизованном мире. Не менее актуальными они стали и для России, сделавшей за предыдущее столетие невиданный скачок в преодолении неграмотности, создавшей систему общеобязательного обучения. Вхождение России в Болонский процесс привел к переходу вузов на трехуровневую систему образования, переход на новые образовательные стандарты, индивидуализацию образования и пр. В результате сложилась вузовская система, которая предъявляет новые требования к качеству подготовки специалиста и находится в постоянном поиске новых методов и форм организации учебного процесса, содержания и практик преподавания общеобразовательных и специальных учебных предметов. Однако указанный процесс организации и деятельности системы высшей школы заставляет по-новому проанализировать опыт становления и развития университетов в России и других странах. Обращение к вузовской системе России и Германии обусловлен историческим влиянием немецкой системы науки и высшей школы на становление университетов в России. Некоторые тенденции такого воздействия сохранились и в первое двадцатилетие XX века, когда в обеих странах проводилась новая государственная политика в сфере науки и образования. Цель данной статьи состоит в сравнительном анализе отдельных исторических аспектов становления высшей школы в России и Германии в 1920-е гг.

Исторические предпосылки формирования системы высшей школы в начале XX в.

В Германии во времена Веймарской республики высшее образование достигло высокого уровня. Появлялись новые университеты, а также вузы по специальным направлениям науки и техники, политехнические институты. Однако основы системы высшей школы Германии были заложены значительно ранее.

В Германии первым университетом был Гейдельбергский (1386), вторым – Лейпцигский. (1409). Наиболее многочисленными типами учебных заведений, наряду с университетами, являлись высшие технические училища, учебные заведения политехнического типа, своего рода технические университеты. Специальные учебные заведения возникли в конце XVIII и в начале XIX веков, когда тип современного политехникума еще был неизвестен и когда на техническое училище смотрели как на учебное заведение, дающее узко специальную, но не научную подготовку [6].

На организацию новых германских политехникумов оказал огромное влияние открытый в 1856 г. швейцарский союзный политехнический институт в Цюрихе. Приняв за образец, с одной стороны, Ecole Poly technique в Париже, а с другой — немецкие университеты с той их организацией, какую они получили в XIX столетии под влиянием открытого в 1809 году Берлинского университета, Цюрихский политехнический институт с самого начала представил тип своеобразного технического университета с рядом факультетов (архитектурным, инженерным, механическим, химическим, лесным, а также философским и государственно-правовым) [4].

Возникшие после образования Цюрихского политехникума германские высшие технические школы в Мюнхене, Дармштадте, Шарлоттенбурге (Берлине) и др. уже организовывались по цюрихскому образцу, но и раньше открывшиеся технические школы в Брауншвейге, Карлсруэ, Дрездене и Штутгарте постепенно были реорганизованы в политехнические институты, поглотив в процессе реорганизации и консолидации большинство отдельно существовавших специальных школ и включив в свой состав архитектурные отделения, которые перед тем входили в состав художественно-промышленных учебных заведений.

Таким образом, с начала XX века прекратили свое самостоятельное существование следующие специальные школы: Берлинская горная академия, организованная в 1770 году, вошедшая в состав Берлинского технического института; Баварская высшая лесная школа в Ашафенбурге; Саксонская высшая лесная школа в Эйзенахе; Баварская высшая ветеринарная школа в Мюнхене влитая в состав Мюнхенского университета; Саксонская высшая ветеринарная школа в Дрездене, существовавшая с 1774 г., была переведена в Лейпциг и включена в состав университета; Вюртембергская высшая ветеринарная школа в Штутгарте; Высшее коммерческое училище в Мюнхене было включено в состав политехнического института.

К середине 1920-х годов в Германии насчитывалось 49 высших учебных заведений, а именно: 23 университета, 10 высших технических училищ (политехнических институтов), 5 высших коммерческих училищ 4 сельскохозяйственных, 3 лесных, 2 ветеринарных и 2 горных академии. Сюда же следует отнести еще медицинскую академию в Дюссельдорфе, особый тип высшей школы с преподаванием исключительно специальных медицинских дисциплин (не имеет права присуждения ученых степеней), и политехнический институт в Данциге, хотя в политическом смысле отделенный от Германии [4].

Таким образом, в 1920 е годы в Германии продолжали существовать как «старые» классические университеты, так и открывались новые специальные вузы по отдельным направлениям науки и техники. Особое место в системе высшей школы страны стали занимать политехнические институты. Такая тенденция объяснялась государственной политикой правительства, которое рассматривало образование не только как систему подготовки специалистов, но и как элемент демократизации высшей школы.

В России первые университеты появились в XVIII веке, но своей системы высшей школы к этому времени не сложилось. Медленное развитие университетского образования в XIX веке было связано с отношением царского правительства к вузу как исключительно практическому учреждению по профессиональной подготовке специалистов. Провидимые министерством просвещения университетские реформы брали за образец традиции Берлинского университета, открытого в 1810 г. [1]. Однако, если европейские

университеты развивались как автономные учреждения, то в Российской империи государство определяло приоритеты развития и деятельности высшей школы.

К 1917 годы было открыто всего 11 университетов: Московский (1755) Дерптский (Юрьевский 1802), Казанский (1804), Харьковский (1804.), Петербургский (1819), Университет св. Владимира в Киеве (1833) Новороссийский (1864), Варшавский (1869), Томский (1888) Саратовский (1909) Ростовский (1915), Пермское отделение Петроградского университета (1916 г.) [1]. Открывались высшие учебные заведения неуниверситетского типа технические, педагогические и другие институты.

В целом, на начало 1917 года в России насчитывалось 124 высших учебных заведения. Из них 65 вузов были государственными, а 59 вузов по своему статусу считались общественными или частными. В стране функционировало 11 университетов и 40 школ университетского типа, включая юридические, медицинские, востоковедные, исторические, «академические отделения» народных университетов. Подготовку преподавателей и учителей школ осуществляли 9 педагогических институтов и курсов. Подготовку специалистов технического, аграрного и экономического профиля вели 19 инженерных, 15 сельскохозяйственных и 6 коммерческих институтов [1].

Планомерное развитие высшего образования в России началось в 1920-е годы, когда страна после окончания гражданской войны перешла к восстановлению разрушенного народного хозяйства. С этого момента развитие вузов было тесно связано с ростом промышленности, сельского хозяйства, культуры и просвещения. В этот период все университеты были государственными, поэтому отсутствие финансов привело к закрытию части вузов. В условиях новой экономической политики наряду с ликвидацией университетов, происходило расширение старых вузов. В них продолжали сохраняться квалифицированные кадры преподавателей, хорошая материальная база, научные библиотеки и пр.

Активная политика государства по формированию системы высшего образования привела к прогрессивным результатам. К 1927 г. В России насчитывалось 148 высших учебных заведений. В основном это были педагогические, сельскохозяйственные, медицинские, политехнические институты. Число студентов увеличилось со 127400 до 168500 человек.

Итак, в 1920-е годы основная тенденция развития высшей школы России заключалась в советизации системы высшего образования.

Структура университетов. Организация в Германии высших учебных была основана на классической системе структуры факультетов: богословского, юридического, медицинского и философского.

Богословские факультеты были во всех университетах, за исключением открытых в 1920-е годы Франкфуртского, Гамбургского и Кельнского, причем в Бонне, Бреславле, Мюнстере и Тюбингене существовало по два богословских факультета – евангелический и католический, в Фрейбурге, Мюнхене и Тюбингене один католический факультет и во всех остальных – один евангелический [4].

Однако социально-экономические изменения, вызванные перестройкой народного хозяйства, требовали подготовки новых специалистов. Поэтому на традиционных факультетах открывались специальные отделения или особые факультеты.

Философские факультеты существовали во всех университетах; они обычно объединяли собственно философские, филологические, исторические и физико-математические науки; большинство университетов открыло самостоятельные физико-математические факультеты.

Юридические факультеты имелись во всех университетах; в некоторых университетах им соответствуют факультеты права и государственных наук; в Ростоке, Иене и Тюбингене – факультет права и народного хозяйства.

Университеты Франкфуртский и Кельнский открыли особые факультеты народного хозяйства и социальных наук; в Мюнхене - факультет государственного хозяйства.

В некоторых университетах науки о государстве (собственно социально-экономические) преподавались на философском факультете в университетах Берлинском, Боннском, Гейдельбергском, Лейпцигском и Марбургском; в Гиссене на том же факультете – народное хозяйство.

В университетах Лейпцигском, Мюнхенском и Гиссенском были образованы ветеринарные факультеты.

Кроме того, в целом ряде университетов – Бреславльском, Гиссенском, Геттингенском, Галле, Гамбургском, Иенском, Кильском, Кенигсбергском и Лейпцигском – при философских (физико- математических) факультетах были созданы специальные сельскохозяйственные институты, а в трех университетах – Гиссенском, Мюнхенском и Фрейбургском – лесные институты.

Политехнические институты состояли из отделений: архитектурное, строительное, машиностроительное, электротехническое, судостроительное и судовых механизмов, химии и металлургии, общих наук; в состав последнего обычно входили и экономические науки, только в Мюнхене действовало самостоятельное экономическое отделение. В прусских политехнических институтах происходило формирование новых факультетов: строительный, машинного хозяйства, материального хозяйства и общих наук [6].

Таким образом, сложившаяся в Германии 1920-е структура университетов отвечала социально-экономическим потребностям развития государства. Наряду с действовавшими классическими факультетами открывались различные отделения по подготовке специалистов в новых отраслях народного хозяйства.

В России в 1920-е гг. организационная структура вузов постоянно менялась. Внутри университетов ликвидировались одни факультеты, другие объединялись между собой. Вместо широкой профессиональной подготовки студентов вводилась узкая специализация, отсутствовала научная подготовка специалистов. Закрывались юридические факультеты университетов. Сложившиеся традиции классического университета с его факультетами и фундаментальной научной работой постепенно исчезали из системы высшей школы. Такая тенденция объяснялась не только борьбой советской власти с пережитками старых социальных институтов, но и низким уровнем грамотности студентов и молодых преподавателей.

Преподавательский состав германских высших учебных заведений был дифференцирован. Главными представителями отдельных отраслей науки, возглавляющих самостоятельные кафедры, были ординарные профессора; затем – экстраординарные профессора, которые в свою очередь делились на состоящих на действительной службе штатных и не состоящих на службе следующими были доценты, большинство которых обычно имели титул профессора. Это звание присваивалось лицам, не имеющим прямого отношения к высшей школы: видным руководителям, представителям администрации, предпринимателям, хозяйственникам и т. д., которые читали на правах частных преподавателей отдельные эпизодические курсы. В отличие от них постоянные или штатные доценты обычно назывались ординарными. Особую группу образовывали ординарные и штатные экстраординарные профессора, освобожденные от исполнения обязанностей вследствие старости или по другим причинам; но они продолжали числиться членами факультета, могли читать лекции и получали полный оклад жалованья пожизненно [4]. Как видно, к преподавателям высшей школы предъявлялись исключительно профессиональные критерии работы в высшей школе. Ни возраст, социальная или партийная принадлежность научного работника не влияли на его работу.

В России преподаватели разделялись на: а) профессоров, которые вели самостоятельные курсы или занятия, или заведовали одним из научно-учебных установлений вуза; б) преподавателей, которые преподавали вспомогательные курсы или занятия или работали под руководством одного из профессоров; в) научных сотрудников, которые помогали профессорам и преподавателям или готовились к самостоятельной учебной или учебно-научной деятельности [2, л. 34].

Для вступления в состав работников всех категорий (профессоров, преподавателей, научных сотрудников) не требовалось никаких формальных условий как-то дипломов, ученых степеней и т.п. Квалификация их научной подготовки определялась исключительно на основании опубликованных ученых трудов, преподаваемых ими учебных курсов, практической деятельностью и т.п. Замещением всех профессорских должностей ведал Государственный ученый совет. Предельный срок нахождения на должности

профессора определялся 10 годами и преподавателя 5 лет без переизбрания ГУСом. Научные сотрудники состояли в своей должности 3 года [2, л. 34].

Как видим, политика контроля со стороны государственных структур за подготовкой преподавательских кадров не только не уменьшилась, а наоборот приобрела более жесткий характер. В 1924 г. в вузах РСФСР было оставлено для научной работы 462 человека. В результате такой политики подбора кадров, прежде всего по партийной принадлежности в 1925 г. количество преподавателей высшей школы увеличилось в три раза по сравнению с 1921 г. и составило более 17 тыс. человек [5], хотя их качественные характеристики не всегда отвечало требованиям высшей школы.

Подготовка научных кадров. «Научная смена» в германских высших школах комплектовалась из обширной группы приват-доцентов. Чтобы стать приват; доцентом, необходимо окончить высшее учебное заведение, получить научную степень доктора соответствующей науки, несколько лет заниматься преподавательской работой, а затем быть принятым факультетом в число приват-доцентов. Этот процесс происходил после представления значительной научной работы, коллоквиума в заседании всего факультета и прочтения пробной лекции, после чего аспиранту предоставлялось право чтения лекций. При этом, приват-доцента жалованья не получал, ему выплачивалась часть суммы, вносимой слушателями за посещение лекций; Поэтому приват-доцентами могли быть лишь вполне обеспеченные люди [4].

Следует отметить, что германская высшая школа (и наука) были обеспечены научной силой, которая составляла от 50 до 60 % основной профессорской группы, или около 30 % всех профессоров, включая экстраординарных [4].

В России количественная нехватка профессиональных сотрудников вузов и институтов привела к снижению качественных характеристик предъявляемых к ним новой властью. Отрицание старых государственных институтов, в том числе ученых званий и степеней ликвидировало важный показатель научной деятельности и квалификации ученого. Основной тенденцией подготовки новых преподавательских кадров становилось «орабочивание» и «коммунизирование» состава научных сотрудников в высших учебных заведениях. В конце 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило положение Наркомпроса, согласно которому намечался следующий порядок подготовки коммунистов к преподавательской деятельности: перед началом последнего курса преподаватели-коммунисты отбирали оканчивавших вузы студентов-коммунистов, проявивших способности при изучении той или иной дисциплины, в течение последнего года обучения в вузе для них устраивали специальный семинар, где они более глубоко изучали те дисциплины, по которым собирались специализироваться. По окончании вузов кандидатов направляли в НИИ, где они работали под наблюдением специальных парткомиссий, находившихся при ГУСе [7, л. 4 об.].

Основной формой подготовки преподавателей с 1925 г. становилась аспирантура. Индивидуальный план работы аспиранта составлялся из расчета 30 часов нагрузки в шестидневку. Подготовка включала в себя теоретические занятия по одной из социально-экономических дисциплин, иностранному языку, специальной дисциплины; изучение научной литературы, посещении лекций и консультаций наиболее опытных профессоров и преподавателей [3, л. 10]. Однако недостаточное финансирование, социальные проблемы, несовершенство учебно-методического процесса обучения аспирантов тормозили качественный рост ученых. Идеологический критерий, марксистская подготовка являлись доминирующим в процессе формирования кадров преподавателей. Организованные в 1920-е годы способы отбора и подготовки научных кадров через институт выдвиженчества и стажерства, комплектуемые из студентов-дипломников не привели к ощутимым результатам подготовки научных кадров.

Таким образом, в системе подготовки преподавательских кадров государство делало акцент на социальной и партийной принадлежности научного работника. Профессиональные критерии, научная подготовка аспиранта и молодого преподавателя не являлись приоритетными. В этот период закладывались новые традиции формирования преподавательского состава вузов.

Итак, сравнительный анализ становления системы высшей школы в Германии и Рос-

сии в 1920-е гг. показывает следующее. Государственная политика в сфере высшего образования в Германии в 1920-е годы продолжила традиции, сложившиеся в образовательной системе европейских государств. В указанный период наблюдается преемственность в развитии высшей школы, что подтверждают сохранившиеся классические университеты, организационная структура вузов, качественный состав преподавателей и подготовка специалистов, автономия и самоуправление как основные принципы немецкой системы образования. Вместе с тем происходит демократизация высшей школы, что отражается в многообразии институтов, специальных вузов, высших профессиональных школ. В России с ликвидацией в 1920-е годы классического университета, образцом которого выступали германские вузы, завершилось влияние немецкой науки и образования на высшую школу. В этот период происходит качественно-новое формирование советской вузовской системы образования.

Источники и литература

1. Аврус А. И. История российских университетов: Очерки. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 86 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р. 89. Оп. 1. Д. 74.
3. ГАСК. Ф.Р. 1034. Оп. 1. Д. 5.
4. Каган П. И. Высшая школа Германии // Научный работник. 1928. №12. С. 66–81.
5. КПСС во главе культурной революции в СССР. М.: [б.и.] 1972. С. 78.
6. Мирошниченко Н. И. Современное состояние и тенденции развития системы высшего образования в Германии: дис ... канд ист наук. Таганрог, 200. 194 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 68. Д. 636.

References

1. Avrus A. I. Istorija rossijskih universitetov: Ocherki (*The history of Russian universities: Essays*). Moscow: Mocscoe Public Science Foundation, 2001. 86 p. (In Russian).
2. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F.R. 89. Inv. 1. D. 74. (In Russian).
3. GASK. F.R. 1034. Inv. 1. D. 5. (In Russian).
4. Kagan P. I. Vysshaja shkola Germanii (*High School Germany*) // Nauchnyj rabotnik. 1928. No. 12. P. 66–81. (In Russian).
5. KPSS vo glave kul'turnoj revoljucii v SSSR (*CPSU at the head the cultural revolution in the USSR*). Moscow, 1972. 78 p. (In Russian).
6. Miroshnichenko N. I. Sovremennoe sostojanie i tendencii razvitija sistemy vysshego obrazovanija v Germanii (*Current status and development trend of higher education in Germany*): thesis. Taganrog, 200. 194 p. (In Russian).
7. Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. Inv. 68. D. 636. (In Russian).

УДК 94(470.6).084

Г. Н. Каменева

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В СТРОИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНАХ (СТРОЙБАТАХ) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.) (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)

В статье поднят слабо разработанный в исторической науке вопрос привлечения в годы Великой Отечественной войны женщин для выполнения тяжелейших военно-строительных работ, в том числе в боевых условиях. На материалах Юга России анализируется деятельность женского контингента дорожно-эксплуатационных, оборонно-строительных военных подразделений, их ведомственная подчинённость, объёмы и проблемы реализации строительных работ в регионе, механизмы использования ресурсов женского гражданского населения. Рассматриваются вопросы функционала, условий службы женщин-строителей, приведены примеры отдельных военных биографий. В научный оборот введены новые архивные данные о численности женского состава строительных колон Северо-Кавказского фронта.

Ключевые слова: Части строительства военно-автомобильных дорог, дорожно-эксплуатационные полки, женские строительные батальоны, мостостроительные батальоны, оборонительные укрепления.

G. N. Kameneva

PARTICIPATION OF WOMEN IN CONSTRUCTION BATTALIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945) (ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)

This article raises a poorly developed question from the historical point of view regarding recruitment of women for the hardest military construction work including battle performance during the Great Patriotic War. With the reference to materials of the south of Russia the activity of road-exploitation and defense-building military regiments women contingent, their department subordination, volumes and problems of building work realization in region, mechanisms of female civil population resources use are analyzed. The aspects of functionality, women-builders service conditions are discussed and some examples of military biographies are presented. The article presents new archive data about female population of North-Caucasus fronts' construction columns.

Key words: Units of the military-car roads construction, road-exploitation regiments, women's construction battalions, bridge construction battalions, strengthening fortifications.

Военно-строительные подразделения нередко ассоциируются с дисциплинарными подразделениями, настолько тяжела в них служба. Однако Великая Отечественная война являлась во многом исключением. Выходящим из ряда вон явлением было и то, что тысячи женщин служили в частях военного строительства. Выполняя тяжелейший физический труд, а порой и рискуя жизнью, они строили, восстанавливали дороги и мосты, сооружали переправы, возводили оборонительные укрепления. Изучение этого явления военной истории позволяет полнее и многограннее представить ратный вклад женщин в дело Победы, раскрыть малоизвестные страницы истории.

Деятельность военно-строительных частей координировалась двумя Наркоматами: внутренних дел и обороны. Так, Главное управление шоссейных дорог (Гушосдор), подчинённое Наркомату внутренних дел, должно было формировать отдельные дорожно-строительные и мостостроительные батальоны. Для оперативного руководства

дорожными службами создавались полевые органы – управления уполномоченных Гушосдора при штабах фронтов и дорожные отделы при штабах армий. Их основной задачей являлось выполнение заданий командования по строительству и восстановлению дорог и мостов. Наркомат обороны создавал дорожно-эксплутационные полки. Они состояли из путевого и дорожно-комендантского батальонов, рот регулирования, автотракторной и связи. Созданная система дорожного обеспечения боевых действий Красной Армии в годы войны включала сеть дорог центра, фронтов и армий, а также пути подвоза и эвакуации в дивизионном и полковом тылу.

Дороги в годы войны имели стратегическое значение. Они были важным средством связи фронта с тылом, обеспечивая подвоз горючего, продовольствия и обмундирования. Качество дорог влияло на скорость движения транспорта, их своевременный ремонт и строительство были составными условиями успеха боевых операций. Военно-дорожными подразделениями содержались специальные маршруты для движения гусеничных, транспортных и боевых средств, а также гужевого транспорта.

Для обеспечения подвоза материальных средств автомобильным транспортом дорожные части Юго-Западного и Донского фронтов оборудовали по три, а Сталинградского – две военно-автомобильные дороги и три ответвления от них к переправам на Волге. Протяженность военно-автомобильных дорог (ВАД) Донского фронта составляла 1390 км, Сталинградского – 1081 км, а к концу оборонительного сражения протяженность ВАД этого фронта увеличилась в два раза [2, с. 96–97].

Важное значение для сосредоточения войск и материальных средств имели автодорожные мосты и переправы. Их строительство и эксплуатация под обстрелом артиллерии противника и в условиях постоянных налетов его авиации были поистине героическим подвигом военных дорожников. В условиях осенне-весенней распутицы грунтовые дороги Юга России на многих участках становились непроезжими, что предельно усложняло работу дорожно-строительных подразделений.

Почти одновременно с грандиозным сражением между Волгой и Доном развернулась битва за Кавказ, которая началась летом 1942 г. и длилась до осени 1943 г. Она была сложной и трудной как для войск, так и для тыла фронтов. Тыловым органам приходилось преодолевать трудности, связанные с удаленностью театра военных действий от центральных районов страны. В Закавказских республиках был развернут ряд центральных складов. Во фронтовом тылу были образованы две группы тыловых частей и учреждений, которые размещались на направлениях действий Черноморской и Северной групп войск. Органы оперативного тыла обеспечивали войска в полосе около 1000 км по отдельным, разобщенным на десятки и сотни километров направлениям, что вызывало большие трудности в организации подвоза. Горный характер местности и почти полное отсутствие оборудованных дорог сильно осложняли работу транспорта. В связи с этим особое значение имела пропускная способность Военно-Грузинской и Военно-Осетинской автомобильных дорог. В оборонительных боях на туапсинском направлении, начавшихся 25 сентября 1942 г., единственными сухопутными коммуникациями Черноморской группы войск являлись Сухумское шоссе и шоссе Сочи – Туапсе – Геленджик – Новороссийск. По ним подвозились грузы из Тбилиси и Кутаиси и из портов – баз Черноморского флота. Части и соединения Черноморской группы нуждались в доставке вооружения, боеприпасов, продовольствия, фуража и других видов материальных средств.

Для ремонта и поддержания в проезжем состоянии дорог по решению ГКО в сентябре-октябре 1942 г. Ставка выделила Закавказскому фронту несколько инженерных и сапёрных батальонов, а также дорожно-строительные, мостостроительные и дорожно-эксплуатационные части. Для службы в этих частях активно привлекались женщины. На основе Постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) о необходимости мобилизации женщин для замещения вспомогательных должностей в тыловых частях фронтов и округов за №2100 от 26 июля 1942 года в период с 25 октября по 10 ноября 1942 года по стране была развёрнута мобилизация 230 тыс. чел. в возрасте от 19 до 30 лет, в том числе для частей автодорожной службы – 2 тыс. чел., для строительных

колонн Управлений оборонительного строительства – 35 тысяч [9, л. 75–76]. Подобная мера позволяла высвободить мужчин, годных к строевой службе, для нахождения их в передовых войсках.

Проанализировать женский состав фронтов Юга России в 1942 году сложно, так как система учёта личного состава по гендерному признаку была налажена лишь в 1943 году. Однако в ходе исследования удалось установить, что в марте 1943 г. только по СКФ (II форм.) в дорожно-эксплуатационных частях боевого обеспечения служило 860 женщин. Так, например, в 24-м мостостроительном батальоне служило 45 женщин; в 19-м дорожно-эксплуатационном батальоне – 136, в 24-м – 33, в 25-м – 44, в 140-м – 79; в 195-м дорожно-строительном батальоне – 160; в 13-м Управлении военно-автомобильных дорог – 139, в 20-м – 120 [12, л. 385–404]. Так, Елена Осадчая, из г. Махачкала, служила в составе 136 девушек 19-го отдельного дорожно-эксплуатационного батальона (ОДБ) СКФ, впоследствии регулировщица движения, прошла путь от Кавказа до Чехословакии [3, с. 147].

Круг специалистов строительных подразделений достаточно широк: столяры, слесари, плотники, шофёры, взрывотехники и др. Например, Татьяна Трофимовна Серякова из г. Орджоникидзе (Дауджикау) Северной Осетии, воевавшая в составе 35-го отдельного моторизованного понтонно-мостового Таманского Орденов Кутузова, Александра Невского батальона, служила сапёром и разминировала транспортные магистрали от вражеских мин [16].

В период наступления советских войск на Кавказе, длившегося с 1 января по 9 октября 1943 г., вся его территория региона была полностью освобождена от оккупантов. Отступающие немецко-фашистские войска целенаправленно уничтожали средства коммуникации, дороги, мосты, переправы. Прилагались огромные усилия для их восстановления в короткий срок. Большую помощь оказывало местное население. Однако требовались регулярные военно-строительные части. Поэтому на лето 1943 года приходится ещё одна волна женской мобилизации. В июле 1943 года в Отдел укомплектования СКФ поступают рапорты от начальников дорожных отделов армий с просьбой «разрешить призыв добровольцев-женщин в дорожные части» [13, л. 163]. Приказы Наркомата обороны, касающиеся призыва женщин в дорожно-эксплуатационные части принимались 3 апреля, 2 мая, 30 сентября 1943 года [15, 26, 46].

Отдельную страницу женские строительные подразделения представляют в ходе возведения оборонительных укреплений. Они находились в ведении Государственного управления оборонного строительства Наркомата Обороны (ГУОС НКО). Основу строительных подразделений составляли части НКВД. Их формированием также занимались Комитеты Обороны, которые в первоочередном порядке, на основе постановление ГКО о строительстве стратегических тыловых оборонительных рубежей от 13 октября 1941 г., создавались там, где сооружались полевые укрепрайоны с обводами городов: Астрахань, Грозный, Краснодар, Сталинград, формировались сапёрные армии и управления оборонительного строительства.

Только в 1941 году по войскам Северо-Кавказского фронта было сформировано 20 рабочих строительных колон, численностью по 1000 человек. Рядовой состав строительных подразделений пополнялся за счёт призыва военнообязанных старших возрастов и добровольцев. Значительную часть их составляли женщины вольнонаёмного состава [14, л. 6]. При этом они имели льготы, обеспечивались теми же видами довольствия, что и военнослужащие. Основанием для направления женщин-добровольцев именно в эти части могли быть: особенности здоровья, не позволявшие нести строевую службу; образование не выше 4-х классов; отсутствие военной специализации; а главным образом – нехватка личного состава строительных подразделений.

Кроме того, Комитеты Обороны через местные советы депутатов трудящихся и районные комитеты партии, осуществляли мобилизацию на оборонительное строительство население городов и прилегающих районов. Как правило, мобилизации подлежали граждане в возрасте: женщины – от 16 до 55 лет, мужчины – от 16 до 60 лет.

На громадном пространстве Юга России развернулись оборонительные работы: между Доном и Кубанью, по Тереку, на Таманском полуострове, по побережью Азовского

и Черного морей, включая Тихорецкий, Ставропольский, Грозненский и Минераловодский обводы. Строительство Донского и Северо-Кавказского оборонительных рубежей возлагалось на 8-ю, 9-ю и 10-ю сапёрные армии. Северо-Кавказскому округу поручалось использовать для создания обороны Ростова 56-ю отдельную армию. К концу 1941 г. только на сталинградских рубежах работали 88 тыс. бойцов 5-й саперной армии и управлений оборонительного строительства. Кроме того, трудилось еще 107 тыс. жителей города и области [11, с. 111; 5, с. 204].

Некоторые Комитеты Обороны в деле мобилизации трудящихся на оборонительное строительство пошли по пути создания рабочих батальонов. Например, Краснодарский комитет обороны (председатель П. Селезнев) на основании решения от 24 октября 1941 года привлекал к выполнению заказов для 9-го Управления оборонительного строительства Наркомата обороны (УОС НКО) 29 различных заводов и предприятий Краснодара, Новороссийска, Тихорецка, Армавира, Майкопа, поручив председателям местных комитетов организовать помощь и контроль за выполнением постановления [10, л. 220–221].

В мае 1942 г. ГУОС НКО было переведено на новый штат и вошло в состав Управления начальника инженерных войск Красной Армии как Управление оборонительного строительства (УОС НИВ КА).

Работы нередко выполнялись под огневым воздействием противника. Когда 25 июля 1942 г. войска немецкой группы армий «А» начали наступление на юге с плацдармов в нижнем течении Дона и осуществили прорыв советской обороны, военные строители вынуждены были в сложной обстановке отходить вместе с частями Северо-Кавказского фронта, неся значительные потери.

Так, Мария Мартынюк из ст. Кореновской Краснодарского края, 1924 г.р., добровольно была мобилизована в 1942 г., служила в одном из женских строительных батальонов СКФ. Первой ротой батальона командовал лейтенант М. Захаров, второй – капитан М. Ткаченко. В их составе служили такие же 18-летние девчонки: Нина Цыганкова, Екатерина Зеленина, Мария Хмызенко, Зинаида Зюкина и др. Девушки рыли окопы, противотанковые рвы, строили блиндажи, понтонные мосты. Батальон работал в районах ст. Крымской, предгорий Кавказа, Туапсе. Ввиду налётов немецкой авиации стройбатальоны нередко работали в ночное время. Своё первое боевое крещение Мартынюк вспоминает так: «Немецкие самолёты поливали нас пулемётным огнём, летали так низко, что я видела лица лётчиков. Только мы положили на подводу раненых, как в неё попала бомба. Когда я увидела летящие в воздухе лошадиную голову и человеческую ногу, то со мной случилась истерика. Я залезла в речушку, хохотала и не могла остановиться. В чувство меня приводил фельдшер». «…После наступления холодов нам выдали тёплую военную одежду: кальсоны, фуфайку, брюки-галифе и ботинки огромного размера. Шапок не было вообще, так мы из портянок сделали себе платки. Под Туапсе нас разместили на территории цементного завода, кормили раз в день несолёной похлёбкой из кукурузной муки. На таких харчах долго не протянешь, и многие девчата, голодные и простуженные попадали в госпиталь. В их числе была и я. В 1943 году наши женские батальоны расформировали, девушкам выдали по 500 рублей, наградили медалью «За оборону Кавказа». Кто-то отправился в тыл, кто-то продолжил службу, как и я, до Победы» – вспоминала Мартынюк [4, с. 27].

Конечно, девушки просились на фронт, но однажды, став случайными свидетелями, как их командир плакал и доказывал начальству, что он здоров (правая рука не разгибалась) и может воевать, то смирились и решили слушаться его ещё больше [4, с. 27].

Надежда Назаренко из п. Кубань Гулькевичского района Краснодарского края, 1925 г.р., служила бойцом 105-го управления военно-полевого строительства СКФ, которое формировалось в Анапе. 17-летняя девушка, в числе сотен кубанских патриоток, строила в горах и предгорьях Кавказа доты и дзоты, площадки для дальнобойных орудий, ремонтировала дороги и др. Конечно, главным оружием девушек были кирки, лопаты, ломы, пилы, топоры. Однако девушки также несли боевое дежурство, охраняли строительные объекты. За разгрузку судна с боеприпасами и продовольствием под авиаобстрелом противника в районе Джугбы Назаренко и другие девушки подразделения были награждены медалями «За боевые заслуги» [8, с. 30].

Изнурительный труд, кровавые мозоли на руках и плечах, жара, холод, бомбардировки, смерть сослуживцев – это далеко не полный перечень ассоциаций военной службы женщин-строителей.

Рабочий день строителей составлял 10–12 часов. С целью повышения производительности строительных работ в батальонах, ротах, бригадах было развернуто соревнование, ход которого освещался в многотиражных боевых листках. При очень большой норме – 5–7 кубометров грунта на бойца, нормы работ нередко перевыполнялись в 2–3 раза. Например, за период обороны Сталинграда было построено около 2500 различных окопов, 200 дзотов, 37 железобетонных и броневых колпаков, около 450 блиндажей и убежищ, 320 баррикад и приспособлено к обороне 186 зданий [6, с. 131]. 30 тыс. человек было награждено орденами и медалями, в том числе 3200 человек-строителей 24-го УОС [1, с. 122].

В Дагестане было построено 8 оборонительных укреплений общей протяжённостью 700 км, 15 аэродромов, отремонтировано и частично построено 620 км грунтовых дорог, имевших оборонное значение. На этих мероприятиях было задействовано более 150 тыс. человек. За успешное выполнение строительных работ более 60 тыс. женщин республики были награждены медалями «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», Почётными грамотами Верховного Совета Дагестанской АССР. Всего на строительстве оборонительных укреплений Северного Кавказа было задействовано более 500 тыс. местного населения, 2/3 из которых составляли женщины [Подсчитано автором: 7, с. 31].

Чтобы представить в целом характер и объем оборонительных работ, произведенных в период обороны Кавказа, достаточно отметить, что на этом направлении было построено оборонительных рубежей тактической емкостью на 88 дивизий, общей протяженностью по фронту 3570 погонных километров. На них было возведено около 96 тыс. сооружений различных типов, 1639 км траншей, 661 км противотанковых невзрывных заграждений, 316 км противопехотных заграждений, установлено около 174 тыс. различных мин и фугасов [6, с. 136].

Однако организация возведения оборонительных рубежей имела ряд просчётов: инженерные работы осуществлялись медленно, главные позиции оборонительных рубежей выбирались в поймах рек и весенние паводки привели их в негодность, восстановление части сооружений затянулось до середины лета 1942 года и велось на 700-километровом фронте, что распыляло силы и средства СКВО, оборонительные рубежи были слабо подготовлены в противотанковом отношении и слабо замаскированы. В итоге, титанический труд сотен тысяч людей не принёс в полной мере ожидаемых результатов.

Оперативное решение советскими войсками задач оборонного и инженерного строительства было одним из факторов Победы. Анализ показал, что осуществить программу военно-строительных работ в годы Великой Отечественной войны удалось благодаря трудовому героизму и мужеству бойцов строительных подразделений и населения, немалую часть среди которых составляли женщины. Огромным по объёму было привлечение из гражданского населения Юга России женского трудового ресурса для строительства оборонительных укреплений – более 400 тысяч человек. Кроме того, в регулярных частях в период освобождения региона в марте 1943 г. по СКФ (II форм.) в рабочих строительных колонах (части вне нормы) служило 1714 женщин – 17,2 % от общего состава рабочих (9920 ч.), в том числе среди строительных батальонов 4-е батальона были полностью женскими; в дорожно-эксплуатационных частях боевого обеспечения служило 860 женщин [12, л. 385–405].

Высокий уровень гражданской сознательности девушек, рвавшихся на передовую, во многом был причиной принятия ими специальностей, востребованных в критический для страны период. Привлечение женских мобилизационных ресурсов позволяло снимать остроту проблемы кадров и способствовало успеху в ходе военных операций. Женское население региона продемонстрировало в годы войны высокий уровень конформизма, когда общественные цели, а главное – способы их достижения, принимались полностью.

Источники и литература

1. Битва за Сталинград. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1970. 593 с.
2. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
3. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1960. 708 с.
4. Девичий рабочий батальон // Кубанские новости. 7 мая 2005.
5. История Второй Мировой войны. 1939-1945. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. 536 с.
6. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М.: Воениздат, 1970. 424 с.
7. Каменева Г. Н. Патриотическая деятельность женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Миракль, 2014. 192 с.
8. Надежда из 105-го // Кубанские новости. 2005. 7 мая.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 1. Оп. 47. Д. 49.
10. РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 22. Д. 1417.
11. Рубежи мужества. М.: ДОСААФ, 1978. 54 с.
12. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 51. Оп. 961. Д. 35.
13. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 961. Д. 70.
14. ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 36.
15. ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 132.
16. Воспоминания ветерана Великой Отечественной Войны Серяковой Т. Т. // Кнопка URL: https://www.youtube.com/watch?v=xftLCCqmXPQ (Дата обращение: 18.10.2016).

References

1. Bitva za Stalingrad (*Stalingrad Battle*). Volgograd: Nizhne-Volzhsky publishing house, 1970. 593 p. (In Russian).
2. Voznesensky N. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny (*Military Economics of USSR during the Great Patriotic War*). Moscow: Gospolitizdat, 1948. 192 p. (In Russian).
3. Dagestantsy na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny (*Dagestanis on the fronts of the Great Patriotic War*). Makhachkala: Dagestan publishing house, 1960. 708 p. (In Russian).
4. Devichii rabochii batal'on (*Maidens's working battalions*) // Kuban news. 7 May 2005. (In Russian).
5. Istoriya Vtoroi Mirovoi voiny (*History of World War II*). 1939–1945. Vol. 5. Moscow: Voenizdat, 1975. 536 p. (In Russian).
6. Inzhenernye voiska v boyakh za Sovetskuyu Rodinu (*Engineer Troops during the battles for Soviet Motherland*). Moscow: Voenizdat, 1970. 424 p. (In Russian).
7. Kameneva G. N. Patrioticheskaya deyatel'nost' zhenshchin Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (*Patriotic activity of North-Caucasus' women during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Moscow: MIRAKL, 2014. 192 p. (In Russian).
8. Nadezhda iz 105-go (*Nadezhda from 105*) // Kuban news. 2005. 7 May. (In Russian).
9. Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). F. 1. L. 47. D. 49. (In Russian).
10. RGASPI. F.17. L.22. D.1417. (In Russian).
11. Borders of Courage. Moscow: VSAAAFN, 1978. 54 p. (In Russian).
12. Central Archives of Ministry of Defense (TsAMO). F.51. Inv.961. D.35. (In Russian).
13. TsAMO. F. 51. Inv. 961. D. 70. (In Russian).
14. TsAMO. F. 7. Inv. 881806. D. 36. (In Russian).
15. TsAMO. F. 7. Inv. 881806. D. 132. (In Russian).
16. Vospominaniya veterana Velikoi Otechestvennoi Voiny Seryakovoi T. T. (*The recollections of the Great Patriotic War's veteran, Seryakovoy T. T.*) // Knopka URL: https://www.youtube.com/watch?v=xftLCCqmXPQ (Accessed: 18.10.2016). (In Russian).

УДК 94 (470+571) «18»

Ю. Ю. Клычников

«ПЕРЕПИСКА О ЧЕЧЕНЦЕ МАРАЗБЕКЕ (ФЕДОРЕ АФАНАСЬЕВЕ) И ЕГО ПОДВИГАХ»: ЭПИЗОД ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЛАЗУТЧИКОВ В ГОДЫ «КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ»

Статья посвящена деятельности российских лазутчиков на Северном Кавказе в период вооружённого противостояния империи с «немирными» горцами. На примере судьбы одного из них показаны обстоятельства борьбы противоборствующих сторон, в арсенале средств которых разведка играла важную роль. Уникальность информации о деятельности лазутчиков заключается в том, что она крайне редко находила отражение в письменных источниках. Большинство контактов с такими людьми остались тайной как для современников, так и потомков. Причины, заставлявшие заниматься этой деятельностью, были различными. Одни видели в ней возможность приобрести материальное вознаграждение, другие шли на риск из идейных соображений. Исследуемый в статье персонаж хотел заслужить прощение у российской администрации, т.к. в молодости он дезертировал из своей части и бежал к горцам. Оказавшись в окружении Магомета Амина, лазутчик сообщал кавказским властям ценные сведения о враждебных замыслах неприятеля.

Ключевые слова: Лазутчик, мюридизм, наиб, казаки, станицы, информация, беглые.

Yu. Yu. Klychnikov

“THE CORRESPONDENCE ABOUT THE CHECHEN MARASBECK (THEODOR APHANASIEV) AND HIS EXPLOITS”: THE EPISODE OF THE RUSSIAN SPIES ACTIVITIES IN THE YEARS OF CAUCASIAN WAR

The article is dedicated to the Russian spies activities in the Northern Caucasus in the period of armed opposition of the Empire to “unpeasful” highlanders. As an example of one of them, circumstances of the fight of opposing sides were shown. Among all means they used, the reconnaissance was very important. The unique character of spies’ activities is in its rare mention in sources. The majority of contacts with this group of people were secret both for contemporaries and for descendants. The reasons for the activities were different. Some saw the possibility to have a material reward; others took a risk for moral opinions. The character researched in the article wanted to deserve the Russian authorities, forgiveness because he left his unit in his youth for highlanders. In the environment of Magommet Amin people the spy let the Caucasian authorities know valuable information of hostile intentions of the enemy.

Key words: spy, muridism, naib, Cossacks, stanitsas, information, fugitives.

Любая война всегда нуждается в разведке. В силу специфики своей деятельности опасная и трудная деятельность разведчика часто остается неизвестна большинству современников, да и историки далеко не сразу могут найти свидетельства, повествующие о незримой работе. Чаще всего сведения о секретных операциях исчезают вместе с участниками тайного фронта, и далеко не все факты их биографии оставляют след на бумаге. Не стали исключением и жизненные перипетии российских лазутчиков, внесших свой немалый вклад в победу русского оружия над фанатичными приверженцами мюридизма. Широко известен подвиг Ф. Ф. Торнау, который, будучи захваченным в плен во время производимой им разведки, сумел вырваться из неволи и оставил интересные и информативные

мемуары о своих приключениях [11]. Но это скорее исключение, чем правило. Примечательно, что при неослабевающем внимании исследователей к событиям т.н. «Кавказской войны» обобщающих монографических работ, освещающих эту проблему, до сих пор не существует.

Хотя в последнее время и появляются статьи и очерки, касающиеся данного вопроса, а отдельные сюжеты, связанные с деятельностью лазутчиков включаются в работы, посвящённые изучению боевых действий в регионе, но все они носят мозаичный характер, не позволяют нарисовать целостную картину указанного явления [2, с. 354–370; 7, с. 260–261; 4, с. 186–193; 9, с.160–172; 5, с. 71–88 и др.]. Даже в обобщающих трудах, рассматривающих военное дело горцев, не встречаются разделы, касающиеся этого аспекта [См. напр.: 8; 6]. Возможно, создать такой труд и не получится, учитывая скудость источниковой базы обозначенной темы, но усилия в данном направлении, безусловно, нужны, и любой материал, вводимый в научный оборот, имеет большое значение.

В этой связи обращает на себя внимание информация о неком Федоре Афанасьеве, который оказался весьма ценным информатором для кавказского командования, т.к. входил в число доверенных людей известного наиба Магомет Амина, присланного имамом Шамилем для распространения своих идей среди горцев Северо-Западного Кавказа [12, с. 286–288]. Впервые информация о нем появилась 3 июня 1853 г. в письме командующего Черноморскою кордонною линиею полковника Якова Герасимовича Кухаренко к вышестоящему начальству – генералу от кавалерии, командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Николаю Степановичу Завадовскому. Я. Г. Кухаренко сообщал, что этот «в прошлом беглый солдат, который, раскаиваясь в своем поступке, желает теперь загладить оный с тем, чтобы отравить Магомета Амина, для чего просит прислать ему чрез соучастника его узденя Ахмета яду и сонных капель» [1, л. 1–1 об.]. Примечательно, что данное письмо в верхнем правом углу содержало весьма существенную приписку «Весьма секретно. В собственные руки», что лишний раз свидетельствует о важности и конфиденциальности той информации, которой Я. Г. Кухаренко делился.

Сам информатор обратился к полковнику в записке от 16 мая, в которой и излагал свое пожелание верной службой заслужить прощение за былые проступки. Называя себя «потерянный человек чрез свою молодость», он хотел «все свои проступки затереть тем, что который Российской державе вред большой делает горский новый прибывший наиб, и он бунтует всех горцев» будет им ликвидирован. Задача эта была не простая. Имея немало врагов среди черкесов, Магомет Амин опасался за свою жизнь и не подпускал к себе никого, кроме «гаджиретов верных».

Видимо, сам Федор Афанасьев пользовался доверием подозрительного наиба, а потому просил Я. Г. Кухаренко: «поверьте сему узденю Ахмету Залеждееву, что он это всё верно сдержит, ибо надо наградить сего узденя Ахмета чином, то он будет стараться с Федором Афанасьевым гаджеретом известь подлых хищников и пришлите яду, от которого может пропасть и сонных капель для приближенных его слуг, сколько ни будь денег с сим подателем Ахметом дворянином.

Ваше В[высоко] Пр-во я бы желал и больше, но вы знаете, что это не в России, и ежели желаете при себе видеть Федора Афанасьева гаджерета, то дайте ответ и с сим подателем я прибуду…

Ваше Пр-во прошу покорно не задерживать сего ответа, ибо наиб скоро будет на Пшекупсе, срок день мая 21 дня» [1, л. 2–2 об.].

Командование сочло нецелесообразным сразу довериться незнакомому человеку, и Я. Г. Кухаренко решил лично встретиться с ним. Со слов самого Якова Герасимовича, «возвратящийся добровольно из бегов от горцев рядовой Федор Афанасьев (по-азиатски Марсибек) первый раз явился ко мне еще в июле месяце 1853 г. с раскаянием за сделанный им поступок, обещал, если ему дозволено будет остаться за Кубанью еще на некоторое время, загладить свой поступок службою лазутчика, так как он, находясь… в числе приближенных лиц к Магомет Амину, имеет средство сообщить нам самые верные сведения о намерениях наиба и обо всем происходящем за Кубанью и кроме того постарается передать в наши руки беглых казаков Кавказского линейного войска, служащих первыми вожаками у горцев для скопищ и грабительских партий в наши пределы.

На этом основании и с воли Г. Командовавшего войсками генерала от кавалерии

Завадовского, я разрешил Афанасьеву оставаться до времени за Кубанью, для выполнения своих обещаний. С этого времени он являлся ко мне постоянно, сообщав верно обещанные им сведения, а 28 сентября этого же 1853 года, выдал беглого казака Кавказского линейного казачьего войска, именовавшегося у горцев Смелем…» [1, л. 19–19 об.].

Примеры казаков-перебежчиков, которые в силу разных жизненных обстоятельств оказывались среди «немирных» горцев были не единичны [3, с. 73–76]. Среди них было немало тех, кто становился злейшим врагом своих соотечественников. Прекрасно ориентируясь в том, как охраняется кордонная линия, не вызывая подозрений у местных жителей, такие ренегаты были наиболее опасным противником для населения порубежья.

Обстоятельства захвата Смеля сохранились благодаря достаточно подробному рапорту на имя командующего Черноморскою кордонною линиею от 28 сентября 1853 г., подготовленного атаманом станицы Пашковской урядником Падалкой, который и осуществил вместе со своими казаками поимку опасного преступника. Из документа мы узнаем, что «переехавший из за Кубани между Павловским и Малолагерным постами в Пашковской батареи на нашу сторону по билету Вашего Превосходительства от 4-го прошедшего августа за № 23 чеченец Маразбек (он же Федор Афанасьев), явясь сего числа утром в сие правление секретно объявил, что за Пашковскою станицею между ветряными мельницами он оставил… товарища – гаджирета Смеля, в ожидании доставления им, Афанасьевым, ему, Смелю, из станицы съестных припасов и хмельных напитков; а потому просил сие правление о принятии всевозможных мер по взятии его и предании в руки правительства как русского изменника, служившего горцам предателем разных станиц Кавказского линейного казачьего войска и в других неприязненных противу России поступках.

Почему правление сие ту же минуту распорядилось предоставить ему, Афанасьеву, всевозможныя средства к задержанию того изменника под каким ни будь видом вблизи станицы, а сам станичный атаман с судьей, собравши конновооруженных одного урядника, четырех казаков и пять таковых пеших, зараз же по следам Афанасьева скрытными местами, отправившись за станицу и с надлежащими осторожностями возле оной предпринятыми, схватив их обоих Афанасьева и Смеля, пьющих водку, под ветряною мельницею, с сохраненными под оною уздечкою и бордюгом доставили в сие правление» [1, л. 5–5 об.]. Обращает на себя внимание тот факт, что у Смеля был обнаружен билет, выданный Магомет Амином, свидетельствующий о важности данного ему поручения и немалом статусе плененного.

Это был безусловный успех русского лазутчика, сумевшего нейтрализовать опасного врага. Я. Г. Кухаренко отмечал, что «Афанасьев в продолжении всего этого времени был весьма полезен, и я видел в нем верного и неутомимого агента моего, неутомимо выполнявшего все мои приказания, к чему он имел еще те удобства, что будучи женат за Кубанью на гречанке, считался уже туземцем и не мог навлекать на себя подозрения в сношениях с нами» [1, л. 19 об., л. 28].

Однако долго так продолжаться не могло. Находившийся настороже наиб стал подозревать Федора Афанасьева в обмане и приказал установить за ним слежку. Надо отметить, что информаторов у «немирных» черкесов на русской стороне было немало. Уже давно кавказское командование отмечало, что «некоторые непокорные горцы, не только ближние, но и дальние… вместе с притворнопредданными нам, под видом сих последних и объявляя необходимость будто бы их для свидания с родственниками своими, живущими якобы в Черномории… получают на то дозволение и на следование туда и обратно билеты; куда проезжая… проживают в сих станицах очень долго; разъезжают между тем беспрепятственно по всем местам и даже по кордонной линии, вместе с жителями сих станиц, путеводительствующими им в этом, и высматривают всё; по возвращении же своём на свои жительства, передают всё, ими виденное, и производят возмущение…» [10, с. 42]. Таким образом, провал попавшего под подозрение агента был вопросом времени.

Возникшее «сомнение в выдачи изменника Смеля, было возведено на него; хамышейцы, видевшие Афанасьева у берегов Кубани, донесли приближенным Магомет Амина, и его подозревали в сношениях с нами, но для убеждения тайно искали более

ясных доводов. Случай скоро представился. В одно время именно с января месяца сего года, Афанасьев ехал ко мне с сведениями, был встречен на пути хамышейским пши Пшекуй Крымчерионом (?), имевшим поручение схватить Афанасьева, и он едва успел спастись бегством… а родственник его, ехавший с ним же, был ограблен. С этого времени Афанасьеву нельзя было показаться за Кубанью, и его искали уже по приказанию Магомет Амина для смертной казни…» [1, л. 28–28 об.].

Лазутчик вынужден был остаться на русской стороне, чтобы попытаться вернуть свою семью, оставшуюся за Кубанью. В своем обращении к начальнику правого фланга Кавказской линии ггенерал-майору Николаю Ивановичу Евдокимову от 20 июня 1854 г. Я. Г. Кухаренко рекомендовал Ф. Афанасьева как человека хорошо знакомого с местностью на р. Белой, а потому полезного в качестве проводника. Кроме того, он писал, что «сообщая обо всем этом Вашему Прву я священным долгом поставляю себе покорнейше просить ходатайства Вашего о прощении поступка Афанасьеву – заключающегося в побеге к непокорным горцам, в том внимании, что кроме добровольного возвращения его, слагающего с него уже наказание на основании Высочайшей воли объявленной отношением Военного министра к г. главнокомандующему Кавказским корпусом, от 1-го января 1852 года за №3, он в последнее время своими услугами был истинно полезен делу укрепления Черноморской кордонной линии» [1, л. 28 об.].

Как в дальнейшем сложилась судьба Федора Афанасьева, выяснить не удалось. Сумел ли он спасти своих родных, продолжил ли службу – остается лишь догадываться. По косвенным данным можно предположить, что в юности он дезертировал из части и бежал к чеченцам, где и жил некоторое время, видимо, приняв ислам. По крайней мере, его прозвище чеченец Марсибек (Миразбек, Муразбек, Маразбек), встречающееся в деле, порождает такую гипотезу. Затем он оказался на Северо-Западном Кавказе, возможно, прибыв сюда вместе с Магомет Амином и входя в число приближенных к нему муртазеков. Что побудило этого человека, рискнувшего жизнью и участью своей семьи, предложить сотрудничество российскому командованию, также неизвестно. Сведениями об этом мог бы владеть близко знавший и ценившей его Яков Герасимович Кухаренко, но ему судьба шансов оставить воспоминания не дала. Почти в конце войны он попал в плен и умер в 1862 г. в одном из горских аулов [12, с. 241–242]. И лишь сохранившееся в Государственном архиве Краснодарского края дело «Переписка о чеченце Маразбеке (Федоре Афанасьеве) и его подвигах» приоткрывает перед нами одну из трагических и одновременно героических страниц кавказской старины…

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1414.
2. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. 494 с.
3. Клычников Ю. Ю. Казаки-перебежчики в годы «Кавказской войны»: исторические сюжеты // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Великой, С. Н. Лукаша. Армавир: АГПУ, 2014. С. 73–76.
4. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Разведка в арсенале средств кавказского наместника князя М.С. Воронцова // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VI. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 186–193.
5. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / под ред. А. А. Кудрявцева. М.: Каллиграф, 2015. 240 с.
6. Кругов А. И. Нечитайлов М.В. Вооружённые силы имамата горцев Северного Кавказа 1829–1859. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 176 с.
7. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
8. Мирзоев (Марзей) А. С. Черкесское наездничество «Зекlуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2004. 303 с.
9. Матвеев О. В. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
10. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е годы XIX века): сборник архивных документов // Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001. 496 с.

11. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 508 с.
12. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар: Адыгея. 560 с.

References

1. State Archives of the Krasnodar Territory. F. 261. Inv. 1. D. 1414.
2. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaja politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) (*Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)*. Pyatigorsk: PSLU, 2002. 494 p.
3. Klychnikov Yu. Yu. Kazaki-perebezhchiki v gody «Kavkazskoj vojny»: istoricheskie sjuzhety (*Cossacks deserters during the «Caucasian War»: historical subjects*) // Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy devjatoj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (*From the history and culture of the North Caucasus Line Cossack: Materials X international Kuban-Terek scientific-practical conference*) / ed by N. N. Velikay, S. N. Lukash. Armavir: ASPU, 2014. P. 73–76.
4. Klychnikov Yu. Yu., Lazarjan S. S. Razvedka v arsenale sredstv kavkazskogo namestnika knjazja M. S. Voroncova (*Exploration in the arsenal of tools Caucasian prince governor M.S. Vorontsov*) // Rossijskaja gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza (*Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus*). Pyatigorsk: PSLU, 2014. P. 186–193. (In Russian).
5. Kolosovskaja T. A. Rossijskie voennye v sociokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv. (*The Russian military in the socio-cultural space of the North Caucasus XVIII–XIX centuries*) / ed by A. A. Kudrjavcev. Moscow: Kalligraf, 2015. 240 p. (In Russian).
6. Krugov A. I. Nechitajlov M.V. Vooruzhjonnye sily imamata gorcev Severnogo Kavkaza 1829–1859 (*The armed forces of the mountaineers of the North Caucasus Imamate 1829–1859*). Moscow: Russkie Vitjazi, 2016. 176 p. (In Russian).
7. Lapin V. V. Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv. (*Russian Army in the Caucasus War XVIII–XIX centuries*). Saint Petersburg: Evropejskij Dom, 2008. 400 p. (In Russian).
8. Mirzoev (Marzej) A. S. Cherkesskoe naezdnichestvo «Zekluje» (Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoj polovine XIX v.) (*Circassian horsemanship «Zeklue» (From the history of military life in XVIII Circassians – the first half of the twentieth century*). Nal'chik: Jel'-Fa, 2004. 303 p. (In Russian).
9. Matveev O. V., Matveev O. V. Kavkazskaja vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki (*Caucasian war: from the front to the frontier. Historical and anthropological essays*). Krasnodar: Jedvi, 2015. 272 p. (In Russian).
10. Problemy Kavkazskoj vojny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoj imperii (20–70-e gody XIX veka) (*Caucasian War and the expulsion of the Circassians in the Ottoman Empire (20–70s of the XIX century*): Collection of archival documents / ed by T. H. Kumykov. Nal'chik: Jel'brus, 2001. 496 p. (In Russian).
11. Sekretnaja missija v Cherkesiju russkogo razvedchika barona F. F. Tornau (*Secret mission to Circassia Russian spy Baron F. F. Tornau*). Nal'chik: Jel'-Fa, 1999. 508 p. (In Russian).
12. Jenciklopedicheskij slovar' po istorii Kubani s drevnejshih vremen do oktjabrja 1917 goda (*Encyclopedic Dictionary of Kuban history from ancient times to October 1917*). Krasnodar: Adygeja. 560 p. (In Russian).

УДК 93/94

А. А. Кудрявцев

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА И ПРИКАСПИЯ В КОНЦЕ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X вв.

Начальные этапы становления Древнерусского государства характеризовались активными военно-политическими контактами с Византией и государствами Кавказа, отмеченные походами русов на Константинополь и в Прикаспий. Анализ восточных и древнерусских источников позволяет сделать вывод, что наиболее масштабные походы русов на Каспий были спланированным продолжением княжеских походов в Византию.

Ключевые слова: русы, морской поход, маршрут, набег, побережье, кавказские государства.

A. A. Kudryavtsev

ANCIENT RUS IN THE HISTORY OF THE FEUDAL STATES OF THE SOUTH CAUCASUS AND CASPIAN REGION IN THE END OF IX – FIRST HALF OF X c.

The initial stages of formation of the Ancient Russian state was marked by active military-political contacts with Byzantium and the countries of the Caucasus, Rus campaigns on Constantinople and the Caspian sea region. Analysis of Eastern and ancient sources allows to conclude that most large-scale campaigns of the Rus in the Caspian sea was a planned follow-up to the Prince's campaigns to Byzantium.

Key words: Rus, the sea trip, route, raid, coast, the Caucasus state.

Проблема возникновения и становления Древнерусского государства, пути формирования его государственности и роли в истории русского, украинского, белорусского и других народов, населяющих обширные территории Восточной Европы, на которых сложилось это крупнейшее славянское государственное объединение, уже более двух веков остаётся предметом острых дискуссий в отечественной и зарубежной историографии. В контексте этой большой и сложной проблемы одним из весьма полемичных и пока ещё недостаточно исследованных является вопрос о «русах» на Южном Кавказе и Прикаспии и их первых контактах с населением этого региона. Проблеме походов русов на Каспий посвящена довольно обширная историческая литература, в основном относящаяся к дореволюционному и советскому периодам, среди которой выделяется весьма объёмный и тщательно составленный, хотя в значительной мере уже устаревший, труд Б. А. Дорна. Однако, многие вопросы связанные с пребыванием русов на Кавказе, с маршрутами их передвижения в Прикаспии и Приазовье, с их этнической принадлежностью, взаимоотношениями с правителями феодальных государств региона, участием русов в военных и социально- политических событиях здесь, пока не получили должного освещения в исторической литературе. Свои предположения и обоснования целого ряда узловых аспектов, связанных с этой обширной и важной темой, высказали такие известные специалисты, как В. В. Бартольд, Б. Д. Греков, А. Н. Сахаров, А. П. Новосельцев, А. В. Гадло, Л. Н. Гумилев, В. Ф. Минорский и др. Последнему принадлежит особая заслуга в выявлении и введении в научный оборот уникальной исторической хроники XI века «Тарих Баб ал-абваб» (История Дербенда), написанной во второй половине XI в. в Дербенте и посвящённой истории развития в этот период двух крупнейших феодальных государств Северо-Восточного и Восточного Кавказа – Дербенту и Ширвану, в том числе их контактам и взаимоотношениям с русами.

Анализ арабских источников IX–XIII вв. и очень важных материалов хроники «Та-

рих Баб ал-абваб» о пребывании русов на Северо-Восточном и Восточном Кавказе, об их роли в военно-политических событиях и социальной жизни этого региона, позволяет по-новому взглянуть на ряд исторических аспектов походов русов на Каспий и их пребывания в регионе.

Регулярные контакты Древней Руси и раннефеодальных государств Южного и Северного Кавказа отмечены уже с IX века, хотя имеются данные и о более ранних эпизодах культурного обмена северокавказского населения с восточными славянами. В IX–XII вв. моноэтничные и полиэтничные отряды и княжеские дружины «русов», состоявшие, по мнению большинства исследователей, из славян и скандинавов («варягов»), спускались на ладьях по Волге в Каспийское море, где, подобно викингам в Западной Европе, оказывали значительное влияние на военно-политическое развитие приморских территорий Северного и Южного Кавказа. Согласно многочисленным сведениям средневековых арабских историков и географов, данным хазарских и местных кавказских источников, крупные флотилии русов, включавшие несколько десятков, а иногда и более судов, проникали на Каспий и разоряли его юго-западные и южные прибрежные территории. В IX – первой половине X вв., до разгрома Хазарского каганата и его столицы Итиль в устье Волги Святославом (965 г.), русам приходилось договариваться с хазарами о беспрепятственном проходе в Каспийское море, минуя их укрепления в устье Волги. Платой за подобный проход обычно была часть добычи русов, которую они отдавали хазарскому кагану на обратном пути. Известный арабский историк и географ первой половины X века ал-Масуди, лично побывавший на Кавказе, в связи с походом русов на Каспий около 912 г. писал, что «пробыв в море много месяцев, … они (русы) двинулись к устью Хазарской реки (Волги) и снеслись с хазарским царём, которому послали много денег и добычи, как это было договорено между ними» [6, с. 22]. Этот, подробно освещенный ал-Масуди поход русов, являлся одной из самых масштабных их военных акций на Каспии, тесно связанной, как показал анализ, широкого круга средневековых источников, с военно-политическими мероприятиями киевских князей.

Сведения арабских источников IX–XIII вв. и анализ исторической хроники «Тарих Баб ал-абваб» позволяет выделить два основных этапа походов русов на Каспий в IX–XII вв.: ранний (вторая половина IX – первая половина X вв.) и поздний (вторая половина X – середине XII вв.). Продолжительность пребывания русов на Каспии во время их походов была различной: от нескольких месяцев до одного года на раннем этапе и от одного года до двух-трех лет, а иногда и более – на позднем.

Исследование раннего этапа представляет особый интерес для изучаемой проблемы, так как именно во второй половине X в. состоялись два наиболее крупных похода русов на Каспий. Анализ разнообразных арабских, русских и хазарских источников позволяет предполагать, что в числе упоминаемых на раннем этапе походов на Каспий в первой половине X в., два наиболее значительных из них могут быть сопоставлены с княжескими, тесно связанными с походами киевских князей на Константинополь. Речь может идти о военных акциях Олега и Игоря против Византии, логическим продолжением которых были походы на Каспий.

Самое раннее упоминание о русах на Каспийском море в восточных источниках сохранилось в «Истории Табаристана», написанной на персидском языке в 1216–1217 гг. Мухаммадом б. ал-Хасаном б. Исфандийаром и относится ко времени правления в Южном Прикаспии Сайида Хасана ибн Зайда (250–270 гг. х. / 864–884 гг.), при котором русы совершили набег на Абаскун (порт на Каспийском море, в Джурджане), но были разбиты. Этот поход упоминается только в «Истории Табаристана», что позволило некоторым из исследователей усомниться в его подлинности. Мухаммад б. ал-Хасан б.Исфандийар в «Истории Табаристана» датирует этот поход около 880 года [3, с. 164–165], что совпадает хронологически с первым известным походом на Константинополь киевских правителей Аскольда и Дира, убитых позднее Олегом (982 г.) при захвате Киева. Несколько позже, в 297 г.х. / 909 г. русы повторили нападение на побережье Южного Прикаспия, в котором приняло участие шестнадцать судов: «Русы прибыли на шестнадцати судах и напали на тот же берег» [3, с. 164].

В соответствии с данными арабского историка ал-Масуди о вместительности ко-

раблей русов, команда каждого из которых достигала по его сообщениям 100 человек, число нападавших могло составлять отряд в 1500–1600 человек.

Русы «разрушали и разграбляли Абаскун и побережье моря в этой стороне» [3, с. 165]. Правитель Сари (город являвшийся в этот период резиденцией правителя области – в древности столица Табаристана) вынужден был обратиться за помощью к правителю Табаристана «Абу-л-Аббасу (Абу-л-Аббас Абдаллах ибн Мухаммад ибн Нух – в 902–910 гг. правитель Табаристана – *А. К.*), а он выслал помощь» [3, с. 165]. Однако русы продолжили свой рейд по южному побережью Каспийского моря и «высадились в Анджиле, который в наше время (первая четверть XIII века – *А. К.*) называется Кала (севернее Сари – *А. К.*)» [3, с. 165]. Здесь их атаковал правитель Сари Абу-л-Заргам Ахмад ибн ал-Касим, который, получив подкрепление от правителя Табаристана, ночью напал на русов «многих убил, взял в плен и отправил в округи Табаристана» [3, с. 165].

Действительно ли Ахмаду ибн ал-Касиму удалось разгромить русов и нанести им серьезный ущерб судить трудно, так как русы и в 910 г. продолжили свои набеги на Сари, а местные мусульманские историки нередко сильно завышали военные успехи своих правителей. Известно, что в 910 г. на помощь русам, нападавшим на Сари, вскоре прибыла очень внушительная поддержка.

В следующем году (298 г. х. / 910 г.) многочисленные отряды русов, вновь напали на Сари и Гилян. Есть все основания полагать, что это были те русы, масштабный поход которых на Каспий на 500 кораблях, описал в своем труде «Мурудж ад-Дзахаб» ал-Масуди. Уместно предположить, что к ним присоединилась основная часть русов, участвовавших в прошлогоднем походе «на 16 кораблях», но, вероятнее всего, не уплывших домой после не совсем удачного набега 909 г., а перезимовавших на каспийском побережье, видимо, где-то в устье рек Терека или Самура. Автор «Истории Табаристана» Мухаммад б.Исфандийар писал: «в следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округи Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море» [3, с. 165]. В связи с этой военной акцией русов в 910 г., когда они «прибыли в большом числе», В. Ф. Минорский писал: «Исследователи сходятся в том, что именно эту последнюю экспедицию детально описал Масуди» [7, с. 150]. Но в этот раз (в 910 г.) наместник Сари и другие феодальные правители Табаристана значительно лучше подготовились к новому набегу русов, укрепив главные города и округу. Русы встретили довольно серьёзное сопротивление и потеряли там несколько судов, которые были сожжены в Гиляне, что заставило русов отступить и уплыть обратно с захваченной добычей [2, с. 30–31].

Арабский историк X века ал-Масуди, давший наиболее подробное систематизированное описание Кавказа этого периода, приводит довольно развернутое, на восьми страницах, описание этого, одного из самых масштабных походов русов в котором участвовало 500 судов. Он датирует его в хронологических рамках 300 г.х., т.е. около 912–913 годов, подчеркивая, что «точная дата ускользнула из моей (ал – Масуди – *А. К.*) памяти» [6, с.24]. Однако многие известные отечественные и зарубежные исследователи увязывают этот масштабный поход с более ранними военными акциями русов в Южном и Юго-Западном Прикаспии в 910 году, считая, что речь идет о походе «в царствование Ширваншаха Али б. Хайсама» [7, с. 150], который «детально описал ал-Масуди» [7, с. 150].

Феодальные правители и население Юго-Западного Прикаспия и Восточного Кавказа оказались не готовы к такому массовому нападению со стороны моря и «народы, живущие на побережьях этого моря, пришли в смятение, так как в прежние времена не видали, чтобы враг наступал на них с моря» [6, с. 21]. Русы напали на территории Гиляна и Дейлема, «а затем перешли на нефтеносный берег царства Ширван, известный, как «Бакух» [6, с. 21]. Усилия правителя Ширвана по разгрому русов оказались неудачными и только усугубили ситуацию. Попытка Ширваншаха Али б. Хайсама, деятельность которого засвидетельствована и материалами «Тарих Баб ал-абваб», уничтожить русов, обосновавшихся на островах, «которые находились лишь в нескольких милях от нефтеносной [области]» [6, с. 21], потерпела неудачу, и тысячи жителей «на своих лодках (каварит) и торговых судах» [6, с. 21],

поплывших к островам, «были убиты и потоплены» [6, с. 21]. Источники сообщают, что «русы пробыли в этом море много месяцев», а потом «они двинулись к устью Хазарского моря» [6, с. 22]. Однако, этот весьма удачно начавшийся поход русов закончился для них трагично, они не были пропущены обратно в Волгу хазарами и, по сообщениям арабских авторов, «русы оставили свои суда» и приняли сражение на суше, но были разбиты, «преданы мечу, убиты и утоплены».

В свете проблемы военно-политических контактов Древней Руси с раннефеодальными государствами Кавказа, значительный интерес представляет приведённый ал-Масуди маршрут движения русов в этом крупнейшем походе, который пролегал от побережья Азовского моря, через Дон и Волгу, в Каспийское море. Арабский автор не сообщает подробного пути, по которому русы попали в Азовское море, хотя уместно предположить, что приплыть туда они могли только из Черного моря. В связи с этим походом русов, но пишет, что «около 500 судов их (маркаб) прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта)» [6, с. 19]. Возможно, здесь имеет место ошибка в написании и подразумевается «Майтас» – Азовское море, куда впадает известный ал-Масуди р.Дон, именуемый им «Тана'ис», но не исключено, что Керченский пролив (в древности – Боспор Киммерийский) считался арабами «проливом Нитаса (Понта), т.е. Черного моря. Пролив охранялся хазарами, и «доплыв до хазарского войска, размещённого у входа (фам) в пролив (Керченский – *А. К.*), они снеслись с хазарским царём [прося разрешения] пройти через его земли» [6. С. 20]. Ал-Масуди, сообщая о существовании переправы из Дона в Волгу, называет Дон рекой «вливающейся в залив моря Нитас (Понт) – море русов, по которому не плавают другие [племена], и они (русы) обосновались на одном из его берегов» [6, с. 15]. Это служит яркими свидетельством гегемонии русов на Черном море и позволяет с большой вероятностью полагать, что маршрут русов в Азовское море пролегал из Чёрного, через Керченский пролив. Особый интерес здесь представляет не только маршрут русов, но и то обстоятельство, что ал-Масуди называет Черное море «морем русов», где «они (русы) обосновались на одном из его берегов».

Представляется вероятным, что проплыв традиционным маршрутом по «пути из варяг в греки» в Чёрное море, русы через Керченский пролив вошли в Азовское море и дальше поплыли по известной им дороге через Дон и Волгу в Каспийское море. В связи с маршрутом русов в этом походе уместно вспомнить сообщение «Повести временных лет» о походе Олега «на Царьград» (Константинополь), котороый, согласно зафиксированного летописью русско-византийского договора, датированного 911 г., мог состояться хронологически очень близко к походу русов на Каспий, упомянутым ал-Масуди около 912 г., а Ибн Исфандийаром – под 910 годом, после которого «русы пробыли в этом море много месяцев» [6, с. 22]. Ал-Масуди, указав на существование пути в Каспийское море по Дону и Волге, именуемых им Тана'исом и Хазарской рекой, считал, что переправа осуществлялась не волоком, как было на самом деле, а по «рукаву» Волги, «соединяющим (муттасил)» её с Азовским морем [6, с. 20, 24]. Отмеченные трудности в интерпретации маршрута русов к Каспийскому морю дали основание отдельным исследователям считать возможным использование в этом походе русами сухопутного варианта маршрута, что предполагает строительство кораблей уже непосредственно на берегах Волги, так как ал-Масуди четко указывает о передвижении русов по Волге и Каспию на судах. Однако, возможность постройки внушительной флотилии из пятисот кораблей за пределами своей территории и в отрыве от необходимых материально – технических, экономических, производственных ресурсов, представляется маловероятной и весьма сомнительной акцией. При этом, надо принимать во внимание четкое указание ал-Масуди на тот факт, что хазарский правитель не только не имел «судов (маркаб)», но «его люди не умели обращаться с ними» [6, с. 22]. Никаких конкретных данных о возможном продвижении русов в этом походе на Каспий по суше в источниках нет, тогда как сведения Ибн Исфандийара и ал-Масуди, современника описываемых событий, хорошо знакомого с Кавказом и сопредельными областями, позволяют считать его версию о маршруте и способе передвижения русов наиболее правдоподобной.

Согласно данным ал-Масуди, русы от побережья Азовского моря поплыли до устья Дона, затем поднялись вверх по течению

и переправились в Волгу, по которой спустились в Каспий, получив разрешение от хазарского кагана. В целом, правильно оценив путь из Чёрного и Азовского морей в Каспий, ал-Масуди несомненно ошибался в способе переправы из Дона в Волгу по «рукаву» [6, с. 20].

Значительное место, которое уделил ал-Масуди этому походу русов на Каспий в своём знаменитом труде «Мурудж ад-Дзахаб», несомненно, было связано как с масштабностью последнего, так и с его особой ролью в истории народов Северного и Южного Кавказа, и всего региона Южного Прикаспия. Подчёркивая широкую известность, которую получила эта экспедиция русов на Каспий, он писал в главе посвящённой Кавказу: « Что касается [набега] судов русов, то сведения о нём широко известны разным народам в этих странах. Год также известен: это случилось после 300 г.х. / 912 года, но точная дата ускользнула из моей памяти» [6, с. 24]. Ал-Масуди приводит количество участвовавших в походе судов русов – «около 500 судов их (маркаб) прибыли в пролив», а затем, воспользовавшись переправой, «добрались до Хазарской реки (Волги), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море» [6, с. 20]. Выйдя на просторы Каспия «суда русов разбрелись по морю и совершали нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун» [6, с. 20]. Исходя из данных ал-Масуди о вместимости кораблей русов (по сто человек на судно), численность их войска могла достигать очень внушительной для того времени цифры – около 50 тысяч человек, что в значительной мере совпадает со сведениями других разделов его труда. Описывая попытку русов вернуться на родину, ал-Масуди подтверждает правомерность подобного подсчета и, сообщает, что в сражении, произошедшем в устье Волги между возвращавшимися из похода русами и конными отрядами мусульманских наёмников войска хазарского кагана, погибло около тридцати тысяч русов, которые «оставили свои суда» и сражались на суше. «Насколько можно было подсчитать, число тех, кого мусульмане убили на берегу Хазарской реки, было около 30 тысяч» [6, с. 23]. При этом, 5 тысяч русов смогла отступить в земли буртусов и была разгромлена ими позднее, что, с учетом вероятных потерь в ходе многочисленных сражений в Южном Прикаспии, позволяет считать столь значительную численность войск русской эскадры вполне реальной и близкой к указанной ал-Масуди.

В связи с этим масштабным походом русов на Каспий, датированный восточными источниками периодом около 298 г. х. – 300 г. х., т.е. около 910–912 гг., необходимо вспомнить важнейшие события Древней Руси этого времени. Речь идет о приведенным в древнерусских летописях, походе князя Олега на Константинополь и о наиболее полной и юридически проработанной версии договора Византии с Древнерусским государством, который «Повесть временных лет» относит к сентябрю 911 года, отличая его от договора датированного в летописи, как и поход Олега на Царьград, 907 годом.

Вопрос о времени похода Олега на Константинополь, его исторических реалиях и состоялся ли он вообще, уже более двух столетий является дискуссионным в российской историографии. Одни исследователи считают этот поход Олега в Византию «фантазией» летописца, другие – «похода не отрицают, но высказывают очень понятные сомнения в его летописной датировке и других деталях, сообщаемых летописью» [1, с. 455]. Ряд специалистов предполагают, что Олегу приписан поход совершенный на Константинополь Аскольдом и Диром ранее, до захвата Киева Олегом в 882 году. При таком различие мнений, практически все исследователи этой проблемы считают подлинным юридический документ-договор между Древней Русью и Византией, написанный «по-гречески с одновременным переводом на русский» [1, с. 294] и скрепленный клятвой обоих сторон: «Русь присягала по своему обряду (клялась славянскими богами Перуном и Волосом), греки по своему – христианскому». [1, с. 456]. Это единственный договор заключенный имперской Византией с «варварами», да еще с такими выгодными для них и юридически прописанными условиями.

В «Повести временных лет» приведены два близких по содержанию текста договора Руси с Византией, датированные 907 г. и 911 г., что дало основание ряду специалистов считать возможным существование двух разновременных договоров Олега с греками,

а другим – видеть в них лишь две версии (сокращенную и полную) одного договора. Сторонники первого мнения полагают, что и походов Олега на Константинополь могло быть два – в 907 г. и 911 г., или один, но в 911 году, а иначе чем можно объяснить задержку в его подписании в четыре года. Если сопоставить договор подписанный Олегом, в 911 году с договором подписанным Игорем в 944 году, то в последнем прописаны условия менее льготные, чем в договоре Олега 911 года и в нем нет столь значительного хронологического разрыва, что дополнительно аргументирует правомерность предположений о походе Олега в 911 году. Это дает основание более внимательно проанализировать масштабную военную акцию русов на Каспии, датированную арабскими авторами под 910 г. и «много месяцев в море» после этой даты (Ибн Исфандийар) и около 912 г. (ал-Масуди). Хронологические рамки данного масштабного похода на Каспий дают веские аргументы, что бы сопоставить его с известным по летописи походом Олега на Константинополь.

По сообщению «Повести временных лет» Олег выступил против Константинополя по суше и по морю «с большим войском на конях и на кораблях» [8, с. 79], числом в 2000 судов, что подчеркивало масштабы похода, в котором участвовали «новгородцы, финские жители Белаозера, ростовская меря, кривичи, северняне, поляне киевские, радимичи, дулебы, хорваты и тиверцы, – соединившиеся с варягами» [4, с. 47]. Однако, Н. М. Карамзин, опираясь на русские летописи, приводит значительно меньшую, чем ал-Масуди, вместимость ладьи: «Днепр покрылся двумя тысячами легких судов, на всяком было сорок воинов, конница шла берегом» [4, с. 47], т.е. согласно этим данным летописи, на кораблях могло быть около 80 тысяч человек. С подобной грузоподъемностью судов согласны многие специалисты по истории Древней Руси, считающие, что упоминаемые в древнерусских источниках корабли русов, обычно именуемые «ладьями», в греческих – «моноксилами», «поднимали несколько сот пудов грузов и 40–50 человек экипажа» [8, с. 84]. Ни одна из известных до этого в истории Древнерусского государства военных акций не собирала подобное войско. Сопоставим с ней лишь упоминаемый ал-Масуди поход русов на Каспий, состоявшийся около 300 г. х., и в котором участвовало 500 кораблей с экипажем в 100 человек на каждом. Этот поход несоизмеримо превосходит по масштабам все известные до этого набеги русов в регионе. Ни количество судов, ни численность войска, участвовавших в описанном ал-Масуди походе, не может быть сопоставлено с обычной рядовой акцией русов на Каспии и совершенно не соответствует уровню подобных военных мероприятий. Приведенные сведения столь авторитетного и осведомленного автора эпохи «золотого века» арабской исторической и географической науки как ал-Масуди, которого трудно заподозрить в фальсификации или в поверхностном знании вопроса, могут свидетельствовать, что данный поход соответствовал возможностям не отдельных предводителей русов или лидеров отрядов наемников, а мог быть организован только правителями Древней Руси, т.е. киевским князем, которым в это время являлся Олег.

Точная дата смерти Олега неизвестна: согласно Лаврентьевской летописи это 912 год, по Новгородской I летописи – 922 г. Это позволяет предполагать, что данный поход на Каспий по своим масштабам и числу участников сопоставим с княжеским и мог быть связан с Олегом.

В свете существующего мнения авторитетных исследователей, отождествляющих поход русов в 910 году в Сари, куда «русы прибыли в большом числе», с «экспедицией», которую «детально описал Масуди» [7, с. 150], версия об участии Олега в этом походе выглядит весьма правдоподобно и возможно, нашла отражение в еврейско-хазарских документах из Каирской генизы [5, с. 182–183].

Источники и литература

1. Греков Б. Д. Киевская Русь. Л.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 568 с.

2. Дорн Б. Каспий: О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря. Кн. 1. СПб.: [б.и.], 1875. 718 с.

3. Ибн Исфандийар. История Табаристана / пер. С. А. Алиева // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. III. М.: Наука, 2009. 251 с.

4. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2002. 1024 с.

5. «Кембриджский документ» / пер. П. К. Коковцева // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под. ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. III. М.: Наука, 2009. 251 с.

6. Мас'уди. Мурудж ад-Дзахаб (Россыпи золота) / пер. В. Ф. Минорского // История Ширвана и Дербенда. М.: Издательство восточной литературы, 1963. Приложение III. Арабский текст. С. 18–25.

7. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М.: Издательство восточной литературы, 1963 г. 256 с.

8. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Петроград: Сенатская типография, 1917. Издание 10-е. 838 с.

References

1. Grekov B. D. Kievskaja Rus' (*Kievan Rus'*). L.: Gospolitizdat, 1953. 568 p. (In Russian).

2. Dorn B. Kaspij: O pohodah drevnih russkih v Tabaristan, s dopolnitel'nymi svedenijami o drugih nabegah ih na pribrezh'ja Kaspijskogo morja (*The Caspian sea: Hiking the ancient Russian in Tabaristan, with additional information about other raids on their coasts of the Caspian sea*). Vol. 1. St.Peterburg, 1875. (In Russian).

3. Ibn Isfandijar. Istorija Tabaristana (*History Of Tabaristan*) / translated by S. A. Aliev // Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov (*Russia in the light of foreign sources*) / ed by T. N. Dzhakson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinoa. Vol. III. Moscow: Nauka, 2009. 251 p. (In Russian).

4. Karamzin N. M. Istorija gosudarstva Rossijskogo (*History of the Russian state*). Moscow: Jeksmo, 2002. 1024 p. (In Russian).

5. «Kembridzhskij dokument» (*Cambridge document*) / translated by P. K. Kokovcev // Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov (*Russia in the light of foreign sources*) / T. N. Dzhakson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinoa. Vol. III. Moscow: Nauka, 2009. 251 p. (In Russian).

6. Mas'udi. Murudzh ad-Dzahab (Rossypi zolota) (*Placer gold*) / translated by V. F. Minorskii // Minorskij V. F. Istorija Shirvana i Derbenda (*History of Shirvan and Derbend*). Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1963. Appendix III. Arabic text. P. 18–25. (In Russian).

7. Minorskij V. F. Minorskij V.F. Istorija Shirvana i Derbenda (*History of Shirvan and Derbend*). Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1963. 256 p. (In Russian).

8. Platonov S. F. Lekcii po russkoj istorii (*Lectures on Russian history*). Petrograd: Senate printing, 1917. 838 p. (In Russian).

УДК 930.85

Н. Г. Кулинич

ПЕРВЫЕ ГАСТРОЛИ ЯПОНСКОГО ТЕАТРА КАБУКИ В СССР

В статье на основе источников личного происхождения и периодической печати освещается история организации и осуществления первых гастролей японского театра Кабуки в СССР. Описываются сложности, с которыми пришлось столкнуться организаторам гастролей. Анализируются различные аспекты пребывания японских артистов в стране Советов. Обращается особое внимание на перцепцию японского театрального искусства советскими театральными зрителями.

Ключевые слова: японское искусство, театр Кабуки, гастроли, культурные контакты, советская театральная публика.

N. G. Kulinich

THE FIRST TOUR OF THE JAPANESE KABUKI THEATER IN THE USSR

The article highlights the history of the organization and implementation of the first tour of the Japanese Kabuki theater in the Soviet Union on the basis of the sources of personal origin and periodicals. It describes the difficulties encountered by the organizers of the tour. The article analyzes various aspects of the stay of Japanese artists in the country of the Soviets. Special attention is paid to the perception of the Japanese theatrical art by Soviet theater audience.

Key words: Japanese art, Kabuki theatre, tour, cultural contacts, Soviet theater audience

Первые российские гастроли японского театра Кабуки до настоящего времени не являлись предметом специального исторического исследования. Интерес к ним проявляли в основном японоведы и искусствоведы, обращавшие внимании исключительно на то влияние, которое оказал этот культурный феномен на последующее развитие японского и советского театрального искусства [1, с. 152; 6. с. 370]. Сама история организации этих гастролей, восприятие театра, его актеров и постановок советскими гражданами, реакции японцев на реалии непривычной для них советской действительности оставались за кадром этих исследований. Между тем, их изучение позволяет лучше понять тектонику выстраивания взаимоотношений двух великих народов в сложный период конца 1920-х гг.

Знакомство советских граждан с традиционным японским театральным искусством состоялось летом 1928 г. Из документов того времени следует, что советская сторона придавала организации гастролей не только «большое культурно-художественное, но также и серьезное политическое значение» [2, с. 310]. В непростом процессе выстраивания взаимоотношений двух сопредельных государств со столь разными политическими системами налаживанию культурных контактов отводилась особая роль. «Культурные связи – одно из немногих средств улучшения наших отношений с Японией», – писал в июне 1928 г. заместителю наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахану советский полпред в Японии А. А. Трояновский [7, с. 169].

Непосредственным координатором поездки в СССР японского театра выступил дипломат и публицист И. М. Майский, занимавший в 1927–1929 гг. должность советника советского полпредства в Токио. Организация гастролей оказалась непростым делом. На первых порах основная трудность состояла в выборе театра. За несколько месяцев пребывания в Японии И. М. Майский успел убедиться, что японские театры были малопонятны иностранцам. Препятствием к восприятию являлось не только незнание японского языка, но и существенные различия между традиционным японским

и ставшим за многие годы привычным для россиян европейским театральным искусством. Отпугивала и дороговизна театральных постановок в Японии [2, с. 337–338]. В конце концов, выбор пал на театр Кабуки, искусство которого представляло собою синтез пения, музыки, танца и драмы. Актеры Кабуки использовали сложный грим и костюмы с большой символической нагрузкой, что вполне могло вызвать трудности в восприятии смысла представления. Но это был единственный японский театр, имевший либретто на английском языке, и поэтому более-менее активно посещавшийся представителями токийского дипломатического корпуса. Обосновывая свой выбор, И. М. Майский писал: «Конечно, этот театр очень своеобразен и совсем не похож на наш, но он, тем не менее, прекрасен и, как яркое воплощение культуры другой нации, заслуживает с нашей стороны серьезного внимания» [2, с. 309].

Письма И. М. Майского и воспоминания сына А. А. Трояновского позволяют составить представление о тех многочисленных препятствиях, которые пришлось преодолеть организаторам первых гастролей. Согласно им, переговоры о гастролях в СССР театра Кабуки начались еще в конце 1927 г. и «зашли так далеко, что труппа стала готовиться к отъезду». Но Москва, первоначально активно поддерживавшая эту затею, окончательного согласия на эту поездку долго не давала. Главное беспокойство было вызвано отсутствием средств на финансирование этого мероприятия. Тогда, как вспоминает Олег Трояновский, его отец принял рискованное решение: перечислить театру Кабуки 70 тысяч иен из средств, выделенных полпредству на строительство нового здания. Понимая, что тем самым нарушает финансовую дисциплину, но осознавая значимость этих гастролей для улучшения отношений с Японией, полпред решил форсировать события. Поставив Москву перед уже свершившимся фактом, он заставил Наркомат иностранных дел СССР выполнить взятые на себя обязательства. Впоследствии И. М. Майский рассказал О. А. Трояновскому, что однажды утром его отец зашел к нему в кабинет, улыбающийся так, словно, у него гора свалилась с плеч, и заявил: «Я получил строгий выговор от Политбюро, но средства, необходимые на покрытие расходов по гастролям, предоставлены» [11, с. 44]. Официальное приглашение театру Кабуки было направлено Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС), во главе которого с 1925 по 1929 гг. стояла О. Д. Каменева.

С поездкой было связано много надежд и опасений и у японских артистов. С одной стороны, их привлекала возможность познакомиться с новой советской культурой, заявлявшей о своем небывалом интернационализме. С другой, вызывала страх боязнь быть непонятыми незнакомой и незнающей японского языка публикой. Беспокоили и бытовые условия, с которыми им придется встретиться в далекой стране. И. М. Майский, получивший за свои хлопоты относительно гастролей шуточное прозвище «Кабукинского папаши» [2, с. 316], постарался сделать все возможное, чтобы свести к минимуму эти опасения. Обращаясь к редактору «Известий ЦИК» И. И. Степанову-Скворцову, он писал в июле 1928 г.: «Нам всем здесь очень хотелось бы, чтобы гастроли Кабуки были удачны» [2, с. 309]. Надежды на успех он связывал с тщательной подготовкой к встрече японских артистов. В первую очередь, «в целях популяризации визита» театра Кабуки И. М. Майский предлагал организовать широкую рекламную кампанию в печати, выделив «специальные номера, посвященные японцам». Во-вторых, рассылая письма и телеграммы, он настаивал на необходимости «обратить самое серьезное внимание на условия жизни труппы в Москве и Ленинграде (квартиры, стол и т.д.)» [2, с. 310].

Первыми (в начале июля 1928 г.) о готовящихся гастролях театра Кабуки узнали жители советского Дальнего Востока. В статье Д. Андреева «Лучшая труппа японских артистов приезжает в СССР», опубликованной краевой газетой «Тихоокеанская звезда», сообщалось, что руководитель театра Садандзи Итикава – «крупнейшее артистическое имя Японии», популярность которого на родине можно сравнить только с популярностью в России Ф. И. Шаляпина. «Визит японских актеров к нам – явление совершенно исключительное», – утверждал автор статьи, так как до сих пор театр ни разу не выезжал за пределы своей страны. «Само собой, разумеется, – уверял читателей Д. Андреев, –

что со стороны советской власти, советского общества и со стороны советских работников искусства, приезжающие к нам в гости артисты встретят самый внимательный и самый дружественный прием». Проинформировав дальневосточное сообщество о том, что по плану предположены гастроли только в Москве и Ленинграде, автор заявил, что «долг общественности советского Дальнего Востока принять все меры к тому, чтобы и Дальний Восток увидел японских артистов». Он считал, выражая общее мнение, что дальневосточная публика имеет на это право на том основании, что «Дальний Восток теснее, чем любая другая часть Советского Союза связан с Японией. Для советской общественности Дальнего Востока вопросы культурной связи с японским народом являются вопросами первоочередной важности. Мы не сомневаемся, что положение наше будет принято во внимание и в крупнейших городах Дальнего Востока японские артисты сделают дополнительные гастроли» [8]. Но надежды дальневосточного общества увидеть выступление театра Кабуки не оправдались. Приморская газета «Красное знамя» писала, что интеллектуальные круги Приморья испытывают «известную зависть и некоторую обиду, вызванную тем, что «труппа не останавливается во Владивостоке хотя бы для одного спектакля». Признавая «эту обиду вполне естественной и справедливой», газета выражала надежду, «что в том или ином виде Владивосток получит возможность ближе познакомиться с дорогими гостями» [5].

Отъезд театра из Японии был обставлен с особой торжественностью. Лидером крупнейшей фракции в верхней палаты парламента, руководителем партии Кениукай Огосавара был устроен прием в честь руководителя театра И. Сандандзи, на котором присутствовали японский премьер-министр Танака и советский полпред А. А. Трояновский. Однако далеко не все политические силы Японии благосклонно воспринимали идею гастролей в СССР. Как сообщала своим читателям газета «Тихоокеанская звезда», в начале июля реакционное японское обществе «Риссо» выразило протест против намечавшейся поездки, содержавший угрозы в адрес руководства театра Кабуки и лично Итикава Сандандзи, заявив, что «СССР стремится исключительно к большевизации Японии» [8; 9; 10]. Но помешать гастролям им не удалось.

14 июля 1928 г. делегация театра Кабуки в составе 49 человек в японском порту г. Цуруги села на пароход «Каги-Мару» и отплыла во Владивосток. В составе труппы насчитывалось 19 актёров, 8 музыкантов и 8 человек вспомогательного персонала [1, с. 152]. Некоторые актеры ехали вместе с женами. В состав делегации был включен известный японский драматург Икеда Гиндзиро, часть пьес которого была написана специально для Сандандзи [8; 9; 10]. В поездке японскую делегацию сопровождала сотрудница советского полпредства Елена Павловна Терновская. В письме к И. М. Майскому от 19 августа 1928 г. она описала все перипетии сложного путешествия театра Кабуки из Японии в Москву, уделив особое внимание встретившимся в дороге проблемам, которые она именовала «наши ляпсусы». В пути до Владивостока делегацию ожидала страшная качка, от которой «почти все слегли» и утром «поднялись измученные и больные, с единственным желанием переехать в гостиницу», чтобы принять ванну и отдохнуть до вечера. Но в порту Владивостока их ожидала торжественная встреча представителей НКИД, союза работников искусства и приморских органов советской власти, которые наметили обширную программу приема японских гостей, не предусматривавшую гостиничный отдых. Вследствие этого «комнат не было заказано, да фактически и не было приличных комнат во влад[ивостокских] “отелях”». Артистов покатали по городу, затем привезли в театр «Золотой рог» на банкет, где, как писала Е. П. Терновская, «на сцене шел подозрительной ценности дивертисмент» и «говорились бесконечные речи». Только к вечеру, с большим трудом представителю НКИД на Дальнем Востоке И. М. Гейцману удалось «добыть» один номер в гостинице «Централь», где кое-как растопили сломанную ванну и обеспечили артистам возможность помыться перед дальней дорогой. Рассказывая об этом эпизоде в письме И. М. Майскому, Е. П. Терновская с горечью писала: «Можете себе представить их впечатление от владивостокской культурности!». И признавалась, что японцы до сих пор говорят об

этом «как об анекдоте, и я сама слышала, как они рассказывали об этом здешним своим посольским» [2, с. 313].

Еще одним испытанием для артистов стала посадка в поезд, следовавший из Владивостока в Москву: «вещи свалили без разбору, куда попало», и японцы метались по вагонам, отыскивая свой багаж. В довершение всего, через десять минут после отхода от станции во всем составе погасло электричество, и Е. П. Терновской пришлось до 2-х часов ночи ходить вместе с актерами со свечами в руках по составу, разыскивая потерявшиеся баулы. Вдобавок, вагон 2-го класса Уссурийской железной дороги оказался грязным, ободранным и, «по заявлению актеров, куда хуже их 3-го класса». Только на другой день удалось наконец-то разобраться с вещами, получить белье и согласовать вопросы питания со столовой, что «способствовало общему поднятию настроения» [2, с. 314].

Дальнейший путь был осложнен нерешенностью вопроса о возможности фотосъемки с органами ОГПУ. Японцы взяли с собою кино- и фотоаппараты, но как только они пытались ими воспользоваться, к ним устремлялись представители дорожной охраны, «грозя конфискацией, составлением актов» и т.д. В Иркутске Е. П. Терновской не разрешили даже «заснять встречу» и «чуть было не арестовали». Проблему удалось решить только после ответной телеграммы Сибирского полномочного представительства ОГПУ. Омрачила путешествие и кража в Вятке у одного из актеров 2300 рублей. Она произвела «магическое действие»: артисты «поснимали и упрятали часы и кольца, сидели на своих чемоданах». Как вспоминала позже Терновская, до самой Москвы разговоры шли о ворах и грабителях, и японцы интересовались даже «не нападут ли на поезд» [2, с. 314].

Вместе с тем, рекламная кампания, организованная И. М. Майским, принесла свои плоды. «Всю дорогу актеры покупали газеты и журналы, где твердилось о них, и были их фотографии» – «это страшно им импонировало». Почти во всех встречных городах и даже на станциях были организованы торжественные встречи, на которых артисты «раздавали программы, вели беседы». Садандзи потом, уже в Москве, «во всех речах» поминал об этом и изумлялся интересу к Кабуки широких масс населения» [2, с. 314].

После череды торжественных приемов в пути, встреча в Москве во многом разочаровала артистов: «не было оркестра, не было никаких надписей, ничего демонстративного» [2, с. 322]. Среди встречающих не оказалось не только «представителя правительства», но даже президиума Моссовета, а «общественным организациям было отказано в праве выступить с приветствием». Удручило и сообщение о том, что не все забронированные в гостинице «Большая Московская» номера готовы к приему гостей, поэтому части артистов придется «толкаться без места несколько часов». Садандзи обескуражило известие о том, что «большинство тех, кому они намеревались нанести визиты, оказались в отпусках и разъездах» [2, с. 315]. Позже в письме к И. М. Майскому референт ВОКС по Дальнему Востоку Д. И. Новомирский признался, что действовали они так «по прямым директивам», которые позже «были значительно смягчены, чтобы не сказать изменены, в противоположном направлении»[2, с. 323].

Дело в том, что в самой Москве отношение к гастролям японского театра до самого приезда труппы оставалось весьма неоднозначным. Значительная часть представителей Наркомата иностранных дел СССР и так называемые «театральные спецы» были «глубоко убеждены…, что Кабуки будет провален в Москве, что мы идем навстречу художественному скандалу, что в театр никто не пойдет и т.д.». Б. С. Штейгер, назначенный НКИД главным администратором гастролей, образно выразил эти опасения так: «Мне придется обратиться в Реввоенсовет с просьбой о том, чтобы нам ежевечерне направляли несколько рот красноармейцев, чтобы театр не был совершенно пустым» [2, с. 322].

Однако, вопреки мрачным предсказаниям, японские гастроли «превзошли все ожидания». Билеты на все 16 спектаклей, организованных в здании Московского художественного академического театра, были быстро распроданы. На единственный спектакль, постановленный в Большом Театре, билеты «по повышенным ценам раскупили в течение нескольких часов, во избежание давки у кассы и барышничества, которое… приняло невероятные размеры в деле Кабу-

ки (билет стоимостью в 1 рубль продавался за 15 рублей)», были вызваны особые наряды милиции. Они пропускали зрителей «под конвоем к кассе, причем, каждому выдавалось не больше двух билетов, а представителям общественных организаций не больше 10 билетов» [2, с. 322].

И все же непривычное для российского зрителя традиционное японское театральное искусство по достоинству было оценено далеко не сразу. Е. П. Терновская писала И. М. Майскому, что первые спектакли «47 самураев» и «Танец змей» «публика встречала вежливо, но прохладно. Не понимали!». Однако вторая программа («Марионетка» и «Наруками») «шла уже гораздо успешнее» [2, с. 315]. По свидетельству Д. И. Новомирского, «сами актеры очень довольны своими гастролями». Их восхищало, что они «играют в переполненном зале, при напряженном внимании» зрителей. Артисты не могли нахвалиться художественным восприятием «нашей театральной публики». При этом Новомирский признавался, что и он сам был «приятно поражен этим фактом, так как моментами, особенно на премьере, … боялся неожиданного смеха, который мог бы породить настоящий скандал». Но, «несмотря на ужасную и временами почти невыносимую музыку, публика наша сумела как-то понять своеобразие и художественную четкость японской игры» [2, с. 323–324]. Не менее успешными были гастроли театра Кабуки в Ленинграде (с 20 по 26 августа), где его выступления шли в здании Государственного академического Малого оперного театра. По возвращении из Ленинграда основная часть труппы театра Кабуки отправилась в обратный путь. 10 сентября 1928 г. артисты театра прибыли во Владивосток, а оттуда последовали на родину.

Советская пресса, в основном, положительно отзывалась о гастролях театра Кабуки. Довольные артисты увозили с собою в Японию, «в виде трофеев», «бесконечное множество советских журналов и газет, наполненных восторженными отзывами об их искусстве» [8]. Авторами статей выступили: глава Наркомпроса А. В. Луначарский, искусствовед Д. Е. Аркин, писатель и театральный критик Г. О. Гаузнер, председатель ВОКС О. Д. Каменева, востоковед Н. И. Конрад и многие другие. Был даже организован специальный комитет из японоведов для изучения театра Кабуки «с точки зрения чисто научной» [2, с. 323].

Однако в хоре хвалебных голосов явственно звучали нотки критики, обусловленной несоответствием традиционного японского театра новаторским поискам, будоражащим советское театральное сообщество. Направленность критики была определена уже статьей А. В. Луначарского «Японский театр», где он писал, что «Кабуки, вызывает по отношению к себе в самой Японии различные суждения». И если одни «видят в нем как раз главное достояние нации и отмечают его глубокую народность», то другие «считают его пережитком». При этом он признавал: «Мы не сомневаемся, что театр Кабуки, с его многовековыми традициями, представляет огромный культурный интерес независимо от того, должны ли эти традиции доминировать в театре Японии или отойти на задний план и сохраниться только как высокохудожественный исторический памятник» [3]. Более категорично о несоответствии японского театра идеалам советского новаторского искусства заявляла газета «Комсомольская правда»: «Не будем сомневаться в том, что театр Кабуки – хороший театр. Хорош в том же плане, как хороши какой-нибудь средневековый замок или историко-романтическая фильма, показывающая кадры рыцарского турнира. Но такой план для нас совершенно недостаточен... Оно, конечно, репертуар этого театра не годится» [4].

Надежды на то, что гастроли будут иметь не только культурное, но и политическое значение и смогут существенно повлиять на укрепление взаимоотношений между СССР и Японией не оправдались. В конце 1920-х гг. в стране Восходящего солнца все более явственно укреплялись позиции реакционных сил, вынашивавшие идеи вторжения Японии в Юго-Восточную Азию и последующего нападения на СССР.

Источники и литература

1. Гришелева Л. Д. Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977. 237 с.
2. Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 кн. Кн. 1: 1900–1934. М.: Наука, 2005. 580 с.

3. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. №154. 5 июля.
4. Комсомольская правда. 1928. 6 августа.
5. Красное знамя. 1928. 11 июля.
6. Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012. 656 с.
7. Савелли Д. Борис Пильняк в Японии // Пильняк Б. Корни японского солнца. М.: Три квадрата, 2004. 336 с.
8. Тихоокеанская звезда. 1928. 3 июля
9. Тихоокеанская звезда. 1928. 2 августа.
10. Тихоокеанская звезда. 1928. 15 сентября.
11. Трояновский О. А. Через годы и расстояния: история одной семьи. М.: Вагриус, 1997. С. 384.

References

1. Grisheleva L. D. Teatr sovremennoj Japonii (*The theatre of modern Japan*). Moscow: Iskusstvo, 1977. 237 p. (In Russian).
2. Majskij I. M. Izbrannaja perepiska s rossijskimi korrespondentami (*Ivan Maisky. Selected correspondence with Russian*): In 2 Vol. Vol. 1: 1900–1934. Moscow: Nauka, 2005. 580 p. (In Russian).
3. Izvestija CIK SSSR i VCI. 1928. No.154. (In Russian).
4. Komsomol'skaja pravda. 1928. 6 August. (In Russian).
5. Krasnoe znamja. 1928. 11 July. (In Russian).
6. Molodjakov V. Je. Rossija i Japonija v poiskah soglasija (1905–1945). Geopolitika. Diplomatija. Ljudi i idei (*Russia and Japan in search of consent (1905–1945). Geopolitics. Diplomacy. People and ideas*). Moscow: AIRO-XXI, 2012. 656 p. (In Russian).
7. Savelli D. Boris Pil'njak v Japonii (*Boris Pilnyak in Japan*) // Pil'njak B. Korni japonskogo solnca (*The roots of the Japanese sun*). Moscow: Tri kvadrata, 2004. 336 p. (In Russian).
8. Tihookeanskaja zvezda. 1928. 3 July. (In Russian).
9. Tihookeanskaja zvezda. 1928. 2 August. (In Russian).
10. Tihookeanskaja zvezda. 1928. 15 September. (In Russian).
11. Trojanovskij O. A. Cherez gody i rasstojanija: istorija odnoj sem'i. Moscow: Vagrius, 1997. 384 p. (In Russian).

УДК 94(56)

К. Н. Лобанов

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПО-ТУРЕЦКИ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА «НЕООСМАНИЗМА»

В статье раскрываются особенности процесса реализации «неоосманской» имперской модели модернизации и развития в современной Турецкой республике. Подчеркиваются такие тенденции, как рост централизации и авторитаризма в системе государственной власти, десекуляризация общественной жизни, экспансионизм во внешней политике. Уделяя пристальное внимание последнему тезису, автор стремится показать преимущественно экстравертный характер турецкой модели модернизации, предполагающей достижение успеха через мобилизацию ресурсной базы государств и регионов, входивших ранее в состав Османской империи.

Ключевые слова: Османская империя, Турецкая республика, Партия справедливости и развития, модернизация, «неоосманизм», пантюркизм, панисламизм, экспансионизм.

K. N. Lobanov

MODERNIZATION IN TURKISH MANNER: IDEOLOGICAL FOUNDATIONS AND POLITICAL PRACTICE OF «NEO-OTTOMANISM»

The article reveals the peculiarities of implementing «neo-Ottoman» Imperial model of modernization and development in the Republic of Turkey. The article highlights such trends as the growth of centralization and authoritarianism in the system of state power, the desecularization of public life, expansionism in foreign policy. Paying close attention to the final claim the author seeks to show mostly the extroverted nature of the Turkish model of modernization, including the achievement of success through the mobilization of the resource base of states and regions once the part of the Ottoman Empire.

Key words: Ottoman Empire, Turkish Republic, the Party of justice and development, modernization, neo-Ottomanism, pan-Turkism, pan-Islamism, expansionism.

Турция, как и большинство других стран, принадлежавших ко второму эшелону развития капитализма, проводила свои модернизации под давлением внешних обстоятельств – развития передовых стран, их опыта деятельности в разных сферах жизни и управленческих решений. В прошлом она не раз пыталась преодолеть свое отставание от Запада, которое либо угрожало независимости страны, либо сдерживало ее экспансию. Такие попытки предпринимали и султаны, и младотурки, и, конечно, кемалисты.

У всех этих попыток было нечто общее - стремление не столько воспроизвести западные социально-экономические предпосылки развития и механизмы управленческих решений, сколько приспособиться к их внешним образцам, просто «сделать, как там». Модернизации в Турции осуществлялись по имперской модели [7]. Они были подчинены в первую очередь задачам военно-политической экспансии империи и поддержания статуса великой державы и, только затем, решению внутренних проблем.

Поскольку для такой модернизации необходимо было изыскивать колоссальные ресурсы, то она сопровождалась, во-первых, крайней централизацией управления, во-вторых, усилением экономического и внеэкономического давления на население (нередко добуржуазными методами, что вызывало возмущение), в-третьих, прямым или косвенным экспансионизмом. Отсюда проистекало стремление турецких реформаторов османского и последующего периодов обеспечить успешность осуществления сво-

их реформаторских проектов за счет жесткого авторитаризма, тотальной бюрократизации, милитаризма и внешних захватов. Эти «три кита» имперской модернизационной модели, безусловно, обосновывались идеологически. Со временем были сформулированы соответствующие масштабам империи политические теории, последовательно сменявшие друг друга: концепция Танзимата, османизм и его политико-религиозные производные пантюркизм и панисламизм [2; 8; 15]. Объединяющей основой содержания этих политических доктрин всегда оставалась их отчетливая внешнеполитическая направленность. Идеологи реформ неизменно подчеркивали идею о том, что решающим условием благополучия и безопасности оттоманского государства (халифата) является постоянное расширение границ и эксплуатация ресурсной базы периферии (новых вилайетов и пашалыков) метрополией (анатолийским экономическим регионом и политическим центром в Стамбуле) [22].

Ставка на экспансионизм и завышенные амбиции во внешней политике, стремление модернизировать общество и государство только мерами «сверху», как правило, приводили к весьма скромным результатам реформ, не соизмеримым с затраченными на их проведение силами и средствами. Особенно критичным оказался XX век, в котором Турцию все сильнее раздирали внутренние противоречия и сепаратизм. Из-за этого страна сильно отстала в техническом плане от Запада, поэтому начала терять некогда завоеванные земли. Роковым решением для империи стало участие в Великой войне (1914–1918 гг.), в которой союзные страны разгромили турецкие войска и устроили раздел ее территории. Последовавшее вслед за этим осуществление кемалистского проекта по «европеизации» страны не привело к существенным изменениям. Новое государство Турецкая республика хотя и отказалась от ведения активной внешней политики, но так и не смогла качественным образом модернизировать социальную структуру общества, демократизировать систему политической власти, осуществить индустриальный прорыв в экономике, преодолеть сепаратизм. Ортодоксальный кемализм стал уходить в прошлое, так и не дав ответов на вызовы современности.

Перед турецкими политиками новой генерации, пришедшими на смену военным в 90-х – нулевых годах (Т. Озал, С. Демирель, А. Н. Сезер), остро стал вопрос выбора новой модернизационной модели развития и адекватной ей идеологии, соответствующих реалиям постбиполярного мироустройства и глобализирующейся экономики. К этому времени в мире был накоплен значительный опыт осуществления успешных модернизационных практик, которые можно было применить в турецких условиях. Вместе с тем турецкая политическая элита предпочла иной путь. Поставив перед собой амбициозные цели [28], лидеры пришедшей к власти в 2002 г. «Adalet ve Kalkınma Partisi» (Партии справедливости и развития) во главе с Р. Т. Эрдоганом, предпочли возврат к прежним докемалистским практикам модернизации. Поскольку эта политическая линия в основных чертах воспроизводит опыт государственного строительства периода Империи, но осуществляется в новых условиях, она получила название «Yeni Osmanlicilik» (неоосманизма). Этот термин также употребляется для обозначения соответствующей политической идеологии, хотя сами турецкие политики избегают публично его использовать [18]. Будучи результатом критической рефлексии теории и практики кемализма и следствием идеализации государственной истории имперского периода, «неоосманский» модернизационный проект абсолютизирует централизаторские, десекуляторские и экспансионистские механизмы как универсальные начала национального реформаторства.

В частности, централизм, по версии лидеров Партии справедливости и развития, предполагает установление в стране «сильной и сплоченной власти, которая была в Османской империи». Президент Р. Т. Эрдоган неоднократно заявлял о том, что только централизованная власть способна «…защитить свой народ от внутренних и внешних врагов, так как это было во времена наших славных предков» [17]. Свои высказывания (нередко абстрактные и популистские) об оптимальной для страны системе государственной власти турецкий глава подкрепляет вполне конкретными мерами по выстраиванию моноцентричной политической конструкции во главе с институтом президентства и доминирующей ролью одной партии. Разумеется, в ущерб демократическим завоеваниям пре-

дыдущего периода. Так, в ходе явно сфабрикованного дела «Ergenekon» (Эргенекон) Р. Т. Эрдоган добился отстранения от ключевых государственных постов кемалистов-сторонников парламентского строя. При этом ему удалось «убить еще одного зайца» - он значительно ослабил влияние на политику со стороны второго традиционного центра турецкого властного дуумвирата – армейских кругов [23]. Не нужно быть провидцем, чтобы понимать логику действий президента Р.Т. Эрдогана. Он готовит базу для перехода от системы парламентаризма (кемалистская модель государственного устройства) к суперпрезидентской власти («неоосманский» проект). Процесс этот будет неизбежно сопровождаться ужесточением внутренней борьбы и, как следствие, ростом авторитарных тенденций и сворачиванием политической демократии. Последнее обстоятельство дает почву турецким и зарубежным критикам для обвинений Р.Т. Эрдогана в диктаторских замашках и «султанизме» [11; 21; 26].

Изменения в системе власти в ключе ранних традиций страны определенным образом влияют на светские достижения современной Турции. За годы нахождения у власти Партия справедливости и развития совершила идеологическую эволюцию от умеренного исламизма (религиозного реформизма) к исламскому фундаментализму (религиозному консерватизму) и тянет за собой всю страну по этому пути. В области социальной политики это проявляется в частичной десекуляризации общественной жизни. Повсеместно реанимируются исламские бытовые традиции, растет удельный вес религиозного образования, заметно повышается роль улемов, шейхов и религиозных орденов (джааматов) в системе центрального и регионального управления. Официальные власти объясняют свои действия стремлением «подчеркнуть преемственность традиций и культур в турецком обществе» [1]. С другой стороны, исламский фактор используется для решения более глобальных задач. В частности, общественное мнение постепенно готовится к принятию тезиса о том, что в новых условиях Турция в качестве исламского государства имеет лучшие позиции в борьбе за лидерство в мусульманском мире вблизи границ и за пределами соседних стран [19]. Иными словами, «новые османы» в турецкой власти активно задействуют религию и в качестве идеологической основы своего модернизационного проекта, и для наращивания политического влияния в мире.

Другим важнейшим условием осуществления турецкой проимперской модернизационной модели выступает ее экстенсивность, т. е. постоянное расширение экономического влияния в странах, ранее входивших в состав Османского государства, приемником которого мыслит себя Турция. Примечательно, что еще два десятилетия назад турецкие компании едва лишь начинали инвестировать за рубеж вообще, но в последние годы они стабильно увеличивают объем своих прямых инвестиций в страны с развивающейся экономикой (в среднем ежегодно на 30 %) [9]. Очевидно, что такой прогрессии Турция обязана в первую очередь развалу социалистического блока в Восточной Европе и обретению независимости странами бывшего СССР, открывшими свои рынки для своего южного соседа. Согласно докладу Конференции ООН по торговле и развитию «Мониторинг тенденций инвестирования», странами, в которые турецкие компании инвестируют чаще всего, являются тюркские республики Средней Азии и соседние страны (общий объем инвестиций – 9.7 млрд $ в 2015 г.) [28]. В «Топ-20» по объему турецких инвестиций входят также Азербайджан, Грузия, Иран, Ирак, Болгария, Румыния, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Молдавия и Украина. На них приходится 78% от общего объема инвестиций или 5.35 млрд $. Из этих данных видно, что Турция стремится внедриться в экономику соседних стран и прочно зафиксировать там свое положение за счет активной инвестиционной деятельности, покупок объектов производства и участия в акционировании.

В целом же, стратегии экономического проникновения в другие страны у Турции довольно разнообразны с точки зрения применяемых ею инструментов. В основном турецкая бизнес-элита использует «мягкие» варианты продвижения своих интересов в нужных странах и регионах, как правило, близлежащих. Турецкие власти прямо ориентируют своих инвесторов и экспортеров на создание в близлежащих странах лоббистских групп, которые бы усиленно продвигали там протурецкие проекты. Такие группы и проекты уже существуют в государствах Центральной Азии, Азербайджане, Грузии,

Украине, молдавской Гагаузии, Косово, Боснии и Герцеговине, Македонии, российском Татарстане. Это результат методичной, планомерной работы турецких политиков, помноженной на высокий профессионализм и напористость турецкой бизнес-элиты.

«Мягкие» технологии воздействия на объект своих экономических интересов турецкая сторона чередует с более решительной и бесцеремонной политикой. Здесь мы подходим к, пожалуй, наиболее выделяющейся особенности «неоосманизма», а именно его преимущественно экстравертной направленности и растущему экспансионизму. Идея о приоритете внешнеполитических задач перед внутренней повесткой дня в целом характерна для лидеров Партии справедливости и развития, позицирующих себя «Osmanli torunu» (наследниками Османской империи). В программных документах этой организации отмечается, что активная внешняя политика обязана способствовать формированию благоприятных условий для проведения внутренних реформ, максимально обеспечивать продвижение интересов нации и страны за пределами ее границ [27]. В этих целях была проведена ревизия национальной внешнеполитической доктрины - кемалистская концепция ориентации на Запад сменилась новой идеей освоения пределов прежней Османской империи. Ближайшей целью такого освоения провозглашается наращивание политического влияния в сопредельных регионах и превращение Турции в мультирегиональный центр влияния и силы, т. е., по сути, в супердержаву [20]. Один из «архитекторов» нового внешнеполитического курса А. Давутоглу в своей знаменитой речи, произнесенной в 2009 г. в Сараево, заявлял: «Турция имеет право и интерес влиять на порядок отношений на Балканах, на Кавказе и на Среднем Востоке, дабы защитить свое историческое наследие и собственную безопасность…Мы хотим построить новый балканский регион, основанный на политических ценностях, экономической взаимозависимости, сотрудничестве и культурной гармонии. Такими были Оттоманские Балканы. Мы обновим нынешние Балканы» [5]. Практическая механика «обновления» бывшей имперской периферии повторяет стратегии экономической экспансии. В основном применяется инструментарий «мягкой силы», имеющий своей задачей переформатирование внешнеполитических курсов других государств на турецкие интересы посредством плотной работы с политическим руководством этих стран.

В каждом конкретном случае турецкие геостратеги стараются найти индивидуальный подход. И, нужно признать, это у них неплохо получается. Например, грузинскому правительству Анкара обещает неизменную протекцию при вхождении этой страны в НАТО, а азербайджанским властям – оказывает помощь в перевооружении армии и гарантирует военное сотрудничество в случае войны с Арменией.

Очень активно турецкие лидеры обрабатывают нынешних правителей Украины [3]. Президент Р. Т. Эрдоган заверил главу украинского государства П. Порошенко в намерении модернизировать за турецкий счет военно-воздушные и военно-морские силы Украины, а бывший премьер-министр А. Давутоглу (к слову сказать, сам по происхождению крымский ногаец) открыто встречался с крымско-татарскими радикалами и декларировал полную дипломатическую поддержку в вопросах возвращения Крыма. Очевидно, что такой шаг, пусть и виртуальный, приблизил бы Турцию к ее заветной мечте о протекторате над полуостровом.

Не остается без турецкого внимания политическая элита балканских стран. Местным политикам предлагается участие в «выгодных» инвестиционных проектах, навязывается «стратегическое партнерство» в военно-политической области, предлагаются заманчивые проекты в гуманитарной сфере. Проводником турецкой политики на Балканах, как правило, выступает уже ангажированный Анкарой политический класс мусульманских стран – Боснии и Герцеговины, Албании и Косово [25]. Бывший косовский премьер-министр и нынешний министр иностранных дел Х. Тачи постоянно цитирует турецкого президента Р. Т. Эрдогана: «Турция – это Косово. Косово – это Турция», подчеркивая неразрывность связей двух стран.

Руководству центральноазиатских республик со стороны Турции предлагаются масштабные пантюркистские проекты наподобие создания Тюркского содружества государств. Турецкие политики и дипломаты проводят аналогию с Европейским Союзом и убеждают президентов Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и Киргизии в том,

что «вместе они смогут добиться бóльших успехов». Стараясь привязать к себе обширный и богатый регион, Анкара предлагает тюркоязычным государствам Центральной Азии свои возможности в качестве транзитной страны для дополнительных выходов на мировые рынки энергоресурсов, но при этом рассчитывает использовать новые транспортные коридоры для интенсификации своего экономического и политического проникновения на эти пространства.

Таким образом, использование Турцией механизмов «мягкой силы» способствует продвижению ее интересов за периметр границ при помощи не силовых и низкоконфликтных методов. А тесный контакт с политическими элитами соседних государств – облегчает задачу выработки у последних устойчивой протурецкой внешнеполитической ориентации, что в свою очередь является необходимым условием для последующего превращения этих стран в группу турецких сателлитов [4].

Впрочем, «неоосманская» внешняя политика не всегда бывает «либеральной». Она становится подчеркнуто жестко милитаристской, когда встречает сопротивление своим откровенно экспансионистским планам. По сути Турция открыла новый «театр почти военных действий» – это южные рубежи Российской Федерации, а точнее – черноморско-каспийский регион. Геополитическое противостояние двух держав здесь идет давно и с переменным успехом. Турции удалось вытеснить российское влияние из Южного Кавказа, но дальнейшему ее продвижению на север был поставлен заслон. «Ичкерийский» проект (дудаевско-масхадовский режим в Чечне) и проект «Имарат Кавказ» (организация, запрещенная на территории Российской Федерации – *О. Л.*) провалились. Воссоединение Крыма с Россией обрушило турецкие надежды о возможном протекторате над полуостровом, вполне казавшиеся достижимыми в случае сохранения там украинской юрисдикции. Попытки турецких НКО возмутить национальные республики Поволжья пантюркистскими идеями также безуспешны, ибо пресекаются на корню российскими спецслужбами. Встретившись с жестким отпором, оказанным Россией у ее границ и в Сирии, Турция сегодня меняет тактику, все чаще прибегает к закулисной дипломатии с целью заблокировать Россию с юга поясом враждебных лимитрофов [13].

Важно в этой связи отметить, что далеко не все страны располагают возможностями для отпора турецкому внешнеполитическому и военному экспансионизму. Большинство малых государств Юго-Восточной и Восточной Европы, евразийские постсоветские республики, государства Леванта и Магриба, ослабленные хаосом «арабской весны», попустительствуют турецкому проникновению, не осознавая до конца последствий собственной политики и не понимая, как постепенно могут превратиться в вассалов набирающей силу новой Османской порты. Самих же «неоосманов» в турецком руководстве такие успехи только опьяняют, а значит – будут расти их амбиции и агрессивность.

В завершение приведем некоторые выводы:

1. Современное турецкое государство и общество находятся в процессе модернизационного транзита, предполагающего поиск, выбор и реализацию национальной модели модернизации и развития в условиях постбиполярного и глобализирующегося мира.

2. Правящая в стране Партия справедливости и развития осуществляет реформы на основе опыта бывшей Османской порты, повторяя в главном черты, свойственные для имперской модели модернизации, а именно осуществление модернизации через централизацию политической власти и внешнеполитический экспансионизм.

3. Основу модернизационной идеологии составляет «неоосманизм», представляющий собой сплав великодержавных идей (османизм) и универсалистских религиозно-политических концептов (пантюркизм, панисламизм).

4. Неоимперская турецкая модель модернизации имеет сильные и слабые стороны. Первые проявляются в том, что посредством активизации авторитарных тенденций власть обеспечивает мобилизацию внутренних ресурсов для выполнения модернизационных задач. Вторые связаны с преимущественно экстравертным и экстенсивным характером модернизационной практики, что подрывает возможности реформирования, не способствует преодолению глубоких социальных деформаций внутри турецкого общества.

5. Ближайшей геополитической задачей турецких властей является восстановление и наращивание экономического и политиче-

ского влияния в странах, ранее входивших в состав Османской порты, с целью встраивания их в типичные для империи отношения по линии «центр-периферия».

6. Для проникновения в интересующие страны и регионы Турция использует комбинаторику средств «мягкого воздействия» и приемов силового давления.

7. Желание турецкого политического руководства форсировать модернизационный процесс посредством внешнеполитической экспансии предопределяет восходящую тенденцию к агрессивности государства в международных отношениях, делает нынешнюю турецкую внешнюю политику малопредсказуемой и импульсивной.

8. В наибольшей степени экспансионизм «неоосманов» проявляется в Сирии, где Турция в своих интересах пытается управлять гражданским конфликтом и встала на путь прямой поддержки международного терроризма.

9. «Неоосманская» внешняя политика и растущие геополитические амбиции Турции создают определенные риски и угрозы государствам балканского, кавказского, ближневосточного и центральноазиатского регионов, в силу чего политика этих стран, направленная на диверсификацию внешнеполитических курсов и ограничение попыток эрозии суверенитета извне, представляется наиболее соответствующей их национально-государственным интересам.

Источники и литература

1. Алиев А. Джааматы Турции и Эрдоган, Информационное агентство «Инфо-ислам» URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/statji…turcii_i_ehrdogan (Дата обращения: 06.06.2016).
2. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М.: Наука, 1972. 506 с.
3. Визит Эрдогана в Киев: стратегическое партнерство и кредиты, URL: http://www. infoabad.com/v-mire/vizit-yerdogana-v-kiev-strategicheskoe-partnerstvo-i-kredity.html (Дата обращения: 06.06.2016).
4. Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 280 с.
5. Качалин К. «Стратегическая глубина» Турции достигла Сербии, Српска. Ру. URL: http://www. http://www.srpska.ru/article.php?nid/24844 (Дата обращения: 06.06.2016).
6. Киреев Н. Г. История Турции XX век, Институт востоковедения РАН. М.: Крафт+, 2007. 608 с.
7. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков, В. П. Гутник, В. И. Кузнецов и др. М.: Информат, 1994. 115 с.
8. Петросян И. Е., Петросян Ю. А. Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М.: Наука, 1993. 186 с.
9. Прямые иностранные инвестиции Турции. Турция - от кризиса к прогрессу, TRT. NET. URL: http://www.trt.net.tr/russian/proghrammy/2015/05/25/priamyie (Дата обращения: 06.06.2016).
10. Самофалова О. Турция занижает экономический ущерб от санкций России URL: http://www. http://vz.ru/economy/2015/12/7/782314.html. (Дата обращения: 06.06.2016).
11. Сатановский Е. Я. Эрдоган уже давно не президент, а «султан Османской империи», Федеральное агентство новостей. URL: http://www. riafan.ru/ …satanovskij-erdogan…a-sultan-osmanskoj… (Дата обращения: 06.06.2016).
12. Турецкие ПИИ в странах СНГ: «эффект соседства» в азиатском исполнении URL: http://www.webeconomy.ru/index.php?page/cat&newsid/2900&type/news (Дата обращения: 06.06.2016).
13. Турция: новая роль в современном мире. М.: Центр ситуационного анализа Российской академии наук, 2012. 80 с.
14. Ульченко Н., Иванова И., Киреев Н. и др. Возможные сценарии развития Турции до 2050 г., URL: http://www.geopolitics.by/analytics/vozmozhnye-scenarii-razvitiya-turcii-do-2050g#sthash.ByKVkwWh.dpuf.(Дата обращения: 06.06.2016).
15. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. М.: Наука, 1985. 272 с.
16. Цыркуль Э. В. Внешнеполитический курс Турции в XXI веке // Обозреватель-Observer. 2015. №7. С. 90–99.
17. Эрдоган – самый сильный президент Турции после Ататюрка: что мы о нем знаем? URL: http://www.ru.sputnik.az/Мир/20150421/302086363 (Дата обращения: 06.06.2016).
18. Davutoglu: «I am Not a Neo-Ottoman», Balkan Insight URL: http://www.Balkan Insight.com/en/article…i-m-not- a- Neo-Ottoman (Дата обращения: 06.06.2016).
19. Davutoğlu A. The «Strategic Depth» that Turkey Needs // The Turkish Daily News. 2001. 15 September.
20. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.
21. Gençlik Ö. Erdoğan'a «diktatör» dediği iddiasıyla hapse girdi // Cumhuriyet. 2015. 6 April.
22. Kısakürek N. F. İman ve İslâm Atlasi. İstanbul: Büyük Doğu Yayinlari, 1981. 720 s.
23. Öğret Ö. Ergenekon: Whose side are you on? // Hürriyet Daily News. 2010. 1 February.
24. Pope H. Turkey Unveiled: A History of Modern Turkey. New York: The Overlook Press, 2011. 373 p.

25. Танасковић Д. Неоосманизам: Повратак Турске на Балкан. Београд: Службени гласник, 2011. 160 с.
26. Tisdall S. Turkish Opposition Leader Condemns «dictator» Erdogan // The Guardian. 2014. 27 November.
27. Turkey: A Landmark Decade. URL: http://www.files.foreignaffairs.com/legacy/attachments (Дата обращения: 06.06.2016).
28. United Nations. United Nations Conferences on Trade and Development. URL: http://www.unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2015d1_en.pdf, (Дата обращения: 06.06.2016).

References

1. Aliyev A. Dzaamaty Turcii i Erdogan, Informacionnoe agentstvo «Info-islam» (*Jaamats of Turkey and Erdogan, Inform Agency «Info-islam» Internet*) URL: http://www. info-islam.ru/publ/stati/statji…turcii_i_ehrdogan (Accessed: 06.06.2016) (In Russian).
2. Aliyev G. Z. Turcia v period pravleniya mladoturok (*Turkey during the rule of the «young Turks»*). Moscow: Nauka,1972. 506 p. (In Russian).
3. Visit Erdogana v Kiyev: strategicheskoe partnerstvo i kredity (*Erdogan's visit to Kiev: strategic partnership and loans*) URL: http://www. infoabad.com/v-mire/vizit-yerdogana-v-kiev-strategicheskoe-partnerstvo-i-kredity.html (Accessed: 06.06.2016) (In Russian).
4. Dugin A. G. Evrasiyski revansh Rossii (*Eurasian revanche of Russia*) Moscow: Algoritm, 2014. 280 p. (In Russian).
5. Kachalin K. «Strategicheskaya glubina» Turcii dostigla serbii (*The «strategic depth» of Turkey came to Serbia*) URL: http://www. http://www.srpska.ru/article.php?nid/24844) (Accessed: 06.06.2016) (In Russian).
6. Kireev N.G. Istorija Turcii XX vek (*History of Turkey in XX century*). Moscow: Kraft+, 2007. 608 p. (In Russian).
7. Modernizacija: zarubezhniy opyt i Rossiya / V. A. Krasilschikov, V. P. Gutnik, V. I. Kuznetsov (*Modernization: foreign experience and Russia*). Moscow: Informat, 1994. 115 p. (In Russian).
8. Petrosyan I. E., Petrosyan U. A. Osmanskaya imperiya: reformi i reformatory (konets XVIII – nachalo XX) (*Ottoman Empire: reforms and reformers (end XVIII-beginning XX century)*. Moscow: Nauka, 1993. 186 p. (In Russian).
9. Pryamie inostrannie investicii Turcii. Turcia – ot krizisa k progressu (*Foreign direct investment in Turkey. Turkey - from crisis to progress*) URL: http://www.trt.net.tr/russian/proghrammy/2015/05/25/priamyie, (Accessed: 06.06.2016). (In Russian).
10. Samofalova O. Turcia zanizhaet ekonomicheskiy uscherb ot sankciy Rossii (*Turkey lowers economic loss from Russia's sanctions*) URL: http://www. http://vz.ru/economy/2015/12/7/782314.html. (Accessed: 06.06.2016). (In Russian).
11. Satanovskiy E. Y. Erdogan uzhe davno ne president, a «sultan Osmanskoy imperii» (*Erdogan is no longer President and «the Sultan of the Ottoman Empire»*) URL: http://www. riafan.ru/ …satanovskij-erdogan…a-sultan-osmanskoj…) (Accessed: 06.06.2016) (In Russian).
12. Turetskyie PII v stranah SNG: «effect sosedstva» v aziatskom ispolnenii (*Turkish FDI in the CIS countries: «the neighborhood effect» in Asian performance*) URL: http://www.webeconomy.ru/index.php?page/cat&newsid/2900&type/news (Accessed: 06.06.2016) (In Russian).
13. Turcia: novaya rol v sovremennom mire (*Turkey: a new role in the modern world*). Moscow: RAS, 2012. 80 p. (In Russian).
14. Ulchenko N., Ivanova I., Kireev N. i dr. Vozmozhnye scenarii razvitya Turcii do 2050 g. (*Possible scenarios of Turkey's development until 2050*) URL: http://www.geopolitics.by/analytics/vozmozhnye-scenarii-razvitiya-turcii-do-2050g#sthash.ByKVkwWh.dpuf (Accessed: 06.06.2016) (In Russian).
15. Fadeeva I. L. Oficialnye doktriny v ideologii i politike Osmanskoy imperii (*Official doctrines in the ideology and politics of the Ottoman Empire*). Moscow: Nauka, 1985. 272 p. (In Russian).
16. Cyrkul E. V. Vneshnepoliticheskiy kurs Turcii v XXI veke (*Foreign policy of Turkey in the XXI century*) // Obozrevatel-Observer. 2015. No. 7. P. 90–99 (In Russian).
17. Erdogan – samyi silnyi president Turcii posle Ataturka: chto my o nem znayem? (*Erdogan is the strongest Turkish President after Ataturk: what do we know about him*?) URL: http://www. ru.sputnik.az/Мир/20150421/302086363 (Accessed: 06.06.2016) (In Russian).
18. Davutoglu: «I am Not a Neo-Ottoman» URL: http://www.Balkan Insight.com/en/article…i-m- not- a- Neo-Ottoman (Accessed: 06.06.2016).
19. Davutoğlu A. The «Strategic Depth» that Turkey Needs // The Turkish Daily News. 15 September. 2001.
20. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu (*Turkey's International Position*). Istanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 p. (In Turkish).
21. Gençlik Ö. Erdoğan'a «diktatör» dediği iddiasıyla hapse girdi (*Erdogan a «dictator» jailed on allegations*) // Cumhuriyet. 6 April. 2015. (In Turkish).
22. Kısakürek N. F. İman ve İslâm Atlasi (*Atlas of Iman and Islam*). İstanbul: Büyük Doğu Yayinlari, 1981. 720 p. (In Turkish).
23. Öğret Ö. Ergenekon: Whose side are you on? // Hürriyet Daily News. 1 February. 2010.

24. Pope H. Turkey Unveiled: A History of Modern Turkey. New York: The Overlook Press, 2011. 373 p.
25. Tanaskoviћ D. Neoosmanizam: Povratak Turske na Balkan (*Neoosmanizm: the Return of Turkey in the Balkans*). Beograd: Sluzhbeni glasnik, 2011. 160 p. (In Serbian).
26. Tisdall S. Turkish Opposition Leader Condemns «dictator» Erdogan // The Guardian. 27 November. 2014.
27. Turkey: A Landmark Decade. Vision 2023 URL: http://www.files.foreignaffairs.com/legacy/attachments. (Accessed: 06.06.2016).
28. United Nations. United Nations Conferences on Trade and Development. URL: http://www.unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2015d1_en.pdf. (Accessed: 06.06.2016).

УДК 94(470.6):379.85

М. А. Лукаш

МОЛОДЕЖНЫЙ ВЫЕЗДНОЙ ТУРИЗМ НА СТАВРОПОЛЬЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ И МАСШТАБЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ СТАВРОПОЛЬЦЕВ В 1970-Х ГОДАХ

В статье предпринята попытка проанализировать формы организации и масштабы зарубежного туризма на Ставрополье. Автор определил роль таких организаций как ВЦСПС и БММТ в развитии молодежного зарубежного туризма, выявил характерные черты туризма как формы отдыха, показал его позитивные стороны. Автор определил, что каждая поездка давала импульс к размышлениям и сравнениям и опыт поведения в иных повседневных условиях.

Ключевые слова: СССР, Ставрополье, молодежный туризм; молодежный досуг; турист; направление молодежного туризма, Бюро международного молодежного туризма; специализированная группа; поезд дружбы.

M. A. Lukash

THE STAVROPOL YOUTH INTERNATIONAL TRAVEL: ORGANIZATION AND THE SCOPE OF THE INTERNATIONAL TRAVEL OF STAVROPOL YOUTH IN 1970s

The article analyzes the forms of organization and the scale of international tourism in the Stavropol region. The author defines the role of such organizations as Trade Unions and BIYT in the development of youth international tourism, the characteristic features of international tourism as a form of recreation. The author has determined that every trip gave impetus to the youth' reflection and the comparisons of differences in behavior, thinking and experience.

Key words: USSR, Stavropol, youth tourism; youth leisure; tourist; the direction of youth tourism, the Bureau of International Youth Tourism; specialized group; "friendship train".

К началу 1970-х годов в СССР уже сформировалась мощная индустрия отдыха со своими институтами, продуктом, производственным циклом, методами организации и управления производством. В рамках этого процесса было предусмотрено зарубежное – «выездное» – направление экскурсионного туризма. Оно получило соответствующее идеологическое обоснование: его позиционировали как рычаг влияния на Запад и как средство активизации движения солидарности с борцами за мир и «общественный прогресс». Несомненно, это уже был шаг в сторону создания условий для расширения контактов с целью познания мира.

При развитии зарубежного экскурсионного туризма особое внимание было обращено на молодежь. Молодежный туризм в пер-

вую очередь рассматривался как средство укрепления связей со странами народной демократии. Его целью было расширение «политических и культурных связей советской молодежи с молодежью капиталистических стран», упрочнение «братских связей с юношами и девушками стран народной демократии», создание «дополнительных благоприятных условий для распространения среди зарубежной молодежи правдивой информации о жизни советского народа» [1, с. 99–100].

Организацией выездного туризма занимались Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) и Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник». БММТ «Спутник» являлось хозрасчетной организацией, работа которой строилась главным образом на основе безвалютного туристского обмена с зарубежными организациями, занимающимися молодежным туризмом [17, с. 51–53].

Сразу после создания БММТ в регионах были созданы его республиканские, областные и краевые отделения. Затем особым постановлением Секретариата ЦК ВЛКСМ от 6 декабря 1972 года они были преобразованы в бюро. В Ставропольском крае были созданы БМТ крайкома комсомола (с функциями контроля), БМТ Пятигорского горкома комсомола, БМТ обкома КЧАО. Вновь созданные организации были призваны развивать массовый туризм. С одной стороны, БМТ должны были обеспечить качественный прием и повышать эффективность пропагандистской работы с иностранными туристами, а с другой стороны, – особо важным направлением работы для них был подбор и подготовка советской молодежи для туристских выездов за рубеж [5, л. 13].

В течение 1970-х годов в условиях плановости туризма основные показатели устанавливались в конце предыдущего года. При этом чаще всего ориентировались на показатели завершающего года – например, показатель численности определяли чуть выше предыдущего. Так в 1969 году, когда фактически за рубежом побывали 1225 ставропольцев, ВЦСПС запланировал 1200 человек на следующий 1970 год. В результате по факту план был перевыполнен на 111,6 % – за границей побывали 1366 человек. Из них 1111 человек путешествовали по социалистическим странам, 216 человек ездили в развивающиеся и капиталистические страны. Кроме того, 39 человек из числа сотрудников профсоюзов были отправлены дополнительно по маршрутам в социалистические страны [14, л. 1–8].

План направления туристов за границу утверждался на президиуме крайсовпрофа. При комплектовании групп стремились создать однородные из представителей одной профессии или же по территориальному признаку, т.е. жителей одного района. Например, комплектовали группы из представителей сельского хозяйства одного района.

В 1970 году за границу выехало 22 специализированных группы из числа жителей Ставрополья, среди которых были группа железнодорожных работников, группа лекторов общества «Знание», несколько группа работников сельского хозяйства Георгиевского и Кочубеевского районов, группа работников автотранспорта и другие. Отметим сразу, что в течение 1970-х годов за границу стали чаще выезжать представители сельского хозяйства и этот показатель существенно увеличился.

Как правило, специализированные группы проходили особые маршруты, состоявшие из идеологических объектов – это ленинские места, места боевой и воинской славы, социалистические предприятия и учреждения. В рамках таких маршрутов почти не оставалось времени для посещения других историко-культурных объектов, развлекательных учреждений, магазинов. Это означало, что работников сельского хозяйства знакомили с работой сельско-хозяйственных кооперативов, работников автотранспорта – с работой автотранспортных предприятий и т.д. В более выгодных условиях в такой ситуации оказывались работники торговли, для которых содержанием экскурсий являлось посещение сети магазинов – для знакомства с опытом обслуживания.

С начала 1970-х годов некоторые из маршрутов в ГДР были дополнены посещением воинских частей, дислоцировавшихся на территории Германии. При посещении советских воинов ГСВГ ставропольские туристы встречались со своими земляками, которые вручали им памятные подарки, сделанные своими руками – барельеф Ленина, макеты памятника советским воинам в Трептов-парке и советских танков, а в ответ им давали наставления быть бдительными и достойно

нести службу на передних рубежах стран социалистического содружества [14, л. 1–2].

При составлении отчета был добавлен еще один статистический показатель – «впервые выехавший за границу». В 1970 году таких было 1113 из 1366 человек. Таким образом, основная масса ставропольцев могла отправиться за границу всего один раз. Но большая часть жителей Ставрополья никогда не была за рубежом. Распределение по профессиональным блокам оставалось прежним.

Таблица 1

Данные о профессиональном составе группы туристов Ставропольского края в 1970 году [14, л. 8]

Работники сельского хозяйства	124
Рабочие	303
Инженерно-технические работники всех отраслей	425
Медицинские работники	94
Учителя и воспитатели	168
Партработники и гос.служащие	215
Всего	**1366**

По показателям 1970 года впервые гендерный состав был почти равным с небольшим перевесом в численности женщин – всего лишь на 15 человек, т.е. за год выехало практически равное количество мужчин и женщин. Хотя в составе отдельно взятых групп можно было встретить соотношение 1 к 4, например, в группе, выезжавшей во Францию с 11 апреля по 20 апреля 1970 года, было 16 женщин и 5 мужчин [15, л. 12].

По мнению руководителя группы, это создавало некоторые сложности, так как «женщинам без мужчин ходить было неприлично, да и опасно» в свободное от групповых экскурсий время и женщины не смогли покидать гостиницу. Установка по поводу того, что женщине без сопровождения мужчины нельзя появляться на улице в предвечернее и тем более в вечернее время была дана во время беседы в консульстве СССР в Париже и экскурсанты следовали в соответствии с этой установкой [15, л. 12–13]. Судя по содержанию отчета, эта встреча и беседа в консульстве сформировала некий комплекс у членов группы, наверное, их просто запугали, потому как даже в отчете руководитель группы пишет, что туристы на протяжении всей поездки чувствовали себя скованными, что особенно заметно было за обедом, в беседах. Общение внутри группы усложнялось существенной разницей в образовании и в возрасте (от 20 до 70 лет).

Так как 1970 год был юбилейным – страна праздновала 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, то каждый европейский тур включал экскурсии по ленинским местам. Туристы группы, выезжавшей во Францию накануне юбилейной даты, даже смогли пообщаться с Морисом Дюшоном в Лонжюмо, который в 13-летнем возрасте видел и слышал Ленина, так как в арендованном у его отца помещении мастерской, Ленин организовал партийную школу. В соседнем доме Ленин арендовал квартиру для проживания, где в 1970-х годах был музей Ленина, организованный французскими коммунистами [15, л. 14].

В рамках этой поездки ставропольские туристы смогли пообщаться и с представителями белой эмиграции. Оказалось, что гид-переводчица Милица Ле Кэнор и Юматов Н. Н. (председатель общества дружбы Франции – СССР и член ФКП) были потомками русских эмигрантов. Они попытались организовать встречу с человеком, родители которого эмигрировали из Ставрополя. При написании отчета руководитель группы несколько раз подчеркивал, что общений на политические темы не было, что участники встреч с советской стороны вели себя адекватно и достойно [15, л. 16].

Группы, которые отправлялись в туры по капиталистическим странам, сопровождались советским переводчиком. По окончанию поездки руководитель группы обязательно характеризовал работу и личностные качества профессионального переводчика, акцентируя внимание на уровень политической благонадежности. Судя по всему, переводчику следовало в первую очередь добиться расположения руководителя группы. Чаще всего характеристики были очень положительными – видно, что отбор был тщательным. Но все же руководители отмечали один и тот же недостаток – советские переводчики слабо ориентировались в городах за рубежом, их знания о достопримечательностях и интересных местах были ограничены. Конечно же для того, чтобы стать профессионально безупречными перевод-

чикам нужна была определенная свобода в контактах, в сборе информации об объектах, просто подольше пожить в том или ином городе, чтобы лучше знать и ориентироваться. Но таких возможностей они не имели [15, л. 18; 16, л. 5].

В 1971 году ВЦСПС запланировал для Ставропольского края выезд 1535 человек, по факту за границу выехали 1621, т.е. в сравнении с 1970 годом число поездок за рубеж увеличилось на 294 человека. План зарубежным поездок в 1971 году был выполнен на 115,5 %. В социалистические страны выезжало 1407 человек, в капиталистические 214 человек [16, л. 1].

В своей работе Ставропольский крайсовпроф руководствовался постановлением Президиума ВЦСПС «О мерах по улучшению работы профсоюзных органов по организации советского туризма за границей». Оказывается, что эти меры сводились к улучшению отбора туристов при комплектовании групп и прохождению ими инструктажа накануне выезда, а в капиталистических странах еще и при въезде в страну в советских консульствах. А также ужесточали отбор руководителей групп с целью улучшения организации советского зарубежного туризма.

На совещаниях крайсовпрофа, посвященных вопросам организации выездного туризма уделяли особое внимание поведению советских туристов, а не вопросам организации их проживания в гостиницах, вопросам подбора мест проживания, организации маршрутов. Эти проблемы были в ведении ВАО «Интурист», который все эти вопросы регулировал на финансовой основе – «сколько денег заплачено, на эти деньги и гуляем». Стоимость зарубежных туров была высокой, это были дорогостоящие туры, но из расчета доходов советских граждан. На международном уровне это были бюджетные туры.

Конечно же в составе групп, выезжавших в капиталистические страны невозможно было встретить рабочих или колхозников, учителей. Это было направление путешествий для партработников, советских служащих, преподавателей высшей школы – доцентов и профессоров, руководителей здравоохранения, торговли и общепита, крайпотребкооперации, профсоюзных чиновников. Но социалистические страны были доступны для рабочих и колхозников, учителей и врачей, инженерно-технический работник. Т.е. в начале 1970-х годов выездной туризм стал маркером статусной дифференциации в советском обществе.

Но плановый подход в организации выездного туризма, замешанный на принципе уравнительного распределения обеспечил такой показатель, как процент участвующих в зарубежных поездках рабочих и особенно работников сельского хозяйства. Несомненно, что по итогам 1960-х годов был сделал вывод: в сельскохозяйственном регионе представители сферы сельско-хозяйственного производства остаются не охваченными выездным туризмом. В 1971 году по итогам года крайсовпроф отчитался, что из общего числа выезжавших за границу 38 % процентов составили рабочие и колхозники. Но, именно справка за этот год не содержит приложения о профессиональном составе выезжавших. К отчету приложена справка в табличной форме, содержащая сведения о национальной принадлежности выезжавших. Т.е. по какой-то причине отчет составлен не по форме. Инструктор только приводит общие цифры и называет процент рабочих и колхозников в составе групп. Скорее всего, в этом надо видеть уловку, позволившую представить в центр нужные показатели.[16, л. 1–6].

Зато в этом отчете подробно проанализирован профессиональный состав руководителей групп. Руководителями групп назначали партийных, профсоюзных и советских руководителей. В числе ответственных руководителей групп 1971 года были 22 партработника, 8 представителей комитетов профсоюзов и 12 советских работников. В капиталистические и развивающиеся страны и приравненную к ним Югославию выезжали представители всех категорий исключительно краевого уровня, т.е. представители крайкома партии крайисполкома и крайсовпрофа, как имеющие достаточный жизненный опыт, высокие организаторские способности и особые навыки работы с людьми и исключительно политически грамотные [16, л. 1–2].

Все руководители были утверждены на президиумах совета профсоюзов, а ответственные руководители в капиталистические и развивающиеся страны в обязательном порядке проходили утверждение на заседании комиссии по выездам за границу при крайкоме КПСС. Все руководители по

возвращению не только представляли письменный отчет, но устно отчитывались на президиума крайсовпрофов.

По мнению секретаря совета профсоюзов, улучшение распределения туристских поездок за границу было обеспечено тем, что крайсовпроф ввел так называемую разнарядку. Теперь крайсовпроф распределял путевки между отраслевыми комитетами профсоюзов. Также распределяли путевки и по линии БММТ «Спутник», только между районными комитетами комсомола [8, л. 84]. Каждая выезжавшая группа комплектовалась из числа жителей одного города, района или предприятия. По-прежнему, группы дифференцировались по составу и им присваивались номинации специализированная или профессиональная. В составе специализированных групп также могли быть представители одного профессионального блока, но их отличие от обычной профессионально однородной группы заключалось в содержании программы: для специализированных групп предлагали ряд заранее спланированных идеологических мероприятий [6, л. 35].

Например, это могла быть группа пионерских работников Ставропольского края в составе поезда дружбы пионерских работников СССР (Чехословакия с 13 по 25 ноября 1972 года). В рамках очередного советского юбилей – 50-летие создания СССР – они посетили 12 школ, 4 Дома пионеров, Дом чехословацких детей в Пражском Кремле, выставку «50 лет СССР» в Праге, металлургический комбинат имени Климента Готвальда в г. Остраве и т.д. В отчете руководитель подтвердил дружелюбную, теплую атмосферу, «все относились с большим вниманием и понимаем». В качестве пожелания было высказано: обратить внимание при подготовке такого рода групп необходимо учитывать степень подготовленности участников поезда. Перед поездкой за 2–3 недели провести учебу, в ходе которой познакомить со структурой пионерских и молодежных организаций страны, в которую выезжают для более четкой ориентации в любой обстановке [6, л. 102–103].

Специализированная группа из числа сельхозработников Новоалександровского района во время пребывания в Болгарии посетила в селении Мало Конаре сельскохозяйственный кооператив им Димитра Карайванова, с которым колхоз «Россия» Новоалександровского района заключил договор о социалистическом соревновании. В составе группы были представители этого хозяйства и имели возможность провести отчет по показателям социалистического соревнования. Помимо социалистического соревнования, туристы приобщались к опыту болгарского кооператива по выращиванию томатов [16, л. 2].

В составе другой специализированной группы были участники народного хора колхоза «Победа» Советского района – 60 человек. Такой многочисленный коллектив был приглашен болгарской стороной на праздник по случаю 30-летия создания первого партизанского отряда в Болгарии в годы Второй мировой войны. Участники хора дали большой праздничный концерт по этому случаю в городах Пловдиве, Варне, Велинграде, на курорте «Солнечный берег» и в городе-побратиме Пазарджике.

Еще одна специализированная группа пропагандистов промышленных предприятий и учреждений Октябрьского района города Ставрополя была использована для укрепления некогда пошатнувшихся советско-чехословацких отношений. А специализированная группа из торговых работников посетила города Хельсинки, Лахти с целью знакомства с положительным опытом торговли в Финляндии [16, л. 3–4]. Данные таблицы 2 содержат информацию о количестве, составе и целях специализированных групп.

Всего в 1973 году выезжало 20 групп. Еще 5 групп отправились в Австрию (1), на Кубу (1), Польшу (2) и ГДР (1 была укомплектована дополнительно) [5, л. 72].

Бюро молодежного туризма крайкома ВЛКСМ, обкому, горкомам, райкомам направлял в международные лагеря отличников промышленного и сельскохозяйственного производства, победителей социалистического соревнования, комсомольских и пионерских работников, молодых учителей. Если это было награждение льготной путевкой для поездки за рубеж, то в этом случае награжденный должен был заплатить 50% стоимости [10, л. 15–16] – А остальное оплачивал крайком комсомола. Но от путевок после их распределения уже нельзя было отказаться. Крайком ВЛКСМ запретил БМТ крайкома ВЛКСМ принимать нереализованные путевки [4, л. 30]. Оплата услуги прода-

жи путевки в БММТ «Спутник» обходилась в 15, 7 рублей за путевку, кроме того, отдельно оплачивались туродни – в случае награждения 50 % оплачивалось из средств крайкома ВЛКСМ.

Но финансовые отчеты БММТ убеждают, что даже при оплате 50 % стоимости путевок эта структура, как и крайсовпроф имели стабильно растущие доходы. Так в соответствии с финансовым планом и годовым отчетом БММТ за 1976 год доходы от направления советских туристов за границу составили 195,6 тыс. рублей от реализации путевок; 45, 6 тыс. рублей от поступлений от групп туристов на ж/д проезд и авиаперелет; 700 рублей – от предоставления дополнительных услуг, не включенных в стоимость путевки. Расходы же составили 700 рублей за счет оплаты литературы и сувениров [10, л. 1 об.].

Таблица 2

Список специализированных туристических групп 1973 года по линии Ставропольского краевого БММТ [5, л. 8]

№	Специализированная группа	Итого
1	Передовики с/х и промышленного производства	СФРЮ
2	Поезд дружбы ударников Всесоюзных комсомольских строек	ЧССР
3	Победители и участники районных и городских фестивалей	НРБ
4	Группа молодых строителей	ПНР
5	Молодых работников сферы обслуживания	ПНР
6	Рабочих химической промышленности	ВНР
7	Передовики промышленного производства	ЧССР
8	Студенты Пятигорского института иностранных языков	ГДР
9	Группа работников сельского хозяйства	НРБ
10	Группа молодых животноводов	ВНР
11	Поезд дружбы работников сельского хозяйства	ПНР
12	Пропагандисты сети комсомольского политпросвещения	ГДР
13	Комсомольские и пионерские работники	СФРЮ
14	Группа молодых мелиораторов	Ф-дия
15	Группа работников просвещения	США

Ежегодно в соответствии с ростом численности выезжавших росла доходность. В 1977 доходы Ставропольского БММТ от направления советских туристов за границу составили:

– от реализации путевок – 205,8 тыс. руб.;

– поступления от групп туристов на ж/д проезд и авиаперелет – 47,4 тыс. руб.;

– отчисления за направления групп на внутрисоюзные маршруты в размере 7 % – 4,1 тыс. руб.;

– от предоставления дополнительных услуг, не включенных в стоимость путевки – 1,3 тыс. руб.

Но в этот год выросли и расходы:

– на литературу и сувениры – 0,7 тыс руб.;

– на оплату путевок руководителей групп – 9,1 тыс. руб. [11, л. 103].

Как правило, БММТ сохранял динамику выполнения производственно-финансового плана, пусть даже в процентном отношении это было не самое высокое выполнение – 12–15 %. Так в 1978 году БММТ планировал получить доход в размере 210 тыс. рублей. План был перевыполнен и доход составил 259,7 тыс. руб. При этом оступления от групп туристов на ж/д проезд и авиаперелет составили 48,8 тыс. руб.; отчисления за направления групп на внутрисоюзные маршруты в размере 7 % - 4, 2 тыс. руб.; от предоставления дополнительных услуг, не включенных в стоимость путевки – 1,4 тыс. руб. Расходы на литературу и сувениры по-прежнему составляли Литература, сувениры – 0,7 тыс руб. А вот оплата путевок руководителей групп по плану должна была составить 9,4 тыс. руб., но потрачено 10,4 тыс. руб. [12, л. 98].

В 1979 году БММТ планировал доходы в размере 210 тыс. руб., но результатам выполнения эта сумма достигла 339,3 тыс. руб. Поступления от групп туристов на ж/д проезд и авиаперелет планировались в размере 58,8 тыс рублей, по результатам выполнения было получено 72,2 тыс. руб. Отчисления за направления групп на внутрисоюзные маршруты в размере 7 % планировались в размере 4, 2 тыс. рублей, а получили 5,4 тыс. руб. От предоставления дополнительных услуг, не включенных в стоимость путевки, планировали получить 1,3 тыс. рублей, реально по факту выполнения получили меньше 900 руб. Расходы не изменились: на литературу и сувениры – 0,7 тыс. руб.; оплата путевок руководителей групп по плану должна была составить 9,4 тыс. руб., оказалась в размере – 10,4 тыс. руб. [13, л. 1об.]. Эти статистические данные подтверждают, что международный выездной туризм был динамично развивающейся сферой, а деятельность

Ставропольского крайсовпрофа, Ставропольского БММТ была прибыльной.

Руководители групп в своих отчетах претендовали на выражение общей оценки, мнения о поездках. Чаще всего они выражали удовлетворение поездкой, характеризовали их очень положительно: «Трудно переоценить познавательное значение путешествий по зарубежным странам, которые все больше и больше завоевывают широкую популярность среди тружеников Ставрополья. Эти путешествия вызывают живейший интерес к жизни народов социалистического лагеря и народов капиталистических и развивающихся стран. Мир путешествий – интересный, полезный, увлекательный» [14, л. 1].

В этих зарубежных поездках в начале 1970-х годов ставропольцы впервые пользовались новыми весьма комфортабельными автобусами «Икарус». Эта современная модель вызвала восхищение, но никто не мог предположить, что именно это новшество станет причиной ухудшения обслуживания туристических групп. Все дело в том, что в салоне автобуса было оборудовано место для работы гида – вращающееся кресло, динамики и микрофон. Но наполняемость автобуса – 42 человека и организаторы туров не собирались оставлять свободные места. Если проведение экскурсий из окон автобуса во время переездов действительно добавляла комфортности, то пешие экскурсии в группах из 42 человек превращались в толчею, вызывали раздражение из-за плохой слышимости, ухудшали в целом качество из-за затягивающихся пеших перемещений от объекта к объекту, из-за возникающего ощущения нахождения в толпе. Кроме того, теперь и сам переезд из СССР в Польшу, Болгарию, Румынию часто совершался на автобусе [3, л. 67–68].

Никто не обращал внимание на то, что с начала этого десятилетия среди высказанных замечаний и предложений достаточно часто звучало предложение о сокращении утомительных автобусных перегонов в 500 – 600 километров из страны в страну [16, л. 4]. Выполнили пожелания прямо наоборот. Но в отношении других пожеланий такого безразличия не было, например, «при составлении программ обратить внимание на социальную направленность поездок и организовывать встречи с представителями общественности, экскурсии на промышленные предприятия и особенно в сельские кооперативы; улучшить информирование туристов о местах поездок, больше издавать проспектов, буклетов, различных справок на русском языке» или увеличить сумму обмениваемой валюты [16, л. 8].

Бюро молодежного туризма крайкома комсомола занималось организацией специализированных групп для зарубежных поездок. Как правило, в составе таких групп были представители комсомольского актива. Активисты составляли почти половину всех выезжавших – до 500 человек в год. Обоснованием для такого подхода к комплектованию групп было мнение, что активисты способны достойнее других представить советскую молодежь за рубежом [5, л. 19]. В целом же, достаточно часто крайком комсомола указывал низовым структурам повысить требовательность к подбору юношей и девушек в туристские поездки заграницу.

Руководители групп при написании обязательных отчетов, сами не замечая этого, подтверждали, что выехавшие за рубеж представители советской общности испытывали шок, ошеломленные возможностями туристской индустрии развлечений, усиленный изобилиями супермаркетов. В подобной ситуации психологически комфортнее было пребывание в группе, хотя все же находились те, кто, быстро выйдя из состояния шока, торопился приобщиться и воспользоваться предоставленными возможностями. Внимание с последующим неодобрением одинаково вызывали и те из туристов, кто пытался продать вывезенные товары, чтобы получить вожделенную местную валюту, и те, кто ходил, объединившись в группу, скрупулезно считая выданную валютную мелочь.

Некоторые из советских туристов искали любую возможность обменять деньги, которые им удавалось пронести через таможню – в отчетах указывались самые различные суммы – от 20 до 200 рублей. Обслуживающий персонал принимающей стороны оказывал всяческую помощь. Например, как писалось в одном из отчетов: «Проводники чешских вагонов на всём протяжении маршрутов ведут торговлю мелкими товарами за советскую валюту без учета каких-либо коэффициентов пересчета. Особенно ярко это проявлялось на крупных остановках (Львов), где за пачку американских сигарет у нахлынувшей толпы посетителей с перрона требо-

вали по 3–5 рублей, причем чувствуется, что дело продажи отдельных товаров весьма налажено с определенными лицами» [16, л. 8].

Своё недовольство качеством обслуживания высказывали и сами туристы. Основные нарекания поступали на обилие свободного времени, на непрофессиональное обслуживание переводчиками, которые не знали достопримечательностей. Часто группы забывали встретить, обеспечить транспортом, программа и питание не были распланированы, в результате чего туристы не имели возможности даже принять душ, а маленького сухого пайка не хватало для всех [2, л. 25; 3, л. 37; 6, л. 35; 7, л. 26; 9, л. 39].

Как показал анализ документов зарубежный туризм как одно из туристских направлений в организации досуга молодежи, так и не приобретет дифференциации, а останется конвейерным с присущим такому туризму примитивизмом и однообразностью. И все же, несмотря на определенные негативные стороны, расширение досуговой сферы ставропольцев за счет выездного туризма, имело много позитивного. Прежде всего, это эмоциональное обогащение и новые впечатления, получаемые в ходе турпоездок. Каждая из поездок давала импульс к размышлениям и сравнениям. Приобретался опыт поведения в иных повседневных условиях, а вместе с ним и толерантное отношение к иной культуре.

Источники и литература

1. Андреева Е. Б. Из истории туризма в СССР: организационная структура системы туризма и международных обменов во второй половине XX века // Туризм и культурное наследие. Вып. 3. Саратов: СГУ, 2009. С. 98–102.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК) Ф.63. Оп. 12. Д.14.
3. ГАНИСК. Ф.63. Оп.12. Д.17.
4. ГАНИСК. Ф.63. Оп.13. Д .4
5. ГАНИСК. Ф.63. Оп.13. Д.8.
6. ГАНИСК. Ф.63. Оп.13. Д.14.
7. ГАНИСК. Ф.63. Оп.14. Д.16.
8. ГАНИСК. Ф.63. Оп.15. Д.11.
9. ГАНИСК. Ф.63. Оп.15. Д.18.
10. ГАНИСК. Ф.63. Оп.16. Д.111.
11. ГАНИСК. Ф.63. Оп.17. Д.17.
12. ГАНИСК. Ф.63. Оп.18. Д.125
13. ГАНИСК. Ф.63. Оп.21. Д.124.
14. ГАНИСК. Ф.1527. Оп.1. Д.1924.
15. ГАНИСК. Ф.1527. Оп.1. Д.1865.
16. ГАНИСК. Ф.1527. Оп.1. Д.2044.
17. Рогатин Б., Квартальнов В. Орбиты «Спутника»: Справочник. М.: Молодая гвардия, 1976. 156 с.

References

1. Andreeva E.B. Iz istorii turizma v SSSR: organizatsionnaya struktura sistemy turizma i mezhdunarodnykh obmenov vo vtoroi polovine XX veka (*Tourism in the USSR: the Organizational Structure of the System of the Tourism and the International Exchanges in the Second Half of the XX century*) // Turizm i kul'turnoe nasledie (The Tourism and the Cultural Heritage). Issue 3. Saratov: SSU, 2009. P. 99–100. (In Russian).
2. State archive of the Stavropol territory (GANISK). F.63. Inv.12. D.14. (In Russian).
3. GANISK. F.63. Inv.12. D.17. (In Russian).
4. GANISK. F.63. Inv.13. D.4. (In Russian).
5. GANISK. F.63. Inv.13. D.8. (In Russian).
6. GANISK. F.63. Inv.13. D.14. (In Russian).
7. GANISK. F.63. Inv.14. D.16. (In Russian).
8. GANISK. F.63. Inv.15. D.11. (In Russian).
9. GANISK. F. 63. Inv.15. D.18. (In Russian).
10. GANISK. F.63. Inv.16. D.111. (In Russian).
11. GANISK. F.63. Inv.17. D.17. (In Russian).
12. GANISK. F.63. Inv.18. D.125. (In Russian).
13. GANISK. F.63. Inv.21. D.124. (In Russian).
14. GANISK. F.1527. Inv.1. D.1924. (In Russian).
15. GANISK. F.1527. Inv.1. D.1865. (In Russian).
16. GANISK. F.1527. Inv.1. D.2044. (In Russian).
17. Rogatin B., Kvartal'nov V., Orbity «Sputnika» Spravochnik. (*The Orbits of «Sputnik»: Directory*). Moscow: Molodaya gvardiya, 1976. 156 p. (In Russian).

УДК 94(470.6):316:72

Е. Ю. Любушкина

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СТАВРОПОЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье рассматривается участие представителей общественных организаций в социокультурной жизни Ставрополья во второй половине XIX – начале XX вв. Представлены биографические сведения общественных деятелей, дан анализ деятельности некоторых общественных организаций Ставрополья, показана роль личности в работе общественных организациях и истории Ставрополья. Автор на основании опубликованных источников и архивных документов показывает, как в результате деятельности общественных организаций выросло количество школ, развивалось музейной дело и другие культурно-образовательных учреждений.

Ключевые слова: представители общественных организаций, социокультурная среда, Ставрополье, вторая половина XIX – начало XX вв.

.

E. Yu. Luybyshkina

THE CONTRIBUTION OF REPRESENTATIVES OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE CULTURAL HERITAGE OF STAVROPOL IN THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

This article deals with the participation of representatives of public organizations in the social and cultural life of Stavropol in the second half of XIX – beginning of XX centuries. The article presents biographies of public figures, the analysis of some social organizations of Stavropol, the role of personality in the work of public organizations and the history of Stavropol. It is shown how the activities of public organizations affected the expansion in the number of schools, developed the museum business, and other cultural and educational institutions. Different published sources and archival documents are referred to in order to confirm the conclusions.

Key words: representatives of public organizations, sociocultural environment, Stavropol Krai, second half of XIX – beginning of XX centuries.

Неоценимый вклад в развитие науки, просвещения и культуры на Ставрополье во второй половине XIX – начале XX вв. внесли краеведы, учителя, врачи, священнослужители, общественные деятели. Объединяясь в общественные организации по интересам, они являлись исследователями региона, основателями многих культурных учреждений, пропагандистами просветительских идей, разработчиками новых форм работы с населением. Сформулированная тема актуализируется комплексом архивных документов, ранее не привлекаемых историками. Работа с ними позволяет показать как в результате деятельности социально-активных представителей общественных организаций совершенствовались их формы работы с населением, создавались и развивались культурно-образовательные учреждения

Многое сделали для развития Ставрополья краеведы и ученые: кавказовед Г. К. Праве, историк и археолог Г. Н. Прозрителев, ботаники А. П. Норман, М. И. Брежизицкий, энтомолог В. Н. Лучник, геологи В. В. Богачев, С. А. Гатуев, палеонтолог И. Хоменко, статистик А. С. Собриевский и др. Краевед, гласный городской Думы Георгий Константинович Праве являлся членом многих общественных организаций, а также был председателем Ставропольского обще-

ства по изучению Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношениях, Ставропольского общества помощи бедным, Ставропольского городского Попечительства о бедных. Г. К. Праве является основоположником музейного дела на Ставрополье. В 1887 г. им был основан частный краеведческий музей имени его жены М. В. Праве, а также научная библиотека с литературой по истории г. Ставрополя и Северного Кавказа [14, с. 119]. С 1904 г. музей стал общественным учреждением и получил звание народного музея учебных пособий. Позже коллекции музея составили фонд краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Прозрителев Григорий Николаевич – краевед, просветитель, адвокат окружного суда, начальник юридического отдела губернского правления, общественный деятель, являлся членом более 10-ти общественных организаций на Ставрополье, был председателем Ставропольского на Кавказе Общества содействия воспитанию и защиты детей.

Общественный деятель, зоолог Николай Яковлевич Динник состоял членом многих российских научных обществ, а также различных общественных организаций на Ставрополье. Его заслуги неоднократно отмечались в научных кругах: в 1885 г. Русское географическое общество наградило его серебряной медалью за статью «Горы и ущелья Терской области», в 1888 г. Кавказское отделение общества – золотой медалью за труды по кавказоведению, в 1912 г. за первую часть труда – «Звери Кавказа» Академия Наук присудила ему Ахматовскую премию в 500 руб. [16, с. 168].

В 1910 г. усилиями Г. К Праве и Н. Я. Динник было открыто Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношениях, с целью «всестороннего изучения Северного Кавказа» [3, л. 1]. Организаторами Общества было собрано до 60 тыс. экспонатов и более 70 тыс. книг о природе, истории, экономике и культуре, которые вошли в основной фонд краеведческого музея и краевой научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова [8, с. 268]. Реализуя просветительские цели, члены Общества устраивали публичные лекции, экскурсии, выставки и пр.

Большой вклад в развитие медицины на Ставрополье внесли известные врачи губернии П. С. Лабенский, А. А. Мухаринский, А. Г. Бердичевский, С. Л. Бердичевский, И. М. Маянц, Н. К. Белоконь, М. И. Иерусалимский, И. Н. Соколовский, Г. Щеголев и др. Многие из них являлись учредителями и активными работниками Ставропольского медицинского общества (1883 г.). Обязательным для каждого из действительных членов Общества было представление в течение 3-х лет какой-либо научной работы. Заседания и собрания Общества были посвящены обсуждению вопросов, связанных с профилактикой и лечением различных заболеваний, с внедрением новых методов оказания хирургической помощи (камнесечения, трепанации черепа). В 1887 г. врачом И. Н. Соколовским была проделана первая в Ставропольской губернии операция грыжеиссечения [12, с. 4].

Просветительская работа включала организацию лекций, публичных чтений, распространение различных научных брошюр. Тематика лекций включала ознакомление публики с гигиеническими сведениями, рассмотрение санитарных вопросов, эпидемиологии. На собраниях ставились вопросы «очистки города от нечистот и о необходимости организации вывозной системы в Ставрополе» [12, с. 1–2]. Обществом вносились предложения в Думу об организации артели для очистки города и вывозки нечистот из частных домов. Важное место в числе санитарных мер Общества занимал надзор за качеством продаваемых продуктов [12, с. 6], который осуществлялся совместно с полицией. Общество сотрудничало с 13-ю общественными организациями России, в частности, с Обществом русских врачей в г. Москве, с Петербургским медицинским обществом, Императорским кавказским медицинским обществом, Бальнеологическим обществом в г. Пятигорске. В 1904 г. Общество открыло школу обученных сиделок, обучение в которой было бесплатным, однако в нее принимались только жительницы г. Ставрополя не моложе 20 лет и не старше 45 [15, с.1–3]. В целом, в формах работы Общества наблюдалась как научно-исследовательская, так и служебно-практическая направленность.

Работники в сфере образования и просвещения, чиновники, общественные деятели решали проблемы ликвидации безграмотности населения, прежде всего среди низших слоев сельского и городского населения, проблемы женского образования. В деятельности

просветительских обществ активное участие принимали женщины – учительницы, работа которых положительно отмечалась местной администрацией. Просветительской организацией – Обществом для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе (1878 г.) были открыты 3 начальные народные, 4 воскресные школы (2 мужские и 2 женские), 6 пришкольных библиотек, 3 народные библиотеки-читальни (Ташлянская, Новофортштадтская и им. В. Г. Белинского), организовывались лекционные кампании, чтения, выставки. В школах Общества преподавали лучшие педагоги Ставрополья – А. А. Рослякова, Н. Ф. Богданова, А. Т. Первушина, А. Н. Моренец, М. К. Добрынина, В. А. Васильева, И. П. Кувшинский, В. С. Истоманов и др. С 1892 г. члены Общества организовывали вечерние народные чтения. К концу 90-х гг. XIX в. усилиями 18-ти чтецов-педагогов проводились чтения как в г. Ставрополе, так и в селах губернии. Тематическая направленность их была разнообразной, но наиболее востребованными были декламации религиозного, исторического и естественно-исторического характера. Слушателями чтений были в основном рабочие, ремесленники, солдаты, число которых с каждым годом увеличивалось: за 12 лет их посетило 112 557 чел. [7, с. 62].

Известный в Ставрополе общественный деятель, сторонник народного просвещения и женского образования Яков Васильевич Абрамов являлся учредителем в г. Ставрополе 3-й женской гимназии и Общества вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской городской 3-й женской гимназии, которые были открыты в 1905 г. Кроме того, Я. В. Абрамов принимал активное участие в деятельности Ставропольского городского Попечительства о бедных, где выполнял обязанности участкового попечителя 4-го участка г. Ставрополя, а также в работе Общества вспомоществования недостаточным ученицам ставропольских женских гимназий Ольгинской и Св. Александры.

По инициативе местных меломанов г. Ставрополя в 1883 г. был организован Кружок любителей музыки. Однако в связи с финансовыми трудностями его деятельность была прекращена и возобновлена лишь в начале 1890-х гг. В. Д. Беневским, который внес огромный вклад в развитие музыкального дела не только на Ставрополье, но и за его пределами. Беневский Василий Дмитриевич закончил Камышинское духовное училище, Астраханскую семинарию. В августе 1890 г. В. Д. Беневский переехал из г. Астрахани в г. Ставрополь работать учителем пения в епархиальном училище и в ставропольской духовной семинарии [4, л. 4]. В. Д. Беневский был членом Ставропольского общества помощи бедным, Церковно-певческого благотворительного общества в г. Ставрополе и др. В 1890–1891 гг. по его инициативе был организован Кружок любителей изящных искусств. С начала 1890-х гг. он проводил вечерние беседы о русской музыке, народной песне, техническом и художественном строении музыкальной речи, жизни и творчестве композиторов-классиков. В архивных документах отмечено, что «В. Д. Беневским был практически введен в жизнь курс «Музыкальной литературы» [4, л. 7]. С 1899 г. им были организованы ежегодные летние курсы для народных и сельских учителей по музыкальной методике Беневского с практическими занятиями по организации детских подвижных игр в школе [4, л. 10]. В течение ряда лет в период летних каникул эти курсы проводились в разных городах Кавказа: Тифлисе, Екатеринодаре, Ставрополе, Владикавказе. Впоследствии занятия на курсах проводились его помощниками и учениками: Шульгиным, Титаренко, Першиным. 5 июня 1904 г. была издана баллада В. Д. Беневского «Варяг». В 1908 г. вышел в свет ряд его хоровых песен и обработок, среди которых сборники «Русский народный хор», «Школьный друг», «1812-й год в народной песне» (памяти славных героев 1812 г.) и др. [4, л. 12].

Активное участие организаторов Кружка в социокультурной жизни города нашло широкий отклик у общественности. В 1900 г. свободным художником и дирижером Иваном Егровичем Поповым в г. Ставрополе была открыта первая на Северном Кавказе частная музыкальная школа [5, л. 3]. В 1902 г. при участии И. Е. Попова и членов Кружка любителей музыки было учреждено Ставропольское отделение Императорского Русского Музыкального Общества, объединившее известных общественных деятелей, купцов, просветителей. В том же году по инициативе членов Общества были открыты музыкальные классы в г. Ставрополе.

Внесли свой вклад в развитие духовной культуры на Ставрополье в рассматриваемый период и представители духовенства.

При епископе Кавказском Германе Осецком было учреждено Ставропольское Братство св. Андрея Первозванного (1873 г.), он же являлся его почетным председателем. Общество осуществляло миссионерскую и религиозно-просветительскую работу в целях ослабления раскола в епархии. Деятельность Братства была направлена на просвещение калмыков Большедербетовского улуса, где были открыты в 1873 г. школы в с. Дербетовке и в с. Большая Джалга, для обучения калмыков установлены стипендии [6, с. 100]. В 1874 г. при духовной семинарии была открыта кафедра калмыцкого языка для подготовки миссионеров [1, с. 138]. В 1882 г. Братство основало в Прасковейском уезде Мамай-Маджарский Воскресенский монастырь на том месте, где временно пребывало тело кн. Михаила Ярославича Тверского, убитого в орде татарами в 1319 г. Это был первый на Северном Кавказе по времени возникновения храм в честь Воскресения Христова [10, с. 675]. При первом епископе Ставропольском и Екатеринодарском, Владимире было учреждено Братство св. равноапостольного кн. Владимира (1888 г.), которое возникло на основе кружка учредителей бесплатной столовой. Членами Братства были общественные деятели Г. Н. Прозрителев, Г. К Праве, И. П. Кувшинский, И. В. Бентковский, Д. И Евсееев, директор народных училищ М. В. Краснов, доктор медицины П. С. Лабенский, мировой судья И. А. Манжос-Белый, непременный член приказа общественного призрения В. М. Каптерман и др. В 1888 г. была открыта столовая для бедных, неспособных к труду, бездомных. В последствии организация обедов и учреждение столовых вошло в практику уже объединенного Ставропольского Андреевско-Владимирского братства (1892 г.), а также других общественных организаций Ставрополья. В 1888 г. Братством св. равноапостольного кн. Владимира был открыт приют или убежище для бесприютных детей, в 1889 г. – дом для беспомощных [9, с. 19–43]. В 1893 г. объединенное Ставропольское Андреевско-Владимирское братство возглавил Агафодор, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский (позже Кавказский и Ставропольский), при котором деятельность Братства подразделялась на религиозно-просветительную, миссионерскую и благотворительную функции.

При Агафодоре активно развивалось миссионерское дело в епархии. Для эффективной работы в этом направлении были учреждены должности противосектантских и противораскольнических окружных, затем уездных миссионеров, открыт епархиальный миссионерский совет, организовывались миссионерские курсы для пастырей и ревнителей православия, дома для религиозно-нравственных чтений и собеседований с народом [11, л. 159–160]. По его инициативе в 1900 г. был открыт Ставропольский епархиальный комитет православного миссионерского Общества, который он возглавил. Комитет содействовал епархиальному начальству и духовенству в распространении православия в пределах епархии, организовывал работу миссионеров, контролировал учебно-воспитательную работу в школах русской грамоты, открытых для инородцев, в частности трухмен, осуществлял противобуддистскую миссию среди калмыков преимущественно в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии [2, л. 33].

Агафодор был одним из инициаторов создания Ставропольского епархиального церковно-археологического общества (1894 г.), занимавшегося изучением памятников истории и археологии, их охраной на Северном Кавказе. В разные годы председателями общества были ректор Ставропольской духовной семинарии, протоиерей П. Г. Смирнов, священники Д. Успенский, С. М. Никольский. Епархиальный миссионер Симеон Никольский был членом многих общественных организаций, в том числе Императорского Московского археологического общества, Ставропольского епархиального комитета православного миссионерского общества. С периодом его председательства связана наибольшая активность в деятельности общества. В 1894 г. Общество открыло древлехранилище, в 1900 г. – музей в Крестовоздвиженской церкви, который в 1906 г. получил название Ставропольского епархиального музея [13, с. 121]. При участии Агафодора были открыты Общество взаимного вспомоществования в церковных школах Ставропольской епархии (1910 г.) и санаторий для учителей церковно-приходских школ епархии в климатической станции на р. Теберде. При нем в епархии открылось 500 церковно-приходских школ, возведено более 200 храмов [11, л. 160].

Таким образом, представители общественных организаций внесли весомый вклад в развитие социальной инфраструктуры и культуры региона. В результате их деятельности увеличилось количество школ, в том числе воскресных, библиотек, проявилась тенденция к проведению вечерних курсов, лекционных кампаний, народных чтений. Участниками общественных организаций были заложены основы становления музейного дела, практика открытия приютов, столовых для бедных. Играя важную роль в повседневной жизни Ставрополья, а также руководствуясь гуманными целями, представители общественных организаций заботились о физическом и нравственном здоровье населения, пропагандируя здоровый образ жизни, развивая интерес к художественному творчеству, прививая вкус к культурным ценностям. Богатое наследие, которое оставили представители общественных организаций Ставрополья второй половины XIX – начала XX в. составляет кладезь истории и культуры региона.

Источники и литература

1. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск: [б.и.], 1992. 191 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.439. Оп.1 Д.263.
3. ГАСК. Ф. 645. Оп. 1.Д. 7.
4. ГАСК. Ф. Р-3823. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАСК. Ф. Р-3823. Оп. 1. Д. 50.
6. Кавказские епархиальные ведомости. 1875. №3.
7. Краснов М. Историческая справка к двадцатипятилетию Общества содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. Ставрополь: [б.и.], 1913. 102 с.
8. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь: [б.и.], 1964. 320 с.
9. Обозрение деятельности Ставропольского братства св. равноапостольного кн. Владимира с 25 апреля 1888 г. по 1 января 1891 г. Ставрополь: [б.и.], 1891. 85 с.
10. Православные русские обители. СПб.: [б.и.], 1994. 560 с.
11. Ставропольские епархиальные ведомости. 1913. №11.
12. Ставропольское медицинское общество. Ставрополь: [б.и.], 1888. 220 с.
13. Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество в первом десятилетии своего существования и деятельности. Ставрополь: [б.и.], 1905. 87 с.
14. Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношениях. СПб.: [б.и.], 1913. Вып. 2. 98 с.
15. Устав школы обученных сиделок при обществе врачей г. Ставрополя. Ставрополь: [б.и.], 1905. 45 с.
16. Фёдоров С.М. Выдающийся исследователь Кавказа Николай Яковлевич Динник // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 5. Ставрополь: [б.и.], 1953. 342 с.

References

1. Gedeon, mitropolit Stavropol'skii i Bakinskii. Istoriya khristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii. (*History of Christianity in the North Caucasus region before and after attaching it to Russia*). Moskva-Pyatigorsk, 1992. 191 p. (In Russian).
2. State archive of Stavropol Territory (GASK). F.439. Inv.1. D.263. (In Russian).
3. GASK. F. 645. Op. 1.D. 7. (In Russian).
4. GASK. F. R-3823. Op. 1. D. 8. (In Russian).
5. GASK. F. R-3823. Op. 1. D. 50. (In Russian).
6. Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. (*Caucasian eparchial sheets*). 1875. No. 3.(In Russian).
7. Krasnov M. Istoricheskaya spravka k dvadtsatipyatiletiyu Obshchestva sodeistviya rasprostraneniyu narodnogo obrazovaniya v g. Stavropole. (*Historical background to the 25-year anniversary society for the dissemination of public education in the city of Stavropol*). Stavropol', 1913. 102 p. (In Russian).
8. Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya. (*Materials for the study of the Stavropol region*). Issue 11. Stavropol', 1964. 320 p. (In Russian).
9. Obozrenie deyatel'nosti Stavropol'skogo bratstva sv. ravnoapostol'nogo kn. Vladimira s 25 aprelya 1888 g. po 1 yanvarya 1891 g. Stavropol'. (*Review of the activities of the Stavropol Brotherhood of St. the Apostles kn. Vladimir with 25 April 1888 year on 1 January 1891 year*). 1891. 85 p. (In Russian).
10. Pravoslavnye russkie obiteli. (*Russian Orthodox monastery*). St. Peterburg, 1994. 560 p. (In Russian).
11. Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. (*Stavropol eparchial sheets*). 1913. №11. (In Russian).
12. Stavropol'skoe meditsinskoe obshchestvo. (*Medical society in Stavropol*). Stavropol', 1888. 220 p. (In Russian).

13. Stavropol'skoe eparkhial'noe tserkovno-arkheologicheskoe obshchestvo v pervom desyatiletii svoego sushchestvovaniya i deyatel'nosti. (*Diocesan church-archeological society in the first decade of its existence and activities in Stavropol*). Stavropol', 1905. 87 p. (In Russian).
14. Trudy Stavropol'skogo obshchestva dlya izucheniya Severo-Kavkazskogo kraya v estestvenno-istoricheskom, geograficheskom i antropologicheskom otnosheniyakh. (*Proceedings of the society for the study of Stavropol North Caucasus Krai in natural-historical, geographical and anthropological relations*). St. Peterburg, 1913. Issue 2. 98 p. (In Russian).
15. Ustav shkoly obuchennykh sidelok pri obshchestve vrachei g. Stavropolya. (*Charter School trained nurses in Stavropol physicians society*). Stavropol', 1905. 45 p. (In Russian).
16. Fedorov S. M. Vydayushchiisya issledovatel' Kavkaza Nikolai Yakovlevich Dinnik // Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya (*Materials for the study of Stavropol Krai*). Issue 5. Stavropol', 1953. 342 p. (In Russian).

УДК 94(470.6).084.8

Н. И. Медвенский

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГОРАХ АБХАЗИИ В ХОДЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг. МАРУХСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. II ЭТАП

В статье рассматриваются предпосылки, общий ход и итоги второго этапа боевых действий на Марухском операционном направлении в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг., состав и численность советских и немецких войск, а также специфика ведения войны в горных условиях. Благодаря возросшему воинскому искусству солдат и офицеров группы войск Марухского направления, планы противника по прорыву в долину р. Чхалта и далее к г. Сухуми, потерпели неудачу. По мнению автора, срыв немецкого наступления на данном участке высокогорного фронта явился важным тактическим успехом советского командования и в значительной мере способствовал окончательному провалу операции «Edelweiss».

Ключевые слова: Абхазия, Битва за Кавказ, Марух, Черное море, «Эдельвейс».

N. I. Medvenskiy

COMBAT OPERATIONS IN MOUNTAINOUS AREAS OF ABKHAZIA DURING THE BATTLE FOR THE CAUCASUS OF 1942–1943. MARUKH DIRECTION. II STAGE

The article touches upon the preconditions, general course and the outcome of the second stage of combat operations in Marukh direction during the battle for the Caucasus of 1942-1943, the composition and size of Soviet and German forces as well as the specifics of warfare in mountainous terrain. Due to generalship of soldiers and officers of the troop of forces of Marukh direction plans of the enemy to break through the Chkhalta river valley and farther to Sukhum was failed. According to the author the failure of the German offensive in this alpine front sector was an important tactical success of the Soviet command and largely contributed to the total failure of the Operation Edelweiss.

Key words: Abkhazia, the Battle of the Caucasus, Marukh, the Black Sea, «Edelweiss».

Оборона перевалов Главного Кавказского хребта является важнейшим эпизодом битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Одним из главных участков высокогорного фронта стало Марухское направление, на котором советские войска противостояли частям 1-й немецкой горнострелковой дивизии «Edelweiss» (далее – ГСД), входящей в состав 49-го горно-

стрелкового корпуса (далее – ГСК). В ходе первого этапа боевых действий командование 46-й армии Закавказского фронта направило 808-й и 810-й стрелковые полки (далее – СП) 394-й стрелковой дивизии (далее – СД) 3-го стрелкового корпуса (далее – СК) на пер. Марух (2739 м), поставив задачу: по северным склонам Главного Кавказского хребта (далее – ГКХ) через долину р. Аксаут выйти к пер. Клухор, нанести удар по наступающим на данном участке фронта частям 1-й ГСД «Edelweiss» и сбить немцев с перевала. После ожесточенных боев, продолжавшихся с 27 по 31 августа, атакующие понесли большие потери и были вынуждены отступить на исходные позиции [5, с. 71–76].

Устранив угрозу, сложившуюся в результате советского прорыва в долину р. Аксаут, немецкое командование приступило к захвату пер. Марух. В то время как долиной р. Маруха к перевалу подходил 1-й горнострелковый батальон (далее – ГСБ) 98-го горнострелкового полка (далее – ГСП) 1-й ГСД «Edelweiss», 3-я и 4-я горнострелковые роты (далее – ГСР) 2-го высокогорного батальона (далее – ВГБ) этой же дивизии в ночь с 4 на 5 сентября через г. Марух-Баши скрытно зашли в тыл советской группировке на пер. Марух. «Русские укрепления на перевале были отлично оборудованы, каждый пулемет и каждый миномет был полностью укрыт (…) – свидетельствовал немецкий историк, ветеран боевых действий на Кавказе в 1942–1943 гг. А. Бухнер. – Однако поскольку Советы обосновались преимущественно в низине севернее перевала, будучи уверенными, что немецкая атака придет с севера, то оказались в неравном положении с господствующими на высоте атакующими» [16, с. 9].

В 5.00 5 сентября командир 2-го ВГБ 1-й ГСД «Edelweiss», майор П. Бауэр приказал 3-й ГСР открыть огонь и перейти в атаку. Находящийся на перевале 2-й стрелковый батальон (далее – СБ) 808-го СП (командир – капитан В. Татарашвили), организовавший оборону, был накрыт снарядами семи горных орудий 79-го горного артполка 1-й ГСД «Edelweiss», после чего с гребня г. Марух-Баши спустилась 4-я ГСР, атаковав 4-ю и 5-ю СР 2-го СБ. Действуя с господствующих высот, немцы в полной мере использовали свое тактическое преимущество и постепенно занимали позицию за позицией, в то время как защитники пер. Марух вынуждены были вести огонь отлого вверх, что существенно снижало его эффективность. В 10.30 в наступление перешел 1-й ГСБ 98-го ГСП, но к 14.00 вынужден был залечь перед фронтом советской обороны. Капитан В. Татарашвили успел подтянуть с левого фланга 6-ю СР и временно стабилизировал положение, однако к 16.00 противник усилил артиллерийский обстрел, атаковал и практически полностью уничтожил 4-ю СР. Затем огонь был перенесен на позиции 6-й СР, при этом погиб командир батальона, в обязанности которого вступил лейтенант М. Заяц. На помощь 6-й СР командир 808-го СП, майор Ш. Телия выдвинул последний резерв – роту автоматчиков и группу курсантов полковой школы, которые, однако, попали под обстрел и не смогли пробиться к окруженным. 6-я СР была уничтожена, но не отошла с занимаемых рубежей.

После этого атаке подвергся штаб 808-го СП, обороняемый полковой ротой автоматчиков под командованием лейтенанта Б. Гицба. Огонь вели все способные держать оружие, включая штабных работников, связистов, раненых и больных. «Советы держали оборону с настоящим презрением к смерти. – вспоминал А. Бухнер. – Несмотря на то, что противник был окружен и отрезан с тыла, он и в этом безнадежном положении защищался до последнего. Из низин, впадин, котловин, из-за каменных глыб, нагромождений гальки и скал раздавались выстрелы, трещали автоматы, на расстоянии ок. 150 м яростно били по атакующим пулеметы «Максим» [16, с. 10]. К этому времени 1-й ГСБ 98-го ГСП перешел седловину пер. Марух и стремился перерезать пути отхода в долину р. Марух, замкнув кольцо окружения на южных скатах перевала. После того, как погибло большинство офицеров, а минометчики израсходовали имевшийся запас мин, мелкие группы уцелевших советских воинов по изборожденному трещинами и обрывами склону начали выходить из окружения к водопаду Азырт, куда по приказу комиссара 808-го СП, майора А. Арутюнова ранее было вынесено знамя полка [10, л. 60]. Начальник штаба 810-го СП Ф. Коваленко свидетельствовал: «Судя по непрекращающимся звукам пальбы, по окровавленным бойцам, спускавшимся вниз, положение на перевале

было критическим (…) Открывшаяся картина была ужасной. Весь склон перевала был усеян трупами наших солдат, а правее перевала они срывались со скальных полок почти отвесной стены и гибли. Наши бойцы, сдав перевал, пытались организовать оборону на моренах Южно-Марухского ледника, но с правого фланга гитлеровцы вели прицельный огонь. Немецкие горные артиллеристы стреляли по отвесным скалам и крутым склонам, вызывая камнепад. Много бойцов полегло под острыми камнями, с грохотом скатывавшимися с гор, каменные осколки впивались в тела бойцов, так же, как осколки мин. Внезапно послышались крики справа от нас и мы увидели, что немцы, спустившись по Южно-Марухскому леднику, окружили здесь небольшую группу оборонявшихся и начали обстрел наших позиций. Видно было, что они хотят прорваться вниз по ущелью. Мы с трудом их сдерживали» [2, с. 278]. Попытки 810-го СП прийти на помощь 808-му СП противник сорвал минометным обстрелом Марухской тропы с фланговых высот [10, л. 60]. К 18.45 были подавлены последние очаги сопротивления. Немногим позже немцы начали продвижение на юг и укрепились в 2–3 км ниже перевальной седловины, получив возможность контролировать долину р. Марух от хребта Таймаз до ледника Карач.

По данным лейтенанта В. Якоби, являющегося адъютантом командующего штурмом пер. Марух подполковника К. Айсгрубера, советские потери на перевале составили свыше 150 убитых и 450 пленных. Было захвачено 3 крупнокалиберных и 15 ручных пулеметов, 10 ротных и 7 батальонных минометов, 36 противотанковых ружей, 360 винтовок, 75 автоматов, большое количество ручных гранат и патронов, 1 радиостанция [17, с. 61]. Реальные потери могли быть значительно выше, поскольку при подсчете погибших красноармейцев немцы не учитывали сорвавшихся со скал, провалившихся в ледяные трещины, скончавшихся от ран, обморожения, истощения, а также пленных красноармейцев-носильщиков, попавших под огонь советских войск или умерших от голода [2, с. 280]. Согласно немецким данным, возможно, заниженным, атакующие потеряли лишь 12 чел. убитыми и столько же ранеными, из чего 2-й ВГБ – 2 убитых и 3 раненых [17, с. 61].

После разгрома на пер. Марух остатки 808-го СП присоединились к 810-му СП и сосредоточились южнее водопада Азырт. Часть бойцов подверглась деморализации и разбежалась, а оставшиеся в живых офицеры предпринимали попытки организовать оборону и не допустить выхода противника в долину р. Чхалта и далее на Военно-Сухумскую дорогу. 6 сентября в расположение 808-го и 810-го СП вернулся заместитель командира 3-го СК, командующий войсками Марухского направления полковник В. Абрамов, мотивировавший свое отсутствие на передовой необходимостью установления связи со штабом 46-й армии [1, с. 171]. После ознакомления с обстановкой и подсчетом оставшихся в строю (460 чел.) было принято решение контратаковать противника. Бои на данном участке фронта продолжались в течение дня и прекратились с наступлением темноты.

Тем временем советское командование осознавало сложившуюся угрозу и предприняло ряд экстренных контрмер. 7 сентября из с. Чхалта к пер. Марух была направлена маневренная группа в количестве 180 чел., усиленная 2 минометами. В этот же день в район боевых действий прибыли 1-й СБ 107-й отдельной стрелковой бригады (далее – ОСБР) под командованием майора Н. Савичева, направленный из г. Сухуми еще до получения известий о потере перевала, а также 1-й СБ 2-го Тбилисского военно-пехотного училища под командованием капитана Заргаряна, ранее дислоцировавшийся в г. Гудаута [10, л. 61–62].

8 сентября немцы продолжали занимать высоты севернее водопада Азырт. 9 сентября подразделения 808-го и 810-го СП атаковали противника, но были отсечены от главных сил правофланговым ударом 3-й ГСР 2-го ВГБ и вышли из окружения, потеряв 11 чел. пленными. 10 сентября красноармейцы предприняли очередную попытку наступления, однако немцы обошли и почти полностью уничтожили атакующих. 11–12 сентября столкновения продолжались, при этом авиацией Черноморского флота на позиции противника были сброшены бомбы ФАБ-100, впрочем, не причинившие немцам ощутимого вреда [18, с. 125]. В этих боях советская сторона потеряла 48 чел. убитыми и 33 чел. пленными, немецкая – 2 убитыми и 3 ранеными.

Боевые действия в период с 6 по 13 сентября представляли собой последнюю попытку противника сломить сопротивление советских войск и выйти в долину р. Чхалта. Имея перед своим фронтом ослабленную, но сохранившую боеспособность советскую группировку и ощущая нарастающие трудности в снабжении, немцы отказались от намерения продолжить наступательные действия. Несмотря на высокие потери, 808-му и 810-му СП удалось остановить наступление неприятеля и несколько оттеснить его, заняв одну из высот южнее водопада Азырт. К 13 сентября группа войск Марухского направления располагалась на следующих рубежах: 810-й СП без 2-го и 3-го СБ – южнее водопада Азырт; 808-й СП без 1-го СБ – в долине р. Чхалта; 3-й СБ 810-го СП – на пер. Наур; 2-й СБ 810-го СП в кол-ве 98 чел., до 5 сентября оборонявший хребет Ужум, к исходу 10 сентября вышел из окружения и занял оборону на пер. Аданге [10, л. 111]. Во втором эшелоне находились 1-й СБ 155-й ОСБР, особый отряд НКВД №7 и маневренная группа 36-го Сухумского погранотряда.

Во второй половине сентября боевые действия развернулись за т.н. «ворота» пер. Марух – теснину, расположенную севернее водопада Азырт. Одной из ключевых позиций в районе «ворот» являлась высота, условно обозначенная на советских военных картах как выс. 1176 (имеется в виду не высотность в метрах над уровнем моря, а артиллерийские ориентиры; в действительности – 2352 м). Фланг немецкой группировки к востоку от нее был прикрыт хребтом и ледником. Опорный узел, обороняемый усиленным стрелковым взводом, находился на хребте, идущем от выс. 1176 на юго-запад и распадался на 3 малых опорных узла: №1, №2, №3. Малый опорный узел состоял из огневых точек и парных ячеек, расположенных в 25–30 м друг от друга по фронту и в глубину, образуя ярусную систему. Все они располагались в 5–10 м от основной тропы, оформленной зигзагообразной формой и срытой кирками, что позволяло осуществлять сообщение между точками в ночное время суток, в то время как при свете дня они себя не обнаруживали. Всего на левом крыле обороны противника располагалось 9 опорных узлов, в т.ч. один для 81-мм минометов, что свидетельствовало о наличии в обороне усиленной горнострелковой роты. Большинство узлов было расположено на террасах с недоступными для атакующих обрывами, при этом внутри самих узлов и между ними поддерживалась хорошая огневая связь, что позволяло скрыть от наблюдения имеющиеся в наличии огневые точки, расположенные за обратными скатами. Каждый малый опорный узел представлял из себя 5–6 замаскированных окопов для стрельбы, вырытых в грунте или выложенных из камней [8, л. 245].

Командующим группой войск Марухского направления майором С. Трониным было принято решение о проведении 26 сентября 1942 г. ночного штурма выс. 1176 силами 1-го СБ 155-й ОСБР (командир – капитан Васильев). Ударная группировка насчитывала всего 120 чел. и была разбита на 4 отряда. Отсутствовал резерв, при этом ввиду неудовлетворительной организации разведки не были вскрыты и подавлены опорные узлы №1 и №4 [15, л. 156]. Действующие на флангах подразделения не поддержали действия 1-го СБ 155-й ОСБР, который вынужден был фронтально атаковать немецкие позиции, с большими потерями занял опорный узел №3 и частично №2, но попал в огневой мешок и был истреблен фланговым огнем. К 29 сентября из строя выбыло до 80 % личного состава батальона, участвующего в операции. Остатки 1-го СБ 155-й ОСБР, несмотря на приказ отойти в расположение боевых порядков 1-го СБ 107-й ОСБР, заняли оборону в 500–600 м от т.н. «ворот» пер. Марух и удерживали данный рубеж до 2 октября [6, с. 92].

К исходу 28 сентября группа войск Марухского направления была остановлена плотным огнем и последующей контратакой, угрожавшей обходом левого фланга. 29 сентября немецкие горные стрелки при поддержке тяжелых минометов атаковали боевые порядки советских войск, в результате чего последние были вынуждены отступить. К 30 сентября суммарные потери группы войск Марухского направления составили ок. 1500 чел. [14, л. 4].

С началом октября интенсивность боевых действий на высокогорье пошла на убыль. В горах участились дожди, периодически сменяющиеся снегом. Становилось очевидным, что попытка 49-го ГСК разгромить советские войска на южной стороне ГКХ и выйти к побережью Черного моря потерпе-

ла неудачу. В этой связи 10 октября 1942 г. в г. Микоян-Шахар состоялось совещание немецкого командования с участием начальника штаба группы армий «А», генерал-лейтенанта Г. фон Грейтенберга, командующего 49-м ГСК, генерала горных войск Р. Конрада, командира 4-й ГСД, генерал-лейтенанта К. Эгльзеера и др. В ходе мероприятия обсуждались вопросы, связанные с участием ряда частей и соединений корпуса в наступлении на г. Туапсе, а также перспективы возобновления наступательных действий на перевалах ГКХ весной 1943 г. Перед командующим сводной группой войск полковником К. Ле-Суиром были поставлены задачи: определить численность, состав и места дислокации ограниченного контингента немецких горнострелковых частей на перевалах ГКХ, организовать систему снабжения и предпринять меры организационно-технического характера по подготовке войск к зиме на высокогорье.

К середине октября группа войск Марухского направления продолжала находиться на занимаемых рубежах, предпринимая попытки наступления. Боевые действия развернулись за контроль над высотой, условно обозначенной на карте как выс. 1316. Укрепившиеся здесь немецкие горные стрелки вели огонь по тыловым коммуникациям 810-го СП, угрожая фланговым обходом советской обороны. 5 октября 810-й СП и 1-й СБ 107-й ОСБР развернули боевые действия, продолжавшиеся до 12 октября. В морозную ночь с 12 на 13 октября советские штурмовые группы, поддерживаемые огнем минометной роты, начали подъем по засыпанным снегом крутым склонам высоты. К 10.00 13 сентября атакующие потеснили противника и закрепились на северо-западных склонах выс. 1316 [10, л. 199]. Из 200 солдат и офицеров, принимавших участие в штурме, советская сторона потеряла 188 чел. убитыми, ранеными и обмороженными [3, с. 163].

18 октября в окрестностях пер. Марух прошел обильный снегопад. 21 октября командование 46-й армии Закавказского фронта отдало приказ о переходе группы войск Марухского направления на зимний план обороны, возлагавшейся на 810-й СП с 5-й артбатареей 956-го ап, 11-й и 12-й отдельные горнострелковые отряды (далее – ОГСО) [9, л. 56–57]. 1-й СБ 107-й ОСБР был отведен в район Летнего Коша и находился в готовности проследовать в район с. Чхалта, куда уже двигался 1-й СБ 155-й ОСБР. Произвел передислокацию своих сил и противник, который 21 октября группами по 10–15 чел., минируя тропы, начал отход с занимаемых рубежей к вершине пер. Марух. 25 октября стрелковая рота 810-го СП заняла оставленную немцами выс. 1176 [11, л. 142–143].

С окончательным приходом зимы начались сходы лавин, обрушивающихся на личный состав. Это нередко приводило к гибели или травмированию солдат и офицеров. Так, во время спуска с выс. 1316 под завал попала 4-я СР 810-го СП, в результате чего были засыпаны снегом 41 чел. [10, л. 226]. 28 октября 1942 г. начальник штаба Оперативной группы по обороне перевалов, полковник А. Булыга в донесении командующему войсками Закавказского фронта сообщал, что войска 46-й армии оказались неподготовленными к зиме и понесли высокие потери от обморожений. По неполным данным, на 27 октября 1942 г. в войсках Эльбрусского направления было обморожено 160 чел. и замерзло 22 чел.; в войсках Клухорского направления обморожено 55 чел.; в войсках Марухского направления обморожено 306 чел. и замерз 1 чел.; в войсках Белореченского направления обморожено 8 чел. и замерзло 6 чел.; в войсках Санчарского направления обморожено 359 чел. и замерзло 3 чел. В качестве основных причин обморожения А. Булыга указывал на: «а) Недостаточное снабжение войск полушубками, валенками, средствами, предохраняющими от обмораживания и запасного обмундирования, наличие которого позволяло бы просушивать намокшее от дождя и снега; б) Отсутствие своевременных мероприятий со стороны командования 46-й армии, соединений и частей, направленных к предупреждению обмораживания» [7, л.110].

Из-за участившихся буранов и метелей связь между передовыми частями и штабом группы войск Марухского направления оказалась нарушена. Горные тропы были засыпаны снегом, вьючный подвоз теплой одежды, продовольствия, боеприпасов задерживался либо прекратился [10, л. 224]. Остро ощущался дефицит продуктов, в результате чего вынужденно сократился дневной рацион питания (в отдельных частях и

подразделениях – две кружки чая и несколько сухарей на 1 человека в день). Для доставки продуктов питания, медикаментов и обмундирования в высокогорные районы, в т.ч. и на Марухское направление, из состава 763-го легкобомбардировочного полка 5-й воздушной армии и 8-го отдельного полка Гражданского воздушного флота было выделено 70 легкомоторных самолетов У-2 и Р-5, а также двухмоторные самолеты АНТ-9 и ПС-7, доставлявшие на высокогорье путем сбрасывания теплые полушубки, валенки, шапки-ушанки, ватные штаны, шерстяные носки, консервы, сухари, крупы, копченый сыр, селедку, шоколад, махорку, спирт и др.

К началу ноября трудности в снабжении советских войск на высокогорье были преодолены. В ущелье р. Марух были построены склады, в которых хранилось зимнее обмундирование, продовольствие, воинское снаряжение. В подразделениях готовились горячие обеды, при этом каждому бойцу выдавалось 100 гр. водки в сутки, а в рацион разведчиков и автоматчиков входил еще и шоколад. Солдаты, несшие караульную службу, имели при себе химические шашки, с помощью которых разогревали в резиновых грелках воду, помогавшую переносить морозы и метель. На высокогорных заставах, расположенных в непосредственной близости от пер. Марух, были установлены железные печи-времянки с трубами.

В конце октября в район боевых действий из г. Сухуми воздушным путем была переброшена полевая хлебопекарня и отделение пекарей. Рядом был сооружен склад-землянка для хранения муки, к которому осуществлялся регулярный поднос дров и воды. Важным событием в повседневной жизни бойцов явилось также строительство бани, расположенной в ущелье р. Марух. В целях маскировки небольшое деревянное строение было завалено снегом и не просматривалось немецкими самолетами [4, с. 212].

Немцы периодически вели по расположению группы войск Марухского направления беспокоящий огонь. Так, «… с 20.00 до 20.45 1.12.42 с перевала Марух (противник – *Н. М.*) безрезультатно обстрелял наши части, выпустив 248 мин» [13, л. 189]. Плотный ружейно-пулеметный и минометный обстрел рубежей, занимаемых 810-м СП, был произведен в ночь с 31 декабря 1942 г. на 1 января 1943 г. [12, л. 20]. 4 января обстрел повторился.

К началу 1943 г. стратегическая обстановка на южном фасе советско-немецкого фронта благоприятствовала началу масштабного контрнаступления Красной Армии. Войска Сталинградского фронта (1 января 1943 г. переименован в Южный фронт) вышли на рубеж Лозной–Приютное и создали угрозу окружения всей немецкой группировки на Кавказе в случае прорыва к г. Ростову-на-Дону. 3 января был освобожден г. Моздок, 4 января – г. Нальчик. Дальнейшее удержание немцами перевалов ГКХ теряло смысл, поскольку угрожало находящимся там подразделениям изоляцией и последующим уничтожением. В сложившихся условиях А. Гитлер согласился произвести планомерный отход группы армий «А» на новые рубежи обороны в районе г. Краснодара.

8–10 января противник эвакуировал и уничтожал свои базы в ущельях рек Маруха и Кызгыч. 10 января на пер. Марух было отмечено движение мелких групп неприятеля, а в ночь на 11 января – взрывы складов, землянок и дзотов [12, л. 57]. Затем последние немецкие заслоны покинули пер. Марух и Аксаут [13, л. 242]. 14 января советская разведгруппа достигла вершины перевала, не обнаружив на ней противника [12, л. 39–39 об.]. Спустя три дня саперы 810-го СП приступили к работе по разминированию горных троп и оставленных немцами инженерных сооружений, а сам полк получил приказ прибыть в г. Сухуми. Горная война на перевалах ГКХ подошла к концу.

Таким образом, в ходе второго этапа боевых действий на Марухском направлении немецкие горнострелковые подразделения овладели пер. Марух и продвинулись на 4–5 км к югу от него. Советскому командованию удалось провести ряд организационных мероприятий по восстановлению боеспособности понесших большие потери частей и соединений, задействовать резервы и в ходе упорных боев сорвать планы противника по выходу на Военно-Сухумскую дорогу и далее к побережью Черного моря. Мужество, стойкость и героизм солдат и офицеров группы войск Марухского направления, проявленные при защите Отечества, способствовали благоприятному для СССР завершению битвы за Кавказ 1942–1943 гг. и явились еще одним шагом на пути к Великой Победе.

Источники и литература

1. Абрамов В. Л. На ратных дорогах. М.: Воениздат, 1962. 240 с.
2. Алиев К.-М. И. В зоне «Эдельвейса». Ставрополь: Илекса: Сервисшкола, 2005. 368 с.
3. Аникеев А. А., Линец С. И., Януш С. В. Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2015. 518 с.
4. Гнеушев В. Г., Попутько А. Л. Тайна Марухского ледника. М.: Советская Россия, 1966. 358 с.
5. Медвенский Н. И. Боевые действия в горах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Марухское направления. I этап // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. № 1. Ставрополь, 2016. 229 с.
6. Пачулия В. М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Сухум: ГПП «Дом печати», 2015. 232 с.
7. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 209. Оп. 1063. Д. 689.
8. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 31.
9. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 40.
10. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 51.
11. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 56.
12. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 57.
13. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 111.
14. ЦАМО РФ. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 112.
15. ЦАМО РФ. Ф. 1983. Оп. 1. Д. 3.
16. Buchner A. Angriff in 3000 m Hohe // Der Deutsche Soldat. 1959. № 1. P. 7–11.
17. Jakobi W. Kriegstagebuch. Jugend im Krieg. 1940–1945. Stuttgart, 1995. 148 p.
18. Kaltenegger R. Gebirgsjager im Kaukasus: die Operation «Edelweiss» 1942/1943. Stuttgart, 1997. 287 p.

References

1. Abramov V. L. Na ratnykh dorogakh (*On the war ways*). M.: Voenizdat, 1962. 240 p. (In Russian).
2. Aliev K.-M. I. V zone «Edel'veisa» (*In the "Edelweiss" zone*). Stavropol': Ileksa: Servisshkola, 2005. 368 p. (In Russian).
3. Anikeev A. A., Linets S. I., Yanush S. V. Bitva za Kavkaz v issledovaniyakh, dokumentakh i fotomaterialakh (*The Battle for the Caucasus in issues, documents and photos*). Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2015. 518 p. (In Russian).
4. Gneushev V. G., Poput'ko A. L. Taina Marukhskogo lednika (*The mistery of the Marukh glacier*). M.: Sovetskaya Rossiya, 1966. 358 p. (In Russian).
5. Medvenskii N. I. Boevye deistviya v gorakh Abkhazii v khode bitvy za Kavkaz 1942–1943 gg. Marukhskoe napravlenie. I etap (*Combat operations in mountainous areas of Abkhazia during the Battle for the Caucasus of 1942-1943. Maruch direction. I stage*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Nauchno-teoreticheskii zhurnal. № 1. Stavropol', 2016. 229 p. (In Russian).
6. Pachuliya V. M. Abkhaziya v Velikoi Otechestvennoi voine (1941-1945 gg.) (*Abkhazia in the Great Patriotic War (1941-1945)*. Sukhum: GPP «Dom pechati», 2015. 232 p. (In Russian).
7. The Central Archives Ministry of Defence of the Russian Federation (TsA MO RF). F. 209. Op. 1063. D. 689. (In Russian).
8. TsA MO RF. F. 401. Op. 9511. D. 31. (In Russian).
9. TsA MO RF. F. 401. Op. 9511. D. 40. (In Russian).
10. TsA MO RF. F. 401. Op. 9511. D. 51. (In Russian).
11. TsA MO RF. F. 401. Op. 9511. D. 56. (In Russian).
12. TsA MO RF. F. 401. Op. 9511. D. 57. (In Russian).
13. TsA MO RF. F. 401. Op. 9511. D. 111. (In Russian).
14. TsA MO RF. F. 401. Op. 9511. D. 112. (In Russian).
15. TsA MO RF. F. 1983. Op. 1. D. 3. (In Russian).
16. Buchner A. Angriff in 3000 m Hohe (*Attack at 3000m altitude*) // Der Deutsche Soldat (*The German soldier*). 1959. No. 1. P.7–11. (In German).
17. Jakobi W. Kriegstagebuch. Jugend im Krieg. 1940–1945 (*War Daybook. Youth in war. 1940–1945*). Stuttgart, 1995. 148 p. (In German).
18. Kaltenegger R. Gebirgsjager im Kaukasus: die Operation «Edelweiss» 1942/1943 (*Mountain hunters in the Caucasus: Operation «Edelweiss» 1942/1943)*. Stuttgart, 1997. 287 p. (In German).

УДК 94 (470.6) “18”

С. С.-А. Мутаев

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В ПРОМЫШЛЕННОМ РАЗВИТИИ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЧЕЧНИ И ИНГУШЕТИИ

Статья посвящена развитию народных промыслов на территории Чечни и Ингушетии в 60-80-е гг. XIX в. Прослеживаются пути и варианты приспособления традиционных кустарных производств к рыночным условиям, которые постепенно приникали в горскую среду после вовлечения Северного Кавказа в состав Российской империи. В Чечне и Ингушетии появляются небольшие производства, ориентировавшиеся на запросы рынка. Они закладывали фундамент для развития предприятий капиталистического типа, использовавших наемный труд. Кустарные производства, которые сумели приспособиться к рыночным условиям, вынуждены были пройти значительную трансформацию, чтобы сохранить шансы на существование.

Ключевые слова: экономическая интеграция, Северный Кавказ, Российская империя, кустарные производства, капиталистическое производство.

S. S.-A. Mutaev

COMBAT OPERATIONS IN MOUNTAINOUS AREAS OF ABKHAZIA DURING THE BATTLE FOR THE CAUCASUS OF 1942–1943. MARUKH DIRECTION. II STAGE

The article is dedicated to the development of the folk trades on the Chechen and Ingush territory in the 60–80s of the XIX century. The ways and variants of adaptation of traditional home-industries are traced to the market trade, which gradually spread in the mountain environment after North Caucasus joined the Russian Empire.

Small productions oriented on market demand appeared in Chechen and Ingush. They laid the foundation for enterprises of the capitalist type, used the hired labour. Home industries, which adapted themselves to the market trade were forced to be transformed, to have chance of existence.

Key words: economic integration, North Caucasus, the Russian Empire, home-industries, capitalist industry, market demand.

В 60–80-х гг. XIX века происходило не просто развитие тех или иных отраслей промысловой деятельности на Северо-Восточном Кавказе, но совершалась экономическая интеграция местных (коренных) народов Северного Кавказа в структуру экономической системы Российской империи. Этот процесс не был прямым и гладким. На этом пути имелось немало негативных последствий, но был и позитив, который, в конечном счете, обеспечил дальнейшее экономическое развитие региона в целом на новых социально-экономических основаниях (рыночных), к которым Северо-Восточный Кавказ постепенно приспосабливался, вплетаясь в общую канву экономического развития Российской империи пореформенного периода. Все тенденции, которые были характерны для промышленного развития России в той или иной мере постепенно получали отображение в северокавказском регионе.

В то же время, необходимо отметить, что стартовые позиции состояния местной северокавказской промышленности значительно уступали по уровню своего развития и структуре многим губерниям России. По существу на Северном Кавказе до окончания Кавказской войны промышленности в классическом понимании не существовало, если не считать кустарных промыслов [11, с. 92].

Вследствие того, что в крае долгое время не было объективных условий для становления машинной промышленности, отсутствовало не только машинное производство как таковое, но даже мануфактурная промышленность находилась в зачаточном состоянии.

Особенностью функционирования местной северокавказской экономики было то, что она представляла собой хозяйственную систему традиционного типа и которая умела удовлетворять, прежде всего, местные потребности.

Кустарные производства, между тем, в регионе имели давние традиции и были связаны с переработкой произведений сельского хозяйства. Однако они хоть и имели давнюю традицию, долгое время не могли достигнуть промышленного значения и масштабов. До распространения среди горцев капиталистического духа, количество ремесел и объемы домашнего производства ограничивались необходимыми нуждами семьи и потребностями близкой округи. С проникновением в горы товарно-денежных отношений производство стало обусловливаться потребностями рынка, который значительно увеличился за счет нарождавшегося платежеспособного спроса и обновления потребностей. Горские промыслы стали приобретать расширенный товарный характер, а сбыт выходил за пределы прежних обыкновений. Одновременно часть из них либо перестала существовать, либо претерпела значительные перемены, подстраиваясь под запросы рынка.

Домашними промыслами большей частью занимались жители гор. Среди домашних промыслов видное место занимали те, которые использовали в качестве сырья кожи и шесть. Из кожи изготавливали обувь, конскую сбрую, ремни, воловьи упряжи, походные вещевые мешки, а из овчины шили тулупы, шубы и папахи [1, с. 7]. Все предметы кустарного производства шли на домашние надобности, и только часть из них сбывалась в ближайших к горным селениям местечках и городах [12, с. 394].

В Чечне обработкой шерсти, главным образом, занимались женщины. Изделия из шерсти имели достаточно высокое качество. Мастерицы изготавливали ковры, домотканые сукна, башлыки, паласы, чулки, хурджины, войлоки, бурки. Большой и традиционный спрос способствовал производству войлочных ковров, которые были обязательным атрибутом чеченского жилища.

Сукно в Чечне и в Ингушетии производилось повсеместно. Особенно славились домотканые сукна, выделанные в селениях Базоркино, Ведено, Ножай-Юрт, Харачой, Яндырка. Из этого сукна шили черкески, башлыки, казачьи виц-мундиры, шаровары [19, с. 38–39]. В то же время постепенно производство домотканого сукна сокращалось из-за конкуренции с более дешевыми тканями фабричного производства, привозимыми из центральных губерний России. К концу XIX века выделка сукон сохранялась только в отдаленных горных селениях.

Широкую известность имели бурки, выделанные в селениях Белгатой и Старый Юрт [1, с. 10]. В последнем селении бурочным производством занималось до 25 % жителей [10, с. 30]. Столь широко развитое производство не могло быть обеспечено достаточными объемами местного сырья и требовало внешних поставок. Шерсть в Старый Юрт привозили ингуши или уроженцы селений Малой Чечни [6, с. 137].

Много производство бурок в Чечне приблизительно равнялось 7400 штук на сумму в 73300 рублей. На их производство шло до 3400 пудов черной овечьей шерсти [10, с. 33]. В 1881 г. бурочным промыслом в Чечне уже занималось до 500 семей с общим количеством работниц, насчитывавшим 1230 человек [13, с. 23].

Изготовление бурок было многотрудным ремеслом, «требующим коллективного труда 4–8 работниц» [5, с. 81]. За год работы они могли изготовить от 15 до 25 бурок, при том, что (в зависимости от качества сырья) каждая бурка могла стоить от 3–7 до 50 рублей [10, с. 27–30; 13, с. 23].

Бурки стоимостью 50 и более рублей изготавливались на заказ из высококачественной шерсти и занимали один месяц напряженной работы. Доход семей, занимавшихся бурочным ремеслом, составлял в среднем 67 рублей в год [9, с. 89].

Бурки, изготовленные в чеченских селениях, в силу того, что выщелачивались в минеральных источниках, отличались легкостью и тонкостью выделки, придававших им отличные потребительские качества, влияя на цены при продаже [9, с. 89].

В то же время из-за отсутствия налаженной местной логистики, а также из-за от-

сутствия у горцев достаточного количества гужевого транспорта, мастера бурочного производства не могли получить хорошие рыночные цены за свою продукцию. Этим пользовались перекупщики, которые скупали бурки в чеченских селениях и продавали их в станицах Терского Казачьего войска, а так же с выгодой развозили их по ярмаркам во Владикавказ, Екатеринодар, Кизляр и другие города [10, с. 36].

Чеченские селения Атаги, Брагуны, Дарго, Давлет-Гирей-Юрт, Хаджи-Аул были прославлены изделиями из металлов. Там производили орудия труда, металлическую посуду, военные доспехи и оружие – шашки и кинжалы. Один из современников сообщал, что в годы Кавказской войны оружейники были почти в каждом чеченском селении [16, с. 47]. Оружейное производство, достаточно развитое в первой половине XIX века, после окончания Кавказской войны значительно сократилось. Производство огнестрельного оружия вовсе было запрещено имперским правительством, а холодное, хоть и продолжало изготавливаться, но производилось в весьма ограниченном количестве. Власти весьма опасались сохранения почвы для местных инсургентов, каковыми выступали горские абреки. Потому принимались меры по разоружению местного горского населения, в то время как данные запреты почти не касались казачьего населения Терской области.

Н. П. Гриценко отмечал, что больше всего оружейных дел мастеров было сосредоточено в Сунжеском отделе и Грозненском округе. Из 208 мастеров-оружейников Терской области на указанные районы приходилось 59 человек. Они выпускали разнообразных оружейных изделий на сумму 9664 рублей [7, с. 189].

Оружейники из селений Старые Атаги и Урус-Мартан Грозненского округа владели уникальными технологиями закалки лезвий кинжалов, шашек и ножей. Однако существенное сокращение заказов на их изделия вынудило горских оружейников переориентировать свою деятельность в сторону рынка, изменить номенклатуру изделий согласно рыночному спросу, но сохранять их высокое качество.

О. В. Маргграф отмечал, что изготовленные в Чечне ножи отличались отменною закалкою и прочностью, что обеспечивало им конкурентное преимущество даже в сравнении с фабричными изделиями. Исследователь отмечал: «Эти ножи охотно покупаются местным русским населением и предпочитаются ввозному фабричному товару из России и даже из Англии» [10, с. 288]. Высокие потребительские качества изделий горских оружейников позволили им сохранять свой промысел, хотя и в измененном виде.

Много было мастеров по художественной обработке металлов – серебру и золоту. Изготовлялись серебряные бляхи для поясов, газыри, женские украшения, многие из которых «отличались изяществом вкуса» [14, с. 367]. Во второй половине XIX века на территории Чечни и Ингушетии работали 54 мастера-ювелира [5, с. 80]. В их мастерских производилась обработка рукояток ножей и кинжалов, изготовлялась дорогая сбруя для лошадей, женские пояса, серьги, браслеты, нагрудники. Изделия из серебра и золота обладали не только поражавшей современников оригинальностью и красотой, но и гарантировали им исключительное положение на рынке. По мнению Г. А. Вертепова: «Их оригинальная ручная работа гарантирует им исключительное положение вне всякой конкуренции на рынке; исключительная прочность огневой позолоты, кавказская «чернь» и своеобразная узорчатая резьба резко выделяют их из общей массы однородных изделий» [2, с. 25].

Постепенно теряло свои позиции кузнечное ремесло, которое вытеснялось из широкого обихода в равнинной части Чечни, но продолжало существовать в высокогорных районах, отдаленных от железных дорог и торговых центров. Местные кузнецы производили плуги, серпы, подковы, топоры, лопаты, мотыги и др. Их значимость вырастала в летние месяцы во время земледельческих работ [19, с. 60]. Таких кузнечных дел мастеров в Чечне к 1889 г. насчитывалось 225 человек [13, с. 25].

Что касается Ингушетии, то там, в равнинных районах, кузнечное дело долгое время противостояло натиску фабричных изделий, которые либо не покрывали существующих потребностей, либо были дороги или не отвечали сложившейся местной традиции.

В равнинных селениях Ингушетии в среднем приходилось до двух-трех практиковавших кузнечных дел мастеров. В Экажево было 2 кузнеца, в Насыр-Корте – 3, Базоркино – 3 [5, с. 79].

В то же время большинство кузнецов равнинной Чечни выказали большую изворотливость и приспособляемость к изменению ситуации. В виду отсутствия ремонтного сопровождения для большинства сельскохозяйственных машин фабричного производства, применявшихся в зажиточных хозяйствах, некоторые местные умельцы видоизменили свою деятельность и научились устранять неизбежные поломки молотильных машин или сеялок [2, с. 14].

Процесс присутствия российского капитала на Северном Кавказе не был однозначным и наряду с вытеснением и исчезновением ряда традиционных для гор промыслов, «отдельные виды ремесленного производства горцев видоизменялись, находили новые рынки сбыта, пытались приспособиться к новым экономическим условиям» [5, с. 78].

Важным направлением домашнего кустарного производства в Чечне и Ингушетии оставалась деревообработка. Большое количество и разнообразие лесных пород давало возможность местным мастерам изготавливать из дерева предметы бытовой утвари, сельскохозяйственные орудия, средства передвижения. Мастера вывозили на базары Владикавказа арбы, деревянные колеса, оглобли, бочки, молотильные доски, мельничные желоба, ободья, ступицы. Кроме того, номенклатура привозимых товаров предполагала столы, блюда, чашки, ложки, сундуки [10, с. 229].

Лесной промысел был наиболее развит в Аргунском и Введенском округах Терской области. Общие доходы и расходы казны от лесов Терской области в 1875 г. по официальной статистике составляли соответственно 20 232 руб. 98 коп. и 12 822 рублей [12, с. 376].

Однако деревообработка, несмотря на свой давний и традиционный характер, постепенно утрачивала свое значение, лишившись перспективы роста из-за убыли лесных угодий и правительственных ограничений на лесопользование.

Чеченские и ингушские гончары, используя местные сорта разноцветной глины, изготавливали высококачественные керамические изделия. Они предлагали покупателям кувшины, горшки, чаши, кружки отличного обжига, сосуды для хранения зерна и жидкостей. Больше всего гончаров сосредоточивалось в селениях Курчалой, Майортуп, Новый Юрт, Старый Юрт, Шали.

О. В. Маргграф отмечал не только изящество и отличное качество изделий горских гончаров, но подчеркивал обстоятельства, которые обеспечивали их изделиям прочный спрос: горцы обладали своеобразными технологиями, позволявшими им лучше русских обжигать глиняную посуду и покрывать их «поливою» [10, с. 68]. Чеченские гончары, например, из селения Шали (М. Хизроев), в год могли заработать своим ремеслом чистого дохода до 120 рублей [19, с. 39].

Новые условия существования в рыночных отношениях, однако, не были благоприятными для гончарного ремесла. Постепенное насыщение края более дешевой фабричной продукцией, резко снизили спрос на посуду ручной выделки. В 70-х гг. гончарный промысел стал соединяться с кирпично-черепичным и к концу XIX века «гончарный промысел слился с новым кирпично-черепичным» [5, с. 80] промыслом окончательно. В Сунженском отделе и Грозненском округе в 1897 г. насчитывалось соответственно 13 и 8 предприятий, выпускавших черепицу [18, с. 92]. Чистый доход в этом промысле достигал до 100 рублей на семью в год [9, с. 92].

Возникавшие в Чечне и в Ингушетии предприятия по переработке продуктов земледелия, хотя и ориентировались на рыночный спрос, были небольшими, сохраняли полукустарный характер и обслуживали первоначально местных потребителей.

Наиболее распространенным видом таких производств были водяные мельницы, которых было по нескольку штук в каждом равнинном селении, а всего во второй половине века их насчитывалось до 1098 штук [17, с. 20].

Среди общего количества маломощных производств выделялись относительно (по местным меркам) крепкие производства зажиточных крестьян и купцов, моловших зерно для продажи муки на базарах Хасавюртовского округа и в других местах.

А. Г. Горчханова выделяет среди таких предпринимателей Салгу Ирисханова, жителя селения Ялхой-Мохк, мельница которого производила в сутки помол 540 пудов кукурузы; жителя селения Гиляны Магомеда Мисербиева, владельца 3-х водяных мельниц с общей суточной производительностью 1215 пудов. Кроме того, заметными фигурами местного мукомольного промысла были Урусбий Гандауров из селения Айты-Мохк, Бейбулат Акиев и Гурисхан Эмирзаев из се-

ления Герменчук [5, с. 83]. Эти предприниматели снабжали мукой не только местные базары, но вывозили её за пределы края.

Мельничное производство получило значительный импульс к развитию в связи с развитием товарного земледелия в крае и к концу XIX века в Чечне появляются паровые мельницы с высокой суточной производительностью. В начале XX века усовершенствованные паровые мельницы строятся в селениях Ачалук, Кень-Юрт, Назрань, Старый-Юрт [7, с. 216].

Помимо мельничного производства развитие товарного сельского хозяйства способствовало появлению массы мелких предприятий по переработке продуктов животноводства: маслобоен, кожевенных, салотопных, свечных и мыловаренных заводов [3, с. 337].

Давним промыслом чеченцев и ингушей была нефтедобыча. Нефтяные колодцы располагались вдоль берегов рек Сунжи и Терека [4, с. 25]. С окончанием вооруженного противостояния и укрепления позиций России в регионе для развития нефтедобычи складывались благоприятные условия, что потребовало наладить широкую изыскательскую работу.

Поиски нефти и рытьё колодцев велись в окрестностях Грозного, у селений Новые и Старые Алды, Старосунженское, Алхан-Кала, Старый Юрт, Новый Юрт, в притеречных районах Чечни и Ингушетии. Издавна были известны месторождения Беноевское, Дылымовское, Исти-Суйское, Чанты-Аргунское, Карабулакое [8, с. 35].

Стимулирующим фактором становится то обстоятельство, что в России активно развивалось керосиновое освещение улиц и домов. Эта новация постепенно укоренялась на Кавказе. Откупщики грозненских промыслов всячески содействовали этой новации. Они стали продавать керосин местным жителям, что значительно расширило рынок сбыта продуктов нефтепереработки.

Нефтедобыча весьма долгое время велась самым примитивным колодезным способом. За 60 лет (1833–1893 гг.) из грозненских колодцев было вычерпано 3479000 пудов сырой нефти. Из этого количества добытой нефти 61,2 % приходилось на последние 8 лет (1886–1893 гг.) [15, с. 95].

Развитию грозненской нефтедобычи препятствовали несколько факторов: конкуренция нефтяной промышленности в Баку, занимавшем более удобное местоположение, поскольку прямой выход в Каспийское море открывал широкие возможности для организации дешевых перевозок нефтепродуктов и сырой нефти водным транспортом.

Другим немаловажным обстоятельством отставания развития грозненской нефтедобычи было то, что вплоть до 1917 г. основные месторождения нефти в Грозненском районе находились на территории Терского казачьего войска, что препятствовало проникновению частнопредпринимательского капитала. Казаки были более заинтересованы не в модернизации промыслов, а в получении стабильных доходов, которые они получали за счет ренты с откупщиков [15, с. 96].

В других районах Чечни и Ингушетии добыча нефти была незначительной. Из Карабулакских колодцев добыли в 1890 г. около 1500 пудов нефти, в то время как Брагунские колодцы постоянно снижали добычу: в 1857 г. – 11535 пудов, в 1889 г. – 400 пудов. Такая же тенденция прослеживалась и в Беноевском месторождении: в 1869 г. – 2362 пуда, а в 1889 г. только 328 пудов сырой нефти [8, с. 37].

Для начальной стадии проникновения капиталистических отношений в сферу нефтедобычи и нефтепереработки Северного Кавказа была характерна откупная система её организации, что являлось обыкновением для мировой практики. Так откупная система в нефтедобыче Европы и США просуществовала до середины XIX века, а в Латинской Америке или Азии – до середины XX века. В нефтедобыче Российской империи система откупов была различной по продолжительности существования для различных регионов. В Баку откупа были отменены уже в 1872 г., тогда как на землях Кубанского и Терского казачеств – только в 1894 году

В пореформенный период в Чечне и Ингушетии происходит появление и рост небольших производств, откликавшихся на запросы рынка, которые закладывали фундамент для развития предприятий капиталистического типа, использовавших наемный труд. Местные ремесленные отрасли в большинстве своем не выдержали конкуренции с фабрично-заводской промышленностью России, исчезли вовсе или сохранялись только в селениях отдаленного высокогорья. Те же кустарные производства, которые сумели приспособиться к рыночным услови-

ям, вынуждены были пройти значительную трансформацию, чтобы сохранить шансы на существование. Такие производства переросли либо в ремесла, либо в мануфактурные заведения.

Процесс вхождения северо-восточной части Кавказа в систему рыночного капиталистического производства, который внедряла в крае Российская империя, вынуждал успешно развивавшиеся промыслы выходить за пределы традиционного существования, что вело к переселению горских мастеров в губернские города Кавказского края и выезду их в столичные города России. Этот процесс был растянут во времени, но уже оформился в качестве устойчивой тенденции к началу XX века.

Источники и литература

1. Бакашов А. В. Социально-экономическое положение Чечни в 60–70-е гг. XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып.5. 2012. С. 6–21.
2. Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. – Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1897. Вып. 4.
3. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского Военного Округа. Терско-Дагестанский район / сост. Вышинский. Тифлис: [б.и.], 1906. 366 с.
4. Гапуров Ш. А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX в. (1801–1815 гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2004. 489 с.
5. Горчханова Г. А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный: [б.и.], 1986. С. 77–86.
6. Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечно-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный: Тип. им. И.Н. Заболотного, 1963. 199 с.
7. Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской Социалистической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 281 с.
8. Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск: Технологический университет, 2005. 409 с.
9. Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 год. Отделение I. Статистико-экономическое. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1893. Вып.3. Кн.2. С. 3–100.
10. Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М.: Типография С. В. Гурьянова, 1882. 289 с.
11. Масальский В. Кавказ и его промышленность // Кавказский вестник. 1900. Книга 7. №7. С. 44–103.
12. Обзор производительных сил Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1878. 697 с.
13. Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб.: Якорь, 1913. 50 с.
14. Покорение Кавказа // Русский вестник. 1860. Т.27. №6. С. 361–384.
15. Потолов С. И. Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России. М.-Л.: АН СССР, 1962. С. 94–141.
16. Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. 1855. Т.23. №9. С. 43–86.
17. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1890. Т.1. Вып.1. 108 с.
18. Терский календарь на 1899 год. Владикавказ: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1898. 348 с.
19. Хазбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 75 с.

References

1. Bakashov A. V. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Chechni v 60–70-e gg. XIX veka (*Social and economic situation in Chechnya in the 60–70s of the XIX century*) // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. Issue.5. 2012. P. 6–21. (In Russian).
2. Vertepov G. A. Ocherki kustarnyh promyslov v Terskoj oblasti (*The articles of home industries in Terek's region*) // Terskij sbornik. Vladikavkaz: Terek Oblast Statistics Committee, 1897. Issue.4. (In Russian).
3. Voenno-geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Kavkazskogo Voennogo Okruga. Tersko-Dagestanskij rajon (*The statistical military and geographical description of the Caucasian military district. The Terek and Dagestan region*) / compiler Vyshinskij. Tiflis, 1906. 366 p. (In Russian).
4. Gapurov Sh. A. Severnyj Kavkaz v politike Rossii v nachale XIX v. (1801–1815 gg.) (*North Caucasus in the politics of Russia at the beginning of the XIX century (1801–1815)*. Nal'chik: El-Fa, 2004. 489 p. (In Russian).

5. Gorchhanova G. A. K sostojaniju kustarnyh promyslov i obrabatyvajushhej promyshlennosti v poreformennoj Checheno-Ingushetii (To *the state of home industries and manufacturing industry in post-reformative Chechnya and Ingushetia*) // Voprosy politicheskogo i jekonomicheskogo razvitija Checheno-Ingushetii (XVIII – nachalo XX veka) (*Questions of political and economic development of the Chechen-Ingush Republic (XVIII – the beginning of the XX century)*. Groznyj, 1986. P. 77–86. (In Russian).
6. Gricenko N. P. Jekonomicheskoe razvitie Chechno-Ingushetii v poreformennyj period (1861–1900 gg.) (*The economic development of Chechnya and Ingushetia in the post- reform period (1861–1900).* Groznyj: Printing house of I.N. Zabolotnii, 1963. 199 p. (In Russian).
7. Gricenko N. P. Gorskij aul i kazach'ja stanica Tereka nakanune Velikoj Oktjabr'skoj Socialisticheskoj revoljucii (*The Caucasian aul and Terek Cossacks' stanitsa before the Great October Socialist revolution*). Groznyj: Chechen-Ingush publishing house, 1972. 281 p. (In Russian).
8. Kaznacheev A. V. Razvitie severokavkazskoj okrainy Rossii (1864–1904 gg.) (*The development of North Caucasus borderlands of Russia*). Pjatigorsk: University of Technology, 2005. 409 p. (In Russian).
9. Maksimov Evg. Chechency (*The Chechens*) // Terskij sbornik. Prilozhenie k Terskomu kalendarju na 1894 god. Otdelenie I. Statistiko-jekonomicheskoe. Vladikavkaz: Printing the Terek Regional Board, 1893. Issue 3. Vol.2. P. 3–100. (In Russian).
10. Marggraf O. V. Ocherki kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tehniki proizvodstva (*The articles of home industries of North Caucasus with the description of manufacture techniques*). Moscow: Printing S. V. Gur'janova, 1882. 289 p. (In Russian).
11. Masal'skij V. Kavkaz i ego promyshlennost' (*The Caucasus and its industry*) // Kavkazskij vestnik. 1900. Vol.7. No.7. P. 44–103. (In Russian).
12. Obzor proizvoditel'nyh sil Kavkazskogo namestnichestva (*The review of productive forces of the Caucasian viceroyment*) // Kavkazskij kalendar' na 1879 god. Tiflis: Typography Chief Vicar Caucasian Management, 1878. 697 p. (In Russian).
13. Piralov A. S. Kratkij ocherk kustarnyh promyslov Kavkaza (*The short article of the Caucasus home industries*). St. Petersburg.: Jakor, 1913. 50 p. (In Russian).
14. Pokorenie Kavkaza (*The conquest of the Caucasus*) // Russkij vestnik. 1860. Vol.27. No.6. P. 361–384. (In Russian).
15. Potolov S. I. Nachalo monopolizacii groznenskoj neftjanoj promyshlennosti (1893–1903 gg.) (*The beginning of Grozny oil industry monopolization*) // Monopolii i inostrannyj kapital v Rossii. – Moscow – Leningad: SA USSR, 1962. P. 94–141. (In Russian).
16. Samojlov K. Zametki o Chechne (*The notes of Chechnya*) // Panteon. 1855. Vol.23. No. 9. P. 43–86. (In Russian).
17. Statisticheskie tablicy naselennyh mest Terskoj oblasti (*The statistic tables of Terek region populated areas*). Vladikavkaz: Terek Statistics Committee, 1890. Vol.1. Issue.1. 108 p. (In Russian).
18. Terskij kalendar' na 1899 god (*The Terek 1899 calendar*). Vladikavkaz: Printing the Main Caucasian governor control, 1898. 348 p. (In Russian).
19. Hazbulatov A. I. Checheno-Ingushetija nakanune pervoj russkoj burzhuazno-demokraticheskoj revoljucii (*The Chechnya and Ingushetia before the first Russian bourgeois-democratic revolution*). Groznyj: Chechen-Ingush publishing house, 1963. 75 p. (In Russian).

УДК 93/94

А. И. Нарежный, М. В. Пятикова

УЧАСТИЕ ВЕДОМСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ АРМИИ И НАСЕЛЕНИЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья освещает такой важнейший аспект периода Первой мировой войны как благотворительность. Авторами проанализированы процесс создания и механизмы функционирования ведомственных и «гибридных» моделей благотворительности, сочетавших бюрократическое, частно-собственническое и общественное начала. Раскрыта деятельность Ведомства Путей сообщения в процессе оказания помощи российским военнослужащим. Авторами анализируются разнообразные направления деятельности Главного Комитета по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий: организация санпоездов, поездов-бань, госпиталей-лазаретов, оказание материальной помощи. В статье подчеркивается значимость дамских комитетов, работавших на общественных началах.

Ключевые слова: Первая мировая война; благотворительность; Главный Комитет Ведомства путей сообщения по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий; лазареты; санпоезда; Владикавказская железная дорога, дамские комитеты.

A. I. Narezhny, M. V. Pyatikova

PARTICIPATION OF RAILWAY DEPARTMENT AND RAILWAYS IN ASSISTING THE ARMY AND POPULATION DURING THE FIRST WORLD WAR

The article highlights such important aspect of the First World War as charity. The authors analyzed the process of creation and functioning of departmental and «hybrid» charity model combining bureaucratic, private and proprietary and public basis. Revealed activities of the Office of Communications in the process of providing assistance to the Russian military personnel. The authors analyzed a variety of activities of the Main Committee to assist people affected by military action: the organization of sanitary trains, train-baths, hospitals, infirmaries, material assistance. This article underlines the importance of women's committees, working on a voluntary basis.

Key words: First World War; charity; Main Committee of the Office of Communications to assist people affected by military action; hospitals; sanitary train; Vladikavkaz railway, women's committees.

Начало Первой мировой войны вызвало в стране небывалый рост патриотических настроений. Они проявлялись в разных формах. В отечественной историографии, как правило, отмечались – на бытовом уровне – факты антинемецких погромов, а на политическом – практически единодушная поддержка правительства в Государственной Думе. Другим формам и свидетельствам проявлениям чувств по поддержке воюющей армии внимание уделялось лишь постольку, насколько они были способны подчеркнуть неспособность действующей власти вести войну, опираясь только на возможности государственных структур.

При таком подходе, за рамками интереса историков оставалось исследование преобладающих общественных умонастроений в стране, позиция и масштабы деятельности существовавших и новообразованных общественных организаций, благотворительная работа государственных структур. Такой подход, присущий советской историографии, представлял разрыв традиции, связанной с опытом

дореволюционной России, когда характеристике и изучению благотворительной деятельности уделялось значительное внимание. В большей степени внимание историков того времени уделялось изучению процесса становления в стране благотворительной традиции в целом, а также ее различных проявлений, в том числе в оказании помощи больным и раненым воинам. Заметим, что некоторые исследователи связывали возникновение этого направления с учреждением регулярных армий. Так, известный ученый Е. Д. Максимов, автор работы «Очерки частной благотворительности в России», утверждал, что «прочное начало призрению раненых воинов удалось впервые положить» благодаря притоку общественных средств под влиянием Отечественной войны 1812 года [9, с. 62].

Не случайно, поэтому, большое количество работ было посвящено вопросам организации и деятельности крупнейших организаций, созданных в XIX веке. Речь идет об Александровском комитете, о раненых, находившемся в ведении Военного министерства, цель которого состояла в оказании помощи военнослужащим и их семьям, а также о созданной во второй половине XIX века крупнейшей благотворительной организации, известной как Российское общество Красного Креста. На примере этих различных по формам организации структур ученые пытались проследить развитие двух параллельных процессов в рамках исследуемого явления, которые отражали подходы государства и общественности к мобилизации усилий по поддержке военнослужащих в период военных действий.

Отечественную историографию советского периода эти вопросы интересовали мало. Ситуация в историографии начинает меняться только с начала 90-х годов прошлого века. Отметим, в этой связи, публикацию статей Д. И. Раскина и А. С. Сенина в энциклопедическом издании по отечественной истории России, выход обобщающей работы П. В. Власова [11]. Несколько позже были подготовлены научные исследования различных аспектов благотворительности в годы Первой мировой войны. Речь идет о кандидатских диссертациях А. Н. Грицаевой [6] и Н. М. Ивановой, [7] и ряда других [1, 10, 18].

В последние годы, с приближением 100-летия начала Первой мировой войны, по этой проблеме был издан целый ряд работ, существенно расширивших проблематику исследования. Значительным шагом в реализации такого подхода стали выводы и оценки, содержащиеся в работе А. С. Тумановой [17]. На основе привлечения широкого круга источников, в числе которых документы центральных архивов, материалы периодической печати, а также документы личного происхождения автором представлена достаточно подробная картина деятельности общественных организаций в годы войны.

В то же время, названные работы далеко не исчерпывают все вопросы в изучении проблемы благотворительности в годы Первой мировой войны. В частности, дальнейшего изучения требует деятельность достаточно широкого круга структур, которые могут быть обозначены как некие «гибридные» образования, поскольку они были созданы по инициативе государственных ведомств, но действовали при достаточно широком участии общественности. В частности, пример такой деятельности демонстрировало Ведомство путей сообщения и подчиненные ему государственные и частные железные дороги.

Координатором этой работы выступал «Главный комитет по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий», образованный при Ведомстве в первые дни начавшейся войны. Следует отметить, что опыт, накопленный в период русско-японской войны, позволил в новых условиях начать работу без традиционной в таких случаях раскачки. По имеющимся данным, Главный Комитет был создан пятого (по другим источникам, седьмого) августа 1914 года. [12, с. 32]. Вместе с тем, в опубликованном позднее Отчете Главного Комитета о своей деятельности в первый год войны, содержится протокол его заседания от 30 июля 1914 года, т.е. до официальной даты его образования [12, с. 36]. Подобный «разнобой» в определении начальной даты связан, на наш взгляд, с тем, что практическая работа в Ведомстве опередила процесс ее формальной институализации. В подтверждение данного вывода сошлемся на следующий факт. Еще 28 июля 1914 года, у директора Канцелярии главы Ведомства путей сообщения, действительного статского советника Н. И. Туган-Барановского, созывается весьма представительное совещание с участием

начальников управлений и руководителей основных служб центрального аппарата для обсуждения вопросов организации помощи лицам, пострадавшим во время войны. Любопытно, что участники совещания с пониманием отнеслись к обсуждению поставленной проблемы, целесообразность такой помощи не вызвала у них ни вопросов, ни сомнений. Складывается впечатление, что для руководителей Ведомства данная задача рассматривалась как неизбежное следствие наступивших событий.

Вместе с тем, важным фактором новой деятельности являлось то обстоятельство, что планируемая помощь пострадавшим от военных действий, должна была быть «совершенно добровольной». Впрочем, вполне в духе бюрократической традиции, участники совещания подчеркивали, что это обстоятельство «должно быть вполне точно выражено во всех случаях обращения за этой помощью» [12, с. 33], тем самым стремясь, как нам кажется, на всякий случай обезопасить себя от завышенных ожиданий результатов своей деятельности со стороны просителей.

В тоже время, подобная осторожность оценок, на наш взгляд, вполне объяснима, поскольку эффективность усилий по оказанию помощи напрямую зависела от возможных объемов привлеченных средств. Предложения по этому вопросу исходили из наличия трех возможных источников. Основным из них называлось «ежемесячные отчисления из содержания служащих». На совещании было рекомендовано установить норму 2 % для лиц с заработной платой свыше 1200 рублей и 1 % – для всех остальных. Другим источником назывались периодические пожертвования на определенные цели. Среди них особо перспективными считались взносы «на содержание кроватей в госпиталях имени жертвователя». Наконец, Ведомство рассчитывало и на средства, оставшиеся от сбора на эти цели во время предыдущей войны, большая часть из которых была размещена в процентных бумагах [12, с. 34].

Организационное руководство работой по оказанию помощи участники совещания решили возложить на Главный комитет, возглавить который было предложено жене министра Е. Е. Рухловой, а в помощники ей определили начальников основных управлений центрального аппарата. Задачей новой структуры определялись координация всей деятельности Ведомства путей сообщения по оказанию помощи пострадавшим от военных действий, помощь соответствующим местным комитетам, прежде всего по вопросам, требующим взаимодействия с военным ведомством и Главным управлением Красного Креста, выяснения необходимости различных видов помощи и направления ее в нуждающиеся районы.

Практическая деятельность новой структуры была связана с принятием Главным комитетом на своем заседании от 30 июля 1914 года, то есть до его официального утверждения, документа о первоочередных шагах. В целом, его положения следуют выводам предыдущего совещания, правда, с одним дополнением. Председательница комитета Е. Е. Рухлова высказала предложение организовать на местах особые дамские комитеты по изготовлению бельевого инвентаря [12, с. 39], которые оказались, впоследствии, одними из наиболее активных участников формирующейся системы.

Завершающим этапом организационного оформления предстоящей работы стало принятие Главным Комитетом в заседании от 4 августа 1914 года специального воззвания к служащим ведомства с призывом поддержать усилия правительства в части «призрения и облегчения участи людей, проливающих кровь свою на защиту родной земли», а так же обсуждение проекта документа под названием «Главные основания организации помощи лицам, пострадавшим от военных действий» [12, с. 41–42]. Подчиненным сообщалось об организации Главного комитета помощи и предлагалось создавать соответствующие комитеты на местах. При этом, Главный комитет обещал содействие «для согласования их действий, облегчения им сношений с Военным Ведомством и Главным Управлением Красного Креста для выяснения видов помощи, наиболее необходимых по условиям данного времени и направления этой помощи в места, где она более всего нужна» [12, с. 130].

Проект второго документа вначале не приняли, поскольку решили учесть возможные замечания в ходе обсуждения и утвердить его уже на следующем заседании. В действительности, документы были доработаны в рабочем порядке и 7 августа разосланы на

места. Более чем двухстраничный документ состоял из 11 пунктов. В них определялись порядок образования, принципы и формы деятельности местных комитетов. Один из основных пунктов информировал о том, что «для объединения действий местных Комитетов, в видах планомерного и наилучшего согласования с потребностями Военного Ведомства и Красного Креста, образуется при Министерстве Путей сообщения Главный Комитет в составе членов, назначаемых по непосредственному указанию Господина Министра» [12, с. 132].

В свою очередь, местным комитетам предлагалось «сообщить о своих предположениях и средствах», имея в виду взаимодействие новообразованных структур с Главным комитетом [14, л. 38]. Отмечено создание системы контроля в лице Постоянной комиссии, рекомендованы виды деятельности комитетов, которые совпадали с предложениями совещания 28 июля [12, с. 132–133]. Таковых названо пять: организация санитарных поездов; организация санотрядов; устройство госпиталей; организация помощи семьям лиц, призванных на войну и самим служащим во время войны; заготовление одежды и предметов обихода для находящихся на войне, а также больным и раненым и как вспомогательная мера – устройство вещевых и аптечных складов [12, с. 133].

В заседании Главного Комитета 9 августа был рассмотрен и одобрен проект циркуляра к местным комитетам, с просьбой «сообщить о своих начинаниях, предположениях и средствах». Для этого им было предложено ответить на ряд вопросов. Во-первых, предполагается ли создание местного комитета помощи, его состав, наличие выборного элемента. Во-вторых, предполагаются ли добровольные отчисления в распоряжение местного комитета и в каких суммах. В-третьих, о планируемых видах помощи на эти средства. В-четвертых, выяснялась возможность и готовность мелких структур примкнуть к более крупной организации Ведомства. Наконец, Главный Комитет запрашивал о желании на местах перечислять средства ему и в этом случае уточнял их объемы [13, 16].

На местах, при управлениях дорог, причем не только казенных, но и частных, дирекциях строящихся дорог, учебных и других, относящихся к системе Ведомства учреждениях, создавались местные комитеты. Характерно, что письма руководителей в центральный аппарат Ведомства, в которых они информируют об организации работы по оказанию помощи, представляют собой, скорее отчеты о выполнении соответствующего поручения сверху, нежели информацию о добровольном порыве. Поэтому неслучайно местные комитеты в организационном отношении следовали процедурам и принципам, апробированным при создании Главного комитета.

Во главе многих из них были назначены жены соответствующих руководителей, в состав, как правило, входили чиновники достаточно высокого уровня и выборные представители от работников. Заметим, что включение последних также рекомендовалась Ведомством. Оно же предложило и процедуру избрания их на основе действующего закона и инструкций «для выборов в комитеты по вознаграждению увечных от несчастных случаев» [12, с. 36]. Сформированные таким образом структуры утверждались соответствующими распоряжениями местного руководства.

По состоянию на первое января 1915 года действовали 84 самостоятельных местных комитета (кроме тех, которые примкнули к ГК). По данным, которые представили 68 комитетов, следует, что большинство из них начало работу в конце июля – начале августа. Средства комитетов образовывались из ежемесячных отчислений служащих, а также от единовременных (разовых) пожертвований. За первые пять месяцев в кассы местных комитетов поступило (кроме сумм, переведенных ими в ГК), около 1.803.000 рублей. Из них 1.432.000 рублей составили ежемесячные отчисления (286 тыс. в месяц), 300 тыс. – разовые взносы. За тот же период в Главный Комитет поступило 602 тысячи рублей. Они складывались из ежемесячных взносов служащих центральных установлений ведомства (4 тысячи рублей в месяц), взносов служащих с мест, примкнувших полностью или частично к ГК, а так же взносов на содержание именных кроватей и палат (11.500 руб. в месяц, всего 150 тыс.), а также однодневного сбора, реализации специальных капиталов, и разовых пожертвований [15, л. 1]. Таким образом, общая сумма средств, привлеченных комитетами помощи составила 2.405.000 рублей, не счи-

тая оценки труда Дамских Комитетов и стоимости материальных пожертвований.

Из этих средств финансировалась достаточно обширная программа работ. Наиболее известным вкладом железных дорог в начавшейся войне стала организация деятельности санитарных поездов. В течение первого месяца мобилизации железными дорогами было оборудовано 60 тыловых и 38 полевых санпоездов. Впоследствии эта работа была продолжена. Военным ведомством формировалось еще 120 поездов, из них 88 полевых. Кроме этого, за счет средств общественных организаций и союзов, городов, земств, частных организаций и отдельных лиц было сформировано 27 тыловых и 85 полевых санпоездов. Свой вклад внесли и местные комитеты Ведомства путей сообщения. К 1 января 1915 года они оборудовали, в инициативном порядке, восемь санпоездов. Отметим вклад Московско-Казанской железной дороги, где было оборудовано два поезда, а также Екатерининской, которая в кооперации с другими учреждениями оборудовала четыре поезда [12, с. 15]. Следует отметить, что вклад местных комитетов состоял не только в оборудовании вагонов. За счет этих же организаций приглашался медицинский и другой персонал, изготовлялись необходимые материалы. Таким образом, всего в начальный период войны было сформировано и формировалось 340 санпоездов. Обязательная часть их состава включала вагоны обеспечения жизнедеятельности раненых, больных и лечебного персонала числом до семи единиц, а также по два вагона для тяжелораненых и больных в каждом поезде. Кроме того, дополнительно включались в состав тыловых поездов классные вагоны, а полевых – теплушки [8, с. 43–44].

На Владикавказской дороге уже 22 августа на товарном дворе Ростовских Главных мастерских были представлены 4 военно-санитарных поезда, в том числе 2 полевых поезда из 13 вагонов каждый и 2 тыловых, состоящих из 8 больших вагонов [3, л. 26]. 9 сентября 1914 года председатель Правления Общества Владикавказской железной дороги В. Н. Печковский сообщил телеграммой из Ростова-на-Дону, что «седьмого сентября освящен и сегодня отправляется (в) первый рейс санитарный поезд Владикавказской дороги имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича» [16, л. 165], которому был присвоен № 62. Во изменение первоначального плана, он был рассчитан на 400 человек раненых и больных и состоял из 15 вагонов, которые предназначались: 3 багажных вагона для белья и инвентаря, 2 вагона, оборудованных для тяжелобольных, 6 вагонов для легкораненых, вагон 1 класса для классных чинов, вагон для команды и даже вагон для перевозки фруктов [4, л. 49]. Вагоны были внутри украшены портретами Наследника, а раненым для писем бесплатно выдавались открытки с портретом Цесаревича [4, л. 51].

Другим важным направлением работы было обустройство госпиталей-лазаретов. Они размещались как в помещениях Ведомства, так и на арендованных площадях. Всего в первый год войны местные комитеты открыли 111 лазаретов на 4877 кроватей [12, с. 15]. Из этого числа на Владикавказской дороге было организовано 5 лазаретов на 344 кровати, в том числе два в Ростове-на-Дону и по одному в Ставрополе, Тихорецкой и Кавказской [12, с. 29].

Возможно, самым ярким свидетельством подлинного патриотизма рабочих и служащих железных дорог в деле оказания помощи пострадавшим от военных действий стала деятельность «дамских комитетов», которые, в отличие от других структур Ведомства работали исключительно на общественных началах. По общему правилу, их возглавляли жены руководителей организаций и учреждений, а в составе трудились жены и родственницы служащих Ведомства. Основной задачей определялась организация бесплатного труда женщин для шитья белья и постельных принадлежностей.

Дамский кружок при Комитете служащих Владикавказской железной дороги, образованный в июле 1914 года, возглавила жена управляющего дорогой А. Н. Кригер-Войновская. Его участницы сразу приступили к изготовлению одной тысячи комплектов белья («рубаха, кальсоны, онучи»). Необходимые 3500 рублей были запрошены у Комитета [5, л. 20]. Этот заказ исходил из необходимости обеспечить функционирование создаваемого санитарного поезда имени цесаревича Алексея на 340 кроватей. Всего за счет Врачебной службы дороги дамским кружком было изготовлено: простынь – 2208, наволок –

1104, полотенец легких 1105, белья – 960 штук, полотенец посудных 130 штук, рубах 1085 штук, рубах хирургических 20 штук, косынок хирургических больших и малых 173 штуки, платков хирургических 40 штук, мешков для матрасов 350 штук [5, л. 21–22].

Значимость этой работы существенно возросла с организацией в составе Ведомства путей сообщения поездов-бань. 4 ноября 1914 года на заседании Исполнительной Комиссии Комитета по оказанию помощи, в ответ на телеграфное предложение Главкома при ВПС организовать сбор средств на обеспечение поездов-бань, было решено не проводить на дороге особого сбора, а заготовить из средств Комитета одну тысячу комплектов белья, для чего «просить Дамский комитет взять на себя труд по выполнению всей этой работы» [5, л. 25]. Эта же практика использовалась и позже. Так, за период с 15 апреля по 1 июля 1916 года участницами Дамского кружка дороги были изготовлены более 3 тысяч комплектов белья, в том числе одна тысяча для поезда-бани [2, л. 32].

Помимо реализации широкой программы действий, рекомендованной Главным Комитетом Ведомства, руководство Владикавказской железной дороги инициировало ряд важных инициатив. Одной из них стало предложение проявить заботу о детях. На заседании ГК от 17 августа 1914 года было сообщено, что Правление Владикавказской железной дороги выделило 10 тыс. руб. с условием «чтобы означенная сумма была предназначена как фонд на устройство приютов для осиротевших детей воинов» [14, л. 54]. Главком поддержал предложение и решил дополнительно выделить 20 тыс. руб. из своего бюджета для создания специального фонда, которому решено было присвоить имя Великой Княгини Ольги Александровны, сестры царя. На проценты от этих средств должны были содержаться сироты служащих Ведомства. В дальнейшем, при накоплении достаточных средств, предполагалось соорудить и оборудовать здание приюта для сирот в Борках, «как месте чудесного спасения» Александра III 18 октября 1889 года [12, с. 51–52].

Эта работа была продолжена и в дальнейшем. Так, 10 августа 1916 г. Главком принял решение произвести однодневный кружечный сбор в учреждениях Ведомства, в полосе отчуждения и на водных путях. Общая выручка в ходе проведенного 17 сентября 1916 года сбора составила, ориентировочно, около 140 тыс. рублей, из них на долю ГК приходилось 2/3, или 90 тысяч. В итоге, общая сумма средств на сооружение сиротских приютов составила более 223 тысяч рублей [13, л. 55]. 1 дек 1916 г. Главком рассмотрел проект Устава Главного Попечительства о детских приютах Ведомства и утвердил комиссию по его доработке. Одновременно была представлена информация об открытии и обеспечении всем необходимым приюта сирот в Московском отделении Инвалидного Дома близ города Можайска, и возбуждено ходатайство о присвоении ему имени Великой Княгини Ольги Александровны – сестры государя (по предложению Председателя Правления Владикавказской дороги В. Н. Печковского, первой сделавшей пожертвование в сумме 60 тысяч рублей [14, л. 95, 96].

Деятельность Главного и местных комитетов продолжалась вплоть до Февральской революции в России. Они были готовы работать и в новых условиях, о чем свидетельствуют данные о заседании Главкома 30 марта 1917 года. Комитет заявил о реорганизации ГК на выборных началах, принял отставку С. Д. Треповой [14, л. 98] и обратился к Временному Правительству с приветствием «по случаю совершившегося обновления государственного строя» и выразил готовность посвятить все силы служению нового строя и выполнению дела оказания помощи пострадавшим от боевых действий [14, л. 101].

Таким образом, период Первой мировой войны отмечен развитием такого своеобразного варианта (модели) благотворительности, как ведомственная и одновременно гибридная, сочетающая бюрократическое, частно-собственническое и общественное начала. В условиях неразвитости структур гражданского общества она продемонстрировала эффективность и способность отвечать на вызовы времени.

Источники и литература

1. Беляева М. В. Российское Общество Красного Креста в истории России 1867–1921 гг.: дисс. … канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2002. 211 с.

2. Вестник Владикавказской железной дороги. Ростов-на-Дону. 1916. № 13.
3. Вестник Владикавказской железной дороги. Ростов-на-Дону. 1914. № 17.
4. Вестник Владикавказской железной дороги. Ростов-на-Дону. 1914. № 18.
5. Вестник Владикавказской железной дороги. Ростов-на-Дону. 1914. № 22.
6. Грицаева А. Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2008. 289 с.
7. Иванова Н. М. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: на материалах Петрограда: дисс. … канд. ист. наук. М., 2002. 243 с.
8. Краткий очерк деятельности Русских железных дорог во вторую Отечественную войну. Ч. 1: Управление железных дорог. Петроград: Типо-литография Н. И. Евстифеева, 1916. 59 с.
9. Максимов Е. Д. Очерки частной благотворительности в России // Трудовая помощь. СПб. [б.и.], 1898.
10. Немова В. В. Организация благотворительной помощи на Дону в годы Первой мировой войны: дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 198 с.
11. Раскин Д. И. Ведомство учреждений императрицы Марии // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В 4 томах. Т.1. СПб.: Наука, 1998.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Отчет Главного Комитета при ведомстве путей сообщения по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий. Петроград: [б.и.], 1915.
13. РГИА. Ф. 243. Оп.1. Д.132.
14. РГИА. Ф. 243. Оп.1. Д.134.
15. РГИА. Ф. 243. Оп.1. Д.136.
16. РГИА. Ф. 243. Оп.1. Д. 6.
17. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917. М.: РОССПЭН, 2014. 327 с.
18. Чистяков О. В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.: дисс. … канд. ист. наук. М., 2009. 159 с.

References

1. Beljaeva M. V. Rossijskoe Obshhestvo Krasnogo Kresta v istorii Rossii 1867–1921 gg. (*The Russian Red Cross Society in the history of Russia 1867–1921*): thesis. Stavropol, 2002. 211 p. (In Russian).
2. Vestnik Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi. (*Herald of Vladikavkaz railway*). Rostov-on-Don. 1916. No. 13. (In Russian).
3. Vestnik Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi. (*Herald of Vladikavkaz railway*). Rostov-on-Don. 1914. No. 17. (In Russian).
4. Vestnik Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi. (*Herald of Vladikavkaz railway*). Rostov-on-Don. 1914. No. 18. (In Russian).
5. Vestnik Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi. (*Herald of Vladikavkaz railway*). Rostov-on-Don. 1914. No. 22. (In Russian).
6. Gricaeva A. N. Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917g.): opyt pomoshhi postradavshim ot voennyh dejstvij (*Charity in Russia during the First World War (1914 – February 1917*): experience of helping affected by the military action): thesis. M., 2008. 289 p. (In Russian).
7. Ivanova N. M. Miloserdie i blagotvoritel'nost' v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1917 gg.: na materialah Petrograda (*Mercy and charity during the First World War of 1914–1917: based on Petrograd materials*): thesis. M., 2002. 243 p. (In Russian).
8. Kratkij ocherk dejatel'nosti Russkih zheleznyh dorog vo vtoruju Otechestvennuju vojnu. Ch. 1. (*A brief outline of the activities of Russian Railways in the second Patriotic War. Part 1*). Petrograd: N.I. Evstifeev's typolithography, 1916. 59 p. (In Russian).
9. Maksimov E. D. Ocherki chastnoj blagotvoritel'nosti v Rossii (*Essays on private philanthropy in Russia*) // Trudovaya pomoshch'. St. Petersburg, 1898. (In Russian).
10. Nemova V. V. Organizacija blagotvoritel'noj pomoshhi na Donu v gody Pervoj mirovoj vojny. (*Organization of charitable assistance in the Don during the First World War*): thesis, 2009. 198 p. (In Russian).
11. Raskin D. I. Vedomstvo uchrezhdenii imperatritsy Marii (*Office of Institutions of Empress Maria*) // Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii (*Superior and Central State Institutions Russia*). 1801–1917. In 4 vols. Vol.1. St. Peterburg: Nauka, 1998. (In Russian).
12. Russian State Historical Archive (RGIA). The report of the Main Committee of the Ministry of Railways to help people affected by military action. Petrograd, 1915. (In Russian).
13. RGIA. F. 243. Inv.1. D.132. (In Russian).
14. RGIA. F. 243. Inv.1. D.134. (In Russian).
15. RGIA. F. 243. Inv.1. D.136. (In Russian).
16. RGIA. F. 243. Inv.1. D. 6. (In Russian).

17. Tumanova A. S. Obshhestvennye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914 – fevral' 1917. (*Public organizations in Russia during the First World War. 1914 – February 1917*). M.: ROSSPEN, 2014. 327 p. (In Russian).
18. Chistjakov O.V. Organizacionnoe ustrojstvo i dejatel'nost' Rossijskogo obshhestva Krasnogo Kresta v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914–1918 gg. (*The organizational structure and activities of the Russian Society of the Red Cross during the First World War of 1914–1918)*: thesis. M., 2009. 159 p. (In Russian).

УДК 94(73)

Т. В. Пантюхина, В. Н. Садченко

АМЕРИКАНСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТОВ И ВЫЗОВОВ ДЛЯ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В статье анализируются исторические условия и процесс создания Красного Креста в США. Хронологические рамки охватывают начальный этап существования общества. Освещаются гуманитарные акции американского Красного Креста в условиях стихийных бедствий. В центре внимания авторов – деятельность Клары Бартон, являвшейся инициатором, создателем и руководителем общества в рассматриваемый период.

Ключевые слова: США, Красный Крест, Клара Бартон, гуманитарная деятельность, благотворительность.

T. V. Pantyukhina, V. N. Sadchenko

AMERICAN RED CROSS: THE HISTORY OF ITS FOUNDATION AND ACTIVITIES IN SITUATIONS OF CONFLICTS AND HUMANITARIAN CHALLENGES (THE LAST THIRD OF XIX – EARLY XX CENTURIES)

The article deals with the historical background and process of formation of Red Cross in the USA. Chronologically it covers the initial stage of the society's history. Humanitarian field operations of American Red Cross under conditions of natural disasters are examined. The authors focus their attention on the activities of Clara Barton, who was the founder and leader of the society throughout given period of time.

Key words: the USA, Red Cross, Clara Barton, humanitarian operations, philanthropy.

Вплоть до середины XIX века не существовало эффективной системы обеспечения лечением раненых в бою солдат и мест для их безопасного расположения. Первая в истории попытка выработать международно-правовые принципы защиты жертв войны была предпринята в 60-х годах XIX в. В 1863 г. усилиями женевской благотворительной организации был создан «Международный Комитет помощи раненым». По его инициативе в октябре 1863 г. была созвана международная неправительственная конференция. На ней были приняты резолюции, которые регламентировали создание обществ помощи раненым солдатам – будущих обществ Красного Креста. Однако, возникнув в результате общественной инициативы, движение нуждалось в официальном признании и определенных обязательствах со стороны правительств. С этой целью в следующем году швейцарское правительство обратилось к правительствам 25 стран с приглашением прислать представителей на официальную дипломатическую конференцию. Только 16

государств сочувственно откликнулись на этот призыв и прислали своих уполномоченных. Конференция продолжалась с 8 по 22 августа 1864 г. 22 августа 1864 г. была принята первая межгосударственная Женевская Конвенция «Об улучшении участи больных и раненых воюющих армий на поле боя». Согласно Конвенции больные и раненые воины должны были получать помощь независимо от того, к какому лагерю они относятся, а медицинский персонал, его оборудование и учреждения – пользоваться правом неприкосновенности [6, p. 57].

Женевская Конвенция 1864 г. стала первым документом международного гуманитарного права. Документ был подписан 12 государствами и ратифицирован девятью из них. Что касается США, то на конференции присутствовал американский представитель в статусе наблюдателя, однако США не присоединились к Женевской конвенции. Верные принципу изоляционизма, Соединенные Штаты не желали связывать себя договорными обязательствами с иностранными государствами.

История возникновения американского Красного Креста связана с именем Клары Бартон. Она – одна из самых знаменитых женщин в истории США. Герой Гражданской войны, социальный реформатор, филантроп, основательница американского Красного Креста, Бартон так много сделала на поприще служения обществу, что ее достижений хватило бы на несколько биографий. Память о ней увековечена в мемориалах, памятных досках, музейных экспозициях. Ее многочисленные награды, хранящиеся в библиотеке Конгресса США, занимают тридцать пять контейнеров [4]. Архив К.Бартон, состоящий из 62000 документов, среди которых ее дневники, переписка, отчеты, финансовые документы – хранится в библиотеке Конгресса США. Коллекция Клары Бартон оцифрована и доступна он-лайн [5]. Между тем в российской историографии американская героиня незаслуженно обойдена вниманием исследователей.

Как упоминалось выше, правительство США не присоединилось к Женевской конвенции, а американские граждане ничего не знали ни о конвенции, ни о новой организации. Клара Бартон узнала, можно сказать, случайно о существовании Международного Комитета Красного Креста. В 1869 г. она оказалась в Швейцарии на лечении, где и услышала о новой организации. К тому времени движение уже набирало силу: росло число государств, подписавших Женевскую конвенцию, создавались национальные общества Красного Креста. Бартон с энтузиазмом восприняла идеи движения. Как никто другой, она понимала их значимость. Дело в том, что в годы гражданской войны в США Бартон работала сестрой милосердия на волонтерских началах, так что идеи Женевской конвенции были ей близки, и Бартон присоединилась к движению на началах индивидуального членства. Под эгидой Красного креста она участвовала во франко-прусской войне, которая оказалась чрезвычайно важной вехой в биографии Клары Бартон. Опыт, приобретенный в ходе этой войны, был отличен от ее военного опыта в США. В годы гражданской войны Бартон работала с ранеными солдатами на полях сражений, перемещаясь вместе с армией вслед за передвижением линии фронта. Во время франко-прусской войны ей пришлось работать с гражданским населением – женщинами, детьми, стариками и больными, которые оказались жертвами войны. Ей пришлось работать не на фронте, а в разрушенных войною городах [14].

Деятельность К. Бартон во время франко-прусской войны принесла ей международное признание, многочисленные награды и памятные подарки от коронованных особ. Но самым важным результатом стал предложенный ею новый, расширенный подход к миссии Красного Креста, который в 1884 г. войдет в Женевскую конвенцию как «американская поправка»: гуманитарная деятельность должна распространяться не только на солдат на поле боя, но и на гражданское население; не только в условиях военных действий, но и в мирное время в случае стихийных бедствий и катастроф [2, p. 383]. Этот подход в последствии будет положен в основу работы американского Красного Креста, который Кларе Бартон еще предстояло создать.

В 1873 г. К.Бартон вернулась из Европы в США с твердым намерением убедить руководство своей страны присоединиться к Женевской конвенции. В течение нескольких лет она, практически в одиночку, пробивала бюрократическую стену американской администрации, убеждая в значимости новой организации. Усилия увенчались успехом: 21 мая 1881 г. состоялось учредительное собрание американского национального общества

Красного Креста. К. Бартон стала его президентом. Учредители собрались в квартире Клары Бартон, так как ни помещения, ни финансовых средств у нового общества не было. Впоследствии на благотворительные пожертвования Дж. Рокфеллера и других филантропов будет сооружено здание штаб-квартиры американского Красного Креста в Вашингтоне. Другим успехом Бартон было то, что Женевская конвенция была ратифицирована сенатом США 16 марта 1882 г. [2, p. 81]. США стали тридцать вторым государством, подписавшим этот документ [2, p. 58–59].

Факт присоединения США к Женевской конвенции остался незамеченным соотечественниками К. Бартон. Она с горечью вспоминала, что в Европе это событие было встречено с энтузиазмом – в швейцарских, французских, немецких и испанских городах по получении известия была устроена иллюминация в честь этого события. А в самих Соединенных Штатах дело ограничилось четырьмя сухими строчками в вашингтонской газете «Ивнинг Стар», в разделе информации о работе конгресса [1, p. 5].

О том, как трудно начиналась история американского Красного Креста, Клара Бартон написала в своих мемуарах. «Весну 1882 г. мы – горстка людей, уставших и измученных пятью годами борьбы за признание Красного Креста – встретили с подписанной Конвенцией, но без денег, без поддержки и признания со стороны правительства» [1, p. 6].

Как отмечалось выше, в основу американского Красного Креста была положена концепция расширенной миссии: не только деятельность в условиях войны, но и в мирное время, в случае природных катастроф и чрезвычайных ситуаций. Первым испытанием новой организации стали пожары в штате Мичиган в сентябре 1881 г., оставившие без крова 15 тысяч чел. Красный Крест организовал сбор пожертвований и направил в район бедствия деньги и предметы первой необходимости [2, p. 107–110]. После этого были наводнения в штате Миссисипи в 1882 и 1884 гг., засуха и голод в Техасе в 1885 г., эпидемия лихорадки во Флориде в 1888 г. [2, p. 111, 121–129, 136–144, 147–149].

Одной из самых серьезных природных катастроф в истории страны стало наводнение в штате Пенсильвания в 1889 г. Бартон, которой в то время было уже 68 лет, направилась к месту катастрофы для организационной работы. Красный Крест обустраивал временные жилища, предоставлял продукты и одежду пострадавшим [2, p. 157–168].

Стоит отметить, что именно наводнение 1889 г. принесло новой организации общенациональную известность. Как вспоминала позже одна из сподвижниц Клары, Бартон пригласила ее вместе с мужем, влиятельным вашингтонским журналистом Питером В. Дегро, посетить Пенсильванию, чтобы своими глазами увидеть ту работу, которую проводил Красный Крест на месте катастрофы. Благодаря этому журналисту удалось пробить стену недоверия и скептицизма американской прессы по отношению к Красному Кресту [15].

Следующей крупной катастрофой, в которой Красный Крест проявил себя, был ураган 1893 г. По масштабам и разрушительным последствиям с ним может сравниться лишь ураган, случившийся спустя сто лет, в 1998 г. Под ударами стихии оказались г. Нью Йорк и Южная Каролина. Власти города и штата обращались за помощью к правительству, но не получили ее. Президент США Г.Кливленд был принципиальным противником вмешательства государства в чрезвычайные ситуации природного характера. По его словам, такая помощь развивает в населении нездоровые ожидания отеческой защиты со стороны государства, что подрывает основы американского национального характера [13].

В таких обстоятельствах пострадавшие могли рассчитывать только на благотворительную помощь. Надо отметить, что американцы, при всей присущей им пуританской бережливости, охотно участвовали в благотворительных кампаниях. Приведу свидетельство Теодора Рузвельта. В книге о Нью-Йорке, написанной в 1906 г., он отмечает, что Нью-Йоркцы не остаются равнодушными к чужой беде. «Ураган в Дакоте, землетрясение в Южной Каролине, наводнение в Пенсильвании – после любой катастрофы сотни тысяч долларов собираются в течение одного дня». При этом Т. Рузвельт замечает, что собрать деньги на какую-нибудь другую благую цель, к примеру, памятник или произведение искусства, чрезвычайно трудно [16]. В таких условиях организаторская роль Красного Креста оказалась бесценна. У Красного Креста не было собственных источников финансирования, и в случае стихийного бедствия он занимался сбором гуманитарной помощи. Штат сотрудников был ограничен, причем люди работали на

волонтерских началах, не получая заработной платы. Когда случился ураган в Южной Каролине, К. Бартон практически в одиночку организовала работу на месте катастрофы – раздавала продукты и одежду, руководила строительством временного жилья. Она оставалась в районе бедствия несколько месяцев, помогая наладить там экономическую жизнь [2, p. 197–268].

Благородная деятельность принесла К.Бартон национальную известность. Газеты писали о ней, публиковали ее фотографии. Журналисты, бравшие у нее интервью, подчеркивали ее скромность. Бартон старалась не говорить о себе. Она рассказывала о работе, которую Красный Крест проводил по устранению последствий очередного стихийного бедствия, о самой организации, объясняла ее символику [8; 9]. Через прессу К.Бартон обращалась к соотечественникам с призывами к пожертвованиям [9; 10].

Американскому Красному Кресту пришлось трудиться и в условия военных действий. Во время испано-американской войны 1898 г. волонтеры Красного Креста работали на фронте и в госпиталях, реабилитационных центрах и концентрационных лагерях. В Гаване они основали 12 детских приютов [12]. Клара Бартон, которой к тому времени исполнилось 76 лет, приехала на Кубу, чтобы лично координировать всю работу. О том, как много сделала эта энергичная женщина во время войны, свидетельствует ее обширная переписка с госдепартаментом, военным ведомством, военачальниками и президентом США Маккинли [2, p. 361–396].

За двадцать три года президентства Клары Бартон американский Красный Крест провел 20 спасательных операций во время стихийных бедствий в США, а также за рубежом – в России, Армении на Кубе. Практически каждый раз, когда случалось очередное бедствие, Бартон выезжала к месту катастрофы и лично руководила спасательными работами [3, p. 217–218]. Заслуги Красного Креста получили признание на официальном уровне. Была принята специальная резолюция конгресса с выражением благодарности Кларе Бартон и Красному Кресту [11]. Президент США Маккинли в послании конгрессу от 6 декабря 1898г. высоко оценил работу Красного Креста и ее руководителя. Все сделанное Красным Крестом во время войны: гуманитарная помощь населению Кубы, работа на полях сражений и в госпиталях «полностью подтвердило высокую репутацию этой международной организации, ее способность выполнять благородную миссию» [1, p. 162–163]. Президент выразил благодарность от имени солдат и американского народа. Однако К. Бартон не получила никаких наград. Удивительный факт: Клара Бартон была награждена таким огромным количеством орденов, медалей и прочих знаков отличий, что здесь ей нет равных во всей американской истории. Среди ее наград – награды Германии, России, Международного Комитета Красного Креста, однако в ее коллекции нет ни одной американской награды [4].

К. Бартон возглавляла американский Красный Крест в течение двадцати трех лет. В последние годы своего президентства Бартон находилась под огнем критики ее методов руководства со стороны молодых членов организации. Противники Бартон сумели привлечь на свою сторону президента США Т. Рузвельта. В 1904 г. в возрасте 83 лет Клара Бартон вынуждена была уйти в отставку. Ей на смену пришло новое поколение управленцев – прагматиков и реалистов Прогрессивной эры, далеких от идеалистических идеалов основательницы.

Источники и литература

1. Barton C. A Story of the Red Cross. NY.: D.Appleton and Co. 1904. URL: http://www.gutenberg.org/files/30230/30230-h/30230-h.htm (Accessed: 28.08.2016)
2. Barton C. The Red Cross in Peace and War. American Historical Press 1906. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/44202/ (Accessed: 28.08.2016)
3. Barton W. E. The Life of Clara Barton, founder of the American Red Cross. Boston, NY.: Houhgton Mifflin Co. 1922. V.2.
4. Clara Barton A Lifetime of Service // Clara Barton National Historic Site URL: https://www.nps.gov/clba/learn/historyculture/upload/cbservice.pdf (Accessed: 29.08.2016)
5. Collection Clara Barton Papers URL: http://www.loc.gov/collection/clara-barton-papers/about-this-collection (Accessed: 29.08.2016)
6. The International Red Cross Treaty. Convention of Geneva. For the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies at the Field, August 22, 1864 // Barton, C. The Red Cross in Peace and War. American Historical Press. 1906. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/44202 (Accessed: 29.08.2016)

7. New York Times. 1894. April 16.
8. New York Times. 1893. December. 10.
9. New York Times. 1894. January 21.
10. New York Times. 1900. September 11.
11. New York Times. 1899. January 13.
12. New York Times. 1899. July 15.
13. Olgeo M. Grover Cleveland's Hurricane // New York Times. 2012. October 31.
14. Pryor E. B. Barton, Clara // American National Biography Online. URL: http://www.anb.org/articles/12/12-00054.html (Accessed: 29.08.2016)
15. Red Cross Founder Recalls '81 Session // New York Times. 1941. May. 25.
16. Roosevelt T. New York: A sketch of the city's social, political, and commercial progress from the first Dutch settlement to recent times. NY.: Charles Scribner's Sons. 1906. ON-LINE ED.: Published August 2000 by Bartleby.com. URL: http://www.bartleby.com/171/ (Accessed: 29.01.2016)

УДК 94(470.63):343"18"

Ю. П. Пономарева

ОСОБЕННОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье в предметном поле истории повседневности раскрывается специфика профессиональной деятельности судебного следователя Ставропольской губернии как представителя судебного чиновничества второй половины XIX – начала XX вв. Анализируются профессиональные качества и уровень подготовки следователей, влияние социального и материального положения на служебную повседневность. На примере деятельности дореволюционных судебных следователей показаны особенности формирования правовой системы Ставрополья.

Ключевые слова: судебный следователь, повседневные практики, профессиональная подготовка, кадровый состав, социально-профессиональная характеристика, карьера.

Yu. P. Ponomareva

JUDICIAL INVESTIGATORS OF STAVROPOL PROVINCE AND EVERYDAY PROFESSIONAL ACIVITY

The article discloses peculiarities of professional activities of judicial investigators in Stavropol province as representatives of the judicial officials of the second half of XIX – early XX centuries on the basis of everyday life history approaches. The article analyzes professional quality and level of training of investigators, the impact of social and material conditions in the official daily life. For example, pre-revolutionary activities of investigators showing peculiarities of the legal system of Stavropol.

Key words: court investigator, everyday practices, professional training, socioprofessional characteristic, career.

На рубеже XX–XXI вв. российская историческая наука пережила сложный процесс смены исследовательских парадигм, который выразился как в переосмыслении традиционных направлений исследований, так и в появлении новых гносеологических интересов и стратегий. По мнению Л. П. Репиной, это привело к новому пониманию природы исторического познания, к качественным изменениям в предметном поле, проблема-

тике и методах исследования, в структуре исторического знания [18].

Одной из актуальных тенденций современной историографии является «антропологический поворот». Речь идет о внимании к повседневным практикам конкретного человека, составляющим «живую историческую ткань». Тематика историко-антропологических исследований очень разнообразна, и одним из приоритетных объектов изучения для изучения выступает существование человека. Категория «повседневность» имеет универсальный характер, потому что она затрагивает практически все аспекты жизни социума. Обращение к ней позволяет видеть прошлое через историю повседневных социальных практик, бытующих в любых сферах жизни общества. При этом, «в описании структур повседневности, в отличие от иных социальных, политических и экономических структур, человека нельзя превратить в абстракцию, в элемент этих структур», так как она включает в себя, в первую очередь, социокультурные смыслы, которые создавали в своей повседневной жизни люди в ту или иную эпоху [1, с. 115–116].

Изучение повседневности требует максимальной конкретизации предмета исследования в его хронологических и территориальных границах. В данной статье предпринята попытка воссоздать картину повседневности судебного следователя Ставропольской губернии как представителя судебного чиновничества второй половины XIX – начала XX вв. Обращение к историческому опыту в данном контексте представляет для нас особый научный интерес.

Повседневность провинциального чиновника можно условно разделить на сферы частной жизни (семья, домашний быт, досуг, дружеские связи) и жизни трудовой (модели поведения и отношений, возникающие на рабочем месте). Мы остановимся на вопросах профессиональной повседневности, поскольку они находятся в границах слабо изученного проблемного поля. Вторая половина XIX в. – это период становления и развития пореформенной судебной системы. В рамках данного процесса происходит формирование особой социальной группы государственных служащих – судебного чиновничества – от эффективного функционирования которой напрямую зависела успешность реализации реформ. Ключевой фигурой реформированных органов следствия становится участковый судебный следователь. Аппарат судебных следователей был нововведением для российской судебной системы того времени, поэтому имелись определенные трудности в закреплении системы предварительного следствия.

Ставрополье представляет особый интерес как регион, в котором следователи осуществляли свою деятельность в особо трудных условиях удаленности от Центра, в контексте социокультурного и геополитического пограничья, полиэтничности и поликонфессиональности, незавершенного процесса хозяйственного и административного освоения края.

Представляется возможным выделить «объективные» и «субъективные» детерминанты или обстоятельства служебной повседневности следователей. К первым следует отнести уже сложившиеся условия: имевшаяся к тому времени нормативно-правовая база, социально-экономическое состояние территории, криминальная обстановка в том или ином уезде или городе, природно-климатические особенности региона, миграционные процессы. Субъективные условия тесно связаны с конкретным работником и в значительной мере подчинены его воле и его судьбе. Сюда мы можем отнести: уровень образования, мировоззрение, воспитание, общественное мнение о нем, финансовую состоятельность и др.

Основные профессиональные права и обязанности, установленные законом, определяли рамки предписанного или возможного поведения в деловой среде. Сущность обязанностей судебного следователя составляло производство предварительного следствия, задача которого сводилась к сбору доказательств по уголовному делу. В ходе подготовки судебной реформы 1864 г. законодатель закрепил принцип распределения следователей по участкам. Как было сформулировано в ст. 79 «Учреждения судебных установлений» от 20 ноября 1864 г., судебные следователи «состоят в назначенных для каждого из них участках» [21, с. 11]. Соответственно, количество следственных участков предопределяло и количество штатных следственных должностей. В Ставропольской губернии судебные следователи

были назначены еще до открытия окружного суда. Указом императора Александра II, от 15 сентября 1864 г. № 41275 «О назначении Судебных Следователей в Ставропольскую губернию», были назначены с 1 января 1865 г. 10 судебных следователей для уездов: Ставропольского – 4; Пятигорского – 3; Кизлярского – 2 и для города Моздока – 1 [14, с. 887].

Для Министерства юстиции заполнение этих вакансий в сжатые сроки было одним из инструментов успешного проведения судебной реформы в регионе. Согласно ст. 202 «Учреждения судебных установлений», к кандидату на должность следователя предъявлялись квалификационные требования, среди которых было наличие высшего юридического образования. Реальная жизнь вносила существенные коррективы в правительственную политику. Поэтому оговаривалась возможность назначения на эти должности лиц и без специального образования, «доказавших на службе свои познания по судебной части» [21, с. 27]. На практике Министерство юстиции не имело возможности в полной мере реализовать эти квалификационные требования, так как в стране существовал дефицит дипломированных юристов. Из законов делались разнообразные исключения, допускались отступления. В очередном циркуляре 1866 г. министр юстиции дал официальное разрешение в случае нехватки лиц, удовлетворяющих всем условиям «к временному исполнению обязанностей судебного следователя допускать … других лиц» [22, с. 31]. Этим нарушался критерий несменяемости, так как «других лиц» назначали временно. Как видно из «Списка чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции» за 1866 г., следственный корпус Ставропольской губернии по состоянию на июль 1866 г. был сформирован лишь наполовину. Были укомплектованы только 4 участка Ставропольского уезда и 1 участок Пятигорского уезда [20, с. 293]. Это объяснялось, во-первых, материальной непривлекательностью должности – маленьким жалованием судебных следователей, во-вторых, отдаленностью региона от столиц, что отпугивало лиц с университетским образованием.

В 1868 г., с ведением в губернии новых судебных уставов и с образованием Ставропольского окружного суда, аппарат судебных следователей вошел в его состав. Количество судебных следователей, состоявших в окружном суде, на протяжении последней трети XIX – начала XX вв. постоянно менялось в сторону увеличения. По сведениям Министерства юстиции, в момент учреждения Ставропольского окружного суда в его штате состояло 7 следователей, в 1871 г. – 10 следователей, в 1876 г. – 12 следователей, в 1912 г. – 18 следователей [19; 4, л. 44–45]. Рост численности следственного аппарата закономерен. Во-первых, на протяжении указанного времени неоднократно менялось административно-территориальное деление губернии, образовывались новые уезды, следовательно, и новые следственные участки. Во-вторых, в связи с ускоренным темпом колонизации и урбанизации региона, усложнялась общая криминогенная обстановка. Это, в свою очередь, требовало своевременного увеличения следственного аппарата.

Анализ годовых отчетов о движении дел в следственных участках Ставропольского окружного суда свидетельствует о постоянном возрастании нагрузки на следователей. Так, за пять лет, с 1870 по 1875 гг., число поступавших дел увеличилось в 1,5 раза. В 1906 г. судебными следователями было принято в 3 раза больше следственных дел, чем в 1890 г. [4, л. 44–45; 6, л. 65–66; 12, л. 4об-5]. В среднем, в 1873 г. на одного ставропольского следователя приходилось более 223 уголовных дел, в то время как Министерство юстиции определяло, что «следственная часть может находиться в хорошем положении только тогда, когда к следователям будет поступать ежегодно средним числом не более 180 дел» [15, л. 33]. В 1898–1901 г., в связи с увеличением следственного аппарата, нагрузка на одного следователя немного уменьшилась. На одного участкового следователя в среднем приходилось 176 дел. Произошло и уменьшение норм, определенных Министерством. Ежегодная нагрузка для уездного следователя должна была составлять теперь не более 117 дел. При этом оговаривалось, что «приведенные нормы правильной деятельности следователей представляются предельными, свыше которых работа этих должностных лиц лишь в исключительных случаях может удовлетворять всем предъявляемым к ней в смысле основательности и тща-

тельности, а, следовательно, и успешности, требованиям» [17, л. 125]. Тем не менее, в действительности объемы поступающих в производство уголовных дел росли с каждым годом, и следственному аппарату было тяжело справляться с такими потоками. В многочисленных ходатайствах о введении дополнительных должностей следователей одним из главных аргументов была непосильная загруженность судебных следователей, в сравнении со следователями внутренних губерний [15, л. 22об–23; 17, л. 114].

Для формирующихся локальных обществ, отмеченных повышенной мобильностью населения, характерен достаточно высокий уровень преступности, и Ставропольская губерния не была исключением. Здесь криминогенная ситуация также была непростой. На общем собрании отделений Ставропольского окружного суда, подводя итоги деятельности судебных следователей Ставропольского уезда за 1871 г., выступавшие отмечали, что рост преступности в городе Ставрополе, в первую очередь, связан со «значительным числом пребывающих в город испившихся и обленившихся для полезного труда мещан, отставных солдат, канцелярских и других, по вине своей не служащих, чиновников» [5, л. 2]. Основной пласт уголовных дел, с которыми сталкивались следователи, составляли имущественные преступления: истребление чужого имущества, кражи, грабежи, растраты, мошенничество, а также преступления, направленные против личности, среди которых убийства, побои, изнасилования, оскорбления [19].

Работа следователей также предполагала их мобильность. Следственная деятельность сопровождалась постоянными разъездами по территориально протяженным следственным участкам. Хотя для проведения допроса или производства других следственных действий с подозреваемыми, находящимися под стражей, требовалось конвоировать непосредственно в следственную квартиру (служебное помещение) судебного следователя, что требовало больших финансовых затрат, и было обременительно для государственной казны. Поэтому следователям зачастую приходилось допрашивать подозреваемых в местах их содержания [7, л.1–2об]. Такая служба, не предполагала соблюдения графика рабочего времени, поэтому основными требованиями к судебному следователю было нахождение на территории своего участка и успешное выполнение служебных функций. Отсутствие четких границ рабочего времени приводило к смешиванию с нерабочим временем следователя.

Дороги являлись неотъемлемой частью «служебного пространства», необходимым средством коммуникации. Следственные участки на Северном Кавказе, в том числе и Ставропольской губернии, в сравнении с внутренними губерниями, отличались большой протяженностью и неудобными дорогами [15, л. 21, 33]. Кроме того, следственный аппарат плохо финансировался, и ставропольские следователи не были обеспечены достаточным количеством лошадей и экипаже [3, л. 4]. Таким образом, трудности в повседневной служебной деятельности следователей дополнялись плохим качеством дорог и транспортных средств, отношениями с ямщиками. Следователь лишался оперативности в расследовании преступлений и уже не мог провести все следственные мероприятия «по горячим следам». Такая обширность территории участков была неприемлемой для эффективной работы следственных чиновников.

Важнейшим фактором, определявшим качество следственного труда, безусловно, являлся уровень образования и компетентности следователя. Насколько удалось установить, из судебных следователей «первого призыва» наиболее подготовленным был тридцативосьмилетний Титулярный советник Горгоний Андреевич Перловский. Будучи выпускником юридического факультета Киевского университета, он имел четырехлетний стаж работы судебным следователем в Подольской губернии [2, л. 390]. Говоря об остальных судебных следователях, отметим, что трое из них, имели юридическое образование, но не обладали соответствующим опытом работы. Напротив, коллежский асессор Матвей Михайлович Новаковский, окончив лишь уездное училище, в течение пяти лет служил в ведомстве Министерства юстиции. На протяжении второй половины XIX в. происходило стабильное повышение образовательного уровня судебных следователей. К 1894 г. из 12 участковых судебных следователей 11 имели высшее юридическое образование, причем до назначения

на должность следователя работали на других должностях в ведомстве Министерства, т. е. имели значительный стаж работы. К примеру, следователь 2-го участка Новогригорьевского уезда выпускник юридического факультета Императорского Харьковского университета Федор Юльевич Шлецер был назначен на должность следователя после 25 лет службы в ведомстве.

Важную роль в профессиональной деятельности судебных следователей играло не только полученное образование, но и практический опыт работы. Это было связано с тем, получаемое в университетах юридическое образование давало лишь теоретические знания и не формировало у будущих юристов необходимые базовые умения и навыки. По мнению современников, подготовка в университете была недостаточной и приводила к тому, что «среди кандидатов прав встречаются такие, которые не могут отличить покушения от приготовления, совокупности от повторения, разбоя от грабежа...» [13, с. 47–49]. Будущие следователи получали необходимый практический опыт через институт кандидатов на должность по судебному ведомству. Основными занятиями кандидатов было исполнение обязанностей низших канцелярских должностей, а при успешности и усердии их выполнения, стажеры могли быть допущены к исполнению обязанностей судебных следователей. К стажерам обращались в тех случаях, когда штатные следователи из-за нехватки времени и сил не могли справиться с производством следствий.

Поскольку в Ставропольском окружном суде существовал постоянный недостаток следователей, командирование кандидатов в различные следственные участки для исполнения следственных функций здесь было частым явлением. Формулярные списки (личные дела) судебных следователей свидетельствуют, что многие из них до назначения на должность неоднократно командировались для помощи судебным следователям [2, л. 358об; 11, л. 84, 149, 162об, 188об]. При этом, формально командированные к выполнению отдельных следственных действий делали фактически всю работу наравне со следователями. Из этого можно сделать вывод, что подготовительная и обучающая сторона следственной кандидатской деятельности уходила на второй план. Таким образом, судебные следователи Ставропольской губернии обладали разным уровнем профессиональной подготовки, что влияло на качество работы следственного аппарата.

Помимо уровня образования на служебную деятельность накладывали свой отпечаток деловые качества и личностные черты самих следственных чиновников. Следует учитывать, что для некоторых нерадивых чиновников перевод на окраину Российской империи был своеобразным наказанием. В Ставропольской губернии, как и в целом по России, служили как исполнительные судебные следователи, грамотно производившие предварительное следствие, так и лица, не с лучшей стороны себя зарекомендовавшие на этой должности. Некоторые ставропольские следователи достаточно небрежно относились к своим служебным обязанностям: допросы свидетелей проводили поверхностно, не присутствовали на осмотрах места преступления, перепоручая свои обязанности полиции, вещественные доказательства отправляли к экспертам без какой-либо информации о том деле, к которому они относятся и т.д. [8, л. 57–58.]. К примеру, судебный следователь 1-го участка Новогригорьевского уезда Перловский специально на протяжении десяти лет составлял фальсифицированные отчеты о своей деятельности, занижая число неоконченных дел более чем на сто единиц [9, л. 53]. Такое поведение можно объяснить тем, что точные сроки предварительного следствия законом не устанавливались, поэтому формально скорость работы участкового следователя обычно определялась числом дел, оставшихся нерешенными к определенному времени. Слишком низкая скорость делопроизводства расценивалась как «медленность» – нарушение, за которое чиновник мог быть подвергнут взысканию. В одной из жалоб на действия судебного следователя говорилось, что судебный следователь 2-го участка Новогригорьевского уезда Снежков «ведет нетрезвую жизнь и грубо обращается с прибывшими по следственным делам подсудимыми и свидетелями, почти исключительно крестьянами». Ставропольским окружным судом было принято решение «для устранения неблагоприятных слухов о

деятельности судебных следователей» перевести его в другой следственный участок губернии [16, л. 14об].

Помимо указанных недостатков, множество недочетов было в организации следственного делопроизводства. Зачастую, необходимые бумаги писались очень неразборчиво, как отмечалось «какими-то знаками собственного господ следователей изобретения, не дающими возможности разобрать не только сущность показаний допрашиваемых лиц, но даже их имена, отчества и фамилии». Многие следователи не скрепляли дела по листам и не составляли частных описей, а также в делах имелась двойная или тройная нумерация листов. Неправильно оформлялись бирки к вещественным доказательствам. Это, как отмечал прокурор, приводило к тому, что иногда невозможно было определить, к какому делу относятся вещественные доказательства. Были такие случаи, что в судебных заседаниях предъявлялись вещественные доказательства, не относящихся к рассмотренному делу [10, л. 5об-6]. В целом, говоря об организации делопроизводства судебными следователями, мы приходим к выводу, что эти просчеты замедляли рассмотрение следственных дел в суде.

Итак, дореволюционные следователи внесли весомый вклад в становление правовой системы Ставрополья, многие из них честно и добросовестно выполняли возложенные на них государством непростые обязанности. Их скромный и незаметный, на первый взгляд, труд явился поистине делом государственной важности, требующим глубокого знания законодательства, профессионального мастерства, опыта, человечности. Образ служебной повседневности во многом обуславливался уникальной индивидуальностью каждого следователя, а локальная специфика задавала определенную модель этой повседневности.

Источники и литература

1. Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент // Новая локальная история по следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь: СКФУ, 2014. С.113–117.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 398. Оп. 3. Д. 44.
3. ГАСК. Ф. 398. Оп. 5. Д. 2.
4. ГАСК. Ф. 398. Оп. 6. Д. 2.
5. ГАСК. Ф. 398. Оп. 6. Д. 33.
6. ГАСК. Ф. 398. Оп. 12. Д. 86.
7. ГАСК. Ф 398. Оп. 14. Д. 22.
8. ГАСК. Ф. 398. Оп. 14. Д. 41.
9. ГАСК. Ф. 398. Оп. 17. Д. 11.
10. ГАСК. Ф. 398. Оп. 23. Д. 28.
11. ГАСК. Ф. 398. Оп. 25. Д. 107.
12. ГАСК. Ф. 398. Оп. 41. Д. 707.
13. Муравьев Н. В. Кандидаты на судебные должности: вопрос судоустройства и судебной политики. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1886. [2], IV, 179 с.
14. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2. Т. 39. Отделение 1: 1864, От № 40457–41318. СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 976 с.
15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 19. Д. 118.
16. РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Ч. 3. Д. 1740.
17. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1382.
18. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
19. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 1–30. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1884–1914 год. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1887–1916.
20. Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1866. 397, LVIII, IV с.
21. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года. СПб.: [б. и.], 1864. III, III, 442 с. (с разд. пагинацией).
22. Журнал Министерства юстиции. № 9, Сентябрь. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1866. 465 с.

References

1. Bulygina T. A. Istorija povsednevnosti i «novaja lokal'naja istorija»: issledovatel'skoe pole i issledovatel'skij instrument (*The history of everyday life and the «new local history»: the research field and a research tool*) // Novaja lokal'naja istorija: po sledam internet-konferencij. 2007–2014. Stavropol': NCFU, 2014. P. 113–117.
2. State Archives of Stavropol Territory (GASK). F.398. Inv.3. D.44.
3. GASK. F.398. Inv.5. D. 2.
4. GASK. F.398. Inv.6. D. 2.
5. GASK. F.398. Inv.6. D. 33.
6. GASK. F.398. Inv.12. D. 86.
7. GASK. F.398. Inv.14. D. 22.
8. GASK. F.398. Inv.14. D. 41.
9. GASK. F.398. Inv.17. D. 11.
10. GASK. F.398. Inv.23. D. 28.
11. GASK. F.398. Inv.25. D. 107.
12. GASK. F.398. Inv.41. D. 707.
13. Murav'ev N. V. Kandidaty na sudebnye dolzhnosti: vopros sudoustrojstva i sudebnoj politiki (*Candidates for judicial positions: the question of the judiciary and judicial policy*). Moscow: A.I. Mamontov and K° Printing, 1886. [2], IV, 179 p.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (*Complete Collection of Russian Empire Laws*): Collection 2. Vol. 39. St. Peterburg: Typography 2 Division of the Office of His Imperial Majesty, 1867. 976 p.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1268. Inv. 19. D. 118.
16. RGIA. F. 1354. Inv. 1. Part. 3. D. 1740.
17. RGIA. F. 1405. Inv. 542. D. 1382.
18. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubeje XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika (*History at the border of the XX–XXI cc.: social theories and historiographical practices*). Moscow: Krug', 2011. 560 p.
19. Sbornik statisticheskih svedenij Ministerstva justicii (*The collection of statistical data of the Ministry of Justice*). Issue. 1-30. Svedenija o lichnom sostave i o dejatel'nosti sudebnyh ustanovlenij Evropejskoj Rossii za 1884–1914 god (Data on personnel and activities of the European court of justice of Russia for 1884–1914 years). St. Peterburg: Printing house Governing Senate, 1887–1916.
20. Spisok chinam Pravitel'stvyushchego Senata i Ministerstva yustitsii. 1866. St. Peterburg: Printing house Governing Senate, 1866. 397, LVIII, IV p.
21. Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda (*Legal Statutes November 20, 1864*). St. Peterburg, 1864. III, III, 442 p.
22. Zhurnal Ministerstva justicii (*Journal of the Ministry of Justice*). No. 9, September. St. Peterburg: Printing house Governing Senate, 1866. 465 p.

УДК 93/94

Г. Н. Рыкун, Э. В. Карапетян

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье раскрываются генезис, истоки становления и эволюции истории повседневности и обеспечения жизнедеятельности общества в качестве самостоятельного направления в истории. Показывается отношение к проблеме зарубежных и отечественных исследователей, определяются ее отличия от смежных отраслей исторического знания. Авторы акцентируют внимание на значимости изучения данной проблематики в историческом ракурсе на особо сложных, переломных этапах общественной эволюции. В работе представлен детальный анализ подходов к разработке проблем повседневности немецких исследователей, чей опыт оказал влияние на отношение представителей отечественной исторической школы к истории повседневной жизни. При этом подчеркивается процесс регионализации исследовательской практики рассматриваемого направления в российских условиях. По мнению авторов, эта тенденция обусловлена особенностями жизнедеятельности локальных сообществ.

Ключевые слова: история повседневности, жизнеобеспечение общества, микроистория, история снизу, историко-антропологический подход, жизненные подробности.

G. N. Rykun, E. V. Karapetyan

THE FORMATION OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE AND LIVELIHOODS OF THE SOCIETY IN HISTORICAL SCIENCE

The article reveals the genesis, the origins of the formation and evolution of the history of everyday life and the livelihoods of the society as an independent direction in history. Shows the attitude to the problem of foreign and domestic researchers, are determined by its differences from the related branches of historical knowledge. The authors emphasize the significance of studying this problem in historical perspective at the most challenging, critical stages of social evolution. The paper presents a detailed analysis of approaches to the problems of everyday life of German researchers, whose experience influenced the attitude of the representatives of the national historical school to the history of everyday life. This emphasizes the regionalization process research practices in the direction in question in the Russian context. According to the authors, this trend is due to the peculiarities of life of local communities.

Key words: history of everyday life, the livelihood of the society, micro-history, history from below, the historical-anthropological approach, details of life.

История как наука, изучающая прошлое, отнюдь не замыкается на достигнутых результатах, а развивается на основе использования творческих подходов к осмыслению исторических событий и явлений. Любые из них, даже самые исследованные проблемы, в глубине их сущностных характеристик непременно содержат еще непознанные или недостаточно освещенные вопросы, требующие дополнительных объяснений и новых интерпретаций. Именно поэтому исследовательская практика историков сравнивается

с познавательным творчеством, в процессе которого ведется не только поиск и систематизация новых источников информации, но и определяются способы ее анализа, возможности определения в структуру уже известных фактов и создания на этой основе научного фундамента для объективного объяснения исторических процессов.

Естественным помощником в этой многосложной работе является вооруженность исследователя теоретическими знаниями. Представленная схема научного творчества вместе с традиционными методами познания вполне пригодна и даже обязательна для изучения любого исторического явления, все зависит от того, какая цель при этом преследуется и какой результат ожидается. Если поставить вопрос о возможности изучения истории Великой Отечественной войны вне рамок политической истории, то современные исследователи непременно дадут на этот вопрос положительный ответ и разделят ее на целый ряд измерений: социальное, экономическое, гендерное, этно-национальное и т.д. Каждое из этих и многие другие измерения войны обеспечены набором общенаучных и специальных методологических инструментов, которые в совокупности образуют целостную систему средств научного познания такого эпохального исторического события, каковым является Вторая мировая и Великая Отечественная война.

В этом ряду примерно с середины 1970-х годов исследовательская практика европейских историков пополнилась таким направлением, как история повседневности, включая вопросы обеспечения жизнедеятельности общества. В отечественной историографии оно появилось в конце XX века, хотя отдельные попытки проникновения в историю повседневных проблем отмечались и ранее. Но именно в 1990-е годы появились работы, которые определили вектор развития исследовательской работы российских ученых по проблемам повседневности в историческом разрезе. В первую очередь, хотелось бы отметить статью Ю. А. Полякова с анализом состояния и эволюции массового сознания во время войны [4, с. 62–76]. В этом же ряду можно назвать работы Н. Н. Козловой о повседневных заботах общества в советское время [5] и Е. Ю. Зубковой о жизнеобеспечении советского общества в послевоенное время [6].

Теоретическую основу этого направления в истории составили философские изыскания классиков феноменологии, прежде всего, ее основателя, немецкого философа Эдмунда Гуссерля. Он одним из первых обосновал значимость научного осмысления «жизненного мира», который, по его мнению, не является данностью, а представляет собой продукт развития человека в обществе и в историческом пространстве [2, с.136–176]. Его идеи вызвали большой интерес сначала среди представителей социологии, а затем и других гуманитарных дисциплин, в частности, историков, которые заимствовали их для реализации собственных исследовательских замыслов. Результаты эксперимента с рецессией философских понятий превзошли все ожидания, и как следствие, в общественных науках прочно утвердились такие самостоятельные направления, как «социология, экономика, история повседневности и жизнеобеспечения».

В исторической науке применительно к повседневности изначально доминировал историко-антропологический подход, яркими представителями которого являются французские историки Марк Блок, Люсьен Февр, Фернан Бродель. Тотальность и всеохватность исторического процесса они не представляли без обращения к проблемам повседневной жизни человека, включая в ее структуру социально-политические, финансово-экономические, этнические, демографические, производственно-хозяйственные и другие компоненты, составляющие макроконтекст человеческого бытия. Ф. Бродель относил к рассматриваемой тематике все, что окружает человека (условия жизни), чем он занимается (учеба, труд, увлечения), как удовлетворяет свои социальные и бытовые потребности (питание, жилище, мода, медицинское обслуживание). Кроме того, с его точки зрения, это направление исторического знания должно отражать чувства, переживания, эмоции, идеалы, символику, ритуалы, правила и нормы поведения людей, а также их семейно-брачные отношения, политические и религиозные предпочтения. При этом он, его сторонники и последователи четко разграничивали понимание «истории повседневной жизни», которая должна пере-

давать дух времени, и «этнографии», акцентирующей внимание на изучении бытовой культуры народов как основного фактора их идентификации [3, с.176–196].

Еще один подход в понимании и трактовке истории повседневности и обеспечения жизни людей связан с обращением представителей немецкой исторической школы (А. Людтке, Х. Медик) к реконструкции малых жизненных миров, героями которых выступают рядовые люди, отдельные социальные группы. Этот подход, в отличие от предыдущего, был очень тесно связан с этнологией и социальной историей.

Со временем оба рассматриваемых подхода в изучении истории повседневной жизни несколько сблизились в основном за счет того, что сторонники микроистории в своих исследованиях стали обращаться к переходным этапам общественного развития, к периодам повышенной социально-политической напряженности. Предметом их анализа стали формы и способы выживания людей в экстремальных условиях во время войн, эпидемий, революционных преобразований, борьба с голодом и разрухой, где человек выступает жертвой внешних обстоятельств, агрессии, под воздействием которых меняется его поведение, отношение к ценностям, восприятие глобальных исторических процессов. Иными словами, симбиоз двух подходов к изучению истории повседневной жизнедеятельности породил «историю снизу – историю изнутри» (Geschichte von unten – Geschichte von innen), которая объединила в себе не только междисциплинарные возможности, но и определила в качестве своего предмета человека в его повседневных заботах с его чувствами и переживаниями.

Именно под таким названием осенью 1984 года в Берлине состоялась конференция, на которой немецкие исследователи представили работы по самым различным аспектам повседневной жизни. В их числе была и разработка теоретико-методологических основ изучения общественной повседневности новейшей истории, а также труды, в которых решались практические задачи изучения прошлого через повседневность и решение вопросов жизнеобеспечения. Немецкие исследователи рассматривали в рамках этих проблем жизнь не одного конкретного индивида, а целого общества, в том числе вопросы производственной сферы, материальной культуры, культовых традиций. В зоне их пристального внимания находились чувственный мир людей, их поведение, сознание, эмоции и т.п. Так, например, Л. Нитхаммер обозначил общие подходы к освещению повседневных проблем в истории [11, s. 11–29]; К. Тенфельд обратил внимание на сложности научной разработки данной тематики [12, s. 376–394], а К. Бергман и Р. Шеркен подчеркнули ее важность для исторических исследований [13]. Д. Пойкерт, в свою очередь, остановился на различиях между историей повседневной жизни и исторической антропологией [14, s. 57–72]. Интерес представляет работа Ю. Кока, в которой автор на основе анализа повседневности и обеспечения жизнедеятельности рабочих, приходит к выводу о том, что трудящиеся массы являются не классом, а представителями рабочей субкультуры [15, s. 24–36]. Но, пожалуй, самым значительным и по масштабу, и по охвату проблемных вопросов является 5-и томное издание Ю. Кучинского, описывающее жизнь немецкого народа на протяжении трех с половиной столетий, с 1600 года до окончания Второй мировой войны [16].

Соответственно, и отечественные историки повседневности определились с приоритетами своей исследовательской практики. Ее главной особенностью, в отличие от этнографии, является взаимосвязь с процессами традиционной событийной истории. Для исследователя повседневной жизни важны не столько факты, сколько жизненные проблемы, а также их осмысление и отражение в сознании людей. Его интересует, прежде всего, как и почему меняются ценностные ориентации, где лежат истоки мотивации неординарных поступков, в чем заключается причина переосмысления общепринятых норм и правил поведения, как формируется и проявляется менталитет и т.д. Поэтому работы по истории повседневной жизни, как правило, охватывают непродолжительный отрезок времени, ограниченный территориально. Но при этом обращается внимание на восприятие ограниченного локального общества импульсов власти, попыток регламентации их жизнедеятельности на основании новых правовых норм.

Повышенный интерес отечественных исследователей к истории повседневной жизни предопределил создание в Институте

истории Российской академии наук Научного совета «Человек в повседневности: прошлое и настоящее». Его основная задача заключалась в координации научной деятельности ученых различных направлений, и интересующихся проблемами повседневной жизни. Возглавил совет доктор исторических наук, академик РАН Ю. А. Поляков, который выражал убежденность в том, что повседневность в историческом разрезе способна отражать преемственность различных поколений, определять их общие черты, региональные, национальные и индивидуальные особенности [7, с. 125]. В работе совета активное участие приняли известные специалисты-историки, академики В. А. Тишков, А. О. Чубарьян, С. О. Шмидт, И. Х. Урилов и другие.

Свою деятельность совет начал с организации научной дискуссии по широкому спектру вопросов, относящихся к истории повседневной жизни общества. Направленность этой дискуссии определили тематические публикации в специальных научных изданиях Ю. А. Полякова и В. Б. Жиромской [8, с. 7–10], М. М. Крома [9, с. 7–14], Н. Л. Пушкаревой [10, с. 93–112] и других.

В обсуждении поставленных проблем активное участие приняли также региональные исследователи. Например, Т. А. Булыгина выразила мнение о том, что, игнорирование компонентов повседневности в освещении исторических событий идеализирует прошлое, нацеливает исследователей на создание неполноценных исторических конструкций. Их наполнение жизненными подробностями осуществляется за счет включения фактора повседневности в исследовательскую практику. Она считает также, что история повседневности легко вплетается в ткань локальной истории, а ее предназначение состоит не в том, чтобы детализировать событийную историю, а в том, чтобы показывать отражение этих событий в мыслях, чувствах, переживаниях людей. История повседневности помогает выявлять «поведенческие мотивы и формы, формирующиеся на основе определенных ценностных канонов и нормативных систем применительно к историческому месту и времени» [1, с. 23].

Данная позиция явно указывает на регионализацию исторических исследований повседневной жизни, поскольку в пределах локального общества более отчетливо проявляются особенности ее содержания. Регионализация исследовательской работы в области истории повседневности и жизнеобеспечения локального общества накладывает дополнительную ответственность на местные научные сообщества, прежде всего, в плане расширения историографической базы за счет работ, отражающих этно-конфессиональные, ментальные и другие особенности населения российских территорий. Новому поколению исследователей предстоит сформировать источниковую базу для проникновения в глубины повседневной жизни различных групп населения, внести ясность в вопросы развития и функционирования региональных систем жизнеобеспечения, раскрыть проблемы выживания общества в сложных социально-политических условиях. Иными словами, история повседневной жизни страны и регионов во всей совокупности ее проявлений нуждается в обеспечении дополнительными научно-исследовательскими силами и средствами. Ее предрасположенность к повышению объективности особенно актуальна сегодня, когда на постсоветском пространстве отдельные политические силы пытаются искусственно конструировать национальную историю, подгоняя ее под современную политическую конъюнктуру, что приводит к извращенному толкованию событий прошлого.

Источники и литература

1. Булыгина Т. А. Великая Отечественная война в контексте военной повседневности // Народы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне: материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. 30 марта 2010 г. Ставрополь: СГУ, 2010. С. 23.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. №7. С. 136–176.
3. Олабарри И. «Новая» новая история: структура большой длительности // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Харьков: Константа, 2004. С. 176–196.
4. Поляков Ю. А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. №11. С. 62–76.

5. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Наука, 1996. 216 с.
6. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945–1953 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
7. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125–132.
8. Поляков Ю. А., Жиромская В. Б. Человек в повседневности: прошлое и настоящее. Научный совет РАН // Вестник РУДН. Серия: История России. 2003. № 2. С. 7–10.
9. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // Источник. Историк. История. История повседневности: сборник научных работ. Вып. 3. СПб.: Алетейя, 2003. С. 7–14.
10. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник 2004. М.: РОСПЭН, 2005. С. 93–112.
11. Niethammer L. Anmerkungen zur Alltagsgeschichte // Geschichte im Alltag – Alltag in der Geschichte. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1982. S. 11–29.
12. Tenfeld K. Schwierigkeiten mit dem Alltag // Geschichte und Gesellschaft. 1984. S. 376–394.
13. Bergmann K., Schörken R. Geschichte im Alltag – Alltag in der Geschichte. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1982. 246 s.
14. Peukert D. Neuere Alltags Geschichte und Historische Antropologie // Historische Antropologie. – Göttingen: U-Verlag, 1984. S. 57–72.
15. Kocka J. Klassen oder Kultur? Durchbrúche und Sackgassen in der Arbeitergeschichte // Merkur. – 1982. № 36. S. 24–36.
16. Kuszynski J. Geschichte des Alltags des Deutschen Volkes. 1600–1945, in 5 Bänden. Köln: PapyRossa Verlag, 1981–1982. B.1. 379 s., B.2. 379 s., B.3. 389 s., B.4. 471 s., B.5. 396 s.

References

1. Bulygina T. A. Velikaja Otechestvennaja vojna v kontekste voennoj povsednevnosti (*The Great Patriotic War in the context of military everyday life*) // Narody Severnogo Kavkaza v Velikoj Otechestvennoj vojne. Stavropol': SSU, 2010. P. 23. (In Russian).
2. Gusserl' J. E. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija (*Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*) // Voprosy filosofii. 1992. No.7. P. 136–176. (In Russian).
3. Olabarri I. «Novaja» novaja istorija: struktura bol'shoj dlitel'nosti (*The «new» new story: the structure of long duration*) // Ojkumena. Al'manah sravnitel'nyh issledovanij politicheskih institutov, social'no-jekonomicheskih sistem i civilizacij. Issue 2. Kharkov: Konstanta, 2004. P. 176–196. (In Russian).
4. Poljakov Yu. A. Pochemu my pobedili? O massovom soznanii v gody vojny (*Why did we win? About the mass consciousness during the war*) // Svobodnaja mysl'. 1994. No.11. P. 62–76. (In Russian).
5. Kozlova N. N. Gorizonty povsednevnosti sovetskoj jepohi: golosa iz hora (*The horizons of everyday life of the Soviet era: the voices of the choir*). Moscow: Nauka, 1996. 216 p. (In Russian).
6. Zubkova E. Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost' (1945–1953) (*The post-war Soviet society: politics and everyday life (1945–1953)*. Moscow: ROSSPJEN, 1999. 229 p. (In Russian).
7. Poljakov Yu. A. CHelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty) (*Man in everyday life (historical aspects)* // Otechestvennaja istorija. 2000. No. 3. P. 125. (In Russian).
8. Poljakov Yu. A., ZHiromskaja V. B. Chelovek v povsednevnosti: proshloe i nastojashhee (*Man in everyday life: Past and Present*). Nauchnyj sovet RAN // Vestnik RUDN: Istorija Rossii. 2003. No. 2. P. 7–10. (In Russian).
9. Krom M. M. Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovanija (*Daily life as a subject of historical research*) // Istochnik. Istorik. Istorija. Istorija povsednevnosti. Issue. 3. St. Peterburg, 2003. P. 7–14. (In Russian).
10. Pushkareva N. L. «Istorija povsednevnosti» i «istorija chastnoj zhizni»: soderzhanie i sootnoshenie ponjatij (*«The history of everyday life» and «the history of private life»: the content and the relationship between the concepts*) // Social'naja istorija. Ezhegodnik 2004. Moscow: ROSSPJEN, 2005. P. 93–112.
11. Niethammer L. Anmerkungen zur Alltagsgeschichte (*Notes to everyday history)* // Geschichte im Alltag – Alltag in der Geschichte. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1982. S. 11–29.
12. Tenfeld K. Schwierigkeiten mit dem Alltag (*Difficulties with everyday life*) // Geschichte und Gesellschaft, 1984. S. 376–394.
13. Bergmann K., Schörken R. Geschichte im Alltag – Alltag in der Geschichte (*History in everyday life – everyday life in history*). Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1982. 246 s.
14. Peukert D. Neuere Alltags Geschichte und Historische Antropologie (*New everyday history and Historical Anthropology*) // Historische Antropologie. Göttingen: U-Verlag, 1984. S. 57–72.
15. Kocka J. Klassen oder Kultur? Durchbrúche und Sackgassen in der Arbeitergeschichte (*Classes or culture? Breakthrough and dead ends in the working history*) // Merkur. 1982. No.36. S. 24–36.
16. Kuszynski J. Geschichte des Alltags des Deutschen Volkes. 1600–1945 (*History of everyday life of the German people. 1600–1945*). In 5 Bänden. Köln: PapyRossa Verlag, 1981–1982. B. 1. 379 S., B. 2. 379 S., B. 3. 389 s., B. 4. 471 s., B. 5. 396 s.

УДК 94(47).081/.083

С. М. Смагина

П. Н. МИЛЮКОВ И ЕГО РОЛЬ В ЭМИГРАНТСКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕСТВОВАНИЯ ЕГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ. 1859–1929)

В статье исследуются материалы, опубликованные в 1929 году в Париже и посвященные семидесятилетию Павла Николаевича Милюкова. Материалы распределены в сборнике по разделам, из которых особый интерес вызвали: «Милюков как политик», «Милюков как учитель», «Милюков и национальный вопрос» и др. Они выполнены его коллегами, соратниками, а зачастую и оппонентами, хорошо знавшими основные вехи политической и профессиональной деятельности юбиляра (А. Ф. Керенский, Н. И. Астров, Е. Д. Кускова, М. В. Вишняк и др.). Использованы некоторые свидетельства П. Б. Струве, В. М. Чернова и др., относившиеся к этому периоду. Анализ позволил сделать вывод, что и в эмиграции, будучи оторванным от Родины, Милюков продолжал работать над социальной доктриной и политической программой ее будущего возрождения, оставаясь верным принципам и моральным установкам русского либерала и демократа.

Ключевые слова: новая тактика, республиканско-демократический лагерь, эволюционизм, федерализм, компромисс.

S. M. Smagina

P. N. MILYUKOV AND HIS ROLE IN EMIGRATION (ON THE MATERIALS OF THE CELEBRATION OF HIS SEVENTIETH ANNIVERSARY. 1859–1929)

The article examines the materials published in 1929 in Paris and dedicated to the seventieth birthday of Pavel Nikolayevich Milyukov. The materials of the publication are distributed into some sections, from which special attention is attracted to the following ones: “Milyukov as a Politician”, “Milyukov as a Teacher”, “Milyukov and the National Question”, etc. They are made by his colleagues, supporters and even opponents who knew the major milestones of Milyukov’s political and professional activities (A. F. Kerensky, N. I. Astrov, E. D. Kuskova, M. V. Vishnyak, etc.). Some evidences of P. B. Struve, V. M. Chernov, etc., related to this period, are used. The analysis allowed to conclude that in immigration being separated from the Motherland, Milyukov continued working on social doctrine and political programme of its future revival, while remaining faithful to the principles and moral values of the Russian Liberal and Democrat.

Key words: new tactics, Republic-democratic camp/group, evolutionism, federalism, compromise.

Актуальность проблемы во многом связана с тем, что П. Н. Милюков был не только признанным лидером влиятельной российской политической партии, известным ученым, создавшим оригинальную концепцию русской истории, но и человеком, не растерявшим этих качеств политического деятеля и интеллектуала русского либерализма в эмиграции. Об этом свидетельствуют материалы, связанные с чествованием его семидесятилетия, проходившем в Париже 2–3 марта 1929 года, и включенные в сборник с аналогичным названием [8], как, впрочем, и другие публикации, состоявшиеся в эти дни или несколько позднее [15].

И неслучайно один из главных оппонентов Милюкова и в России, и за рубежом А. Ф. Керенский, в дни юбилея призвав эмигрантскую молодежь учиться на «примерных людях» и в числе таковых назвав П. Н. Милюкова, подчеркнул, что, если в идеях он для него «спорен», то в типе общественного работника «удивителен», таким «должен быть тот, кто хочет строить новое здание…»:

никакие неудачи, личные поражения не могли оторвать его от «идеи… служить России» [8, с. 148–149].

Российская политическая эмиграция на протяжении 20–30-х годов активно наблюдала за всеми событиями, происходившими на Родине и в странах-реципиентах, пытаясь корректировать партийные программы и платформы, уточнять социальные прогнозы. Эмиграция организовывалась в различные союзы (блоки), которые затем распадались, создавая почву для новых объединений. Сказывалась общая атмосфера ее политического бытия с постоянным оппозиционированием группировок друг другу на почве личных отношений, организационных разногласий, а также перипетий тактического плана.

Раскалывалась в эмиграции и партия конституционных демократов, хотя благодаря сохранению приверженности базовым мировоззренческим постулатам о правовом государстве и гражданском обществе, о правах и свободах человека, им удавалось, в отличие от многих других партийных образований, сохранять организационные структуры. Этому способствовало и то обстоятельство, что русская эмиграция, в первую очередь кадетская, дифференцировалась зачастую не по платформам и декларациям, а «по людям», которых, по словам члена Константинопольской группы партии народной свободы И. Н. Альтшулера, привыкли «глубоко ценить».

П. Н. Милюков, безоговорочно, входил в число этих людей. И дело было не только в его блестящем уме и глубокой эрудиции, в отсутствии «рефлекса страха» [8, с. 105], о чем писали друзья и враги и благодаря чему, по словам его почитателя, редактора парижских «Современных записок» М. В. Вишняка, он продолжал занимать одно из центральных мест в эмиграции, вокруг которых не умолкали «теоретические споры и общественно-политические страсти». Будучи по своему жизненному, научному и политическому пути, считал М. В. Вишняк, «русским европейцем» (разрядка в тексте – *С. С.*), обладая срединным мышлением, он выделялся тем, что вносил во все споры, в «русскую истовость» «начало умеряющее и упорядочивающее», проверяя «гармонию» доктрины опытом жизни [8, с. 173]. Именно последнее, по мнению М. В. Вишняка, позволило Милюкову говорить о «русском либерализме», «снимающем» противоречия между национализмом и западничеством и одновременно отрицавшем «тождественность» (разрядка в тексте – *С. С.*) процессов, протекавших в Европе и России [8, с. 175–176]. Следует отметить, что это была одна из первых новых классификационных характеристик российского либерализма, данная современником П. Н. Милюкова. Отечественные исследователи поставили вопрос о знаковости термина «русский» лишь в конце 90-х годов XX века [13], споры по поводу чего в научном сообществе продолжаются до сих пор [1].

Характерно, что сопряжение доктринальных установок с действительностью, с «опытом жизни» выделили как главную черту аналитического подхода Милюкова все авторы (их более 30), чьи материалы вошли в юбилейный сборник. В первую очередь, это те, кто писал о его громадном вкладе в развитие «русской исторической мысли», русской историографии (В. А, Мякотин, А. А. Кизеветтер и др.) [8, с. 39–48, 49–54]. Причем, впоследствии, спустя несколько лет, П. Н. Милюков также тепло вспоминал Венедикта Александровича Мякотина, как активного члена Народно-социалистической партии, с кем он неоднократно встречался в Праге в 1923–1924 гг. в связи с переговорами о создании республиканско-демократического союза левых кадетов и умеренных социалистов [14, с. 110–134]. Поместив свой материал-некролог в газете «Новая Россия», издаваемой А. Ф. Керенским в 1936–1940 гг., он еще раз напомнил формулу В. А. Мякотина: демократическая Россия через государственное единство и федеративный строй, – выразив её полную поддержку [5].

Еще более масштабными, в связи с их актуальностью, выглядели оценки политической деятельности и перипетий политической судьбы Милюкова (В. А. Оболенский, А. Ф. Керенский, А. М. Кулишер, Н. И. Астров, Е. Д. Кускова и др.). Как бы предтечей их концептуального смысла служат слова В. А. Оболенского, члена ЦК партии народной свободы, в начале 20-х гг. – члена её Константинопольской, а затем – Парижской групп, который, обозначив тезис о выдающейся роли П. Н. Милюкова в политической жизни России, оценил его политический взгляды не как результат эмоционального

восприятия, а как «вывод» из научной работы мысли: «Милюков – политик» был «отражением Милюкова-историка» [7, с. 100–101]. И в этой, и в другой ипостасях, по мнению В. А. Оболенского, Милюков всегда демонстрировал глубокую веру в свое дело и его правоту, проявляя удивительную «бесчувственность» к нападкам врагов. И хотя много раз готовились покушения на его жизнь, он всегда и везде говорил и писал то, что считал «нужным». И в этой связи автор выделил два положения, ставшие аксиомами для Милюкова в его деятельности: во-первых, признание первоочередности интересов «общегосударственных»; во-вторых, политике утопических лозунгов должна противопоставляться реальная политика.

И ещё одну характерную особенность Милюкова-политика выделил В. А. Оболенский – его исключительную политическую дальнозоркость [8, с. 107–108]. «Идущий впереди», – так обозначил ее сущность другой автор, член ЦК кадетской партии, член ее Парижского комитета, почти сразу же вышедший из него после представления Милюковым своей «новой тактики» (декабрь 1920 г.), Н. И. Астров, но тем не менее подчеркнувший его неутомимость, непримиримость, настойчивость [8, с. 128, 130]. Другой его соратник – председатель Берлинской группы Республиканско-демократического объединения (РДО), возникшего в 1924 году в Париже, с однозначным признанием в качестве своего лидера Павла Николаевича, однако отказавшегося от официального поста председателя, Б.И. Элькин раскрыл эту милюковскую черту как обладание зрением редкой остроты и зоркости, «обращенным в будущее – он не только борется, но и всегда предупреждает» [8, с. 113].

Как считали современники, это проявлялось в эмиграции многожды. И всё-таки все однозначно выделяли, прежде всего, «новую тактику» П. Н. Милюкова, провозглашенную в конце 1920 г. и на долгие годы ставшую предметом дискуссий не только в кадетских партийных кругах, но и эмигрантской общественности в целом. Тем самым ее автор, как подчеркнул один из чествовавших В. И. Талин (Ст. Иванович), нарушил «единый фронт» эмиграции, плывя «против течения» и не боясь остаться в одиночестве [8, с. 172]. Действительно, конец 1920–1921 гг. стали переломными в судьбе российской эмиграции. Связано это было с рядом трагических обстоятельств проанализированных Милюковым: поражением в гражданской войне, падением Крыма, эвакуацией остатков армии Врангеля и Южно-русского правительства, в котором кадеты играли весьма заметную роль (П. Б. Струве, М. М. Федоров и др.). Насколько неоднозначной была обстановка в возникших кадетских группах, свидетельствует тот факт, что 23 ноября президиум Парижского комитета партии народной свободы принял решение о немедленном вызове П. Н. Милюкова [10, с. 40], который, в 1920 г. проживая в Лондоне, лишь периодически приезжал в Париж для обсуждения приоритетных вопросов партийной тактики. В конце 1920 г. (Павел Николаевич указал в одном из писем на совпадение его приезда с кануном Рождества) [2] он обосновался в Париже, а 21 декабря 1920 г. выступил на заседании Парижской группы партии народной свободы в присутствии 36-и человек с Запиской «Что делать после Крымской катастрофы?» [10, с. 76–83]. Как оценил её значение в рукописи «При свете двух революций» сам П. Н. Милюков, данная «Записка» стала первым официальным документом так называемой «новой тактики», одновременно была поставлена задача выяснить «собственную программу партии» [3].

Тактическая линия, предложенная Милюковым, потому и представлялась «новой», что она предполагала глубокий поворот кадетской партии по отношению к предыдущему периоду военной борьбы с одновременным обогащением «новой» теоретической сущности кадетизма на основе приобретенного опыта [10, с. 82].

По-новому для русской эмиграции прозвучало и положение о том, что в самой России «под жесткою шелухою большевистского насилия» произошел громадный «психологический сдвиг» и сложилась «новая социальная структура», «новые слои и настроения» [10, с. 80, 444]. По существу, Милюков предложил выявить то конструктивное, что было в большевистской революции, несмотря на всю уродливость ее форм и примитивность проявлений, изучить «зародыши» последующих возможных трансформаций при альтернативном варианте развития.

Это, действительно, было новационным и в тактическом, и в концептуальном плане.

Как заметил в юбилейные дни 1929 года, член РДО А. М. Кулишер, посвятивший юбиляру специальную статью «Значение новой тактики», фактически «новая тактика» стала не только и не столько тактической, сколько программной основой движения, «далеко вышедшего» за переделы «кадетизма» [8, с. 123]. Аналогичную мысль в статье «Политические идеи П. Н. Милюкова» высказал М. И. Ганфман, более двенадцати лет сотрудничавший в газете «Речь», а в 20-х – начале 30-х гг. бывший редактором прокадетской газеты «Сегодня» (Рига). Милюков, по его мнению, представлял собой особый тип русского политического деятеля, ибо, будучи социологом и историком, обладал мировоззрением «позитивизма», предполагавшего «трезвый анализ действующих сил», соблюдение исторической преемственности. И как заявил автор статьи, своей новой тактикой П. Н. Милюков это продемонстрировал, вызвав огонь критики: как раньше служил мишенью насмешек «левых пошляков», так теперь имел «обширную коллекцию нападок» со стороны правых [8, с.133, 135].

Действительно, новый тактический курс Милюкова столкнулся с непониманием, а иногда и с агрессивным неприятием со стороны эмиграции, в том числе – и кадетских групп, в июле 1921 года, что привело к выходу Милюкова и его сторонников (в количестве 22 человек) из Парижской группы партии народной свободы, образовавших Парижскую группу новой тактики, 11 августа 1921 года по предложению П. Н. Милюкова переименованную в Парижскую демократическую группу [11, с. 130–133], позднее – республиканско-демократическую. Примечательно, что на проходившем перед этим совещании членов Центрального комитета кадетской партии (26 мая – 2 июня 1921 года), П. Н. Милюков, подводя итоги спора, обратил внимание на то, что разногласия стали более «глубокими» и касались не только самой тактики, сколько более принципиальных положений, к которым он отнес: разное понимание русской революции и роли народа в ней. Однозначно предвидя споры не только в настоящем, но в будущем, предрек: «будущее рассудит нас… и покажет, кто был прав и кто нет» [10, с. 418].

Если отвлечься от понятия правоты в виду условности данной дефиниции применительно к политическим спорам, то любопытной выглядит позиция одного из главных полемистов на вышеобозначенном совещании Н. И. Астрова, предложившего тогда свою «записку» и резко критиковавшего Милюкова за якобы «нулевые» результаты новой тактики [10, с. 400, 405]. Но тем не менее, спустя восемь лет в дни юбилейных торжеств 1929 года он назвал Милюкова единственным в своем роде человеком, соединившим вокруг своего имени громадное количество мнений, споров, «часто негодования и борьбы». И при этом, как отметил Н. И. Астров, не было другого человека, к мнению которого так бы прислушивались в Европе и Америке, в эмиграции и даже на вершинах защищенной чекистами «цитадели поработителей нашей великой и несчастной родины» [8, с. 129].

В известном смысле, данному автору вторил А. Ф. Керенский, обративший внимание на глубокую уверенность Милюкова в правоте своего дела, правда, порой, по его мнению, переходившую в самоуверенность, но никогда не превращавшуюся в отчаяние. Как заметил Керенский, никогда по русскому обычаю он не мог махнуть рукой на свое дело, никогда не мог «превратиться из призванного Павла… в обывательского Савла», как это нередко происходило в русской эмигрантской среде [8, с. 149]. Однако, как заметил выступавший на юбилее В. А. Оболенский, чтобы быть «политиком такого масштаба», Милюкову нужно было много и постоянно работать: работал днем, работал ночью, спал наспех, ел наспех, «и так изо дня в день». При этом, по его словам, при всей своей нагрузке всегда был в курсе литературных новинок, посещал театры и концерты, сам играл на скрипке; в эмиграции редактировал «Последние новости», какое-то время и газету «Свободная Россия», читал лекции, выступал в партийных клубах [8, с.104].

И вообще обращают на себя внимание оценки рядом современников духовного, нравственного потенциала предложенного Милюковым курса. Как писал А. М. Кулишер, в условиях, когда с социологической точки зрения в обоих лагерях – «в победоносном красном и побежденном белом» дошло до полной «милитаризации психологии», облечения духа человеческого в «мундир», когда «выехать в эмиграцию» - означало попасть в атмосферу духовного регресса, разочарова-

ния людей, «разбитых» сознанием поражения, Милюков своей тактикой объявил: «нет, ничего не потеряно», и на чужбине можно продолжать дело борьбы за свободу и культуру, не в войне с Россией, а в содействии ее освобождению [8, с. 124]. По мнению А. М. Кулишера, Милюков обозначил и путь к достижению к этой цели – отказ от отождествления революционной России с большевизмом, отказ от рассмотрения ее как объекта «войны», ибо эмиграция в этом случае, по существу, отказывалась «навсегда» от возможности возвращения в Россию. Милюков, не примеряясь ни на минуту «с коммунистическим самодержавием», подчеркнул автор, сумел «отделить» его от происходившего процесса глубокого перерождения страны; не признавая советской власти, он учил признавать революцию «как факт и как право народа» [8, с. 125].

Характерно, что еще один автор, эсер М. В. Вишняк, поместивший свою статью «Русский европеец» в юбилейном сборнике в раздел «Милюков как учитель», высоко оценил его стремление «всегда» оставаться в стороне от «безвкусного социалистоедства». И хотя, как писал М. В. Вишняк, русский народнический социализм П. Н. Милюков считал ненаучным, но и он признавал его «интимную» связанность с русской жизнью, его «почвенность». И, как заключил Вишняк, русские социалисты, в частности эсеры, со своей стороны, предпочитали того, кто их отрицал, тем, кто их и социализм компрометировал [8, с. 178].

Как бы подводя своего рода итог оценкам значения новой тактики и ее последствий для эмиграции, другой автор Б. И. Элькин подчеркнул, что П. Н. Милюков, пересмотрев «идеологию борьбы» и разглядев «за туманной завесой коммунистического дурмана» процесс передвижения «всех пластов» и перерождения «всех тканей» народной жизни, призвал не только «признать» этот процесс во всех его проявлениях, но и «принять», как отправную точку дальнейшего движения и исходный момент всей дальнейшей истории России [8, с. 119–120]. Безусловно – это оценка представителя республиканско-демократического лагеря русской эмиграции, и она не может проецироваться на все ее структуры и отделы. Но в главном автор был прав: то, что восемь лет назад было предметом глубочайшего «раздражения» многих, со временем, по его мнению, стало «общим достоянием» тех, кто не утратил способности видеть вещи в реальном свете [8, с. 120]. Как заметил сам П. Н. Милюков в работе «Эмиграция на перепутье», написанной в 1926 году, на «внутренние процессы» в России надеялись теперь все, даже Марков 2-й (Н. Е. Марков – председатель Высшего Монархического совета) [8, с. 89].

Действительно, эмиграция внимательно наблюдала за всем, что происходило на Родине. Одна ее часть психологию «возвращенства» в Россию доводила до «морального оправдания» существовавшего там строя [8, с. 105–106] или призыва, как Е. Д. Кускова, «засыпать ров гражданской войны» [4], другие настаивали на «физиологической» непримиримости к большевикам, признавая только вооруженный «пафос борьбы» и реабилитацию идеи интервенции [8, с. 84, 97].

Ситуация, которую Милюков назвал «перепутьем», вновь потребовала от него рассмотрения важного, в первую очередь, теоретического, но одновременно и практического вопроса о характере и возможности протекания эволюционных процессов в России с точки зрения предуготовления ее демократического будущего. Как заметил в юбилейные дни Н. И. Астров, «планы и тактика» менялись, но цели оставались у Милюкова прежние: «и тогда, и теперь» защита права и демократии [8, с. 129, 130]. Переведя в новых условиях проблему из плоскости наличия «эволюции в России» в вопрос о том, как далеко она могла пойти и могла ли при этом эволюционировать сама советская власть, Милюков дал однозначно отрицательный ответ, отметив, что в этом случае ей необходимо было бы «самоуничтожиться» [9, с. 91–92]. Не веря в добровольный отказ от власти «советской олигархии», называя ее «деспотией», предостерег эмиграцию: «эволюционизм» становясь односторонним, неизбежно упирался в «капитуляцию» перед советской властью; «революционизм» – в «отрыв от России» [9, с. 95].

И этому предостережению внял кое-кто из тех, кого он критиковал, о чем свидетельствуют материалы юбилейного сборника. Так, Е. Д. Кускова в статье, посвященной Милюкову, под названием «Трагическое в вожде», признала за ним способность заставлять

«мыслить» и своих последователей, и своих противников, признав в нем несомненного «политического вождя», обладавшего свойством точно «предвидеть» [8, с. 138–139]. Она отдала Милюкову приоритет в обнаружении «удивительного сходства» двух различных по социальному составу диктатур – «дворянской» и «пролетарской», заключив свои рассуждения словами: историческая задача, вставшая перед Россией ранее, «не изменилась и сейчас», «чтобы жить», страна должна встать на европейский путь, путь народоправства [8, с. 144].

Однако не всегда оппоненты Милюкова были столь доброжелательно-самокритичны. После того, как председатель Берлинского отделения РДО Б. И. Элькин, выступая на юбилейных торжествах 1929 г., примирительно заявил, что в последние годы полемика по вопросу о значении и смысле происходившего в России между юбиляром и его «друзями-противниками» (термин И. Гессена) из правых кадетов уже не велась, и многие из них говорили теперь «его же словами» [8, с. 120], последовал взрыв негодования. В газете берлинских кадетов «Руль» был помещен уничижительный материал о выступлении Б. И. Элькина с соответствующими заявлениями [12].

Но особенно активно критиковал П. Н. Милюкова П. Б. Струве, в прошлом его соратник и единомышленник относительно сущности неолиберализма и судьбы России в гражданско-правовом поле. Однако после первой русской революции и особенно 1917 года пути их разошлись. Безоговорочно поддержав антибольшевистское движение, войдя в Южно-русское правительство при генерале Врангеле, в эмиграции он занял позицию либерал-консерватора, став «вечным» оппонентом П. Н. Милюкова. В конце 20-х годов, осуществляя кураторство над изданием газеты «Россия и славянство» и продолжая рубрику «Дневник политика», начатую еще в 1925 г. в «Возрождении», он поместил материал под названием «П. Н. Милюков». П. Б. Струве весьма критично его охарактеризовал, назвав «аранжером» и «калькулятором» и отказав ему в способности «видеть и ощущать живых людей, им со-чувствовать и со-страдать…» [15, с. 436].

Материалы юбилейного сборника убеждают в определенной некорректности такой характеристики. И если отвлечься от определенной патетики, свойственной публикациям подобного рода, то складывается несколько иная картина личностных качеств П. Н. Милюкова. Характерный штрих в нее внес опять-таки А. Ф. Керенский, назвавший его человеком, сделавшим «свою биографию» за счет способности «творить жизнь» и с кем в политике ему пришлось идти рядом, но «всегда с боем» [8, с. 148].

В этой же связи М.В. Вишняк отверг обвинения П. Н. Милюкова в доктринерстве «и справа, и слева», объяснив их несостоятельность его «верностью» усвоенной идеологии и свойствами «личной психологии» – психологии русского интеллигента, готового по первому зову оставить научное творчество и заслуженный авторитет, поставив их под удары превратностей политической судьбы [8, с. 177]. Кстати, термин «доктринер» применительно к позиции Милюкова ввел в обиход в период работы Зарубежного съезда (4–11 апреля 1926 г.) П. Б. Струве, назвав правый и левый фланги эмиграции «доктринерами»: доктринерами-монархистами, стоявшими за реставрацию, и доктринерами-республиканцами, подразделенными им на две группы, – «буржуазную» с Милюковым во главе и «социалистическую» во главе с Керенским [16]. На съезде же Струве защищал тактику «активизма», понимаемого им как духовное возрождение. По поводу расплывчатости данного термина, вошедшего «в моду» в правых кругах эмиграции, острили некоторые ораторы на юбилейных торжествах, в частности, Б. И. Элькин, задавшийся вопросом: «Чем «активисты» активнее Милюкова?», представлявшего, по его мнению, небольшевистскую Россию перед лицом всего цивилизованного мира [8, с. 120].

Любопытно еще одно свидетельство человека, в течение длительного времени знавшего юбиляра, В. А. Оболенского, настаивавшего на его «органической» неспособности быть ни доктринером, ни демагогом. Милюков всегда твердо вел свою политическую линию, что порой становилось и причиной его поражений, ибо, будучи «вождем» и влияя на массы, он зачастую имел против себя «толпу, то правую, то левую, руководимую демагогами» [8, с. 110]. О его «твердости» с одновременным умением расшевелить «ленивую русскую общественную среду» писала и Е. Д. Кускова, не только лично знавшая П. Н. Милюкова, но

и состоявшая с ним в переписке по поводу создания республиканско-демократической группы в Берлине. «Не помню времени, – писала она, – когда бы вокруг имени Павла Николаевича Милюкова не скрещивались шпаги, не бушевали страсти». В этих жарких схватках, в которых, по ее словам, полемика никогда не выливалась в пустые словопрения, он оставался спокойным, сдержанным, всегда корректным [8, с. 138].

Возможно, что это внешнее спокойствие, на которое обратили внимание и другие авторы (В. А. Оболенский, А. М. Кулишер, Н. И. Астров), иногда создавало видимость некоторого равнодушия, а порой даже бесчувствия. Однако, все (более 400-х человек), принявшие участие в юбилейных торжествах, а они проходили не только в Париже, но и в других городах, где были русские диаспоры (Берлин, Прага, Варшава, София, Рига), единодушны в признании у него определенной жертвенности, подвижничества. По словам М. В. Вишняка, в личной судьбе Милюкова как бы воплощена «живая история русского освободительного движения» [8, с. 177]. И при этом для него было характерно отсутствие повышенного «личного самолюбия», жажды власти [8, с. 135].

Последнее еще раз подтвердилось в юбилейных статьях и выступлениях тех, кто попытался проанализировать отношение П. Н. Милюкова к национальному вопросу и путях его решения в России (М. Ю. Бенедиктов, А. Р. Ледницкий и др.). Как известно, это всегда был один из самых болезненных вопросов для российской общественности, в том числе – и для конституционных демократов. Тезис об их приверженности унитарной модели государственного устройства России до эмиграции порой отвлекал от выявления временной разницы в позициях и подходах, допускаемых теми или иными политиками. Но, как заявил на юбилее М. Ю. Бенедиктов, заведующий иностранным отделом «Последних новостей», газеты, издаваемой П. Н. Милюковым в Париже, сказать о нем, что он – за равноправие национальностей, «значило бы ничего не сказать». В материале, озаглавленном «П. Н. Милюков и национальный вопрос», Бенедиктов назвал его одним из «очень немногих» политических деятелей в России, которые воспринимали национальную проблему во всей ее глубине и понимали все ее огромное значение [8, с. 207]. И неслучайно в свое время одним из трех вопросов «внутренней политики», рассмотренных П. Н. Милюковым в связи с принятием новой тактики, был национальный вопрос, решение которого в будущей России предполагало ее превращение в демократическую федеративную республику [10, с. 79]. П. Н. Милюков и позднее неоднократно возвращался к этой теме, опубликовав в 1923 г. в четвертом выпуске эсеровского альманаха «Крестьянская Россия» (Прага) статью «Республика или монархия?», а затем издав ее в переработанном и дополненном виде в 1929 г. Он посчитал это необходимым в связи с тем, что «масса», оставшись «слепой» в данном вопросе, могла перейти от «приятия» одного факта – большевистского строя – к «приятию» противоположного факта – вроде фашистской диктатуры: «фашисты не бояться «предрешения» [6, с. 4]. Здесь П. Н. Милюков в некотором роде возражал П. Б. Струве, постоянно настаивавшему в эмиграции на тезисе о «непредрешении» формы будущего государственного устройства России и избегавшему полемики на этот счет, называя ее «nolemos – спор перьями» [16].

П. Н. Милюков же полемики не боялся и даже обвинений в свой адрес, обладая твердыми убеждениями не только в идеологическом, но и в чисто моральном плане. В. А. Оболенский в своей речи на юбилейном собрании 2 марта 1929 г., проходившем в Океанографическом институте, напомнил эпизоды из заседаний III Государственной думы, когда Пуришкевич обвинял Павла Николаевича в подкупе «финскими деньгами», а правые во время его выступления на трибуне кричали: «финские деньги: сколько получил?». Но клевета, заключил Оболенский, отскакивала «как горох» от спокойного равнодушно улыбавшегося Милюкова, защищавшего финскую конституцию [8, с. 105]. О его речах в защиту гражданской свободы и прав национальностей (Финляндии) напомнил и другой автор М. И. Ганфман, назвавший именно в этой связи Милюкова «новым типом» политика [8, с. 134]. О том, что именно Милюков был автором декларации о независимости Польши, принятой Временным правительством, говорил не только М. Ю. Бенедиктов [8, с. 210], но и другой участник юбилейных торжеств А. Р. Ледницкий, живший на тот момент в Польше, но в

свое время принимавший участие в разработке данного документа [8, с. 214].

Анализ всех вышеприведенных свидетельств позволяет сделать вывод, что у П. Н. Милюкова было достаточно четко очерченное в идейном и моральном плане пространство, в рамках которого и в эмиграции отклонения в ту или иную сторону были минимальными. Это в нем отмечали даже самые непримиримые критики. Лидер эсеров В. М. Чернов в начале 30-х годов с восторгом приветствовал его неучастие «в великом соборном послании… за километрической вереницею в 217 подписей…» (с самими Деникиным и Эрдели «во главе») американскому народу по поводу существовавшего в России режима. В. М. Чернов отдал должное Павлу Николаевичу Милюкову, который «не нашел для себя удобным» фигурировать в рамках «единого фронта», столь всеобъемлющего диапазона, хотя среди подписантов было немало кадетов и социалистов [18, Л. 18].

Таким образом, проведенный анализ убеждает в том, что Павел Николаевич Милюков в эмиграции сохранил лидерство в определенной, республиканско-демократически настроенной части либеральной интеллигенции. Предложив по-новому рассмотреть ряд программных и тактических вопросов, Милюков расширил содержание неолиберализма за счет его социальной составляющей, предложив эмиграции в качестве первой «аксиомы» задачу «близкого наблюдения», глубокого анализа и диагноза, чтобы «облечь в форму политической идеологии» то, что зрело в России и для чего пришлось жертвовать старыми «интеллигентскими лозунгами и доктринами», преодолевать «духовный отрыв» от родины. При этом предлагалось отслаивать все то, что могло работать в новых условиях, выстраивать новую теоретическую модель, но сохранять несущие конструкции, приобретать новых союзников, но не приступать грани своего идеологического и нравственного поля. Тем самым эмиграция могла выполнить свою «политическую миссию» [7], как до конца своей жизни (31 марта 1943 г.) старался выполнить ее П. Н. Милюков.

Источники и литература

1. Архипов И. П. Н. Милюков: интеллектуал и догматик русского либерализма // Звезда. 2006 №12. URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/12/ar9.html (Дата обращения: 21.09.1983).
2. Государственный архив Российской федерации (далее – ГАРФ). Ф.579. Оп.5. Д.184.
3. ГАРФ. Ф.5856. Оп.1. Д. 680.
4. Кускова Е. Д. Мысли вслух // Последние новости. 1925. 25 октября.
5. Милюков П. Н. Памяти В. А. Мякотина // Новая Россия. 1937. №3.
6. Милюков П. Н. Республика или монархия? Париж: Республиканско-демократическое объединение, 1929. 32 с.
7. Милюков П. Н. Россия на переломе. В 2-х тт. Т. 2. Антибольшевистские движения. Париж: [б.и.], 1927. 281 с.
8. Милюков П. Н. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетию. 1859–1929 / под. ред. С. А. Смирнова и др. Париж: [б.и.], 1929. 358 с.
9. Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж: [б.и.], 1926.
10. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 – июнь 1921 г. Т.4. М.: РОССПЭН,1996. 544 с.
11. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Июнь – декабрь 1921. Т.5. М.: РОССПЭН, 1997. 551 с.
12. Руль. Берлин. 1929. 7 марта.
13. Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999. 556 с.
14. Смагина С. М. Российские политические партии в эмиграции: блоки и идеологии (20-е годы XX века). Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2007. 239 с.
15. Струве П. Б. Дневник политика. Москва: Русский путь, 2004. 872 с.
16. Струве П. Б. Дневник политика // Возрождение. 1926. 14 августа.
17. Струве П. Б. Дневник политика. // Возрождение. 1926. 29 августа.
18. Чернов В. М. Смотр живым силам. Рукопись статьи. Б.д // ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 114.

References

1. Arkhipov I. P. N. Milyukov: intellektual i dogmatik russkogo liberalizma (*Miliukov: intellectual and dogmatic of Russian liberalism*) // Zvezda. 2006 No. 12. URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/12/ar9.html (Accessed: 21.09.1983) (In Russian).

2. State Archive of the Russian Federation (GARF). F.579. Inv.5. D.184. (In Russian).
3. GARF. F.5856. Inv.1. D. 680. (In Russian).
4. Kuskova E. D. Mysli vslukh (*Thinking out loud*) // Poslednie novosti. 1925. 25 October. (In Russian).
5. Milyukov P. N. Pamyati V. A. Myakotina (*In the memory of V.A. Myakotina*) // Novaya Rossiya. 1937. No. 3. (In Russian).
6. Milyukov P. N. Respublika ili monarkhiya? (*Republic or monarchy?*) Paris: Respublikansko-demokraticheskoe ob»edinenie, 1929. 32 p. (In Russian).
7. Milyukov P. N. Rossiya na perelome (*Russia at the turn of*). In 2 Vols. Vol. 2. Antibol'shevistskie dvizheniya (Anti-Bolshevik movement). Paris:, 1927. 281 p. (In Russian).
8. Milyukov P. N. Sbornik materialov po chestvovaniyu ego semidesyatiletiyu (*The collection of materials on the honoring of his seventieth birthday*). 1859–1929 / ed by S.A. Smirnova etc. Paris, 1929. 358 p. (In Russian).
9. Milyukov P. N. Emigratsiya na pereput'e (*Emigration at a crossroads*). Paris, 1926. (In Russian).
10. Protokoly zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticheskoi partii (*Protocols groups abroad Constitutional Democratic Party*). May 1920 – June 1921. Vol.4. Moscow: ROSSPEN,1996. 544 p. (In Russian).
11. Protokoly zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticheskoi partii (*Protocols groups abroad Constitutional Democratic Party*). June– December 1921. Vol.5. Moscow: ROSSPEN, 1997. 551 p. (In Russian).
12. Rul'. Berlin. 1929. 7 Mach. (In Russian).
13. Russkii liberalizm. Istoricheskie sud'by i perspektivy (*Russian liberalism. Historical fate and prospects*). Moscow: ROSSPEN, 1999. 556 p. (In Russian).
14. Smagina S. M. Rossiiskie politicheskie partii v emigratsii: bloki i ideologii (20-e gody XX veka) (*Russian political parties in exile: blocks and ideology (the 20s of the XX century*). Rostov-on-Don: SFU, 2007. 239 p. (In Russian).
15. Struve P. B. Dnevnik politika (*Diary of policy*). Moscow: Russkii put', 2004. 872 p. (In Russian).
16. Struve P. B. Dnevnik politika (*Diary of policy*) // Vozrozhdenie. 1926. 14 August. (In Russian).
17. Struve P. B. Dnevnik politika. (*Diary of policy*) // Vozrozhdenie. 1926. 29 August. (In Russian).
18. Chernov V. M. Smotr zhivym silam. Rukopis' stat'i. (*Review of the living forces. Article manuscript*) // GARF. F. 5847. Inv. 1. D. 114. (In Russian).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.114.5

И. Ш. Галстян

К ВОПРОСУ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОМ ПРОСВЕЩЕНИИ КАК СПОСОБЕ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ

В предлагаемой статье рассматриваются механизмы антикоррупционного просвещения и их реализация как способ повышения правовой культуры и правосознания различных категорий населения, воздействие мерами антикоррупционного образования, воспитания и пропаганды на формирование антикоррупционного мировоззрения. Осуществлена попытка общего анализа федеральной и региональной программ по антикоррупционному просвещению молодежи. Выделены направления формирования антикоррупционного мировоззрения учащейся молодежи. Определено, что информационно-просветительская работа по формированию антикоррупционного мировоззрения и антикоррупционной культуры, как части правовой культуры, способствует формированию в обществе нетерпимого отношения к проявлениям коррупции.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное мировоззрение, антикоррупционная политика, антикоррупционное образование, антикоррупционное воспитание, антикоррупционные стандарты поведения.

I. Sh. Galstyan

ON THE ISSUE OF ANTI-CORRUPTION EDUCATION AS A WAY OF IMPROVING THE LEGAL CULTURE AND LEGAL CONSCIOUSNESS

This article discusses the mechanisms of anti-corruption education and their implementation as a way of improving the legal culture and legal awareness of various categories of the population, the impact of the measures of anti-corruption education, training and the promotion of the formation of anticorruption outlook. An attempt to analyze the total federal and regional anti-corruption education for youth programs. Allocated directions of formation of anticorruption outlook of students. It was determined that the awareness-raising work on formation of anticorruption outlook and anti-corruption culture, as part of the legal culture in society contributes to the formation of intolerance to manifestations of corruption.

Key words: legal culture, legal, anti-corruption education, anti-corruption ideology, anti-corruption policy, anti-corruption education, anti-corruption education, anti-corruption standards of conduct.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [6] устанавливает, что элементом системы образования выступают образовательные программы различного вида, уровня и (или) направленности, определяющие содержание образования, которое должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его

личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями.

Являясь одной из острейших социальных проблем на современном этапе развития российского государства, коррупция становится предметом нравственной и правовой оценки.

Не случайно одной из целей противодействия коррупции является создание в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Это уже сложная задача мировоззренческого характера.

Формирование антикоррупционного мировоззрения, нетерпимости ко всем формам коррупционной деятельности, формирование навыков противодействия соответствующим правонарушениям с привлечением институтов гражданского общества и государства признается одной из приоритетных задач нашего общества.

Законом Ставропольского края «О противодействии коррупции в Ставропольском крае» закрепляется положение, согласно которому «для решения задач по формированию антикоррупционного мировоззрения, повышению уровня правосознания и правовой культуры в образовательных учреждениях Ставропольского края в устанавливаемом порядке организуется изучение правовых и морально-этических аспектов управленческой деятельности» [2].

Вместе с тем, формирование антикоррупционного поведения, мировоззрения связано, прежде всего, с развитием общей правовой культуры и правосознания обучающегося, привитием ценностей законности и правопорядка, уважением прав и свобод граждан, формированием навыков выявления и предотвращения коррупционного поведения, которое осуществляется в рамках реализации основных образовательных программ.

В рамках выполнения научно-исследовательской работы «Формирование антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов» ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» [3] разработало методические рекомендации о формировании антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов, рекомендованные для применения Департаментом государственной политики в сфере общего образования Министерства образования и науки РФ.

Исследователями подчеркивается, что «коррупция как социальное явление, государственная антикоррупционная политика, методы противодействия коррупции, общественные механизмы борьбы с коррупцией, вред, причиняемый общественным отношениям в связи с различными формами коррупционного поведения, законодательство о противодействии коррупции и ответственность за коррупционные правонарушения становятся предметом образовательной деятельности независимо от направленности и уровня образовательной программы. Являясь одной из острейших социальных проблем на современном этапе развития российского государства, коррупция становится предметом нравственной и правовой оценки: происходит осмысление личного опыта и информационного фона, соответствующее преломление приобретают изучение истории, литературы, вопросов устройства общества и государства, развития правовой системы и т.д.» [3].

Проблеме коррупции было уделено особое внимание Президентом Российской Федерации Путиным В.В. в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации на 2016 год, в котором коррупция определена как препятствие для развития России.

Важность и своевременность антикоррупционного образования, воспитания и пропаганды признается и Распоряжением Правительства РФ от 14.05.2014 № 816-р «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы» [4]. Кроме того, государством подчеркивается необходимость направления всевозможных усилий на работу именно с молодежью, поскольку, во-первых, школьники и студенты являются самой социально организованной группой населения, чему способствует, прежде всего, обязательность общего среднего образования, во-вторых, воздействие на учащуюся молодежь возможно посредством специально разработанных единообразных моделей и стандартов в рамках образовательных программ общего и профессионального образования.

Так, в рамках реализации вышеуказанной Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг. рассматриваются возможности по включению в федеральные

государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального образования и высшего образования дополнительных элементов по популяризации антикоррупционных стандартов поведения; запланирована подготовка проектов правовых актов, предусматривающих методическое обеспечение повышения уровня правосознания граждан и популяризации антикоррупционных стандартов поведения. В число организационных мероприятий включены мониторинг внедрения антикоррупционных элементов в основные образовательные программы, издание печатной продукции, разработка тематических спецкурсов, организация «прямых линий» с органами государственной власти, публикация в средствах массовой информации материалов, пропагандирующих недопустимость коррупционного поведения, а также результатов расследования конкретных правонарушений коррупционной направленности и вынесенных по ним судебных решений.

Эффективность антикоррупционного просвещения основывается на правильном подборе аргументов, социальных ориентиров и ценностей, наиболее близких и знакомых для обучающегося с учетом его возрастных, психофизических и иных особенностей. Нетерпимость к коррупции формируется с учетом субъективной ценности фактора, подвергаемого негативному воздействию: нарушения справедливости, нарушения установленного законом порядка, посягательства на принципы профессионализма, несоответствие статусу социальной элиты, и т.п. Вполне вероятно, что каждый из этих аргументов в отдельности может не быть адекватно воспринят.

В рамках формирования антикоррупционного мировоззрения учащейся молодежи можно выделить несколько направлений:

1) формирование антикоррупционного мировоззрения у обучающихся по программам основного общего и среднего общего образования (производится в рамках курсов: История, Экономика, Обществознание, Право)

2) формирование антикоррупционного мировоззрения в рамках реализации спецкурсов, факультативных и элективных дисциплин обществоведческой и правовой направленности

3) формирование антикоррупционного мировоззрения в рамках реализации программы воспитания и социализации обучающихся (отметим, что формирование нетерпимого отношения к коррупции, развитие антикоррупционного мировоззрения является самостоятельным комплексным направлением воспитательной работы)

4) антикоррупционное воспитание в рамках формирования и реализации программы внеурочной деятельности (отметим, что в процессе проведения таких внеурочных занятий формируется не только антикоррупционное мировоззрение учащихся, но и укрепляются знания по тем дисциплинам, которые применимы в данной ситуации).

5) патриотическое воспитание как детерминанта формирования антикоррупционного мировоззрения

6) антикоррупционное воспитание в рамках реализации образовательных программ высшего образования. В системе высшего образования, кроме трансляции знаний и установки ценностных ориентиров, необходимо внедрять и такое элементы, как привитие практических навыков антикоррупционной деятельности, разрушение неверных стереотипов и представлений о коррупции, обоснование несовместимости коррупции и эффективной профессиональной деятельности студента.

7) подготовка и реализация образовательных программ для повышения квалификации государственных служащих, в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции

8) проведение учебно-методических семинаров для преподавателей образовательных организаций, осуществляющих реализацию образовательных программ по антикоррупционной тематике

9) разработка типовых дополнительных профессиональных программ по вопросам противодействия коррупции

В Программе противодействия коррупции в Ставропольском крае на 2016 год, утвержденной постановлением Правительства Ставропольского края от 20 февраля 2016 г. № 68-п в качестве основных целей называются: формирование в обществе антикоррупционного сознания и нетерпимости к коррупционному поведению; активизация участия институтов гражданского общества в реализации антикоррупционных мероприятий [5].

Заявленными ожидаемыми результатами Программы определены:

– повышение уровня правовой культуры граждан;

– расширение сфер участия институтов гражданского общества в профилактике коррупции;

– расширение форм и способов информирования граждан об антикоррупционных мерах, реализуемых органами исполнительной власти края и органами местного самоуправления края.

Кроме того, в Программе по результатам проведения SWOT-анализа потенциальным риском указано «бюрократическое блокирование реализации Программы, формальный подход к ее реализации при недостаточной информационной и общественной ее поддержке», при котором Программа «утрачивает общественно-социальную направленность и приобретает декларативный статус».

Справедливым будет отметить необходимость особого внимания к формированию антикоррупционного поведения на этапе становления личности и ее нравственных и правовых идеалов. Культивирование правовой культуры и правосознания в обществе – один из индикаторов здорового государства.

Известно, что механизм подражания – один из центральных механизмов постижения социального опыта [1]. Массовое воссоздание преступных форм поведения постепенно приводит к аномии социального сознания – такому состоянию общества, в котором часть его членов, зная о наличии обязывающих их норм, относится к ним отрицательно или индифферентно. Это приводит к распространению всевозможных форм отклоняющегося поведения, содействующих разложению общества, в числе которых преступность, дисфункция общественных институтов и дезинтеграция общества. На уровне личности аномия выражается как ощущение, что в жизнь нестабильна и лишена четких правил, вследствие чего человек испытывает константное чувство безнадежности и бессилия, никчемности своих действий и бессмысленности жизни.

Приведенные доводы доказывают необходимость и своевременность информационно-просветительской работы по формированию антикоррупционного мировоззрения и антикоррупционной культуры, как части правовой культуры, формированию в обществе нетерпимого отношения к проявлениям коррупции. Исторический опыт, в том числе и нашей страны, свидетельствует о том, что умелое использование общественного контроля оказывалось эффективным средством любой национальной антикоррупционной стратегии. Наиболее «эластичной» и перспективной целевой аудиторией любой просветительской деятельности же является молодежь.

Литература

1. Журавлева О. Н. Формирование антикоррупционного мировоззрения школьников на уроках истории и обществознания: методическое пособие. М.: ИЦ Вентана-Граф, 2010. 62 с.
2. Закон Ставропольского края «О противодействии коррупции в Ставропольском крае» // Справочно-правовая информационная система «Консультант-Плюс» (ВерсияПроф) (Дата обращения: 12.10.2016).
3. Научно-исследовательская работа «Формирование антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов» ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» URL: msal.ru/ (Дата обращения: 12.10.2016).
4. Постановление Правительства Ставропольского края № 68-п от 20 февраля 2016 г. «Об утверждении Программы противодействия коррупции в Ставропольском крае на 2016 год» // Справочно-правовая информационная система «Консультант-Плюс» (ВерсияПроф). (Дата обращения: 12.10.2016).
5. Распоряжение Правительства РФ № 816-р от 14.05.2014 «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014 - 2016 годы» // Справочно-правовая информационная система «Консультант-Плюс» (ВерсияПроф). (Дата обращения: 12.10.2016).
6. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» // Справочно-правовая информационная система «Консультант-Плюс» (ВерсияПроф). (Дата обращения: 12.10.2016).

References

1. Zhuravleva O. N. Formirovanie antikorrupcionnogo mirovozzrenija shkol'nikov na urokah istorii i obshhestvoznanija: metodicheskoe posobie. (*Formation of anticorruption outlook of schoolchildren at history lessons and social science: textbook*). Moscow: IC Ventana-Graf, 2010. 62 p. (In Russian)
2. Zakon Stavropol'skogo kraja «O protivodejstvii korrupcii v Stavropol'skom krae» (*The Law of the Stavropol Region «On Tackling Corruption in the Stavropol Territory»*) // Spravochno-pravovaja informacionnaja sistema (*Legal Reference Information System*) «Konsul'tant-Pljus» (VersijaProf) (Accessed: 12.10.2016). (In Russian)

3. Nauchno-issledovatel'skaja rabota «Formirovanie antikorrupcionnogo mirovozzrenija u shkol'nikov i studentov» FGBOU VPO «Moskovskij gosudarstvennyj juridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGJuA)» (*The research work «The formation of anticorruption outlook among pupils and students» «Moscow State Law University O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy)* URL: msal.ru/ (Accessed: 12.10.2016). (In Russian)
4. Postanovlenie Pravitel'stva Stavropol'skogo kraja № 68-p ot 20 fevralja 2016 g. «Ob utverzhdenii Programmy protivodejstvija korrupcii v Stavropol'skom krae na 2016 god» (*Resolution of the Government of Stavropol Territory № 68-p of February 20, 2016 «On approval of the Stavropol Territory in anti-corruption programs for 2016») // Spravochno-pravovaja informacionnaja sistema (Legal Reference Information System*) «Konsul'tant-Pljus» (VersijaProf) (Accessed: 12.10.2016). (In Russian)
5. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF № 816-r ot 14.05.2014 «Ob utverzhdenii Programmy po antikorrupcionnomu prosveshheniju na 2014–2016 gody» (*Decree of the RF Government №816-p of 05.14.2014 «On approval of the anti-corruption education programs for 2014–2016*) // Spravochno-pravovaja informacionnaja sistema (*Legal Reference Information System*) «Konsul'tant-Pljus» (VersijaProf) (Accessed: 12.10.2016). (In Russian)
6. Federal'nyj zakon № 273-FZ ot 29.12.2012 «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (*Federal Law № 273-FZ of 29.12.2012 «On Education in the Russian Federation»*) // Spravochno-pravovaja informacionnaja sistema (*Legal Reference Information System*) «Konsul'tant-Pljus» (VersijaProf) (Accessed: 12.10.2016). (In Russian)

УДК 34 (347)

А. С. Грабовец

МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье аргументируется суждение о том, что в результате произошедших законодательных изменений, которые большинство цивилистов характеризуют как корпоративную реформу, проблематика уяснения сущности механизма регулирования корпоративных отношений актуализируется, равно как и вопрос об источниках его регулирования в части соотношения норм гражданского и корпоративного права.

Ключевые слова: механизм, корпоративные отношения, право, права, регулирование, отношение.

A. S. Grabovets

THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF CIVIL LAW STUDIES

The author substantiates the proposition that as a result of legislative changes that the majority of the jurists characterize as corporate reform, the issue of understanding the essence of the mechanism of regulation of corporate relations is topical, as well as the question about the sources of its regulation of the relationship between the norms of civil law and corporate law.

Key words: mechanism, corporate relations, law, rights, regulation, attitude.

После ряда законодательных изменений, в том числе дополнении Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 2, ч. 2 ст. 48, ч. 3 ст. 50.1, 65.1 и др.), которые большинство цивилистов характеризуют как корпоративную реформу, проблематика уяснения сущности механизма регулирования корпоративных отношений актуализируется, равно как и вопрос об источниках в части соотношения норм гражданского и корпоративного права (при условии характеристики последнего как самостоятельной отрасли права или подотрасли гражданского права).

Следует отметить, что во многих актуальных диссертационных исследованиях, выполненных по специальности 12.00.03,

корпоративные отношения подвергаются научному анализу в части их регулирования гражданским законодательством; однако определение механизма правового регулирования, несмотря на соответствующее название работы, не приводится [9], либо выделяются и изучаются его элементы, функции и т.п. [22], что, само по себе, не может, разумеется, характеризоваться как безусловный недостаток такого цивилистического труда. Тем, не менее, в ряде диссертаций можно обнаружить попытки определить понятие «механизм», «механизм гражданско-правового регулирования» в контексте теории гражданского права. Так, например, под механизмом осуществления прав акционера предлагается понимать «совокупность правовых средств, основанных на частных и публичных началах разной отраслевой принадлежности, действий, направленных на воплощение в правовой действительности субъективных правомочий лица, владеющего акцией (акциями), обеспечивающих их участие в управлении делами акционерного общества посредством создания, обеспечения, контроля системы управления, а также охраны и защиты прав» [2]. В диссертационном исследовании О. Б. Сиземовой механизм правового регулирования понимается как «система правовых средств, используемых в праве организации платежных систем» [20] и т.д. В докторской диссертации Я. С. Гришиной используется термин «модель правового обеспечения», который, очевидно, не является синонимичным в отношении категории «механизм правового регулирования» [5].

В трудах по теории гражданского права можно обнаружить как стремление детально изучить сущность механизма регулирования гражданско-правовых отношений, так и сформулировать его четкое определение. Так, например, в работе О. М. Родионовой «Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права», данный механизм определен как «единство норм гражданского права и основанных на них частноавтономных положений, при помощи которых обеспечивается осуществление имущественных и личных неимущественных интересов субъектов общественных отношений» [18, с. 44].

На наш взгляд, именно термин «механизм гражданско-правового регулирования» наиболее точно определяет процесс юридического оформления «отношений, связанных с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)» (ст. Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4].

Безусловно, исследование указанного механизма не может быть надлежащим образом осуществлено без использования уже ставшими классическими работ таких авторов, которые, к примеру, справедливо отмечали, что «понятие механизма правового регулирования, во-первых, позволяет собрать воедино все явления правовой действительности и представить их как целостность, отобразить их в работающем, динамическом виде, позволяющем охарактеризовать результативность правового регулирования общественных отношений, и, во-вторых, обрисовать в связи с этим функции, выполняемые теми или иными юридическими явлениями в правовой системе» [1, с. 10].

Однако нас интересуют в первую очередь цивилистические исследования анализируемого механизма; специалисты в сфере гражданского права полагают, к примеру, необходимым наличие «определенных механизмов, позволяющих адаптировать договор к изменившимся условиям и заранее четко определяющие правовые последствия для сторон». В любом случае, как отмечает Ю. А. Свирин, «государство должно выбрать определенный механизм воздействия на возникшие общественные отношения и закрепить их в законе. Это очень тяжелая и ответственная работа, требующая квалифицированных знаний» [17, с. 49]. Очевидно, что в сфере гражданско-правового регулирования «широкое использование механизмов диспозитивности, автономии и саморегуляции традиционно характеризует правовой режим частного права» [6, с. 111].

А. И. Иванчак пишет, что «особенностью гражданско-правового регулирования является преобладание регулятивной функции. Отрасль отличает наличие минимального количества запретов и максимального – дозволений. Это качество обеспечивает участникам гражданского оборота возможность самостоятельно регулировать свои отношения. Охранительная функция гражданского права проявляется в решении превентивных задач – стимулировании правомерного поведения,

а также в обеспечении имущественных и неимущественных интересов добросовестных участников правоотношений и восстановлении их нарушенных прав» [8, с. 16].

Имеет место и суждение о том, что классификация гражданско-правовых дефиниций имеет важное гражданско-правовое значение, в том числе в связи с потребностью совершенствования механизма гражданско-правового регулирования, наиболее адекватного отражения имеющихся потребностей в юридических конструкциях» [16, с. 134–135].

Критерий «адекватности» регулирования обусловливает попытки со стороны теоретиков гражданского права и законодателя совершенствовать механизм гражданско-правового регулирования с учетом многообразия соответствующих отношений. Такого рода позицию разделяют многие авторы, когда пишут, что гражданское право регулирует «разнообразные общественные отношения, в том числе охранительные отношения. Такое регулирование достигается благодаря нескольким элементам, которые в своей совокупности образуют механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений, который состоит из следующих элементов: охранительные нормы и охранительное гражданское законодательство; охранительные правоотношения, охранительные права и обязанности, неправомерные юридические факты; охранительные меры, способы защиты гражданских прав; охранительные соглашения правонарушителя и потерпевшего лица (акты реализации охранительных прав)» [10].

Очевидно, что сфера применения анализируемого механизма неоднородна, соответствующие правоотношения не являются статичными. В качестве примера обратимся к ст. 2 ГК РФ, которая после ее дополнения Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [23] «расширила» сферу регулирования гражданского законодательства, ибо к отношениям, которые оно регулирует теперь отнесены и отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения). Полагаем возможным обосновать суждение о том, что механизм государственно-правового регулирования общественных отношений не был «принудительно дополнен» новым «компонентом»; напротив, отношения, которые всегда составляли предмет гражданского права вряд ли можно «изолировать», искусственным образом, вывести из сферы гражданско-правого регулирования. Автор статьи не является принципиальным противником концепции развития корпоративного права как самостоятельной отрасли права, не может игнорировать наличие специальности 12.00.07 (корпоративное право; энергетическое право) [14], но трудно согласиться с попытками «сузить» предмет гражданского права. Кроме того, такой подход может и не отрицаться известными специалистами в сфере корпоративного права, которые пишут, что «корпоративное право, как отрасль научных знаний представляет собой совокупность доктринальных исследований корпоративных норм, а также корпоративных правоотношений, включая определение основных понятий, разработку принципов, концепций, теории и прикладных аспектов правового регулирования общественных отношений, являющихся предметом корпоративного права» [12]. Далее они отмечают: «корпоративное правоотношение - это урегулированное нормами права общественное отношение, возникающее в связи с созданием, деятельностью и прекращением деятельности корпорации. Заметим, что ГК РФ определяет корпоративные отношения на законодательном уровне, признавая таковыми общественные отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или управлением ими (п. 1 ст. 2 ГК РФ)» [12, с. 21].

Мы предпринимаем попытку обосновать суждение о том, что гражданский закон не может произвольно определять предмет правового регулирования, он закрепляет и детализирует объективную ситуацию. Такой вывод подтверждается как действиями законодателя, который в 2012 г. выделил в системе регулирования гражданского права корпоративные отношения, так и совокупным анализом доктринальных позиций известных специалистов в сфере корпоративного права.

Так, например, В.В. Долинская, «рассмотрев акционерные отношения», считает «обоснованным вывод, что для признания

акционерного права отраслью права ему не хватает предметного единства и собственного метода правового регулирования, развитой внутренней дифференциации. Собственные принципы и понятийный аппарат акционерного права находятся в стадии становления» [7, с. 63].

В современной литературе такая позиция разделяется не всеми цивилистами, но им все равно приходится учитывать, что сомнительный характер имеет попытка искусственно «поделить» предмет правового регулирования гражданского права. Так, И. С. Шиткиной «представляется, что корпоративное право является комплексным направлением (сферой), которое, если исходить из строгости критериев деления права на отрасли, в текущий момент не вписывается в систему гражданского права как отрасли права. Мы имеем смелость сделать такой вывод даже при том обстоятельстве, что в настоящее время корпоративные отношения включены ст. 2 ГК РФ в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством, поскольку последовательно отличаем отрасль права и сферу (предмет) законодательного регулирования. Так, ГК РФ в настоящее время регулирует множество публично-правовых отношений, например, связанных с государственной регистрацией, лицензированием, которые в результате такого регулирования не становятся частноправовыми. Обособление корпоративных отношений и их специальное правовое регулирование, как было отмечено выше, стоит только приветствовать. Другой вопрос – о постоянном расширении предмета гражданско-правового регулирования» [12, с. 44].

Мы можем разделить эту позицию в полном объеме, ибо полагаем, что никакого «расширения» предмета гражданского права не происходит, и действия законодателя не препятствуют развитию корпоративного права, в том числе как самостоятельной отрасли права. Кроме того, нельзя игнорировать и другие мнения относительно анализируемой проблематики. Так, некоторые авторы убеждены, что «корпоративное право в смысле системы именно правовых норм, обеспечиваемых государственным принуждением, представляет собой систему гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с участием в корпоративных организациях и (или) с управлением ими. Прежде всего, корпоративное право – это частное право корпораций. Это система общих и специальных норм гражданского права, которые регулируют отношения, связанные с участием (членством) в корпорации и с управлением корпорацией. Нет оснований рассматривать корпоративное право в качестве самостоятельной отрасли права» [13]. Аргументы этих авторов в части такого категоричного суждения мы не находим бесспорными, но учитывать в ходе разрешения цивилистических задач необходимо.

«Как известно, – пишут эти авторы, – отрасли права традиционно разграничиваются по двум критериям - предмету, т.е. самим регулируемым правом общественным отношениям, и методу, т.е. совокупности приемов и способов воздействия на данные общественные отношения. Корпоративные отношения, являющиеся предметом корпоративного права, неоднородны и представляют сочетание имущественных и неимущественных отношений и управленческих отношений, в основе которых лежат субординация и неравенство. В силу этого и способ воздействия на корпоративные отношения различен: с одной стороны, характерные для гражданского права методы дозволения и диспозитивности, с другой стороны, в силу присутствия управленческого элемента метод власти-подчиненности, императивный метод. Наконец, следует учитывать и то, что корпорациями являются как коммерческие организации, так и некоммерческие. Если коммерческие корпорации являются безусловными субъектами предпринимательской деятельности и их правовое положение регулируется теми общими и специальными нормами гражданского права, которые образуют предпринимательское право, то некоммерческие корпорации вправе заниматься приносящей доход деятельностью только при наличии указанных в ГК РФ условий. В силу этого и отношения, возникающие в связи с участием в коммерческой корпорации, отличаются от отношений, возникающих в связи с участием в некоммерческой корпорации. Нельзя не видеть различие между членством в потребительском кооперативе и производственном кооперативе, членством в ассоциации и членством в акционерном обществе, хотя отношения, воз-

никающие в связи с участием (членством), и объединены одним понятием «корпоративные отношения» [13].

Разумеется, такая позиция не является единственной в теории гражданского права; так, по мнению М. Ю. Челышева, «в подходе, выделяющем корпоративное право в гражданско-правовую подотрасль, нет никакого противоречия. Просто следует исходить из наличия в системе гражданского права подотраслей двух видов. Во-первых, это подотрасли, образующие в совокупности особенную часть гражданского права (специальные подотрасли). Во-вторых, нужно выделить подотрасли, включающиеся в общую часть гражданско-правовой отрасли (подотрасли общего действия), в частности, сюда относится корпоративное право. Не исключено выделение в рамках общей части гражданского права и иных подотраслей, посвященных другим субъектам гражданского права. Подобное разграничение рассматриваемых гражданско-правовых образований проводится по предметно-функциональному признаку, т.е. как по кругу регулируемых отношений, так и по функциям с точки зрения системы гражданского права (общий или специальный регулятор)» [24].

Известные цивилисты могут настаивать на том, что «своеобразие корпоративного права, позволяющее обособить его в отдельную сферу частного права, объясняется тем, что в отличие от большинства других подотраслей и институтов частного (гражданского) права оно не имеет целью в первую очередь защиту и удовлетворение самостоятельных интересов отдельных лиц (индивидуальных интересов), а занимается интересами, общими для нескольких лиц, при этом последние целенаправленно взаимодействуют на основе частноправового договора, причем такое взаимодействие является длительным и функционально разделенным, основанным на общих процедурных правилах и принципах» [21, с. 29].

Впрочем, Е. А. Суханов отмечает: «к числу наиболее принципиальных новелл…следует отнести дополнение содержания ст. 2 ГК РФ, согласно которому корпоративные отношения являются неотъемлемой составной частью предмета гражданского права… Для отечественной цивилистической науки такое законодательное решение не является неожиданным. Оно основывается на положениях Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [11] и разработанном на ее основе проекте изменений Гражданского кодекса РФ, которыми было предложено закрепить корпоративные отношения в качестве особой, самостоятельной группы однородных отношений, регулируемых гражданским законодательством и составляющих часть его предмета, а также соответствующее этому деление юридических лиц на корпорации и некорпоративные (унитарные) организации. Принятие этих предложений означает прямое законодательное признание корпоративного права составной частью (подотраслью) гражданского права» [21, с. 4–5].

Изложенный материал позволяет нам обосновать суждение о том, что механизм гражданско-правового регулирования общественных отношений представляет собой сложную систему, ибо эти отношения (неоднородные и динамичные в любом соответствующем механизме), в данном случае приобретают характер «сверхдинамичности», что предопределяет необходимость фиксировать в гражданском праве эту объективную реальность. В частности, исследователи, «обращая внимание на методологический аспект содержания механизма правового регулирования общественных отношений, указывают на его традиционные элементы, а именно дозволения, запреты и предписания. Среди способов реализации права указываются такие, как осуществление дозволенной деятельности, воздержание от запретов, применение права, исполнение права, использование права и др. Особо выделяется метод поощрений в правоприменении. Не менее интересным является и выделение в механизме правореализации, рассматриваемом как целостное образование, неразрывных связей координации и субординации. Тем самым подчеркивается взаимосвязь общественных отношений и правоотношений, подчиненных различным методам регулирования. В рамках отраслевых правовых исследований такие подходы ведут к выводам о единстве и взаимодополнении механизма государственного управления и механизма самоуправления. В рамках цивилистической науки в процессе правореализации особо выделяются средства охраны и способы защиты субъек-

тивных гражданских прав. Это значительно расширяет содержание механизма правового регулирования» [3].

Итак, в абзаце 1 ст. 2 ГК РФ указано, что гражданское право регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), а также другие имущественные и неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. «Стало правилом, – пишут в этом контексте исследователи, – относить равенство, автономию воли, имущественную самостоятельность к гражданско-правовому методу правового регулирования. Набор признаков метода вызывает целый ряд вопросов. Во-первых, почему законодатель признал волю субъектов автономной? Если это частная отрасль права, тогда воля должна иметь иной статус. К примеру, законодатель в проекте внесения изменений в ГК РФ указал, что право собственности есть наиболее полное господство над вещью. Но, как известно, имущественные отношения предмета ГК РФ и составляет собственность в ее статике и динамике. Автономия же предполагает относительную независимость и применяется главным образом в системных управленческих отношениях. Во-вторых, имущественная самостоятельность участников относится к признаку, характеризующему имущественный элемент предмета гражданского права. Он может быть введен при определенном его логическом «очищении» в один из принципов гражданского права, но отнести его к методу нет оснований. В-третьих, равенство участников должно быть представлено на правовом уровне, так как такое равенство имеет место и в предмете, где субъекты имущественных отношений равны. В-четвертых, все же метод должен быть один и получить свое закрепление в базовом нормативном акте. И если признать гражданское право частной отраслью права в ее «чистом» виде, то ее сущностным методом должна быть правовая свобода субъектов. Юридическое их равенство можно учитывать, но это уже динамика категории «правовая свобода», что будет означать «вторжение» в механизм правового регулирования. Логически это недопустимо» [15]. Последний пример лишь подтверждает правило о том, что бесспорных позиций в доктрине практически не бывает.

Итак, в результате произошедших законодательных изменений, в том числе дополнении ГК РФ (ч. 1 ст. 2, ч. 2 ст. 48, ч. 3 ст. 50.1, 65.1 и др.), которые большинство цивилистов характеризуют как корпоративную реформу, проблематика уяснения сущности механизма регулирования корпоративных отношений актуализируется, равно как и вопрос об источниках его регулирования в части соотношения норм гражданского и корпоративного права (с учетом характеристики последнего как самостоятельной отрасли права или подотрасли гражданского права). Автор статьи полагает, что корпоративные отношения, – в части их регулирования гражданским законодательством, – подвергаются научному анализу в диссертационных исследованиях, выполненных по специальности 12.00.03, что никоим образом не ставит под сомнение целесообразность развития и перспективного обособления корпоративного права как самостоятельной отрасли права.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2-х т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
2. Ахмадуллин Р. И. Гражданско-правовые средства осуществления прав акционера: дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2016.
3. Бакирова Е. Ю. Элементы механизма правового регулирования жилищных отношений // Гражданское право. 2012. № 4. С.19–21.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016 // Российская газета. 08.12.1994.
5. Гришина Я. С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2016. 505 с.
6. Демин А. В. Принцип определенности налогообложения. М.: Статут, 2015. 368 с.
7. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2006. 200 с.
8. Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. М.: Статут, 2014. 268 с.
9. Кардаш И. Н. Механизм правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2013. 205 с.

10. Кархалев Д. Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений // Юрист. 2014. № 8. С. 29–33.
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. Одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
12. Корпоративное право / отв. ред. И.С. Шиткина. М: КНОРУС, 2015. 1080 с.
13. Макарова О. А., Абрамян Т. А. О праве корпораций в свете Гражданского кодекса РФ // Гражданское право. 2015. № 1. С. 14–19.
14. Приказ Минобрнауки России от 10 января 2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 09.04.2012.
15. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 340 с.
16. Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.): избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2015. 400 с.
17. Рогова Ю. В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота. М.: Статут, 2015. 144 с.
18. Родионова О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 336 с.
19. Свирин Ю. А. Дивергенция в системе права. М.: Астра Полиграфия, 2012. 392 с.
20. Сиземова О. Б. Механизм правового регулирования межбанковских расчетов: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2016. 368 с.
21. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
22. Текутьев Д. И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления хозяйственных обществ: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2015. 219 с.
23. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 11.01.2013.
24. Челышев М. Ю. О системе гражданско-правовой отрасли //Юридический мир. 2009. № 1. С. 36–41.

References

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava (*General Theory of Law*). In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1982. 360 p. (In Russian).
2. Akhmadullin R. I. Grazhdansko-pravovye sredstva osushchestvleniya prav aktsionera (*Civil-legal means of exercising the rights of the shareholder*): thesis. Kazan', 2016. (In Russian).
3. Bakirova E. Yu. Elementy mekhanizma pravovogo regulirovaniya zhilishchnykh otnoshenii (*The elements of the mechanism of legal regulation of housing relations*) // Grazhdanskoe pravo. 2012. № 4. S. 19–21. (In Russian).
4. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) (*The Civil Code of the Russian Federation (Part One)* on November 30, 1994. No. 51-Federal Law (in the wording of 03.07.2016) // Rossiiskaya gazeta. 08.12.1994. (In Russian).
5. Grishina Ya. S. Kontseptual'naya model' pravovogo obespecheniya rossiiskogo sotsial'nogo predprinimatel'stva (*Conceptual model of legal support of the Russian Social Entrepreneurship*): thesis. Moscow, 2016. 505 p.(In Russian).
6. Demin A. V. Printsip opredelennosti nalogooblozheniya (*The principle of tax certainty*). Moscow: Statut, 2015. 368 p. (In Russian).
7. Dolinskaya V. V. Aktsionernoe pravo: osnovnye polozheniya i tendentsii (*Company law: the basic provisions and the trend*). Moscow: Volters Kluver, 2006. 200 p. (In Russian).
8. Ivanchak A. I. Grazhdanskoe pravo Rossiiskoi Federatsii: Obshchaya chast' (*Civil Law of the Russian Federation: General conditions*). Moscow: Statut, 2014. 268 p. (In Russian).
9. Kardash I. N. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii (*Mechanism of legal regulation of innovative activity in the Russian Federation*): thesis. Moscow, 2013. 205 p. (In Russian).
10. Karkhalev D. N. Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya okhranitel'nykh otnoshenii (*The mechanism of civil-law regulation enforcement relations*) // Yurist. 2014. No. 8. P.29 – 33. (In Russian).
11. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. Odobrena resheniem Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 7 oktyabrya 2009 g. (*The concept of development of the civil legislation of the Russian Federation. Approved by*

the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation on October 7, 2009) // Vestnik VAS RF. 2009. No. 11. (In Russian).
12. Korporativnoe pravo (*Corporate law*) / ed by I.S. Shitkina. Moscow: KNORUS, 2015. 1080 p. (In Russian).
13. Makarova O. A., Abramyan T. A. O prave korporatsii v svete Grazhdanskogo kodeksa RF (*On the right of the corporation in light of the RF Civil Code*) // Grazhdanskoe pravo. 2015. No. 1. P. 14–19. (In Russian).
14. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 10 yanvarya 2012 g. № 5 «O vnesenii izmenenii v Nomenklaturu spetsial'nostei nauchnykh rabotnikov, utverzhdennuyu prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 25 Fevralya 2009 No. 59» (*Order of the Russian Ministry of January 10, 2012 No. 5 «On Amendments to the Nomenclature of specialties researchers approved by the Russian Federation Ministry of Education and Science on February 25, 2009 No. 59»*) // Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti. 09.04.2012. (In Russian).
15. Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatel'skoi deyatel'nosti (*Problems of realization of the principles of law in business*) / ed by V. A. Vaipan, M. A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2016. 340 p.
16. Pyatyi Permskii kongress uchenykh-yuristov (24–25 oktyabrya 2014) (*The Fifth Congress of Perm academic lawyers (24–25 October 2014*) / ed by V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moscow: Statut, 2015. 400 p. (In Russian).
17. Rogova Yu. V. Dogovor kak sredstvo obespecheniya stabil'nosti grazhdanskogo oborota (*Treaty as a means of ensuring the stability of civil turnover*). Moscow: Statut, 2015. 144 p. (In Russian).
18. Rodionova O. M. Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v kontekste sovremennogo chastnogo prava (*The mechanism of civil-legal regulation in the context of modern private law*). Moscow: Statut, 2013. 336 p. (In Russian).
19. Svirin Yu. A. Divergentsiya v sisteme prava (*The divergence in the legal system*). Moscow: Astra Poligrafiya, 2012. 392 p. (In Russian).
20. Sizemova O. B. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya mezhbankovskikh raschetov (*Mechanism of legal regulation of interbank payments*): thesis. Moscow, 2016. 368 p. (In Russian).
21. Sukhanov E. A. Sravnitel'noe korporativnoe parvo (*Comparative corporate law*). Moscow: Statut, 2014. 456 p. (In Russian).
22. Tekut'ev D. I. Pravovoi mekhanizm povysheniya effektivnosti deyatel'nosti chlenov organov upravleniya khozyaistvennykh obshchestv (*Legal mechanism of increase of efficiency of activity of members of management bodies*): thesis. Moscow, 2015. 219 p. (In Russian).
23. Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2012 g. No. 302-FZ (red. ot 04.03.2013) «O vnesenii izmenenii v glavy 1, 2, 3 i 4 chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» (*Federal law of December 30, 2012 № 302-Federal Law (04.03.2013) «On Amendments to Chapter 1, 2, 3 and 4 of the Civil Code of the Russian Federation»*) // Rossiiskaya gazeta. 11.01.2013. (In Russian).
24. Chelyshev M. Yu. O sisteme grazhdansko-pravovoi otrasli (*On civil sector system*) // Yuridicheskii mir. 2009. No. 1. P. 36–41. (In Russian).

УДК 34.07

Д. А. Смирнов, В. А. Мельникова

МОНИТОРИНГ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

В статье предпринята попытка исследовать категорию «мониторинг» в качестве формы государственного финансового контроля. В настоящее время государственный финансовый контроль претерпевает новое законодательное и подзаконное регулирование, связанное с внедрением в практику новых форм. Сфера применения мониторинга как формы государственного финансового контроля расширяется. Это касается прежде всего налоговой, бюджетной, валютной и иных сфер финансово-правового регулирования. Внедрение в практику государственного финансового контроля новой формы обусловлено изменениями общественных отношений и развитием экономических инструментов, соответствующих современным реалиям.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный контроль, органы, мониторинг, метод, форма.

D. A. Smirnov, V. A. Melnikova

MONITORING AS A FORM OF STATE FINANCIAL CONTROL

The article attempts to explore the category of «monitoring» as a form of state financial control. Currently, the state financial control is undergoing a new legislative and subordinate regulation connected with introduction of new forms in practice. The scope of monitoring as a form of public financial control is expanding. It is primarily concerned with fiscal, budgetary, monetary and other spheres of financial regulation. Implementation of new forms of the state financial control in practice is preconditioned by changes in social relations and development of economic instruments, appropriate to modern realities.

Key words: financial control, state control bodies, monitoring, method, form.

Сфера использования термина «мониторинг» в последние годы заметно расширяется и охватывает различные отрасли научного знания, в том числе юриспруденцию. В основе его этимологии лежит латинское слово «monitor» – увещатель, наставлятель [16, с. 389], а в переводе с английского языка «monitoring» означает – слежение или перманентный контроль [17, с. 545].

Данный термин имеет и другие значения: 1) сбор информации, сведений в средствах массовой коммуникации, ведение радиоперехвата; 2) наблюдение, оценка и прогноз состояния окружающей среды в связи с хозяйственной деятельностью человека; 3) систематическое сопоставление действительного положения фирмы или организации с желаемым [13, с. 76]. Кроме того, в энциклопедической литературе мониторинг иногда определяется как непрерывное наблюдение за экономическими объектами и процессами с целью анализа изменения их состояния и представляет собой составную часть управления [25, с. 206].

Рассматривая мониторинг в качестве метода познания, И. П. Фарман дает ему следующую характеристику: «... перспективный метод познавательной практики и опытной науки, инструмент для решения конкретных жизненных задач и управления ситуацией, особенно в условиях современной модернизации» [31, с. 256–269].

В экономической науке мониторинг рассматривается в различных аспектах: как инструмент прогнозирования социально-экономических процессов [2; 14; 44], как способ сбора информации для обеспечения системы управления рекомендациями и вариантами управленческих решений [19, с. 7], как метод управления [10], как часть менед-

жмента предприятия [5], как метод превентивного контроля, то есть составная часть более общего понятия «контроль» [4].

Термин «мониторинг» широко применяется не только в экономической науке, но и в социологии [43], политологии [45], а с недавнего времени и в российской юридической науке для изучения законодательства и практики его применения. В правовой теории институт мониторинга права и правоприменительной деятельности рассматривается в качестве одного из условий эффективного правового прогнозирования. Так, например, Д. Б. Горохов рассматривает мониторинг законодательства и правоприменительной практики как систематическую, комплексную деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций (в пределах их конституционных полномочий) по осуществлению сбора, обобщения и анализа информации о состоянии законодательства, практики его применения с целью выявления их соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям законодателя, должностных лиц исполнительных, судебных и иных органов власти различных уровней и институтов гражданского общества [8, с. 155].

Принято выделять также международный правовой мониторинг как комплекс информационных наблюдений, связанный с анализом и оценкой формирования норм международного права, а также действия и применения его норм [27, с. 5].

Таким образом, мониторинг представляет собой метод научного познания, используемый для исследования различных явлений общественной жизни, в том числе экономических и правовых, посредством наблюдения за ними, сравнительного анализа, с целью сопоставления их состояний на различных временных отрезках.

Мониторинг выполняет следующие функции: превентивную, прогнозирования, оценки, планирования и корректировки, в связи с чем широко применяется в рамках контрольной и надзорной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления [3]. Именно в приведенном значении мониторинг будет рассматриваться в рамках настоящего диссертационного исследования, как часть более общего понятия «контроль», а по отношению к налоговой, бюджетной, инвестиционной и иной финансовой деятельности – часть понятия «финансовый контроль».

В подобном качестве мониторинг становится предметом правового регулирования, и в законодательных актах отраслевой принадлежности находят закрепление разнообразные виды мониторинга, устанавливаются субъекты, полномочные его осуществлять, определяются объекты, а также формы его осуществления и процедуры. Например, в экологическом (природоохранном) законодательстве используется понятие «государственный экологический мониторинг» или «государственный мониторинг окружающей среды», под которым понимаются комплексные наблюдения за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем, за происходящими в них процессами, явлениями, оценка и прогноз изменений состояния окружающей среды. Правовые основы государственного экологического мониторинга заложены в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [34], а отдельных его видов – в специальных федеральных законах [32; 33; 36].

Государственный мониторинг осуществляется в различных областях общественной жизни: в сфере охраны окружающей среды, для оценки качества и безопасности пищевых продуктов, здоровья населения [32]; безопасности лекарственных препаратов [35]; реализации документов стратегического планирования [38]; выполнения производственных программ и инвестиционных программ организаций коммунального комплекса [39]; в области отношений с соотечественниками [37] и т.д.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что термин «мониторинг» в российской финансово-правовой науке нередко связывается с противодействием легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма.

Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [42] не оперирует термином «мониторинг», однако уполномоченный федеральный ор-

ган исполнительной власти в данной области носит официальное наименование – Федеральная служба по финансовому мониторингу [29]. По этой причине понятие «финансовый мониторинг» нередко отождествляется с деятельностью по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Нужно отметить, что использование термина «финансовый мониторинг» в рассматриваемом значении носит национальный характер и получило широкое распространение на постсоветском пространстве. Как отмечает М. М. Прошунин, термин «финансовый мониторинг» в отношении системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма впервые введен в научный и прикладной оборот на постсоветском пространстве, имеет российское происхождение и в большинстве зарубежных стран не используется (исключение составляют: Беларусь, Украина, Армения, Грузия) [23, 24].

Подобный подход к пониманию понятия «финансовый мониторинг», который можно условно обозначить ограничительным, не является единственным в финансово-правовой науке.

Одной из первых в терминологический оборот финансового права понятие «мониторинг» ввела О. Н. Горбунова. Она отмечает, что через финансовую систему государства осуществляется система финансового мониторинга – слежения рублем за успешным (или менее успешным) развитием государства и общества в целом и, что самое важное, осуществляется государственное влияние и прямое воздействие на их развитие.

Этот метод О. Н. Горбунова именует «финансовым мониторингом» и никак не связывает его с противодействием отмыванию преступных доходов: «Через нормы финансового права и правоотношения создаются правовые коридоры для проявления в государственном управлении прямых и обратных связей, обеспечивающих всю реальную практическую деятельность государства. ... Для этого нужно, чтобы и работа на благо общества и распределение благ в обществе были справедливыми и прозрачными, стимулировалась бы эффективная деятельность, и именно этим целям служит финансовый мониторинг, который осуществляется через прямые и обратные связи, правовые коридоры для которых образуют именно с помощью норм финансового права» [7, с. 9].

Согласно данному подходу финансовый мониторинг представляет собой форму финансового контроля, позволяющую отслеживать динамику развития как целых отраслей экономики, так и отдельных хозяйствующих субъектов и даже социальных групп через прямые и обратные связи. Финансы, в понимании О. Н. Горбуновой, представляют собой: «основной источник информации обо всех без исключения процессах в жизнедеятельности общества и государства, основу саморегулирования и самонастройки государства и общества в целом» [7, с. 11–13].

Как и О. Н. Горбунова, С. В. Запольский характеризует финансовую систему как информационную систему, отмечая, что движение денежных средств как в вертикальном, так и в горизонтальном срезах экономики является исходным информационным источником при анализе всех экономических процессов, в том числе и в финансовой сфере [11].

Концепция мониторинга в сфере финансов получила поддержку также в работах М. М. Прошунина, который указывает, что в таком широком смысле мониторинг охватывает все сферы жизнедеятельности государства и общества, начиная от мониторинга операций в рамках финансовых ресурсов отдельного индивида и заканчивая мониторингом операций и сделок в рамках государственных бюджетных отношений [23]. Финансовый же мониторинг в узком смысле, то есть как правовое и экономическое явление в рамках борьбы с противодействием легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, М. М. Прошунин рассматривает в качестве вида финансового контроля [24]. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие правоведы [1, 28].

Молдавский правовед В. Дидык связывает процесс обеспечения финансовой безопасности государства с мониторингом угрожающих ей факторов, то есть наблюдением за предварительно заданными статистическими параметрами (индикаторами), способными оказывать содействие формированию оценки состояния финансовой системы государства [9].

В своем диссертационном исследовании С. А. Набиев дает широкую трактовку по-

нятию мониторинга в области финансов и определяет его как непрерывное систематическое наблюдение за общественно-экономическими отношениями, складывающимися в сфере образования, распределения и использования фондов денежных средств по выявлению фактического положения дел и для оперативного устранения отклонений, а также предупреждения и предотвращения возможных отклонений в процессе финансовой деятельности хозяйствующих субъектов по достижению запланированного результата в соответствии с установленными нормативами [18, с. 189–190].

Современный этап развития российского финансового законодательства характеризуется рассредоточением норм о финансовом контроле в многочисленных законодательных актах, регулирующих различные его виды. И, несмотря на отсутствие законодательной дефиниции мониторинга как метода финансового контроля, именно в таком значении в последние годы происходит его внедрение в финансовое законодательство.

Так, термин «мониторинг», обозначающий форму налогового контроля, в 2014 году был введен в налоговое законодательство [40]. Налоговый кодекс РФ был дополнен рядом положений, направленных на регламентацию проведения налогового мониторинга, который определяется как форма налогового контроля, позволяющая проверять правильность исчисления, полноту и своевременность уплаты (перечисления) налогов и сборов, обязанность по уплате (перечислению) которых возложена на налогоплательщика (плательщика сбора, налогового агента) – организацию.

Е. В. Мигачева характеризует налоговый мониторинг как деятельность налоговых органов по отслеживанию и анализу налоговых рисков при осуществлении налогоплательщиками финансово-хозяйственных операций, направленную на создание партнерских отношений с крупными налогоплательщиками путем своевременного реагирования и предупреждения осуществления ими рисковых операций, которые могут привести к нарушениям законодательства [15].

Налоговый мониторинг отличается от других форм налогового контроля наличием расширенного информационного взаимодействия между налогоплательщиком и налоговым органом, при котором последним предоставляется доступ в режиме реального времени к данным бухгалтерского и налогового учета. Налогоплательщик же получает право (при наличии сомнений в правильности ведения налогового учета) запросить мотивированное мнение налогового органа о налогово-правовых последствиях совершаемых операций.

Часть 2 ст. 157 Бюджетного кодекса РФ закрепляет среди бюджетных полномочий Счетной палаты РФ, контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований бюджетные полномочия по анализу и мониторингу бюджетного процесса, в том числе подготовке предложений по устранению выявленных отклонений в бюджетном процессе и совершенствованию бюджетного законодательства РФ.

Мониторинг в этом случае выступает в качестве новой формы осуществления Счетной палатой финансового контроля, наряду проверками, ревизиями, анализом и обследованием. Согласно п. 8 ст. 16 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» [41] мониторинг применяется в целях сбора и анализа информации о предмете и деятельности объекта аудита (контроля) на системной и регулярной основе.

Помимо бюджетной и налоговой сфер, мониторинг применяется при реализации полномочий Банка России по контролю и надзору за финансовым рынком на основе представляемой поднадзорными организациями в Банк России бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также иной информации, имеющейся в распоряжении Банка России. Мониторинг в данном случае направлен на слежение за состоянием различных сегментов финансового рынка в целях выявления ситуаций, угрожающих финансовой стабильности государства [21].

Другой сферой применения мониторинга как формы государственного финансового контроля выступает валютное регулирование и контроль.

Как верно отмечает Н. В. Плотникова, необходимость проведения мониторинга происходящих в сфере экономики негативных процессов и явлений, связанных с уклонением от выполнения требований валютного законодательства, с утечкой капиталов за

рубеж, с легализацией доходов, полученных преступным путем, обусловливает разработку соответствующих предложений по совершенствованию системы учета и мониторинга валютных операций, что необходимо для обеспечения оперативного применения на практике имеющихся в арсенале регулирующих органов инструментов в случае неблагоприятного развития ситуации с конъюнктурой цен на мировых рынках и ухудшения положения на внутреннем валютном рынке [20].

А. А. Тедеев характеризует валютный мониторинг как основную форму реализации валютного регулирования и контроля, важнейший механизм эффективного функционирования экономической системы любого государства [26].

Можно согласиться с мнением, высказанным А. А. Тедеевым, о том, что валютное регулирование и контроль вбирают в себя многие характеристики, свойственные мониторингу как форме государственного финансового контроля (при этом в валютном законодательстве термин «мониторинг» не используется) – это и его перманентный характер, и информационное взаимодействие контролирующего органа с подконтрольным субъектом, и превентивный характер. Однако нельзя согласиться с подходом, предлагаемым в цитируемой работе, к определению цели валютного мониторинга – выявление и пресечение деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма.

Представляется, что цели валютного мониторинга, если рассматривать его как форму контроля, должны совпадать с целями валютного регулирования и валютного контроля в целом, провозглашенными в Федеральном законе от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»: соблюдение законодательства при совершении валютных операций. Имплементация термина «валютный мониторинг» в научный оборот требует дополнительной научной проработки.

Во всех перечисленных выше случаях использования термина «мониторинг» речь идет о сборе, обработке и оценке информации в рамках осуществления государственного контроля и надзора в различных сферах, в целях предотвращения разного рода негативных последствий. Как правило, мониторинг проводится органами государственного контроля и надзора, органами государственной исполнительной власти, к чьей компетенции отнесены соответствующие полномочия, а его порядок детально регламентируется в подзаконных актах [22].

Вместе с тем, поскольку на данном этапе правового развития Российской Федерации не принят единый правовой акт, в котором были бы установлены организационные основы, общие принципы, формы и методы осуществления государственного контроля (надзора), в том числе финансового контроля, отсутствует системность в правовом регулировании обозначенных общественных отношений.

Названный недостаток мог быть устранен с принятием Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации», проект которого был разработан Минэкономразвития России, однако положения данного законопроекта не предполагают его распространение на сферу государственного (муниципального) финансового контроля.

В то же время научный интерес представляет сама попытка закрепить на законодательном уровне понятие мониторинга (как формы государственного финансового контроля), которое в дальнейшем может быть имплементировано в финансовое законодательство.

Введение в законодательство термина «мониторинг» потребует приведения в соответствие общих норм о государственном (муниципальном) контроле со специальными нормами о финансовом контроле, поскольку последний является особой отраслью (видом) контроля.

Проведенный анализ, позволяет заключить, что мониторинг является новой формой финансового контроля, внедрение которой в российское законодательство только начинается. Преимуществом мониторинга, в сравнении с уже «традиционными» ревизиями и проверками, является его постоянный длящийся характер, который позволяет достигнуть наиболее полного охвата объектов контроля во времени и, соответственно, наилучшего результата.

Отличительными характеристиками данной формы финансового контроля являются:

– применение в рамках контрольных (надзорных) полномочий органов государственной власти (местного самоуправления);

– постоянный характер и преимущественное применение при текущем финансовом контроле, осуществляемом непосредственно в ходе совершения денежных операций, исполнения финансовых обязательств, формирования, распределения и использования фондов денежных средств;

– превентивный характер, нацеленность на предупреждение нарушений финансовой дисциплины и как следствие неблагоприятных последствий для финансовой системы;

– информационное взаимодействие органа финансового контроля и подконтрольного субъекта в режиме реального времени.

Литература

1. Акмалова А. А., Капицына Д. В. Мониторинг как вид правового контроля в системе государственного и муниципального управления // Искусство управления. 2012. № 2. С. 13–26.
2. Ачалова Л. В., Богачева М. Ю., Владимирова И. Л. Оперативный мониторинг в структуре региональных ситуационных центров социально-экономического развития / отв. ред. Е. В. Зарова. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2013. 152 с.
3. Бакаева О. Ю., Мильшина И. В. Государственный контроль и надзор как юридические категории // Государственный контроль и надзор: актуальные правовые проблемы: межвузовский научный сборник / под общ. ред. О.Ю. Бакаевой. Саратов: СГСЭУ, 2012. С. 8–13.
4. Блинова У. Ю. Мониторинг – метод превентивного контроля // Бухгалтерский учет. 2005. № 4. С. 34–36.
5. Брагинец А. Н. Уточнение функций мониторинга экономической деятельности предприятий // Проблеми економіки. 2013. № 4. С. 268–273.
6. Водный кодекс РФ // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381; 2014. № 26 (Ч. I). Ст. 3387.
7. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М.: Профобразование, 2003. 160 с.
8. Горохов Д. Б. Институт правового мониторинга // Концепции развития российского законодательства / под ред. Хабриевой Т.Я., Тихомирова Ю.А. М.: Эксмо, 2010. 732 с.
9. Дидык В. Правовые аспекты обеспечения финансовой безопасности государства: автореф. ... докт. права. Кишинев, 2014. 31 с.
10. Еналеев А.К., Заложнев А.Ю. Мониторинг как метод организационного управления. Мониторинг финансово-промышленной группы // Управление большими системами: сборник трудов. 2004. № 27. С. 84–89.
11. Запольский С. В. К вопросу о природе финансовых правоотношений: информационная составляющая // Финансовое право. 2007. № 8. С. 12–16.
12. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4235.
13. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов. М.: Издательство Московского университета, 1995. 144 с.
14. Королева Н. А. Методологические основы исследования мониторинга как инструмента прогнозирования социально-экономических процессов в современном обществе // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 2. С. 10–13.
15. Мигачева Е. В. Налоговый мониторинг как способ обеспечения финансовой безопасности // Финансовое право. 2016. № 1. С. 30–33.
16. Мусселіусъ В. Русско-латинскій словарь. С.-Петербургъ: Изданіе К.Л. Риккера, 1891. 424 с.
17. Мюллер В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013. 1008 с.
18. Набиев С. А. Теоретические аспекты и практика применения соотношения правового регулирования государственного финансового контроля и финансового мониторинга: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 217 с.
19. Найденко В. В., Губанов Л. Н., Косариков А. Н. Эколого-экономический мониторинг окружающей среды. Нижний Новгород, 2003. 186 с.
20. Плотникова Н. В. Методы валютного контроля и направления их совершенствования // Финансы, денежное обращение и кредит. 2009. № 9 (58). С. 265-268.
21. Положение Банка России от 31 мая 2012 г. № 380-П «О порядке осуществления наблюдения в национальной платежной системе» // Вестник Банка России. 2012. № 31.
22. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26 августа 2010 г. № 757н «Об утверждении порядка осуществления мониторинга безопасности лекарственных препаратов для медицинского применения, регистрации побочных действий, серьезных нежелательных реакций, непредвиденных нежелательных реакций при применении лекарственных препаратов для медицинского применения» // Российская газета. 14 сентября 2010 г. № 206.
23. Прошунин М. М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (российский и зарубежный опыт): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. 416 с.
24. Прошунин М. М. Финансовый мониторинг как вид финансового контроля // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 105; Прошунин М.М. К вопросу о соотношении финансового мониторинга и финансового контроля // Финансовое право. 2010. № 10. С. 21–24.

25. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш. Словарь современных экономических терминов. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008. 480 с.
26. Тедеев А. А. К вопросу о понятии и сущности валютного мониторинга в Российской Федерации // ЭКОНОМИКС. 2013. № 1. С. 7–8.
27. Тиунов О. И. О роли международно-правового мониторинга и международного контроля в развитии евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10 (53). С. 5–9.
28. Трубников В. М. Классификация видов (форм) финансового контроля на основе теории правоотношений // Налоги и финансовое право. 2013. № 9. С. 225–230.
29. Указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3314; 2013. № 52 (Ч. II). Ст. 7137.
30. Указание Банка России от 18 января 2016 г. № 3935-У «О порядке осуществления Банком России мониторинга деятельности страховщиков» // Вестник Банка России. 2016. № 26.
31. Фарман И. П. Мониторинг как метод исследования и представления знания // Философия науки. Эпистемологический анализ коммуникации. 2012. Вып. 17. С. 256–269.
32. Федеральный закон от 02 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150; 2011. № 30 (Ч. 1). Ст. 4596.
33. Федеральный закон от 04 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2222; 2013. № 30 (Ч. I). Ст. 4059.
34. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2014. № 11. Ст. 1092.
35. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815; 2014. № 11. Ст. 1098.
36. Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. 2004. № 52 (Ч. 1). Ст. 5270; 2014. № 26 (Ч. I). Ст. 3387.
37. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670; 2013. № 30 (Ч. I). Ст. 4036.
38. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (Ч. I). Ст. 3378.
39. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» // СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 36; 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7643.
40. Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 348-ФЗ «О внесении изменений в часть первую налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. №. 45. Ст. 6158.
41. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» //СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649; 2013. № 52 (Ч. I). Ст. 6961.
42. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3418; 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4219.
43. Шадрина Л. Ю. Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 126. С. 319–325.
44. Шумакова О. В., Рабканова М. А. Мониторинг устойчивого развития сельских территорий региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. №4 (27). С. 40–42.
45. Якимец В. Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России // Труды ИСА РАН. 2006. Т. 25. С. 139–147.

References

1. Akmalova A. A., Kapitsyn D. V. Monitoring kak vid pravovogo kontrolya v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya (*Monitoring as a form of legal control in the system of state and municipal management*) // Iskusstvo upravleniya. 2012. No. 2. P.13–26. (In Russian).
2. Achalov L. V., Bogacheva M. Yu., Vladimirova I. L. Operativnyi monitoring v strukture regional'nykh situatsionnykh tsentrov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (*Monitoring in the structure of regional situation centers of socio-economic development*) / ed. by E.V. Zarov. Moscow: FSBEI HPE «REU them. G.V. Plekhanova», 2013. 152 p. (In Russian).
3. Bakaeva O. Yu., Milshina I. V. Gosudarstvennyi kontrol' i nadzor kak yuridicheskie kategorii (*State oversight as a legal category*) // Gosudarstvennyi kontrol' i nadzor: aktual'nye pravovye problemy: mezhvuzovskii nauchnyi sbornik (*State control and supervision: current legal problems: interuniversity scientific collection*) / ed by O. Y. Bakaev. Saratov: SGSEU, 2012. P. 8–13. (In Russian).
4. Blinova W. Y. Monitoring – metod preventivnogo kontrolya (*Monitoring – a method of preventive control*) // Bukhgalterskii uchet. 2005. No. 4. P. 34–36. (In Russian).
5. Braginets A. N. Utochnenie funktsii monitoringa ekonomicheskoi deyatel'nosti predpriyatii (*Specification of functions of monitoring economic activity of enterprises*) // Problems economy. 2013. No. 4. P. 268–273. (In Russian).

6. Vodnyi kodeks RF (*The water code of the Russian Federation*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2006. No. 23. Art. 2381; 2014. No. 26 (Part I). Art. 3387. (In Russian).
7. Gorbunova O. N. Finansovoe pravo i finansovyi monitoring v sovremennoi Rossii (*Financial law and financial monitoring in modern Russia*). Moscow: Vocational Education, 2003. 160 p. (In Russian).
8. Gorokhov D. B. Institut pravovogo monitoringa (*Institute of legal monitoring*) // Kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva (*The concept of development of Russian legislation*) / ed by Khabriev T. Ya., Tikhomirov Yu. A. Moscow: Eksmo, 2010. 732 p. (In Russian).
9. Didyk V. Pravovye aspekty obespecheniya finansovoi bezopasnosti gosudarstva (*Legal aspects of ensuring financial security of the state*): abstract of thesis. Chisinau, 2014. 31 p. (In Russian).
10. Enaleev A. K., Seleznev A. Y. Monitoring kak metod organizatsionnogo upravleniya. Monitoring finansovo-promyshlennoi gruppy (*Monitoring as a method of organizational management. Monitoring of financial-industrial groups*) // Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornik trudov (Managing large systems: collection of papers). 2004. No. 27. P. 84–89. (In Russian).
11. Zapolskiy S. V. K voprosu o prirode finansovykh pravootnoshenii: informatsionnaya sostavlyayushchaya (*On the question about the nature of financial relationships: information component*) // Finansovoe pravo. 2007. No. 8. P. 12–16. (In Russian).
12. Zemel'nyi kodeks RF ot 25.10.2001 g. № 136-FZ (*The land code of the Russian Federation of 25.10.2001 № 136-FZ*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. St. 4147; 2014. No. 30 (Part I). St. 4235. (In Russian).
13. Komlev N. G. Slovar' novykh inostrannykh slov (*Dictionary of new foreign words*). Moscow: MSU Pupl., 1995. 144 p. (In Russian).
14. Queen N. Metodologicheskie osnovy issledovaniya monitoringa kak instrumenta prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v sovremennom obshchestve (*Methodological basis of the study monitoring as a forecasting tool of socio-economic processes in modern society*) // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2008. No. 2. P. 10–13. (In Russian).
15. Migacheva E. V. Nalogovyi monitoring kak sposob obespecheniya finansovoi bezopasnosti (*Tax monitoring as a way of ensuring financial security*) // Finansovoe pravo. 2016. No. 1. P. 30–33. (In Russian).
16. Moseley V. Russko-latinskii slovar' (*Russian-Latin dictionary*). St. Petersburg: Publishing K.L. Ricker, 1891. 424 p. (In Russian).
17. Muller V. K. Polnyi anglo-russkii russko-angliiskii slovar'. 300 000 slov i vyrazhenii (*Comprehensive English-Russian Russian-English dictionary. 300 000 words and expressions*). Moscow: Eksmo, 2013. 1008 p. (In Russian).
18. Nabiev S. A. Teoreticheskie aspekty i praktika primeneniya sootnosheniya pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya i finansovogo monitoringa (*Theoretical aspects and practice application of the ratio of legal regulation of state financial control and financial monitoring*): thesis. Moscow, 2008. 217 p. (In Russian).
19. Naidenko V. V., Gubanov L. N., Kosarikov A. N. Ekologo-ekonomicheskii monitoring okruzhayushchei sredy (*Ecological and economic monitoring of environment*). Nizhny Novgorod, 2003. 186 p. (In Russian).
20. Plotnikova N. V. Metody valyutnogo kontrolya i napravleniya ikh sovershenstvovaniya (*Exchange control methods and directions of improvement*) // Finansy, denezhnoe obrashchenie i kredit. 2009. No. 9 (58). P. 265–268. (In Russian).
21. Polozhenie Banka Rossii ot 31 maya 2012 g. № 380-P «O poryadke osushchestvleniya nablyudeniya v natsional'noi platezhnoi sisteme» (*The Bank of Russia regulation dated 31 May 2012 No. 380-P «On the procedure for monitoring the national payment system»*) // Vestnik Banka Rossii. 2012. No. 31. (In Russian).
22. Prikaz Minzdravsotsrazvitiya RF ot 26 avgusta 2010 g. № 757n «Ob utverzhdenii poryadka osushchestvleniya monitoringa bezopasnosti lekarstvennykh preparatov dlya meditsinskogo primeneniya, registratsii pobochnykh deistvii, ser'eznykh nezhelatel'nykh reaktsii, nepredvidennykh nezhelatel'nykh reaktsii pri primenenii lekarstvennykh preparatov dlya meditsinskogo primeneniya» (*The order of the health Ministry of the Russian Federation dated 26 August 2010 no 757н «On approval of the procedure for safety monitoring of medicinal products for medical use, registration of side effects, serious adverse reactions, unexpected adverse reactions of the medicinal product for medical use»*) // Rossiiskaya gazeta. September 14, 2010. No. 206. (In Russian).
23. Proshunin M. M. Finansovyi monitoring v sisteme protivodeistviya legalizatsii prestupnykh dokhodov i finansirovaniyu terrorizma (rossiiskii i zarubezhnyi opyt) (*Financial monitoring in the system of combating legalization of criminal proceeds and financing of terrorism (Russian and foreign experience):* thesis. Moscow, 2010. 416 p. (In Russian).
24. Proshunin M. M. Finansovyi monitoring kak vid finansovogo kontrolya (*Financial monitoring as a form of financial contro*l) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No. 330. P.105. (In Russian).
25. Raizberg B. A., Lozovskiy L. Slovar' sovremennykh ekonomicheskikh terminov (*The Dictionary of modern economic terms*). Moscow: Ayris-press, 2008. 480 p. (In Russian).
26. Tedeev A. A. K voprosu o ponyatii i sushchnosti valyutnogo monitoringa v Rossiiskoi Federatsii (*About concept and essence of the foreign exchange monitoring in the Russian Federation*) // Economics. 2013. No. 1. P. 7–8. (In Russian).

27. Tiunov O. I. O roli mezhdunarodno-pravovogo monitoringa i mezhdunarodnogo kontrolya v razvitii evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii (*The role of international legal monitoring and international monitoring in the development of the Eurasian economic integration*) // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2012. No. 10 (53). P. 5–9. (In Russian).
28. Trubnikov V. M. Klassifikatsiya vidov (form) finansovogo kontrolya na osnove teorii pravootnoshenii (*Classification of types (forms) of financial control is based on the theory of relations*) // Nalogi i finansovoe pravo. 2013. No. 9. P. 225–230. (In Russian).
29. Ukaz Prezidenta RF ot 13 iyunya 2012 g. № 808 «Voprosy Federal'noi sluzhby po finansovomu monitoringu» (*The decree of the President of the Russian Federation of June 13, 2012 № 808 «Issues of the Federal service for financial monitoring»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2012. No. 25. Art. 3314; 2013. No. 52 (H. II). Art. 7137. (In Russian).
30. Ukazanie Banka Rossii ot 18 yanvarya 2016 g. № 3935-U «O poryadke osushchestvleniya Bankom Rossii monitoringa deyatel'nosti strakhovshchikov» (*The Bank of Russia dated 18 January 2016 No. 3935-U «On procedure of the Bank of Russia monitoring of the activities of insurers»*) // Vestnik Banka Rossii. 2016. No. 26. (In Russian).
31. Farman I. P. Monitoring kak metod issledovaniya i predstavleniya znaniya (*Monitoring as a method of research and representation of knowledge*) // Philosophy of science. Epistemological analysis of communication. 2012. Vol. 17. P. 256–269. (In Russian).
32. Federal'nyi zakon ot 02 yanvarya 2000 g. № 29-FZ «O kachestve i bezopasnosti pishchevykh produktov» (*Federal law of January 02, 2000 № 29-FZ «On quality and safety of food products»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2000. No. 2. Art. 150; 2011. No. 30 (H. 1). Art. 4596. (In Russian).
33. Federal'nyi zakon ot 04 maya 1999 g. № 96-FZ «Ob okhrane atmosfernogo vozdukha» (*Federal law of 04 May 1999 # 96-FZ «On atmospheric air protection»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 1999. No. 18. Art. 2222; 2013. No. 30 (Part I). Art. 4059. (In Russian).
34. Federal'nyi zakon ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchei sredy» (*Federal law of 10 January 2002 No. 7-FZ «On environmental protection»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2002. No. 2. Art. 133; 2014. No. 11. Art. 1092. (In Russian).
35. Federal'nyi zakon ot 12 aprelya 2010 g. № 61-FZ «Ob obrashchenii lekarstvennykh sredstv» (*Federal law dated 12 April 2010 No. 61-FZ «On circulation of medicines»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2010. No. 16. Art. 1815; 2014. No. 11. Art. 1098. (In Russian).
36. Federal'nyi zakon ot 20 dekabrya 2004 g. № 166-FZ «O rybolovstve i sokhranenii vodnykh biologicheskikh resursov» (*Federal law of December 20 2004 № 166-FZ «On fisheries and conservation of aquatic biological resources»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2004. No. 52 (Part 1). Art. 5270; 2014. No. 26 (Part I). Art. 3387. (In Russian).
37. Federal'nyi zakon ot 24 maya 1999 g. № 99-FZ «O gosudarstvennoi politike Rossiiskoi Federatsii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom» (*Federal law of may 24, 1999 № 99-FZ «On state policy of the Russian Federation in respect of compatriots abroad»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 1999. No. 22. Art. 2670; 2013. No. 30 (Part I). Art. 4036. (In Russian).
38. Federal'nyi zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii» (*Federal law of June 28, 2014 № 172-FZ «On strategic planning in the Russian Federation»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378. (In Russian).
39. Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2004 g. № 210-FZ «Ob osnovakh regulirovaniya tarifov organizatsii kommunal'nogo kompleksa» (*Federal law of 30 December 2004 № 210-FZ «On bases of regulation of tariffs of organizations of communal complex»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 36; 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7643. (In Russian).
40. Federal'nyi zakon ot 4 noyabrya 2014 g. № 348-FZ «O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» (*Federal law of 4 November 2014 No. 348-FZ «On amendments to part I of the tax code of the Russian Federation»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2014. No. 45. Art. 6158. (In Russian).
41. Federal'nyi zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 41-FZ «O Schetnoi palate Rossiiskoi Federatsii» (*The Federal law of April 5, 2013 № 41-FZ «On the accounts chamber of the Russian Federation»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1649; 2013. No. 52 (H. I). Art. 6961. (In Russian).
42. Federal'nyi zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ «O protivodeistvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» (*Federal law of 7 August 2001 No. 115-FZ «On counteraction to legalization (laundering) of incomes obtained in a criminal way and financing of terrorism»*) // Collected legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418; 2014. No. 30 (Part I). Art. 4219. (In Russian).
43. Shadrina L. Yu. Sotsiologicheskii monitoring kak sredstvo informatsionnogo soprovozhdeniya otsenki effektivnosti sotsial'nykh tekhnologii (*Sociological monitoring as a tool of information support for the evaluation of the effectiveness of social technologies*) // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena (*Proceedings of Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen*). 2010. No. 126. P. 319–325. (In Russian).

44. Shumakova O. V., Rabinov M. A. Monitoring ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii regiona (*Monitoring sustainable development of rural territories of the region*) // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava (*Bulletin of the Altai Academy of Economics and law*). 2012. No. 4 (27). P. 40–42. (In Russian).
45. Yakimets V. N. Indeks dlya otsenki i monitoringa publichnoi politiki v regionakh Rossii (*The index for evaluation and monitoring of public policy in the regions of Russia*) // Trudy ISA RAN (Proceedings of ISA RAS). 2006. Vol. 25. P. 139–147. (In Russian).

УДК 340.153

Д. А. Сумской, И. А. Комаревцева

ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕСТАМЕНТАРНОГО ПРАВА ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

В последнее время в российской правовой доктрине стало уделяться особое внимание ретроспективному анализу правовых институтов, что способствует их более глубокому и всестороннему изучению. Статья посвящена исследованию вопросов правового регулирования отношений наследования по завещанию на Руси в средневековый период. Содержание тестаментарного права анализируется на основании нормативных источников (Псковской судной грамоты, Новгородской судной грамоты), которые действовали в период феодальной раздробленности. В работе применительно к рассматриваемому периоду выделены особенности тестаментарного права.

Ключевые слова: история наследственного права, завещание, наследование по завещанию, форма завещания, содержание завещания.

D. A. Sumskoy, I. A. Komarevtseva

FEATURES OF THE RUSSIAN TESTAMENTARY LAW OF THE FEUDAL PERIOD

Recently the Russian legal doctrine began to focus on the retrospective analysis of legal institutions, thus facilitating a deeper and more comprehensive study. The article investigates the issues of legal regulation of inheritance by will in Russia in the medieval period. The contents of testamentary law is analyzed on the basis of normative sources (Pskov judicial Charter, the Novgorod judicial Charter), which operated in the feudal period. The article studies the features of testamentary law during the period under consideration.

Key words: history of the law of succession, testament, testamentary, form of a will, the contents of the will.

Отечественное тестаментарное право прошло долгий путь становления и развития. Зарождение основных его институтов относится к периоду, который ознаменовал переход от первобытнообщинного строя к государственному. Упоминания о завещании можно найти в самых первых письменных источниках права Древней Руси, к числу которых относится договор Олега с греками 911 года. Так, статья 13 договора содержала правила о наследовании в силу «обряжения» – завещания. Другим источником наследственного права Древней Руси являлась Русская Правда, содержание которой свидетельствует о том, что в современный ей период были известны оба порядка наследования: как наследование по закону, так и наследование по завещанию. Статья 87 упоминает так называемый «ряд» – завещательное распоряжение.

Дальнейшее свое развитие тестаментарное право получило в период феодальной раздробленности. О праве удельных княжеств мы можем судить по таким законодательным памятникам, как Псковская и Новгородская судная грамоты, а также грамоты Белозерская и Двинская. Примечательно, что в рассматриваемый нами период продолжали действовать и другие правовые сборники – Русская правда, Кормчая книга.

Необходимо отметить, что уставные грамоты Белозерская (1488 г.) и Двинская (1398 г.) по своему содержанию не имеют отношения к рассматриваемому нами вопросу. Содержащиеся в них нормы касались, главным образом отношений между наместниками и местными жителями.

Среди сборников местного права XV в. в числе первых может быть названа Псковская судная грамота как по времени своего издания, так и по значимости содержания. Она открыта в одном из списков рукописи XVII столетия в библиотеке князя Воронцова и издана в первый раз в 1847 году [6, с. 197].

В Псковской судной грамоте содержалось достаточно норм, регламентирующих отношения наследования. При этом, различалось наследование по завещанию и наследование по закону. Соотношение указанных оснований наследования по нормам Псковской судной грамоты оценивается учеными по-разному. Так, например, И. Энгельман соотносит основания наследования в зависимости от их значимости. Ученый придавал большее значение наследованию по завещанию: «наследство по завещанию имело преимущество перед наследством по закону» [10, с. 81]. М. Ф. Владимирский-Буданов допускал достаточно противоречивые высказывания по поводу соотношения оснований наследования по нормам Псковской судной грамоты. С одной стороны, сравнивая положения Русской Правды и Псковской Судной грамоты, он указывал на ослабление взаимосвязи между наследованием по закону и наследованием по завещанию [1, с. 472]. Однако, с другой стороны, ученый отмечал, что «несмотря на формальную свободу субъективной воли по закону в деле распоряжения имуществом на случай смерти в действительности фактически наследование по завещанию стоит еще в тесной близости к наследованию по закону. По-прежнему воля завещателя склоняется следовать указаниям порядка законного наследования, или правильнее, указаниям природы» [1, с. 474].

В данный период «субъективная воля завещателя получает уже большой простор; личность уже не так поглощается правами семейного союза и государства» [1, с. 473]. В силу этого завещание мог составить любой член семьи, например жена при живом муже могла составить завещание: «у кого умрет жена без рукописания, а у ней останется вотчина, то муж владеет тою вотчиной до смерти» (ст. 88). Как видим, жена могла составить рукописание и завещать вотчину постороннему лицу. На наш взгляд, все это свидетельствует о достаточном развитии свободы завещания.

Представляет интерес легальная терминология, которую использовал законодатель в нормах тестаментарного права Псковской Судной грамоты. Наследование по завещанию называлось «приказное» и предполагало, что имущество передается одному лицу (наследнику) по приказу другого лица (наследодателя) (ст. 55). Наследники по завещанию назывались приказниками (ст. 14). Сами завещательные акты назывались «рукописаниями» (ст. 14). Как видим, используемый в нормах Русской Правды термин «ряд» не нашел своего отражения в Псковской Судной грамоте применительно к понятию завещания.

Псковская судная грамота содержала норму, посвященную форме завещания. Так, в соответствии со ст. 14 указанного акта, рукописание должно было быть «написано и в Лар положено» [1, с. 473]. Анализ данной нормы позволяет нам с уверенностью утверждать, что для завещания устанавливалась письменная форма. По свидетельству ученых в рассматриваемый период допускались и устные завещания, но только в качестве исключения. Так, например, С. В. Пахман, характеризуя порядок совершения завещаний по нормам Псковской Судной грамоты, отмечает, что «допускались, однако, и словесные завещания, которые совершались в присутствии наследника и духовного отца завещателя или нескольких свидетелей, причем наследнику вручался и завещаемый предмет или акт о праве собственности на этот предмет» [6, с. 200]. Обосновывая свое

предположение, исследователи ссылались на одну из статей Псковской судной грамоты, в которой говорится: «тому тем даньем и владеть, хотя бы и рукописанья не было» [7, с. 433]. Действительно, данная норма указывает на возможность совершения устного завещания и мы считаем возможным поддержать мнение ряда авторов о том, что в силу существовавшего уровня грамотности населения, наряду с письменными существовали и словесные завещания [3, с. 262].

По мнению некоторых авторов, письменная форма рукописания была необходима «лишь тогда, когда имущество отказывается стороннему лицу, а не наследнику по закону» [1, с. 474]. При этом отмечалось, что законные наследники «остаются при тех же правах и обязанностях, оставлено ли в их пользу письменное завещание или нет» [1, с. 474]. В этой связи можно говорить о зависимости письменной формы завещания от субъектного состава указанных в нем наследников.

Что касается второй части нормы ст. 14, требующей поклажи завещания в Лар, то необходимо пояснить, что Ларом являлся публичный архив, предназначенный для хранения документов. Юридические акты частных лиц, переданные на хранение в Лар Св. Троицы, признавались бесспорными судебными доказательствами [9, с. 247]. Отмеченное позволяет предположить, что процесс передачи завещания в Лар можно связывать не только с его хранением, но также с действиями, направленными на удостоверение подлинности воли завещателя. В связи с эти заслуживает внимания точка зрения, согласно которой помещение завещаний в архив рассматривается как их скрепление или утверждение [1, с. 474; 7, с. 433]. Представляет интерес тот факт, что в «положении в Лар» некоторые ученые видели «зарождение будущей явки» [8, с. 74].

Итак, Псковская Судная грамота, применительно к форме завещания, упоминала только о письменном его характере и о необходимости передачи его в архив.

Как известно, Новгородская судная грамота была составлена 11 августа 1471 года при Иоанне III, на вече. Она была открыта Карамзиным в одном из сборников графа Мусина-Пушкина и отпечатана сначала у Карамзина, а потом в актах Археографической экспедиции [6, с. 201]. От Новгородской судной грамоты сохранился лишь фрагмент, не дающий представления о завещании, его содержании и о порядке его совершения. Однако, исследования дошедших до нас новгородских завещаний, сохранившихся в виде берестяных грамот, предоставили возможность до определенной степени установить их обычную форму и содержание.

Рассмотрим особенности формальной стороны новгородских завещаний. В. Л. Янин, характеризуя письменный порядок совершения завещания, отмечает: «Любое завещание, чтобы получить официальную силу, должно быть написано на пергамене …» [11, с. 126]. Учеными единодушно признавался факт участия в совершенных на Новгородской земле завещаниях свидетелей – «послухов». При этом исследователи указывают на ряд особенностей свидетельствования таких завещаний. Так, профессор М. Ф. Владимирский – Буданов отмечал, что в роли свидетеля «был обычно отец духовный, и в таком случае достаточно было одного послуха» [1, с. 476]. По мнению К. А. Неволина, «в Новгородских духовных грамотах был призываем в свидетели сам Бог» [5, с. 292]. При этом автор подчеркивал, что «кроме этого призвания и кроме отца духовного, весьма часто в них не поименовывались никакие другие свидетели» [5, с. 292]. Наряду с послухом, завещание подписывалось писавшим его дьяком.

Характеризуя порядок совершения новгородских завещаний, ученые указывали на необходимость их удостоверения «привешенными или приложенными к ним печатями» [5, с. 292–293]. Уточнением данного положения могут служить рассуждения Т. Е. Новицкой, которая ведет речь исключительно о печати наместника новгородского владыки [2, с. 96–97]. По мнению В. Л. Янина печать привешивалась в канцелярии наместника новгородского архиепископа и придавала документу юридическую силу [12, с. 245]. Итак, использование печати при оформлении новгородских завещаний может расцениваться как особенность завещательного процесса того периода.

В литературе обращалось внимание на отсутствие следов явки в новгородских завещаниях [1, с. 476]. Вероятно, здесь имеется ввиду отсутствие явки в обычном для того времени её проявлении в виде текста о

допросе лиц, участвующих при совершении завещания. Вместе с тем, можно предположить, что явка сопровождалась не написанием текста, а приложением печати, о чем говорилось выше.

Проведенный учеными [1, с. 474; 4, с. 217] анализ текстов завещаний рассматриваемого периода позволил выделить некоторые особенности содержания данных актов.

Во-первых, определенные содержательные элементы завещания свидетельствуют о влиянии церкви на данную сферу общественных отношений. Так, например, обычно завещание начиналось призванием Святой Троицы: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Кроме того, наследодатель в завещании обозначался терминами «раб Божий» или же «раба Божия».

Во-вторых, основной, существенной частью завещания являлось назначение главного наследника, который зачастую имел право наследования по закону. В числе наследников по завещанию могли указываться: нисходящие (сыновья), восходящие (отец или мать), боковые родственники (брат или сестра), «или кто ближняго племени» (племянники, свойственники, например, невестка). Представляет интерес тот факт, что в новгородских завещаниях встречается такой вид завещательного распоряжения, как лишение наследства, или, иными словами «эксгередация». Примером может служить завещание Михаля (грамота №42), в котором он назначает наследниками своих братьев, а детей лишает права наследования («до них дела нет»).

В-третьих, отличительной особенностью содержания новгородских завещаний являлось указание наследодателем оснований своих прав на объект наследования. В их числе указывались, в частности. следующие: получение имущества в порядке наследования по завещанию после смерти свекра, договоры займа, как основания возникновения права требования. Состав наследственного имущества, которое упоминалось в новгородских берестяных грамотах был весьма разнообразен: земля, право требования долга, деньги, домашний скот («кобылки»). Встречались и распоряжения неимущественного характера: например, адресованное наследнику требование совершить «поминки» за счет наследства.

В-четвертых, в качестве особого завещательного распоряжения можно указать так называемые выделы, например, в пользу жены. Данная конструкция, на наш взгляд, весьма схожа с древнеримским legatum.

В-пятых, весьма существенной частью завещания выступало назначение исполнителя завещания – душеприказчика. По этому поводу В. В. Момотов пишет следующее: «Последней частью завещания было указание на лицо, которое должно было проследить за тем, чтобы воля завещателя была выполнена в соответствии с завещанием. Такое лицо называлось душеприказчиком. Новгородская берестяная грамота № 689 как раз демонстрирует отчет такого душеприказчика» [4, с. 213].

В-шестых, особо следует указать на так называемые «случайные» части завещания, которые не обязательно составляли его содержание. К ним следует отнести, во-первых, субституцию, то есть подназначение наследника, во-вторых, назначение попечителя главному наследнику, если он является малолетним.

В итоге рассмотрения основных памятников законодательства периода феодальной раздробленности, можно констатировать, что, в отличие от Русской Правды, в них начинает понемногу определяться формальная сторона завещания, в результате чего рукописание выступает более формальным актом, нежели «ряд». Законодательно закрепленные правила позволяют нам судить лишь о некоторых элементах формы завещания – его письменном характере и необходимости хранения в архиве, на практике же при оформлении завещания прибегали к дополнительным требованиям – привлечение свидетелей, число которых не было ещё устоявшимся, собственноручное подписание завещательного акта завещателем и писцом.

Анализ литературных и нормативных источников позволяет нам озвучить предположение о развитии «принципа» свободы завещания в контексте содержательной стороны «тестамента». Прежде всего, расширился круг наследников по завещанию, к числу которых стали относиться не только законные наследники, но и лица посторонние. Также мы уже можем говорить о многообразии видов завещательных распоряжений. Ос-

новным завещательным распоряжением, по-прежнему, остается назначение наследника. Однако, в рассматриваемый нами период получили распространение и иные виды завещательных распоряжений: эксгередация, легаты, субституция, назначение душеприказчика, и пр.

Литература

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.
2. История отечественного государства и права: учебник / под. ред. О.И. Чистякова. Ч.1. М.: Юристъ, 2001. 430 с.
3. Момотов В. Формирование наследования по завещанию в средневековой Руси / Право и жизнь: Независимый правовой журнал. 2003. №52 (9). С. 254–270.
4. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: Зерцало-М, 2003. 416 с.
5. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Том V. История российских гражданских законов. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1858. 524 с.
6. Пахман С. В. История кодификации гражданского права. М.: Зерцало, 2004. 872 с.
7. Радин Н. М. Учебник истории русского права. Петроград. б/д.
8. Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев: Типография Университета св. Владимира, 1894. 188 с.
9. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1908. 616 с.
10. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. С.-Петербург: типография Эдуарда Веймара, 1855. 199 с.
11. Янин В. Л. Берестяная почта столетий. М.: Педагогика, 1979. 128 с.
12. Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М.: Языки славянских культур, 1998. 464 с.

References

1. Vladimirskij-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava (*An overview of the history of Russian law*). Rostov-on-Don: Feniks, 1995. 640 p. (In Russian)
2. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava: Manual (*History of Russian state and law: Textbook*) / ed by O. I. Chistjakov. Part 1. Moscow: Yurist, 2001. 430 p. (In Russian)
3. Momotov V. Formirovanie nasledovanija po zaveshhaniju v srednevekovoj Rusi (*The formation of a testamentary inheritance in medieval Russia*) / Pravo i zhizn': Nezavisimyj pravovoj zhurnal. 2003. No. 52 (9). P. 254–270. (In Russian)
4. Momotov V. V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv. (*The formation of Russian medieval law in the IX–XIV centuries*) Moscow: Zertsalo-M, 2003. 416 p. (In Russian)
5. Nevolin K. A. Polnoe sobranie sochinenij. Vol. V. Istorija rossijskih grazhdanskih zakonov (*Complete works. Volume V. the History of Russian civil laws*). St. Peterburg: Printing of the Imperial Academy of Sciences, 1858. 524 p. (In Russian)
6. Pahman S. V. Istorija kodifikacii grazhdanskogo prava (*The history of the codification of civil law*). Moscow: Zertsalo, 2004. 872 p. (In Russian)
7. Radin N. M. Uchebnik istorii russkogo prava (*The textbook of history of Russian law*). Petrograd. (In Russian)
8. Rudnev L. O duhovnyh zaveshhanijah po russkomu grazhdanskomu pravu v istoricheskom razvitii (*About spiritual Testaments in Russian civil law in the historical development*). Kiev: Printing of University of St. Vladimir, 1894. 188 p. (In Russian)
9. Samokvasov D. Ja. Kurs istorii russkogo prava (*The course of history of Russian law*). Moscow: Printing of the Imperial Moscow University, 1908. 616 p. (In Russian)
10. Jengel'man I. Sistematicheskoe izlozhenie grazhdanskih zakonov, soderzhashhihsja v Pskovskoj sudnoj gramote (*A systematic exposition of the civil laws contained in the Pskov judicial Charter*). St.Peterburg: Vejmar Printing Office, 1855. 199 p. (In Russian)
11. Janin V. L. Berestjanaja pochta stoletij (*Birch mail of the centuries*). Moscow: Pedagogika, 1979. 128 p. (In Russian)
12. Janin V. L. Ja poslal tebe berestu (*I sent you a birch bark letter*). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 1998. 464 p. (In Russian)

УДК 341.2

Д. Л. Цыбаков, Е. Г. Жихорев

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются проблемы обеспечения национально-государственных интересов Российской Федерации в условиях постбиполярного мира и информатизации политики. Авторы определяют возможности международного гуманитарного права для защиты прав и свобод граждан в регионах войн и вооруженных конфликтов. Выявляются трансформации данной отрасли права, которые приводят к снижению возможности международного гуманитарного права эффективно исполнять свои функции. Делается вывод о взаимосвязи между процессом информатизации политики и снижением роли гуманитарного права в системе международных отношений. Предлагаются рекомендации по решению проблем применения гуманитарного права в качестве инструмента защиты национальных интересов России.

Ключевые слова: национально-государственные интересы, международное гуманитарное право, информатизация, национальная безопасность, отрасль права, вооруженный конфликт, права человека.

D. L. Tsybakov, E. G. Zhikhorev

THE MUTUAL INFLUENCE OF INFORMATION AND INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE CONTEXT OF PROTECTION OF NATIONAL INTERESTS OF MODERN RUSSIA

The article considers the problems of ensuring national interests of the Russian Federation in the conditions of post-bipolar world and Informatization policy. The authors define the possibilities of international humanitarian law to protect the rights and freedoms of citizens in the regions of wars and armed conflicts. It identifies the transformation of this branch of law, which reduce the ability of the international humanitarian law to effectively discharge their functions. The conclusion about the relationship between the process of Informatization policies and the reduced role of humanitarian law in the system of international relations. Offers recommendations for resolving the problems of application of humanitarian law as a tool of protection of national interests of Russia.

Key words: national interests, international humanitarian law, informatization, national security, the branch of law, armed conflict, human rights.

Несмотря на то, что понятие «национально-государственные интересы», традиционно пребывает в сфере внимания современной политико-правовой мысли, проблематика информационного обеспечения международного гуманитарного права как приоритета защиты интересов личности, общества и государства Российской Федерации по-прежнему остается весьма востребованной и актуальной.

Проблемы информационного обеспечения национальных интересов современной России в условиях постбиполярного мира постоянно модифицируются и нарастают. Информационно-коммуникационные технологии, выступая катализатором процессов глобализации, одновременно породили новые вызовы и угрозы глобальной и национальной безопасности, в то же время существенно повлияв на состояние между-

народного гуманитарного права. В этих условиях для России, взявшей курс на политическую модернизацию и самостоятельный прагматичный курс во внешней политике, недопустимо несовершенство и незавершенность нормативно-правовой базы обеспечения безопасности в информационной сфере, равно как и дисфункции политики национальной безопасности в целом.

Динамичные преобразования в современном обществе обуславливают необходимость их комплексного анализа и понимания со стороны российской науки, которая пока еще не выработала устойчивые теоретические позиции формирования правовых основ информационного обеспечения международного гуманитарного права. Процесс разработки и принятия нормативно-правовых актов, определяющих международные гуманитарное право войны, до настоящего времени носит противоречивый характер. Следует отметить, что их появление нередко вызвано неупорядоченным развитием информационного общества и его противоречиями. Поэтому правительства и законодатели принимают наднациональные правовые акты зачастую без всесторонней адаптации с национальными правовыми традициями.

Исследования влияния информационной революции на глобальную безопасность, международные отношения и гуманитарное право реализуются главным образом разрознено, в ограниченном теоретико-методологическом пространстве. По данной причине непрерывно развивающиеся процессы информатизации как предметные сферы политико-правовой мысли анализируются в узкоотраслевых рамках научных дисциплин. Отмеченные обстоятельства вызывают необходимость выбора и формирования межотраслевых комплексных подходов в научных исследованиях, посвященных правовому регулированию политики обеспечения национально-государственных интересов Российской Федерации.

Следует указать, что в условиях постбиполярности одном из приоритетов реализации национально-государственных интересов России продолжает оставаться развитие норм международного гуманитарного права. Несомненно, в рамках данной научной статьи не представляется возможным всесторонне рассмотреть все актуальные вопросы его информационного обеспечения. Однако, не вызывает сомнений, что приоритетной задачей научного сообщества является осмысление наиболее актуальных проблем совершенствование нормативно-правовой основы защиты национально-государственных интересов России в контексте развития современного международного законодательства о войне и вооруженных конфликтах, в качестве задач которого только начинает осознаваться потребность урегулирования проблем информационного противоборства.

Отметим, что международно-правовое запрещение различных проявлений вооруженного насилия до настоящего времени не привело к их предотвращению. Несомненно, что право вооруженных конфликтов в обозримом будущем будет являться основным регулятором контактов и связей, возникающих в период вооруженной борьбы как между государствами, так и между негосударственными акторами мировой политики. Таким образом, только дальнейшее совершенствование норм международного гуманитарного права, также всего остального комплекса международных и национальных норм, способствующих ограничению вооруженного противостояния, включая и его информационно-технологическую и информационно- психологическую составляющие, будет и дальше оставаться одним из приоритетов политики обеспечения национально-государственных интересов России в постбиполярном мире.

Постепенное восстановление роли нашей страны в качестве мировой державы, прагматичная и последовательная внешняя политика российского руководства обусловили необходимость защиты прав и свобод своих граждан и соотечественников в районах перманентых вооруженных конфликтов, расположенных в ближнем и дальнем зарубежье России.

Согласно действующей Стратегии национальной безопасности Россия должна закрепить за собой положение мировой державы. В Концепции внешней политики России 2013 г. подчеркивается осознание особой ответственности Российской Федерации за поддержание безопасности в мире исходя из исторически сложившейся роли нашей страны как уравновешивающего фактора в международных делах и в развитии мировой цивилизации [4].

Как в практическом, так и в теоретико-методологическом плане, сохраняется потребность в повышении результативности противодействия комплексу опасностей и угроз, возникающих в глобальном информационном пространстве. Прямое указание на противодействие контрпродуктивным последствиям информатизации современной политики содержится в действующей Военной доктрине России.

Являясь одним из лидеров мирового сообщества, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН и участвуя практически во всех межгосударственных международных организациях, Российская Федерация, помимо прочего, несет ответственность за поддержание правопорядка и стабильности в конфликтогенных регионах земного шара, имеет обязательства перед мировым сообществом по недопущению посягательств на законные интересы, жизнь, здоровье и имущество населения, проживающего в эпицентрах военно-политической напряженности. Помимо обеспечения защиты гражданского населения и некомбатантов в условиях военных действий, перед гуманитарным правом стоит задача ограничение масштабов вооруженного насилия, исключения из арсенала последнего наиболее антигуманных методов, приемов и средств.

Однако, эпоха постибиполярности, характеризуемая попытками США и их союзников добиться своей глобальной гегемонии, создает немало препятствий и проблем реализации международных правовых норм. Имея своей целью уменьшение вреда и ущерба, причиняемых вооруженным насилием, гуманитарное право после окончания «холодной войны» неоднократно подвергалась попыткам ревизии со стороны доминирующих акторов мировой политики.

Ситуация осложняется ввиду того, что международное гуманитарное право, пожалуй, как никакая иная отрасль юридической теории и практики, традиционно подвержена влиянию политических и идеологических факторов. В условиях постбиполярности их воздействие приобрело наиболее концентрированное выражение ввиду нарушения баланса сил в системе международных отношений. В начале 1990-х г.г. оказался устранен с арены мировой политики мощный противовес блоку атлантических держав в лице Советского Союза, что позволило очередным претендентам на мировую гегемонию весьма свободно трактовать гуманитарные нормы, все больше превращая их в инструмент реализации своих геополитических амбиций.

Среди последствий, способствующих подрыву государственного суверенитета, противоречащих нормам Вестфальской системы, в условиях глобализации исследователями указывались: изменение объекта международного взаимодействия в мировой политике, в качестве которых стали обозначаться вопросы внутренней политики, связанные с нарушением прав человека, а также формирование нового инструмента наднационального регулирования в виде так называемых «гуманитарных интервенций» [8, с. 586].

Показательно, что в случае дискредитации в мировом общественном мнении ревизионистских концепций, подрывающих основы международного законодательства регулирования войны, заинтересованные стороны стремятся восполнить их очередными вариациями и ангажированными политико-правовыми доктринами.

В качестве примера следует привести работу Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая была занята разработкой формулировок, позволяющих проводить «гуманитарные интервенции», невзирая на мнение и позицию национальных правительств. Итогом ее деятельности стал доклад «Ответственность по защите» («Обязанность защищать»), представленный в 2001 г. Организации Объединенных Наций и положивший начало новой концепции, санкционирующей вооруженное вмешательство во внутренние дела суверенных государств. В дальнейшем она стала рассматриваться как альтернатива распространенной в 1990-е гг. доктрине «гуманитарных интервенций».

При этом апологеты и вдохновители доктрины «Обязанности защищать» пытались превратить ее в универсальный инструмент воздействия на международную и внутреннюю политику государств планеты. Основанием для «коллективных действий» международного сообщества в отношении основных субъектов мировой политики, включая дипломатические, гуманитарные и военные средства, была названа неспособность национальных правительств пресечь четыре вида эксцессов: геноцид, военные

преступления, этнические чистки и преступления против человечности.

Концепция «обязанность защищать», будучи подвергнута оценке с точки зрения ее соответствия национально-государственным интересам России, убедительно доказывает свой ангажированный характер. Организация Объединенных Наций, приняв новую трактовку государственного суверенитета, не проявила объективного подхода. Намереваясь проводить военные операции на территории независимых государств, руководство ООН не озаботилось выработкой действенных механизмов противодействия произволу со стороны многочисленных военизированных формирований. Национальные правительства, подорвавшие свою легитимность в условиях гражданских войн и конфликтов, начинают испытывать массированное давление со стороны международных институтов.

Помимо перечисленных факторов, на эффективность развития и реализации международного гуманитарного права продолжают влиять проблемные аспекты, традиционно не находившие решения в рамках данной отрасли. Например, в ее рамках до настоящего времени не выработаны критерии отличия военнослужащих от гражданских лиц, а также от незаконных комбатантов. Действующей стороной вооруженных конфликтов в XXI столетии практически всегда выступают различные иррегулярные формирования – ополченцы, милиции, добровольцы, повстанцы, члены политических партий и общественных движений, представители частных военных и охранных кампаний. Во многих случая органы государственного управления, военного и гражданского, сотрудничают и взаимодействуют в добровольческими вооруженными объединениями, например, в деле противодействия международному терроризму.

Помимо них в конфликтных зонах активно действуют гражданские волонтеры и их организации, журналисты, правозащитники, выполняющие миссии гуманитарного характера. Вместе с тем нередки ситуации, когда гражданские активисты, представители масс-медиа или интернет-сообщества оказывают то или иное содействие регулярным армиям или милиционным формированиям. Грань между указанными группами некомбатантов весьма условна, ввиду чего очевидна необходимость урегулирования статуса данных групп лиц, и закрепления четких положения их статуса в нормах международного права.

Особое значение имеет тот факт, что гуманитарное право, применяемое во время войн и вооруженных конфликтов, тесно переплетается с такой отраслью как институт защиты прав человека. С формальной точки зрения перед обеими отраслями стоят универсальные задачи, выражающееся защите человеческого достоинства как высшее ценности современной цивилизации. Вместе с тем, именно правозащитная деятельность уже давно превратилась в один из наиболее эффективных и действенных приемов вмешательства во внутренние дела национальных государств, средство подрыва их суверенитета и социально-политической стабильности. Оценки независимых экспертов убедительно доказывают, что наиболее известные из международных неправительственных организаций могут с большой долей условности быть отнесены к независимым субъектам деятельности по защите прав и свобод человека [9, с. 7].

Подавляющее большинство международных правозащитных организаций финансируются фондами, прямо или косвенно связанными с властными институтами США и других западных государств, что и определяет реальное содержание их официально провозглашенной деятельности. Формально именуемые «независимыми» неправительственные организации действуют в тесной координации с государственными институтами, обеспечивая моральную, юридическую и информационно-пропагандистскую поддержку милитаристским акциям ведущих западных держав. В качестве примера можно привести и операции НАТО на Балканах, включая агрессию против Югославии, оккупацию Ирака, искусственное развязывание гражданских войн в Ливии, Сирии и Йемене.

Таким образом, именно международные организации, формально позиционирующие себя в качестве «неправительственных» и «правозащитных», нередко выступают в своей и субъектом и каналом взаимосвязи между информационной сферой и сферой гуманитарного права. Например, нередко резолюции и инициативы международных правозащитников, распространяемых в глобальном информационном пространстве, требовали применения не только дипломати-

ческого давления, но и мер военного характера в конфликтогенных регионах планеты [7]. Еще недавно приоритетом деятельности подобных акторов можно было бы назвать финансовое, методическое, информационное и пропагандистское обеспечение протестных акций «цветных революций», реализуемых по методе небезызвестного Дж. Шарпа.

Оценка последствий западного «гуманитарного» вмешательства, во внутренние дела Ливии, Сирии, Молдавии, Сербии, Черногории, Украины доказывает, что оно все чаще канализируется через информационное пространство. Очевидно, что круг задач, решаемых правозащитными организациями и фондами гораздо шире – вплоть до подготовки «групп влияния» и будущих коллаборационистов. Причем не только в фокусе их организации и идейной мотивации, но и в контексте формирования целых социальных слоев и общественных движений, способных выступить опорой будущих прозападных правящих режимов.

Достижения информатизации предоставляют для этого все новые возможности. Как подчеркивает российский политолог С. А. Мельков, в XXI столетии в защите нуждается массовое и индивидуальное сознание россиян, информационное пространство России [4, с. 94–97].

Причем только при условии заблаговременного и долговременного массированного воздействия на общественное сознание становится возможным применение сугубо технологических инструментов подрыва национально-государственных интересов той или иной страны Типичным примером можно назвать возникновение феномена так называемых «твиттеровых революций», в основе которого лежит использование социальных сетей для радикального изменения политической системы через спекуляции на потребностях в самовыражении пользователей сети Интернет [5, с. 5.].

Нельзя забывать, что арсенал средств и методов информационного воздействия на национально-государственные интересы, равно как и потенциал их информационного обеспечения весьма широк и многообразен. Показателен тот факт, что в большинстве ведущих мировых держав достаточно давно в составе военной организации или в системе обеспечения национальной безопасности созданы органы и структуры, ответственные за ведение информационного противоборства с потенциальным противником.

В Соединенных Штатах Америки это Объединенная группа по операциям в глобальной сети и Объединенное командование структурных компонентов сетевых боевых действий, в Китайской Народной Республике – система информационного противоборства; во Франции – Национальное агентство безопасности информационных систем и Главное управление безопасности информационных систем, в ФРГ в структуре вооруженных сил сформировано подразделение информационных и компьютерных сетевых операций. В ряде европейских государств реализуется также концепция «экономической информационной войны», ведущейся наряду с военным информационным противоборством [2, с. 11–15].

Характерно, что в течение короткого времени в структуре организации НАТО создана система, формального предназначенная для обеспечения кибербезопасности [3, с. 109–113]. Сложность оценки подлинных намерений альянса в сфере информатизации обусловлена закрытостью механизмов принятия и реализации решений в данной сфере. Так Доктрина кибербезопасности НАТО не была опубликована и остается недоступна для проверки ее соответствия нормам международного гуманитарного права.

Подводя итог, отметим, что в начале XXI столетия выявляется взаимосвязь между количественным и качественным нарастанием реальных участников информационно-психологического противоборства и заметным снижением эффективности права войны и вооруженных конфликтов. Вызовы для международного гуманитарного права, источником которых является информатизация политики, по нашему мнению, могут формироваться в двух проекциях.

Во-первых, со стороны разработчиков гуманитарного права и международных правительственных и неправительственных организаций не отмечается последовательного стремления включить милитаристские информационно-психологические и кибер-операции в орбиту ответственности данной сферы юридической науки и практики.

Информационно-психологическое противостояние, в которое вовлечены как государственные, так и негосударственные акторы (наднациональные, транснациональные и

субнациональные) порождает новые формы милитаристской активности. По всему миру возникают «специальные силы информации», «информационные войска», криминальные и экстремистские интернет-сообщества сетевого характера. Ведение информационных операций в ряде государств признано одной из конвенциональных форм военных действий, а информационное пространство трактуется в доктринах в качестве специфического театра войны. Таким образом, для национально-государственных интересов, так же, как для прав и свобод граждан и социальных групп, возникает перспектива нанесения вреда и ущерба со стороны информационного воздействия военного типа. Однако, отмеченные обстоятельства до настоящего времени не нашли отражения в международном законодательстве, а субъекты, призванные выступать источником правовых инициатив в данной сфере, не проявляют должной активности.

Заслуживает поддержки мнение Е. В. Галкиной, согласно которому в современных условиях значительно возрастает роль гражданского общества в обеспечении безопасности и снижении социально-политических рисков [1, с. 157–159]. Видимо, именно неправительственным организациям – ассоциациям и объединениям юристов-международников, политологов, консультантам и экспертам, следует взять на себя инициативу по обращению в органы государственного управления по приведению норм международного гуманитарного права в соответствие с изменившейся военно-политической обстановкой в современном мире.

Во-вторых, акторы военно-политического гегемонизма благодаря достижениям информатизации обретают новые возможности для игнорирования норм гуманитарного права или даже его девальвации в общественном сознании. Заметную роль в ревизии права войны и военных конфликтов играют «гибридные» организации, правительственные и неправительственные, совмещающие возможности информационно-психологической борьбы и правозащитной деятельности. Если в XX столетии войны воспринимались как искажения в развитии человеческой цивилизации, то современные информационные технологии превращают вооруженное вмешательство во внутренние дела национального государства в морально и юридически обоснованные акции. Отмеченная методология, безусловно, снижает критичность восприятия противоестественной сущности войны и милитаризма. Мировое общественное мнение приобщается к мысли о допустимости использования вооруженной силы для утверждения так называемых «демократических ценностей» в обход норм международного гуманитарного права.

Из изложенного выше становится очевидным, что национально-государственные интересы России требуют принятия комплекса мер по адаптации международного гуманитарного законодательства к последствиям информационной революции, существенно изменившим состояние единого пространства безопасности. Прежде всего, необходима фиксация наличия вызовов, порожденных информатизацией, гуманитарному праву в новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, разрабатываемой Советом Безопасности страны. Аналогичные меры могут быть предприняты в рамках деятельноьсти международных организаций безопасности, в которых участвует Россия – ОДКБ, ШОС и других. Приоритетом политики защиты национально-государственных интересов России должно стать обращение к зарубежным государствам по поводу заключения новых дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 года, например, о вопросах международного контроля за соблюдением норм международного гуманитарного права при проведении информационных операций вооруженных сил, методов и процедур предотвращения вооруженных конфликтов, источником которых могут выступать противоречия в информационном пространстве.

Литература

1. Галкина Е. В. О политических рисках гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. 2014 № 21. С. 157–159.
2. Гриняев С. Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира // «Зарубежное военное обозрение». 2002. №2. С. 11–15.
3. Казаковцев А. А. Нато и кибербезопасность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2012. №2 (22). С. 109–113.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации URL: http://www.mid.ru/bdomp/nsosndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f. (Дата обращения: 10.07.2016).
5. Мельков С. А. Какие ценности предстоит защищать России // Власть. 2015. № 2. С. 94–97.
6. Морозов Е. Сетевые иллюзии. Темная сторона свободы в Интернете. пер. с англ. И. Кригера. М.: АСТ: CORPUS. 2014. 527 с.
7. Попов О. Хьюман Райтс Вотч как политический инструмент либерально-космополитической элиты США URL: http://www.moskvam.ru/2004/08/popov.htm (Дата обращения: 10.07.2016).
8. Системная история международных отношений. 1918–2003. Т. 3. / отв. редактор А.Д. Богатуров. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2003. 720 с.
9. Стрекаловская Ю. А. Место международных неправительственных организаций в современной мировой политике // Многоуровневое управление в условиях централизации: вопросы политики и права: Сборник научных статей / под общей ред. проф. Н.П. Медведева. Вып. 9. М.: Издательский Дом МИСиС.-2010. С. 219–222.

References

1. Galkina E. V. O politicheskih riskah grazhdanskogo obshestva v sovremennoi Rossii (*On political risk of civil society in modern Russia*) // Teorija i praktika obshestvennogo razvitija (Theory and practice of social development). 2014. No. 21. P. 157–159. (In Russian).
2. Grinjaev S. Koncepcija vedenija informacionnoi voiny v nekotoryh stranah mira (*Concept of information warfare in some parts of the world*) // Zarubezhnoe voennoe obozrenie (*Foreign military review*). 2002. No. 2. P. 11–15. (In Russian).
3. Kazakovcev A. A. Nato i kiberbezopasnost' (*NATO and cyber security*) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 4. History. (*Bulletin of Volgograd state University*). 2012. No. 2 (22). P. 109–113. (In Russian).
4. Koncepcija vneshnei politiki Rossiiskoi Federacii (*Foreign policy concept of the RussianFederation*) URL: http://www.mid.ru/bdomp/nsosndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f (Accessed: 10.07.2016). (In Russian).
5. The'kov S. A., Mel'kov S. A. Kakie cennosti predstoit zashishat' Rossii (*What values will Russia have to defend*) //Vlast'. 2015 No. 2. P. 94–97. (In Russian).
6. Morozov E. Setevye illyuzii. Temnaja storona svobody v Internete. per. s angl. I. Krigera. (*Morozov E. The net delusion. The dark side of Internet freedom. transl. from English. I. Krieger*). Moscow: AST: CORPUS. 2014. 527 p. (in Russian).
7. Popov O. H'yuman Raits Votch kak politicheskii instrument liberal'no-kosmopoliticheskoi yelity SSHA (*Human rights watch as a political instrument of liberal cosmopolitan elite of the United States*) URL: http://www.moskvam.ru/2004/08/popov.htm (Accessed: 07.05.2016). (In Russian).
8. Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenii. 1918–2003 (*Systemic history of international relations. 1918–2003*). Vol.3 / chief ed. A. D. Bogaturov. Moscow: Scientific and educational forum on international relations. 2003. 720 p. (In Russian).
9. Strekalovskaya Yu. A. Mesto mezhdunarodnykh nepravitel'stvennykh organizatsii v sovremennoi mirovoi politike (*Place international non-governmental organizations in the modern world politics*) // Mnogourovnevoe upravlenie v usloviyakh tsentralizatsii: voprosy politiki i prava (Multi-level governance in terms of centralization: Policy and Law: Sbornik nauchnykh statei) / ed by N. P. Medvedev. Vol. 9. Moscow: MISiS. 2010. P. 219–222. (In Russian).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-11

А. А. Борисов

МАРКЕРЫ ТОЛЕРАНТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ФОНА ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИХ ВОССОЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П. ЗЮСКИНДА «DAS PARFÜM»)[1]

В данной статье рассматриваются текстовые маркеры толерантной/интолерантной коммуникации, создающие особый эмоциональный фон художественного произведения. Наряду с коммуникативно-прагматическими потенциями подобных единиц, получающих вербализацию на различных уровнях языковой системы, анализируются способы адекватной передачи интенциальной цели оригинального текста средствами переводящего языка. Маркированность толерантностного общения в оригинальном художественном тексте являются базовым элементом декодирования и повторного инкодирования адекватного коммуникативно-прагматического эффекта в тексте перевода.

Ключевые слова: толерантная коммуникация, художественный текст, эмоциональный фон, синтоны, конфликтогены.

A. A. Borisov

THE MARKERS OF TOLERANT COMMUNICATION IN FICTION AS THE BASIS FOR EMOTIONAL BACKGROUND OF A LITERARY WORK AND THE WAYS TO CONVEY THEM IN TRANSLATION (BASED ON «DAS PARFÜM» BY P. SÜSKIND)

The article studies the markers of tolerant/intolerant communication as a means to create emotional background of a literary work. Along with communicative-pragmatic potential of these units which are verbalized at different layers of a language system the ways to adequately convey the intentional purpose in translation are studied as well. Tolerant communication markedness within the original literary text serves as a basic element of decoding and re-incoding adequate communicative-pragmatic effect within translation text.

Key words: tolerant communication, fiction, emotional background, syntones, conflictogenes.

Сопоставительное исследование оригинального и переводного текстов предполагает изучение различных сторон их содержательной и смысловой структуры. Одним из важнейших аспектов являются маркеры гармоничной/дисгармоничной коммуникации и средства воссоздания их коммуникативно-прагматического эффекта в тексте перевода, предназначенного для другого лингвокультурного сообщества. Целью данной статьи и является анализ маркированности толерантных отношений в процессе художественной коммуникации посредством выявления и описания конкретных маркеров толерантного общения в оригинальном и переводном текстах.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126.

Толерантность выделяется в качестве коммуникативной категории, обладающей собственными категориальными признаками (диалогичность, коммуникативно-ценностный потенциал, реализованность в фонде языка и др.). Под коммуникативной толерантностью необходимо понимать прагма-речевое воздействие с синтонными по отношению к реципиенту намерениями, которое реализуется в форме определенных маркированных комплексов (с синтонным обращением; лексикой с положительной коннотацией; грамматическими элементами, усиливающими положительный оттенок смысла; вызывающими положительные эмоции символами).

Безусловно, категория коммуникативной толерантности имеет много сходных черт с прагматической категорией вежливости, но при этом обладает и целым рядом дифференцирующих категориальных признаков. Наиболее интересной для сопоставления в текстах оригинала и перевода является такая характеристика, как возможность маркированной толерантностной коммуникации преодолевать границы между разными культурными сообществами, что является одной из главных проблем в аспекте реализации адекватного перевода художественного текста. Изучение вопроса коммуникативной толерантности и анализ маркированных синтонных высказываний позволяет сделать предположение, что данная категория находится в процессе формирования по ходу развертывания ткани текста, данный процесс осложняется при этом широкими возможностями выступать как в качестве синтонных, так и в качестве конфликтогенных маркеров в конкретной речевой ситуации.

Каждый художественный текст в качестве совокупности речевых актов, связанных общей сюжетной линией и эмоциональным фоном, предоставляет огромный перечень маркеров, которые формально указывают на конкретные коммуникативные стратегии и тактики персонажей художественного текста. Например, на фонетическом уровне такими маркерами гармонизирующего поведения героев являются фонемы, формирующие открытые и глубокие гласные, создающие эмоциональный настрой умиротворения и доброжелательности; на морфологическом уровне маркирующим гармонизирующие тактики элементом чаще всего служат аффиксы – например, уменьшительно-ласкательные суффиксы и т.п., на синтаксическом уровне толерантностная составляющая реализуется синтаксическими конструкциями – обособленными обращениями и определениями, осложненными вводными конструкциями и т.п., на графическом уровне маркерами могут выступать пунктуационные знаки.

Наиболее широко представленным в художественном тексте в рассматриваемом ракурсе следует считать лексический уровень, который обнаруживает огромное количество коммуникативных маркеров толерантного речевого поведения, отражающих наиболее эффективные тактики контркоммуникантов в определенной речевой ситуации. Выбор языковых средств реализации маркированности толерантного или же конфликтного общения зависит, прежде всего, от избранной коммуникативной стратегии, а также от общего плана повествования, развертывания диалога или полилога, целей реализации конкретной интенции в художественном произведении или конкретном речевом акте персонажей. Выбор же самой тактики непосредственно определяет синтаксическое, лексическое, грамматическое и фонетическое построение высказывания, что существенно затрудняет анализ соответствия подобных маркеров в текстах оригинала и перевода, а потому выявление в ткани текста интенции и коммуникативной тактики, избранной автором, и является первичным в процессе перевода и передачи подобных маркированных высказываний героев. Безусловным является тот факт, что «базовой социокультурной рамкой дискурсивного осмысления данного понятия послужило типизированно-системное архетипическое противопоставление “свои – чужие”» [7, с. 5291].

Различные коммуникативные маркеры, присутствующие в художественном тексте, дают возможность реципиенту-переводчику идентифицировать ключевые характеристики речевого поведения персонажей, выстроить их языковой портрет в том или ином контексте, определить и адекватно передать в тексте целевой лингвокультуры как отдельные коммуникативные тактики, так и общую коммуникативную стратегию как целевую интенцию. Реализация того или иного способа общения в данном случае зависит от

способности воспринять, интерпретировать и адекватно реализовать авторскую речевую интенцию средствами переводящего языка «при возможности собственного смыслопорождения, на основе либо уже существующих моделей, либо на основе окказионального построения, к построению смыслового конструкта на основе субъективных модальностей, сам его процесс выталкивает продуцента за пределы вышеописанной рефлексивной реальности к необходимости осознанной или интуитивной рефлексии» [1, с. 374], именно так распространяются модели и стратегии толерантного/интолерантного общения в различных лингвокультурах, закрепляются и входят в узус.

Рассмотрим подробнее способы маркирования толерантных высказываний на примерах из произведения Патрика Зюскинда «Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders», а также особенности адекватной передачи подобных маркированных высказываний при переводе на русский язык.

Рассмотрим сначала наиболее репрезентативные случаи, которые представляют собой реализацию синтонности на лексическом уровне, прежде всего, это номинация предмета в аспекте толерантности/интолерантности высказывания. Главными коммуникативными актами в этом процессе выступают следующие: 1) поиск лексем или свободных словосочетаний, являющихся именованием одного и того же явления, предмета, личности и воспринимаемых реципиентом как таковые в едином ряду номинации;2) выборка одной лексемы или словосочетания из целого возможного набора именований с учетом окружающего контекста и иллокутивной цели высказывания; 3) частотное употребление того или элемента номинативного ряда на протяжении всего произведения или же градационное упоминание в синонимичном ряду. Отметим, что указанные коммуникативные действия обычно последовательно воспроизводятся при именовании того или иного объекта речевой коммуникации.

Данные именования выполняют различные когнитивные функции в тексте художественного произведения, но при этом преследуют общую иллокутивную цель – создание и реализацию стратегии толерантного/интолерантного общения. В первую очередь, это базовые имена, представляющие предмет речи:

Er hieß ***Jean-Baptiste Grenouille****, und wenn sein Name im Gegensatz zu den Namen anderer genialer Scheusale, wie etwa* ***de Sades, Saint-Justs, Fouches, Bonapartes*** *usw.* [10, с. 3]. – *Его звали* ***Жан-Батист Гренуй****, и если это имя, в отличие от других гениальных чудовищ вроде* ***де Сада, Сен-Жюста, Фуше, Бонапарта*** *и т.д.* [3, с. 3]

Упоминание имени героя в ассоциативном ряду с отрицательными историческими персонажами настраивает реципиента на интенционально заданный тип восприятия дальнейшего поведения героя, что реализуется и определенным набором конкретизирующих лексем: *…der zu den genialsten und* ***abscheulichsten*** *Gestalten dieser an genialen und* ***abscheulichen*** *Gestalten nicht armen Epoche gehörte* [10, с. 3].

При этом употребление контраста ***genialsten und abscheulichsten***, прагматически усиленного превосходной степенью, и его полный повтор в положительной степени прилагательных передают в данном отрывке оттенок неоднозначного отношения самого автора к объекту описания, что заставляет реципиента следовать его путем и также неоднозначно относиться к герою. В переводе предпринят тот же прием контраста в описании: *…принадлежавший* ***к самым гениальным и самым отвратительным*** *фигурам этой эпохи, столь богатой* ***гениальными и отвратительными фигурами*** [3, с. 3]. Имплицитная сема отрицания, реализованная приставкой *ab-* во втором противочлене контрастного высказывания, «увеличивает его концептуальную значимость и прагматическую нагруженность» [8, с. 260].

Кроме того, сильная позиция зачина художественного произведения определяет весь дальнейший ход и успешность художественной коммуникации, построенной на оппозиции толерантного/интолерантного в общей канве общечеловеческого принятия/непринятия, аномалии и нормы. При этом «феномен пространственно-линейной протяженности протяженности текста ориентирует воспринимающее языковое сознание на распознание когнитивных и языковых маркеров, фиксирующих границы текста и обеспечивающих его семантико-синтаксическую завершенность» [9, с. 168].

Во-вторых, это лексемы, являющиеся, по сути, формальными средствами когерентности и когезии в тексте, но при этом по-

зволяющие сохранить тождество предмета речи и повторно маркировать тип коммуникативной стратегии – они представлены местоимениями:

*Dabei besaß **er**, objektiv gesehen, gar nichts Angsteinflößendes. **Er** war, als **er** heranwuchs, nicht besonders groß, nicht stark, zwar hässlich, aber nicht so extrem hässlich, dass man vor **ihm** hätte erschrecken müssen. **Er** war nicht aggressiv, nicht link, nicht hinterhältig, **er** provozierte nicht. **Er** hielt sich lieber abseits* [10, с. 24]. – *При этом, с объективной точки зрения, в **нем** не было ничего устрашающего. Подростком **он** был не слишком высок, не слишком силен, пусть уродлив, но не столь исключительно уродлив, чтобы пугаться при виде **его**. **Он** был не агрессивен, не хитер, не коварен, **он** никого не провоцировал. **Он** предпочитал держаться в стороне* [3, с. 23].

В приведенном отрывке использовано многократное упоминание героя без называния его имени, что способствует, с одной стороны, более близкому, почти приятельскому восприятию персонажа читателем, а, с другой стороны, обезличивает его, превращает персонажа в некоего, а значит и способствует более толерантному отношению к его личности – ведь то, что нас не касается, нечто гипотетическое воспринимать гораздо легче.

Возникающая при наличии анафорического и катафорического использования местоимений особая звукопись также влияет на формирование эмоционального фона и соответственно прогнозирует отношение читателя к персонажу, этот же эффект был воспроизведен в тексте перевода.

Наконец, это именования, репрезентирующие смысловую структуру текста, служащие для придания образу предмета речи конкретного «смыслового обертона», указывающего на те категориальные характеристики предмета речи, на которые реципиент обязан обратить особое внимание. Они реализуются сопутствующими конкретизаторами и выражают именно оценочность, способствуя большему погружению в коммуникативную тактику, избранную автором. Речь идет в основном об описаниях природы и окружающей персонажей действительности, которые входят в ассоциативное взаимодействие с репрезентацией героя и выступают его неотъемлемой характеристикой:

Es stanken die Straßen nach Mist, es stanken die Hinterhofe nach Urin, es stanken die Treppenhäuser nach fauligem Holz und nach Rattendreck, die Küchen nach verdorbenem Kohl und Hammelfett; die ungelüfteten Stuben stanken nach muffigem Staub, die Schlafzimmer nach fettigen Laken, nach feuchten Feder betten und nach dem stechendsüßen Duft der Nachttöpfe [10, s. 3]. – *Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни – скверным углем и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни – грязными простынями, влажными перинами и остро-сладкими испарениями ночных горшков* [3, с. 3].

Лингвокультурные взаимосвязи различных социумов по своей природе глубоко диалогичны, но их реализация предполагает участие широких кругов культурных общностей, а потому взаимопроникновение маркеров толерантной коммуникации и средств её реализации, как и моделей построения таковых высказываний немыслимо без процесса перевода художественных произведений и знакомства с иностранной литературой широкого круга читателей. Адекватная передача репрезентантов толерантного/интолерантного общения в художественном тексте, удачная интерпретация авторской интенции обогащает целевой язык новыми моделями и средствами вербализации синтонного или конфликтогенного фразопостроения.

Именно сложное взаимодействие разных фокусов интерпретации исходного текста, авторского, переводческого, читательского, неизбежно актуализирует и одновременно углубляет смысл оригинального текста, что каждый раз по-новому определяет характер и качество нового целевого текста, степень реализованности и восприятия той или иной стратегии речевой коммуникации, распространяя её не только в художественном дискурсе, но и – при достаточной частотности – в повседневной речевой коммуникации.

Большинство единиц на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, маркирующих толерантную коммуникацию в художественном тексте, имеют эквивалентные соответствия в языке перевода, но значения даже этих слов полностью не покрывают друг друга. Однако достаточно частотны, большей частью на фонетическом уровне, маркеры, не имеющие прямых эквивалентных соответствий или данные соответствия малоупотребительны в языке перевода.

Таким образом, можно наблюдать, что реципиент-переводчик в большей мере должен ориентироваться на контекстуальное окружение, которое не всегда возможно отразить в тексте перевода, «не используя такие средства передачи смысла оригинала, которые будут обладать той же функцией воздействия на читателя перевода, какую выполнял сам оригинал по отношению к носителю языка оригинала» [6, с. 60]. Как демонстрирует предпринятый сопоставительный анализ состава маркеров толерантного общения в оригинале и переводе художественных произведений, коммуникативные маркеры не всегда с достаточной точностью воссоздаются в переводе.

Структурно-типологический анализ художественных текстов конкретного автора дает возможность как вычленить особые коммуникативные маркеры, которые репрезентируют толерантное/интолерантное взаимодействие персонажей художественного произведения, которое получает четкую фиксацию на всех уровнях текста, так и определить личностные предпочтения автора и переводчика при выборе средств вербализации данных отношений.

Маркеры коммуникативной толерантности оригинального текста дают возможность реципиенту-переводчику определить последовательность шагов анализа и дальнейшей реализации потенциального поведения персонажа, прогнозировать реализацию его речевого портрета в тексте перевода для воссоздания адекватного коммуникативно-прагматического эффекта.

Литература

1. Бредихин С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. 2013 №1. С. 374. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8484 (Дата обращения: 21.09.2016).
2. Вепрева И. Т. Вербализация метаязыкового сознания как реализация принципа толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: Олма Пресс, 2009. С. 153–164.
3. Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы / перевод Венгеровой Э.В. М.: Иностранка, 2014. 352 с.
4. Латышев Л. К. Технология перевода: учебное. пособие для студентов лингвистистических вузов и факультетов. М.: Академия, 2007. 320 с.
5. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Высшая школа, 2006. 335 с.
6. Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности: учебное. пособие для студентов лингвистистических вузов и факультетов. М.: Академия, 2008. 160 с.
7. Серебрякова С. В. Толерантность как компетентностная составляющая языковой личности студента // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-23. С. 5290–5294. URL: http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38198 (Дата обращения: 11.05.2016).
8. Серебрякова С. В. Коммуникативно-прагматические особенности реализации категории отрицания в рассказах Юдит Германн // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. 3 (42). С. 259–263.
9. Серебряков А. А., Серебрякова С. В. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. 1 (34). С. 166–172.
10. Süskind P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zurich: Diogenes, 1994. 336 s.

References

1. Bredikhin S. N. Printsipy i usloviya nalichiya i formirovaniya smysla (smysloporozhdayushchie mekhanizmy) (*Principles and conditions of sense existence and derivation (sense derivation mechanisms)* // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. No. 1. P. 374. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8484 (Accessed: 21.09.2016).
2. Vepreva I. T. Verbalizatsiya metayazykovogo soznaniya kak realizatsiya printsipa tolerantnosti (*Metalanguage cognition verbalization as the realization of tolerance principle*) // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti. Moscow: Olma Press, 2009. P. 153–164.
3. Zyuskind P. Parfyumer. Istoriya odnogo ubiytsy (*Perfume: The Story of a Murderer*) / perevod Vengerovoy E.V. Moscow: Inostranka, 2014. 352 p.
4. Latyshev L. K. Tekhnologiya perevoda: uchebnoe posobie dlya studentov lingvististicheskikh vuzov i fakul'tetov (*Translation technoliogy: teaching medium for students of linguistic universities and faculties*). M.: Akademiya, 2007. 320 p.
5. Obolenskaya Yu. L. Khudozhestvennyy perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (*Literary translation and crosscultural communication*). M.: Vyssaya. shkola, 2006. 335 p.
6. Semenov A. L. Osnovy obshchey teorii perevoda i perevodcheskoy deyatel'nosti: uchebnoe posobie dlya studentov lingvististicheskikh vuzov i fakul'tetov (*Fundamentals of translation theory and practice: teaching medium for students of linguistic universities and faculties*). M.: Akademiya, 2008. 160 p.

7. Serebryakova S. V. Tolerantnost' kak kompetentnostnaya sostavlyayushchaya yazykovoy lichnosti studenta (*Tolerance as competence component of student's language personality*) // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. No. 2–23. P. 5290–5294. URL: http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38198 (Accessed: 11.05.2016).
8. Serebryakova S. V. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti realizatsii kategorii otritsaniya v rasskazakh Yudit Germann (*Communicative-pragmatic peculiarities of the realization of negation concept in short stories by Judith Hermann*) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2014. No. 3 (42). P. 259–263.
9. Serebryakov A. A., Serebryakova S. V. Intertekstual'nost' kak marker vzaimodeystviya individual'no-avtorskikh khudozhestvennykh system (*Intertextuality as the interaction marker of individual author fiction systems*) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2013. No. 1 (34). P. 166–172.
10. Süskind P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zurich: Diogenes, 1994. 336 p.

УДК 81-11

Т. Г. Борисова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТИП КАК МИКРОСИСТЕМА

В данной статье рассматривается одна из комплексных единиц словообразовательной системы современного русского языка – словообразовательный тип как микросистема, которая характеризуется сложной организацией горизонтальных и вертикальных микрополей. Словообразовательный тип является двусторонней единицей, имеющей план выражения и план содержания. Через словообразовательный тип выявляются связи словообразования с морфологией, ономасиологией, синтаксисом и лексикой.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательный тип, микросистема, продуктивность, дериваты с вещественным значением.

T. G. Borisova

WORD-FORMATION TYPE AS A MICROSYSTEM

The article studies one of the complex units of word-formation system of modern Russian – word-formation type as a system characterized by complex organization of vertical and horizontal microfields. Word-formation type is a two-facet unit comprising the expression and the content. Word-formation type reveals the connections of word-formation with morphology, onomasiology, syntax and lexical system.

Key words: word-formation, word-formation type, microsystem, productivity, derivatives withsubstance meaning.

В современной теории словообразования постулируется, что словообразовательная система, представляя собой сложный феномен, имеет иерархическую структуру, состоящую из простых и комплексных единиц. Лингвисты (Е. А. Земская, В. Н. Хохлачева, И. С. Улуханов, В. В. Лопатин, М. Н. Янценецкая, А. Н. Тихонов, А. И. Моисеев, Т. Х. Каде и др.), исследующие комплексные словообразовательные единицы, как правило, относят к ним словообразовательную пару, словообразовательный тип, словообразовательную цепь, словообразовательную категорию, словообразовательное гнездо, словообразовательную парадигму.

Изучение такой комплексной единицы, как словообразовательный тип началось во второй половине XX века. Представление о нем как обобщающем понятии было обусловлено результатами проведенных исследований и анализом соответствующих языковых явлений. Введение в научный оборот понятия «словообразовательный тип» открывало новые перспективы в осмыслении изучаемого

явления в русистике на более высоком уровне обобщения и абстрагирования.

В научной лингвистической литературе встречаются различные определения понятия «словообразовательный тип». Словообразовательный тип мы трактуем как структурно-семантическую комплексную единицу словообразовательной системы языка, которая обладает: 1) общностью части речи мотивирующего слова; 2) формально и семантически тождественным формантом; 3) общностью семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему.

Слова одного и того же словообразовательного типа могут иметь различные морфонологические особенности: 1) чередование фонем на морфемном шве; 2) интерфиксацию; 3) усечение основы; 4) интерференцию (деривационную аппликацию); 5) отсутствие чередования фонем на морфемном шве; 6) отсутствие интерфиксации; 7) отсутствие усечения основы; 8) отсутствие интерференции (деривационной аппликации).

Исследуя словообразовательный тип, Л. А. Араева подчеркивает, что «словообразовательный тип оказывается той функционирующей микросистемой, через которую выявляются связи словообразования с морфологией, ономасиологией, синтаксисом и лексикой. Рассмотрение типа как микросистемы позволяет через тождественные и дифференциальные семантические сферы определить лингвистическую значимость каждого типа» [1, с. 25].

Ученые (О. Г. Ревзина, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Азарх, Л. А. Араева) считают, что словообразовательный тип как основная единица словообразовательной системы организован полевым способом. Эволюция словообразовательной системы происходит, по мнению Л. А. Араевой, «как «по горизонтали», т.е. в соотношении частных семантических сфер внутри словообразовательного типа и в межтиповом пространстве в период какой-либо условной временной константы, так и по «вертикали», т.е. на оси действительного времени. Словообразовательный тип при этом представляет сложную организацию горизонтальных и вертикальных микрополей» [1, с. 31].

Таким образом, словообразовательный тип – это двусторонняя единица, которая имеет план выражения (т.е. является структурой с определенными суффиксами) и план содержания (т.е. является системой моделей с различными общим словообразовательным значением и частным словообразовательным значением при одинаковых семантических корреляциях между мотивирующей и мотивированной лексемами).

Рассмотрим некоторые словообразовательные типы, которые формируются простыми суффиксальными дериватами с вещественным значением.

В результате проведенного анализа мы установили, что словообразовательный тип V + -тель является высокопродуктивным. К нему относятся отглагольные субстантивы, номинирующие вещества, предназначенные для каких-либо технологических процессов: очиститель, наполнитель, разрыхлитель, растворитель, закрепитель и т.д. – с частным словообразовательным значением неприродного вещества.

Е. С. Кубрякова подчеркивает: «Понимание девербативных дериватов составляет особую проблему по сравнению с пониманием десубстантивов и деадъективов. Это связано с действием влияния фактора категориальной (т.е. частеречной) принадлежности составных частей деривационных моделей и их когнитивных особенностей. Глагол как производящая база / основа в составе деривационной модели указывает на обязательную связь ее семантики с действием или процессом» [3, с. 413].

Вышесказанное подтверждается когнитивной и деривационной спецификой исследуемых отглагольных субстантивов.

Таким образом суффикс -тель в сочетании с мотивирующим глаголом, обозначающим технологический процесс, который предполагает использование какого-либо вещества (красить, проявить, дубить, разбавить и т.д.), актуализирует вещественное значение: краситель, проявитель, дубитель, разбавитель и т.д.

Для субстантивов, относящихся к рассматриваемому деривационному типу, характерен лишь один морфонологический процесс: 1) изменение позиции ударного слога: разбавить – разбавитель, красить – краситель и т.д.

Словообразовательный тип V + -к(и) является также высокопродуктивным в системе дериватов с вещественным значением. К нему относятся отглагольные субстантивы (в основном pluralia tantum), называю-

щие остатки вещества или материала как результат какого-либо процесса: выварки, выжимки, остатки и т.д. – с частным словообразовательным значением неприродного вещества.

В связи с тем, что к рассматриваемому словообразовательному типу относятся исключительно девербативы, целесообразно привести слова Е. С. Кубряковой: «Глаголом интерпретируется особое восприятие времени и пространства в едином хронотопе. В его концептуальной структуре содержится образ траектории движения, сведены воедино некие представления о взаимодействии объектов и их причинно-следственных связях» [3, с. 267].

Глаголы «по своим когнитивным характеристикам ориентируются на отражение *процедурального значения* и способа бытия объектов во времени и пространстве» [3, с. 267]. Способность глагола как когнитивного знака репрезентировать и отражать действие, результат, выявлять причинно-следственные отношения взаимодействующих объектов обусловили его широкую представленность как мотивирующей основы / базы в континууме дериватов с вещественным значением.

Для изучаемых имен существительных характерны следующие морфонологические особенности: 1) чередование конечных мягких согласных фонем мотивирующей основы с парными твердыми согласными фонемами на морфемном шве: вытопить – вытопки; вымылить – вымылки; 2) изменение позиции ударного слога: обмолотить – обмолотки; переварить – переварки; 3) усечение мотивирующей основы: вычесать – вычески.

Словообразовательный тип S + -ит высокопродуктивен в минералогической, кристаллографической, петрографической терминосферах. К нему относятся термины-номены минералов, пород, руд: александрит, чароит, кварцит, барит и т.д. – с частным словообразовательным значением природного вещества.

Необходимо отметить, что для продуцирования названий минералов, пород, руд в качестве мотивирующих очень активно используются имена собственные, которые как фрагмент языковой картины мира обладают большим информационным культурно-историческим потенциалом и ассоциируются в нашем сознании с известными людьми, географическими названиями, мифологическими героями.

Для терминов-номенов минералов, пород, руд характерны следующие морфонологические особенности: 1) изменение позиции ударного слога: Александр – александрит; кварц – кварцит; Урал – уралит и др.; 2) чередование парных твердых конечных согласных фонем мотивирующей основы с мягкими согласными фонемами на морфемном шве мотивированного слова: Таймыр – таймырит; Уваров – уваровит; Гагарин – гагаринит и др.; 3) изменение позиции ударного слога: барий – барит, кварц – кварцит; Гёте – гётит и др.

В многочисленных наименованиях минералов, пород, руд отсутствуют единые морфонологические закономерности соединения мотивирующего слова с суффиксом. Это касается тех номинаций, когда мотивирующее слово оканчивается на гласный звук: 1) усечение конечных фонем: Струве – струвит; Глинка – глинкит; Гёте – гётит и др.; 2) простое склеивание мотивирующего слова и форманта: Анапа – анапаит; Альне – альнеит и др.; 3) появление интерфиксальных -н-, -л- на морфемном шве: Бештау – бештаунит; Ангара – ангаралит; 4) частичное наложение морфем: Кюри – кюрит; Кимберли – кимберлит и др.; 5) вариантные формы: Аляска (рудник в штате Колорадо (США) – аляскаит; Аляска (полуостров Аляска) – аляскит.

В. В. Виноградов, изучая актуальные вопросы русского словообразования, отмечал, что продуктивность деривационных единиц «органически связана с живыми процессами развития словарного состава языка, отражающими изменения в жизни общества, прогресс науки, техники, культуры. Очень важно даже в пределах продуктивного деривационного типа устанавливать все главные разновидности сочетаний одного и того же суффикса с разными по значению и по своей морфологической природе основами» [2, с. 155].

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 223 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 558 с.

3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. Академия наук. Институт языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

References

1. Araeva L. A. Slovoobrazovatelnyi tip kak semanticheskaya mikrosistema. Suffiksalnye substantivy (*Derivational type as semantic microsystem. Terminational substantive*). Kemerovo: Kuzbasvuzizdat, 1994. 223 p.
2. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike (*Selections. Studies of Russian Grammar*). Moscow: Nauka, 1975. 558 p.
3. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti poluchenia znanii o mire: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zrenia. Rol yazyka v poznanii mira (*Language and cognition. On the way to language cognition: Parts of speech in terms of cognitive linguistics. The role of language in understanding the world*). – Ros. Akademia nauk. Institut yazykoznania. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 2004. 560 p.

УДК 811.221.18, 81'36

Д. В. Габисова

ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

В статье описываются грамматические особенности системы причастий в современном осетинском языке по сравнению с русским языком. Особое внимание уделяется характеристике причастий будущего времени, которым нет аналога в современном русском языке. Определяются значения этих причастий, их грамматические особенности, а также их способность вступать в отношения грамматической омонимии с другими частями речи. Рассматривается вопрос о выражении причастиями ирреальной модальности в осетинском и русском языках.

Ключевые слова: причастие будущего времени, современный осетинский язык, современный русский язык, ирреальная модальность, потенциальное значение, конверсия.

D. V. Gabisova

THE FUTURE TENSE PARTICIPLES IN THE MODERN OSSETIAN LAGUAGE (COMPARED WITH THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article deals with grammatical peculiarities of the participles in modern Ossetian in comparison to the Russian language. The focus of the article is on the future tense participles, having no equivalent in modern Russian. The meaning of the participles, their grammatical peculiarities and ability to be grammatically homonymous with other parts of speech is defined. The question of unreal modality expression by the participles in the Ossetian and Russian languages has been examined as well.

Key words: future tense participle, modern Ossetian language, modern Russian language, unreal modality, potential meaning, conversion.

Причастие – это специфическая форма глагола, представляющая процесс, но не чистый, а осложненный семантикой адъективности. В современном русском языке причастия характеризуются грамматическими категориями вида, залога и непредикативного времени, а также рода, числа и падежа [9].

Представляется актуальным выявление отличительных особенностей причастий в осетинском языке в сопоставлении с системой причастий в русском языке. Это обусловлено тем, что, во-первых, русский и осе-

тинский языки относятся к разным группам в рамках единой индоевропейской семьи языков и различаются по степени преобладания элементов аналитизма в выражении грамматических значений; во-вторых, в условиях осетинско-русского билингвизма происходит активное взаимодействие русского и осетинского языков, что отражается, очевидно, и на системе причастий.

В современном осетинском языке причастиям свойственны те же, что и в современном русском языке, глагольные категории: вид, время, залог, однако, выступая в функции определения, причастие в осетинском языке не имеет адъективных грамматических категорий: рода (в осетинском языке категория рода отсутствует), числа и падежа.

Традиционно в современном осетинском языке можно выделить следующие разряды причастий:

1) причастия настоящего времени, несовершенного вида, действительного залога на *-œг* (*зарœг* лœппу – *поющий* мальчик, *цæуæг адæм* – *идущие* люди);

2) причастия на *-œг* в соединении с префиксами приобретают значение прошедшего времени, совершенного вида, действительного залога (*ны-ффыссœг* – написавший, *а-хœссœг* – унесший);

3) причастия на *-т/-д*, которые характеризуются значениями прошедшего времени, совершенного вида, преимущественно страдательного залога (*æфхæрд* лœппу – *оскорбленный* парень, *фыст* æмдзæвгæ – *написанное* стихотворение);

4) причастия будущего времени, несовершенного вида, действительного или страдательного залога на *-инаг* (*уаринаг* зœхх – земля, *подлежащая дележу, зœгъинаг* ныхæстæ – слова, *которые следует сказать*);

5) причастия будущего времени, совершенного вида, действительного или страдательного залога на *-инаг* (*бынбауинаг* лœг – мужчина, *которому следует умереть*, *барæвдауинаг* чызг – девушка, *которую следует утешить*);

6) причастия настоящего времени, несовершенного вида, действительного или страдательного залога на *-гœ* (*худгœ* хур – *смеющееся* солнце, *цœугœ* дон – *бегущая* вода);

7) причастия на *-гœ* в соединении с префиксами становятся причастиями прошедшего времени, совершенного вида, действительного или страдательного залога (*ссаргœ* лœппу – *найденный* мальчик, *комæй* рацæугæ адæм – *вышедшие* из ущелья люди);

8) причастия настоящего времени, несовершенного вида, действительного или страдательного залога на *-он*, которые чрезвычайно нерегулярны (*уарзон* чызг – *любимая* девушка, *барон* лœг – *прощающий* мужчина).

Система причастий в современном осетинском языке не изучена в достаточной степени, имеются лишь самые общие характеристики грамматических особенностей причастий [например, 1, 2, 3, 4, 5, 11]. Специальных работ, посвященных описанию системы причастий в осетинском языке, немного [например, 12, 13]. Е. С. Качмазова рассматривает причастия как самостоятельную часть речи, обладающую общими признаками с глаголом и с прилагательным, причем в разных языках степень сходства с именем или с глаголом, с ее точки зрения, может различаться [13, с. 7–8]. При этом она придерживается слишком широкого понимания причастий, относя к ним, кроме указанных выше разрядов, и некоторые другие образования, которые по своим грамматическим признакам являются скорее существительными и прилагательными[1].

[1] Например, к причастиям Е. С. Качмазова относит образования с суффиксами *-œн* (*ахорœн (дзаума)* – «вещь, предназначенная для краски»; *фыссœн (фœйнœг)* – «доска, предназначенная для письма»), *-он* (*фиддон (хœс)* – «долг, который следует заплатить»), *-œггаг* (*œрцœуœггаг (бинонтœ)* – «приехавшая семья», *курœггаг (œхца)* – «прошенные деньги»), *-ин* (*зындзœрин (лœг)* – «неуживчивый, человек, с которым трудно жить», *œмдзœрин (хœдзар)* – «место для совместного проживания»), *-ой* (*уарзœгой* – «любитель любить», *сайœг* – «обманывающий», «любитель обманывать») и др. [12, с. 16–21]. Заметим, что и в словарях подобные слова квалифицируются как существительные и прилагательные, например: *ахорœн* – краска [20, с. 61]; *фыссœн* – 1. письменный; записной *фыссœн чиныг* – записная книжка; *фыссœн фœйнœг* – доска (классная); 2. пишущий *фыссœн машинкœ* – пишущая машинка [20, с. 468]; *кусœн* – рабочий (относящийся к работе); *кусœн кабинет* – рабочий кабинет; *кусœн уат* – рабочая комната; *кусœн бынат* – рабочее место [20, с. 266]; *фиддон* – 1. плата, платеж; 2. взнос; 3. долг; 4. возмездие [20, с. 461]; *œмдзœрин* – см. *œмдзœрœг* – сожитель; живущий вместе

Некоторые замечания относительно отличительных особенностей русских и осетинских причастий содержатся у Б. В. Кунавина, который, сравнивая систему причастий в русском и осетинском языках, отмечает, что в современном русском языке «категория причастий представляет собой развитую и хорошо сбалансированную систему. Причастия прошедшего времени противопоставлены причастиям настоящего времени, причастия действительного залога – причастиям страдательного залога, причастия совершенного вида – причастиям несовершенного вида, членные причастия противопоставлены нечленным причастиям» [13, с. 83]. Причастия в осетинском языке, считает Б. В. Кунавин, слабо дифференцированы от других именных форм – прилагательных и существительных, а глагол менее дифференцирован от имени. Кроме того, именные формы на *-д, -т, -ст, -ад* совпадают с лично-глагольными, а причастия на *-гœ* имеют ту же морфологическую структуру, что и деепричастия. Из этого он делает вывод, что осетинский язык отражает более древнее состояние индоевропейских языков, он приводит слова А. А. Потебни о том, что причастие и глагол в древности «были дифференцированы гораздо менее, чем в нынешнем языке имя и глагол» [16, с. 96] [13, с. 84]. Очевидно, со всем изложенным выше можно согласиться, как и с тем, что в осетинском языке причастия гораздо менее регулярны по сравнению с русскими причастиями, которые с самого начала письменной традиции отличались высокой частотностью употребления в литературном языке [13, с. 85].

Таким образом, имеются лишь самые общие описания различных разрядов причастий и их грамматических особенностей в осетинском языке, многие вопросы, связанные с этой формой глагола, остаются неоднозначными.

Глагольные грамматические категории в осетинских причастиях имеют специфические особенности проявления. Так, категории вида[1] и времени в них более тесно слиты по сравнению с русскими причастиями. Следствием этого является, например, отсутствие в диапазоне частных видовых значений причастий несовершенного вида обобщенно-фактического значения. Сопряженность несовершенного вида с прошедшим временем в осетинских причастиях невозможна из-за более тесной связи категорий вида и времени, между тем обобщенно-фактическое значение несовершенного вида в русском языке, обозначающее сам факт наличия-отсутствия действия, выражено в причастиях именно формами прошедшего времени. Залоговое значение причастий в осетинском языке определяется не суффиксами, а переходностью-непереходностью глагола. Залог и время в осетинских причастиях не имеют таких четких формальных показателей, какие есть у причастий в русском языке.

Яркой особенностью осетинского языка является наличие в его системе причастий будущего времени. Основное назначение причастий будущего времени в осетинском языке – выражать модальные значения целесообразности, необходимости, намерения.

(с кем-л.) [20, с. 90]; *сæрцæуæггаг* – вообще отсутствует в словаре, имеется *сæрцæуæг* – 1. приходящий, приезжий; 2. пришелец, не коренной житель [20, с. 140]; *курæггаг* – 1. то, что просят; 2. подаяние [20, с. 226].

[1] Исследованием функционально-семантического поля аспектуальности, а также частных видовых значений глагола в осетинском языке занималась А. А. Левитская [15]. Она установила, что главными компонентами поля аспектуальности в современном осетинском языке, формирующими его ядро, являются грамматическая категория вида и грамматическая категория кратности, к периферии же относятся семантическая категория предельности/непредельности, способы глагольного действия, а также лексические средства выражения аспектуальных значений [14; 15]: «Наличие в современном осетинском языке функционально-семантического поля аспектуальности, ядром которого являются грамматическая категория вида и грамматическая категория кратности, заметно отличает осетинский язык от родственных ему иранских языков и сближает со славянскими» [15, с. 32]. В диапазоне частных видовых значений несовершенного вида в осетинском языке А. А. Левитская выделяет: 1) конкретно-процессное; 2) конативно-тендентивное (с вариантами: а) прерванного или б) готового совершиться действия); 3) общефактическое, или обобщенно-фактическое; 4) постоянного отношения. В приведенном перечне частных видовых значений отсутствует неограниченно-кратное значение, одно из основных значений несовершенного вида в русском языке, именно потому, что значение кратности в осетинском языке регулярно выражается конструкцией «глагол + частица -иу», то есть кратность имеет статус грамматической категории.

В современном русском языке причастий будущего времени нет, но все больше в последнее время в области причастий отмечается явная тенденция – все чаще и в устной, и в письменной речи встречается форма причастия будущего времени. Это обусловлено, с позиций ряда исследователей, тем, что в парадигме причастных форм имеется пустая клетка: *писавший* (несов. прош.) – *написавший* (сов. прош.), *пишущий* (несов. наст.), но отсутствует *напишущий* (сов. буд.) [7; 8; 17; 18]. Отношение к подобным новообразованиям неоднозначное, но в настоящее время они остаются за пределами грамматической нормы.

Причастия будущего времени в осетинском языке, выражая значения целесообразности, необходимости, намерения, являются эксплицитным средством выражения модальности. О случаях выражения причастиями модальных значений в современном русском языке, возможных в отрицательных предложениях и в предложениях с модальными предикативами, писала Г. В. Донченко [10]. Традиционно считается, что причастия обозначают только реальный факт и в выражении ирреальной модальности не участвуют. Однако Г. В. Донченко доказывает, что в структуре предложения действительные причастия могут получать значение и ирреальной модальности [10, с. 83]. Ирреальная модальность действительных причастий обусловлена средствами контекста и обнаруживается при замене причастных конструкций придаточными предложениями. Она проявляется в отрицательных предложениях *(…Пока у нас нет сети репродукционных центров, обслуживающих селекционеров (= которые обслуживали бы), но есть лаборатория, выполняющая функции такого центра)*; в предложении с модальными предикативами *(Нужно было бы иметь юриста, обслуживающего несколько предприятий или колхозов и получающего на каждом из них лишь часть ставки)* [10, с. 84]. Кроме того, в некоторых случаях ирреальная модальность имеет и формальное выражение (форма на *-вший/-ший* + частица бы): *Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшие бы в других местах разврат, почти не действуют на него (римский народ)* (Гоголь) [10, с. 84]. Эти случаи, однако, автор считает нетипичными и не соответствующими нормам современного русского литературного языка.

Причастия будущего времени в осетинском языке чаще выступают в функции сказуемого:

– *Æз* бæлццон лæг, мæ ном та – Мæхи-Мæхæдæг, – загъта Дзæх *æмæ йæ багæрах кæнинаг уыд*, фæлæ йæхиуыл фæхæцыд, дарддæр цы уыдзæн зæгъгæ (23, с.145) – Я путник, имя мое – Сам-Себя, – сказал Дзах и *собирался застрелить его*, но сдержался, подумав о последствиях.

– У-у, джауыртæ, сымах дæлимонтау *сафинаг стут*! (23, с. 64) –У-у, иноверцы, вас *следует уничтожить* (букв.: *подлежите уничтожению – Г. Д.*), как чертей.

При этом временной план выражается глагольной связкой, что лишний раз подтверждает актуальность выражения для этих причастий модальной семантики, а не временной.

В приведенном ниже примере ярко выражено противопоставление реального действия, обозначенного причастием на -д, и ирреального, представленного причастием будущего времени на *-инаг*:

Мæнæн-иу æхсызгон кæм уыдаид, афтæ сæрыстыр кæмæй уыдтæн, мæ уыцы райгуырæн хъæу, *гуырд* у æви *гуыринаг* у, уый дæр чи нæ зоны, зæххыл ма ахæмтæ дæр кæй ис, ууыл бауæндын, фæлæ-иу мæхиуыл ныххæцгæйæ, дарддæр дзуапп лæвæрдтон (19, с. 12) – Мне, конечно же, не было приятно, что находились такие, кто не знал о моем родном селе, которым я был так горд, *рожденный* или *собиравшийся родиться*, но я, сдерживая себя, продолжал отвечать.

Гораздо реже причастия будущего времени функционируют в качестве определений:

– Мæнæ чысыл раздæр хъæдæй æрхызт арыхъаг богъаты хуызæн дыууæ *бынбауинаг* лæджы (23, с. 96) – Чуть ранее из леса вышли двое *обреченных на гибель* (*подлежащих уничтожению в будущем – Д. Г.*), похожих на богатырей, мужчин.

*Æ*вæццæгæн ын хъыг уыди, тагъд *фæуинаг* куыст кæй нал ссæрдта, уый, æмæ æнæбарыгомау загъта… (21, с. 18) – Наверно, ему было неприятно, что он не нашел работу, которую *можно было бы* быстро *завершить*, и нехотя сказал.

Залоговые значения причастий и деепричастий описывались В. И. Абаевым [2,

с. 567–569], который полагал, что залог не выражен в причастиях будущего времени – в зависимости от контекста они приобретают значение действительного или страдательного залога.

Мы полагаем, что с точки зрения залога причастия будущего времени могут быть и действительного, и страдательного залога (в зависимости от переходности-непереходности глагола). Например, в указанных контекстах причастия имеют активное значение:

Лæппу бæрзонддæр *кæнинаг уыди* йæ зарæджы зæлтæ, фæлæ йæ нал сфæрæзта (23, с. 13) – Мальчик *хотел было взять* более высокую ноту (букв.: с*обирался взять – Д. Г.*), но не смог.

– Æз бæлццон лæг, мæ ном та – Мæхи-Мæхæдæг, – загъта Дзæх æмæ йæ *багæрах кæнинаг уыд*, фæлæ йæхиуыл фæхæцыд, дарддæр цы уыдзæн зæгъгæ (23, с. 145) – Я путник, имя мое – Сам-Себя, – сказал Дзах, *собирался застрелить его*, но сдержался, подумав о последствиях.

Причастия будущего времени в равной мере могут выражать значение и пассивного залога:

Фæлтау мæ рахиз уонг куы ахаудаид æмæ удыгагайы хуызæн зæххы гæппæл *уаринаг* куы нæ *фæуыдаид* (23, с. 106) – Лучше бы у меня правая рука отнялась, только бы *не пришлось раздавать* (букв.: *не стали подлежащими дележу – Д. Г.*) эти желанные земли.

Сылгоймæгтæ дæр сæ зылдтытæ кæнынц: æмпъузынц бинонты бызгъуртæ, сгарынц хæндиджы *æвæринаг* цыхтытæ тарæйттыл… (22, с. 9) – Женщины тоже делают свои дела: штопают одежду домашних, проверяют сыры, *которые следует положить* в рассол.

Таким образом, если, например, в русском языке причастия отчетливо маркированы по залогу, в большей степени, чем личные формы глагола (залог причастия определяется на уровне словоформы, так как на него указывают суффиксы причастий), то в осетинском языке залоговые значения в причастиях довольно расплывчаты.

В сочетании с префиксами причастия будущего времени несовершенного вида приобретают значение совершенного вида:

Æвæццæгæн *барæвдауинаг* уыд, дысон-бонмæ уым уазал суадоны раз тугæрхæмттæ æмæ ærдæгбæгънæгæй чи гæв-гæв кæныæуыцы скъæфт чызджы (23, с. 82) – Наверно, *следовало утешить* ту украденную девушку, которая, окровавленная и истерзанная, всю ночь дрожит около холодной реки.

– Мœнœ чысыл раздœр хъœдœй œрхызт арыхъаг богъаты зуызœн дыуусе *бынбауинаг* лœджы (23, с. 96) – Вот немного раньше вышли из леса двое, похожих на арыкских быков, *обреченных на смерть* мужчин.

Дœхи мауал хœр, цы ˚рцœуинаг уыд, уый œрцыд (23, с. 212) – Не кори себя, что *должно было случиться*, то случилось.

Причастия в осетинском языке в значительной степени подвержены процессам адъективации и субстантивации. Причастия будущего времени на *-инаг*, употребляясь без определяемого слова, могут субстантивироваться:

Нæ къух ауигъиккам – æмæ комы *худинаг*, æфхæрд æфхæрдæй райсиккам – æмæ туджы *тулинаг* (23, с. 80) – Если простим – *позор* во всем ущелье, отомстим – *кровопролитие*.

– Усе хорзœхœй, ай цавœр диссаджы *нуазинаг* у, кœм œй усей кœнынц? (23, с. 298) – Скажите, пожалуйста, что это за чудесный *напиток*, где его продают?

Часто причастия будущего времени выступают в качестве слов категории состояния:

– *Худинаг* у марды кой кœнын ахœм чъизи дам-думты фœдыл, фœлœ мœ нал уадзут œмœ уын цы бакœнон, – асагъœс ма кодта Ака… (22, с. 24). *Стыдно* плохо говорить о покойном, но просите меня, что же я могу сделать? – попереживал Ака…

Худинаг дœм нœ кœсы, цœуыл скарк дœ?.. – уайдзœфтœ кœны Дзœрœх дœр Хъырымœн (23, с. 19). – Тебе *не стыдно*, что за нетерпение?.. – упрекает Дзарах Керима.

Таким образом, к наиболее ярким особенностям, отличающим осетинские причастия от русских, являются, на наш взгляд, следующие: 1) наличие в системе осетинского языка причастий будущего времени; 2) залоговая и временная немаркированность осетинских причастий (в то время как в русском языке залог и время причастий выражаются на уровне словоформы – суффиксами); 3) отсутствие у них адъективных грамматических категорий.

Особый интерес представляют причастия будущего времени, предназначенные

не столько для обозначения действия в будущем, сколько для выражения модальных значений целесообразности, необходимости, намерения. Эти модальные оттенки можно объединить под общим названием потенциального значения, так как семантика целесообразности относится к сфере модальности, однако его следует отличать от потенциального значения совершенного вида (с оттенком возможности-невозможности) и от потенциально-качественного значения несовершенного вида (которое сводится к способности что-то делать как постоянному свойству субъекта) в русском языке [6]. Причастия будущего времени могут иметь значение как несовершенного, так и совершенного вида, как действительного, так и страдательного залога (в зависимости от переходности-непереходности глагола). Значение совершенного вида создается посредством присоединения к ним префиксов. Для причастий будущего времени более характерна функция сказуемого, чем атрибутивная функция.

Причастия в осетинском языке в значительно большей степени, чем в русском языке, подвержены конверсии. Они вступают в отношения омонимии не только с прилагательными и существительными (причастия на *-œг*, на *-инаг*, на *-д/-т*), но и с деепричастиями (причастия на *-гœ*), со словами категории состояния (причастия будущего времени на -инаг), а также входят в состав аналитических глаголов и могут функционировать в значении повелительного наклонения (причастия на *-гœ*). Это обусловлено тем, что части речи в осетинском языке часто идентифицируются не по формальным показателям, а в значительной степени по семантическим и синтаксическим признакам. Причастия будущего времени, таким образом, могут субстантивироваться или выступать в качестве слов категории состояния.

Литература

1. Абаев В. И. О залоговой недифференцированности причастий // Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т.I. С. 567–571.
2. Абаев В. И. Состояние и задачи изучения осетинского языка // Известия СОНИИ. Т.20. 1957. С. 1–9.
3. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
4. Ахвледиани Г. С. Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963. Т. I. Фонетика и морфология. 364 с.
5. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч.I. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 487 с.
6. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
7. Гловинская М. Действительные причастия будущего времени в русском языке in statu nascendi // Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu. Krakow, 2006. С.177–184.
8. Гловинская М. Я. Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка // Труды III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М.: МГУ, 2007. С.180.
9. Годизова З. И. Видовременные значения причастий совершенного вида: автореф. дис. …канд. филол. наук. Л., 1992. 16 с.
10. Донченко Г. В. О модальном значении причастных оборотов (на материале действительных причастий) // Русский язык за рубежом. 1976. №1. С. 82–85.
11. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с.
12. Качмазова Е. С. Причастие как двуприродная самостоятельная часть речи: истоки и современность (на материале форм индоевропейского, индоиранского, древне-, средне- и новоиранских языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 24 с.
13. Кунавин Б. В. Сопоставительная характеристика причастий в современном русском и осетинском языках// Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие». Владикавказ: Ремарко, 2001. С. 81–86.
14. Левитская А. А. О функциональном и семантическом соответствии осетинских аспектуальных грамматических категорий виду в современном русском языке // Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие». Владикавказ: Ремарко, 2001. С. 86–90.
15. Левитская А. А. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // Вопросы языкознания. 2004. No. 1. С. 29–41.
16. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т.1–2.

17. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Гловинская М. Я., Галанова Е. И. и др. М.: Языки славянских культур, 2008. 710 с.
18. Эпштейн М. Н. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы международной научной конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007. С. 259–266.
19. Дзасохты М. Дœллаг Ир. Дзœуджыхъœу: Ир, 2007. 487 ф.
20. Ирон-уырыссаг дзырдуат. Осетино-русский словарь / под ред. Т. А. Гуриева.. Владикавказ: Алания, 2004. 539 с.
21. Мœрзойты Сергей. Хъысмœт. Дзœуджыхъœу: Ир, 2000. 392 ф.
22. Нафи. Фыдœлты туг. Дзœуджыхъœу: Ир, 2010. 223 с.
23. Хъайтыхъты А. Азœмœты таурœгътœ / А. Кайтуков. Сказания. Дзœуджыхъœу: Ир, 2004. 360 ф.

References

1. Abaev V. I. O zalogovoy nedifferentsirovannosti prichastiy (*On participles' voice indifferentiation*) // Osetinskiy yazyik i folklor. Moscow-Leningrad: SA USSR, 1949. Vol. I. P. 567–571. (In Russian)
2. Abaev V. I. Sostoyanie i zadachi izucheniya osetinskogo yazyika (*The state and tasks of the Ossetian language studying*) // Izvestiya SONII. 1957. Vol. 20. P.1–9. (In Russian).
3. Abaev V. I. Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyika (*Grammatical essay of the Ossetian language*). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1959. 168 p. (In Russian).
4. Ahvlediani G. S. Grammatika osetinskogo yazyika (*The Ossetian language grammar*). Ordzhonikidze: The Research Institute of the North Ossetian ASSR Council of Ministers, 1963. Vol. I. Fonetika i morfologiya. 364 p. (In Russian).
5. Bagaev N. K. Sovremennyiy osetinskiy yazyik. Part I. (*Modern Ossetian language*). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1965. 487 p. (In Russian).
6. Bondarko A. V. Vid i vremya russkogo glagola (*Aspect and tense of the Russian verb*). Moscow: Prosveschenie, 1971. 239 p. (In Russian).
7. Glovinskaya M. Deystvitelnyie prichastiya buduschego vremeni v russkom yazyike in statu nascendi (*Future active participle in Russian in statu nascendi*) // Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu (*From phoneme to the text. The work dedicated to Professor Roman Laskowski*). Krakow, 2006. P.177–184. (In Russian).
8. Glovinskaya M. Ya. Yazyik interneta kak sredstvo obnaruzheniya neustoychivyih uchastkov yazyika (*Internet as a means of language unstable areas detection*) // Trudyi III Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyika «Russkiy yazyik: istoricheskie sudbyi i sovremennost» (*Proceedings of the International Congress of researchers of Russian «Russian Language: its Historical Destiny and the Present»*). Moscow: MSU, 2007. P. 180. (In Russian).
9. Godizova Z. I. Vidovremennyie znacheniya prichastiy sovershennogo vida (*Aspect and tense values of perfective participle*): abstract of thesis. Leningrad, 1992. 16 p. (In Russian).
10. Donchenko G. V. O modalnom znachenii prichastnyih oborotov (na materiale deystvitelnyih prichastiy) (*On modal value of participial phrase (on the basis of active participles*) // Russkiy yazyik za rubezhom. 1976. No. 1. P. 82–85. (In Russian).
11. Kambolov T. T. Ocherk istorii osetinskogo yazyika (*Essay of the Ossetain language history*). Vladikavkaz: Ir, 2006. 463 p. (In Russian).
12. Kachmazova E. S. Prichastie kak dvuprirodnaya samostoyatelnaya chast rechi: istoki i sovremennost (na materiale form indoevropeyskogo, drevne-, sredne- i novoiranskih yazyikov) (*Participle as binatural independent part of speech: origins and modernity (on the basis of Indo-European, Indo-Iranic, ancient, middle and new Iranic languages*): abstract of thesis. Nalchik, 2006. 24 p. (In Russian).
13. Kunavin B. V. Sopostavitelnaya harakteristika prichastiy v sovremennom russkom i osetinskom yazyikah (*Comparative characteristic of participles in modern Russian and Ossetian*) // Materialyi Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiy yazyik i yazyiki narodov Rossii: funktsionalnoe i strukturnoe vzaimodeystvie» (*International scientific-practical conference «Russian language and languages of the peoples of Russia: functional and structural interaction»*). Vladikavkaz: Remarko, 2001. P. 81–86. (In Russian).
14. Levitskaya A. A. O funktsionalnom i semanticheskom sootvetstvii osetinskih aspektualnyih grammaticheskih kategoriy vida v sovremennom russkom yazyike (*On functional and semantic correspondence of Ossetian aspectual and grammatical categories of aspect in modern Russian*) // Materialyi Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Russkiy yazyik i yazyiki narodov Rossii: funktsionalnoe i strukturnoe vzaimodeystvie» (*International scientific-practical conference «Russian language and languages of the peoples of Russia: functional and structural interaction»*). Vladikavkaz: Remarko, 2001. P. 86–90. (In Russian).
15. Levitskaya A. A. Aspektualnost v osetinskom yazyike: geneticheskie predposyilki, arealnyie svyazi, tipologicheskoe shodstvo (*Aspectuality in the Ossetian Language: genetic background, areal links, typological similarity*) // Voprosyi yazyikoznaniya. 2004. No. 1. P. 29–41.
16. Potebnya A. A. Iz zapisok po russkoy grammatike (*From notes on Russian grammar*). Moscoe: Uchpedgiz, 1958. Vol. 1–2. (In Russian).

17. Sovremennyiy russkiy yazyik: Aktivnyie protsessyi na rubezhe XX–XXI vekov (*Modern Russian: active processes at the turn of the 19–21 centuries*) / Glovinskaya M. Ya., Galanova E. I. et al. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur,2008. 712 p. (In Russian).
18. Epshteyn M. N. Est li buduschee u prichastiy buduschego vremeni? (*Is there any future for the future tense participles*) // Lingvistika i poetika v nachale tretego tyisyacheletiya. Materialyi mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moscow: Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov, 2007. P. 259–266. (In Russian).
19. Dzasohty M. Dœllag Ir (*Bottom Ir*). Dzœudzhykœu: Ir, 2007. 487 p. (In Ossetian).
20. Iron-uyryssag dzyrduat. Osetino-russkij slovar' (*Ossetian-Russian dictionary*) / ed by T. A. Guriev. Vladikavkaz: Alanija, 2004. 539 p. (In Ossetian) .
21. Mœrzojty Sergej. Hysmœt (*Fate*). Dzœudzhykœu: Ir, 2000. 392 p. (In Ossetian).
22. Nafi. Fydœlty tug (*Ancestor's blood*). Dzœudzhykœu: Ir, 2010. 223 p. (In Ossetian).
23. Kajtyhty A. Azœmœty taurœghtœ (*Azamat's legends*) / A. Kajtukov. Skazanija. Dzœudzhykœu: Ir, 2004. 360 p. (In Ossetian).

УДК 811.161.1

Э. Ю. Галазов

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА С ДРУГИМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ ГРАММАТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается функциональное взаимодействие грамматической категории вида глагола с другими грамматическими категориями (времени, залога, наклонения, лица, числа, рода), а также взаимодействие грамматической категории вида с семантической категорией таксиса. Установлено, что разнообразные функциональные взаимосвязи категории вида с другими глагольными категориями обусловливают наиболее яркие, экспрессивные случаи функционирования видовых форм.

Ключевые слова: русский глагол, грамматические категории, категория вида, функциональное взаимодействие, парадигматические взаимосвязи.

E. Yu. Galazov

FUNCTIONAL INTERACTION OF THE VERB CATEGORY OF ASPECT AND OTHER GRAMMATICAL CATEGORIES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article deals both with the functional interaction of the verb grammatical category of aspect and other grammatical categories (time, voice, mood, person, number, gender) and interaction of the verb grammatical category of aspect with the semantic category of taxis. The research has showed that various functional interactions of the aspect with other grammatical verbal categories lead to a more emphatic, expressive functioning of aspect forms.

Key words: Russian verb, grammatical categories, aspect category, functional interaction, paradigmatic correlation.

Грамматические категории в структуре глагольной лексемы представляют собой единый комплекс, поэтому описание видовых форм должно строиться в аспекте взаимосвязи с другими глагольными грамматическими категориями. В структуре глагола грамматическая категория вида наиболее тесно связана парадигматическими и функ-

циональными связями с грамматической категорией времени. Временная парадигма зависит от вида глагола, совершенный вид не совместим с семантикой настоящего времени. Грамматические категории вида и времени – это родственные грамматические категории, соотносящиеся как в содержательном, так и в формальном отношении. И вид, и время связаны с общей идеей времени, но конкретизируется эта идея по-разному в видовых и временных значениях. В значениях темпоральных общая идея времени проявляется как некая локализация действия во времени, ориентация этого действия по отношению к той или иной точке отсчета. В качестве точки отсчета может выступать момент речи, и в этом случае представлено противопоставление трех времен: настоящего (включение момента речи в действие), прошедшего (действие происходит до момента речи), будущего (действие будет происходить после момента речи). Если в качестве точки отсчета выступает время осуществления другого действия, в этом случае говорят об относительном времени, которое реализуется в значениях одновременности, предшествования или следования по отношению ко времени осуществления этого действия. Таким образом, темпоральные значения являются значениями, ориентированными на точку отсчета, их называют поэтому дейктическими (указательными).

В отличие от темпоральных аспектуальные значения не имеют этой дейктической функции, здесь идея времени представлена как некое внутреннее свойство самого выражаемого действия. Вид показывает, как протекает, как распределяется во времени глагольное действие [11]. Аспектуальные значения отражают ту или иную оценку говорящим глагольного действия с точки зрения протекания и распределения действия во времени, но безотносительно к моменту речи.

Частные видовые значения[1] переплетены с частными временными значениями, по сути речь может идти о видовременных значениях, поскольку и для видовых, и для временных значений существенна характеристика действия как единичного, конкретного или повторяющегося, обычного, типичного. Признак локализованности-нелокализованности действия во времени существенно влияет на видовую семантику. Например, при выражении единичных действий, осуществляющихся в момент речи (в настоящем актуальном), употребляются только формы настоящего времени несовершенного вида:

Упоминаю, однако же, для обозначения впредь, что он прожил в свою жизнь три состояния, и весьма даже крупные, всего тысяч на четыреста с лишком и, пожалуй, более [7].

– Cher enfant, ты ведь *не сердишься* за то, что я тебе ты говорю, не правда ли? – вырвалось у него вдруг. – Нисколько [7].

Таким образом, значение настоящего актуального сопряжено с видовым значением не ограниченного пределом процесса протекания действия.

В качестве настоящего неактуального, выражающего повторяющиеся, обычные действия, функционируют формы настоящего времени глаголов несовершенного вида и формы будущего простого глаголов совершенного вида:

Уходишь злой и *клянешься*, что завтра это уже не повторится, но завтра опять то же самое [7].

Вот уже третий год как я *не беру* извозчиков – такое дал слово (иначе не скопил бы шестидесяти рублей) [7].

Остается плеваться. *Идет* по бульвару, а сзади *пустит* шлейф в полтора аршина и пыль *метет*; каково идти сзади: или беги обгоняй, или отскакивай в сторону, не то и в нос и в рот она вам пять фунтов песку напихает [7].

Потом *отведет* глаза, потом *опять посмотрит* и вдруг стал мне улыбаться. Я повернулся и ушел. – Друг мой, это что-то шиллеровское! [7].

Дни уже почти осенние, но ясные, иногда так свежо, *затаишься* в глуши, *забредешь* в лес, пахнет листьями… [7].

В прошедшем времени конкретного единичного действия возможны глаголы обоих видов:

Дело *произошло* таким образом: двадцать два года назад помещик Версилов (это- то и есть мой отец), двадцати пяти лет, *посетил* свое имение в Тульской губернии [7].

Приехал он тогда в деревню «бог знает зачем», по крайней мере сам мне так впоследствии *выразился* [7].

[1] Более подробно о функционально-семантическом поле аспектуальности и о частных видовых значениях глагола см., например, [2; 9; 10].

Он с остроумием *рассказывал* мне, что рыдал на плече Макара Ивановича, которого нарочно призвал для сего случая в кабинет, а она – она в то время *лежала* где-то в забытьи, в своей дворовой клетушке… [7].

В прошедшем времени повторяющегося и обычного действия функционируют, как правило, только глаголы несовершенного вида:

Я это *не раз замечал* за собой и в моих словесных отношениях с людьми за весь этот последний роковой год и много мучился этим [7].

Браки дворовых, *как известно, происходили* во времена крепостного права с дозволения господ, а иногда и прямо по распоряжению их [7].

Он их *выдавал уже лет двадцать пять сряду* – или отдаленных родственниц, или падчериц каких-нибудь двоюродных братьев своей жены, или крестниц, даже выдал дочку своего швейцара [7].

Обобщенно-фактическое значение несовершенного вида, когда важен лишь факт совершения или несовершения действия и не существенны другие характеристики действия (длительность, процессность и т.д.), возможно только в прошедшем и будущем времени:

Впрочем, я ее об этом *не уведомлял* [7].

– К сожалению, вашей статьи *не читал*, но о ней слышал, — ответил старец, пристально и зорко вглядываясь в Ивана Федоровича [7].

– А что, кстати, *не просила* еще она у тебя портрета? – Нет, еще *не просила*; да, может быть, и никогда *не попросит* [7].

– А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку *целовали*, а я у вас нет… Так я и Мите сейчас перескажу, как вы мне *целовали* ручку, а я-то у вас совсем нет [7].

Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу или как-нибудь, непременно еще надеется, что *спасется*, до самого последнего мгновения [7].

Наличие противопоставления вида и времени ставит на повестку дня вопрос о значениях и грамматических явлениях, родственных как виду, так и времени, но не совпадающих ни с теми, ни с другими. Таким явлением, находящимся между видом и временем, является таксис. Термин «таксис» принадлежит Р. Якобсону, ему же принадлежит заслуга разграничения независимого и зависимого таксиса [13]. Таксис (по Якобсону) характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту, но безотносительно к факту сообщения. Таксис включает в себя собственно хронологические отношения (одновременность, предшествование, следование) и некоторые другие отношения (например, причинно-следственные). В русском языке, по мнению Р. Якобсона, присутствует грамматическая категория таксиса, выраженная деепричастием. Временная сторона таксиса связана с хронологичностью, которая не ориентирована на момент речи, это хронологичность относительного времени, а не абсолютного. Таксис имеет и аспектуальную сторону, она вытекает из того, что взаимодействие глагольных форм опирается на видовую природу этих форм. Например, можно сказать с большой долей вероятности, что ряд форм совершенного вида (СВ) не будут выражать идею одновременности, в то время как для несовершенного вида (НСВ) идея одновременности является господствующей. Таким образом, в таксисе выступает и аспектуальная природа.

Категории вида и залога связаны и парадигматическими, и функциональными взаимосвязями. Парадигматические взаимосвязи проявляются в видовых ограничениях страдательного залога, выраженного формами кратких причастий, и страдательного залога, выраженного возвратными формами. Первый образуется от глаголов совершенного вида, второй – от несовершенного.

Дверь была капельку *приотворена*, и видно было, что она стояла, держа ребенка у груди, с прикрытой грудью, и горячо прислушивалась [7].

Чемодан был хоть и *раскрыт*, но *не убран*, вещи валялись на стульях, а на столе, перед диваном, *разложены* были: саквояж, дорожная шкатулка, револьвер и проч. [7].

Письма *присылались* в год по два раза, не более и не менее, и были чрезвычайно одно на другое похожие [7].

Детки все *прописывались* поименно, по мере их накопления, и я тут же [7].

Ответы Макару Ивановичу *посылались* моею матерью вскорости и всегда *писались* в таком же точно роде [7].

В образовании же форм действительного залога подобных видовых ограничений нет, то есть в нем функционируют глаголы обоих видов.

Вид связан с залогом и функциональными связями. Например, перфектное видовое (или видовременное) значение создается формами страдательных причастий совершенного вида, которые очень результативны. Эта результативность при благоприятном лексическом значении (действие по своей внутренней природе завершается наступлением состояния) создает значение состояния как результата предшествующего действия. Именно это состояние и существует в более позднем временном плане. Эти причастия обладают признаком наблюдаемости, или перцептивности. Это могут быть причастия с определенной семантикой:

– обозначающие состояние предмета:

Во всех четырех окнах *были спущены* (были спущены когда-то и находятся в таком состоянии сейчас – *Э. Г.*) шторы [7].

Дверь *была* капельку *приотворена*, и видно было, что она стояла, держа ребенка у груди, с прикрытой грудью, и горячо прислушивалась [7].

Она уже была так слаба от чахотки, что всё больше сидела с *закрытыми* глазами, прислонив голову к скале, и дремала, тяжело дыша; лицо ее похудело как у скелета, и пот проступал на лбу и на висках [7].

Я на всякий случай написал несколько слов (в руках его очутилась маленькая *сложенная* бумажка) – и вот не знаю, как передать [7].

– Да вон они, – отвечала отворившая дверь кухарка с *засученными* по локоть рукавами, ткнув пальцем в «гостиную» [7].

Он еще раз поглядел на адрес *запечатанного* письма; о, тут для него не было сомнений и беспокойств, потому что он верил; его другое беспокоило в этом письме: он не верил Гавриле Ардалионовичу [7].

– обозначающие перемену местонахождения предмета:

– Ваша книга, которую я брал у вас намедни, – значительно кивнул он на *принесенную* им и *лежавшую* на столе книгу; – благодарен [7]. Последующий контекст указывает на то состояние, которое возникло в результате действия (книга *принесена и лежит – Г. Э.*).

В комнате направо, в открытых дверях, как раз между дверцами, *вдвинут был* стол, так что в ту комнату войти было нельзя: там лежали описанные и продаваемые вещи [7].

Войдя в Пассаж, он немедленно стал восхищаться великолепием здания, а подойдя к магазину, в котором показывалось вновь *привезённое* в столицу чудовище, сам пожелал заплатить за меня четвертак крокодильщику, чего прежде с ним никогда не случалось [7].

– обозначающие установление пространственной смежности между предметами:

У стола стоял господин в очень истрепанном сюртуке (он уже снял пальто, и оно лежало на кровати) и развертывал синюю бумагу, в которой *было завернуто* фунта два пшеничного хлеба и две маленькие колбасы [7].

Всё время, когда я была у них в доме, мне всё казалось, что где-нибудь, под половицей, еще отцом его, может быть, спрятан мертвый и *накрыт* клеенкой, как и тот московский, и также *обставлен* кругом стклянками со ждановскою жидкостью, я даже показала бы вам угол [7].

Хотя кругом стола и *уставлены* стулья, но немногие из игроков садятся, особенно при большом стечении публики, потому что стоя можно установиться теснее и, следовательно, выгадать место, да и ловчее ставить [7].

Лебедев посадил князя на зеленую деревянную скамейку, за зеленый *вделанный в землю* стол, и сам поместился напротив него [7].

На диване спал другой ребенок, трехлетняя девочка, *прикрытая*, кажется, фраком [7].

В причастиях одинаково отчетливо прослеживается семантика действия, имевшего место ранее действия основного предиката, и семантика состояния, явившегося результатом предшествующего действия и одновременного действию основного предиката. Другие глагольные грамматические значения в причастиях с семантикой состояния проявляются достаточно отчетливо (совершенный вид, страдательный залог).

Значительно реже значение состояния как результата предшествующего действия может быть выражено и при употреблении страдательных причастий прошедшего времени несовершенного вида, который в этом случае сближается функционально с совершенным видом:

Ему окончательно пришло в голову, что наверно и давеча ему только так померещилось; что даже и окна, по всему видно, были так тусклы и так давно *не мыты*, что трудно было бы различить, если бы даже и в самом деле посмотрел кто-нибудь сквозь стекла [7].

Лембке развернул; оказалось, что записка *писана*, с полгода назад, отсюда куда-то за

границу, коротенькая, в двух словах. – Да Кириллова же, наконец; записка *писана* к Кириллову за границу… [4].

Да и вообще у нас, в русском обществе, самые лучшие манеры у тех, которые *биты бывали*, – заметили вы это? [8].

Беседка *строена* была бог весть когда, по преданию лет пятьдесят назад, каким-то тогдашним владельцем домика, Александром Карловичем фон Шмидтом, отставным подполковником [5].

Формы вида и наклонения активно взаимодействуют и переплетены функциональными связями. В функционировании видовых форм в контексте значительную роль играет семантика модальности. Многие частные видовые значения осложнены именно модальными оттенками. Для совершенного вида это потенциальное значение, обозначающее потенциальную возможность или невозможность осуществления действия [1, с. 23]. В соответствующих контекстах выражаются такие модальные оттенки: возможность, способность, готовность, необходимость, желание, сопровождающие обычное, типичное действие. Например:

Но, собственно, об этом после. *Этого так не расскажешь* (= не сможешь рассказать – *Г. Э.*). Этим человеком и без того будет наполнена вся тетрадь моя [7].

…Однажды промямлил как-то странно: что мать моя была одна такая особа из незащищенных, которую не то что *полюбишь* (= захочешь полюбить – *Э. Г.*), – напротив, вовсе нет, – а как-то вдруг почему-то *пожалеешь* (= захочешь пожалеть – *Э. Г.*), за кротость, что ли, впрочем, за что? [7].

Впрочем, я замечаю, что наставил загадок. Без фактов чувств *не опишешь* (= не сможешь описать – *Э. Г.*) [7].

Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу или как-нибудь, непременно еще надеется, что *спасется* (= сможет спастись – *Э. Г.*), до самого последнего мгновения [6].

Для несовершенного вида семантика модальности присутствует в потенциально-качественном значении, когда обозначается потенциальная возможность осуществления действия как свойство субъекта [1, с. 30–31].

Дурные же впечатления мои, к моему сожалению, не так скоро *изгоняются* (= могут быть изгнаны – *Г. Э.*), хоть я и не злопамятен [7].

Эти господа всезнайки *встречаются* (= могут встретиться – *Э. Г.*) иногда, даже довольно часто, в известном общественном слое [6].

Что же с душой в эту минуту *делается* (= может делаться – *Э. Г.*), до каких судорог ее доводят? [6].

Между простонародьем *встречались* (= могли встретиться – *Э. Г.*) и приезжие более высшего общества, две-три дамы, один очень старый генерал; все они стояли в гостинице [5].

А будешь любить, то ты уже и божья… Любовью все *покупается* (= возможно купить – *Э. Г.*), все *спасается* (= возможно спасти – *Э. Г.*) [5].

А. В. Бондарко отмечает, что в отличие от потенциального значения совершенного вида в данном случае не выражается целостность действия, данное значение близко к неограниченно-кратному, поскольку обозначается действие, нелокализованное во времени. Это значение характеризует яркий модальный оттенок, так как актуально не реальное протекание повторяющегося или обычного действия, а обычная возможность его осуществления, способность к нему, умение его осуществлять [1, с. 31]. Субъект действия может быть одушевленным или неодушевленным. При одушевленном субъекте выступают глаголы, называющие такие действия, к которым можно быть способным или неспособным, которые могут быть осуществлены хорошо или плохо, например:

Пить он мог до бесконечности, но мог и совсем не пить; иногда *проказил* даже непозволительно, но мог и совсем не проказить [8].

Иногда он *буянил* и слыл за силача [8].

Разумихин был еще тем замечателен, что никакие неудачи его никогда *не смущали* и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его [8].

При неодушевленном субъекте обозначается потенциальное действие, возможность проявления которого характеризует свойства субъекта, это контексты типа: При нагревании тела расширяются. Дерево в воде не тонет.

Оттенок модальности содержится и в потенциально-узуальной разновидности конкретно-процессного значения, которое часто встречается в научной и официально-деловой речи. В этом случае функционируют возвратные глаголы в пассивной конструкции, формы 3 л. мн. ч. в неопределенно-личном

употреблении, формы инфинитива в сочетании со словами *необходимо, следует* и под [12, с. 610].

Например, из руководства по плаванию: Форма дневника спортсмена почти такая же, как и дневника тренера. На 1-ой странице *записываются* (= следует записывать – *Э. Г.*) фамилии тренера и спортсмена; 2-5 страницы *заполняются* (= следует заполнять – *Э. Г.*) так же, как и в дневнике тренера… [3, с. 22].

При жестком грунте *следует копать* обычной большой шанцевой лопатой, при мягком – непосредственно отсасывают грунт сосуном (сб. «Археология и естеств. науки») [12, с. 610].

Оттенок модальности присутствует и в конативной разновидности конкретно-процессного значения, когда обозначается конкретный процесс как стремление, направленное на достижение цели, как попытка. Как правило, последующий контекст иллюстрирует дальнейшее развитие событий: успех или безуспешность попытки [1, с. 27]. А.В. Бондарко отмечает: «Конативное значение содержит в себе не только видовой, но и модальный элемент: внимание концентрируется на стремлении к достижению результата, который еще не стал или вообще не становится реальностью» [1, с. 27]. Подобное значение может быть истолковано при помощи модальных сочетаний: *«хотели, пытались убить»* и т.п.

Я видал ученых, литераторов, поэтов, политических деятелей, *обретавших и обретших* в этой же науке свои высшие примирения и цели, даже положительно только этим сделавших карьеру [6].

В РГ-80 подчеркивается, что в подобных случаях внимание концентрируется на стремлении к достижению результата, который еще не стал или вообще не станет реальностью (в приведенном нами примере этот результат стал реальностью) [12, с. 607].

Связь с наклонением проявляется еще и в том, что если в изъявительном наклонении категория вида выступает во взаимодействии с категорией времени, то в сослагательном и повелительном наклонении вид выступает вне связи с категорией времени. Авторы РГ-80 отмечают также, что в повелительном наклонении употребление видов характеризуется рядом особенностей и в зависимости от вида глагола волеизъявление сопровождается теми или иными экспрессивными оттенками [12, с. 623].

При употреблении повелительного наклонения в значении сослагательного наклонения, т.е. при переносном употреблении форм повелительного наклонения, эти формы возможны только в совершенном виде:

– Где спрос, там и рынок; не *спроси* вы, – за сорок копеек не продал бы [7].

А между тем *спросите*, – я бы не променял моего, может быть, даже очень пошлого лица, на его лицо, которое казалось мне так привлекательным [7].

Явись человек с надеждой и *посади* дерево – все засмеются: «Разве ты до него доживешь?» [7].

Связь категории вида с категорией лица проявляется в том, что некоторые разновидности обобщенно-личного употребления форм 2 л. ед. ч. связаны лишь с совершенным видом. Это касается тех случаев, когда обобщенно-личное употребление 2 лица осложняется оттенком модальности, например:

По крайней мере с тем видом светской брезгливости, которую он неоднократно себе позволял со мною, он, я помню, однажды промямлил как-то странно: что мать моя была одна такая особа из незащищенных, которую не то что *полюбишь* (= сможешь полюбить – *Э. Г.*), – напротив, вовсе нет, – а как-то вдруг почему-то *пожалеешь* (= захочешь пожалеть – *Э. Г.*), за кротость, что ли, впрочем, за что? [7].

Уж одно слово, что он фатер, – я не об немцах одних говорю, – что у него семейство, он живет как и все, расходы как и у всех, обязанности как и у всех, – тут Ротшильдом *не сделаешься* (= не сможешь сделаться – *Э. Г.*), а *станешь* (= сможешь стать – *Э. Г.*) только умеренным человеком [7].

В подобных случаях опосредствованно проявляется и связь вида с категорией числа, поскольку такое употребление характерно для форм единственного числа.

В безличных конструкциях, напротив, функционирует преимущественно несовершенный вид и тоже единственное число.

Замечу тоже, что, кажется, ни на одном европейском языке *не пишется* так трудно, как на русском [7].

Мне ужасно *нравится*, сударыня, что вы так надменны и величественны: были бы

вы посмирнее, не было бы такого удовольствия [7].

Кто-нибудь вдруг проснется, кому это все *грезится*, – и все вдруг исчезнет» [7].

Но, cher enfant, от красивой свежей женщины яблоком *пахнет*, какое ж тут омерзение! [7].

В формах прошедшего времени и сослагательного наклонения в безличных конструкциях проявляется связь категорий вида и рода.

…Крикнул я тогда без намерения, даже за секунду не знал, что так крикну: *само крикнулось* – уж черта такая в душе была [7].

Стемнело наконец совсем; я стал перед образом и начал молиться, только скоро-скоро, я торопился [7].

Итак, с грамматическими категориями числа и рода категория вида непосредственно не связана, но вместе с тем имеются опосредствованные, косвенные связи [12, с. 645].

Таким образом, морфологические категории глагола, независимо от характера связей между ними, соотнесены друг с другом как категории, которые могут быть представлены в одной и той же словоформе (невозможно лишь совмещение категорий лица и рода). Грамматическая категория вида глагола переплетена разнообразными функциональными взаимосвязями с другими глагольными категориями. Наиболее яркие, экспрессивные случаи функционирования видовых форм обусловлены именно функциональным взаимодействием категории вида с другими глагольными грамматическими категориями.

Литература

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
2. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб.: Наука, 2003. 398 с.
3. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке. Л.: СПБГУ, 1986. 88 с.
4. Достоевский Ф. М. Бесы (1871–1872) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora. ru.›corpora-intro.html (Дата обращения: 16.05.2016).
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы (1880) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Дата обращения: 05.06.2016).
6. Достоевский Ф. М. Идиот (1869) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Дата обращения: 15.05.2016).
7. Достоевский Ф. М. Подросток (1875) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora. ru. ›corpora-intro.html (Дата обращения: 10.05.2016, 11.05.2016, 12.05.2016).
8. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание (1866) // Национальный корпус русского языка URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Дата обращения: 11.05.2016).
9. Левитская А. А. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // Вопросы языкознания. 2004. №1. С. 29–41.
10. Левитская А. А. О видовой несоотносительности в современном осетинском языке (влияние универсальных идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. №5. С. 89–107.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз. 1956. 511 с.
12. Русская грамматика: В 2 т. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
13. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–114.

References

1. Bondarko A. V. Vid i vremya russkogo glagola (*Aspect and tense of the Russian verb*). Moscow: Prosveschenie, 1971. 239 p. (In Russian).
2. Bondarko A. V. Problemyi funktsionalnoy grammatiki. Semanticheskaya invariantnost/variativnost (*Problems of functional grammar. Semantic invariance/variability*). St. Petersburg: Nauka, 2003. 398 p. (In Russian).
3. Bulanin L. L. Kategoriya zaloga v sovremennom russkom yazyike (*Voice category in modern Russian*). Leningrad: SPBSU, 1986. 88 p. (In Russian).
4. Dostoevskiy F. M. Besyi (*Demons*) (1871–1872) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora.ru.›corpora-intro.html (Accessed: 16.05.2016). (In Russian).
5. Dostoevskiy F. M. Bratya Karamazovyi (*The Brothers Karamazov*) (1880) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Accessed:05.06.2016). (In Russian).
6. Dostoevskiy F. M. Idiot (*Idiot*) (1869) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora. ru. ›corpora-intro.html (Accessed: 15.05.2016). (In Russian).
7. Dostoevskiy F. M. Podrostok (*Teenager*) (1875) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Accessed: 10.05.2016, 11.05.2016, 12.05.2016). (In Russian).

8. Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie (*Crime and punishment*) (1866) // Natsionalnyiy korpus russkogo yazyika URL: http://www. ruscorpora.ru. ›corpora-intro.html (Accessed: 11.05.2016). (In Russian).
9. Levitskaya A. A. Aspektualnost v osetinskom yazyike: geneticheskie predposyilki, arealnyie svyazi, tipologicheskoe shodstvo (*Aspectuality in the Ossetian Language: genetic background, areal links, typological similarity*) // Voprosyi yazyikoznaniya. 2004. No. 1. P. 29–41. (In Russian).
10. Levitskaya A. A. O vidovoy nesootnositelnosti v sovremennom osetinskom yazyike (vliyanie universalnyih idioetnicheskih faktorov) (*On aspect inaccordance in modern Ossetian (influence of universal ethnic factors)* // Voprosyi yazyikoznaniya. 2007. No. 5. P. 89–107. (In Russian).
11. Peshkovskiy A. M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveschenii (*Russian syntax in scientific interpretation*). Moscow: Uchpedgiz. 1956. 511 p. (In Russian).
12. Russkaya grammatika (*Russian grammar*): In 2 Vols. Moscow: Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov, 2005 [RG-80]. (In Russian).
13. Yakobson R. O. Shifteryi, glagolnyie kategorii i russkiy glagol (*Shifters, verbal categories and Russian verb*) // Printsipyi tipologicheskogo analiza yazyikov raznogo stroya (*The principles of typological analysis of different system languages*). Moscow: Nauka, 1972. P. 95–114. (In Russian).

УДК 811.161.1

З. И. Годизова

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СМЯГЧИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИСТАВОК *ПОД-* И *НАД-*

В статье рассматривается формирование смягчительного значения приставок *под-* и *над-* в русском языке XI–XVII вв., а также определяется функционально-стилистическая окраска глаголов с этим значением и их происхождение на основании ряда критериев. Устанавливается, что первичными значениями приставок *под-* и *над-* являются пространственные, из которых развились вторичные интенсивные значения путем переосмысления, метафоризации первичных значений в результате взаимодействия с глаголами производящей базы.

Ключевые слова: словообразовательный тип, префиксальное словообразование, смягчительный способ действия, пространственное значение, интенсивные значения, семантическая эволюция приставок, мотивирующая база.

Z. I. Godizova

DIACHRONIC DESCRIPTION OF PREFIXES *POD-* AND *NAD-* ATTENUATIVE MEANING

The article deals with the formation of prefixes *pod-* and *nad-* attenuative meaning in the Russian language of the 11th–17th centuries and defines the functional and stylistic coloring of the verbs with this meaning and their origin on the basis of certain criteria. It has been found out that primary meaning of prefixes *pod-* and *nad-* is the spatial one, which later developed into secondary intensive meaning via rethinking, metaphorizing of the primary meaning as a result of interaction with verbs of producing base.

Key words: word-formation type, prefixal word- formation, attenuative way of action, spatial meaning, intensive meaning, semantic evolution prefixes, motivating base.

Исследование динамики развития интенсивных способов глагольного действия в русском языке XI–XVII вв. неразрывно связано с проблемой описания семантики префиксов, механизма развития различных значений у префиксов.

Первичными значениями приставок являются пространственные[1] (или пространственно-результативные), на основе которых в результате метафорических переносов, вызванных взаимодействием приставок с глаголами производящей базы, а иногда и под влиянием внешнего контекста развиваются вторичные значения (в том числе интенсивные[2]). При определении пространственных значений важно выделить семантические компоненты, составляющие это значение, а также их сочетания в разных значениях префикса.

Развитие вторичных количественных значений определяется действием тенденции к абстрагированию выражаемых значений. В ходе исторического развития языковые значения проходят эволюцию от конкретных к абстрактным. Приставочные значения не являются исключением. Переход от исходных значений к последующим развивается в языке по мере осмысления говорящим тех или иных концептов – времени, количества, качества и т.д.

Механизм развития вторичных значений из первичных достаточно сложен: соединение приставки и мотивирующего глагола устраняет многозначность префикса, актуализирует в нем нужный компонент, вычленяется какая-то одна сема из инвариантного значения префикса, происходит сдвиг в семантике приставочного глагола, в результате чего появляется переносное значение, более абстрактное, которое в дальнейшем утрачивает связь с исходным инвариантным. Далее в процесс префиксального глагольного словообразования привлекаются производящие основы с более абстрактной семантикой. Таким образом, в семантической эволюции приставок значительная роль принадлежит глаголам производящей (мотивирующей) базы. Движущая сила появления новых значений приставок – сочетание форманта с новым пластом мотивирующих глаголов; разнообразие вторичных значений приставок представляет собой результат взаимодействия их в ходе длительного исторического развития языка с базовыми глаголами, принадлежащими к разным семантическим классам. Важную роль при этом играет семантическая совместимость приставки и производящего глагола, благодаря которой оказывается возможным их соединение.

Из интенсивных значений приставки *под-* и *над-* выражают значение смягчительного способа действия. Рассмотрим динамику становления этого значения.

Приставка *под-* привлекала внимание исследователей. Она рассматривается, например, в монографии Л. А. Вараксина [1], который отмечает, что значение приближения к кому-, чему-либо, присущее в современном русском языке производным с приставкой *под-*, является результатом переосмысления и развития исконного (то есть пространственного – *З. Г.*) значения этой приставки – направленности действия в сторону нижней части, к низу или под низ чего-нибудь. Л. А. Вараксин приводит мнение А. Н. Гвоздева, что из «идеи низа» возникает значение приближения, ибо, будучи направленным в сторону нижней части, к низу чего-либо, субъект или объект действия в то же время приближается к этому предмету [3, с. 369]. Таким образом, делает вывод Л. А. Вараксин, в соединении с глаголами перемещения приставка *под-* выражает либо значение направленности действия под предмет, либо значение приближения к чему-либо, а уже из этих значений развиваются все остальные оттенки мутационного и модификационного характера [1, с. 81–82].

Н. П. Некрасов обращает внимание на составной характер данного префикса и обусловленность его значения составляющими элементами *по-* и *до-*: «Обстоятельственный смысл предлога *подъ* объясняется из смысла тех простых предлогов, из которых он составлен. Предлогом *по-* ограничивается объем обстоятельства, когда он соединяется с падежами, и – действия, когда сливается с глаголом, предлогом *до-* обозначается крайний предел того и другого. Следовательно,

[1] Первичными в том смысле, что именно на базе пространственных значений развиваются другие, более абстрактные (временные, количественные) значения приставок, при этом пространственные значения не представляют собой нечто неделимое, монолитное, а включают разные семы, из которых актуализируется та или те семы, которые совместимы с семантикой базового глагола.

[2] Под интенсивными значениями и интенсивными способами глагольного действия мы подразумеваем значения и способы глагольного действия, содержащие различные оттенки интенсивности в диапазоне от повышенной до ослабленной интенсивности.

взятыя вместе, они выражают крайний предел ограничения объема как обстоятельства, так и действия, т.е. ограничение объема с оттенком указания на предел, к которому ограничение должно приближаться… Понятию о низе, нижней, низшей стороне, разумеется, придается здесь самое широкое значение в вещественном и нравственном отношении» [9, с. 221–222].

В более поздних работах приставка *под-* рассматривалась в работах В. А. Плунгяна [10], А. Эндресен, Ю. Кузнецовой, А. Макаровой, С. Соколовой, Л. Янды, О. Ляшевской, Т. Нессета [21], А. Макаровой [22].

В. А. Плунгян, например, рассматривает вопрос о количестве значений приставки и критериях выделения этих значений в современном русском языке. Этот вопрос логически перетекает в проблему взаимоотношений между различными значениями приставки, т.е. проблему полисемии и омонимии. В. А. Плунгян отмечает, что «основная проблема описания полисемии состоит в поиске механизмов, соотносящих некоторый предлагаемый исследователем набор a priori различных значений с одним и тем же материальным носителем языковой единицы. Почему семантически различное оказывается формально совпадающим? Как преодолеть теоретический дискомфорт, возникающий в этой ситуации?» [10, с.96]. При этом предлагается обычно два решения, продолжает В. А. Плунгян: либо вовсе не замечать полисемии, либо объявить ее с помощью определенных процедур несуществующей. Первый подход («списочный») предполагает простое перечисление значений без анализа связей между ними; второй подход означает построение «инварианта», что «дает возможность считать, что значение у каждой языковой формы все-таки одно – их наблюдаемое многообразие является не более чем контекстным семантическим эффектом» [10, с. 96]. В. А. Плунгян предлагает при описании семантики приставок выделять семантические блоки и искать связи между ними: что их объединяет, какие варианты имеются внутри семантических блоков. Преимуществом подобного решения он считает то, что семантические блоки гораздо ближе к конкретному языковому материалу, чем инвариантное значение, вместе с тем каждый из них сохраняет свою онтологическую самостоятельность [10]. М. А. Кронгауз предлагает другой способ избежать недостатки инвариантного способа представления семантики приставки – связать все значения приставки цепочечно, т.е. найти между ними локальные связи, а не глобальные [6, с. 17]. В настоящее время описание семантических сетей для различных глагольных приставок представлено во многих работах [23; 8; 10; 20; 4], и такой путь исследования семантики приставок представляется весьма перспективным, позволяющим более адекватно описать все их значения. Однако для диахронического исследования значений приставок более приемлемой нам представляется концепция, согласно которой описание системы значений русских глагольных приставок осуществляется на основе существования семантических связей между разными значениями одной и той же приставки и закономерного их развития от прямого пространственного значения [2; 5].

Пространственное значение приставки *под-* традиционно определяется как направленность в сторону нижней части предмета, под предмет. В нашем материале[1] это значение отчетливо проявляется во многих глаголах с этой приставкой, например, *подопнути* – *'пнуть снизу'* [Сл РЯ XI-XVII]; *подпалити* – *'поджечь снизу, подпалить'* [Сл РЯ XI-XVII].

В современном русском языке приставка *под-* выражает смягчительное (аттенуативное) значение, которому соответствуют такие словообразовательные типы: «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить с незначительной интенсивностью»: *подбодрить* «немного ободрить», *подзабыть* (прост.), *подзакусить* (прост.), *подпухнуть* (разг.), *подранить* (спец.), *подсократить* (прост.); «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить дополнительно и, как правило, с незначительной

[1] В качестве материала исследования использовались данные исторических, этимологических, толковых, словообразовательных словарей, в том числе содержащийся в них иллюстративный материал с принятыми в этих словарях обозначениями источников, а также материалы картотек Словаря русского языка XI–XVII вв. [14] и Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. [12], хранящиеся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. При определении стилистического статуса глаголов привлекался Словарь русских народных говоров [13].

интенсивностью»: *подгладить, подварить, подгрузить, подкапать, подкипятить, подкопить* [11, с. 366–367].

Глаголы с приставкой *под-* в смягчительном значении появляются в старорусском языке с XV в., основная их доля приходится на XVI–XVII вв. Полагаем, что переходным звеном в развитии этого типа можно считать старославянизм *подсыпати*, в котором пространственная семантика осложнилась интенсивной – значением смягчительности (в [16] он зафиксирован в значении 'насыпать под что-н.', а в [14] – в значении 'добавить, насыпав, подсыпать').

В качестве мотивирующих глаголов данного словообразовательного типа послужили преимущественно глаголы конкретного воздействия на предмет, изменения состояния (переходные, предельные), редко – глаголы состояния (непереходные, непредельные):

подпрѣти – 'подгнить, спреть'. – По удоламъ гдѣ по низкымъ мѣстомъ подъ снегомъ *подпрѣлъ* корень ржаныи. Псков. л. (Погод.). 6993 г. [Срезн.]; 'подопреть, подгнить' [14];

подхорошити – 'подправить, улучшить'. Аще дрѣво садовное стоить промежи двою огороду… и сѣнь творить единому огороду, и пакость творить, осподарь дерева того *подхорошить* вѣтвие. Кн. законные, 49. XV в. ˜XII–XIII вв. [14];

подтопити – 'затопить, подтопить'. И князь великий ходил под Тулу сам и под Тулою стоял многое время, а взял: водою *подтопил* острог, воду взвел на Упе на реке. Пискар. лет., 125. XVII в. (Михайло Васильев) на рѣкѣ на Послѣ заплотъ мельничной заплотилъ и мельницы построилъ и тѣмъ своимъ заплотомъ наши старые мельницы *подтопилъ*. Баг. Мат., 104. 1681 г. [14];

подскоблити – 'немного стесать, соскоблить'. Межа тому Федорову помѣстью… дубъ *потъскобленъ*. Отказн. кн. южновеликорус., 72. 1625 г. Изба, что куплена у Матфѣя Ширяева, вверху дорубить… въ сѣняхъ же и въ клѣти верхние мосты *подскоблить*. ДАИ X, 132. 1682 г. [14];

подсушити – 'слегка высушить, подсушить'. Кожуру ту скоблит(ь) да *подсушит(ь) ея* на солнце. Указ. о промысл., 2. XVII в. [14]; и другие (*подсытити (подсычивати), подщипати, подновити, подорвати, подсохнути, подсурмити*).

Значение незначительной степени интенсивности действия развивается в результате переосмысления пространственного значения приставки *под-* – из идеи низа, подобно тому, как, например, значение излишней интенсивности действия для приставки *на-* развивается из представления о верхе, т.е. значение верхней границы действия перерастает в значение высокой меры действия.

Представляется интересным определение функционально-стилистического и генетического статуса глаголов смягчительного способа действия с приставкой *под-*. Словообразование – один из важнейших факторов стилистической организации текста. Формирование определенных словообразовательных типов часто связано с определенной стилистической сферой языка, особенности которой они и отражают, противопоставляясь в этом отношении образованиям, принадлежащим к другим жанрово-стилистическим группам языка.

Глаголы смягчительного способа действия с приставкой *под-* – это глаголы с разговорной окраской[1]. Основная сфера их функционирования – это светские памятники и деловая письменность. Некоторые глаголы встречаются и в летописях, но в контекстах, которые можно обозначить как летописный рассказ. Более употребительны глаголы *подновити, подсытити (подсычивати), подскоблити, подорвати, подсыпати, подсохнути, подпрѣти, подтопити*, из которых только глагол *подновити* имеется уже в древнерусских памятниках, остальные – только в старорусских, например:

подновити – 'подновить, восстановить'. Иде Святоплъкъ, Володимиръ, Давидъ и вся земля просто русская на половьце, и побѣдиша я, и възяшя дѣти ихъ, и городъ *подънови* Сур-

[1] Критериями, позволяющими определить стилистический статус слова, мы, вслед за И. С. Улухановым, считаем следующие: 1) характер памятников, в которых слово зафиксировано (на основании данных [12], [14], частично [15]); 2) наличие/отсутствие слова в говорах; 3) формальные показатели слова; 4) учет системных связей и отношений (стилистические синонимы, омонимическое отталкивание и т.п.); 5) семантический критерий (например, тяготение некоторых семантических групп к памятникам определенной жанровой принадлежности) [17; 18; 19]. При этом следует иметь в виду, что под стилистической классификацией слов мы подразумеваем в значительной степени жанровую классификацию, так как полноценные функциональные стили речи еще не были сформированы в указанный период.

товъ и Шарукань. Новг. I лет., 120. Будетъ гдѣ межи и грани заросли и доведется ихъ *подновити*, и… къ тѣмъ зарослымъ межамъ послати дворянина добра и велѣти тѣ межи и грани *подновити*. А.Уст.II, 117. 1695 г. [14].

Остальные глаголы менее употребительны, например: *подсурмити, подщипати, подхорошити, подсушити*:

подсурмити – 'подкрасить сурьмой'. А прелюбодѣйца бѣлилами, румянами умазалася, брови и очи *подсурмила*. Ав. Кн. толк., 541. XVII–XVIII вв. 1677 г. [14].

В [13] имеются глаголы *подтопить, подсушить, подщипать* (в значении 'подобрать, подоткнуть подол одежды'); кроме того, есть глагол *подскоблиться* (в значении 'найти подход к кому-л., пуская в ход хитрость, лесть, угодничество'), а также в форме несовершенного вида представлен глагол *подхорошити* (подхорашивать – 'прихорашивать').

По происхождению все глаголы – восточнославянские новообразования, кроме глагола *подсыпати*, который является старославянизмом, но в [24] он отмечен не в смягчительном значении, а в пространственном ('насыпать под что-н.').

Приставка *над-* не привлекала активного внимания исследователей. Она рассматривается в монографии Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой [2], а также М. А. Кронгаузом [8].

М. А. Кронгауз приводит два описания этой приставки – в толковом словаре и академической грамматике. В свою очередь, он описывает конкретные подзначения этой приставки в современном русском языке (всего 6, а также одно подзначение, представленное циркумфиксом *над-…-ся*) в соответствии со схемой, предложенной в другой работе [7]. Основными продуктивными семантическими компонентами, позволяющими объединить подзначения этой приставки в единую сеть, он считает следующие: 'верх', 'увеличение', 'разрушение', 'различие высокого и низкого статусов' [8, с. 93]. Кроме того, применительно к современному русскому языку М. А. Кронгауз делает вывод, что, очевидно, здесь имеет место разрушающаяся система, так как глаголы с этой приставкой либо уже устарели, либо находятся в процессе устаревания, к тому же количество этих глаголов постепенно уменьшается [8, с. 93].

Пространственное значение приставки *над-* Г. А. Волохина и З. Д. Попова формулируют следующим образом: «окончить перемещение субъекта/объекта выше пространственного ориентира» [2, с. 38]. Авторы отмечают также, что она антонимична приставке *под-*.

В Русской грамматике зафиксировано два словообразовательных типа с приставкой *над-*: «дополнительно увеличить размеры предмета, добавить что-н. к предмету (иногда к его верхней части) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *надстроить, надклеить, надвязать, надсыпать, надшить*; «распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на небольшую часть поверхности предмета»: *надпилить, надгрызть, надколоть, надпороть, надрезать, надрубить, надсечь* [11, с. 361]. Семантика интенсивности содержится во втором словообразовательном типе, соответствующем смягчительному способу действия.

В русском языке XI–XVII вв. зафиксировано только два глагола с приставкой *над-*, имеющих семантику смягчительного (аттенуативного) способа действия:

надломити – Потчесѧ конь под нимъ и *надломи* емоу ногоу малоу. Переясл. л. 38 [15]; 'сломать не до конца, надломить'. 2 буравцы, лом *надломлен*, вѣкша желѣзная у переметные ноги. А. Кир.-Б. м., Г., №104. 1656 г. – Безл. А что были у соли два анбаришка старых, и в тѣх анбары клали сол(ь), и у тѣх анбаришков матицы сол(ю) надломило. Якут. а., карт. 5, №29, сст. 4. 1645 г. [14];

надрѣзати – 'слегка разрезать, надрезать'. Иерей обратя артосъ и *надрѣжетъ* копьемъ крестовидно святый артосъ, глаголя: жрется агнецъ божий. Арс. Сух. Проскинитарий, 289. 1653 г. [14].

Малочисленность глаголов с этим значением в указанный период позволяет сделать вывод, что семантика смягчительности у приставки *над-* находится только в процессе становления. Очевидно, можно предположить, что это значение развивается из пространственного в результате переноса значения: «действие осуществляется немного, несколько выше пространственного ориентира» – «действие осуществляется в незначительной степени».

С точки зрения стилистической глаголы *надломити, надрѣзати* можно оценить скорее как нейтральные: глагол *надломити* в

значении 'сломать (о переломе какой-л. кости)' употребляется в книжных памятниках, а в значении 'сломать не до конца, надломить' – в деловой письменности:

надломити – в значении 'сломать не до конца, надломить'; 'сломать (о переломе какой-л. кости)'. И сему въборзѣ идущу, и бывъ на Волзѣ спадеся с коня и *надломи* си ногу. Пролог, июль, 702. 1643 г. [14]. Этот глагол зафиксирован в СРНГ (но в значении 'увеличить, набить (цену)').

Для глагола *надрѣзати* приведено функционирование в книжном памятнике, в [13] он не зафиксирован, что обусловливает предположительное отнесение его к разряду нейтральных.

Таким образом, исследование динамики становления смягчительного значения приставок *под-* и *над-* показало, что оно развилось из их пространственных значений путем переосмысления, метафоризации этих значений в результате взаимодействия с глаголами производящей базы.

Для приставки *под-* значение незначительной степени интенсивности действия развивается в результате переосмысления пространственного значения – из идеи низа. Глаголы с приставкой *под-* в смягчительном значении появляются в старорусском языке с XV в., основная их доля приходится на XVI–XVII вв. У приставки *над-* значение смягчительности развивается из пространственного в результате переноса значения: «действие осуществляется немного, несколько выше пространственного ориентира» – «действие осуществляется в незначительной степени». Малочисленность глаголов с этим значением в указанный период позволяет предположить, что семантика смягчительности у приставки *над-* в старорусскую эпоху находится только в процессе становления.

В целом можно сделать вывод о том, что субъективно-модальные значения получают бурное развитие в старорусскую эпоху (XV–XVII вв.) в связи с тем, что в это время значительно возрастает роль и самосознание говорящего и пишущего субъекта, возникает потребность для него выразить свое отношение к тому, о чем он повествует. В этом смысле пространственные (нейтральные) значения приставок были лишены субъективно-модальной окраски.

Литература

1. Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. Екатеринбург: УГУ, 1996. 179 с.
2. Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: ВГУ, 1993. 196 с.
3. Гвоздев А. Н. Современный русский язык. Ч. I. 3-е изд. М.: Просвещение, 1967. 432 с.
4. Горелик Е. В. Описание глагольной приставки у- // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. 2001. Т.5. №1. С. 37–69.
5. Дмитриева О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. Саратов: СГУ, 2005. 221 с.
6. Кронгауз М. А. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // Глагольная префиксация в русском языке: Сборник статей. М.: Русские словари, 1997. С. 4–27.
7. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: Семантическая грамматика М.: Языки русской культуры, 1998. 288 с.
8. Кронгауз М. А. Опыт семантического описания приставки над- // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. 2001. Т.5. №1. С. 85–95.
9. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб.: В типографии и литографии И. Паульсона и К, 1865. 313 с.
10. Плунгян В. А. Приставка под- в русском языке: описание семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т.1. №5. С. 95–124.
11. Русская грамматика: В 2 т. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2005 [РГ-80].
12. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. М.: Русский язык, 1988–2013 [СДРЯ XI-XIV].
13. Словарь русских народных говоров. М.–Л.: Наука, 1965–2007. Вып. 1–44 [СРНГ].
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975-2008. Вып. 1–28 [СлРЯ XI-XVII].
15. Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М.: Знак, 2003. (Репринт. изд.) [Срезн.].
16. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под. ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1999 [СС].
17. Улуханов И. С., Солдатенкова Т. Н. О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка // Russian Lingustics. 2002. №26. P. 29–62.

18. Улуханов И. С., Солдатенкова Т. Н. Семантика древнерусской разговорной лексики // Russian Lingustics. 2004. №28. P. 361–400.
19. Улуханов И. С., Солдатенкова Т. Н. Семантика древнерусской разговорной лексики (социальные названия лиц) // Russian Lingustics. 2006. №30 (1). P. 1–52.
20.Якунина Д. В. Приставка при-: построение семантической сети // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. 2001. Т.5. №1. С. 125–131.
21. Endresen A., Janda L. A., Kuznetsova J. , Lyashevskaya O., Makarova A., Nesset T., Sokolova S. Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all?" // Scando-Slavica. Association of Nordic Slavists and Baltologists, 2012. No. 58 (2). P. 231–291.
22. Makarova A. Rethinking diminutives: A case study of Russian verbs. Doctoral dissertation. Tromso: University of Tromso. 2014.
23. Roberts C. B. The origins and development of O(B)-prefixed verbs in Russian with the general meaning 'deceve' // Russian linguistics. 1981. V.5. P. 217–233.
24. Slovník jazyka staroslověnského: I–IV. Praha: Nakladatelství československe akademie věd, 1966–1997 [SJS].

References

1. Varaksin L. A. Semanticheskij aspekt russkoj glagol'noj prefiksacii (*The semantic aspect of the Russian verb prefixes*). Ekaterinburg: USU, 1996. 179 p. (In Russian).
2. Volohina G. A., Popova Z. D. Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustrojstvo, sistemnye otnoshenija (*Russian verb prefixes: semantic structure, system relations*). Voronezh: VSU, 1993. 196 p. (In Russian).
3. Gvozdev A. N. Sovremennyj russkij jazyk (*Modern Russian language*). Part I. Moscow: Prosveshhenie, 1967. 432 p. (In Russian).
4. Gorelik E. V. Opisanie glagol'noj pristavki u- // Glagol'nye prefiksy i prefiksal'nye glagoly (*Description of verbal prefixes y - // Verbal prefixes and prefixed verbs*). 2001. Vol.5. No. 1. P. 37–69. (In Russian).
5. Dmitrieva O. I. Dinamicheskaja model' russkoj vnutriglagol'noj prefiksacii (*Dynamic model of Russian inter - verbal prefixes*). Saratov: SSU, 2005. 221 p. (In Russian).
6. Krongauz M. A. Issledovanija v oblasti glagol'noj prefiksacii: sovremennoe polozhenie del i perspektivy (*Verbal prefixes studies: current status and prospects*) // Glagol'naja prefiksacija v russkom jazyke: Sb. statej. Moscow: Russkie slovari, 1997. P. 4–27. (In Russian).
7. Krongauz M. A. Pristavki i glagoly v russkom jazyke (*Prefixes and verbs in the Russian language*): Semanticheskaja grammatika Moscwow: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 288 p. (In Russian).
8. Krongauz M. A. Opyt semanticheskogo opisanija pristavki nad- (*Semantic description experience of prefix nad-*) // Glagol'nye prefiksy i prefiksal'nye glagoly. 2001. Vol.5. No.1. P. 85–95. (In Russian).
9. Nekrasov N. P. O znachenii form russkogo glagola (*On the meaning of the Russian verb forms*). St. Petersburg: In the printing and lithography I. Paulson and Ko, 1865. 313 p. (In Russian).
10. Plungjan V. A. Pristavka pod- v russkom jazyke: opisanie semanticheskoj seti (*Prefix pod- in Russian: description of the semantic system*) // Moskovskij lingvisticheskij zhurnal. 2001. Vol. 1. No. 5. P. 95–124. (In Russian).
11. Russkaja grammatika (*Russian grammar*): In 2 Vols. Moscow: Russian Language Institute named after V. V. Vinogradova, 2005 [RG-80]. (In Russian).
12. Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) (*Dictionary of Old Russian language (*XI–XIV *centuries)*: in 2 Vols. Moscow: Russkij jazyk, 1988–2013 [SDRJa XI-XIV]. (In Russian).
13. Slovar' russkih narodnyh govorov (*Dictionary of Russian folk dialects*). Moscow – Leningrad: Nauka, 1965–2007. Issues 1–44 [SRNG]. (In Russian).
14. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. (*The Russian language dictionary of the* XI–XVII *centuries*). Moscow: Nauka, 1975–2008. Issues 1–28 [SlRJa XI–XVII]. (In Russian).
15. Sreznevskij I. I. Materialy k slovarju drevnerusskogo jazyka: (*Materials for the Dictionary of Old Russian language*): In 3 Vols. Moscow: Znak, 2003. [Srezn.]. (In Russian).
16. Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vv.) (*Old Slavonic Dictionary (on manuscripts of the X–XI centuries*) / ed by R. M. Cejtlin, R. Vecherka and Je. Blagova. Moscow: Russkij jazyk, 1999 [SS]. (In Russian).
17. Uluhanov I. S., Soldatenkova T. N. O nekotoryh perspektivah izuchenija istoricheskoj leksikologii russkogo jazyka (*On some prospects in the study of historical lexicology of the Russian language*) // Russian Lingustics. 2002. No. 26. P. 29–62. (In Russian).
18. Uluhanov I. S., Soldatenkova T. N. Semantika drevnerusskoj razgovornoj leksiki (*Semantics of Old Russian colloquial vocabulary*) // Russian Lingustics. 2004. No. 28. P. 361–400. (In Russian).
19. Uluhanov I. S., Soldatenkova T. N. Semantika drevnerusskoj razgovornoj leksiki (social'nye nazvanija lic) (*Semantics of Old Russian colloquial vocabulary (persons' social names*) // Russian Lingustics. 2006. No. 30 (1). P. 1–52. (In Russian).
20. Jakunina D. V. Pristavka pri-: postroenie semanticheskoj seti (*The prefix pri-: formation of semantic system*) // Glagol'nye prefiksy i prefiksal'nye glagoly. 2001. Vol. 5. No. 1. P. 125–161. (In Russian).

21. Endresen A., Janda L. A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nesset T., Sokolova S. Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all?" // Scando-Slavica. Association of Nordic Slavists and Baltologists, 2012. No. 58 (2). P. 231–291.
22. Makarova A. Rethinking diminutives: A case study of Russian verbs. Doctoral dissertation. Tromso: University of Tromso. 2014.
23. Roberts C. B. The origins and development of O(B)-prefixed verbs in Russian with the general meaning 'deceive' // Russian linguistics. 1981. Vol. 5. P. 217–233.
24. Slovník jazyka staroslověnského (*Vocabulary of the Old Slavonic language*): I–IV. Praha: Nakladatelství československe akademie věd, 1966–1997 [SJS]. (In Slovak).

УДК 82(091)Лерм

В. М. Грязнова, Я. С. Швецова

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Настоящее исследование посвящено репрезентации хронотопических (время-пространство) категорий в лирико-психологическом романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Индивидуально-авторские представления о пространстве и времени формируют собственную оригинальную модель художественной реальности писателя-романиста. Многообразие пространственно-временных отношений, представленное в романе, принимает форму теоретико-мировоззренческого осознания главными героями своего места и предназначения в мире.

Ключевые слова: время, пространство, хронотоп, М. М. Бахтин, М. Ю. Лермонтов, лирико-психологический роман.

V. M. Gryaznova, Y. S. Shvetsova

SPECIFICITY OF THE SPACE AND TIME IN M. Y. LERMONTOV'S NOVEL ART

The present article is focused on the representation of chronotopic (space-time) categories in the lyrical-psychological novel by M. Y. Lermontov «A Hero of Our Time». Individually-author's presentations about the space and time form an original model of the novelist's artistic reality. The vast variety of the novel's spatio-temporal relations takes a form of the theoretical and ideological self-awareness by main characters which try to find their own place and purpose in the world.

Key words: time, space, chronotope, M. M. Bakhtin, M. Y. Lermontov, lyrical-psychological novel.

Каждое литературное произведение так или иначе являет собой концептуально новый мир, отличный от жизненной (первичной) действительности, либо подобный ей наличием отдельных образов и характеристик объективной реальности. Восприятие художественной (вторичной) действительности основывается, главным образом, через взаимодействие категорий времени и пространства, которые терминологически реализуются в понятии «хронотоп», введенном не только в русскую, но и в зарубежную литературоведческую науку благодаря научным трудам М. М. Бахтина («Формы времени и хронотопа в романе», 1975).

Изначально попытки объяснить сущность категорий времени и пространства с научно-философской точки зрения предпринимались еще во времена существования античной культуры. Так, например, с позиций Демокрита и Платона, это были самостоятельные сущности, не зависимые ни

от материи, ни друг от друга: пространство по своей природе объективно, однородно и бесконечно; время – вместилище событий, оно отождествимо с вечностью – это чистая длительность, равномерно текущая от прошлого к будущему.

И. Ньютон, развивая учение о времени и пространстве, аналогичным образом пришел к выводу об автономности этих категорий относительно друг друга. Пространство, по его мнению, неизменно и неподвижно, его свойства не зависят ни от чего, в том числе и от времени; даже если убрать из пространства все материальные тела, оно останется, и свойства его сохранятся. Время, как считал Ньютон, течет одинаково во всей Вселенной, и это течение, соответственно, тоже независимо по своей природе.

А. Эйнштейн рассматривал время и пространство через сформулированную им теорию относительности, по которой эти две категории неразрывно связаны между собой, составляя единое пространство-время. Именно теория Эйнштейна, признающая синтез пространственно-временных отношений, способствовала возникновению понятия «хронотоп» в различных областях научного знания.

Но сам термин отнюдь не принадлежит литературоведческой мысли, в научный оборот он был введен русским физиологом А. А. Ухтомским, затронувшем вопросы не только физиологического, но и эстетического характера в своем докладе о целостном восприятии хронотопа человеком.

М. М. Бахтин, присутствовавший на чтении доклада, впоследствии начал развивать это понятие с литературно-художественных позиций, а именно, в жанре романа. По Бахтину, хронотоп представляет собой существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. К каждому отдельно рассматриваемому виду времени-пространства, т.е. хронотопу, привязан особый жанр и особый тип романного героя: «Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотипичен» [1, с. 234].

Обращаясь к истокам античного романа, Бахтин говорит о трех способах освоения романного времени-пространства:

1. *Авантюрное время*, которое «слагается из ряда коротких отрезков, соответствующих отдельным авантюрам» [1, с. 235]. Это своеобразное «вневременье», вмешательство судьбы и иных иррациональных сил в поступательное движение биографического времени. «Вдруг» и «как раз» – наиболее существенные характеристики этого типа, которому свойственен такой набор мотивов, как мотивы встречи и расставания, потери и обретения, поисков и нахождения. Авантюрное время – сопутствующая характеристика хронотопа дороги, без которого практически невозможно построение сюжета большинства литературных произведений.

2. *Авантюрно-бытовое время*, которое характеризуется изображением исключительных, по-своему необычайных событий, происходящих на жизненном пути героя в какой-то из моментов его существования. Как правило, происходящее одномоментно и молниеносно, что подразумевает наличие мотивов внезапного столкновения и бегства.

3. *Биографическое время*, в ходе развертывания которого лежит «новый специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь ищущего истинного познания» [1, с. 281]. Этот тип времени связан со строгими формами мифологической метаморфозы. Жизнь героя делится не несколько этапов (или ступеней), подразумевающих самоуверенное невежество (на начальном этапе) => самокритический скепсис => познание самого себя => истинное познание (как конечный результат полученного знания).

Современные лермонтоведы по-разному характеризуют время-пространство поэзии и прозы М. Ю. Лермонтова. Так, например, по мнению Т. К. Черной, лермонтовское творчество в своем выражении тяготеет к космическому пространству, а сам поэт, бесспорно, является космическим поэтом. Особенность этого «космизма» она видит в следующем: «Она состоит главным образом в стремлении объять необъятное, в желании существовать без границ, везде и сразу; в желании снять границы там, где они могут остановить порыв, и в мятежном страдании, если снять их не представляется возможным» [5, с. 307].

Иную точку зрения на пространственно-временной критерий творчества Лермонтова высказывает К. А. Тангалычев, считая, что «Лермонтов – писатель пустыни, а не космоса. Пустыня – больше, чем космос,

если сам творец сказал, что он в каждой песчинке» [4, с. 4].

Тем не менее, творческий взгляд поэта устремлен в вечное и бесконечное; то, что нельзя объять, нельзя измерить. Космическое пространство неизмеримо, его четкой границы не существует. Безграничность, снятие «рамочности», томившей поэта на этой земле, – вот цель, которую преследовал Лермонтов: «Лермонтов (и его герой), хочет как бы сразу охватить взглядом, слухом, чувством, мыслью все мироздание…» [5, с. 307]. Пустыня – огромное, обширное пространство, особенный мир. Как правило, это мир без людей, куда уходят отверженные всеми, обреченные на смерть. Поэт был одинок лишь в жизни, сознательно выбрав уединение, в творчестве же он идёт к людям: «пусть не доходит, но идёт, пусть ненавидит, но не бесстрастен» [3, с. 350].

«Герой нашего времени» Лермонтова отличается особым выражением времени-пространства: хронотоп произведения представляет собой не отчетливо линейный порядок, а инверсию изложения событий. Несмотря на подобную перестановку, роман имеет сюжетную законченность.

Авантюрное время-пространство в «Герое» развернуто через хронотоп дороги, выполняющий функцию одной из основных сюжетных линий романа. Он связывает несколько обособленных друг от друга историй, которые, на первый взгляд, не имеют смысловой связи. Так, например, «Бела» начинается следующей репликой героя: «*Я ехал* на перекладных из Тифлиса» [6, с. 8]; предисловие к журналу Печорина берет начало со следующих слов рассказчика: «Недавно я узнал, что Печорин, *возвращаясь из Персии*, умер» [6, с. 47]; в первом абзаце главы «Тамань» имеется такая фраза: «*Я приехал* на перекладной тележке поздно ночью» [6, с. 48]; «Княжна Мери», как и «Бела», тоже начинается со слов о дороге: «Вчера *я приехал* в Пятигорск…» [6, с. 58].

Немаловажно наличие сопутствующих образов, связанных с дорожными мотивами: «…фырканье усталой *почтовой тройки* и неровное *побрякивание русского колокольчика*» [6, с. 10]; «…пустая *дорожная коляска*; ее *легкий ход*…» [6, с. 40]; «Давно уж не слышно было ни *звона колокольчика*, ни *стука колес по кремнистой дороге*…» [6, с. 45]. Данные образы являются не только неотъемлемой частью хронотопа дороги, но и его характеризующими конкретизаторами.

Выбор дороги может быть либо целенаправленным и осознанным решением героя, либо самостоятельной силой, не поддающейся контролю. Это, как правило, *судьба или случай*, выполняющие функцию «поводырей» и выводящие персонажа туда, где ему полагается быть. Но такой ход событий у Лермонтова проявляется редко, в основном, персонажи произведений писателя вольны сами избирать нужное направление и цель проходимого ими пути. Так, Печорин решительно заявляет, что его первое удовольствие – *«подчинять моей воле все, что меня окружает…»* [6, с. 87]. Примечательно и то, что даже второстепенные герои, не играющие никакой роли для развития сюжета, обладают самостоятельным правом выбора. Примером такого персонажа может послужить контрабандист Янко, фигурирующий в повести «Тамань»: «…*а мне везде дорога*, где только ветер дует и море шумит» [6, с. 57].

Пространство дороги в романе «Герой нашего времени» в большей степени ориентировано на величественный, суровый и таящий опасность Кавказ, что всячески старался подчеркнуть Лермонтов: «*Со всех сторон горы неприступные*…» [6, с. 8]; «Золотые *облака громоздились на горах*, *как новый ряд воздушных гор*…» [6, с. 42]; «…синие *зубцы Кавказа*…» [6, с. 44]; «… мшистые *зубцы скал*…» [6, с. 115]; «… кругом *народ дикий*, любопытный; *каждый день опасность*…» [6, с. 12]; «Эти *горцы народ мстительный*…» [6, с. 32]. Высота, как одно из самых часто встречающихся у Лермонтова пространственных понятий, приобретает метафорический смысл: как природа, так и человеческая душа – душа Печорина – тянется к небесному пространству: «…какое-то отрадное чувство распространялось по всем моим жилам, и *мне было как-то весело, что я так высоко над миром*…» [6, с. 26].

Интересна оппозиция, путь жизненный/путь реальный, реализуемая в рамках пространства-времени романа. Как следствие, движение/путь реальные тесно переплетаются с движением/путем жизненным, взаимодополняя друг друга: «…неужели я не тот же?.. Что делать?.. *всякому своя дорога*...» [6, с. 45]; «Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки: оба *пойдем разными путями* до гроба...» [6, с. 75]; «отчего я не хотел *ступить на этот путь*, *открытый* мне *судьбою*…».

Полифункциональность хронотопа дороги позволяет говорить о его сюжетообразующем значении в романе. Все основные жизненные перипетии, происходящие с Печориным на протяжении его «странствующей» жизни, случаются с ним именно в пути, либо в моменты его непродолжительных остановок. Герой встречает людей, которые призваны сыграть определенную роль в его жизни, например, таких ключевых персонажей, как Бела, Максим Максимыч, честные контрабандисты («Тамань»), княжна Мери, Грушницкий, Вера. В дороге происходит большинство основных центральных эпизодов романа: *по пути в Персию* Печорин случайно пересекается с Максимом Максимычем, обходясь с ним безразлично и рассеяно, несмотря на то, что им обоим пришлось пережить в прошлом смерть Белы; *на дороге в Пятигорск* Печорин, так и не сумевший догнать Веру, горько рыдает над трупом загнанного коня, осознавая, что она потеряна для него безвозвратно.

Примечательно и то, что в большинстве своем постоянное движение носит негативный оттенок: Печорин не приходит ни к пониманию собственного «Я», ни к удовлетворенности настоящим. Постоянное странствие – вынужденная мера, потому как постоянство чуждо лермонтовскому герою: «<…> *мне пора... я спешу...*» [6, с. 45]; «<…> солнце ярко, небо сине – *чего бы, кажется, больше*? <…> *Однако пора*…» [6, с. 58].

Суммируя вышесказанное, можно предположить, что хронотоп дороги в «Герое» является определителем как внешнего (бытийного), так внутреннего (душевного) пространства Печорина, указывая на шаткость, непостоянность его положения в обоих видах пространственной организации.

Обратим внимание и на то, что хронотоп дороги/пути у Лермонтова более топологичен (топос – вектор пространства; дорога векторна, Печорин постоянно находится в непрерывном поступательном движении), чем хронологичен (время в романе постоянно подвергается нарушению; для Печорина время по часам исчезает, оставляя лишь тяготение к вечному/бесконечному).

Помимо хронотопа дороги, в «Герое» фигурирует и такая разновидность времени-пространства, как авантюрно-бытовое и биографическое. Авантюрно-бытовой хронотоп воплощается, как правило, в изображении событий/обстоятельств конкретно-исторического и социального характера. Такое время-пространство характеризует, например, жизненный путь Максима Максимыча, который по долгу военной службы постоянно сталкивается с опасностью в лице горцев.

Биографическое воплощение хронотопа может быть охарактеризовано через характерологическое значение, которое у всех персонажей создается по-разному. Например, княжна Мери приобретает биографический опыт через знакомство с Печориным. Прикосновение к его внутреннему пространству оставляет глубокий след в душе героини, внутренняя организация которой уже никогда не вернется к «допечоринскому» восприятию мира: «… *Она больна <…>, это не простая болезнь! Печаль тайная ее убивает*…» [6, с. 123].

Приведем еще один пример пересечения пространственного и временного рядов, а именно, обыденно-житейского циклического бытового времени, представленного в главе «Тамань». Из повествования ясно, что это типичный провинциальный городок с закостенелым бытом. Ночь, которая, казалось бы, должна придавать всему оттенок очарования и таинственности, смягчая изъяны, ярко освещаемые днем, этой функции не выполняет. Время здесь тянется в пространстве очень медленно и отличается бытовыми обыденностями: «…после долгого странствования по *грязным переулкам*, где по сторонам я видел одни только *ветхие заборы*…» [6, с. 49]. Пространство здесь ограничено, оно имеет свои рамки. Куда бы ни кинул взгляд Печорин, он видит лишь скромные избы, ветхие заборы да грязные переулки.

Далее следует яркая антитеза: «скверный городишко» с его бытовыми деталями противопоставлен «небольшой хате на самом берегу моря» [6, с. 49], освещаемой полным месяцем. Пространство здесь уже расширено. Это и море: «*берег обрывом спускался к морю*…» [6, с. 49]; и небеса с царящей в них полной луной; и корабли вдали, очертания которых были заметны на «бледной черте *небосклона*» [6, с. 49]. Метаморфоза, пришедшая на смену закостенелому быту, позволяет рассматривать действие в «Тамани» с позиций авантюрного хронотопа. Перед нами развертывается социально-природный мир, вмещающий в себя фольклорное начало (контрабандистка, сравниваемая с русалкой, переход из реальности в ирреальность, и наоборот).

Посредством введения в повествование необычных персонажей, происходит реали-

зация *мотива встречи* героя с обитателями загадочного мира. Первым таким обитателем стал совершенно слепой от природы мальчик с пугающими своей белизной глазами. Печорин замечает, что «всегда есть *какое-то странное отношение между наружностью человека и его душой: как будто с потерею члена душа теряет какое-нибудь чувство*» [6, с. 49]. Вторым обитателем становится девушка в полосатом платье с распущенными косами – почти ундина, «*странное существо*». Уже по характеристике Печорина можно заметить, что она явно не принадлежит пространству, в котором живут обыватели. Но иллюзия рассеивается – перед Печориным разыгрывается трагедия круга «честных контрабандистов», которыми в итоге оказывается и слепой мальчик, и «ундина», что снова возвращает нас к реальности как таковой с ее закостенелым бытом. В сознании Печорина проникновение в жизненное пространство «ундины» и слепого мальчика стало опытом поиска, попыткой прикосновения к «радостям и бедствиям человеческим», к большому миру моря, паруса и ирреальных сил.

Таким образом, рассмотрев авантюрный, авантюрно-бытовой и биографический разновидности времени-пространства, выделенные М. М. Бахтиным, мы выявили, что каждый хронотоп обладает своими характерными призраками, а именно, определенным набором мотивов, значений, событий и т.д.

На основе указанных характеристик, мы исследовали художественное время-пространство произведения «Герой нашего времени», что позволяет говорить о том, что роману свойственны такие виды хронотопа, как хронотоп дороги, авантюрно-бытовой хронотоп и биографический хронотоп, имеющие следующие характерные, отличительные черты:

• *Инверсиальность* (связывает между собой несколько отдельных эпизодов, на первый взгляд не имеющих ничего общего друг с другом);

• *Метафоричность* (оппозиция жизненный путь / путь реальный);

• *Сюжетообразующее значение* (все основные события случаются с героем во время его пребывания в дороге);

• *Связь с мотивом судьбы через философские аспекты в произведении* (герой постоянно движется во внешнем пространстве и рефлексирует во внутреннем, находясь в противоборстве с судьбой);

• *Выражение конкретно-исторических и социальных обстоятельств через авантюрно-бытовое время-пространство* (отражение реально существующих и предметно определенных понятий и событий);

• *Характерологическое значение, выраженное через биографическое воплощение хронотопа* (каждому персонажу присущ тот или иной биографический опыт).

Рассмотрев, как реализуется категория художественного времени-пространства в главе «Тамань», мы пришли к выводу, что повесть характеризуется такой разновидностью хронотопа, как *авантюрно-бытовой*, выделив следующие особенности, конкретизирующие данный тип времени-пространства:

1. *Наличие антитезы «засилье быта/исключительные события»* (противопоставленность пространства типичного провинциального городка с бытовыми реалиями пространству контрабандистов, живущих в таинственной хижине на берегу моря);

2. *Отсылка к народному фольклорному началу* (девушка-контрабандистка сравнивается с ундиной/русалкой);

3. *Наличие мотива встречи с необычными персонажами* (слепой, ундина).

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М.: Художественная литература, 1965. 520 с.
3. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Маркович В. М., Потапова Г. Е. М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: Русский путь, 2002. 1074 с.
4. Тангалычев К. А. Лермонтов читает Россию // Его отчизна в небесах: материалы шестых Лермонтовских чтений. Ярославль: [б.и.], 2007. С. 4–10.
5. Черная Т. К. Русская литература XIX века. Ч. I. Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе. Ставрополь: СГУ, 2004. 623 с.

References

1. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. (*Questions of literature and aesthetics: the study of different years*). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 p.

2. Lermontov. M. Y. Sobranie sochinenii. In 2 Vols. Vol. 4. (*The Works of M.Y. Lermontov in 4 volumes*). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1965. 520 p.
3. Merezhkovskii D. S. M. Y. Lermontov. Poet sverkhchelovechestva (*M. Y. Lermontov is a poet of superhumanity*) // Markovich V. M., Potapova G. E. M. Y. Lermontov: pro et contra. St. Petersburg: Russkii put', 2002. 1074 p. (In Russian)
4. Tangalychev K. A. Lermontov chitaet Rossiyu (*Lermontov reads Russia*) // Ego otchizna v nebesakh: materialy shestykh Lermontovskikh chtenii (*His homeland in the heaven: Materials of Lermontov's sixth readings*). Yaroslavl', 2007. P. 4–10. (In Russian)
5. Chernaya T. K. Russkaya literatura XIX veka (Part. 1). Poetika khudozhestvenno-individual'nykh sistem v literaturnom protsesse (*Russian literature of the 19th century (part 1). Poetics of literary and individual systems in a literary process*). Stavropol': SSU, 2004. 623 p. (In Russian)

УДК 81'371

С. В. Гусаренко

ПРАГМАТИКА РЕЛЕВАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ НАРРАТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ)

В статье представлены результаты исследования лингвопрагматических свойств высказываний в их взаимодействии в художественном нарративе и в учебно-научных текстах. Рассмотрена взаимная зависимость референциальных параметров, пропозиционального содержания и прагматики релевантности высказываний в современном русском нарративе. Определено, каким образом прагматика релевантности обусловливает состав и характер когнитивно-семантических структур в актуальном дискурсе высказывания. Главным образом это касается пропозиционалного содержания высказывания и референциальных характеристик именных групп в его составе.

Ключевые слова: прагматика, релевантность, дискурс, нарратив, прагматическая пресуппозиция, пропозиция, референция.

S. V. Gusarenko

PRAGMATICS OF RELEVANCE IN MODERN RUSSIAN NARRATIVE (ON LITERARY AND EDUCATIONAL SCIENTIFIC TEXTS)

The article represents the results of analysis of linguistic pragmatic properties of utterances in their interaction within literary narrative as well as within educational scientific texts. Interdependence between referential parameters, propositional content and pragmatics of relevance of utterances in modern Russian narrative are also considered. The way in which pragmatics of relevance conditions the contents and specifics of cognitive semantic structures within the actual discourse of an utterance is defined. The aforementioned considerations are mostly related to propositional contents of an utterance and referential characteristics of nominal groups contained in it.

Key words: pragmatics, relevance, discourse, narrative, pragmatic presupposition, proposition, reference.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить результаты исследования референциально-прагматических и пропозициональных характеристик высказываний в современном русском нарративе в отношении прагматики релевантности каждого их них. Работа выполнена на материале современных русских художественных текстов и

произведений из учебно-научного дискурса. Такой выбор материала обусловлен тем, что референциальные и лингвопрагматические характеристики высказываний в этих видах нарратива существенно различаются, что позволяет при анализе более рельефно их выделить.

Прагматика релевантности в актуальном дискурсе высказывания [3] из повествования, или нарратива, основывается на соответствии применения этого выказывания в определенном месте повествования соответствующим прагматическим правилам и намерениям автора [9], при этом если соответствие правилам идентифицируется, то намерения автора высказывания исчисляются адресатом. Основными операциями по установлению прагматики релевантности [10] являются операции соотнесения пропозициональных и референциальных компонентов [1; 7] актуального дискурса с дискурсивными и коммуникативно-прагматическими пресуппозициями [2; 5]. В результате таких операций семантические структуры и действия получают прагматическую определенность, то есть устанавливаются причины применения высказывания именно с такими когнитивно-семантическими параметрами именно в этом месте повествования.

Существенным отличием актуального дискурса ответного высказывания из диалога от актуального дискурса высказывания из повествования является отсутствие в последнем коммуникативно-прагматических пресуппозиций [4], связанных со стратегиями ответного речевого поведения в диалоге, иными словами, читатель-интерпретатор знает, что в ходе прочтения и понимания текста ему не придется принимать оперативных решений относительно своего речевого поведения.

Кроме того, в диалоге могут преследоваться самые разные цели – от провокации собеседника на конфликт до попытки его умиротворения, в то время как при чтении художественного текста преследуется, как правило, довольно ограниченный список целей: намерение получить эстетическое удовольствие, желание приобщиться к культурному наследию, интерес к сюжету и т.п. Соответственно, и прагматика релевантности высказывания из повествования может иметь менее разветвленную систему целевых установок, которые во многом определяются правилами построения письменного текста.

При этом, естественно, следует различать прагматику релевантности в актуальном дискурсе строевого высказывания из состава определенного текстового структурно-семантического единства, например абзаца, и высказывания, открывающего такое единство.

Рассмотрим прагматику релевантности в актуальном дискурсе высказывания как строевого элемента абзаца:

(1) До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили... (2) Начать с того, что самое поступление в академию казалось сначала невозможным. (3) Два года подряд Алмазов торжественно проваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия. (4) Не будь жены, он, может быть, не найдя в себе достаточно энергии, махнул бы на все рукою. (5) Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нем бодрость.

(А. Куприн. Куст сирени)

Предметом подробного рассмотрения в данном случае является актуальный дискурс высказывания (3), прагматику релевантности которого можно представить следующим образом:

1) автор имеет намерение вместить в рамки рассказа повествование о нескольких ключевых событиях сюжета;

2) автор имеет намерение следовать правилам, заданным метатекстовым оператором начать с того, открывающим высказывание (2);

3) автор имеет намерение пояснить основную пропозицию высказывания (2);

4) автор имеет намерение пояснить пропозицию *Они (экзамены) стоили страшных трудов* высказывания (1).

Компонент (1) прагматики релевантности определил выбор и состав пропозиции высказывания (3): пропозиция в данном случае описывает цепь значимых событий в общих терминах, без детализации, что в свою очередь определяется референциальными характеристиками компонентов пропозиции. Прежде всего, темпоральный компонент *два года подряд* придает пропозиции неопределенное временное значение, поскольку дискурсивные пресуппозиции не содержат указания на точку отсчета времени. Для именования главного героя автор выбирает только его фамилию – *Алмазов*, поскольку

данный терм уже обладает определенной референцией, обусловленной повторным употреблением в тексте [7]. Именная группа *все препятствия* имеют неопределенный референциальный статус [7], поскольку, во-первых, по соображениям автора для сюжета рассказа подробности в данном случае несущественны, во-вторых, узкие рамки рассказа не позволяют дать развернутое описание.

Компонент (2) прагматики релевантности определил выбор пропозиции высказывания (3) в том смысле, что метатекстовый оператор *начать с того*, открывающий высказывание (2), задает перспективу нескольких пропозиций, для которой пропозиция высказывания (3) – это вторая пропозиция.

Компонент (3) прагматики релевантности определил выбор пропозиции высказывания (3) в том смысле, что основная пропозиция *поступление в академию казалось сначала невозможным* высказывания (2), вошедшая в дискурсивные пресуппозиции, предполагает пояснение, поскольку предикация *казалось сначала невозможным* сама по себе не вносит ясности в описываемую ситуацию. К тому же, пропозиция высказывания (2) содержит компонент сначала, пресуппозиционирующий, что должно быть некое продолжение к высказыванию (2).

Компонент (4) прагматики релевантности определяет выбор пропозиции высказывания (3) в смысле необходимости развертывания смысла макропропозиции *Они (экзамены) стоили страшных трудов* высказывания (1), вошедшего в дискурсивные пресуппозиции: именная группа *страшных трудов* имеет неопределенный референциальный статус, поэтому конкретизация ее референта в дальнейшем тексте представляется вполне естественной. Таким образом, пропозиция высказывания (3) *Два года подряд Алмазов торжественно проваливался и только на третий упорным трудом одолел все препятствия* выступает в качестве атомарной пропозиции по отношению к макропропозиции [6], содержащейся в высказывании (1) *До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили.* При этом множественный референт пропозиции в актуальном дискурсе высказывания (3), а именно денотируемая цепь событий, напрямую соотносится с референтом пропозициональной именной группы страшных трудов из пропозиции высказывания (1).

Коротко отметим, что прагматика релевантности в актуальном дискурсе высказываний (4) и (5) определяется дискурсивными пресуппозициями, включающими пропозицию *До сих пор все экзамены сошли благополучно*... высказывания (1): автор реализует намерение раскрыть содержание макропропозиции (1) посредством экспликации атомарных пропозиций (4) и (5), при этом реализация намерения обусловливает присутствие в актуальном дискурсе высказываний (4) и (5) имен *жена* и *Верочка*, кореферентных именной группе *жена Алмазова* из актуального дискурса высказывания (1).

Существенно отличается прагматика релевантности высказывания, открывающего компонент структурно-семантического членения текста. Если говорить, к примеру, о сверхфразовых единствах, составляющих эпизод из сюжета текста, то одним из компонентов прагматики релевантности в актуальном дискурсе высказывания-шифтера, открывающего такое единство, является намерение автора маркировать смену темы [8]. При этом, как и в предыдущем случае, прагматика релевантности полностью основывается на дискурсивных пресуппозициях и определяет пропозициональные и референциальные характеристики актуального дискурса такого высказывания. Рассмотрим пример:

И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек.
(М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Здесь высказывание маркирует переход от эпизода беседы Берлиоза с поэтом Иваном Бездомным к эпизоду беседы Воланда с ними, который ключевым образом определяет дальнейшее развитие сюжета.

Прагматика релевантности в актуальном дискурсе приведенного высказывания может быть представлена следующим образом:

1) автор имеет намерение сменить тему дискурса;

2) автор имеет намерение связать новую тему с предыдущей;

3) автор имеет намерение на этом этапе не раскрывать образ вводимого персонажа.

Компонент (1) прагматики релевантности обусловливает присутствие в актуальном дискурсе высказывания *И вот как раз в то время...* пропозиции *В аллее показался первый человек,* расположенной в позиции ремы. При этом компонент (3) прагматики релевантности обусловливает неопределенный референциальный статус именной группы *первый человек*, с другой стороны, само именование *первый человек* полностью обусловлено дискурсивными пресуппозициями, включающими ту часть предыдущего контекста, в которой содержится высказывание *В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, – никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея* – точнее, пропозиция *пуста была аллея.* Таким образом, прагматика релевантности пропозиции *В аллее показался первый человек* обретает определенность только при ее соотнесении с дискурсивными пресуппозициями, актуализируемыми посредством имени *аллея*, обладающего той же референцией, что и имя *аллея* из дискурсивных пресуппозиций.

Компонент (2) прагматики релевантности в актуальном дискурсе анализируемого высказывания обусловливает присутствие в нем пропозиций (1) *Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как* (2) *ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли*, поскольку эти пропозиции сводят к одному моменту времени события – референты этих пропозиций и событие – референт пропозиции *В аллее показался первый человек*. Соответственно, компонент (2) прагматики релевантности обусловливает референцию именной группы *Михаил Александрович*, а также имен *поэт, ацтеки* и *Вицлипуцли*.

Для сравнения коротко рассмотрим прагматику релевантности высказываний в научном дискурсе. Существенным ее отличием от прагматики релевантности высказываний в дискурсе художественных текстов является полное преобладание правил построения текста, содержащихся в коммуникативно-прагматических пресуппозициях как автора, так и читателя-интерпретатора. Одним из таких определяющих правил является правило корректной аргументации, другое правило – правило применения имен и именных групп с определенной референцией [7] – в тех случаях, когда описываются конкретные объекты. Причем если в высказываниях из дискурса художественного произведения имена и именные группы обладают преимущественно текстовой референциальной определенностью, то в высказываниях из научного дискурса имена и именные группы обладают референциальной определенностью, основывающейся на отнесенности к конкретным объектам, событиям и явлениям, что самым непосредственным образом связано с прагматикой релевантности высказывания.

Необходимо также отметить, что в актуальном дискурсе высказываний из научных текстов выявлены именные группы с двойственным референциальным статусом: существуют пропозиции, именные группы в которых лишены статуса референтных благодаря определенным модальным операторам или предикатам с модальными значениями, и то же время такие пропозиции описывают реальные исторические события.

Рассмотрим пример:

(1) Развитие рабовладельческого хозяйства, растущая потребность в иноземном сырье и в рабах, а также расширение внешней торговли повлекли за собой усиление завоевательной политики. (2) Египетские фараоны III и IV династий отправляют вслед за торговыми экспедициями свои войска, чтобы закрепить при помощи оружия господство Египта в соседних странах с целью эксплуатации естественных богатств и населения этих стран.

(В. И. Авдиев. История Древнего Востока)

В данном случае прагматику релевантности высказывания (2) можно представить следующим образом:

1) автор имеет намерение шире раскрыть тему, заявленную в высказывании (1);

2) автор имеет намерение детализировать референт макропропозиции *усиление завоевательной политики*;

3) автор имеет намерение аргументировать положения, высказанные в высказывании (1);

4) автор имеет намерение транслировать научное, точное знание.

Компоненты (1) и (3) прагматики релевантности в актуальном дискурсе высказывания (2) обусловливают сам набор пропозиций в этом высказывании, поскольку этот набор в

свое последовательности представляет собой дальнейшее развертывание темы и в то же время аргументацию к положениям в высказывании (1).

Компонент (2) прагматики релевантности обусловливает присутствие в высказывании (2) именно этих пропозиций, поскольку они представляют собой атомарные пропозиции по отношению к макропропозиции *усиление завоевательной политики*:

Египетские фараоны III и IV династий отправляют вслед за торговыми экспедициями свои войска.

Египетские фараоны III и IV династий закрепляют при помощи оружия господство Египта в соседних странах.

Египетские фараоны III и IV династий эксплуатируют естественные богатства и население этих стран.

Оператор *чтобы* в высказывании (2) формально лишает вторую и третью из представленных пропозиций статуса референциальной определенности, однако в данном случае пропозиции описывают не только намерения фараонов, которые могли осуществиться или не осуществиться, но также реальные исторические события: Египет действительно оккупировал соседние страны и, как следствие, эксплуатировал их природные богатства и население, о чем со всей научной обоснованностью повествуется в последующей части текста – поэтому мы можем рассматривать соответствующие именные группы в этих высказываниях как референтные.

Таким образом, в совокупности с компонентом (4) прагматики релевантности определяет референциальные характеристики актуального дискурса высказывания (2): именная группа *Египетские фараоны III и IV династий* денотирует субъектов – производителей действия в цепи событий, обозначенных как *усиление завоевательной политики*, и в то же время имеет референтом группу лиц, реально существовавших в определенный период времени; именная группа *соседние страны* благодаря дейктическому актуализатору *соседние (с Египтом)* обретает референциальную определенность, однако это определенность ограниченного свойства: в данном высказывании как описании намерений фараонов референтом именной группы *соседние страны* выступает совокупность всех стран, территориально примыкающих к Египту, что удовлетворяет намерениям автора высказывания, но не конкретизирует предметный состав множественного референта; в то же время как обозначение реально свершившихся событий именная группа *соседние страны* имеет неопределенный референциальный статус, что также удовлетворяет намерениям автора, поскольку в них входит развертывание макропропозиции *усиление завоевательной политики* в последующих высказываниях.

То же самое можно сказать о референциальных характеристиках именных групп *естественные богатства этих стран* и *население этих стран*, которые полностью определяются компонентами (2) и (4) прагматики релевантности в актуальном дискурсе высказывания (2) из приведенного выше фрагмента научного текста.

Существенно различается прагматика релевантности в актуальном дискурсе высказываний, вводящих тему в научном, юридическом или канцелярско-деловом тексте, и высказываний, вводящих тему в художественном тексте, поскольку в последнем тематическая последовательность устанавливается преимущественно по соображениям автора, и поэтому возможна смена темы в любом месте текста, в том числе и в тексте главы, в то время как, скажем, в научном дискурсе в составе раздела возможно только введение темы, или подтемы, изначально входящей в концептуальное множество, обозначенное наименованием темы соответствующего раздела, как в случае с выказыванием (1) из приведенного выше фрагмента исторического текста. Это высказывание – (1) *Развитие рабовладельческого хозяйства, растущая потребность в иноземном сырье и в рабах, а также расширение внешней торговли повлекли за собой усиление завоевательной политики* – открывает пятый абзац в разделе, названном *III и IV династии*, и вводит подтему, которую можно обозначить как *Завоевательная политика фараонов III и IV династий*. Прагматика релевантности высказывания-шифтера (1) может быть представлена следующим образом:

1) автор имеет намерение ввести подтему дискурса;

2) автор имеет намерение точно обозначить подтему дискурса;

3) автор имеет намерение логически связать вводимую подтему с предыдущими подтемами;

4) автор имеет намерение связать вводимую подтему с главной темой дискурса.

Компонент (1) прагматики релевантности обусловливает присутствие в актуальном дискурсе высказывания (1) пропозициональной именной группы *усиление завоевательной политики*, которая выступает в качестве именования подтемы и является, как отмечено выше, макропропозицией, атомарный состав которой располагается в последующей части дискурса.

Компонент (2) прагматики релевантности обусловливает состав словосочетания *усиление завоевательной политики* для обозначения темы дискурса: именная группа включает компонент *завоевательная политика*, референтом которой выступает историческая последовательность политических событий, при этом последовательность, по мнению автора, имеет градационные признаки, что обозначено в именной группе посредством компонента *усиление*. Само по себе существительное усиление имеет лексическое значение весьма высокой степени абстракции, однако в конкретном контексте, а именно при описании исторических событий, эта абстрактность сводится едва ли не к нулю, поскольку, как отмечено выше, референтом именной группы *усиление завоевательной политики* выступает градационная последовательность совершенно конкретных исторических событий, включая действия конкретных исторических личностей, поскольку само по себе сочетание *усиление завоевательной политики* имплицирует наличие неких субъектов действий, входящих в референт рассматриваемой именной группы.

Компонент (3) прагматики релевантности обусловливает как сам компонентный состав пропозиции в актуальном дискурсе высказывания (1) *Развитие рабовладельческого хозяйства, растущая потребность в иноземном сырье и в рабах, а также расширение внешней торговли повлекли за собой усиление завоевательной политики,* так и ее референциальные характеристики. Предыдущие темы дискурса обозначены в высказывании (1) посредством именных групп *развитие рабовладельческого хозяйства, растущая потребность в иноземном сырье и в рабах и расширение внешней торговли,* каждая из которых имеет референтом градационные последовательности исторических событий и состояний. При этом в пропозиции актуального дискурса высказывания (1) посредством предиката *повлекли за собой* референты этих именных групп ставятся в причинно-следственную связь с референтом именной группы *усиление завоевательной политики*.

Компонент (4) прагматики релевантности обусловливает применение в пропозиции высказывания (1) именно такую последовательность именных групп, именующих предыдущие подтемы дискурса: *развитие рабовладельческого хозяйства, растущая потребность в иноземном сырье и в рабах, а также расширение внешней торговли*, поскольку в своей совокупности они представляют собой большую составляющую общей темы дискурса, обозначенной как *Развитие хозяйства. III и IV династии*.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что прагматика релевантности самым непосредственным образом обусловливает состав и характер когнитивно-семантических структур в актуальном дискурсе высказывания. Главным образом это касается пропозиционалного содержания высказывания и референциальных характеристик именных групп в его составе. При этом прагматика релевантности высказывания, открывающего тематический блок нарратива, существенно отличается от прагматики высказывания, продолжающего тему в данном нарративе, тем инициальном высказывании-шифтере содержится референциальный компонент – маркер смены темы.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 5–40.

2. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т. XXXII. Вып. I. С. 85–95.

3. Гусаренко С. В. Семантические потери в актуальном дискурсе как следствие энтропийных процессов // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. №45. С. 101–110.

4. Гусаренко С. В., Щербакова О. В. Прагматические пресуппозиции в суперструктуре и макроструктуре газетного издания // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: международая научно-практическая конференция 24–25 мая 2008 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. 272 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Дейк Т. А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988. С. 153–211.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал, 2004. 288 с.
8. Рахимова А. Л. К определению понятия речевой стратегии смены темы дискурса // Современная филология: теория и практика: Материалы XI международной научно-практической конференции, г. Москва, 3 апреля 2013 г. / Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». Москва: Спецкнига, 2013. С. 183–188.
9. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 419–438.
10. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 212–233.

References

1. Arutyunova N. D. Lingvisticheskie problemy referentsii (*Linguistic problems of a reference*) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike (*New in foreign linguistics*). Moscow: Progress, 1982. Issue 13. P. 5–40. (In Russian).
2. Arutyunova N. D. Ponyatie presuppozitsii v lingvistike (*Concept of a presuppozition in linguistics*) // Izvestiya AN SSSR. Series of Literature and Language.1973. Vol. XXXII. Issue I. P. 85–95. (In Russian).
3. Gusarenko S. V. Cemanticheskie poteri v aktual'nom diskurse kak sledstvie entropiinykh protsessov (*Semantic losses in actual discourse as a result of entropy processes)* // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. No. 45. P. 101–110. (In Russian).
4. Gusarenko S. V., Shcherbakova O. V. Pragmaticheskie presuppozitsii v superstrukture i makrostrukture gazetnogo izdaniya (*Pragmatical presupposition in superstructure and a macrostructure of the newspaper edition*) // Aktual'nye problemy teorii i metodologii nauki o yazyke (*Actual problems of theory and methodology of the science of language*). St. Peterburg.: LSU named after A. S. Pushkin, 2008. 272 p. (In Russian).
5. Deik T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya (*Language. Knowledge. Communication*). Moscow: Progress, 1989. 312 p. (In Russian).
6. Deik T. A. van. V. Kinch. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta (*Strategies of Discourse Comprehension*) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Kognitivnye aspekty yazyka. Issue XXIII. Moscow, 1988. P. 153–211. (In Russian).
7. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii) (*Statement and its correlation to reality (referential aspects of semantics of pronouns)*). Moscow: Editorial, 2004. 288 p. (In Russian).
8. Rakhimova A. L. K opredeleniyu ponyatiya rechevoi strategii smeny temy diskursa (*To definition of a concept of speech strategy of change of a subject of discourse*) // Sovremennaya filologiya: teoriya i praktika (*Modern Philology: Theory and Practice*): Proceedings of XI international scientific-practical conference, Moscow, April 3, 2013. Moscow: Spetskniga, 2013. P. 183–188. (In Russian).
9. Stolneiker R. S. Pragmatika (*Pragmatics*) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike (*New in foreign linguistics*). Issue 16: Lingvisticheskaya pragmatika. Moscow: Progress, 1985. P. 419–438. (In Russian).
10. Shperber D. Uilson D. Relevantnost' (*Relevance*) // Novoe v zarubezhnoi lingvistike (*New in foreign linguistics*). Issue 23: Kognitivnye aspekty yazyka. Moscow: Progress, 1988. P. 212–233. (In Russian).

УДК 801.7

И. В. Купреева

РЕЦЕПЦИЯ ЧЕХОВСКОЙ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИЕЙ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ[1]

В статье обосновывается необходимость идентификации современной драматургии как особого эстетического феномена, выступающего катализатором принципиального обновления в искусстве, с предшествующими литературными традициями. Рассматривается влияние художественного текста А. Чехова на театральную реальность XX века, в качестве основной причины постоянного обращения современного театра к наследию великого писателя называется эстетический полифонизм чеховской драмы (сопряжение драматического и эпического, доминанта реалистического письма, выработка принципов модернистской драмы, использование приемов искусства импрессионизма). Особое внимание уделяется рецепции – трансформации кода поэтики А. Чехова в отечественной «новой новой драме» рубежа XX–XXI веков на уровне смысловых доминант текста (тривиализация смерти как явления обыденности, ощущение угасания жизни, переходящее в призрачность бытия), организации психологического мира героев, становящихся носителями коллективного бессознательного, специфики конфликтных отношений, имеющих субстанциональный, открытый характер, жанровой обусловленности.

Ключевые слова: драматургия, новая драма рубежа XIX–XX вв., поэтика текста А. Чехова, «новая новая драма» рубежа XX–XXI вв., рецепция, установка на экспериментальность, трансгрессия.

I. V. Kupreeva

RECEPTION OF CHEKHOV'S TRADITION BY RUSSIAN DRAMA IN THE END XX – BEGINING XXI CENTURIES

Ther article substantiates the need for the identification of modern drama relative to the previous literary tradition as a special aesthetic phenomenon that is a catalyst for a fundamental renewal in the arts. The influence of a literary text by Anton Chekhov on the theatrical reality of the XX century is considered. Aesthetic polyphony of A. Chekhov's drama (drama and epic pairing, dominant realist writing, working out the principles of modernist drama, the use of art techniques of impressionism) is the main reason for continuous reference of contemporary theater to the heritage of the great writer. Special attention is paid to the reception – the transformation of A. Chekhov's poetics code in Russian «new new drama» abroad XX–XXI centuries at the level of semantic dominants of the text (the trivialization of death as a phenomenon of everyday life, a sense of extinction of life, turning into the illusory nature of existence), the organization of psychological world of the characters, becoming carriers of the collective unconscious, the specifics of conflict relations with the substantial, open character, genre conditionality.

Key words: drama, new drama abroad XIX–XX century, poetic text by Anton Chekhov, the «new new drama» abroad XX–XXI centuries, reception, experimental setting, transgression.

Явление «новая новая драма» (термин, применяемый для обозначения художественно многоликой постмодернистской драматургии рубежа XX–XXI вв. – *К. И.*) уже на протяжении двадцати лет вызывает в современном российском обществе широ-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-34-00034 «Истоки жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX–XXI вв.».

кий культурный резонанс. В среде критиков и литературоведов есть ярые сторонники, провозвестники и столь же непримиримые противники «новой новой драмы», что отражается на концептосфере ее изучения, отличающейся резкой полярностью оценочных и аксиологических категорий (см.: исследование понятийного аппарата рассматриваемого явления Е. А. Селютиной, который построен на основе анализа авторитетных критических работ А. Забалуева, В. Зензинова и Г. Заславского). Противоречивая оценка «новой новой драмы» по шкале «что такое хорошо и что такое плохо?» сопровождается неоднозначностью в осмыслении ее художественных достоинств: одна часть исследователей признает ее эстетическую самобытность и значимость, другая – склонна видеть в ней утрирование поэтических принципов драматургии начала XX века.

Однако трудно оспорить факт, что «новая новая драма» значительно вышла за пределы экспериментальных театральных студий, заняв совершенно особую культурную нишу. Так, В. Забалуев и А. Зензинов отмечают широкое влияния современной драматургии на культурное пространство, определенное выявлением ею возможностей принципиального обновления искусства в целом: «Современная российская новая драма – общекультурный, мультижанровый феномен. Зародившись в первой половине 90-х годов как партизанская попытка горстки молодых драматургов противостоять все умертвляющему театральному мейнстриму, новая драма превратилась в катализатор обновления и поиска в кинематографе, телевизионных жанрах, литературе, музыке, актуальном искусстве» [5]. Перепрограммирование современного эстетического пространства «новой новой драмой» требует всестороннего литературоведческого рассмотрения этого явления и, в первую очередь, – поиска художественных предшественников, попыток атрибутации с определенными литературными традициями, наиболее значимой из которых оказывается традиция драматургии А. Чехова.

Под знаком чеховской эстетики осуществляется развитие драматургической реальности на протяжении всего XX века. Причиной столь сильного влияния и постоянного «возвращения» к феномену чеховской драмы выступает ее объемный эстетический полифонизм. Оставаясь в границах реалистического мировосприятия и реалистической парадигмы художественности, Чехов преобразовывает классическую эстетику, участвуя в формировании модернистской новой драмы, обращая театр к эпическим началам творчества, а также используя приемы искусства импрессионизма. Так, О. К. Страшкова доказывая, что неоспоримыми ориентирами «новой драмы», обозначившими основные ее тенденции, были Чехов и Метерлинк отмечает: «В драмах Чехова гармонически сосуществуют традиции и новаторство, что составляет феномен «чеховская драма». Уже в самой первой из них «Пьесе без названия» наметились ведущие мотивы: идеализация прошлого; неудовлетворенность настоящим; иллюзорная надежда на будущее, связанная с мечтой об отъезде; неприятие пошлости существования и «строительство» этой пошлости; фразерство и бездеятельность; «надевание маски»: здесь на людях одно лицо, там внутри другое» [12, с. 409].

Исходя из исследований О. К. Страшковой, В. Е. Головчинер, О. В. Журчевой, Г. Я. Вербицкой, Л. Г. Тютеловой, можно выделить следующие определяющие черты драматургии А. П. Чехова, в свою очередь, давшие типологические стимулы развития «новой драмы» начала XX века и, во многом, определившие облик современной драматургии:

• придание реалистическому постижению действительности символического звучания;

• воссоздание состояния внутреннего «Я», психологического настроения, на которое направлены все художественные средства драматургической реальности (неизменно, это предощущение катастрофы, внутренне сдерживаемое героем отчаяние, усиливающееся по ходу развития действия);

• ослабление внешней событийности и акцентировка внутренней динамики действия, сосредоточенного на обнажении психологического конфликта героев без ярко выраженной кульминации;

• особая природа конфликта, определенная стремлением показать «механику отношений» личности с действительностью» [12], это непрямой конфликт героев друг с другом, но сопротивление каждой отдельной личности самой рутине-инерции жизни;

• выработка новой драматургической формы – драматического полифонизма (отмеченная Г. Я. Вербицкой вслед за M. Valency), который «отрицает общую единую фабулу и утверждает ее дискретность» [2];

• отсутствие главного действующего лица, равнозначность персонажей драмы как особый тип анропоцентризама, моделирующий жизнь в соответствии с «ансамблевым эффектом» в качестве события или сопричастия всех и каждого;

• особая «персонажная субстанция» – неоднозначный герой, который не определим ни в качестве положительного, ни в качестве отрицательного, близкий к персонажу дионисийского типа, становление его осуществляется в ходе развития действия [15, 16, 17];

• активизация первостепенной роли подтекста, приобретающего символически-обобщающее значение.

Особая специфика конфликта и героя, драматургический полифонизм и ансамблиевая организация персонажной реальности в пьесах Чехова закладывает основу новой драматургической традиции – эпического театра (по определению В. Е. Головчинер), под знаком которого осуществлялось дальнейшее развитие драматургии в XX–XXI веках, модернистской и постмодернистской драмы.

«Новая новая драма», определенная границами постмодернистской эстетики, в России осмысливается как возрождение искусственно прерванной традиции модернизма и авангарда. Безусловно, этот процесс нельзя квалифицировать как реконструкцию утраченных философско-эстетических ценностей. Возврат к модернизму через постмодернизм – это, прежде всего, свободная игра кодами поэтики модернизма, ее символами, титульными именами (например, многообразные ремейки литературных биографий в прозе и драматургии). Свободно-произвольное варьирование постмодернизма узнаваемыми, имеющими статус принадлежности к классической эстетике литературными реалиями приводит, порой, к гротескной гипертрофии, материально-телесным снижениям (пьеса-ремейк биографии Чехова В. Климачека «Чехов-боксер»). Новая драма рубежа XIX–XX вв., безусловно, становится объектом переосмысления в современной «новой новой драме», с ее установкой на эксперимент и новые, трансгрессивные, представления о самой сущности организации пьесы. Трансгрессия предполагает взаимопересечение и взаимопереходность различных, порой антитетичных текстуально-смысловых элементов драмы, что вскрывает их гомогенность. Традиционное и инновационное, высокое и низкое, комическое и трагическое, цитация и авторский текст, реальное и виртуальное, карнавальное, ритуальное и обыденное органически сопрягаются в пределах одной пьесы с целью достижения принципиальной поэтической новизны [9, с. 87]. Важно подчеркнуть, что трансгрессивные практики не фрагментарно затрагивают область содержания или формы, но трансформируют жанровую организацию современной пьесы, все более тяготеющей к жанровому синтезу в пределах такой глобальной категории современной драматургической поэтики, как метажанр [5, 7, 9].

Обращение к чеховской эстетике как к классическому наследию осуществляется современным театром не только опосредованно – через развитие-трансформацию формально-смысловых компонентов новой драмы XIX–XX вв. и традиций эпического театра, – но и непосредственно – через варьирование элементами драматургического текста писателя и фактами его биографии. Проявление масштаба и силы влияния Чехова на современное культурное пространство особенно показательно и интересно в многочисленных опытах создания ремейков биографии драматурга. Так, О. Ю. Багдасарян, выявляя типологические черты современных драматических ремейков, пишет: «В Центральной Европе творчество Чехова осознается как эстетический феномен, продолжающий обогащать «принимающую культуру». На родине А. П. Чехова его авторитетность подтверждается количеством театральных постановок, адаптаций, неугасающим научным интересом к творчеству писателя и вниманием современной литературы к текстам и личности классика. В современной литературе одной из заметных тенденций в работе авторов с классикой стал драматический «ремейк биографии»» [1, с. 72]. Новое жанровое образование отличает акцентируемое скрещивание документального (факты, зафиксированные биографами,

воспоминания современников, письма и т.д.) и фикционального (условно-игрового, «чистого вымысла автора»). При этом, как доказывает исследователь, пьесы-биографии имеют своей целью не столько пересоздание прошлого, некую игру по «перекраиванию» реальности, сколько связывание прошлого и настоящего, встраивание «сегодня» в определенный культурно-исторический контекст. То есть, обращение к Чехову, его тексту, метатексту и биографии выступает для современного автора, часто возможно, неосознанно, вопросом художественной самоидентификации.

Подтверждение этой мысли мы находим и в исследовании Н. Муратовой: «Понятие современной драмы включает и разнородную по составу, но довольно однообразную по стилю новую драму (в целях предупреждения терминологической путаницы целесообразно художественные воплощения современного театрального искусства номинировать «новой новой драмой) и парадоксальным образом оказавшуюся на периферии театрального процесса авангардную драму. При этом рефлексия чеховской драматургии молодыми модными авторами – главное условие их вписанности в актуальное художественное пространство» [10]. Массовая апелляция современных авторов к классическому литературному наследию с целью определения специфики собственного творческого «Я» служит свидетельством необходимости соотнесения «новой новой драмы»с культурно-историческими и эстетическими традициями.

Внимательное сопоставление драматургии Чехова и драматургических опытов современного постмодернизма дает основание для выделения типологических схождений между этими явлениями как на уровне смыслосодержания, так и на уровне формопорождения. Обратимся к смысловым узлам сопоставления. Наиболее убедительно преемственность «новой новой драмы» от театра Чехова обнаруживается в точке осмысления-представления категории смерти. Категория смерти является доминантой практики и теории искусства эпохи постмодерн, более того, ей отведено значение миромоделирующего метаобраза [8, с. 305]. Предвосхищение специфического осмысления феномена неумолимой, тотальной смерти как физиологически-культурного символа уходящей жизни, культуры, цивилизации в «предпостмодернистской» и постмодернистской драме Вен. Ерофеева, Н. Садур, братьев Дурненковых, В. Калитвянского, С. Кирова уже содержится в драматургии Чехова. Важно отметить, что тотальная смерть в постмодернизме за счет гротескных снижений зачастую лишается экзистенциальной модернистской глубины и становится фактом тривиальности, пошлости существования. У Чехова, как и у постмодернистов «смерть героя неприметна на фоне вечной обыденности». О. К. Страшкова, указывая на факт отсутствия в чеховской пьесе кульминации, призванной изменить ход событий, пишет: «Даже выстрел – знак смерти, завершения борьбы с судьбой, собой или окружающими, – не меняет течения жизни и сценографии чеховской драмы» [12, с. 402]. Так, в пьесе «Без названия» убийство Платонова не вызывает ощущение катастрофы; смерть Анны Петровны где-то во внесценическом пространстве, не затронула ни одной души в «Иванове»; о самоубийстве Треплева сообщается шепотом, чтобы не потревожить покоя Аркадиной; известие о неожиданной гибели Тузенбаха сопровождается гротескно снижающей репликой Чебутыкина «Тара… ра…бумбия… сижу на тумбе… (Читает газету.) Все равно! Все равно!» [18, с. 567].

При этом чеховский герой постоянно ощущает призрачность действительности и свою незакрепленность (незащищенность) в ней: его пространство и время носят ускользающий характер – ни идеализированное прошлое-будущее, ни тяготящее настоящее не дают ему прочного основания для жизни. Метафорой-выражением бытия чеховского героя могут служить мягкие часы Сальвадора Дали, лейтмотивом этого бытия выступает угасание-выветривание жизни. Символичны слова Войницкого, словно пропитанные топосом смерти: «Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну» [18, с. 471].

Диалогическая ткань пьес Чехова наглядно демонстрирует ведущее настроение его драмы – сожаление об ушедшей жизни. Знаковой в этом отношении выступает пьеса «Три сестры», в первом акте которой уже жестко обозначены временные координаты прошлого как ценностной доминанты. Встреча сестер Прозоровых с подполковником Вершиненым проникнута горечью воспоминания о смерти родителей и осознанием бренности собственной еще молодой жизни (не случайно именины Ирины совпадают с датой похорон отца): «*Вершинин.* Я вашу матушку знал… *Ирина.* Мама в Москве погребена. *Ольга.* В Ново-Девичьем. *Маша.* Представьте, я уж начинаю забывать ее лицо. Так и о нас не будут помнить. Забудут» [18, с. 513]. В драме «Три сестры» большую философскую нагрузку имеет архетипическая подкладка действия, реализованная в функционировании мотива масленицы, служащего демонстрацией нарушения естественного движения жизни, на что очень точно указывает В. В. Кондратьева [6]. Масленичные карнавальные гуляния, с одной стороны, являлись частью обряда поминания умерших предков, с другой стороны,– символизировали торжество жизни, ее вечное обновление. «Образ ряженых становится ключевым не только для второго акта пьесы, но и для всего произведения», – отмечает Г. И. Тамарли [13]. Предзнаменованием неосуществимости надежд сестер на преобразование тяготящей их, «отмершей», жизни служит нарушение хода масленичного гуляния: ряженых не пускают в дом, гости, собравшиеся на праздничный ужин, в недоумении расходятся, на традиционные масленичные катания Наталья едет не с мужем, а с будущим любовником. «Нарушается естественный ход жизни: за смертью неизбежно должно следовать рождение, но последнее значимое событие в «Трех сестрах» – это известие о смерти Тузнебаха. Смерть сменяется смертью. Круг замыкается (I,IV акт). Но все же в четвертом акте, как и в первом, происходит совмещение двух противостоящих в сознании людей обрядов: думают о венчании, в котором потенциально заложена идея рождения, а предстоят похороны» – заключает В. В. Кондратьева [6]. Аналогичный драматургический ход, демонстрирующий нарушение хода жизни и торжество смерти, мы находим и в пьесе «Дядя Ваня». Также как и в «Трех сестрах», конец второго акта служит демонстрацией неосуществимости надежд героев на преобразование жизни (здесь осуществимость счастья во взаимной любви): эгоистический каприз больного Серебрякова не дает прозвучать музыке молодой жизни Елены Андреевны и Сони: «*Елена Андреевна.* Мне хочется играть… Я сыграла бы теперь что-нибудь. *Соня.* Сыграй. (Обнимает ее). Я не могу спать… Сыграй! *Елена Андреевна*… Твой отец не спит. Когда он болен его раздражает музыка. Поди спроси… *Соня (вернувшись)*. Нельзя» [18, с. 481].

Драма постмодернизма, активно осмысливающая предшествующую театральную традицию, попадающую в поле ее эстетической игры, гиперболизировано, гротескно заостряет смысловые коды чеховской поэтики. Смерть как факт тривиальности существования-жизни у Чехова преобразовывается в тотальное торжество смерти над жизнью. Современный герой и читатель сразу помещаются в фантасмагорическое пространство смерти, лишь «мимикрирующей» жизнь (как в пьесе – предшественнице постмодернизма Вен. Ерофеева «Вальпургиева ночь или Шаги Командора» или в пьесах ново-новодрамовцев Виктора Калитвянского «Возчик», Ивана Вырыпаева «Кислород»). Непреходящее ощущение угасания жизни у чеховского героя, живущего и надеющегося жить счастливо, трансформируется в призрачность бытия героя постмодернистской драмы. Последний выступает персонажем некоего переходного мифологического пространства между жизнью и смертью, неожиданно оказывающегося областью коллективного бессознательного (драмы Нины Садур: «Чудная баба», «Лунные волки). Осмысление этого условного коллективного бессознательного человечества становится замещением тонкого детализированного психологизма новой драмы и пьес Чехова.

На уровне формопорождения «новая новая драма» наследует чеховский принцип монтажной, дискретной сцепки событий драматургического действия, на что указала Г. Я. Вербицкая. Исследование принципа монтажности оказалось необходимо для осознания феномена нового художественного мышления и эстетического видения драматургов

рубежного времени (XIX–XX и XX–XXI вв.), которое заключается в субстанциональном типе драматического конфликта; в новом внутреннем действии («второй план», подтекст, «подводное течение»); в новом источнике драматизма (драматизм повседневности, обыденности); в усилении значения детали в характеристике драматического персонажа; в увеличении роли случая в сюжетосложении современной отечественной драматургии, – отмечает исследователь.

Монтажность отчетливо прослеживается у представителей современной драматургии в концепции «открытой формы», которая отказывается от разрешения конфликта, носящего субстанциональный характер и неразрешимого в пределах одного драматического высказывания. Границы одной пьесы или театральной постановки оказываются слишком узкими для окончательного осмысления экзистенциальной проблематики рубежных эпох, характеризуемых трагическими метафизическими, гносеологическими, духовными и социальными сломами. Конфликтные отношения человека с самим собой и агрессивным социо- и мироустройством транслируются за рамки произведения. Это открывает свободу субъективной интерпретации художественного смысла, создается ощущение того, что судьба человека открыта его воле, предполагает драматическую активность и личностный поступок, однако непреодолимый трагический фатум, свойственный драматургии Чехова и обессмысливающий сопротивление его героев механизму, инерции существования, распространяется и на персонажей современной драмы.

Открытая форма конфликта выступает традиционным приемом драматургии Н. Коляды, активно осмысливающего чеховскую эстетику и выступающего на сегодняшний день законодателем самобытной драматургической школы. Коляда отказывается от однозначной оценки положения своего мучающегося героя в мире, не соглашается с его перманентным страданием и либо посредством феномена метафизического чуда разрубает узел конфликтных противоречий («…Нелюдимо наше море…» или Корабль дураков»), либо посредством вынесения конфликта в координаты вечности, когда смерть героя выступает не итогом-возмездием, но освобождением героя, долгожданным промыслом Божьим («Сказка о мертвой царевне», «Откуда – Куда – Зачем», «Чайка спела»).

Тяготеет «новая новая драма» и к воплощению чеховского типа героя, неопределяемого однозначно, многогранного, становление которого осуществляется в ходе развития драматического действия. Этот герой не просто социальный, но главное, – ментальный маргинал, что проявляется на уровне фрагментарности внутреннего облика персонажей современной драмы, отрицающих общепринятую систему ценностей, поведенческих установок, сомневающихся в истинности окружающего мира и самого себя, но при этом пытающихся «на ощупь» почувствовать собственную самостийности. Персонажей пьес «новой волны» Н. Садур, Н. Коляды и новодрамовцев В. Сигарева, И. Вырыпаева, братьев Дурненковых, братьев Пресняковых, В. Калитвянского можно определить в качестве людей «порогового сознания», когда благодаря «телесности» драматического текста маргинальные и неприкаянные герои современной драматургии вписываются в культурную традицию, либо выламываются из нее.

Итак, можно отметить ярко выраженную преемственность драматургии Чехова, модернистской и постмодернистской драмы, что находит отражение не только в активном обращении современных драматургов к текстам, биографии, титульным именам предшествующей литературной традиции с целью самоидентификации, но в типе героя и в самих принципах организации текста, как на содержательно-семантическом уровне (концепты смерти, ускользающего бытия, иллюзорности существования, тривиализации жизни и смерти), так и на уровне формосодержания (экзистенциальная природа конфликта, открытая драматургическая форма, монтажность, жанровый синтез). Важно понимать, что типологическая близость эстетики драматургического мира А. Чехова и опытов новодрамовцев располагается в плоскости художественного эксперимента и гипертрофических искажений.

Литература

1. Багдасарян О. Ю. Чехов XXI века: пересоздание драматургии классика в современной драматургии России и Словакии // Уральский филологический вестник. 2015. №2. С. 71–83.

2. Вербицкая Г. Я. Отечественная драматургия 70–90-х годов XX века в контексте чеховской поэтики: дис… канд. искусствоведения. М., 2008. 173 с.
3. Головчинер В. М. Эпическая драма в русской литературе XX века: дис… док. филол. наук Томск, 1995. 263 с.
4. Журчева О. В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века URL: http://www.uamconsult.com/book_806.html (Дата обращения: 28.03.2015).
5. Забалуев В., Зензинов А. Новая драма: практика свободы // Новый мир. 2008. №4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/4/za14.html (Дата обращения:10. 03. 2016).
6. Кондратьева В. В., Ларионова М. Ч. Художественное пространство в пьесах А. П. Чехова: мифопоэтические модели. Ростов-на-Дону, 2012. URL: http://gostinaya.net/press/wp-content/uploads/books/Prostranstvo-Chekhova.pdf (Дата обращения: 14. 05. 2016).
7. Липовецкий М. Н. Перформансы насилия: «новая драма» и границы литературоведения // Новое литературное обозрение, 2008, № 89. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/li12.html (Дата обращения: 29.06.2016).
8. Липовецкий М. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1997. 317 с.
9. Макаров А. В. «Новая драма»: поиск литературоведческой оптики для описания метатеатральных экспериментов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №6. С. 85–89.
10. Муратова Н. «Я – Чехов… нет, не то»: к вопросу о самоидентификации автора в современной драматургии (Творчество Н. Коляды) // Интерпретация и авангард: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. И. Е. Лощилова. Новосибирск, 2008. URL: http://raspopin.den-za-dnem.ru/files/0810041223103419.doc (Дата обращения: 8.12.2015).
11. Селютина Е. А. Манифестация принципов «новой драмы»: формирование концептосферы современной российской драматургии в ее критических обзорах (на материале статей В. Забалуева, А. Зензинова) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2013. №1. С. 81–86.
12. Страшкова О. К. «Новая драма» как артефакт серебряного века. Ставрополь: СГУ, 2006. 567 с.
13. Тамарли Г. И. Поэтика драматургии А. А. Чехова (от склада души к типу творчества). Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова, 2012. URL: http://litved.com/docs/Tamarli_Poetika_dramaturgii_Chekhova.pdf (Дата обращения: 23.04.2016).
14. Тютелова Л. Г. Герой «новой новой драмы» как «герой времени» // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №4. С. 218–223.
15. Тютелова Л. Г. Герой пьес Чехова, Горького, Андреева: спор о человеке в русской «новой драме» // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №2. С.161–168.
16. Тютелова Л. Г. Человек, пространство и время в русской «новой драме» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 234–237.
17. Фаткуллина Ю. М., Комаров С. А. Герой демонического типа в комедии А. П. Чехова «Иванов» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. №1. С. 184–191.
18. Чехов А. П. Собрание сочинение в 3-х томах. Т.3. М.: Художественная литература, 1964. 586 с.

References

1. Bagdasarjan O. Yu. Chehov XXI veka: peresozdanie dramaturgii klassika v sovremennoj dramaturgii Rossii i Slovakii (*Chekhov XXI century: the recreating the classic drama in modern drama Russia and Slovakia*) // Ural'skij filologicheskij vestnik. 2015. No.2. P. 71–83. (In Russian).
2. Verbickaja G. Ja. Otechestvennaja dramaturgija 70–90-h godov XX veka v kontekste chehovskoj pojetiki (*Native drama in 70–90-ies of XX century in the context of Chekhov's poetics*): thesis. Moscow, 2008. 173 p. (In Russian).
3. Golovchiner V. M. Jepicheskaja drama v russkoj literature XX veka (*The epic drama in the Russian literature of the twentieth century*): thesis. Tomsk, 1995. 263 p. (In Russian).
4. Zhurcheva O. V. Zhanrovye i stilevye tendencii v dramaturgii XX veka (*Genre and stylistic trends in the drama of the XX century*) URL: http://www.uamconsult.com/book_806.html (Accessed: 28.03.2015). (In Russian).
5. Zabaluev V., Zenzinov A. Novaja drama: praktika svobody (*New drama: the practice of freedom*) // Novyj mir. 2008. No. 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/4/za14.html (Accessed: 10. 03. 2016). (In Russian).
6. Kondrat'eva V. V., Larionova M. Ch. Hudozhestvennoe prostranstvo v p'esah A. P. Chehova: mifopojeticheskie modeli (*Art space in the A.P. Chekhov's plays: mythopoetical model*). Rostov-na-Donu, 2012. URL: http://gostinaya.net/press/wp-content/uploads/books/Prostranstvo-Chekhova.pdf (Accessed: 14. 05. 2016). (In Russian).
7. Lipoveckij M. N. Performansy nasilija: «novaja drama» i granicy literaturovedenija (*Performances of violence, «a new drama» and the boundaries of literature studies*) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. No. 89. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/li12.html (Accessed: 29.06.2016). (In Russian).
8. Lipoveckij M. Russkij postmodernizm. Ocherki istoricheskoj pojetiki (*Russian postmodernism. Essays on Historical Poetics*). Ekaterinburg: UGPU, 1997. 317 p. (In Russian).

9. Makarov A. V. «Novaja drama»: poisk literaturovedcheskoj optiki dlja opisanija metateatral'nyh jeksperimentov (*«New Drama»: search for literary optics for describing experiments metatheatrical*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. No. 6. P. 85–89. (In Russian).
10. Muratova N. «Ja – Chehov… net, ne to»: k voprosu o samoidentifikacii avtora v sovremennoj dramaturgii (Tvorchestvo N. Koljady) (*«I – Chekhov ... no, not»: revisited the identity of the author of the subject in modern drama (N. Kolyada Creativity)* // Interpretacija i avangard (*Interpretation and advance-guard*) / ed by I. E. Loshhilov. URL: http://raspopin.den-za-dnem.ru/files/0810041223103419.doc (Accessed: 8. 12. 2015). (In Russian).
11. Seljutina E. A. Manifestacija principov «novoj dramy»: formirovanie konceptosfery sovremennoj rossijskoj dramaturgii v ee kriticheskih obzorah (na materiale statej V. Zabalueva, A. Zenzinova) (*The manifestation of the principles of the «new drama»: formation conceptual sphere modern Russian drama in her critical reviews (based on articles of V. Zabaluev, A. Zenzinov*) // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2013. No. 1. P. 81–86. (In Russian).
12. Strashkova O. K. «Novaja drama» kak artefakt serebrjanogo veka (*«New Drama» as an artifact of the Silver Age*). Stavropol': SSU, 2006. 567 p. (In Russian).
13. Tamarli G. I. Pojetika dramaturgii A. A. Chehova (ot sklada dushi k tipu tvorchestva) (*Poetics of A. Chekhov's drama (from the warehouse of the soul to the creative type)*. Taganrog: TSPI named after A. P. Chehov», 2012. URL: http://litved.com/docs/Tamarli_Poetika_dramaturgii_Chekhova.pdf (Accessed: 23. 04. 2016). (In Russian).
14. Tjutelova L. G. Geroj «novoj novoj dramy» kak «geroj vremeni» (*The hero of the «new new drama» as «time hero»*) // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 4. P. 218–223.
15. Tjutelova L. G. Geroj p'es Chehova, Gor'kogo, Andreeva: spor o cheloveke v russkoj «novoj drame» (*Hero plays of Chekhov, Gorky, Andreev: dispute about the person in the Russian «new drama»*) // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No.2. P. 161–168.
16. Tjutelova L. G. Chelovek, prostranstvo i vremja v russkoj «novoj drame» (*Man, Space and time in Russian «new drama»*) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. No. 3. P. 234–237.
17. Fatkullina Yu. M., Komarov S. A. Geroj demonicheskogo tipa v komedii A.P. Chehova «Ivanov» (*Hero of demonic type in A. P. Chekhov's comedy «Ivanov»*) // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates. 2013. No. 1. P. 184–191.
18. Chehov A. P. Sobranie sochinenie (*Collected edition*). In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1964. 586 p.

УДК 81’373.2

Е. А. Луговая, Д. Б. Луговой

ОРИГИНАЛ И ЕГО ПЕРЕВОДНЫЕ ВЕРСИИ КАК ЕДИНОЕ ГИПЕРТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖАНРА «FANTASY»

Статья посвящена исследованию романов Дж. Р. Р. Толкиена, К. С. Льюиса и У. ле Гуин в исходном тексте и его русскоязычных переводах как единого дискурсивного пространства, выступающего как гипертекст. Это позволяет структурировать все имена собственные на основе полевого подхода, выделяя топонимикон исследуемых произведений в качестве ядра, а остальные имена собственные как ближнюю и дальнюю периферию. Ономастикон пространства жанра “fantasy” обладает смыслопорождающим и текстообразующим потенциалом, в парадигме «оним – ономастикон – гипертекст» имена собственные квалифицируются как элементы виртуальной картины мира, функционирующие в текстах и способные выражать эстетическую сущность.

Ключевые слова: жанр “fantasy”, мифопоэтическая система, гипертекст, ядро, периферия, оригинал, перевод.

E. A. Lugovaya, D. B. Lugovoy

THE ORIGINAL AND TRANSLATED VERSIONS AS A WHOLE HYPERTEXT SPACE IN THE WORKS OF FANTASY GENRE

The article investigates J. R. R. Tolken, C. S. Lewis and U. Le Guin’s novels in the original and Russian translations as a whole discourse space forming hypertext. It may be of great importance in organization of all fantasy proper names on the basis of field approach and points out toponyms as the core of this structure, and the rest of the names as near-and far-periphery. Space onomasticon of fantasy genre has meaning and text-forming potential in the paradigm Proper name – onomasticon – hypertext onyms are classified as the items in the virtual picture of the world, functioning in the texts and is able to express the aesthetic essence.

Key words: fantasy genre, mythopoethic system, hypertext, core, periphery, original text, Russian translations.

Современная теория перевода отличается многоаспектностью и сложностью рассматриваемых вопросов, предметом исследования становится проблема передачи смысла как сущностного признака текста [8], как объекта переводческой интерпретации [1; 4] и другие аспекты. Принципиально новый взгляд на проблему исследования художественного перевода предлагает в своих работах С. В. Серебрякова. По мнению исследователя, «перевод текста выступает при этом не только как акт и продукт межъязыковой и межкультурной коммуникации, но и как отсроченное во времени и пространстве творческое взаимодействие – через текст как совокупность коннотирующих смыслов – автора оригинала и переводчика как языковых личностей своей культурно-исторической эпохи на уровне их индивидуальных когнитивных систем» [10, с. 49].

При изучении текста оригинала нужно учитывать все его переводные версии как «целостное переводческое дискурсивное пространство большой объяснительной силы, позволяющее бесконечно приближаться к замыслу творца» [10, с. 49].

Согласно концепции Л. В. Кушниной, «переводческое пространство как абстрактный моделируемый конструкт представляет собой сложное гетерогенное образование, протяженное во времени и пространстве,

которое формируется вокруг содержания текста оригинала, включает содержание текста перевода, представляя собой полевую структуру нелинейной конфигурации, динамическую по своему характеру, способную претерпевать изменения при повторном / многократном переводе оригинала. Субъекты переводческого процесса (автор, переводчик и реципиент) и интерпретируемые ими тексты находятся в постоянном взаимодействии, результатом которого является генерирование новых оттенков смыслов в живом континууме языка и культуры» [5, с. 41].

Автор считает переводческое пространство условной кодовой системой, позволяющей представить процесс перевода не как совокупность фрагментарных переводческих операций, а как открытую динамическую саморазвивающуюся систему транспонирования смыслов текста оригинала – как универсальных, так и единичных – в смыслы переводного текста [5, с. 38–39].

Вслед за С. В. Серебряковой и Л. В. Кушниной, мы рассматриваем произведения жанра «fantasy» и их переводные версии как единое гипертекстовое пространство, которое должно соответствовать таким характеристикам, как:

– единый жанр исследуемых произведений;
– виртуальность мира;
– интертекстуальность;
– когезия текстовых структур;
– когерентность.

На этом основании мы утверждаем, что произведения «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена, «Волшебник Земноморья» У. ле Гуин и «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса, концентрируя культурно-историческую, этническую, лингвокультурологическую информацию, могут быть исследованы как единое гипертекстовое пространство, поскольку каждое из них обладает одинаковой структурно-семантической и жанровой наполненностью, а также опирается на мифологическую базу, позволяющую вычленять во всех текстах этого жанра аллюзии и прецедентные феномены. Выбор именно этих авторов объясняется не только общностью мировоззренческих установок (К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкиен являлись близкими друзьями и наиболее значимыми представителями Оксфордской литературной группы «Инклингов», оба увлекались христианской антропологетикой, серьезно исследовали мифологию, а У. ле Гуин считает себя ученицей Дж. Р. Р. Толкиена), но и значительным влиянием мифологических сюжетов и образов на их творчество.

Мифопоэтическая система К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкиена и У. ле Гуин во многом опирается на кельтскую мифологию, наиболее созвучную лингвокультуре авторов. Миф ощутим на всех уровнях эпопей «Хроники Нарнии», «Властелин Колец» и цикла о Земноморье. На уровне сюжета использован древнейший образец путешествия-поиска (quest).

Единое гипертекстовое пространство произведений «fantasy» может быть также структурировано при помощи полевого подхода. Термин «поле» очень востребован современным языкознанием. Для А. А. Реформатского «лексическое поле – это не область разнородных понятий, а сектор лексики, объединенный отношениями параллелизма (синонимы), контраста (антонимы) и сопутствия (метонимические и синекдохические связи слов), а главное – различного рода противопоставлениями. Только в пределах лексического поля слово может получить значимость» [9, с. 147].

Мы утверждаем, что именно ономастикон произведений «fantasy» как маркер языковой личности автора и переводчика выступает структурным элементом при организации полевого подхода, поскольку в гуманитарных исследованиях за именем собственным устойчиво закрепилось понимание его как сложного знака, обладающего множеством интерпретации и способного создавать виртуальные миры в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена, К. С. Льюиса и У. ле Гуин. Систему имен собственных можно рассматривать как элемент языковой картины мира, имеющий свою собственную внутреннюю организацию, обусловленную во многом спецификой отражаемого объекта. По мнению Н. Ф. Алефиренко, «пространственно-образное мышление, порождая внутреннюю форму знака непрямой номинации, формирует его экпрессивно-образное значение. Пространственно-образной когниции свойственно целостное восприятие. В результате возникает некий концепт, представляющий в нашем сознании образ того фрагмента действительности, который объективируется знаком непрямой номинации» [2, с. 48].

По своему предназначению онимы являются неотъемлемым компонентом семантико-стилистической системы словоупотребления автора. Они органично и мотивированно вливаются в систему языковых средств художественного текста, участвуют в создании общей образности произведения, входят в состав словаря автора как важный показатель его стиля. Именно они организуют особое семантическое пространство текста, являются его необходимыми атрибутами, выполняя текстообразующую функцию, что можно рассмотреть на примере ключевых имен собственных произведений жанра «fantasy».

Имена собственные в произведениях жанра «fantasy» являются одним из связующих звеньев между автором, текстом и внетекстовой реальностью, которая структурирует гипертекстовое пространство, что позволяет соотносить действительность, изображенную в произведениях Дж. Р. Толкиена, К. С. Льюиса и У. ле Гуин, с объективно существующим пространственно-временным континуумом. При этом изображенная реальность имеет многие сходные черты с действительностью, в которой живут авторы. Иными словами, имена собственные в анализируемых текстах – неотъемлемая часть индивидуально-авторской картины мира Дж. Р. Толкиена, К. С. Льюиса и У. ле Гуин, представляющая значительный лингвокультурный и переводческий интерес.

Деление ономастикона на более частные зоны (поля) можно объяснить принципом дискретности. Итак, в центре ономастического поля оказывается незначительное по объему входящих в него конституентов ядро. Ядерные конституенты наиболее специализированы для выполнения функций поля, они систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, кроме того – наиболее частотны по сравнению с другими конституентами и обязательны для поля. Речежанровая специфика исследуемых нами текстов определяет пространственные ориентиры как некую доминантную идею «fantasy», причем индивидуально-авторская картина мира ставит в центр исследования географические имена собственные.

Элементы, содержащиеся в топониме, помимо его основной денотативной информации, связаны с психологическими и социальными факторами, определяющими процесс человеческого общения, познания окружающего мира. На наш взгляд, центральную область ядра занимают хоронимы как имена, называющие определенную область заселения: в нашем случае это *Middle-earth*, *Narnia, Earth-Sea* и все их переводные версии, поскольку именно эти пространственные ориентиры – это «мифическая поверхность, окружающая его героев, которая соучаствует в развитии действия, наполняется сверхъестественными явлениями, на ней и в ней разворачиваются события, осознаваемые в ретроспекции как история Европы и Азии» [6, с. 58].

Толкин назвал свой выдуманный мир *Middle-earth (Средиземье)*, в то время как ле Гуин создает *Earthsea (Земноморье)*. Общий компонент *Earth* выступает в роли некой доминантной идеи, связующей лексемы, позволяющей рассматривать эти произведения как гипертекст.

Согласно данным «Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языков» М. М. Маковского, Earth («земля»): «В древности существовал следующий обычай: человек падал на землю лицом вперед и захватывал ртом землю (ср. мать-земля), которую затем съедал. Ср. в связи с этим английское earth «земля», но осетинское ard «клятва», но также др.-сев. *uerðr*, греческое *ἑορτη* «еда, съедаемая жертва, сакральное действие, во время которого съедается животное или предмет, принесенные в жертву», др.-индийское *ráti-* «приносить в жертву», др.-инд. *ret-* «мужское семя» (предмет жертвоприношения), лат. *ritus* «священный обычай, ритуал», а также лат. *letum* «смерть». Ср. также гот. *raþio* «число» (символ Вселенной) и лат. *ratio* «(Мировой) разум». С другой стороны, земля как олицетворение всего тленного, преходящего (ср. гот. *ga-leiþan* «двигаться») соотносится с понятием смерти: авест. *ræθ* «смерть» [7, с. 125].

Следовательно, выбирая своим пространственным ориентирам названия с корнем *Earth*, авторы-создатели Вторичных миров сознательно или бессознательно поместили героев в местность, семантически реализуемой рядом: `земля ` – `клятва ` – `жертва ` – `страх` – `ритуал` – `смерть` – `движение`. Примечательно, что и Толкин, и ле Гуин не говорят о смерти Фродо Торбинса и Геда, а отправляют их в путь, который находится за Пределами осязаемого мира, что, в целом, не противоречит символике лексемы *Earth*.

Подтверждая тезис о принципиальном единстве «автора оригинала и переводчика как языковых личностей своей культурно-исторической эпохи на уровне их индивидуальных когнитивных систем» [10, с. 49], мы хотим отметить, что имя собственное несет значимую текстовую и смыслопорождающую информацию и в переводе: топоним *Middle-earth* практически во всех русских переводах трансформируется в Средиземье (переводы Д. Афиногенова, В. Волковского, 2000, Н. Григорьевой, В. Грушецкого, 1999, А. Муравьева и В. Кистяковского, 1997), что, на наш взгляд, происходит под влиянием самого Дж. Р. Р. Толкина, оставившего «Руководство по переводу имен собственных из «Властелина Колец»», где он писал, что географическое название *Middle-earth* – «значение этого названия «земли, населенные (эльфами и) людьми», которые лежат между Западным морем и Далеким востоком. *Middle-earth* – это измененное средневековое *middel-erde*, происходящее от древнеанглийского *middan-geard*. В голландском и шведском переводах совершенно правильно использовано старое мифологическое название, приспособленное к современным языкам: голландское *Midden-aarde* и шведское *Mid-gård*» [12, с. 278].

Урсула ле Гуин не оставила никаких комментариев для переводчиков, и, хотя вымышленный ею мир в русском переводе значится как Земноморье, существует несколько вариантов перевода названия романа “*A Wizard of Earthsea*”. Это и «Волшебник Земноморья» (перевод И. Тогоевой, 1992), и «Маг Земноморья» (перевод Е. В. Жаринова, 1991), и «Колдун архипелага» (перевод Ю. Никитина, 1991), и «Волшебник с архипелага Эртси» (перевод С. Славгородского, 1969). Как мы видим, только самый ранний вариант перевода – это транслитерация оригинального названия, остальные авторы вторичного текста используют буквальный перевод.

Далее следуют остальные топонимы, несущие символическую функцию в произведениях fantasy. Данный подход вносит определенную ясность в интерпретацию семантического потенциала имени собственного: лексическое значение онима складывается из денотативного, сигнификативного и структурного типов отношений или в виде соотношения предметно-понятийного ядра (интенсионала) и смысловой периферии (импликационала), комплекса предметно-образных связей и отношений, где объективируется вероятностная структура обозначаемого фрагмента действительности, соотносимого также с экстралингвистическим фоном [2]. При этом имена собственные как тип языковых знаков осуществляют номинативную функцию, общую с другими единицами языка, но выполняют ее по-особому: знаковая функция у онимов совмещается не только с рациональной, но и с эмоциональной оценкой, что роднит их с экспрессивно окрашенной лексикой и является существенным для выполнения ими знаковой функции.

Рядом с ядром находится околоядерное пространство. Околоядерное пространство образует антропонимы, что связано с их более низкой частотностью, специфической стилистической окрашенностью и ослабленной деривационной активностью [11, с. 12]. При этом околоядерные элементы могут выполнять те же функции, что и ядерные, демонстрируя антропоподобность.

Периферия имеет зональную структуру: ней выделяют ближнюю, дальнюю и крайнюю зоны. Она включает в свой состав другие менее значительные по объему разряды онимов, характеризующиеся структурно-семантическим разнообразием и обладающие чертами апеллятивно-онимического пограничья (сюда мы отнесли антропоподобную совокупность (АС), под которой понимаем названия всех вымышленных персонажей произведений fantasy), что можно изобразить в виде следующей схемы (Схема 1):

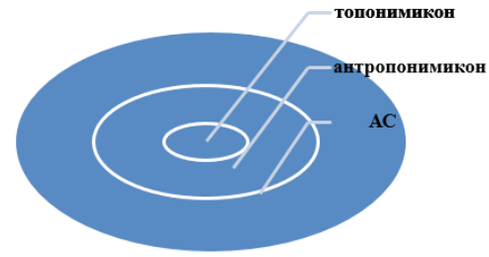

Схема 1. Полевая структура ономастикона как гипертекста

Таким образом, оригинал произведений жанра и его переводные версии как единое текстовое пространство объединяются на основании таких характеристик, как единый жанр, интертекстуальность, виртуальность мира, когезия, когерентность, а также может

быть представлен как полевая структура с топонимиконом исследуемых произведений в качестве ядра. К. С. Льюис, Дж. Р. Р. Толкиен и У. ле Гуин осознают историю человечества и создают свои мифологические модели, используя знания мировой истории и культуры.

Литература

1. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №.1(7). С. 45–51.
2. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
3. Кириллов А. Г. Интертекстуально-гипертекстуальный характер политического нарратива // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 15 марта 2010. Самара: [б.и.], 2010. С. 54–58.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. С. 43–46.
5. Кушнина Л. В. Языки и культуры в переводческом пространстве. Пермь: ПГУ, 2004. 163 с.
6. Луговая Е. А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпопеи Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец») : дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 177 с.
7. Маковский М. М. Символы жизни и жизнь символов. М.: [б.и.], 1996. 329 с.
8. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь: ПГТУ, 1998. 152 с.
9. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
10. Серебрякова С. В. Потенциал разновременных переводов как возможных интерпретаций текста оригинала: в поисках инварианта перевода // Метапоэтика: Сборник статей научно-методического семинара «Textus»: В 2 ч. Ставрополь: СГУ, 2010. Вып. 2. Ч. 1. С. 49–59.
11. Супрун В. И. Ономастическое поле и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
12. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. В 2 т. / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. М.: Издатель, 1993.

References

1. Alekseeva L. M. Perevod kak reflexia deyatel'nosti (*Translation as a reflection of activities*) // Vestnik of Perm University. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2010. Vol.1(7). P. 45–51.
2. Alefirenko N. F. Poeticheskaya energiya slova. Sinergetiga yazyka, soznaniya i kultury (*The poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture*). Moscow: Academia, 2002. 394 p.
3. Kirillov A. G. Intertextualno-hypertextualniy harakter politicheskogo narrativa (*Intertextual-hypertextuality nature of the political narrative*) // Hypertext kak object linguisticheeskogo issledovaniya (*Hypertext as an object of linguistic research*). Samara, 2010. P. 54–58.
4. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie (*Modern translation studies*). Moscow: ETS, 2004. P. 43–46.
5. Kushnina L. V. Yazyki I kultury v perevodcheskom prostranstve (*Languages and cultures in the translation space*). Perm: PSTU, 2004. 163 p.
6. Lugovaya E. A. Toponom virtualnogo prostranstva kak kulturno-istorichesraya kategoriya (*Toponym of the virtual space as a cultural-historical category (based on the epic John.R.R. Tolkien's «Lord of the rings»*): thesis. Stavropol, 2006. 177 p.
7. Makovsky M. M. Simvoly zhizni I zhizn simvolov (*Symbols of life and the life of the characters*). Moscow, 1996. 329 p.
8. Myshkina N. L. Vnutrennyaya zhizzn texta: mehanizmy, forvy, harakteristiki (*The Inner life of the text: mechanisms, modalities, characteristics*). Perm: PSTU, 1998. 182 p.
9. Reformatsky A. A. Vvedeniyi v yazikovedeniye (*Introduction to linguistics*). Moscow: Aspect Press, 1996. 536 p.
10. Serebriakova S. V. Potencial raznovremennyg perevodov kak vozmozhnyh interpretaciy texte originala: v poiskah invariant perevoda (*Potential of multi-temporal interpretation possible interpretations of the original text: in search of the invariant of translation*) // Metapoetika: sbornik statey nauchno-metodicheskogo seminara «Textus»: Stavropol: SSU 2010. Vol. 2. Part 1. P. 49–59.
11. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole i ego hudozhestvenno-esteticheskiy potencial (*Onomastic field and its artistic and aesthetic potential*). Volgograd: Peremena, 2000. 172 p.
12. Tolkin J. R .R. Vlastelin Koletc (*The Lord Of The Rings*). In 2 vol / translated by N. Grigoriev, V. Grositskii. Moscow: Izdatel', 1993.

УДК 81-11

А. И. Милостивая

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЯМОЙ, КОСВЕННОЙ И НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ ЖУРНАЛИСТСКОГО ГАЗЕТНОГО НАРРАТИВА

Статья посвящена изучению корреляции речевой структуры журналистского газетного нарратива и аксиологической оценки описываемого события. Наблюдения над эмпирическим материалом позволяют заключить, что прямая речь маркирует совместную кооперативную интеракцию в репрезентации фактуальной информации, при этом на передний план выходит эмоциональная составляющая нарратива, причем встречается как аксиологическое созвучие позиций автора и персонажа, так и аксиологическая полифония. Косвенная речь связана с нейтральной аксиологической тональностью, а несобственно-прямая речь выражает общность при аксиологической оценке двух субъектов коммуникативного действия – автора текста и персонажа нарратива.

Ключевые слова: прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь, журналистский газетный нарратив, субъект коммуникации, аксиологическая оценка события.

A. I. Milostivaya

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF DIRECT, INDIRECT AND FREE INDIRECT SPEECH IN JOURNALISTIC NEWSPAPER NARRATIVE

The article studies the correlation of speech structure in journalistic newspaper narrative and the axiological assessment of the event described. The empirical data provide the conclusion that the direct speech marks cooperative interaction in representing factual information, while bringing to the forefront the emotional component of the narrative. Both the axiological consonance and the polyphony can be observed. Indirect speech reveals neutral axiological tone, free indirect speech expresses the unity in axiological assessment made by two subjects of the communicative act – the author of the text and the character of the narrative.

Key words: direct speech, indirect speech, free indirect speech, journalistic newspaper narrative, subject of communication, axiological assessment of the event.

Актуальность исследования обусловлена логикой развития теории и практики анализа смыслокреативного авторского фактора в нарративном тексте. Принимая во внимание то обстоятельство, что современные нарратологические концепции были призваны эксплицировать сложное взаимодействие между событием, смыслом и взаимодействующими субъектами повествования, логично было бы ожидать, что аспект нарратологического описания различных типов текста, связанный с характеристикой комплекса субъектов инициирующих и осуществляющих коммуникативное действие, займет более заметное место в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Однако на фоне бурного роста исследований в области нарратологии отсутствует сколько-нибудь системное описание этой совместной креативной смыслопорождающей деятельности в текстовом пространстве вообще и в газетном нарративе в частности.

Наши наблюдения над текстами показали, что маркеры, сигнализирующие о специфике субъекта коммуникативного действия в газетном нарративе представлены в форме конгломерата взаимодействующих и взаимообусловленных элементов, которые представлены на дискурсивном уровне в форме корреляции речевой структуры (прямой, кос-

венной, несобственно-прямой речи) журналистского газетного нарратива и аксиологической оценки описываемого события.

Целью статьи является анализ взаимосвязи выбора способа оформления речи (прямой, косвенной, несобственно-прямой речи) журналистского газетного нарратива и аксиологической оценки описываемого события. Далее мы охарактеризуем структурно-функциональные особенности каждого из перечисленных выше видов речи с тем, чтобы пролить свет на выбор журналиста, коррелирующий с аксиологической направленностью периодического издания.

Прямая речь (или цитирование) – это дословное воспроизведения речи участвующего в описываемом событии коммуниканта, когда «говорящий подает цитируемую речь/мысли/письменный текст как не принадлежащему, приписывая все особенности интонации, лексики, грамматики и стиля автору оригинального дискурса» [7, с. 426]. Таким образом, прямая речь изображает индивидуальные особенности производства высказывания того или иного представителя лингвокультурного сообщества. Это качается как лексического выбора (профессионализмы, диалектизмы), так и ее синтаксического оформления.

Другим типом представления речевой партии другого, отличного от повествователя, лица является косвенная речь. В структурном плане она являет собой единство двух частей:

1) слов автора с verba dicendi и в ряде случаев подчинительного союза;

2) передаваемой чужой речи, которая утрачивает иллокутивную автономию.

В исследованиях по стилистике справедливо отмечается, что косвенная речь «является лишь передачей краткого содержания прямой речи и поэтому может носить характерные черты, типичные для авторского слога» [3, с. 202]. Косвенная речь акцентирует не стилистические особенности слога продуцента речи, а информацию, заключенную в повествовании.

Третьим видом экспликации речи нарративных субъектов, в том числе, и в СМИ, является несобственно-прямая речь. В лингвистических исследованиях данное понятие ассоциируется, в первую очередь, с изображением мыслей и чувств действующего лица в такой форме, в которой повествователь идентифицирует себя с тем персонажем, чьи мысли и чувства представлены в ткани текста [11, с. 223; 6, с. 172 и др.]. Характерной структурной чертой несобственно-прямой речи является ее нулевая маркированность кавычками и глаголами речи, а также вопросительные, восклицательные и неполные предложения (чаще с оценочной семантикой), что позволяет «заставляет его обратить внимание на контекст. Обращение к контексту, возвращение к более ранним местам текста и размышление над тем, чей голос … слышен в том или другом отрывке повествовательного текста, нередко являются единственными средствами, позволяющими угадать, кто в данном месте видит и говорит» [11, с. 223].

Особый упор делается на двуплановость несобственно-прямой речи: «Формально она строится от автора, но в ней очень явственно слышен «голос» персонажа, в авторскую речь включаются лексические и синтаксические элементы прямой речи (междометия, восклицательные предложения), двойственный характер приобретают в таком окружении местоимения 3-го лица» [10, с. 119]. По словам В. Шмида, несобственно-прямая речь – это «проявление более общего явления текстовой интерференции» [11, с. 223]. С точки зрения Е. В. Падучевой, несобственно-прямая речь эксплицирует полифонию, эмпатию и ироничное отношение к содержанию высказывания, а также дает возможность охарактеризовать персонаж «изнутри» [8, с. 337].

Функциональные и коммуникативно-прагматические особенности различных видов речи в газетном дискурсе активно обсуждаются в трудах по теории языка. Так, И. А. Пушкарева рассматривает взаимодействие чужой речи с авторским контекстом в газетной публицистике на материале региональной газеты «Кузнецкий рабочий». В фокус ее исследовательского интереса попадает, прежде всего, особенности интенсификации диалога с читателем с помощью дословного цитирования разговорной речи в СМИ [9]. По мнению автора статьи, «взаимодействие авторского контекста и чужой речи в случаях ее дословной передачи и пересказа позволяет журналисту создать образ другого речевого субъекта, усиливающий прag-

матическую программу публицистического текста и выражающий авторскую концепцию с помощью стилистического эффекта стереоскопического изложения» [9, с. 194].

В исследовании М. Ю. Глазковой упор делается на показ релевантности комбинирования прямой, косвенной и несобственно-прямой речи при реализации повышения достоверности информирования в СМИ и интенсификации их воздействующей функции [4]. Изучая стилистический потенциал несобственно-прямой речи в газетном тексте, О. А. Блинова, в след за Г. Редекером, выделяет две ее функции: «драматизирующую» (dramatizing), связанную с доступом к сознанию описываемого персонажа, и «документализирующую» (documentalizing), которая «позволяет автору не только констатировать некий факт, но и дать его оценку, при этом не фокусируя внимания на журналисте» [2, с. 141]. Именно эта вторая функция релевантна с позиции нашего исследования, т.к. мы сфокусируем в дальнейшем свое внимание на особенностях аксиологической оценки в газетном нарративе.

А. И. Арсланова в своем диссертационном исследовании анализирует ссылки на чужую речь в полиперсональной структуре газетного дискурса и подчеркивает при этом, что в рассматриваемом ею жанре прессы «чужая речь в значительной степени реализуется посредством косвенной речи – нейтрального способа изложения, в котором автор передает лишь содержание чужого высказывания (так называемая „Default-Form des Zitierens“ – «цитация по умолчанию») [1, с. 11].

А. В. Колесниченко выделяет три функции прямой речи в СМИ:

1. Свидетельство достоверности произнесения слов тем или иным политиком или газетным персонажем.

2. Передача индивидуально-окказиональных журналистских слов и выражений с профессиональной или эмоциональной окраской.

3. Передача юридически спорных высказываний, чтобы журналист мог снять с себя часть судебной ответственности [5, с. 31–32].

При этом он подчеркивает, что прямая речь передает слова персонажа газетного нарратива достоверно, без искажения, а также в развернутой форме, что препятствует экономии места на газетной полосе. Поэтому прямая речь в СМИ часто дополняется косвенной: «ту же самую информацию журналист своими словами может пересказать короче и понятнее» [5, с. 31–32]. С аксиологической оценкой описываемого в газетном нарративе события коррелируют в данном случае все три функции, что мы и покажем ниже.

Далее мы проанализируем эмпирику в форме нарратива «Теракт в Тунисе» из газеты «Франфуртер Альгемайне» с тем, чтобы выявить корреляции речевой структуры (прямой, косвенной, несобственно-прямой речи) журналиста и аксиологической оценки описываемого события.

В статье “Präsident will Terroristen “endgültig ausschalten” (Президент хочет «окончательно уничтожить» террористов) доминирует речь журналиста, повествующая о неоспоримых фактах:

Mindestens zwei mit Sturmgewehren bewaffnete und in Militäruniformen gekleidete Angreifer hatten demnach am Mittag auf dem Platz vor dem archäologischen Museum und dem daneben liegenden Parlamentsgebäude das Feuer auf Touristen eröffnet [16]. – По меньшей мере два террориста, вооруженные автоматами и одетые в военную форму, в минувшую среду открыли огонь в туристов на площади перед Археологическим музеем, находящемся вблизи от здания парламента.

Там, где повествующий субъект (журналист) не обладает полной уверенностью в фактах и оценках, использованная косвенная речь описываемого политического деятеля:

Ministerpräsident Essid sagte, es werde nach drei Personen gefahndet, die möglicherweise an dem Anschlag beteiligt gewesen. Die Angreifer hätten die Wirtschaft des Landes treffen wollen, die zu einem hohen Maße vom Tourismus abhängt [16]. – Премьер-министр Эсссид заявил, что задержены трое лиц, которые предположительно были участниками теракта. По его словам, террористы хотели нанести ущерб экономике страны, которая сильно зависит от туризма.

В тех текстовых пассажах из статьи, где даны эмоциональные высказывания политиков-субъектов нарративного коммуникативного действия использована прямая речь, в частности в данной статье это дословная цитация премьер-министраТуниса:

Der Regierungschef rief die Tunesier auf, die Sicherheitskräfte “in einer sensiblen und wichtigen Phase” des Übergangs zur

Demokratie nach dem Sturz des Diktators Ben Ali im Jahr 2011 zu unterstützen. Präsident Béji Cad Essebsi erklärte, ein “riesiges Unglück” habe Tunesien heimgesucht. Das Land müsse alle Kräfte mobilisieren “und die Terroristen endgültig ausschalten” [16]. – Глава правительства призвал жителей Туниса поддержать правоохранительные органы в период «хрупкой и важной фазы» перехода к демократии после свержения диктатора Бена Али в 2011 г. Президент Беджи Каид Эс-Себси пояснил, что Тунис настигла «огромная беда». Страна должна мобилизовать свои силы и «окончательно уничтожить террористов».

В информационном сообщении из того же самого нарратива “IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis” (ИГИЛ взяла на себя ответственность за теракт в Тунисе) дословная прямая речь использована для дистанцирования от позиции описываемой в статье запрещенной террористической организации:

Die Terrormiliz “Islamischer Staat” hat sich in einer Internetbotschaft des Anschlags auf ein Museum in Tunis bezichtigt. Die Angreifer wurden darin als “Ritter des Islamischen Staates” bezeichnet [14]. – Террористическая группировка «Исламское государство» взяла на себя ответственность за совершение теракта в музее Туниса в интернет-послании. Террористы названы в нем «рыцарями Исламского государства».

В статье “Das Krebsgeschwür Terror” (Раковая опухоль террора) в форме прямой речи представлено лишь одно закавыченное слово, что позволяет, однако, журналисту отмежеваться от неразделяемой им аксиологической позиции описываемого лица:

Offenbar wird, dass diese mordenden Extremisten vor allem eines anstreben: Sie wollen die Zivilisation zerstören. So drohte einer ihrer Führer, Tunesien werde erst zur Ruhe kommen, wenn der Islam – womit er natürlich “seine” Version des Islams meint – über das Land herrsche [13]. – Кажется, что совершающие убийства экстремисты стремятся только к одному. Они хотят разрушить цивилизацию. Их лидер пригрозил, что в Тунисе воцарится мир только тогда, когда ислам, причем он имеет в виду «свою» версию ислама, завладеет всей страной.

В газетном материале “Sehnsucht nach dem starken Mann” (Тоска по твердой руке) дословно цитируется выказывание такого субъекта коммуникативного действия нарратива, как очевидец теракта, что придает повествованию особый колорит достоверности:

Hamadi Abdelsalem ist Fremdenführer, er war hier, als die Dschihadisten vergangene Woche das Feuer auf die Touristen eröffneten. “Ich hörte die Schüsse, dann habe ich meine Gruppe durch einen Hinterausgang in Sicherheit gebracht”, sagt er [12]. – Экскурсовод Хамади Абдельсалем видел, как джихадисты на прошлой неделе открыли огонь по туристам. Он сообщил: «Я слышал выстрелы, потом я спрятал свою группу в безопасное место около запасного выхода».

Рассмотрим нарратив «Демонстрация участников политической группировки “Blockupy” во Франкфурте» из газеты «Франкфуртер Альгемайне».

Статья-кадр данного нарратива “Wohin die Blockupy-Randale führen” (К чему могут привести действия хулиганов из группировки “Blockupy”) имеет подзаголовок “Wie erklär ich’s meinem Kind?” (Как я все объясню своему ребенку). Здесь автор задействовал несобственно-прямую речь при описании социально-актуальной проблемы с тем, чтобы на примере популярного рассказа ребенку о беспорядках во Франкфурте порассуждать об их причинах и истоках. Тем самым здесь одновременно два повествующих субъекта – журналист и отец, который беседует со своим сыном, т.е. типизированный житель Франкфурта:

Was diese Geschichte mit Blockupy und den Randalen von Mittwoch zu tun hat? Mehr, als es auf dem ersten Blick scheint…. Warum gerade Frankfurt? Hier sitzt die Europäische Zentralbank (kurz: EZB), die am Mittwoch eröffnet wurde. Sie ist für die Demonstranten ein Symbol für alles, was in Europa falsch läuft [15]. – Какой вред нанесли события с политической группировкой «Blockupy» и хулиганами в среду? Больший, чем это кажется на первый взгляд…. Почему именно Франкфурт? Здесь находится Европейский центральный банк (коротко: ЕЦБ), который должен открыться в среду. Он является для демонстрантов символом всего плохого, что происходит в Европе.

В другом газетном материале под заголовком “Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin” (Обеспечим безопасность государства и его граждан) встречаем сле-

дующий пассаж несобственно-прямой речи, с помощью которого передаются мысли как автора, так и персонажа, т.е. франкфуртского полицейского, по поводу акций протеста, вызывающих в обоих случаях негативную оценку:

Wie kann ein Mensch dazu fähig sein, Brennsätze auf ein Fahrzeug zu schmeißen, in dem mindestens zwei Kollegen sitzen? Das Fahrzeug brennt, die Kollegen befinden sich noch im Fahrzeug. Und es gibt trotzdem Leute, die brennendes Material auf das Fahrzeug schmeißen? Man ist ja austauschbar [17]. – Как человек может быть способен бросать петарды в машины, в которых сидят, по меньшей мере, два их коллеги? Петарда горит, а коллеги, все еще в машине. И, несмотря на это существуют ли люди, которые бросают петарды в машины? Да, и все время разные.

Таким образом, выбор типа речи (прямая, косвенная или несобственно-прямая) напрямую коррелирует с аксиологической оценкой в газетном нарративе. При этом прямая речь имеет референциальную отсылку к деятельности описываемого персонажа в качестве коммуникативного субъекта описываемого нарративного действия и позиционирует совместную кооперативную интеракцию в репрезентации фактуальной информации, при этом аксиологическая оценка этих субъектов по описываемому вопросу может не совпадать (журналист дистанцируется от слов персонажа, чтобы избежать моральной и юридической ответственности) или быть тождественной при акцентировании достоверности описываемых событий. В тех фрагментах, где при помощи прямой речи эксплицируется эмоциональная составляющая нарратива, возможна как аксиологическое созвучие позиций автора и персонажа, так и аксиологическая полифония. Косвенная речь связана с репрезентацией журналистской трактовки слов действующего в нарративе лица, а потому она обладает нейтральной аксиологической тональностью. Несобственно-прямая речь в журналистском газетном нарративе способна эксплицировать общую аксиологическую оценку двух субъектов коммуникативного действия – автора текста и персонажа нарратива, при этом аксиологическое отношение к предмету изображения возможно как позитивное, так и негативное.

Литература

1. Арсланова А. И. Структурно-семантические и функциональные особенности информационных заметок на немецком и русском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань: КФУ, 2013. 22 с.
2. Блинова О. А. О стилистическом потенциале несобственно-прямой речи в газетном тексте // Вестник МГЛУ. 2010. Выпуск 17 (596). С. 136–146.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 460 с.
4. Глазкова М. Ю. Чужая речь как средство реализации доминантных функций публицистического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №4 (15). С. 51–53.
5. Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста. М.: Аспект Пресс, 2013. 334 с.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
7. Литвиненко А. О. Стратегии передачи чужой речи в рассказах по картинкам (на материале русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2011. С. 425–433.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
9. Пушкарева И. А. О взаимодействии чужой речи с авторским контекстом в газетной публицистике (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. 10 (125). С.189–195.
10. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта, 2003. 256 с.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
12. Ehrhardt C. Sehnsucht nach dem starken Mann // Frankfurter Allgemeine 25.03.2015. URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunesien-nach-anschlag-auf-museum-in-tunis-broeckelt-frieden-13503969.html (Дата обращения: 29.08.2016).
13. Hermann R. Das Krebsgeschwür Terror // Frankfurter Allgemeine 19.03.2015.URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/anschlag-von-tunis-das-krebsgeschwuer-terror-13494051.html (Дата обращения: 29.08.2016).
14. Kusicke S. IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis //Frankfurter Allgemeine19.03.2015.URL:http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunis-armee-in-alarmbereitschaft-versetzt-13492998.html (Дата обращения: 29.08.2016).

15. Nestler F. Wohin die Blockupy-Randale führen // Frankfurter Allgemeine 20.03.2015. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/familie/wie-erklaere-ich-s-meinem-kind/wohin-die-blockupy-randale-in-frankfurt-fuehren-13494127.html (Дата обращения: 29.08.2016).
16. Präsident will Terroristen “endgültig ausschalten” // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015.URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/touristen-bei-anschlag-in-tunis-getoetet-13490987.html (Дата обращения: 29.08.2016).
17. Schaaf J. Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin // Frankfurter Allgemeine 22.03.2015. URL: http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-in-frankfurt-ein-polizist-erzaehlt-13497700.html (Дата обращения: 29.08.2016).

References

1. Arslanova A. I. Strukturno-semanticheskie i funktsional’nye osobennosti informatsionnykh zametok na nemetskom i russkom yazykakh (*Structural-Semantic and Functional Features of the Information Notes in German and Russian*): avtoref. dis. … kand. filol. nauk заменить на abstract of thesis. Kazan’: KFU, 2013. 22 s.
2. Blinova O. A. O stilisticheskom potentsiale nesobstvenno-pryamoi rechi v gazetnom tekste (*Free Indirect Discourse and its Stylistic Potential in Newspaper Texts*) // Vestnik MGLU. 2010. Vypusk 17 (596). C. 136–146.
3. Gal’perin I. R. Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka (*Essays on the Stylistics of English*). M.: Izdatel’stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958. 460 s.
4. Glazkova M. Yu. Chuzhaya rech’ kak sredstvo realizatsii dominantnykh funktsii publitsisticheskogo teksta (*Another’s Speech as Means of Dominant Functions Implementation in Journalistic Text*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 4 (15). C. 51–53.
5. Kolesnichenko A. V. Nastol’naya kniga zhurnalista (*Handbook of Journalist*). M.: Aspekt Press, 2013. 334 s.
6. Kukharenko V. A. Interpretatsiya teksta (*Text Interpretation*). M.: Prosveshchenie, 1988. 192 s.
7. Litvinenko A. O. Strategii peredachi chuzhoi rechi v rasskazakh po kartinkam (na materiale russkogo yazyka) (*Speech Reporting Strategies in Russian Comics-Based Stories*) // Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii. M.: Izdatel’stvo RGGU, 2011. S. 425–433.
8. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrative (*Semantic Research: The Semantics of the Time and Aspect in the Russian Language; The Semantics of the Narrative*). M.: Yazyki slavyanskoi kul’tury, 2010. 480 s.
9. Pushkareva I. A. O vzaimodeistvii chuzhoi rechi s avtorskim kontekstom v gazetnoi publitsistike (na materiale gorodskoi gazety «kuznetskii rabochii») (*Ont the Interaction of Another Author’s Speech and Author’s Context in Texts of Newspaper Style (Data: The City Newspaper “Kuznetsky Rabochy”)* // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. 10 (125). C. 189–195.
10. Solganik G. Ya. Stilistika teksta (*Text Stylistics*). M.: Flinta, 2003. 256 s.
11. Shmid V. Narratologiya (*Narratology*). M.: Yazyki slavyanskoi kul’tury, 2008. 304 s.
12. Ehrhardt C. Sehnsucht nach dem starken Mann // Frankfurter Allgemeine 25.03.2015. URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunesien-nach-anschlag-auf-museum-in-tunis-broeckelt-frieden-13503969.html (Accessed: 29.08.2016).
13. Hermann R. Das Krebsgeschwür Terror // Frankfurter Allgemeine 19.03.2015.URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/anschlag-von-tunis-das-krebsgeschwuer-terror-13494051.html (Accessed: 29.08.2016).
14. Kusicke S. IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis //Frankfurter Allgemeine19.03.2015.URL:http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunis-armee-in-alarmbereitschaft-versetzt-13492998.html (Accessed: 29.08.2016).
15. Nestler F. Wohin die Blockupy-Randale führen // Frankfurter Allgemeine 20.03.2015. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/familie/wie-erklaere-ich-s-meinem-kind/wohin-die-blockupy-randale-in-frankfurt-fuehren-13494127.html (Accessed: 29.08.2016).
16. Präsident will Terroristen “endgültig ausschalten” // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015.URL: http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/touristen-bei-anschlag-in-tunis-getoetet-13490987.html (Accessed: 29.08.2016).
17. Schaaf J. Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin // Frankfurter Allgemeine 22.03.2015. URL: http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-in-frankfurt-ein-polizist-erzaehlt-13497700.html (Accessed: 29.08.2016).

УДК 070.1:316.77

Х. Пётткер, О. И. Лепилкина, С. В. Серебрякова

ФУНКЦИИ ЭТНОМЕДИА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье на примере Германии и России определяется роль современных этномедиа (иноэтничных медиа) в процессе быстрой и успешной интеграции иммигрантов в принимающее сообщество. Охарактеризованы факторы, способствующие выполнению иноэтничными СМИ интегративной функции. Рассмотрено содержательное наполнение этномедиа в аспекте функционального назначения. Выявлен интегративный потенциал блоков журналистской информации о разных сферах жизнедеятельности страны – от политической до образования и здравоохранения.

Ключевые слова: этномедиа, иноэтничные СМИ, функции журналистики, интегративная функция, журналистика Германии, журналистика России.

H. Poettker, O. I. Lepilkina, S. V. Serebriakova

ETHNOMEDIA FUNCTIONS IN POLYCULTURAL SOCIETY

The article studies the role of modern ethnomedia (other-ethnic media) in the process of rapid and successful integration of immigrants in the target society with the reference to practices in Germany and Russia. The factors contributing to actualization of integrative function by other-ethnic media are highlighted. Ethnomedia content is analyzed as regards its functional purpose. Integrative potential of certain information units on different public spheres – from politics and education to healthcare – as provided by journalists is revealed.

Key words: ethnomedia, other-ethnic media, journalism functions, integrative function, journalism in Germany, journalism in Russia.

В эпоху глобализационных процессов вопрос единства общества стоит остро и в современной Германии, принимающей большие потоки иммигрантов, и в современной России, принимающей приезжих из других стран, что можно считать свидетельством актуальности проблем интеграции поликультурных сообществ в различных европейских странах.

В Германии слово «интеграция» у многих граждан вызывает раздражение, поскольку, если оно употребляется в политическом контексте, с ним связано завуалированное социальное давление на этнические меньшинства. Несомненно, что в научно-исследовательском плане данное понятие является концептуально значимым и нуждающимся в уточнении в применении к поликультурным обществам. Следует отметить, что в современном социуме, где есть не только различные возрастные группы, профессиональные сообщества, субкультурные слои населения, но и различные этносы, иммигранты разных поколений, которые составляют (либо должны составлять) социальное единство, интеграция может рассматриваться в плане необходимости его совершенствования, а не как ассимиляция в плане культурной гомогенности общества. Под социальной интеграцией нами понимается процесс, «который в большей или меньшей мере соединяет отдельные части общества (индивидов, организации, группы) при их осознанном участии в общественное целое, при этом значимыми являются как сходство и единение этих составляющих, так и различие и диалог между ними в оптимальном соотношении» [7, s. 40]. Концептом социального единства можно определить межкультурную интеграцию, которая при сложном балансе единства и различия в несколько большей мере акцентирует многообразие и гетерогенность.

О единстве общества следует говорить тогда, когда все его члены признают общечеловеческие ценности (права человека, основы конституции), вносят вклад в коллек-

тивное единство (социологи называют это особой функцией), принимают и ценят его, договариваются по всем важным вопросам. При этом, однако, сохраняются культурные различия в отношении религии, музыки, традиционной одежды, гастрономии и языка как средства общения. В Германии, например, предлагаются специальные курсы немецкого языка, но достаточным признается такой уровень владения языком, который позволяет изъясниться на нем в повседневной жизни, при этом совсем не обязательно владеть грамматически совершенным немецким как доказательством принадлежности немецкой культуре. Подобная ситуация характерна и для России, хотя многие иммигранты из ареалов постсоветского пространства владеют в той или иной мере русским языком.

Р. Гейслер выдвинул 3 основных условия успешной межкультурной интеграции в принимающем обществе:

«Во-первых, принятие факта *необходимости иммиграции:* принимающее общество признает, что иммиграция (…) вынужденная и поэтому позитивно воспринимает присутствие иммигрантов (…).

Во-вторых, принятие факта *необходимости социально-структурной и интеркультурной интеграции мигрантов:* признается, что социально-структурное уравнивание и межкультурная интеграция по принципу «единство в различии» являются основными направлениями политического и общественного взаимодействия с мигрантами.

В-третьих, понимание *необходимости активного коллективного содействия данной интеграции:* признается тот факт, что интеграция мигрантов не происходит сама собой, а требует значительных коллективных – политических и общественных – усилий» [5, s. 65].

Д. Лихтенштейн в исследовании проблем европейской идентичности также подчеркивает, что содержательное наполнение понятий принадлежности к обществу и коллективного единения должно осуществляться в социокультурном контексте гетерогенных европейских стран [6, s. 11].

На наш взгляд, большие возможности для интегрирования общества имеются у этномедиа, которые в российской журналистской науке получили также название иноэтничных [1]. Их роль определяется тем фактом, что безопасное существование в рамках собственной этнической идентичности безгранично важно для здоровья и комфорта человека. Чувство комфорта, в свою очередь, является решающим моментом для успешной интеграции, к которой относится желание остаться и готовность жить в принимающей стране. Их формирование в немалой степени зависит от возможности пользоваться этномедиа, их значительного количества и разнообразия.

Этномедиа (газеты, журналы, радио- и телепрограммы, а также online-издания), часто издающиеся журналистами с миграционным прошлым, выходят на родном для иммигрантов языке, используют привычную для них музыку и визуализацию. А. С. Смолярова, изучив функционирование русскоязычной прессы в современной Германии, выявила «значимость общего лингвокультурного поля для аудитории этнокультурных СМИ», важным элементом создания которого «выступают прецедентные феномены, так как они определяют национально-культурную специфику лингвокультурного сообщества и хранят в сжатом виде информацию, доступную только обладателям общей апперцепционной базы» [4, с. 16].

Все эти черты этномедиа позволяют им способствовать успешной интеграции иммигрантов, хотя многое зависит от содержательного наполнения конкретных СМИ. На наш взгляд, этномедиа препятствуют интеграции в том случае, если они либо вообще не представляют «принимающую» культуру, либо отражают ее не в лучшем свете. В данном случае осознание принадлежности у иммигрантов к принимающему обществу либо разрушается, либо вообще не возникает. Об этом свидетельствуют и точечные исследования отечественных ученых. Так, В. Р. Оганова, изучив доступные в московском регионе газеты «Узбегим» (на узбекском языке), «Нур» (на киргизском языке), «Таджики России», журнал «Таджикистан», пришла к выводу, что их контент недостаточно проработан, «некоторые издания концентрируют внимание на правовом аспекте, другие – на развлекательном или светских новостях» [3, с. 87]. Напротив, интеграции иммигрантов способствуют те этномедиа, которые объективно и широко информируют их о культуре страны, в которой они на дан-

ный момент проживают, а также обеспечивают сохранение их культурной идентичности.

Другими словами, в отношении этномедиа следует серьезно относиться к журналистскому профессионализму и культивировать его. Как утверждает В. Д'Инка, «высшая заповедь журналиста гласит: информируй, расследуй, собирай данные и факты, выявляй взаимозависимости. Демократия основывается на том, что граждане получают исчерпывающие сведения о политических и экономических событиях в целом и о своем непосредственном окружении – в подробностях» [2, с. 74]. Важно отметить, что перед журналистами любых СМИ, и этномедиа в том числе, не стоит задача интеграции этнических меньшинств, если под этим понимать какой-то педагогический смысл, например, воспитание у мигрантов готовности примкнуть к культуре большинства или, с другой стороны, развитие у большинства населения готовности отказаться от дискриминационных предрассудков. Подобные общественно-педагогические цели не входят в обязанности журналистов, задача которых состоит не в привитии реципиентам навыков определенных поступков и поведения, а в том, чтобы обеспечить *публичность*, т.е. сделать мир прозрачным, для того чтобы получившие эту информацию реципиенты сами могли действовать и выбирать линию поведения.

Публичность должна стать важным признаком современных сообществ, т.к. высокая степень их сложности, функциональной дифференциации и парцелляции создает множество коммуникационных барьеров, преодолеть которые возможно с помощью целенаправленного информирования и максимально широкого распространения информации. Эта задача, стоящая перед медиа, предполагает обеспечение максимально высокого уровня транспарентности в освещении объективной реальности и на практике требует снабжать широкие слои аудитории большим количеством жизненно важной информации, чтобы сделать их *сопричастными* к достижениям того общества, в котором они живут.

Эта задача стоит и перед журналистами, работающими в этномедиа. Они имеют уникальный шанс посредством целенаправленного информирования создать этническим меньшинствам условия участия в политической системе «принимающего» общества, в его образовательной, здравоохранительной, профессиональной, культурной и спортивной жизни и тем самым усилить эффективность таких саморегулирующихся механизмов, как демократия, рынок и право, и в перспективе учитывать интересы новых сегментов принимающего общества. Интерес представляют следующие вопросы: что значит участие иммигрантов в этих сферах, как этномедиа могут этому содействовать и на это влиять.

Кратко остановимся на таких важнейших областях, как политическая система, образование, рынок труда и здравоохранение.

Политика – это область, о которой думают в первую очередь, если речь идет об участии иммигрантов в жизни страны. Самая очевидная, институционно закрепленная форма участия – голосование на выборах разного уровня (в Германии, например, на общинных выборах, выборах в ландтаг и бундестаг, выборах Европарламента). Этномедиа могут информировать иммигрантов об их избирательных возможностях, о личностях кандидатов, программах баллотирующихся партий. Еще один значимый аспект в политическом ориентировании аудитории – информирование об общественных инициативах и объединениях, участие в которых не требует гражданства и может быть не менее действенным, чем голосование избирателей.

Вторым важным информационным блоком в этномедиа могло бы быть освещение темы образования, поскольку оно непосредственно влияет на интеграцию и жизненные перспективы человека. Отметим значимый, на наш взгляд, факт: в Германии среди молодых иммигрантов и людей с миграционным прошлым в два раза больше не закончивших школу, чем среди коренных немцев. Для того, чтобы иммигранты и их потомки могли лучше использовать возможности школьной системы, важно, прежде всего, информировать их о шансах, которые она дает человеку, о типах школ, альтернативах образования, правах школьников и родителей. Распространение такой информации было бы идеальной задачей для этномедиа. Региональным и местным этномедиа в данном случае придается особое значение из-за федеральной структуры немецкого образования с его спецификой в каждой федеральной земле.

Если радио «Метрополь ФМ» будет вещать на турецком языке для слушателей из Берлина, Брандербурга, Рейнланд-Пфальц, то оно может сконцентрироваться на информации о школьной системе этих федеральных земель. Если это же радио получило бы частоты в Северной Рейне-Вестфалии, то информацию необходимо было бы подавать о системе образования этой федеральной земли с целью удовлетворения информационных запросов местных слушателей.

И наконец, еще один важный с позиции интегративного потенциала медиа тематический блок – сфера труда. В Германии дела обстоят примерно так же, как и в образовании: число безработных среди населения с миграционным прошлым, по данным статистики, примерно в два раза больше, чем среди исконных жителей, например, в 2007 г. это соотношение составляло 14,2 % против 7,6 %. Самым важным условием доступа к рынку труда и реализации связанных с этим шансов на приличный доход является профессиональное образование. Успешная интеграция в квалифицированную профессиональную деятельность едва ли возможна без законченного профессионального либо высшего образования, к тому же потребность в неквалифицированном вспомогательном персонале постепенно снижается. Результаты эмпирических социальных исследований стабильно показывают, что риск безработицы уже в последние десятилетия снижается в корреляции с растущим уровнем образования.

На наш взгляд, задачу просвещения аудитории в этой области могли бы выполнять, к примеру, иноэтничные разговорно-музыкальные радиостанции, в промежутках между музыкальными блоками на родном языке информируя аудиторию о специфике получения профессионального образования в стране (для Германии будет актуальным разъяснение специфики дуального профессионального образования – учебе на предприятии и параллельно в профессиональной школе).

Этномедиа способствовали бы интеграции иммигрантов в рынок труда, предоставляя им информацию о правах и обязанностях наемных работников и работодателей и шире – о трудовом и социальном праве. По скептическому замечанию одного из авторов статьи, профессора Х. Пётткера, иммигранты в ситуации безработицы в большей мере, чем урожденные немцы, обнаруживают способность находить выход самостоятельно, например, посредством индивидуальной занятости в семейном деле, не прибегая к социальной поддержке государства.

В просвещении в сфере здравоохранения существенное место должно быть отведено разъяснению разных видов профилактики заболеваний. Актуальность подобных знаний связана с тем, что в Германии, например, количество обращающихся за профилактическим осмотром детей не пропорционально: в то время как свыше 80 % детей в общей сложности проходят полноценные профилактические осмотры от 3–9 раз, среди детей с миграционным прошлым это число составляет только около 70 %, среди детей без немецкого гражданства даже ниже 65 %. Аналогично распределяется доля входящих в группу риска постоянных курильщиков: иммигранты – 28 %, люди с миграционным прошлым – 25,2 %, коренное население – 22,8 %.

Именно в этой сфере можно говорить о целесообразности «информационной кампании» в этномедиа, несмотря на то, что это понятие напоминает времена уже преодоленной идеологической журналистики. Информируя о предоставляемой социальной поддержке и результатах медицинских исследований, о рисках заражения и т.д., этномедиа не только будут способствовать интеграции аудитории в сфере здравоохранения, но и помогут осуществлять самостоятельный, осознанный выбор в области собственного здоровья. Иными словами, речь идет о транспарентности, когда каждый человек сам может решить, как ему следует поступить, без каких-либо педагогических указаний, особенно по отношению к легко ранимым этническим меньшинствам.

В заключение можно отметить, что есть и другие примеры, как этномедиа могут способствовать активизации участия мигрантов в жизни того общества, в котором они живут, посредством актуальной и объективной информации о развлекательно-культурных мероприятиях, спорте, организации досуга. Вклад в межкультурную интеграцию принимающего общества возможен на любом уровне – локальном, региональном, общенациональном.

Литература

1. Аракелян Ф. А. Иноэтническая пресса в России: генезис, регулирование, организация деятельности (По материалам армянской печати второй половины XIX в.): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 284 с.
2. Д'Инка В. Журналистика: между профессией мечты и «духовной каторгой» // Модернизация журналистского образования: Сборние научных трудов. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2006. С. 68–77.
3. Оганова В. Р. Роль медиа в межэтническом согласии: толерантность, интеграция и перспективы развития изданий для мигрантов // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник. М.: Факультет журналистики МГУ, 2016. С. 84–90.
4. Смолярова А. С. Функционирование русскоязычной прессы в современной Германии (социально-политический аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. СПб., 2014. 23 с.
5. Geißler R. Interkulturelle Integration von Migranten – Ein humaner Mittelweg zwischen Assimilation und Segregation // Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland / Hrsg. Geißler R., Poettker H. Bielefeld: transcript, 2005. S. 45-70.
6. Lichtenstein D. Europäische Idenditäten. Konstanz – München: UVK Verlagsgesellschaft, 2014. 374 s.
7. Poettker H. Soziale Integration. Ein Schlüsselbegriff für die Forschung über Medien und ethnische Minderheiten // Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland / Hrsg. Geißler R., Poettker H. Bielefeld: transcript, 2005. S. 25-43.

References

1. Arakeljan F. A. Inojetnicheskaja pressa v Rossii: genezis, regulirovanie, organizacija dejatel'nosti (Po materialam armjanskoj pechati vtoroj poloviny XIX v.): thesis. (*Foreignethnical press in Russia: genesis, moderation, workflow management (following Armenian press mid-to-late XIX century*). St. Peterburg, 2004. 284 p. (In Russian).
2. D'Inka V. Zhurnalistika: mezhdu professiej mechty i «duhovnoj katorgoj» (*Journalism: between dream carrer and "spiritual drudgery"*) // Modernizacija zhurnalistskogo obrazovanija. Rostov-on-Don: Kniga, 2006. P. 68–77. (In Russian).
3. Oganova V. R. Rol' media v mezhjetnicheskom soglasii: tolerantnost', integracija i perspektivy razvitija izdanij dlja migrantov (*The role of media in the interethnic consent: tolerance, integration and prospects for the development of migrants*) // Jetnicheskaja zhurnalistika: istorija i sovremennost'. Ezhegodnik. Moscow: MSU, 2016. P. 84–90. (In Russian).
4. Smoljarova A. S. Funkcionirovanie russkojazychnoj pressy v sovremennoj Germanii (social'no-politicheskij aspekt) (*Russian-language press functioning in modern Germany (politico-social aspect)*): abstract of thesis. St. Peterburg, 2014. 23 p. (In Russian).
5. Geißler R. Interkulturelle Integration von Migranten – Ein humaner Mittelweg zwischen Assimilation und Segregation // Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland / Hrsg. Geißler R., Poettker H. Bielefeld: transcript, 2005. S. 45–70. (In German).
6. Lichtenstein D. Europäische Idenditäten. Konstanz – München: UVK Verlagsgesellschaft, 2014. 374 S. (In German).
7. Poettker H. Soziale Integration. Ein Schlüsselbegriff für die Forschung über Medien und ethnische Minderheiten // Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland / Hrsg. Geißler R., Poettker H. Bielefeld: transcript, 2005. S. 25–43. (In German).

УДК 81-26

Е. Е. Плохая

НАУЧНАЯ ЭТИКА КАК МАНИФЕСТАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ[1]

В данной статье рассмотрены понятия «кодекс поведения ученых», «научная этика», «толерантность», «принципы толерантности» в качестве маркеров гармоничной научной коммуникации. Акцент при этом сделан на сопоставительном анализе языковых маркеров толерантности на примере научных статей из экономической и гуманитарной областей знаний. В целях изучения норм этики и проявлений толерантности в различных сферах научной коммуникации автор обращается к документам «Декларация принципов толерантности», «Кодекс поведения ученых», выполняющих такие важные функции, как регулирующая, мировоззренческая, гносеологическая и коммуникативная, и обобщающих принципы, правила и нормы, способствующие повышению и поддержанию высокопрофессиональной деятельности специалиста.

Ключевые слова: толерантность, научная этика, принципы толерантности, мораль, маркеры толерантности.

E. E. Plokhaya

SCIENTIFIC ETHICS AS A MANIFESTATION OF TOLERANCE PRINCIPLES

The article discusses the concept of «scientists' code of conduct», «scientific ethics», «tolerance», «principles of tolerance» as marks of harmonious scientific communication. The focus is on the comparative analysis of linguistic marks of tolerance by the example of scientific articles of economic and humanitarian fields of knowledge. In order to elucidate the ethic standards and the manifestations of tolerance in different spheres of scientific communication. The author refers to «Declaration of principles of tolerance», the «Scientists' code of conduct» which highlight such important functions as regulating, ideological, gnoseological, and communicative, generalizing the principles, rules and norms that contribute to the improvement and support of specialist's professional activity.

Key words: tolerance, scientific ethics, principles of tolerance, morality, marks of tolerance.

«Толерантность состоит в том, что должно быть уважение к иному явлению, нежели к тому, к которому ты привык. Уважение к личности, к человеку, независимо от его национальности, вероисповедания, уважения к его ценностям и традициям. Самое главное – это умение понимать друг друга».

В. Зорин, министр РФ, курирующий вопросы национальной политики

Мир, как и природа, многообразен, на Земле живут народы, неповторимые по своей культуре, традициям и обычаям, при этом все люди связаны друг с другом видимыми и невидимыми нитями коммуникации. Ведущую роль в формировании системы ценностей общества играют этические ценности. Этическая система того или иного общества определяет уровень его цивилизационного развития, позволяет судить о его способности успешно противостоять вызовам времени, в разных ситуациях отбрасывать личные интересы ради сохранения ранее достигнутых обществом высот, поддержания приемлемых для каждого возможностей жизнедеятельности. В сфере современной научной

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126.

деятельности этика постулирует специфику моральных взаимоотношений как внутри самого научного сообщества, так и между наукой и обществом в целом, определяя свод ценностей, норм и правил взаимодействия в данных областях. В последнее время центральное место наряду с этическими нормами занимает понятие «толерантность», которое дефинируется с различных позиций, но недостаточно исследованы языковые маркеры толерантности, которые могут проявляться в поведении человека в различных коммуникативных ситуациях. В данной статье осуществлена попытка рассмотреть маркеры толерантности на материале научных статей из экономической и гуманитарной областей знаний.

Этика относится к древнейшим наукам, родоначальником которой признается Аристотель. Этика – это наука о поведении людей, нравах и обычаях в поведении (ср. древнегреч. ethos – дом, очаг, позднее нрав, обычай, характер). Методологическое значение имеет в этом плане понятие этического кодекса как «свода предписываемых к исполнению нравственных принципов, ценностей и норм, не подкрепленного репрессивным аппаратом, но обеспечивающего полное, обобщенное, системное регулирование внутренних и внешних отношений конкретной социальной группы» [10, с. 140]. Глобальная этическая обсерватория ЮНЕСКО на сегодняшний день содержит данные об официально зарегистрированном кодексе поведения ученых (российских среди нет). Эти документы отличаются по назначению (регулирующие, вдохновляющие, образовательные) и по охвату (региональные, национальные, глобальные), они отражают не только общечеловеческие моральные принципы, но и традиции, сформировавшиеся в рамках национальных научно-исследовательских школ, и выполняют важнейшие функции, среди которых выделяются регулирующая, мировоззренческая, гносеологическая и коммуникативная. Как отмечает М. В. Черепанова, «попытка создания универсального кодекса нацелена на интеграцию мировой науки, преодоление этического релятивизма, возникшего вследствие того, что различные своды, регламентирующие поведение в рамках того или иного научного сообщества, уже существуют практически во всех странах мира» [12, с. 140].

Важно отметить, что в последние годы сложилась структурно-композиционная модель этических кодексов, представленная двумя частями: вступительной частью или преамбулой, и собственно принципами. Вступительная часть этического кодекса содержит цели создания и принятия данного документа, вторая и главная часть кодексов состоит из этических норм и морально-нравственных принципов деятельности специалистов [4].

Наше исследовательское внимание сфокусировано на научной этике, которая определяется как «совокупность установленных и признанных научным сообществом норм поведения, правил морали научных работников, занятых в сфере научно-технологической и научно-педагогической деятельности» [1]. В специальном энциклопедическом словаре разграничиваются понятия «этика науки» и «научная этика»: «этика науки – область философской и внутринаучной рефлексии, направленной на моральные аспекты как собственно научной деятельности, включая взаимоотношения внутри научного сообщества, так и взаимоотношений науки и научного сообщества с обществом в целом» [6, с. 591], в то время как «научная этика (1930) – одна из основополагающих работ К. Э. Циолковского, представляющая собой своего рода манифест этики космизма» [6, с. 306]. По мнению К. Э. Циолковского, «с одной стороны, этика лежит в основании гуманистических и естественно-научных представлений мировоззрения: идея блаженства и совершенства жизни по Вселенной является главным стимулом его научно-технического творчества; с другой, Циолковский постоянно подчеркивает научность своих взглядов, опираясь на позитивный универсализм этического знания, коренящийся в естественном стремлении человека к счастью совершенства» [6, с. 591]. Необходимо также подчеркнуть, что оба определения объединены, на наш взгляд, моральным аспектом, который является движущей силой гармоничного взаимодействия в научных сообществах.

Мы разделяем точку зрения А. М. Скляровой, что «в профессиональной (прикладной) этике сочетаются интересы общества (…), высокие требования к профессионалу, в том числе к его моральному облику. Про-

фессиональная честь и достоинство – это показатели моральной ценности человека. Это своеобразный эталон для определения нравственности человека, который представляет определенную социальную группу» [8, с. 28]. Мораль (от лат. moralis – относящийся к нраву, характеру, складу души, привычкам), этимологически совпадает с греческим термином «этика» (…); форма сознания и вид общественных отношений, направленных на утверждение самоценности личности, равенства всех людей в их стремлении к счастливой жизни, выражающих идеал человечности, гуманистическую перспективу истории [11].

В настоящее время такие документы, как «кодекс научной этики», «кодекс поведения ученых», «профессиональные кодексы этики» разных специальностей, обобщают общие принципы, правила и нормы, способствующие повышению и поддержанию высокопрофессиональной деятельности специалиста. Согласно нормам научной этики, принятым Сенатом Общества Макса Планка 24 ноября 2000 г., «принципы научной этики могут быть нарушены различными способами – от небрежного применения научных методов или невнимательного документирования данных до серьезных научных преступлений, таких как умышленная фальсификация или обман (…). Кроме того, они подрывают веру общества в надежность научных результатов и разрушают взаимное доверие ученых (…)» [7].

Можно констатировать, что такие качества человека, как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности, а также моральный долг раскрывают разные аспекты понятия «толерантность», которое в последние годы часто употребляться в различных сферах жизни. Во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости»: лат. tolerantia – терпение, аналогично англ. tolerance, toleration, нем. Toleranz, франц. tolerance. В процессе историко-культурного развития и становления философской мысли категория терпимости (толерантности) претерпевала изменения, обусловленные переменами в самом обществе. Уже в XIX в. глагол «терпеть» имел несколько значений: выносить, страдать, крепиться, стоять не изнемогая, выжидать, допускать, послаблять, не спешить, не гнать и др.

На Генеральной конференции ЮНЕСКО резолюцией 5.61 от 16 ноября 1995 г. была утверждена Декларация принципов толерантности, эта дата также является ежегодным Международным днем, посвященным толерантности, что подчеркивает общечеловеческую значимость данного качества личности и общества в целом. Согласно Декларации, «толерантность» означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [1].

В философии и этике идеи толерантности прежде всего связаны с такими мыслителями, как Джон Локк, Франсуа Вольтер, Лев Толстой, Михаил Бахтин, Януш Корчак, чьи имена вошли в историю человечества. В этике «толерантность» отождествляют с понятием «терпимость» – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей.В науке, как и в любой области человеческой деятельности, взаимоотношения между теми, кто в ней занят, и действия каждого из них подчиняются определенной системе этических норм, определяющих, что допустимо, что поощряется, а что считается непозволительным и неприемлемым для ученого. Эти нормы возникают и совершенствуются в ходе развития самой науки, являясь результатом своего рода «исторического отбора», который сохраняет только то, что необходимо науке и обществу на каждом этапе истории [11].

Ученые считают, что нормы научной этики редко формулируются в виде специальных перечней и кодексов – как правило, они передаются молодым исследователям от их учителей и предшественников. По мнению М. П. Котюровой, «толерантность по отношению к другому вынуждает ученого, автора текста, описывать, определять, объяснять, иллюстрировать – выполнять множество ментальных действий по формированию информационного пространства для читателя (…). Получение научного знания всегда сопровождается усилением субъективности (…), так как у читателя всегда своё понимание объекта» [3, с. 113].

Мы согласны с утверждением Н. В. Соловьевой, что «толерантность научной речи –

это категория коммуникативного типа, отражающая отношения субъектов в научном речевом общении, имеющая градуальную степень проявления и соотносимая с текстовыми категориями оценочности речи и категоричности / некатегоричности изложения [10, с. 13]. Толерантность в научной коммуникации в плане стремления автора текста быть понятым читателем предполагает терпимость одного из коммуникантов по отношению к другому [3, с. 115], однако понимание не гарантировано, оно ограничено. Яркие примеры нетолерантного речевого поведения автора связаны с негативной оценкой идей, гипотез, концепций ученых. Толерантное отношение одного учёного к мнению других проявляется за счёт выбора языковых средств выражения. Автор текста, описывая проблему / вопрос, соглашается с мнением другого ученого, объясняет и аргументирует представляемую точку зрения, то есть выражает своё понимание идеи другого учёного, которая в свою очередь может не совпадать с его концепцией.

Рассмотрим языковые маркеры толерантности в научной речи на примере текстов из экономической и гуманитарной областей знаний. Очевидно, что маркеры толерантности связаны с субъективностью автора, с категорией модальности текста, которая неизбежна по причине того, что каждый учёный пытается доказать, аргументировать истину своего мнения. Доказательная база экономических и гуманитарных текстов разная. Для сравнительного анализа была привлечена статья экономической тематики «Современный рынок ипотеки: развитие, ожидание, прогноз», опубликованная в материалах XII межвузовской научно-практической конференции «Роль финансов в решении социально-экономических проблем общества» [2, с. 59–62], автором которой является М. В. Каширина. Следует отметить, что «нарратив экономического дискурса, представляя собой (…) набор сюжетов как общего характера, так и ряда частных проблем, является важной составляющей современных исследовательских направлений» [9, с. 64]. Автор апеллирует к читателю, предлагает принять участие в исследовании, вовлекая его диалог посредством использования неопределенно-личных предложений: *попробуем разобраться, как развивается российский рынок ипотеки…; при этом отмечается, что к концу 2013 года заметно снизились показатели...; во главе рейтинга все также можно видеть Сбербанк России (234, 2 млрд рублей), за ним следует ВТБ 24 (97,7 млрд рублей)*,.... Наблюдается вопросно-ответное построение речи, риторические вопросы, которые используются для акцентирования важных проблем, стимулируя тем самым читательскую рефлексию: *О чем это может говорить? Но может ли это означать, что лидеры намеренно вытесняют небольшие банки на «обочину» ипотечного рынка? Однозначного мнения на этот счет в экспертных кругах пока нет*.

Важную роль играют при этом предложения с вводными модальными словами, а также авторские оценочные суждения, гармонизирующие общение: одобрение *(разумеется, у банков с «господдержкой» изначально было больше шансов в конкурентной борьбе; поэтому сейчас, на новом этапе, надо перейти к решению жилищного вопроса...; доступность кредитов для населения возросла, в том числе за счет снижения процентных ставок...; однако, кто бы что бы ни говорил, свободный выбор в оформлении ипотеки существует, и это тоже является фактом)*, достоверность информации, подтверждаемая личным мнением автора *(…считаю, что государство становится монополистом на ипотечном рынке России; убежден, у нас есть уникальный шанс … кардинально решить и другую застарелую российскую проблему…; считаю этот вопрос наиболее важным как для Правительства Российской Федерации, так и для руководителей регионов России)*, его знаниями и когнитивным опытом *(...прямо скажем, и это мы с вами хорошо знаем…; …имеется вполне позитивная динамика роста выдачи ипотеки)*; ожидание *(почти таких же цифр ожидают и специалисты из АИЖК…; как бы то ни было, хочется верить, что государство предпримет дальнейшие шаги…)*; сравнение *(всё-таки лучше прогноз хоть с малой вероятностью претворения в жизнь, чем вообще отсутствие такового; в соотношении с количеством и объёмами выданных банками ипотечных кредитов они находятся на крайне низком уровне)*; обобщение, вывод *(региональными целе-*

выми программами установлены меры поддержки отдельных категорий граждан…, в том числе семей молодых учителей,…). Приведенные примеры свидетельствуют о гармоничной коммуникации между автором статьи и читателем: мнение ему не навязывается, объективная информация приводится в некатегоричной форме и подкрепляется авторскими оценочными суждениями.

Для сравнительного анализа в качестве текста гуманитарной направленности была рассмотрена статья из Вестника Челябинского государственного университета за 2013 год «Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России», автором которой является Т. В. Мизюрина [5, с. 106–111]. Автор статьи представляет историю возникновения понятия «сленг», приводя факты, соглашаясь с мнениями учёных-исследователей, признавая их роль в формировании концепции преимущественно посредством приведения мнения авторитетных ученых: *А. Липатов утверждает, что...; Э. М. Береговская в своих работах уделяет особое внимание изучению современного молодёжного сленга, где, по её мнению,...; В своих рассуждениях автор прибегает к различным формулировкам; Сленг, по мнению В. А. Хомякова, это...; очень важно ещё одно отмеченное О. С. Ахмановой качество...; Как справедливо указывает профессор Р. А. Будагов,*…. Толерантно маркированным и некатегоричным можно считать следующее высказывание: *О. С. Ахманова частично соглашается с точкой зрения В. А. Хомякова, предлагая следующую трактовку понятия*.... На синтаксическом уровне были отмечены следующие средства, способствующие взаимопониманию и приверженности традиции: инверсия *(как известно, до сих пор в современной лингвистике существуют сомнения относительно происхождения слова «сленг»)*; безличные конструкции некатегоричного характера (*как видим; рассмотрим; стоит отметить)*. Важную прагматическую функцию выполняют вводно-модальные слова, при помощи которых автор выражает уверенность, значимость, предсказуемость, безальтернативность, а также выражения, структурирующие текст и подводящие адресата к логическому выводу *(исключительно важно потому, что...; безусловно, одним из актуальных вопросов современной лингвистики стоит отметить...; как известно; таким образом; все выше написанное является подтверждением того, что...; вероятно, в качестве примера можно привести...)*; высказывания, построенные напротивопоставлении *(такие слова не годятся для официальнолй инструкции, но удобны для делового разговора профессионалов)*; насравнении *(стоит отметить, что в молодёжном обществе активно используются такие французские термины, как жаргон, арго и заимствованный из английской лексикологии термин сленг)*. На графическом уровне автор выделил курсивом слова для субъективного акцентирования ключевых слов: сленг, арго, жаргон, кэнт, шестёрка.

В современном мире наука – это двигатель прогресса, поэтому соблюдение принципов научной этики – необходимое условие для дискуссионного обсуждения научных результатов. Нарушения этических норм науки, самоутверждение за счет других могут вызывать серьезные трудности в развитии той или иной области знания. Этические нормы охватывают самые разные стороны деятельности ученых: процессы подготовки и проведения исследований, сбора материала, публикацию научных результатов, проведение научных дискуссий, когда сталкиваются различные точки зрения. Анализ текстов из разных областей знания показал, что текст экономической тематики четко структурирован, логичен и основан на статистических данных. Автор статьи приводит иллюстративные примеры, использует графические символы, диаграммы, формулы, с помощью которых доказывает свое согласие / несогласие с оценкой сложившейся ситуации, которое реализуется посредством различных языковых маркеров гармоничного толерантного общения. В тексте гуманитарной области знания автор, опираясь на предшествующие исследования, ссылается на результаты изысканий авторитетных ученых, проводит параллели с достижениями настоящего времени, использует в своих объяснениях языковые средства, проявляя высокую степень толерантности.

Литература

1. «Декларация принципов толерантности» (Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (Дата обращения: 21.09.2016).
2. Каширина М. В. Современный рынок ипотеки: развитие, ожидания, прогноз. // Материалы конференций: сбоник статей / под ред. В.К. Семёнычева. Т.1. Самара: САГМУ, 2014. С. 59–62.
3. Котюрова М. П. Научная коммуникация и толерантность / гл. ред. М. Ж. Чаркич. // Стил: Международный журнал. 2002. № 1. С.105–118.
4. Лопатин В. П. Биоэтика: учебник для вузов. URL: http://vmede.org/sait/?page=13&id=Biojetika_lopatin_2009&menu=Biojetika_lopatin_2009 (Дата обращения: 21.09.2016).
5. Мизюрина Т. В. Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России // Вестник Челябинского университета. 2013. №1(292). С.106 – 111.
6. Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. 671 с.
7. Нормы научной этики (приняты Сенатом Общества Макса Планка 24 ноября 2000 г.) / пер. В.Тереховой. URL: http://www.sbras.ru/HBC/2002/n04-05/f17.html (Дата обращения: 21.09.2016).
8. Серебрякова С. В., Сидельникова Е. А. Коммуникативная обусловленность вербализации концепта «кризис» в экономическом дискурсе // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. №3. 2012. С. 64–69.
9. Склярова А. М. Этические нормы и принципы научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3. С. 26–29.
10. Соловьева Н. В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.: дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2007. 244 с.
11. Фролов И. Т. Введение в философию: учеб. пособие для вузов. URL: http://eurasialand.ru/txt/frolov2/menu.htm (Дата обращения: 21.09.2016).
12. Черепанова М. В. Философско-методологические аспекты создания кодекса этики научного сообщества // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. №6. С. 140–144.

References

1. «Deklaratsiya printsipov tolerantnosti» (*Declaration of tolerance principles*) (Utverzhdena rezolyutsiey 5.61 General'noy konferentsii YuNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda) URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
2. Kashirina M. V. Sovremennyy rynok ipoteki: razvitie, ozhidaniya, prognoz (*Modern mortgage loans market: development, anticipations, strategic vision*) // Materialy konferentsiy / ed by V. K. Semenychev. Vol. 1. Samara: SAGMU, 2014. P. 59–62. (In Russian).
3. Kotyurova M. P. Nauchnaya kommunikatsiya i tolerantnost' (*Scientific communication and tolerance*) / ed by M. Zh. Charkich. // Stil: International review. 2002. No. 1. P. 105–118. (In Russian).
4. Lopatin V. P. Bioetika: uchebnik dlya vuzov (*Bioethics: university course*) URL: http://vmede.org/sait/?page=13&id=Biojetika_lopatin_2009&menu=Biojetika_lopatin_2009 (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
5. Mizyurina T. V. Opredelenie i obshchie kharakteristiki ponyatiya «sleng», ego rol' v yazyke i kul'ture sovremennoy Rossii (*Definition and common characteristics of the notion "slang", its role in the language system and culture of the modern Russia*) // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. 2013. No. 1 (292). P. 106–111. (In Russian).
6. Entsiklopedicheskiy slovar' (*Encyclopaedic dictionary*) / ed by R. G. Apresyan and A. A. Guseynov. Moscow: Gardariki, 2001. 671 p. (In Russian).
7. Normy nauchnoy etiki (*Norms of scientific ethics*) (prinyaty Senatom Obshchestva Maksa Planka 24 noyabrya 2000 g.) / translated by V. Terekhova. URL: http://www.sbras.ru/HBC/2002/n04-05/f17.html (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
8. Serebryakova S. V., Sidel'nikova E. A. Kommunikativnaya obuslovlennost' verbalizatsii kontsepta «krizis» v ekonomicheskom diskurse (*Communicatively conditioned verbalization of the concept «crisis» in economic discourse*) // Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika». 2012. No. 3. P. 64–69. (In Russian).
9. Sklyarova A. M. Eticheskie normy i printsipy nauchnoy deyatel'nosti (*Ethic norms and principles of scientific activity*) // Bibliosfera. 2006. No. 3. P. 26–29. (In Russian).
10. Solov'eva N. V. Tolerantnost' v nauchnoy diskussii: lingvostilisticheskiy aspekt: na materiale tekstov nauchnykh diskussiy 1950–2000-kh gg. (*Tolerance in scientific discussion: lingoustylistic aspect: as exemplified in scientific discussions texts*): thesis. Perm', 2007. 244 p. (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
11. Frolov I. T. Vvedenie v filosofiyu (*Introduction to philosophy*). URL: http://eurasialand.ru/txt/frolov2/menu.htm (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
12. Cherepanova M. V. Filosofsko-metodologicheskie aspekty sozdaniya kodeksa etiki nauchnogo soobshchestva (*Philosophical and methodological aspects of academic community ethics code development*) // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2012. No. 6. P. 140–144. (In Russian).

УДК 81’42

Е. А. Сидельникова

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ[1]

Актуальным в современном мире остается воспитание толерантности, необходимое как для повышения терпимости друг к другу разных слоев общества, так и для качественного роста эффективности современной экономики. В статье освещается вопрос формирования терпимости как компетентностной составляющей студентов-журналистов/лингвистов в целях обеспечения гармоничного общения в профессиональной сфере на материале текстов экономической направленности. Новизна работы состоит в том, что обучение основано на развитии навыков и умений распознавать те лексико-грамматические конструкции, стилистические средства в тексте, которые направлены на достижение сбалансированного взаимодействия или применение которых ведет к коммуникативной неудаче.

Ключевые слова: коммуникация в профессиональной сфере, эффективная коммуникация, толерантность, активная толерантность, интолерантность, гармонизация речевого акта.

E. A. Sidelnikova

STRATEGIES AND TACTICS OF EFFECTIVE COMMUNCATION IN PROFESSIONAL SPHERE

Tolerance development is of great current interest in the modern world. It is important not only for indulgence enhancement of different social groups to each other, but also for significant increase of efficiency of the modern economy. The article highlights the issue of tolerant skills formation as student-journalists and linguists’ competent component to achieve effective communication in professional sphere on the basis of economic texts. The main principle of studying is to develop skills and abilities to recognize lexico-grammatical structures, stylistic means, which are used in the text to gain harmonious communication or which lead to a communicative failure.

Key words: communcation in professional sphere, effective communcation, tolerance, active tolerance, intolerance, speech act harmonisation.

Успех любой страны, в том числе и ее социально-экономической сферы, складывается во многом благодаря успешному формированию культуры гармоничного диалога на государственном уровне, умению идти на взаимные уступки, эффективной конкуренции между различными финансово-промышленными группами, сферами малого и среднего предпринимательства. Прагматическая функция толерантности как совокупность норм, существующих в том или ином сообществе, является фундаментом экономики, которая определяет баланс интересов взаимодействующих участников. Так, в процессе поиска совместного решения проблемы любые проявления интолерантности ведут к коммуникативной неудаче. Исследование принципов этики делового общения, основанного на культуре коммуникативной деятельности в странах с развитой экономикой, позволяет утверждать, что в современном мире воспитание толерантности необхо-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126

димо как для повышения терпимости друг к другу разных слоев общества, так и для качественного роста эффективности современной экономики.

Формирование толерантного сознания происходит в течение всей жизни человека, однако его основы закладываются в процессе первичной социализации. Важнейшим институтом социализации наряду с семьей является образование, именно система образования призвана закладывать идеологические основы будущей толерантной индивидуальности.

Знания и умения в области обеспечения эффективной коммуникации имеют большое значение как в профессиональной сфере, так и в учебном процессе. В задачи преподавателей высшей школы, помимо прочего, входит научить магистров как будущих специалистов в сфере журналистики писать тексты различных жанров с акцентом на эффективном / гармоничном диалоге с потенциальным реципиентом.

Под коммуникацией в профессиональной сфере в данной работе мы понимаем диалог журналиста/лингвиста (автора сообщения) с реципиентом (читателем) посредством письменных текстов различных жанров. Эффективная коммуникация, в нашем понимании, исходя из того факта, что материалом исследования являются тексты, означает умение применять на практике вербальные способы воздействия, поиск таких форм общения, которые были бы наиболее результативными для взаимопонимания. Для развития данных навыков на практических занятиях студентам выдаются специально подобранные тексты, изобилующие специфическими изобразительно-выразительными средствами, которые встречаются в каждом из родов журналистики. После ознакомления с содержанием текста перед будущими специалистами ставится задача проанализировать сообщение с точки зрения толерантной / интолерантной рефлексии описываемого события, выявить языковые и стилистические средства, позволяющие автору изложить информацию в заданном векторе; с основой на личный эмпирический и социальный опыт предложить собственные варианты формулировок той или иной мысли, которая, по мнению реципиента, сформулирована в разрез с гармоничным диалогом. Поскольку целью данного процесса является формирование толерантного сознания, отношения и поведения студентов в активной совместной творческой познавательной деятельности, у преподавателя существует возможность повысить уровень терпимости учащихся.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу текста экономической направленности, студентов информируют о ключевых определениях терминологического аппарата, знание которого необходимо для дальнейшей работы. Такими терминами являются:

Толерантность экономических убеждений, которая предполагает наличие терпимости к экономическим интересам конкурентов, способности вести честную борьбу в процессе осуществления финансовых операций. При наличии толерантности в данной сфере здоровая конкуренция будет эффективно способствовать экономическому развитию, стимулированию активной деятельности как отдельных индивидов, так и целых социальных групп.

В политологии *толерантность* определяется как «позиция тех или иных политических сил, выражающая их готовность допускать существование инакомыслия в своих рядах; в случае, если эти силы находятся у власти. Толерантность проявляется в их политике допускать деятельность оппозиции в конституционных рамках, толкуемых с максимальной широтой. В жизни отдельной личности толерантность – проявление готовности прислушаться к мнению политических противников, стремление их переубедить» [9].

Активная толерантность, вслед за С. Л. Кагановичем, определяется нами как умение активно сотрудничать с «другим», а для этого – идти на компромиссы, договариваться, находить точки соприкосновения при помощи языковых средств. В то же время «активная толерантность» – это и умение «мирно», неконфликтно убедить «другого» в своей правоте, поспорить, отстоять свое мнение, защитить права другого [2].

Под *интолерантностью* в текстах, освещающих экономические события в мире, мы понимаем разрушение иерархии ценностей, поведенческих образцов, жесткую критику экономических практик в отношении стратегических союзников с учетом исключительно собственных интересов и выгод, что делает

общество более конфликтным и менее плюралистическим [5].

Гармонизация речевого акта в данной статье определяется как способ организации сообщения при помощи языковых единиц с нейтральной / положительной коннотацией во избежание коммуникативного конфликта на международной экономической арене [6, p. 121].

В нашем исследовании считаем целесообразным использовать следующие определения *речевой стратегии* с прагмалингвистической точки зрения: «совокупность речевых действий» [8, p. 58], «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [3, p. 192]. Разделяя мнение Т. ван Дейка, мы трактуем *речевую тактику* как «совокупность действий, направленных на достижение стратегий; языковые маркеры – речевые приемы, которые в комплексе позволяют выявить механизмы влияния» [1, p. 58].

Явления *эвфемизации / дисфемизации* рассматриваются нами в качестве стратегий газетно-публицистического экономического дискурса, так как основной целеустановкой авторов сообщений является блокирование нежелательной / порождение прагматически релевантной информации [7, p.7].

Следующий этап представляет собой непосредственно анализ контекстов, представляющих интерес с лингвистической и прагматической точек зрения в процессе формирования эффективной коммуникации. В качестве примера разберем несколько фрагментов на материале газетно-публицистических текстов экономической направленности.

Так, в информационном источнике «Новая газета» от 01.06.2016 г. нами была обнаружена статья под заголовком «Министерство в чрезвычайной ситуации». Интерес для анализа также вызвал ее подзаголовок: Зарплаты в кредит, коммуналка в долг, сокращение уникальных специалистов и другие способы «оптимизации бюджета» некогда всесильного ведомства. Автором сообщения является Зинаида Бурская.

Уже в заголовке статьи игра слов министерство в чрезвычайной ситуации (что определяется фактологической тактикой) реализует целеполагание автора – дисфемистично указать на негативно сложившуюся ситуацию в МЧС. Подобный способ изложения информации дисгармонирует с общим представлением россиян о благополучии такого всесильного ведомства. Возможно, именно поэтому З. Бурская только намекает, о какой службе идет речь. К тому же взятая в кавычки фраза «оптимизации бюджета» (выполняющая роль тактики иронии) свидетельствует о ее переносном значении, то есть эвфемистичном – предпринятые действия при планировании бюджета не способствовали получению плодотворных результатов. Однако автор не оставляет читателя в неведении, о каких конкретно действиях идет речь, и в своем метакомментарии раскрывает их, а значит и эвфемизацию. Все перечисленное позволяет сделать вывод о том, что автор сообщения критикует данную экономическую практику, следовательно, освещает вопрос интолератно.

Следующий пример, автор которого – Елена Краснолуцкая, взятый нами из газеты «Правда» от 30.05.2016 г., носит название «Дети лейтенанта Шмидта».

Как и в первом примере, данная статья (представляющая собой расследование конкретных фактов) уже в заголовке обнаруживает интересные элементы для лингвистического анализа. Так, наличие аллюзии (тактика иронии или сарказма) на произведение Ильфа и Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок» намекает (эвфемизирует) на тот факт, что в 1920-х годах по стране перемещались самозванцы, выдававшие себя за родственников известных людей. Из этого следует, что автор достигает гармонизации речевого акта.

В дополнение к этому аллюзия предваряет содержание всего сообщения, в котором сказано: «Давно замечено, что в пору кризиса в экономике происходит активизация *мошенников*, а в аграрном секторе это явление приобретает массовый характер в лице *«липовых» поставщиков* материально-технических ресурсов, и в частности удобрений». В данном контексте *мошенники и «липовые» поставщики* и есть те самые «дети лейтенанта Шмидта», другими словами Е. Краснолуцкая раскрывает (дисфемизирует) подтекст информации, используя тактику разоблачения.

Далее итоги расследования комментирует директор агентства «Стратег» В. И. Решетняк: «Как известно, минеральные удобрения в любом агрохозяйстве – вещь необходимая, ибо от внесения их в почву во многом зависит объём будущего урожая. Вот только цены на них нынче *ой как кусаются*. А тут вдруг объявляется *доброхот*, готовый *«выручить»*, предлагая купить у него недорогие удобрения. *Как не клюнуть на эту удочку? Увы,* не все благодарные покупатели способны сразу заметить подвох, следуя *мудрому совету «доверяй, но проверяй»*.

Олицетворение *цены … ой как кусаются* представляет собой фактологическую тактику, которая в свою очередь, реализует стратегию дисфемизации информации о высоких ценах. Далее автор присваивает слову «доброжелатель» оттенок сарказма и вводит в свое сообщение фразу *объявляется доброхот,* усиленную закавыченным, а значит, имеющим подтекст глаголом *«выручить»*, что эвфемизирует продажу некачественного товара, т.е. потенциальное мошенничество. В данном отрезке анализируемого контекста проявляется терпимость к незаконным действиям представителей торгового сектора. Разговорная версия фразы *Как не клюнуть на эту удочку?* приближает В. И. Решетняка к собеседнику, что характеризует эффективную коммуникацию. То же касается и любимого выражения вождя пролетариата *«доверяй, но проверяй»*. Подобные вкрапления ярко подчеркивают смысл сказанных слов, реализуя в данном контексте рекомендательную тактику стратегии дисфемизации.

Эффективная коммуникация в газетно-публицистических текстах достигается и в случае использования автором невербальной фактуры текста. Так, коллаж Андрея Дорофеева к статье из газеты «Аргументы и Факты» № 22 от 01.06.2016 г., озаглавленной как «Битва программ. По какому пути идти российской экономике?», доминирует над основным текстом и декодирует информацию о том, что «на заседании президиума президентского экономического совета В. Путину представили два антикризисных плана – бывшего министра финансов Алексея Кудрина и подготовленный экспертами «Столыпинского клуба» под председательством бизнесмена Бориса Титова».

Вычленяя самое главное и важное для читателя, визуальный контекст реализует стратегию дисфемизации через фактологическую тактику и тактику иронии, а также частично принимает на себя когнитивную функцию, поясняя, что между А. Кудриным и Б. Титовым происходит битва за право внедрения именно его варианта антикризисного плана.

В контекстах, проанализированных нами выше, были представлены не все тактики, реализующие стратегии дисфемизации (интолерантный характер сообщения) и эвфемизации (гармонизация диалога). Поэтому представим наиболее частотно обнаруживаемые учеными-лингвистами в газетно-публицистических текстах тактики [7, p. 15] в виде следующей таблицы:

Тактики газетно-публицистических текстов
фактологическая сравнения обвинения разоблачения, вопроса-разоблачения критики, оскорбления, иронии, сарказма совета, намека, проспекции, побуждения планирования, рекомендации, жалобы прогноза угрозы, предостережения

Таким образом, на материале газетно-публицистических текстов экономической направленности студентам демонстрируется возможность гармоничного, а значит и эффективного формирования коммуникации на лексико-семантическом уровне речевого произведения. Обучающиеся знакомятся с тем, что, применяя ту или иную тактику стратегии эвфемизации / дисфемизации, в своих сообщениях у них есть возможность развернуть диалог в пользу говорящего или де-

структировать коммуникативный акт. Развитие способности анализировать сообщение в данном направлении позволит будущим специалистам (лингвистам, журналистам) побудить реципиента к действию, оценке фактов, событий, вербальной реакции, принятию эффективных решений в пользу адресанта.

Литература

1. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Каганович С. Л. Пути формирования толерантного сознания в российской школе URL: http://www.tolerance.ru/Puti-formirovaniya.php?Pr Page=Deti (Дата обращения: 21.06.2016).
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
4. Сидельникова Е. А. Межкультурная толерантность как стратегия эвфемизации в деловом дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2. URL: http://www.science-education.ru/122-20754.pdf (Дата обращения: 21.06.2016).
5. Сидельникова Е. А. Стратегия эвфемизации как способ гармонизации коммуникативного акта в ПЭД. Материалы Глобального партнерства по развитию научного сотрудничества: сборник научных статей / под общ. ред. В. А. Должникова. М.: Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества, 2015. С. 120–125.
6. Сидельникова Е. А. Коммуникативно-прагматическая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: АГУ, 2013. 21 с.
7. Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. №3. С. 56–65.
8. URL http://chechen.izbirkom.ru/way/968130/sx/art/934582/cp/1/br/931690.html.html (Дата обращения: 21.06.2016).

References

1. Dejk van T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija (*Language. Cognition. Communication*). Moscow: Progress, 1989. 312 p. (In Russian).
2. Kaganovich S. L. Puti formirovanija tolerantnogo soznanija v rossijskoj shkole (*Ways of tolerant consciousness formation in the Russian school*). URL: http://www.tolerance.ru/Puti-formirovaniya.php?Pr Page=Deti (Accessed: 21.06.2016). (In Russian).
3. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa (*Fundamentals of the discourse theory*). Moscow: Gnozis, 2003. 280 p. (In Russian).
4. Sidel'nikova E. A. Mezhkul'turnaja tolerantnost' kak strategija jevfemizacii v delovom diskurse (*Cross-cultural toleration as a strategy of euphemisation in business discourse*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. №2. URL: http://www.science-education.ru/122-20754.pdf (Accessed: 21.06.2016). (In Russian).
5. Sidel'nikova E. A. Strategija jevfemizacii kak sposob garmonizacii kommunikativnogo akta v PED (*Strategy "euphemisation" as a way of harmonization in communication within journalistic economic discourse*). Materialy Global'nogo partnerstva po razvitiju nauchnogo sotrudnichestva: sbornik nauchnyh statej / pod obshh. red. V. A. Dolzhnikova. M.: Global'noe partnerstvo po razvitiju nauchnogo sotrudnichestva, 2015. P. 120–125. (In Russian).
6. Sidel'nikova E. A. Kommunikativno-pragmaticheskaja specifika jevfemizacii i disfemizacii v gazetno-publicisticheskom jekonomicheskom diskurse (*The communicative-pragmatic specific features of euphemistic / disphemistic processes within journalistic economic discourse*): abstract of thesis. Majkop: ASU, 2013. 21 p. (In Russian).
7. Trufanova I. V. O razgranichenii ponjatij: rechevoj akt, rechevoj zhanr, rechevaja strategija, rechevaja taktika (*On the distinction of the concepts: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactics*) // Filologicheskie nauki. 2001. No. 3. P. 56–65. (In Russian).
8.URL: http://chechen.izbirkom.ru/way/968130/sx/art/934582/cp/1/br/931690.html.html (Accessed: 21.06.2016). (In Russian).

УДК 81-26

В. П. Ходус, В. В. Сичинава

«СЛОВЕСНАЯ ДЕКОРАЦИЯ»: ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

В статье рассматриваются основные подходы, дифференциальные признаки и критерии выделения «словесной декорации» в драматургическом тексте. Представлена роль и функции декорации в театральном пространстве и описана общая классификация декораций. Несмотря на активность изучения театрального пространства, за пределами поля зрения остаются важные элементы, которые представляют собой, на первый взгляд, невесомые, незначительные категории. Их довольно сложно правильно определить, поэтому такие элементы представлены в категориях «ремарка», «рамочный текст», «метатекстовые высказывания», «авторская речь» и т.д. К таким специфичным и многогранным явлениям и относится словесная декорация.

Ключевые слова: словесная декорация, театральное пространство, ремарки, словесное описание.

V. P. Khodus, V. V. Sichinava

«VERBAL SCENERY»: BASIC TERMINOLOGY AND STRUCTURAL PARAMETERS

The paper considers main approaches, differential features and criteria of specifying the “verbal scenery” in the drama. The role and functions of the scenery in the acting space are presented and the general classification of the scenery is described. Despite the activity of studying theatrical space, outside the field of view are important elements, which are, at first glance, weightless, minor category. They are quite difficult to correctly determine, so these elements are presented in the categories of «note», a «framework text», «metatext expressions», «the author’s speech,» etc. Verbal decoration refers to such specific and multifaceted phenomena.

Key words: verbal scenery, acting space, note, verbal description.

Говоря о декорации, чаще всего подразумевают драматургический текст, где декорация представлена «картинным фоном, прекрасным самим по себе», «живописной иллюзорной» [3, с. 7]. Драматургический текст, тесно связанный с театральным, определяет декорацию следующим образом: «создание на сцене живописными, изобразительными, архитектурными средствами зрительного образа действия [6, с. 68]. Являясь пассивным соучастником событий, часто неменяющимся на протяжении всего театрального действия, декорация «пребывала вне потока драматургического времени, в котором находился и действовал персонаж» [3, с. 7]. Анализ работ, посвященных исследованию декораций, позволяет говорить о подробном изучении изображения интерьера, портретных характеристик, деталей, однако взаимодействие декоративизма и действующих персонажей рассматривается крайне поверхностно, несмотря на их явную зависимость.

Классификация декораций по смысловому критерию предполагает наличие пассивных и активных декораций. Роль пассивной декорации заключается в понимании декорации исключительно живописным средством изображения пространства действия, которое самоценно само по себе (идеи Э. Золя, А. Антуана, О. Брама). Активная декорация в большей степени идет на эксперимент:

она может вообще отсутствовать или быть деформирована, в связи с чем функция декораций переходит из разряда украшения в функцию преображения и динамики. При таком понимании декорация – «это инструмент и только потом уже образ, именно инструмент, а не украшение» [6, с. 68], «декорация становится гибкой, расширяемой и коэкстенсивной, соответственно игре актеров и восприятию зрителя» [6, с. 69]. Такую декорацию рассматривают М. Дени, П. Серюзье, А. де Тулуз-Лотрек, Э. Вюйяр, П. Фора и О. М. Люнье-По, Ж. Жене, Ж. Копо, Ж. Вилар, В. Э. Мейерхольд, А. Я. Головин и другие. К активному типу декорации можно отнести декорации, которые призваны разделять несколько пространств (например, декорации реального мира и сновидений, воображения, потустороннего мира и другие).

В другой классификации декораций на основании функционального критерия выделяют декорации: звуковые (использование звуковых средств), конструируемые (самоценная декорация), симультанные (декорация статическая, располагающаяся все время на сцене) и словесные.

Декорация словесная (устная) является наиболее сложной с точки зрения выделения; она не изображается с помощью визуальных средств, хотя это является одним из признаков декорации, а представляется с помощью комментария персонажа. Конструирование такой декорации возможно только в воображении читателя или зрителя, хотя отдельные ее элементы могут быть воспроизведены в виде настоящих сценических декораций. Так, в пьесе «Три сестры» в ремарки дается: «Полдень, на дворе солнечно, весело» [7, с. 139]. Отсутствие информации о времени года узнается читателем в первой же актерской реплике: «Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, *пятого мая*, в твои именины, Ирина» [7, с. 139].

Развитие авангардного театра и театра символического, возрастание роли режиссера и желание к экспериментированию сценического построения сцены привели к главенствующей роли рамочного текста (Кабыкина Ю. В.), его сужению в объемах, но символизации. Следовательно, должны быть использованы иные средства описания и разъяснения авторского намерения: в этом случае важная роль отводится именно словесным декорациям, заключенным в репликах персонажей. Так, Чипизубова М.И. считает, что словесная декорация более всего раскрывается в театре абсурда, «т.к. он усиливает условную составляющую, определенным образом конструирующую зрительское восприятие» [9, с. 59].

В понимании П. Пави «словесная декорация» связана с пустой сценой и отказом от декорации как особый художественный прием. Для ориентации в художественном пространстве драмы вводятся такие элементы сценографии как афиша, ремарки и всевозможные виды декораций. Поэтому наличие или отсутствие декорации – это всегда знак к размышлению: декорация когда-то должна вступить в действие. В этом случае под декорацией понимается не конкретный предмет, находящийся/ не находящийся на сцене, а декорацией становится «изображаемая пластика актеров, их мимика или простое указание на невидимый предмет» [6, с.69]. Отличие таких декораций в том, что они не сковывают, не ограничивают пространство, а делают его безграничным и образно расширенным. Такие декорации практически всегда невидимы, и зритель/ читатель узнает о них из речи самого персонажа. «Техника словесной декорации возможна только на основании условности, принимаемой зрителем: ему самому предстоит вообразить место действия и немедленную его трансформацию, как только о ней будет объявлено» [6, с. 70], в связи с этим «словесная декорация» часто называется также устной. Об этом же говорит и Р. Барт (только он не использует термин «словесная декорация»): «Речь идет о неотступной драматической игре в скрытые намерения, об искусстве взгляда и жеста, исполненных некоего смысла, подразумевающих тайну» [1, с. 82]. При таком понимании декорация перестает быть авторской: это плод воображения каждого, кто является читателем или зрителем. Ассоциативные ряды и интеллектуальный уровень также играют немаловажную роль.

В лингвистической литературе, посвященной проблематике ремарок, словесные декорации тесно связаны не только с ремарками, но и с авторскими мизансценами, портретными описаниями, обозначениями аксессуаров быта и так далее. Однако не все ученые выделяют словесные декорации как

самостоятельный элемент художественного текста, считая их одной из разновидностью ремарок (Кабыкина Ю. В.) или предполагают некую автономность с сохранением тесной связи с ремарками (Чипизубова М. И.).

Выделение словесной декорации связано с осмыслением театра начала XX века и всех приемов его реализации. Условное представление, разыгрываемое на сцене, достигается путем перенесения активной роли словесному воплощению авторского замысла: «действия героев комментируются не в ремарках, а непосредственно в сценических репликах. <…> Даже портретные характеристики исходят из уст самих персонажей; а не воплощаются визуально, что типично для традиционной сцены» [8, с. 16]. Театральное представление и драматургические тексты – это всегда диалог, степень развития которого зависит от авторских установок и исторических предпосылок театра. «Согласно неписаному соглашению, в театре диалог (так же как и любая речь персонажей) является «действием через речь». Достаточно действующим лицам завязать разговор, как зритель начинает чувствовать трансформацию всего мира спектакля, изменения в актантной схеме, динамику действия» [6, с. 75]. Не вызывает сомнения, что речь персонажей направляет ход мыслей читателя и зрителя, однако ремарки также способствуют вводу информации и ее осмыслению. Ремарка – тоже речь, однако не речь персонажа, но автора. В связи с этим резко встает проблема определения взаимосвязи не только ремарки и словесной декорации, но словесной декорации и словесного описания (изображения). Рассмотрим подробнее возможности выделения критериев для определения словесной декорации.

Функциональный критерий. Каждый элемент художественного текста выполняет определенную функцию: ремарка поясняет обстановку, действия персонажей, цели автора; словесное изображение (словесное описание) дает подробное описание пространственных, временных характеристик, внешностей персонажей и их внутренних переживаний, часто несвязанных с самим сюжетом и действием. По мнению Г. В. Ф. Гегеля, «потребность драмы вообще заключается в наглядном изображении… поступков и отношений, сопровождающемся словесным высказыванием лиц выражающих действие» [4, с. 539]. Словесная декорация выделяет важные характеристики, которые связаны с сюжетным построением художественного текста, выполняет роль пространственных ориентиров. Словесная декорация связана с ремарками и словесными описаниями по своим функциям, однако чаще она дает характеристику пространства и времени, нежели характеристики персонажей и их взаимоотношений.

Структурный критерий. Основными единицами языкового выражения словесной декорации в художественном тексте является слово и словосочетание. Главное отличие словесной декорации от словесного изображения в количестве лексических единиц: словесное описание заведомо предполагает больший объем языкового материала – от словосочетания до текстового фрагмента. Ремарка по своей структуре ближе к словесному описанию, так как может быть выражена одним словом или словосочетанием, однако чаще всего выражается предложением.

Семантический критерий. Особенность словесной декорации выражается в том, что слово (или словосочетание) используется в своих символических, метафорических значениях и приобретает возможность множественности трактовок. Благодаря этому словесная декорация становится сюжетным элементом художественного текста, часто меняющим полностью весь смысл произведения. Ремарки и словесные описания могут приобретать символические значения, тем не менее они появляются, только находясь в тесной связи со значением словесных декораций.

Локализационный критерий (термин используется в работах А. В. Хижняк). Словесное описание имеет самое обширное поле локализации, так как может располагаться в афише, авторском вступлении, речи персонажей. Ремарка по месту употребления так же варьируется: это заголовочные ремарки, финальные, ремарки между репликами персонажей и другие. Словесные декорации находятся только в речи персонажей и не указываются в ремарках. Однако в словесных описаниях они могут упоминаться и становиться объектом для рефлексии персонажей.

Коммуникативный или критерий авторского намерения (или метапоэтический критерий). Под этим критерием понимается

возможность автора влиять на процесс осмысления художественного текста, задавать свои установки и открывать подтекст. Все рассматриваемые текстовые элементы в определенной мере отвечают данному критерию, однако словесное описание менее всего связано с авторской задачей постижения смысла художественного текста. Ремарки же в свою очередь классический пример и образец для режиссера и читателя: благодаря им выстраивается полное представление о наиболее важных и элементарных единицах устройства художественного пространства и времени. Словесная декорация наиболее крепко связана с подтекстом, подводным течением и, не являясь центральным элементом сосредоточения, призвана к интеллектуальной связи автора и читателя.

Представленные основания для выделения *словесной декорации* можно считать основополагающими. В лингвистической литературе не представлены хоть какие-либо методические установки способов квалификации словесных декораций. Существуют несколько точек зрения на проблему определения словесной декорации и основных приемов ее организации.

1. По мнению Ю. В. Кабыкиной, словесная декорация – самое обширное описание, которое не затрагивает предметы, детали, вещи-спутники персонажей, описание портретных характеристик. Например, типичны следующие воплощения словесной декорации в пьесах А. Н. Островского: «Бедная комната Ивановых и богатая гостиная Брускова в пьесе «В чужом пиру похмелье»» [5, с. 17]. Исследователь отмечает, что объем и наполненность словесной декорации в текстах разных писателей индивидуален, например, словесная декорация в пьесах А. П. Чехова содержит большее число компонентов. «Это не только мир вещей, но и время (суток, часто – года), а также указания на освещение и на наполненность пространства звуками. Интерьер и пейзаж даны не «вообще», а изображают конкретную ситуацию, момент времени» [5, с. 23]. В теории словесной декорации Ю. В. Кабыкиной не происходит разделения на словесную декорацию, ремарку и словесное описание, терминология не носит ограничений и пояснений.

2. В понимании Б. Брехта, имеется осмысление *сценического жеста*, которое коррелирует с понятием словесной декорации – это некая аналитическая форма вербального и невербального общения, в основе которой представлена «совокупность отдельных жестов и высказываний, лежащая в основе какого-то определенного события в кругу людей и связанная с поведением всех участников этого события (осуждение человека другими людьми, совещание, борьба и т. д.)» [2, с. 531]. Понимая под жестом «телодвижение, чаще всего волевое и контролируемое актером, совершаемое ради значения, более или менее зависимого от произносимого текста или же совершенно автономного» [6, с. 99]. Отменим, что П. Пави также указывает на значимость жеста при воспроизведении театрального пространства. Таким образом, жест становится одной из форм словесной декорации, находясь в неразрывной связи со словом и действием.

3. П. Пави считает, что помимо момента произнесения, существует особый *прием умалчивания* или избегание от озвучивания, произношения важной информации и возможность ее безречевого выражения, состоящей в намеренном отказе системы языка, благодаря этому словесная декорация выделяется, подразумевается, воспроизводится. «Членораздельный язык разрушается для лучшего его воссоздания в системе, близкой к музыке, языку жестов, рассказу, вокальной экспрессии» [6, с. 27].

4. Еще одним приемом, преимущественно авангардных текстов, является *декоративная визуализация*, в основе которой лежит синтез слова и живописи. Различные виды визуально-экспериментальных средств способствуют развитию зрительского воображения и среди таких зрительных форм выделяются каллиграммы Г. Апполинера (подробно описано в работах Чвалун Р. В.), акростихи (А. А. Ахматова «Песенка», С. А. Есенин «Акростих), принципы гармонии и симметрии в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока (подробнее – К. Э. Штайн, Д. И. Петренко), приемы визуализации в драматическом тексте (драма У.Льюиса «Враг звёзд» в исследованиях Д. С. Тулякова) и др. Из письменных знаков выстраивается живописная композиция, не представленная в своем вещественном воплощении на сцене, а вербальные коммуникативные средства общения выстраиваются

в определенную систему. «Если стихо-картины имеют давнюю традицию (александрийская поэзия, литература барокко), то подобного типа драмы новы и немногочисленны» [9, с. 62]. Такие драмы не строятся по подобию жизни, они выглядят как картины, имеют раму, а значит и внерамочное пространство, которое может влиять на восприятие драматургического текста.

5. Словесная декорация включается во *внесценическое пространство*, которое не представлено на сцене визуально, но проецируется и либо «попадает в поле зрения персонажей, находящихся на сцене, но скрыто от публики *(тейхоскопия)*», либо «не может быть увидено ни со сцены, ни из зрительного зала (т.е. кулисы)» [6, с. 36], а благодаря внесценическому изображению возникает особая реальность, которая не является продолжением сцены.

6. Интересным приемом является *мимесис* (термин чаще используемый в семиологии) или *диегесис* (преимущественно в теории литературы), то есть «подражание событию на словах, пересказ истории без участия действующих лиц» [6, с. 78]. Отметим, что этот прием довольно популярный, и чаще всего один из персонажей рассказывает предысторию того, что будет лежать в основе драматического действия.

7. В концепции *языковой игры* Л. Витгенштейна имеется указание на *действие словесное*, которое может служить описанию того, как действует текст пьесы. Существует некая системная организация, которая направляет читателя/зрителя, а слово воспринимается неоднозначно, наполняется ассоциациями, референцией по отношению к коммуникации, иначе финал был бы известен еще до начала пьесы благодаря названию. «Как только язык перестает употребляться сообразно смыслу, он трансформируется в игру конструкции, манипулируемую как вещь, а не как знак» [6, с. 116].

8. Словесная декорация также связана с *приемом идентификации* или отождествления, когда у зрителя возникает процесс иллюзии, будто представляемый персонаж – он сам. Такой способ достигается следующими способами: употребление местоименных форм (мы, вы), формы игры с залом (пьесы М. Павича), использование принятых форм воздействия (взгляд актеров в зрительный зал при общении друг с другом) и другое.

9. Использование различного рода *коллажей* – соединение различных частей и предметов при описании определенного значимого для автора текстового фрагмента (предисловия, комментарии, живописные полотна, неожиданные предметы).

Несмотря на многообразие подходов к исследованию декорации большую сложность вызывает анализ различных видов декорации на языковом уровне. Остаются актуальными следующие вопросы: Какую структуру декорации принимать за инвариант (слово, словосочетание, предложение)? Возможно ли рассмотрение парадигматических и синтагматических отношений при рассмотрении единиц, описывающих декорации в одном художественном тексте? Лингвистические работы рассматривают особенности художественного пространства в целом и роль декорации в организации пространства. Различные виды декораций, например, словесная декорация, не имеют теоретического обоснования. Так, можно говорить об отсутствии сформированной единой точки зрения по выбранной проблематике. В связи с этим под словесной декорацией будем понимать языковую единицу с семантикой пространственных и временных характеристик, представленную в речи персонажей и имеющую развивающее значение и ряд функций для построения драматургического пространства.

Литература

1. Барт Р. Работы о театре. М.: Ad Marginem Press, 2014. 176 с.
2. Брехт Б. Театральная практика // Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. В пяти томах. Т. 5/2. М., Искусство, 1965. 566 с.
3. Васильева А. А. Ритм в сценографии русских балетных спектаклей XX века: автореф. дисс. канд. искусствоведения. СПб., 2003. 23 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х т. Т. 3 / под ред. М. Лившица. М.: Искусство, 1969. 623 с.
5. Кабыкина Ю. В. Рамочный текст в драматическом произведении: А.Н. Островский и А.П. Чехов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.
6. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
7. Чехов А. П. Три сестры: пьесы. М.: АСТ, 2010. 282 с.

8. Чипизубова М. И. Дискурсивные приемы театра авангарда как разновидность коммуникативного семиозиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 30 с.
9. Чипизубова М. И. Дискурсивные приемы театра авангарда как разновидность коммуникативного семиозиса: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004б. 161 с.

References

1. Bart R. Raboty o teatre (*Works on the theater*). Moscow: Ad Marginem Press, 2014. 176 p. (In Russian).
2. Breht B. Teatral'naja praktika (*Theatrical practice*) // Teatr. P'esy. Stat'i. Vyskazyvanija. In 2 vols. Vol. 5/2. Moscow: Iskusstvo, 1965. 566 p. (In Russian).
3. Vasil'eva A. A. Ritm v scenografii russkih baletnyh spektaklej HH veka (*Rhythm in scenography of Russian ballets of the twentieth century*): abstact of thesis. St. Peterburg, 2003. 23 p. (In Russian).
4. Gegel' G. V. F. Jestetika (*Aesthetics*). In 4 vols. Vol. 3 / ed by M. Livshic. Moscow: Iskusstvo, 1969. 623 p. (In Russian).
5. Kabykina Ju. V. Ramochnyj tekst v dramaticheskom proizvedenii: A. N. Ostrovskij i A. P. Chehov (*Framework text in dramatic work: A. N. Ostrovsky and A. P. Chekhov*): abstract of thesis. Moscow, 2009. 26 p. (In Russian).
6. Pavi P. Slovar' teatra (*Dictionary of the theater*). M.: Progress, 1991. 504 p. (In Russian).
7. Chehov A. P. Tri sestry: p'esy (*Three sisters: play*). M.: AST, 2010. 282 p. (In Russian).
8. Chipizubova M. I. Diskursivnye priemy teatra avangarda kak raznovidnost' kommunikativnogo semiozisa (*Discourse techniques of avant-garde theater as a kind of communicative semiosis*): abstract of thesis. Krasnodar, 2004. 30 p. (In Russian).
9. Chipizubova M. I. Diskursivnye priemy teatra avangarda kak raznovidnost' kommunikativnogo semiozisa (*Discourse techniques of avant-garde theater as a kind of communicative semiosis*): thesis. Krasnodar, 2004b. 161 p. (In Russian).

УДК 821.161.1-1.09

О. К. Страшкова, А. А. Филиппова

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЭМЫ А. А. ШАХОВСКОГО «РАСХИЩЕННЫЕ ШУБЫ»[1]

В Предисловии к своей ирои-комической поэме «Расхищенные шубы» А. А. Шаховской определил параметры этой жанровой формы. В нашей статье изучается текст произведения в соотнесении с поэмами немецкого поэта К. М. Виланда «Оберон», английского теоретика классицизма А. Поупа «Похищенный локон», ирои-комической поэмой В. Майкова «Елисей, или Раздражённый Вакх» и «древней повестью» И. Богдановича «Душенька» на предмет соответствия теоретических постулатов практическому их воплощению в редкой для русской поэзии жанровой форме.

Ключевые слова: жанр, жанровая форма, литературная борьба, классицизм, сентиментализм, «Беседа любителей русского слова», «Арзамас», карамзинисты.

O. K. Strashkova, A. A. Filippova

ON GENRE IDENTIFICATION OF POEM OF A. A SHAHOVSKOY «THE STOLEN FUR COATS»

The paper considers main approaches, dIn the preface to his mock-heroic poem «The Stolen fur coats» A. A. Shakhovskoy determined the parameters of this genre form, in this paper we study the works of the text by reference to the poems of German poet K. Wieland «Oberon», the English theorist of classicism A. Poup «Rape of the Lock» mock-heroic V. Maykov's «Elisha, or irritable Bacchus» and «ancient tale» I. Bogdanovich «Dushen'ka» – for compliance with the theoretical postulates of practical embodiment in their rare for Russian poetry genre form.

Key words: genre, genre form, literary battle, classicism, sentimentalism, «Lovers of the Russian Word», «Arzamas», karamzinists.

Ирои-комическая поэма «Расхищенные шубы» (1807–1815 гг.) − плод довольно длительного творческого вдохновения Александра Александровича Шаховского − дошла до нашего времени без четвёртой финальной песни и без острых обличительных углов, отличающих, по воспоминаниям первых слушателей, ранние редакции (содержание утерянной четвёртой песни восстанавливается по сюжету небольшой драматической сценки «Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина»). Автор не только даёт жанровое определение своему лиро-эпическому произведению, но и трактует его в Предисловии к поэме (показательно, что предисловия довольно активно использовались и русскими, и западноевропейскими авторами XVII–XVIII веков для пояснения своей творческой задачи, указания на источник сюжета, в качестве художественного приёма для мистификации читателя, интимной беседы с ним как с соучастником-сочувственником событий и проч.) А. А. Шаховской, отмечая, что жанром ирои-комической поэмы, к которому он прибегает, не гнушались даже великие поэты прошлого такие, как Гомер, Тассони (предложивший определение *ирои-комическая поэма*), Вольтер, Буало, Гёте, Виланд и др., даёт произведениям этих поэтов, как и своему, синонимическое жанровое определение «шутливая поэма». Красоту шутливой, или ирои-комической, поэмы русский поэт видит в следующем: «счастливое изобретение сказки, сладкозвучие стихов, быстрота и

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, «Истоки жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX - XXI вв.», проект № 16-34-00034.

постепенность хода, разительные уподобления, пиитическая чудесность, вероподобие в повествовании и, наконец, нравственная цель…» [7, с. 85]. Необходимо отметить, что в этой формуле Шаховской, участник официозного литературного общества «Беседа любителей русского слова» перечисляет, вероятно, неосознанно, но закономерно для синтетической эстетической эпохи начала XIX столетия и принципы враждебной ему школы карамзинистов. Мы здесь попытаемся соотнести теоретические установки Шаховского с поэтикой его произведения, отражающего литературную полемику, составившую главный смысл и форму поэмы, между защитниками уходящего классицизма и также уходящего сентиментализма с целью уточнения жанрового определения «Расхищенных шуб».

Характерно, что ирои-комическая поэма, с её откровенно заявленной синтетичностью формы, даже оксюморонной антиномичностью, не исключалась из жанрового кодификатора классицизма, утверждавшего при этом принцип чистоты жанра. Так, в «Эпистоле о стихотворстве» теоретик русского классицизма А. Сумароков, характеризуя «смешные геройческие поэмы», указывает, что *«таких поэм шутливых склад двояк»*. В первом случае *«Гектор не на войну идёт – в кулачный бой», «Зевес не молнию, не гром с небес бросает»*, а хочет *«лучинку засветить»*. То есть *«Стихи, владеющи высокими делами, В сем складе пишутся пренизкими словами»* [6, с. 111]. Второй тип шутливой поэмы отличается иной системой изображения предмета:

Замаранный кузнец в сем складе есть Вулькан,
А лужа от дождя не лужа – океан.
Ребёнка баба бьёт − то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна – то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела. [6, с. 111].

Те же два типа выделяет и Шаховской в своей историко-теоретической прелюдии к «Расхищенным шубам»: «одни представляют в важном виде забавные или малозначащие происшествия, другие шутливым слогом описывают достопамятные или ироические деяния» [7, с. 86]. Сразу отметим, что его опыт ирои-комической поэмы воспроизводит первый тип: незначительное событие – подмена ярлыков в гардеробе Шустер-клуба, долженствующая привести к расхищению шуб, − излагается высоким (относительно) слогом.

Любопытно, что включив в своём Предисловии в ряд европейских поэтов, создателей синтетического жанра, и российского поэта Василия Майкова с его ирои-комической поэмой «Елисей, или Раздражённый Вакх» (1771 г.), Шаховской не упомянул о «Душеньке» (1782 г.) Ипполита Богдановича, поэме, необыкновенно популярной в придворных кругах и воспринимаемой как «шутливая». Это произведение являет собой второй тип бурлескной трансляции известного текста (романа «Любовь Психеи и Купидона» − 1660 г. − Лафонтена, интерпретирующего эпизод из «Метаморфоз» Апулея), где «простым слогом» рисуются любовные приключения античных протогероев в пространстве сказочно-волшебного мира, а отнюдь не героические деяния античных богов. «В «Душеньке» Богданович пытается воссоздать салонный стиль a la russe, что было высоко оценено при дворе» [5, с.456]. В отличие от поэмы Майкова, «эта шуточная поэма написана отчасти в бурлескном духе, однако майковские вульгаризмы в ней отсутствуют; произведение в целом характеризует стремление к литературному изяществу» [5, с. 456]. В традиционном Предисловии французский поэт XVII века Лафонтен, признавая превосходство предтекста, предлагает читателю не сравнивать сюжетные ходы его произведения с «Метаморфозами», а воспринимать его поэму как не зависимый от апулеевского текст, поскольку вкус читателя изменяется, и он, перекладывая на новый лад одну из вставных новелл авантюрно-сатирического романа II века, стремится, как и Апулей, нравиться публике своего времени. Богданович также ориентировался на свою аудиторию – нежный слух светских барышень, о чём свидетельствует и «изящный» сюжет, и «приятная» «сладкая» лексика, и творческая установка: *«Чтоб рассмеялась Хлоя»*.

Поскольку Шаховской пытался отстаивать принципы классицизма, ориентированного не на услаждение читателя, а на воспитание в нём правильного, упорядоченного пиитического мышления, то позиция Богдановича ему была чужда, и, вероятно поэтому он не внёс «Душеньку» в свой «реестр». В комедии «Урок кокеткам, или

Липецкие Воды» (1815) он даже не удержался и в саркастическом контексте процитировал эту установку устами Фиалкина (читай: Жуковского): *«Чтоб рассмеялась Хлоя».* Кроме того, Богданович непростительно самоуверенно заявил в Предисловии о своей непричастности к классицистам («Я же не будучи из числа учреждённых писателей…» [1, с. 45], т.е. серьёзных, уважаемых, известных классицистов). В первых строфах поэмы весёлый поэт с неподдельной иронией просит прощения у Гомера (к которому, кстати, обращался и Шаховской, и В. Майков в своих ирои-комических поэмах) за то, что не беспокоит себя строгостью формы стиха, пишет «без сочетания законного в стихах», чего как раз и требовали классицисты. Вообще А. Шаховской не разделял той беспечности и весёлости, с которой Богданович оценивая задачу своего творения, признающегося, как мы предполагаем, в соответствии с характерным и для «массовой литературы» последней четверти XVIII столетия, «игровым» самоуничижением автора: «Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением…» [1, с. 45]. Но скорее всего, А. Шаховской исходил из авторского жанрового определения, данного Богдановичем своему творению: «древняя повесть в вольных стихах». Однако бурлескную его основу автор не скрывал, её определили уже первые читатели и некоторые критики, опираясь на признания русского поэта непосредственно в тексте поэмы об ориентации на европейский источник:

Издревле Апулей, потом де ла Фонтен
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и стихами
Другим языком с нами.В сей повести они
Острейших разумов приятности явили;
Пером их, кажется, что грации водили,
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невозможно,
Потщусь за ними вслед, хотя в чертах простых,
Тому подобну тень представить осторожно
И в повесть иногда вместить забавный стих
[1, с. 47].

Именно связи с прототекстом, сопоставлению поэмы русского поэта с романом Лафонтена посвящена хвалебная статья мэтра сентиментализма Н. Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях» (1803) [4]. Но то, что восхищало Карамзина, иногда не замечающего пародийного смысла стихотворной игры Богдановича (к примеру: *«Венера здесь тайком Венера за столбом! Венера под платком! Венера в сарафане! Пришла сюда пешком! Конечно, с пастушком»*), не могло быть принято его антагонистом Шаховским.

Словом, Ипполит Богданович пишет на основе романа Лафонтена шуточную поэму, которая и по авторской иронической позиции, и по сюжету, и по форме вольного ямба, и по синтезу классической мифологии и русского колорита, создающему комический эффект, и по иллюзии непринуждённой беседы автора с читателем вписывается в классификацию Шаховского и даёт основание называть «древнюю повесть» «Душенька» ирои-комической поэмой. Но не признанной таковой самим Шаховским – «беседчиком».

Пожалуй, «Душенька» ближе по комическому звучанию, шуточным намёкам, романтическому настроению, барочной закрученности сюжета ирои-комической поэме немецкого поэта Кристофа Мартина Виланда, имя которого включено А. Шаховским в список создателей «смешных геройческих поэм». Поэма Виланда «Оберон» (1780 г.) транслирует сюжет, по замечанию немецкого поэта в Предисловии к произведению, «из старого рыцарского романа о Гюоне из Бордо» (XIII в.). Автор, расшифровывая источники интерпретации, подчёркивает, что в образе главного персонажа не отражается функция deos ex machina (в древнегреческом театре появление на сцене бога при помощи подъёмного механизма), являющего собой «особого вида призрак, гибрид человека и кобольда». Безусловно, упрощённый эпизодик о тщеславном переплётчике в поэме Шаховского и романная структура, построенная на рецепции множества гипотекстов и в комически пародийном, и в философско-обобщающем ключе в поэме Виланда, несопоставимы. Однако совместима их жанровая природа, своеобразная игра без правил с прототекстами, цитируемыми иронически или «серьёзно», в качестве творческого эксперимента в новом контексте. Уточняя синтетический принцип организации сюжета, характерный для исследуемой жанровой формы, Виланд (не акцентируя внимания на обработке библейских мифов) поясняет, что его герой Оберон – это король фей и эльфов «из «Рассказа купца» Чосера и из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»; «и то, каким

образом история его ссоры со своей супругой Титанией вплетается в историю Гюона и Реции, − составляет, как это кажется мне (с разрешения критиков), наиболее оригинальное украшение для плана и композиции этой поэмы» [2, с. 5–6].

Ироническое замечание немецкого поэта-просветителя о «разрешении» критиков отсылает нас к литературно-эстетическим баталиям в России второй половины XVIII и первой четверти XIX века, активным участником которых был А. А. Шаховской. В качестве ценителей поэзии выступали тогда и художники, и издатели, и профессиональные критики, и дилетанты-читатели – все, полагавшие себя вправе судить о художественной значимости литературного произведения, участвуя в незапланированных дискуссиях и целенаправленных, точнее – враждебно направленных дебатах. Одной из проблем этих дискуссий, кроме соперничества «архаистов» и «новаторов», была борьба против литературной грубости, отличающей, например, не только ирои-комическую поэму Василия Майкова «Елисей, или Раздражённый Вакх», но и сатиры, послания, эпиграммы литературных антагонистов, обличающих друг друга в некомпетентности. В поэме Шаховского о переплётчике Гашпаре отражена атмосфера непримиримых споров между представителями разных эстетических платформ – приверженцев рационалистически организованной классицистической нормативности и новой поэтической школы карамзинистов (и поэтов, и критиков), − доходящих часто до откровенной вражды. Адресаты его пародийных высказываний названы в примечаниях к изданию поэмы А.А. Гозенпуда [3, с. 767–772]. Вступая в борьбу с оппонентами, представители художественной элиты, как известно, обостряли в пылу противопоставления классицизма и сентиментализма, сентиментализма и предромантизма и т.д. «неприязнь», несмотря на концептуальную общность взглядов. Два основных эстетических оппонента начала XIX века − участники «Беседы…» и «Арзамаса» − нуждались друг в друге для «подпитки» собственных амбиций, для самоутверждения, не замечая, как игровое эстетическое пространство превращалось в жизненное, поведенческое. И вот это-то – поведенческое − определило основной комический фон поэмы Шаховского, а откровенные «нападки» на карамзинистов составили пародийную ткань текста. При этом пародирование здесь являло собой не ожидаемую эстетическую игру с формой и содержанием, на которой обычно строится пародия, а какое-то резкое, даже порой оскорбительное (к сожалению, это приходится признавать) намеренно «перевёрнутое» злословие в адрес иной художественной системы, другой творческой индивидуальности.

Шаховской искусно пародирует идиллический комплекс, который проповедовал в своих идиллиях ещё Тредиаковский, и который стал одним из ведущих приёмов карамзинистов, начиная так Песнь третью:

Блажен. Кто далеко от городских сует,
Вне общества сокрыт, для польз его живёт,
Кто чужд тщеславия, кого тщеславцы чужды,
Кто кроме рук своих, ни в ком не знает нужды,
И доброю семьёй и здравием богат,
На помощь ближнему по силе торовать,
Ни суемудрием, ни чванством не страдает
И даже никогда журналов не читает [7, с.108].

Но даже в таком пародийном изображении мирной жизни на лоне природы автор не удержался от ядовитого укола в адрес сентименталистских журналов. С не меньшим сарказмом он высмеивает языковой стиль и стиль общения персонажей сентиментальных произведений. Пародирует идиллическую нежность и безропотность верной жены Гашпара – Шарлотты, которая смотрит на супруга с *«сердечным умиленьем»*, просит поведать ей *«вину несчастного паденья»*, чтобы прервать её тоску и мученья; она страдает оттого, что *«всю ночь без верна друга на ложе брачном с ней одна была тоска»* [7, с. 98], ведь она *«только Гашпара любить всем сердцем знала»* [7, с. 99]. В последних стихах Первой песни пародируется и герой, создаваемый романтиками: *«В мечтаниях своих он мрачен и тосклив, Средь славы пасмурен и в счастье несчастлив»* [7, с. 96].

Орудием мести Раздора стал снедаемый завистью и тщеславием переплётчик, через чьи руки проходили *«Преслёзных странствий семь* (излюбленный сентименталистами жанр путешествия – Страшкова О. К.), *журналов пятьдесят, Романов множество, сто жалостных баллад, На нашем языке не наши все писанья и подражателям бесчётны подражанья»* [7, с. 91]. Уже в этой экспозиционной характеристике деятельно-

сти персонажа автор не скрывает сарказма по отношению к художественным творениям, достойным только того, чтобы храниться в пыли, которые не спасают от забвения даже искусные сафьяновые переплёты Гашпара. Над этими книгами засыпает не только переплётчик, но и сам *«сын ада»* Раздор. Известные *«еженедельные творения»* Глумлинского (под этим именем современникам не трудно было угадать издателя журнала «Северный Меркурий» А. В. Лукницкого, эстетического антагониста Шаховского) оказались полезными только для того, чтобы *«вышибить»* стекла в окне мастерской и разбудить Гашпара. Не называя конкретных имён, автор поэмы обличает всех поэтов в подражательности, в плагиате. Раздор, убеждая переплётчика в том, что он достоин славы, недвусмысленно призывает: *«Поэтам подражай и выдай, не робея, Чужое за своё…»* [7, с. 94]. В сцене ссоры старшин (Песнь вторая) Шаховской, воссоздаёт ситуацию эстетических «раздоров и споров», упоминая о бездарных творцов. Цингильус-органист, в котором «прочитывается» Державин, увещевает Спондея смирить строптивый дух: *«Хотя эсфетикой твой разум озарён, Хотя в «Меркурии» романс твой помещён, Хоть эпиграммою ты сделался известен…»* [7, с. 103]. Литературно-дискуссионный подтекст звучит и в высказываниях других оппонентов. *«Иди, переплетай Зевототворные, слезогонящи драмы, Волшебны оперы, балетные программы, Поэмы шуточны и весь печатный бред…»* [7, с. 104], − увещевает Гашпара Каратай, уничижительно называя его *толмачом бессмысленным бессмысленных газет*. Гашпар же укоряя, обидчика за то, что он его *«так нагло порицал, как даже авторы в журналах не бранятся»* [7, с. 105], разоблачает систему литературного «общения».

Шаховской не был оригинален в своих многословных выпадах против эстетических оппонентов. Ещё первые русские литературные соперники − В. Тредиаковский, М. Ломоносов, А. Сумароков, известные своими литературно-поведенческими ссорами, не стеснялись в выражениях, обличая друг друга в пиитической неразвитости. В конце XVIII − начале XIX вв., ко времени создания поэмы А. А. Шаховского, литературные перепалки были так же беспощадны по отношению к поэтам иной школы, презираемым за бездарность, но менее грубы. В эпиграммах предшественников можно встретить вульгаризмы, не допускаемые Шаховским в поэме, созданной высоким слогом. Неприятие грубой лексики, безусловно, отличало его художественную систему от намеренно сниженной поэтики майковского «Елисея…», произведения, представляющего второй тип ирои-комической поэмы, по классификации Шаховского.

Василий Майков пародирует, как некогда французский поэт Скаррон, создавший поэму «Вергилий наизнанку» (1648–1653), героическую поэму Вергилия «Энеида», а точнее стиль переводчика её на русский язык В. Петрова (первые шесть песен – 1770 г). Уже субъект пародирования – поэт, которому покровительствовала императрица, которого в своё время называли «вторым Ломоносовым» и которого поэтому невзлюбил Сумароков, учитель Майкова,− демонстрирует позицию создателя ирои-комической поэмы о Елисее в литературно-эстетическом «раздоре». Позицию, близкую А. Шаховскому. Сближает последователей Сумарокова и карнавализованная ситуация, воссоздаваемая в обеих поэмах: «сырная неделя» − масленица в «Елисее» и святки в «Шубах». Отсюда переодевания, маски, изменение лица, при неизменном статусе образа-аллегории. Надо отдать должное Шаховскому, он не последовал за Майковым в воссоздании эротической вседозволенности, закономерной для карнавальной культуры. И если в «Елисее…» пародируется, к примеру, описание идиллического, пасторального пейзажа (Песня четвёртая; можно предположить, что это дань восприятия «Буколик» Вергилия), то в «Шубах» − описание идиллических отношений Гашпара и Шарлотты (Песнь первая и вторая). Майков, как и Богданович, свободно соединяет мифологические мотивы и образы с поэтикой русской народной культуры. Правда, интрига поэмы Шаховского, развивающаяся в мастерской переплётчика и в *«огромном здании, взнесённом над Невой»* Адмиралтейства, и не предполагает фольклорных вкраплений, она строится на столкновении двух абстрактных аллегорических образов, в соответствии с дерзким замыслом Раздора, мстящего Весёлости (майковский Вакх также в порыве мести «организует» судьбу Елисея). Предшественники А. А. Шаховского в опытах бурлескной рецепции

прототекста были поглощены «пиитической игрой» с источником, иронизируя, пародируя, как бы экспериментируя с возможностями жанровой формы. Шаховскому же, пожалуй, и не нужен был прототекст, позволявший бы создать пародийную интерпретацию. Он пишет оригинальное произведение, главной целью которого является осмеяние литературных противников, для чего он и обращается к нередкой в европейской традиции, но единичной в русской литературе жанровой форме, построенной на пародировании.

Если же говорить о возможных истоках ирои-комической поэмы Шаховского, то литературный предтекст неизвестен, а первый слушатель поэмы С. Жихарев указывает на реальную основу: случай в Шустер-клубе, когда пьяный швейцар перепутал при разъезде шубы и салопы гостей, отчего «произошёл беспорядок» [3, с. 768]. Автор «Расхищенных шуб» аллюзивно обыгрывает название известных европейских ирои-комических поэм поэтов, названных им в Предисловии: «Похищенное ведро» итальянского поэта Александра Тассони; «Похищенный платок» немецкого писателя Фридриха-Вильгельма Захарии; «Похищенные букли», или в другом переводе «Отрезанные власы» английского теоретика классицизма Александра Поупа (Попа). Шаховской в Предисловии называет эту поэму «Похищенный локон». Незначительные лексические различия в переводе титула поэмы англичанина можно объяснить продолжительным хождением её в списках: переведена неизвестным переводчиком в 1748 г., опубликован перевод в 1761. Развитие сюжета поэмы Поупа определяется странной страстью Барона, возжелавшего иметь в своей коллекции локон девственной Белинды; сильфы, призванные оберегать её, не справились с задачей: барон похитил локон, девушка в гневе вопиёт: «Я волосы мои готова рвать! Два локона блюли мою весну, Теперь один остался! <…> Лучше бы в тот миг Ты мне другие волосы остриг…». Поуп создаёт действительно шутливую поэму, не заботясь о философской глубине смысла своего творения, как Виланд. В этом он ближе к поэме Шаховского: в обеих действуют аллегорические образы, (у англичанина Мигрель, Злость, Хандра и др., у Шаховского – Раздор, Весёлость и др.). Оба обращаются к Музе, беседуют с ней, но если Поуп шутит, создавая комическую фантастическую ситуацию, то русский «беседчик» язвит.

В условиях эстетической борьбы начала XIX столетия, продолжающей традиции поэтов XVIII, А. А. Шаховской в своей ирои-комической поэме следовал сложившейся к началу века полемической обострённости на русском Парнасе, вкладывая далеко не шуточное неприятие творчества эстетических антагонистов в свою «шуточную» поэму, представляемую как ирои-комическая. Но вот парадокс: при том, что Шаховской высоко оценил поэтическое дарование своего предшественника, автора «Елисея, или Раздражённого Вакха», он не признал жанрового определения, данного Василием Майковым своему нашумевшему произведению. По убеждению «преемника» жанра, «содержание поэмы, взятое из само простонародных происшествий, и буйственные действия его героя, не позволяют причесть сие острое и забавное творение к роду ирои-комических поэм, необходимо требующих благопристойной шутливости» [7, с. 87]. Однако, на наш взгляд, и сам Шаховской переоценил свою благопристойность. Конечно, как приверженец высокого «штиля» он не использовал в своём пародийном тексте простонародной лексики низкого стиля или вульгаризмы, допускаемые классицистическим каноном в жанрах комических и сатирических, но агрессивность, с которой откровенно пародировались и поносились эстетические противники, вряд ли пристойна. Да и «красота» шутливой, или ирои-комической поэмы, которая указывалась им в Предисловии как один из признаков жанровой формы, не была соблюдена: «изобретение сказки», судя по замыслу, общему пафосу и драматической сценке, рассматриваемой как драматургический вариант четвертой финальной песни поэмы («Бедовый маскарад, или Европейство Транжирина»), оказалось «счастливым» только для дьявольского замысла Раздора и поддавшегося его внушению Гашпара. Действия их совершенно противоречат «нравственной цели». «Сладкозвучие стихов», восходящее к одическому усложнённому синтаксису, заглушаемое переизбытком церковнославянизмов, архаизмов, образов-аллегорий, почерпнутых из античной мифологии, отнюдь не услаждали слух читателя, уже вкусившего плоды «лёгкой поэзии» Ипполита Богдановича и карамзи-

нистов. Пожалуй, из заявленных признаков жанровой формы обозначились в произведении Шаховского динамичность развития сюжета, «разительные уподобления» и «пиитическая чудесность», отличающие, как это ни парадоксально, и школу карамзинистов, против которой направлена поэма, получившаяся при этом отнюдь не комической, а сатирической. Хотя и здесь недостаточное терминологическое соответствие, поскольку сатира, по определению, направлена на разоблачение общественных, социальных пороков, а Шаховской направляет ядовитые стрелы в литературных противников. При этом разбросанные по всем частям во множестве стихов поэмы пародийно перевёрнутые цитаты создают характерное для жанровой формы интертекстуальное художественное пространство. То есть ирои-комическая поэма Шаховского «Расхищенные шубы» являет сложную синтетическую структуру с дополнительными, усложняющими форму содержательными коннотациями, инспирированными определённой эстетической установкой автора, осознающего себя действенным защитником умирающего русского классицизма.

Литература

1. Богданович И. Ф. Душенька // И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957, С. 45–126.
2. Виланд Кристоф Мартин. Оберон. Ирои-комическая поэма / пер. Е. В. Карабеговой. Ереван: РАУ, 2006. 287 с.
3. Гозенпуд А. А. Примечания // Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 767–772.
4. Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Н. М. Карамзин. Сочинения в двух томах. Л.; М.: Научная литература, 1984. Т. II. С. 128–154.
5. Клейн Иоахим. Пути культурного импорта. // Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. 576 с.
6. Сумароков А. П. Эпистола о стихотворстве // Русская литература XVIII века / сост. Г. П. Макогоненко. Л.: Просвещение, 1970. С. 108–112.
7. Шаховской А. А. Расхищенные шубы. Ирои-комическая поэма // А. А. Шаховской. Комедии. Стихотворения / вступительная статья, подготовка текста и примечания А. А. Гозенпуда. Л.: Советский писатель, 1961. С. 85–116.

References

1. Bogdanovich I. F. Dushen'ka (*Dushen'ka*) // Bogdanovich I. F. Stihotvorenija i pojemy. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957, P. 45–126. (In Russian).
2. Viland Kristof Martin. Oberon. Iroi-komicheskaja pojema (*Oberon. Iroi-comic poem*) / translated by E. V. Karabegova. Erevan: RAU, 2006. 287 p. (In Russian).
3. Gozenpud A. A. Primechanija (*Notes*) // Shahovskoj A. A. Komedii. Stihotvorenija. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1961. P. 767–772. (In Russian).
4. Karamzin N. M. O Bogdanoviche i ego sochinenijah (*On Bogdanovich and his writings*) // N. M. Karamzin. Sochinenija v dvuh tomah. Leningrad; Moscow: Nauchnaja literatura, 1984. T. II. P. 128–154. (In Russian).
5. Klejn Ioahim. Puti kul'turnogo importa. (*The ways of cultural import*) // Trudy po russkoj literature XVIII veka. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 576 p. (In Russian).
6. Sumarokov A. P. Jepistola o stihotvorstve (*Epistle of versification*) // Russkaja literatura XVIII veka // ed by G.P. Makogonenko. Leningrad: Prosveshchenie, 1970. P. 108–112. (In Russian).
7. Shahovskoj A. A. Rashishhennye shuby. Iroi-komicheskaja pojema (*The Stolen fur coats. Mock-heroic poem*) // A. A. Shahovskoj. Komedii. Stihotvorenija.Leningrad: Sovetskij pisatel', 1961. P. 85–116. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

Вопросы региональной культурологии и искусства. Научный альманах. Вып. 2. Художественная жизнь Ставрополья: история и современность. Ставрополь: СКФУ, 2015. 176 с.

Issues of regional cultural studies and the arts. Scientific almanac. Issue 2. Art Stavropol life: history and modernity. Stavropol: NCFU, 2015. 176 p.

Художественная жизнь общества представляет одну из наиболее сложных форм социального бытия. В ней пересекаются и взаимодействуют совокупные эстетические процессы и явления духовно-практической и духовно-нравственной деятельности людей, отражается мировоззрение и характер взаимоотношений индивида, социальных групп и слоев населения в процессе художественной деятельности. Художественная жизнь возникает и развивается в историко-культурном контексте. Она детерминирована развитием и дифференциацией знаний, умений, навыков, расширением способностей личности осваивать и преобразовывать окружающую действительность, создавая искусственную среду обитания, «вторую природу».

Особое место в художественной культуре отводится изобразительному искусству. Как одному из наиболее сложных по воплощению творческого замысла видов искусства и в тоже время многообразно отражающего в присущей ему форме основные стороны бытия человека и природы. Художественная ценность произведений изобразительного искусства определяется не только его духовным содержанием, идеальными образами, но адекватностью их материального воплощения во внешней форме предметного бытия культуры.

Качество функционирования изобразительного искусства (и в целом художественной жизни) связано, как с творцами произведений искусства, так и его потребителями. С их знаниями и представлениями об эстетических, нравственных, религиозных и др. ценностях, способностями воспринимать и оценивать работы художников.

В этой связи, проблематика научного альманаха представляется актуальной и важной для понимания исторических особенностей становления художественной жизни, художественного образования и просвещения на Ставрополье. В определенном смысле, – если учитывать широкие в историческом прошлом и настоящем связи между субъектами Северного Кавказа, – во всем регионе. В соответствии с общим замыслом, в альманахе представлены три основные раздела: «Художественное образование на Ставрополье: истоки, исторические предпосылки становления и развития», «Художник – творчество – время», «Художественные музеи и картинные галереи в системе культурно-исторического художественного воспитания населения». Альманах подготовлен кафедрой культурологии и искусств Северо-Кавказского федерального университета. И, по сути, альманах можно рассматривать как одну из первых и удачных попыток раскрыть генезис художественной жизни в крае, начиная с истоков ее становления и показом особенностей развития в последние десятилетия настоящего времени. Говоря о достоинствах альманаха, следует также отметить, что в его замысле и содержании удачно сочетаются научность и популярность в подаче материалов.

Безусловно, в рецензии не представляется возможным остановиться на раскрытии всех направлений развития художественной жизни в крае, – что нашли отражение в альманахе. Заинтересованный читатель может самостоятельно с ними познакомиться. Нашу задачу видим в акцентировании внимания на ряде наиболее значимых идей и положений статей альманаха. В этом смысле, важно сразу отметить, что в работе показывается и раскрывается идея о том, что истоки художественной жизни корнями уходят к традициям народов Северного Кавказа. Эта задача решается на основе раз-

вернутого анализа истории становления и формирования культурного пространства и художественного творчества в Центральном Предкавказье, раскрытия характера влияния на эти процессы художественных традиций самых разных народов, чьи экономические и другие интересы пересекались на Великом шелковом пути.

Внешние культурные импульсы здесь шли из Ирана, стран Центральной Азии и Дальнего Востока, Византии и Западной Европы. Местные мастера пытались подражать и воспроизводить импортные престижные предметы, популярные в среде социальной элиты, в аналогичном или ином материале, аккумулируя в них собственное понимание и отдельные дополнительные элементы. Импортные образцы изобразительного искусства, храмовой живописи попадали в район Центрального Предкавказья в результате торговли (обмена), перемещений групп населения. А также других процессов, происходивших благодаря функционированию транскавказских торговых магистралей. К примеру, тюркоязычные кочевники и полукочевники принесли из Азии на Кавказ традиции косторезного ремесла, деревообработки, производство изделий из кожи, собственную каменную антропоморфную скульптуру. Разнообразный орнамент на предметах изображался в виде животных, в т.ч. фантастических, образов божеств, правителей с приближенными, всадников, пеших воинов, охотников и др.

В данном процессе немаловажную роль играли и конфессиональные течения (зороастризм, христианство и, особенно, язычество), которые были распространены, в той или иной степени на исследуемой территории в эпоху раннего средневековья. Политеизм стал причиной синтеза иранских образов и художественных сюжетов Византии в изобразительной традиции северокавказских племен. Масштабным культурным феноменом, также, является развитие степного по происхождению искусства каменных антропоморфных изваяний раннетюркского и половецкого этапов. Проявление и определенное смешение разных культур в Центральном Предкавказье разнообразно отражалось на создании, хранении, функционировании и передаче разнообразных духовных ценностей культуры, храмовой архитектуре, сюжетах изобразительной художественной деятельности и ее результатах. В них ярко и непосредственно проявлялась специфика художественных стилей разных эпох, периодов, стран и этносов и это в конечном итоге способствовало формированию своих специфических художественных традиций в регионе. И если с точки зрения сегодняшнего времени о прямых заимствованиях не можем говорить, то предполагать опосредованное взаимовлияние культур, в том числе художественного изобразительного творчества, есть достаточные основания. И это влияние просматривается у художников Ставрополья, представляющих различные нации Северного Кавказа, – в их работах угадывается «налет» художественных веяний из далеких веков и современных традиций.

В альманахе отмечается, что вместе с движением исторического процесса меняются центры художественного творчества. На особое место «ставится» изобразительное искусство эпохи Возрождения, стили и традиции ее художников, а также методика академического воспитания и образования. В XVIII – начале XIX веков слава первенства завоевывается и принадлежит «Парижской академии живописи и скульптуры», а впоследствии она стала принадлежать «Академии трёх знатнейших искусств» России. Наша страна исторически оказалась готовой и способной воспринять эстафету высокого академического искусства, в традициях которого воспитывались величайшие художники всех времён. Независимо от стиля или современной моды, этих непременных спутников известности или критики. Впервые дело воспитания образованнейших людей в искусстве как государственную задачу поставил Пётр I. С него собственно и начинается светская школа рисования, где учащиеся не только копировали оригиналы, но и рисовали с натуры. Не безынтересно, развитие рисования имело в немалой степени прикладной характер, оно было подчинено профессиональным интересам подготовки специалистов разных технических и других промышленных профессий. 1757 год считается годом открытия «Академии трёх знатнейших искусств». И вплоть до начала XX века Академия была единственным в России высшим художественным учебным заве-

дением. Ее деятельность не ограничивалась лишь художественным образованием. Она была центром художественного просвещения, активно влияла на развитие всех видов искусства, содействовала формированию музейных коллекций, вела большую научно-исследовательскую работу, проводила выставки и конкурсы. Слава художников гремит на всю Европу, а благотворное влияние развития художественного образования ставит вопросы методики и преподавания изобразительного искусства и в общеобразовательных школах.

В Ставрополе художественное образование как самостоятельное явление художественной жизни зарождается к середине XIX века. И здесь сложилась своя академическая школа изобразительного образования, развитие которой в последующем основывалось на продолжении лучших традиций художественной школы России. Что, собственно, подтверждается авторскими материалами альманаха. В них дается исторический опыт становления Ставропольской школы художественного творчества и образования. При этом, наряду с рассказом об опыте становления классического искусства, анализируется процесс развития современных направлений. В том числе, таких как неформальное творчество, дизайн, а, соответственно, присущих им систем образования.

Анализ материалов альманаха позволяет говорить, что художественная школа, как и художественная жизнь Ставрополья, сегодня несет в себе богатство самых разных традиций и школ России (художники получали и получают основное образование в самых разных престижных художественных вузах бывшего СССР и сегодняшней России). В тоже время оно отличается своими красками, стилями, творческими методами. Что подтверждается обращением к жизни и творчеству художников, ставших гордостью края – К. Г. Казанчана, Л. А. Черного, В. С. Барташевича, Г. И. Скачкова, Г. А. Киракозова, Р. С. Арустамяна и др. Для примера сошлемся к многожанровым работам К. Г. Казанчана. Это пейзажи: «У реки» (1968), «Яблоневый сад» (1970), «На даче» (1970), «Морозный день» (1971) и др.; портреты: «Журналист Ариадна Жукова» (1972), «Портрет Героя Социалистического Труда, председателя колхоза А.А. Блескова» (1974), «Моя сестра» (1975), «Художник В. Ф. Шумилов» (1976), «Главный розовод московского ботанического сада И. И. Штанько» (1979) и др.; натюрморты: «Солнечный день» (1966), «Пора березового сока» (1979) и др.; жанровые произведения: «Урожай» (1964), «Знойное лето» (1967), «В. И. Ленин» (1969); «Портрет передовой работницы фабрики «Восход» Е. Н. Работенко» (1977) и др. Думается, уже по названию работ можно судить о творческом диапазоне художника. И по каждой из них, надо понимать, можно вести отдельный разговор.

Следуя пониманию, что образы картин живут не только в мастерской художника, в альманахе оправдано дается большой материал о художественных музеях (в том числе и частных), роли и месте в художественном образовании и просвещении населения картинных галерей, художественных коллекций, биеннале как формы актуализации современного искусства.

Знакомство с разнообразными материалами альманаха убеждает, насколько богата талантами ставропольская земля и насколько большой вклад внесли и вносят художники в создание и развитие традиций в живописи и художественной жизни в целом, в возвышение красоты человеческого бытия. И закономерным представляется факт: произведения художников получают признание и награды на краевых, национальных и международных выставках.

В целом можно говорить, материалы альманаха расширяют представления об истоках, традициях и достижениях художественной жизни края. А также убеждают, что, несмотря на противоречивые кризисные реалии в развитии общественной жизни и искусства как такового, высокое творчество мастеров художественной кисти будет и дальше продолжаться. Как и то, что художники и работники культуры многое и многое делают, чтобы художественная жизнь в крае не только не угасала, а сохраняла свою динамику и не утрачивала бы завоеванные позиции. А работники художественной сферы будут и дальше нести свое призвание – вносить возрастающий вклад в художественное образование и просвещение людей.

Подготовка тематического научного альманаха – трудное дело. И как во всякой большой творческой работе, в нем есть и недостатки. Но, наверное, важнее говорить

о необходимости продолжения начатой работы. На наш взгляд, было бы целесообразным расширить проблематику по вопросам реализации культурной политики на Северном Кавказе на основе объединения творческих усилий ученых и работников искусства и культуры. Важным представляется проведение и отражение результатов исследований о состоянии культурно-исторических и художественных процессов в регионе, раскрывать их место и роль в становлении и развитии гражданского общества. Целесообразно раскрывать и показывать опыт наиболее успешной деятельности работников культуры и образования в части воспитания гражданских и патриотических качеств подростков и молодежи средствами культуры и искусства. Также нужен более широкий диалог по актуальным вопросам развития повышения уровня эстетической культуры молодежи, особенностей ее реализации в разрешении межэтнических конфликтов.

Анализ материалов альманаха позволяет говорить, что они будут интересны и полезны для преподавателей, научных работников, специалистов учреждений культуры и образования, студентов вузов и учащихся художественных учебных заведений, а также всех тех, кто интересуется вопросами художественного образования и творчества на Ставрополье и Северном Кавказе. Настоящий альманах также может быть полезен исследователям локальной истории, так как в его содержании довольно подробно изложена история искусства Ставрополья и Северного Кавказа.

Альманах может быть использован и для реализации просветительских программ художественного образования, повышения интереса человека к изобразительному искусству и культуре в целом.

Нестеров А. С.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антошук Дарья Владимировна – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vshistory@mail.ru

Балакирева Лидия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ballid-61@mail.ru

Борисов Аркадий Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / arka.dij@mail.ru

Борисова Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / ddis@bk.ru

Габисова Дзерасса Витальевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владикавказского института управления (Владикавказ) / dove74@mail.ru

Галазов Эдуард Юрьевич – доцент кафедры актерского искусства, декан факультета искусств Северо-Осетинского государственного университето им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / egalazov@mail.ru

Галстян Инесса Шагеновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / inessagal@mail.ru

Гаража Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и права Новороссийского филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Новороссийск) / ngarazha@yandex.ru

Годизова Зара Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, декан факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университето им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / godizovazi@rambler.ru

Грабовец Александр Сергеевич – консультант юридического отдела фонда перспективных исследований (Москва) / GrabovetsAS@fpi.gov.ru

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / violetta-sgy@mail.ru

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой культуры русской речи гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kaf.KRR@yandex.ru

Жихорев Евгений Георгиевич – аспирант кафедры гражданского права Российская академия народного хозяйства и государственной службы (филиал в г. Орел) / ewgenskr@mail.ru

Зверева Людмила Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / l2604@mail.ru

Золотарев Антон Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Воронежского государственного технического университета (Воронеж) / aurelianus@mail.ru

Исаев Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / disaew@mail.ru

Калинченко Светлана Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / Sbkalina7@mail.ru

Каменева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Ставропольского государственного музея-заповедника (Ставрополь) / KamenevaGN@mail.ru

Карапетян Элина Владимировна – аспирант кафедры истории, философии и педагогики института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорск) / elina020688@mail.ru

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета (Пятигорск) / klichnikov@mail.ru

Комаревцева Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Irak77@yandex.ru

Кудрявцев Александр Абакарович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vshistory@mail.ru

Кулинич Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск) / Kulinich_n_g@mail.ru

Купреева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой и отечественной литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 88888888_87@mail.ru

Лепилкина Ольга Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой истории и теории журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / oll5@mail.ru

Лобанов Константин Николаевич – доктор политических наук, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород) / Lobanov-pol@yandex.ru

Луговая Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / ek.lugovaya@yandex.ru

Луговой Дмитрий Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры средств массовой информации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / D.lugovoy@rambler.ru

Лукаш Михаил Александрович – директор «ГТРК «Курск» (Курск) / gtrk@kursk.rfn.ru

Любушкина Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / luybyshkina@rambler.ru

Медвенский Николай Игоревич – младший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа (Сухум) / nick_medvenski@mail.ru

Мельникова Виктория Анатольевна – старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / afp@urinst.ru

Милостивая Александра Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / xyscha@mail.ru

Мутаев Сайди Сайд-Алиевич – аспирант Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru

Нарежный Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / ain@sfedu.ru.

Нестеров Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического институт (Ставрополь) / alex.82@bk.ru

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / pantyukhina@rambler.ru

Пётткер Хорст – доктор филологических наук, профессор Гамбургского университета (Гамбург) / horst.poettker@tu-dortmund.de

Плохая Екатерина Евгеньевна – аспирант гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / KI-eee@yandex.ru

Пономарева Юлия Павловна – заведующая электронным читальным залом научной библиотеки Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vredina-j@mail.ru

Пятикова Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / marina-pyatikova@yandex.ru

Рыкун Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры туризма и гостиничного дела Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорск) / Galina.rykun@gmail.com

Садченко Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sachochek@rambler.ru

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / svetla.na@mail.ru

Сидельникова Екатерина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / e.sidelnikova_7@mail.ru

Сичинава Виктория Викторовна – ассистент кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / orechovaya@mail.ru

Смагина Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры исторической политологии института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / decanat@hist.sfedu.ru

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dmi197526@yandex.ru

Страшкова Ольга Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / olga.strashkova8@gmail.com

Сумской Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического института, первый проректор Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / DSumskoy@ncfu.ru

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, директор Государственного архива Ростовской области, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / tirpizn@sfedu.ru

Филиппова Альбина Александровна – заместитель директора по научной работе ФГБУК «Музей-заповедник А.С. Грибоедова “Хмелита» (Смоленск) / olga.strashkova8@gmail.com

Ходус Вячеслав Петрович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / xodusvp@yandex.ru

Цыбаков Дмитрий Леонидович – доктор политических наук, заведующий кафедрой гражданского права Российская академия народного хозяйства и государственной службы (филиал в г. Орел) / d413839@yandex.ru

Швецова Яна Сергеевна – магистр второго года обучения гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / isshvetcova@ncfu.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Antoshuk D. V. – Post Graduate, Foreign History, Political Science and International Relations Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / vshistory@mail.ru

Balakireva L. M. – Associate Professor, Legal culture and protection of Human Rights Department, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ballid-61@mail.ru

Borisov A. A. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute Department, Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / arka.dij@mail.ru

Borisov T. G. – Dr. of Philology Sciences, Professor, Russian Language Department, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / ddis@bk.ru

Filippova A. A. – Deputy Director for Science, A.S. Griboyedov Museum-Reserve «Hmelita» (Smolensk) / olga.strashkova8@gmail.com

Gabisova D. V. – PhD in Philological Sciences, Senior Theacher, Humanitarian Subject Department, Vladikavkaz Institute of Management (Vladikavkaz) / dove74@mail.ru

Galazov E. Yu. – Associate Professor, The Art of Acting Department, Dean of Faculty of Arts, North Ossetian State University named after K.L Khetagurova (Vladikavkaz) / egalazov@mail.ru

Galstyan I. Sh. – PhD in Law, Associate Professor, Theory and History of State and Law Department, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / inessagal@mail.ru

Garazha N. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Philosophy, History and Law Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Novorossiysk branch) / ngarazha@yandex.ru

Godizova Z. I. – Dr. of Philology Sciences, Professor, Russian language Department, Dean of Faculty of Russian Philology North Ossetian State University named after K.L Khetagurova (Vladikavkaz) / godizovazi@rambler.ru

Grabovets A. S. – Consultant of the Legal Department, Foundation for Advanced Studies (Moscow) / GrabovetsAS@fpi.gov.ru

Grankin Yu. Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor, History of State and Law of Russia and Foreign Countries Department, Pro-Rector, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru

Gryaznova V. M. – Dr. of Philology, Professor, Russian language Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / violetta-sgy@mail.ru

Gusarenko S. V. – Dr. of Philology Sciences, Head of Culture of Russian speech Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kaf.KRR@yandex.ru

Isaev D. P. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Special Historical Disciplines and Documentation, Institute of History and International Relations Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / disaew@mail.ru

Kalinchenko S. B. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Philosophy and History Department, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / Sbkalina7@mail.ru

Kamenava G. N. – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Department of history, Stavropol State Museum – Conservancy Area (Stavropol) / KamenevaGN@mail.ru

Karapetyan E. V. – Post Graduate at History, Philosophy and Pedagogy Department, Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / elina020688@mail.ru

Khodus V. P. – Dr. of Philology, Professor, Head of Russian Language Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / xodusvp@yandex.ru

Klychnikov Yu. Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Historical, SocioPhilosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology Department, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / klichnikov@mail.ru

Komarevtseva I. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Civil Law and Civil Procedure Department, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / Irak77@yandex.ru

Kudryavtsev A. A. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Foreing History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities of North Caucasus Federal University / kaa0210@ yandex.ru

Kulinich N. G. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Philosophy and Cultural Studies Department, Pacific National University (Khabarovsk) / Kulinich_n_g@mail.ru

Kupreeva I. V. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / 88888888_87@ mail.ru

Lepilkina O. I. – Dr. of Philology, Head of History and Theory of Journalism Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / oll5@mail.ru

Lobanov K. N. – Dr. of Political Science, Psychology and Pedagogy Department, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin (Belgorod) / Lobanov-pol@yandex.ru

Lugovaya E. A. – PhD in Philology Sciences, Associate Professor, Russian Language Department, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / ek.lugovaya@yandex.ru

Lugovoi D. B. – PhD in Philology Sciences, Associate Professor, Mass Media Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol)/ D.lugovoy@rambler.ru

Lukash M. A. – Head of State TV and Radio Company “Kursk” (Kursk) / gtrk@kursk.rfn.ru

Lyubushkina E. Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Russian history, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / luybyshkina@rambler.ru

Medvenskiy N. I. – Junior Researcher of D.I. Gulia Abkhaz Institute of Humanitarian Studies (Sukhum) / nick_medvenski@mail.ru

Melnikova V. A. – Senior Teacher, Administrative and Financial Law Department, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / afp@urinst.ru

Milostivaya A. I. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute Department, Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / xyscha@mail.ru

Mutaev S. S. – Post Graduate, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / aspirantura@ pglu.ru

Narezhnyi A. I. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Head of National History Department, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / ain@ sfedu.ru

Nesterov A. S. – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, History and Law Department, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / alex.82@bk.ru

Pantyukhina T. V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / pantyukhina@rambler.ru

Pettker Khorst – Dr. of Philology, Professor, Hamburg University (Hamburg) / horst.poettker@ tu-dortmund.de

Plokhaya E. E. – Post Graduate, Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute Department, Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / Kl-eee@yandex.ru

Ponomareva Yu. P. – Head of Electronic Reading Room, Scientific library, North Caucasus Federal University (Stavropol) / vredina-j@mail.ru

Pyatikova M. V. - PhD in Historical Sciences, Associate Professor, National History Department, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / marina-pyatikova@yandex.ru

Rykun G. N. – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Service, Tourism and Recreation, North Caucasus Federal University (branch of NCFU in Pyatigorsk) / Galina.rykun@gmail.com

Sadchenko V. N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreing History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / sachochek@rambler.ru

Serebryakova S. V. – Dr. of Philology Sciences, Head of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / svetla. na@mail.ru

Shvetsova Y. S. – Master Student, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / isshvetcova@ncfu.ru

Sichinava V. V. – Assistance Lecturer, Russian Language Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / orechovaya@mail.ru

Sidel'nikova E. A. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute Department, Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / e.sidelnikova_7@mail.ru

Smagina S. M. – PhD in Historical Sciences, Professor, Chair of Historical Political Science of Institute, History and Foreign Relations if South Federal University (Rostov-on-Don) / decanat@hist.sfedu.ru

Smirnov D. A. – Dr. of Legal Science, Director of the Law Institute, North Caucasus Federal University / dmi197526@yandex.ru

Strashkova O. K. – Dr. of Philology, Professor, National and World Literature Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / olga.strashkova8@gmail.com

Sumskoy D. A. – Dr. of Law, Professor, Chair of Civil Law and Civil Procedure, Institute of Law, First Pro-Rector of North Caucasus Federal University (Stavropol) / DSumskoy@ncfu.ru

Trapsh N. A. – PhD in Historical Sciences, Director of the State Archive of the Rostov Territory, Associate Professor, Chair of Special Historical Disciplines and Documentation, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / tirpizn@sfedu.ru

Tsybakov D. L. – Dr. of Political Science, Head of Civil Law Department, the Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration (Orel branch) / d413839@yandex.ru

Zhikhorev E. G. – Post Graduate, Civil Law Department, the Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration (Orel branch) / ewgenskr@mail.ru

Zolotarev A. Yu. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, History and Political Science Department, Voronezh State Technical Univetsity (Voronezh) / aurelianus@mail.ru

Zvereva L. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / l2604@mail.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2016. № 4

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка Н. П. Неговора
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 19.12.2016
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 33,83 Уч.-изд. л. 33,27
Бумага офсетная Заказ 248 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.